

М.И. Жих

ВОСТОЧНЫЕ
СЛАВЯНЕ НАКАНУНЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«Вече»
Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
Ж75

Жих, М.И.

Ж75 Восточные славяне накануне государственности / М.И. Жих. — М.: Вече, 2020. — 448 с. ил. — (В поисках утраченного наследия).

ISBN 978-5-4484-1690-3

Знак информационной продукции **12+**

Автор рассматривает ряд ключевых моментов жизни восточных славян, начиная от их выхода на историческую арену до формирования Древнерусского государства и далее — вплоть до монгольского нашествия. Книга охватывает множество актуальных тем: происхождение ряда древнерусских племен, норманнский вопрос, проблема Русского каганата, становление ранней русской государственности — таков их неполный перечень.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-4484-1690-3

© Жих М.И., 2020
© ООО «Издательство «Вече», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге рассмотрен ряд ключевых моментов жизни восточных славян от их выхода на историческую арену до формирования Древнерусского государства и далее до монгольского нашествия.

В главе первой рассматривается история древних славян Волыни от их столкновения с готами и до вхождения в состав Древнерусского государства. Готский историк VI в. Иордан в своём повествовании об истории готов сообщает, что на пути с Балтийских берегов к Чёрному морю они заняли некую землю Oium и победили «племя» (gens) спалов/Spali. Это название логично сопоставлять со славянским «исполин» (праслав. *jъspolinъ/*spolinъ). Спалов Иордана можно отождествить с волынскими славянами, которым принадлежали памятники зубрецкой (волыно-подольской) группы пшеворской культуры. Война с ними была осмыслена в готской эпической традиции как борьба с народом древних великанов.

Далее анализируются данные о славянских этнополитических объединениях, существовавших на Волыни в VI—X вв.: дулебах, волянях, червянах и т.д. Особое внимание уделено рассмотрению известий арабского автора ал-Мас'уди о существовавшем на Волыни и в сопредельных землях славянском этнополитическом союзе Влинана, возглавляемом князем Маджом, которые сопоставляются с рассказом «Баварского географа» о славянском королевстве Сериваны, откуда происходят славянские народы.

В главе второй проанализированы сообщения средневековых восточных авторов о расселении славян в Поволжье. На основе сопоставления письменных и археологических источников автор делает вывод о проживании на территории Среднего Поволжья во второй половине I тыс. н.э. славянского населения. Проведенный в статье анализ материалов показывает, что существует целый блок восточных источников, которые помещают в Среднем Поволжье ас-сакалиба-

славян, единственным археологическим соответствием которым является население, оставившее памятники именьковской археологической культуры, и его потомки, вошедшие в состав жителей Волжской Болгарии.

Сделана попытка выяснить, опираясь на письменные источники, как именовали себя носители именьковской археологической культуры, существовавшей в Среднем Поволжье в IV—VII вв., ядро которой составляли славяне. Именьковский ареал занимал значительные пространства, соответственно, разные группы именьковского населения могли иметь разные имена. На основе арабских и хазарских источников можно сделать вывод, что какие-то группы именьковцев могли называться словенами и северянами.

В главе третьей рассматриваются ключевые вопросы истории кривичей: 1) Проблема соотношения летописных кривичей и полочан. Одни летописные тексты «отдают» верховья Западной Двины кривичам, а другие — полочанам. Исследователи давно заметили это противоречие и попытались прояснить его. Выводы при этом у них получились не просто разные, но нередко взаимоисключающие. Рассмотрев источники и проанализировав историографию, автор приходит к выводу, что кривичи представляли собой особую этнокультурную славянскую общность, расселившуюся на огромной территории и вследствие этого не имевшую, по-видимому, прочного политического единства. Полоцкая группа кривичей имела своё особое название, полочане, произошедшее от реки Полоты, по берегам которой они расселились. Политические объединения верхнеднепровских и двинских кривичей (полочан) жили, по имеющимся данным, своей независимой политической жизнью; 2) Проблема славянского расселения в Псковской земле и принадлежность древнейших славян региона к славянскому этнополитическому объединению кривичей.

В главе четвертой рассматриваются ключевые вопросы истории радимичей: 1) негативные стереотипы о радимичах, сложившиеся в историографической традиции, и аргументируется позиция, что они не имеют под собой достаточных оснований; 2) проблема локализации радимичей, поставленная недавно А.С. Щавелевым, и аргументируется позиция, что мнение данного автора, попытавшегося оспорить их традиционное размещение на Соже, основано на ошибке и является следствием поверхностной работы с летописным материалом; 3) проблема происхождения радимичей, проводится подробный обзор историографии и аргументируется гипотеза, согласно которой миграция радимичей с территории современной Польши могла произойти в VII—VIII вв. в рамках

славянской миграционной волны из Средней Европы и Дунайского региона на север и восток; 4) проблема атрибуции *Λενζανηνοι/Λενζενίνοι* (лендзян), упоминаемых Константином Багрянородным, и аргументируется гипотеза об их тождественности радимичам, происходящим согласно летописной традиции «от ляхов» (лендзяне — вариант этнонима ляхи).

В главе пятой рассматриваются летописные сообщения о восточнославянской знати догосударственного времени. Летописные источники рисуют трехступенчатую структуру восточнославянского общества предгосударственной эпохи, типичную для эпохи «военной демократии»: народное собрание/народное войско, знать/совет знати и княжеская власть. Совет знати осуществлял наряду с князем оперативное управление делами славянских этнополитических союзов и решал важные вопросы в перерывах между народными собраниями, а на позднем этапе «старцы градские» стали связующим звеном между князем и его дружиной (боярами), с одной стороны, и народом — с другой. Данных о том, что восточнославянская знать носила преимущественно дружинно-служилый характер, как считают некоторые историки, источники не содержат.

В главе шестой рассматривается проблема локализации Русского каганата и археологического соответствия русам ранних источников. Анализируется историография, посвящённая проблеме Русского каганата, и в качестве наиболее перспективной историографической линии рассматривается концепция Г.В. Вернадского, Д.Т. Березовца, В.В. Седова, Е.С. Галкиной и других учёных, которые помещают данную политику на юго-востоке Европы. Показаны возможности сопоставления этнографического описания ранних русов в восточных источниках с археологическими материалами салтовской археологической культуры.

В главе седьмой рассматривается соотношение разных версий Сказания о призвании варягов в Начальном русском летописании. Показана первичность новгородской версии сказания и вторичность ладожской версии. С точки зрения соответствия историческим реалиям середины IX в. предпочтение также должно быть отдано новгородской версии событий. Ладога, бывшая в то время полиэтничной неукрепленной торговой факторией, находившейся под политическим контролем славянской Любшанской крепости, никак не могла быть «столицей» земли словен и их соседей. Резиденцией Рюрика стало Новгородское городище, расположенное в центре словенской земли, где археологически фиксируется яркая варяжская дружинная культура, связанная с циркумбалтий-

ским регионом. Именно оно и фигурирует в летописной традиции о событиях второй половины IX в. как «Новгород». Версия о «столице» Рюрика в Ладоге, не отражая исторических реалий времен «призвания варягов», скорее всего, возникла в XI—XII вв. в ходе политической борьбы между городскими вечевыми общинами Новгорода и его пригорода Ладоги, отражая стремление ладожан к высвобождению из-под власти Новгорода. Формирование соответствующей исторической памяти, в которой Ладога мыслилась как «столица», как независимый в прошлом город, к тому же «старейший» по отношению к Новгороду, должно было помочь ладожанам добиться независимости для своего города в настоящем.

В главе восьмой рассматриваются процессы восточнославянского политогенеза VI—X вв., кульминацией которых станут проведённые в середине X в. княгиней Ольгой административные и социально-политические реформы. Расселившиеся на Восточно-Европейской равнине славяне в своём общественно-политическом развитии последовательно прошли несколько стадий, для каждой из которых был характерен больший территориальный размах и более сложный уровень интеграции: 1) формирование этнополитических союзов, или славиний (древляне, кривичи, словене и т.д.); 2) формирование таких политий, которые объединяли в своём составе несколько этнополитических союзов во главе с одной лидирующей славинией (подобные «суперсоюзы» были созданы, в частности, вольнянами, древлянами и словенами); 3) формирование в Среднем Поднепровье поляно-варяжской политики и создание ею путём завоеваний в конце IX — первой половине X в. «конфедерации» славиний, охватившей большую часть восточнославянских этнополитических союзов. Противоречивый характер данной «конфедерации» или «суперсоюза» (стремление Киева к усилению контроля, с одной стороны, и стремление славиний к восстановлению полной независимости — с другой) вылился в серьёзный кризис: древляне убивают киевского князя Игоря и заявляют о собственных претензиях на лидерство в Восточной Европе. После победы над древлянами вдова Игоря Ольга осуществляет масштабную реформу формирующегося Древнерусского государства, направленную на его централизацию, создавая в качестве противовеса древним местным политическим центрам сеть киевских опорных пунктов (становищ и погостов). Начатое Ольгой наступление на самостоятельность славиний заложило базу для формирования политически единого (пусть и относительно) Древнерусского государства и сложения древнерусской народности.

В главе девятой рассматриваются отношения на Руси княжеской и вечевой властей. Уже в XI в. всю территорию Руси охватил процесс становления самоуправляющихся социально-политических структур — городских вечевых общин. В XII—XIII вв. их развитие продолжалось. Повсеместно «люди градские» Древней Руси выступают активной и самостоятельной общественно-политической силой, которая успешно борется за приоритет с княжеской властью. Именно борьба городских вечевых общин за свои права с княжеской властью и их столкновения друг с другом (в первую очередь — борьба одних городов за независимость от других) стала важнейшим фактором социально-политического развития домонгольской Руси. В то же время в условиях нарастающей социальной стратификации в рамках древнерусской городской общины в XII—XIII вв. её жизнь начинает осложняться элементами социального противостояния. В такой ситуации именно широкие массы свободного населения Древней Руси начинают борьбу за окончательное торжество принципов гражданской политической общины, близкой к античному полису, в частности, за ликвидацию в древнерусском обществе «внутреннего», долгового рабства и за сохранение права всем свободным людям принимать участие в политической жизни, быть её деятельным субъектом. Вечевые порядки утверждаются в домонгольскую эпоху на Руси повсюду. По словам летописца, «новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на вече сходятся». Это была эпоха бурной социально-политической жизни, в ходе которой народ был отнюдь не «калужским тестом», из которого социальные верхи крутили любые крендели, а деятельным субъектом истории, её творцом. Именно борьба широких демократических слоёв населения русского города и деревни домонгольской эпохи за свои права и свободы привела к утверждению на Руси основных принципов гражданской городской общины и формированию того социального организма, который несколько условно можно назвать гражданской «протонацией».

Глава I

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ НА ВОЛЫНИ

I. Проблема локализации земли *Oium* и «племени» (*gens*) *Spali* в труде Иордана «О происхождении и деяниях гетов»

Одним из ключевых событий в истории ранних славян стала их «встреча» с готами. Есть основания полагать, что столкновение с готами стало важнейшим событием и в ранней истории первых славян Волыни. Детально остановиться на этом событии следует также потому, что в связи с ним волынские славяне, как мы постараемся показать, впервые упомянуты в письменных источниках, что позволяет, в свою очередь, уточнить время первого появления славян на Волыни.

Речь идёт о рассказе, повествующем о миграции германского «народа» готов от Балтики к Чёрному морю, который дошёл до нас в составе труда готского историка Иордана (*Iordanes*, середина VI в.) «О происхождении и деяниях гетов» (в науке также используется введённое Моммсенем условное сокращённое название *Getica*/«Гетика»), написанном в 550—551 гг., скорее всего, в Равенне (Скржинская 2013: 29—31, 46—51).

Происхождение этого рассказа и время его записи порождает ряд источниковедческих проблем. Во-первых, труд Иордана в значительной мере не имел самостоятельного характера, представляя собой, как сообщает сам автор (*Iord.*, *Get.* 1), сокращённое переложение несохранившейся истории готов в двенадцати книгах, написанной на основе разнообразных устных и письменных источников италийским политиком и писателем Флавием Магном Аврелием Кассиодором Сенатором (*Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus Senator*, ок. 485—585) между 526/27—533 гг.

Кассиодор, бывший сподвижником остготского короля Теодориха Великого (470—526), в своей «Истории» проводил идеи о древности и величии готской истории, не уступавшей античной и бывшей её составной частью (в рамках этой концепции он отождествляет германцев-готов и фракийцев-гетов, хорошо известных античным авторам, чтобы таким образом вписать историю готов в историю античного мира), дабы таким образом римляне примирились с правлением готов в Италии.

Иордан писал на 20 лет позже, в ситуации, когда королевство остготов было завоёвано Византией, и его труд имел задачу как бы подменить собой сочинение Кассиодора, из которого была взята фактура, но подана в соответствии с иной концепцией: готы как часть античного мира должны подчиниться Ромейской империи, слава и мощь которой превосходят их славу и мощь (Скржинская 2013: 31—40): «Изобразил я это (историю готов. — *М.Ж.*) ведь не столько во славу их самих, сколько во славу того, кто победил (императора Юстиниана. — *М.Ж.*)» (Iord., Get. 316; Иордан 2013: 121—122).

При этом остаётся открытым следующий вопрос: является ли работа Иордана механическим сокращением труда Кассиодора с простой подменой его идеологического заряда, или же Иордан дополнял Кассиодора какими-то собственными данными, почерпнутыми как у других авторов, так и в готских сказаниях, которые вполне могли быть ему известны, ведь Иордан сам был готом по его же признанию (Iord., Get. 316) и служил нотарием у византийского полководца Гунтигиса Базы (Iord., Get. 266), принадлежавшего к правящему остготскому роду Амалов, соответственно, должен был знать родовые предания Амалов.

К примеру, в «Гетике» Иордана есть ссылки на характеризуемый самым положительным образом («выдающийся описатель готского народа» — *Ablavius descriptor Gothorum gentis egregius*) труд некоего историка Аблавия (Iord., Get. 28—29, 82, 117), о котором нам не известно ничего, написавшего историю готов, видимо, ранее Кассиодора. И встаёт вопрос: ссылки на Аблавия Иордан просто выписал вместе со всем остальным из труда Кассиодора (который, кстати, в одном из своих сохранившихся текстов упоминает Аблавия), как полагает, например, А.Н. Анфертьев (Анфертьев 1994: 100), или же он мог пользоваться работой Аблавия самостоятельно, используя её для дополнения данных Кассиодора, как предполагала Е.Ч. Скржинская (Скржинская 2013: 24. Примечание 60)?

Окончательного ответа на этот вопрос, видимо, дать при существующем состоянии источниковой базы невозможно, а между тем в конце рассказа о миграции готов в Причерноморье Иордан даёт прямую отсылку к Аблавию, труд которого характеризуется как «достовернейший» (*verissima... historia*) и готской эпической традиции (*in priscis eorum carminibus*) (Iord., *Get.* 28—29). Последняя, впрочем, в любом случае была исходным источником «Повести о переселении готов» (так мы условно именуем рассказ о миграции готов с Балтики в Причерноморье, входящий в состав «Гетики» и восходящий, видимо, к труду Аблавия: Iord., *Get.* 25—29). Кассиодор, близкий ко двору короля Теодориха, а равно и Иордан, служивший у одного из Амалов, могли быть знакомы с ней и независимо от труда Аблавия.

Можно полагать, что оба автора, ознакомившись с трудом Аблавия (независимо от того, знакомился ли с ним Иордан лично или только через Кассиодора) нашли подтверждение сообщаемым историком данным в знакомой им живой готской эпической традиции. Это говорит о её распространённости и устойчивости, но не решает вопроса о достоверности.

Применительно к последней проблеме в историографии наметилось два направления. Одни учёные рассматривают «Повесть о переселении готов», и в особенности сюжет о стране Ойум (*Oium*, готское *Aujom* — «страна, изобилующая водой», «речная область», отсюда старонемецкое *au* или *aue* как местность, окружённая водой, обильно орошаемая реками: Скржинская 2013а: 188. Примечание 681), как чисто фольклорно-эпическое произведение, практически не имеющее реальной исторической основы. Приведём несколько примеров подобных суждений.

Английский историк Э.А. Томпсон писал: «Благодаря счастливой случайности до нас дошла история готов, точнее, то, что считается историей, — книга, написанная в середине VI века по-латыни готом по имени Иордан. Как историк Иордан малоинтересен, но он был готом и гордился тем, что он гот. Он перевел на латынь несколько старинных народных сказок или песен, которые в его

¹ Интересное замечание к уточнению семантики топонима Ойум (*Oium*) сделали Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов: «Обращение к немецким словарям, отражающим живой немецкий язык середины XIX — начала XX в., даёт несколько иное семантическое поле слова *aue*: «нива, луг (цветущий и плодородный), равнина орошаемая, плодородный островок»; в переносном смысле, образно — «прелестная страна». Как видим, основной упор делается на плодородие, и лишь затем на достаточное оводнение. Предполагаем, что и семантическое поле готского **aujōt* и эпического *Oium* было примерно таким же. А образное «прелестная страна» не так далеко по смыслу от «желанная страна» в готском сказании» (Мачинский, Воронятов 2011: 253).

время готы исполняли под аккомпанемент арфы, и включил их в свою книгу» (Томпсон 2003: 207).

А.Н. Анфертьев хотя и признавал, что «переселенческая сага», пусть в переработанном фантазией сказителей виде, отражает, очевидно, движение готов в Причерноморье» (Анфертьев 1994: 117. Комментарий 21), тем не менее отмечал её «явные непоследовательности» и фактически отвергал большую часть сообщаемых «Повестью о переселении готов» фактических данных: «Считать готов выходцами со Скандинавского полуострова, по всей видимости, нельзя» (Анфертьев 1994: 115. Комментарий 5); «что же касается локализации Ойума, то здесь мы имеем дело скорее не с реальным, а с эпическим пространством, которое связано с действительным лишь опосредованным образом» (Анфертьев 1994: 117. Комментарий 21); «вставка фольклорного сюжета, сопоставимого с рассказом о происхождении гуннов, а может быть, с представлениями о Меотийском болоте вообще. Дальнейший анализ этого сюжета (о приходе готов в землю Ойум. — М.Ж.) требует собирания фольклорных мотивов о труднодоступных местностях и обрушивающихся мостах, а не попыток географической локализации рассказанного» (Анфертьев 1994: 117. Комментарий 25) и т.д.

Ход рассуждений А.Н. Анфертьева принял В.В. Лавров, по мнению которого Иордан использовал «легендарно-сказочный мотив о людях, чьи голоса доносятся из глубины вод. Мотив этот очень часто повторяется в прозаических и стихотворных повествованиях, где речь идет о различных реках, морях и озерах... некорректно лишь на этом основании делать построения относительно географической локализации готских миграций в северопонтийском регионе» (Лавров 1999: 171; 2000: 331); «история готов была известна Кассиодору лишь с того момента, как они появились на нижнедунайских границах Римской империи в середине III в. н.э. Всё, что происходило до того, в его изложении представляет собой лишь отрывочные сведения из готских легенд» (Лавров 2000: 332).

Некоторые другие учёные отказывают в доверии Кассиодору/Иордану ровно по противоположной причине: будто бы все ссылки на фольклорные источники у них вымышлены и никаких материалов о ранней истории готов, кроме античной письменной традиции, в их трудах не представлено. Так, Д.С. Коньков, со ссылкой на А. Кристенсена, считает, что «сочинение Иордана/Кассиодора о готах основывается исключительно на античных источниках, более того, источниках, не аутентичных описываемым событиям» и не опиралось ни на какие ори-

гинальные «готские сказания и саги для верификации греко-римской традиции» (Коньков 2012: 73). Причём данный автор идёт ещё дальше и в принципе ставит под сомнение возможность того, что готский эпос дошёл до нас в каких-либо формах: «Принимая точку зрения А. Кристенсена о полной искусственности реконструкции готской истории Кассиодором и Иорданом и исключительной латинской ее основе, следует предположить инверсию исторического сознания средневековой Европы: образ Эрманариха является одним из ключевых в ряде германских и скандинавских саг («Видсид», «Подстрекательство Гудрун», «Сага о Вельсунгах», «Сага о Хервер и Хейдрек»), зафиксирован в «Истории данов» Саксона Грамматика, везде в той или иной степени коррелируя со сведениями Иордана. Если «Гетика» Иордана не имела ничего общего с устной готской традицией, являясь артефактом римской и италийской политической конъюнктуры, то позднейшая средневековая историческая традиция германцев отталкивалась уже от нее в стремлении сформировать свою идентичность» (Коньков 2012: 73).

Х. Вольфрам, напротив, считает, что Кассиодор/Иордан довольно точно передают родовые предания правящего остготского рода Амалов (Вольфрам 2003: 30—31, 56, 60, 61—66, 69—70), и эта позиция, опирающаяся на текст Иордана с его многочисленными отсылками к устной готской традиции (Iord., Get. 25, 27, 28, 38, 57, 257), представляется гораздо более убедительной, чем умозрительные рассуждения некоторых современных авторов.

Ключевая проблема для «скептической позиции» состоит в том, что принципиально данные «Повести о переселении готов» о готской миграции с севера на юг, от Балтики к Черноморью, подтверждаются всей совокупностью данных (письменных и археологических), которыми располагает наука, и никак не могут быть отвергнуты, что, конечно, не исключает наслоения на достоверную фактическую основу тех или иных легендарных фольклорных мотивов.

По этой причине многие учёные, не отрицая наличия в «Повести о переселении готов» фольклорной основы, видели в ней отражение реальных исторических событий. Так, Х. Вольфрам считает, что она, пусть и в преломленном сквозь самосознание представителей рода Амалов VI в. виде, передаёт реальные события готской истории (Вольфрам 2003: 30—31, 61—66, 69—70). «Зерно исторической истины» видел в повествовании Иордана М.Б. Щукин (см. цитаты ниже). В.В. Седов считал, что сведения Иордана о готской миграции вполне

поддаются сопоставлению с данными археологии (Седов 1994: 222—232; 1999б: 156—169; 2002: 142—150).

Ярко выразили позитивное отношение к историчности данных «Повести о переселении готов» Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, которые настаивают на её высокой достоверности: «Несомненно, мы имеем дело с первоклассным и недооценённым в отечественной и зарубежной науке историческим источником» (Мачинский, Воронятов 2011: 248); «несомненно, в готском предании есть некоторые образы и сюжеты, которые напоминают «общие места» в сказаниях разных народов о переселении. Но эти сюжеты в нашем случае столь конкретны и столь хорошо подтверждены археологией, что и к ним следует отнестись с достаточным доверием» (Мачинский, Воронятов 2011: 251. Примечание б).

Доверие этих авторов к данным Иордана доходит до откровенной наивности: в чисто фольклорных формулах они готовы видеть свидетельства некоей реальности. «Несомненно, чисто «прозаическая» вставка в этот текст, являющийся сокращённым прозаическим пересказом песенного, это фрагмент: «Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там слышатся...», *свидетельствующий о том, что и позднее, после ухода готов из «Скифии» некие конкретные «путники» проникали в места, описанные в «песни о переселении», и имели совершенно определённые сведения о местонахождении «болотистой» местности...* Этот фрагмент восходит, вероятнее всего, только к Аблавию... и не имеет прямого отношения к песенно-эпической традиции. Такого же характера фрагмент: «До сего дня оно так и называется Gothiscandza» (курсив мой. — М.Ж.)» (Мачинский, Воронятов 2011: 249). На самом деле оборот «до сего дня» является характерным именно для фольклора, для «устной истории», выполняя роль «историзации» повествования. В этом качестве он используется, к примеру, и в русских летописных легендах (ПВЛ 2007: 9, 10, 20, 27, 29, 33, 35, 36, 38, 39, 50, 52, 64, 65, 66, 68, 69, 71, 83 — характерно, что во второй половине XI в. употребление данного оборота в Повести временных лет прекращается, что указывает на резкое падение в этот период роли «устной истории» в летописном повествовании).

О.В. Шаров пишет о «важности анализа эпических сказаний и выявления зерен исторической реальности» и называет переселенческое сказание готов «записанным на пергамен устным рассказом о прошлом, где была воссоздана живая, полнокровная действительность, которую Иордан для усиления досто-

верности рассказа перемежал сведениями из греческих, латинских источников и истории готов Аблавия» (Шаров 2013: 136, 140).

Думается, вопрос о соотношении между теми элементами «Повести о переселении готов», которые сохранили для нас память о реально происходивших событиях, и фольклорно-легендарными мотивами может быть решён только одним путём: тщательным и кропотливым рассмотрением каждого звена «Повести о переселении готов» и его сопоставлением со всеми остальными видами источников, какие только нам доступны. При этом сразу надо отметить следующее: в устной памяти реальное событие легко могло обрасти шаблонными фольклорными мотивами, что само по себе не свидетельствует о недостоверности самого события. «В легендах может заключаться зерно самой подлинной правды», — писал Б.Д. Греков (Греков 1953: 130), и вопрос о возможности (или невозможности) вычленения этого зерна и должен составлять основу любого исследования, посвящённого теме «эпос и историческая действительность»¹.

Что касается тех учёных, которые, не отрицая наличия в «Повести о переселении готов» фольклорных мотивов, пытались тем не менее выявить в ней реальную историческую основу, то их О.В. Шаров разделил условно на две большие группы: сторонников «западной» концепции (страна Ойум, в которую стремились готы, находилась к западу от Днепра) и сторонников концепции «восточной» (Ойум к востоку от Днепра) (Шаров 2013: 122—127).

В свою очередь, в рамках каждого из двух означенных «общих» подходов также возможна значительная вариация. Рассмотрим кратко основные ори-

¹ Распространение в исторической науке постмодернизма и конструктивизма привело к тому, что некоторые учёные «задачей историка» считают не выявление возможной реальной исторической основы древних и средневековых этногенетических легенд (в терминологии конструктивистов «их перевод на язык лингвистического национализма XIX в., где место Вавилонской башни будет занимать «лингвистическая прародина»), а «объяснение дискурсивных конструктов, какими являются этногенетические легенды, посредством изучения «социального знания» эпохи, в которую они создавались и функционировали, а не замещение их дискурсивными конструктами эпохи модерна» (Алимов 2018: 119. Примеч. 15). На наш взгляд, подобный подход ошибочен уже тем, что он предполагает путь от теории к источнику и вместо предметного источниковедческого и исторического анализа каждого конкретного «рассказа о происхождении», априорно пытается подвести всю группу таких источников, как этногенетические легенды (иногда называемые обобщённо также *Origo gentis*) под общий знаменатель «социального конструкта», имеющий ничуть не менее искусственный «кабинетный» характер, чем традиционный примордиалистский подход. Но никакого заранее заданного общего знаменателя (хоть «примордиалистского», хоть «конструктивистского», хоть какого-то ещё) нет: каждая этногенетическая легенда, сообщаемая древним или средневековым автором, должна самостоятельно исследоваться на предмет соотношения в ней реальной исторической основы, с одной стороны, и «социального знания» эпохи — с другой. В разных легендах соотношение этих двух факторов может быть совсем не одинаковым: от относительно точного отражения исторических реалий в одних случаях вплоть до полного книжного вымысла в других.

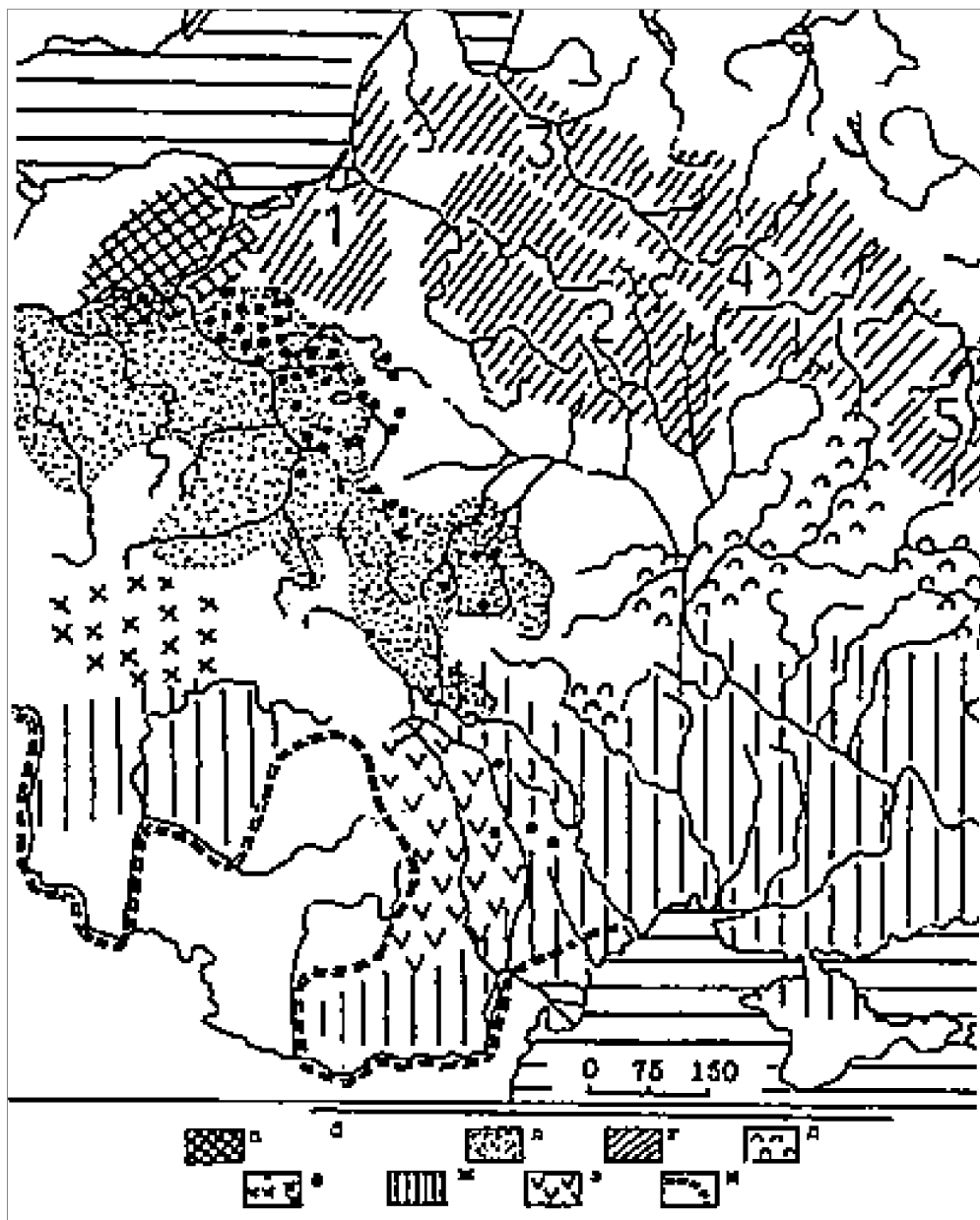
гинальные гипотезы относительно локализации «желанной земли» готов — Ойума.

1. «Западная» версия. В.В. Седов локализовал Ойум в окружённом болотами регионе Мазовии, Подлясья и Воьлыни, куда вельбаркцы-готы продвинулись в конце II в. и где вельбаркская культура функционировала на протяжении двух столетий, до последних десятилетий IV в. Река, которую пересекли готы на пути в Скифию, — это, согласно Седову, Висла, которая и ограничивала, по мнению греческих и римских авторов, в т.ч. и самого Иордана (*Iord., Get.* 31), Скифию/Сарматии от Германии. Готы продвигались на юго-запад из левобережных районов Нижнего Повисленья (Седов 1994: 227—228; 1999б: 157—160; 2002: 147).

Ф. Бирбрауэр предположил на основе археологических данных о распространении вельбаркской культуры, что страна Ойум — это Воьлынь, а река, через которую переправлялись готы и на которой во время переправы обрушился мост, — это Припять, болотистая местность же, в которой остались не сумевшие переправиться готы, — Пинские болота. При этом речь идёт об относительно небольшой группе разведчиков-первопроходцев (конец II в.), основной же массив готов проследовал через Воьлынь позже, в 220—230 — 260—270-х гг., что послужило началом становления черняховской культуры (Bierbrauer 1994: 105; Бирбрауэр 1995: 38—39).

М.Б. Щукин в одном месте своей книги «Готский путь» по поводу рассказа Иордана о приходе готов в страну Ойум писал, что «этот сюжет безусловно сказочный, хотя, быть может, и не лишенный зерна исторической истины» (Щукин 2005: 89). В другом же месте указанной книги учёный осторожно попытался выделить это «зерно», обратив внимание на то, что в ходе второй, дытынической, волны продвижения на юг готов, носителей вельбаркской культуры, возобновляются захоронения на заброшенных зарубинецких могильниках в Велемичах и Отвержичах в болотистой местности Полесья к югу от Припяти, что «очень напоминает описанную Иорданом местность на пути движения готов Филимера» (Щукин 2005: 108). Таким образом, рекой, через которую согласно «Повести о переселении готов» переправились готы, в построениях историка оказывается Припять, и в целом позиция М.Б. Щукина напоминает взгляды Ф. Бирбрауэра, хотя он и не ссылает на него.

В этой связи категоричное утверждение О.В. Шарова, согласно которому «М.Б. Щукин во всех своих прижизненных работах предлагал совсем другой

Первый этап миграции готов к Черному морю

а — исходный регион вельбарской культуры; *б* — памятники вельбарской культуры, основание которых относится к последним десятилетиям II в.; *в* — ареал пшеворской культуры накануне миграции вельбарского населения к Черному морю; *г* — регионы балтских племен:
1 — культура западнобалтских курганов, *2* — штрихованной керамики, *3* — латвийский вариант культуры штрихованной керамики, *4* — днепро-двинская культура, *5* — верхнеокская культура,
д — области позднезарубинской культуры, *е* — ареал котинов, *ж* — территория расселения сарматов, *з* — ареал культуры Поянеиты-Виртешкой, *и* — северо-восточная граница Римской империи

(нежели Волынь. — М.Ж.) вариант локализации страны «Ойум», значительно восточнее» (Шаров 2013: 123—124), выглядит странным. О.В. Шаров ссылается на карту в рассматриваемой книге (Щукин 2005: 149. Рис. 52), где Ойум просто отождествлена со Скифией, но в тексте книги это тождество нигде никак не поясняется, а говорится то, что процитировано выше. В своих более ранних работах М.Б. Щукин ещё более чётко связывал Ойум с Волынью. В статье 1986 г. учёный писал, что «вельбаркцы двумя волнами проникают на Волынь («стрема Е»), достигают на востоке Посеймья (Пересыпки), а на юге — Молдовы (Козья — Яссы). Это совпадает со свидетельствами о переселении готов и гепидов в страну Oium» (Щукин 1986: 187). В вышедшей в 1994 г. книге М.Б. Щукина читаем: «Через 5 поколений готы Филимера двинулись в страну Ойум, чему соответствует движение носителей вельбаркской культуры в Мазовию и на Волынь» (Щукин 1994: 249)¹.

В.И. Кулаков, не касаясь напрямую вопроса об Ойуме, обратил внимание на связь готских миграций с янтарной торговлей и месторождениями янтаря, одно из скоплений которых, ставшее основой для янтарного производства черняховской культуры, находится на Волыни (Кулаков 2018: 89—98).

Особняком в рамках «западной» локализации Ойума стоит гипотеза В.Н. Топорова, согласно которой «желанная земля» находилась в дельте Дуная (Топоров 1983: 254). Подтвердить её какими-либо историко-археологическими данными невозможно.

2. «Восточная» версия. Ф. Браун предположил, что рекой, через которую согласно «Повести о переселении» переправились готы, был Днепр примерно в районе будущего Киева и здесь же располагалась страна Oium, тождественная, по мнению учёного, «речной области» Arheim, в которой находился «днепровский город» (Danparstadir, т.е. Киев, по мнению учёного) «Песни о Хлёде» Хервёrsaги, рассказывающей о войне между готами и гуннами в конце IV в. (Браун 1899: 8, 245—246). Такое прямолинейное сопоставление топонимов из источников, относящихся к разным жанрам и разным эпохам (Иордан — VI в., а Хервёrsaга — XIII в.) выглядит сомнительным. Ничем не обосновано и тождество Danparstadir саги с Киевом, которого в то время просто не существовало.

¹ Недавно вывод о волынской локализации Ойума без ссылок на предшественников был повторён И.В. Зиньковской («по географическому положению где-то в самом начале «Скифской земли», обилию рек, озёр и болот «страна Ойум», скорее всего, соответствует Волыни между верховьями Припяти и Западного Буга или Припятскому Полесью»: Зиньковская 2018: 190—191).

Да и говорят сага и Иордан о разных событиях, происходивших в разное время (у Иордана речь идёт о приходе готов в Скифию, а в саге повествуется об их борьбе с гуннами примерно два века спустя).

Л. Шмидт связывал Ойум с южнорусскими степями по обеим сторонам Днепра (Schmidt 1934: 199), а Г.В. Вернадский локализовал его в районе будущего Киева, отождествляя реку, на которой во время переправы сломался мост, разделивший готов на две группы, с Днепром (Вернадский 1996: 132).

Г.В. Вернадский предположил наличие связи между наконечником копья, найденным в 1858 г. близ деревни Сушично к югу от Припяти (поскольку неподалёку находится г. Ковель, его называют также Ковельским копьём; рис. 2), с рунической надписью, интерпретируемой как «к цели ездок»/«к цели скачущий»/«стремящийся к цели»/«преследующий цель» (Мельникова 2001: 91), с готской миграцией: «Иордан описывает трудности готов, встреченные в пути при пересечении топей и болот, которые могут быть идентифицированы как находящиеся в бассейне Припяти. Наконечник копья с рунической надписью, найденный близ Ковеля, может рассматриваться как памятник этого движения готов» (Вернадский 1996: 132). К сожалению, учёный не задумался о том, что это его наблюдение ведёт к совсем другой локализации Ойума и «реки со сломанным мостом» и пониманию их соответственно как Вольни и Припяти.

Переводчик и комментатор Иордана Е.Ч. Скржинская выдвинула гипотезу о тождественности готского Ойума древней лесистой Гилее, упоминаемой ещё Геродотом, на левом берегу Нижнего Днепра и его лимана (Hist. IV. 9, 18, 19, 54, 76; Геродот 1972: 189, 192, 200—201, 206). Рекой, которую готы пересекли на своём пути в Причерноморье и Крым в таком случае оказывается Днепр, который и разделил их на две части: остроготов, занявших левобережье Днепра, и везеготов, оставшихся на его правобережье (Скржинская 2013а: 188—189. Комментарий 68).

К близким выводам пришёл и Х. Вольфрам, который локализует Ойум «на побережье Азовского моря» (Вольфрам 2003: 69). Рассказом об обрушении моста, по мнению учёного, «Кассиодор пытался предвосхитить разделение готов на западных и восточных»; «рекой, которая разделила готов, был, вероятно, Днепр. Однако история с обрушением моста определённно не имеет отношения к тому факту, что готы жили по обеим сторонам реки. Ведь Днепр никак не мешал сообщению и нигде не описывается как непре-

одолимая граница между двумя племенными областями» (Вольфрам 2003: 69—70).

Но переправа через «реку со сломанным мостом» упоминается Иорданом отнюдь не в связи с разделением готов на остроготов и везеготов (о нём говорится в другом месте и в связи с другими обстоятельствами: Iord., Get. 42, 82; Иордан 2013: 68, 77), а в связи с их приходом в Скифию (Днепр же находился в её глубине, а не на границе), и хотя говорится о том, что часть готов через реку не переправилась и осталась на старом месте, она никак не связывается ни с остроготами, ни с везеготами, напротив, подчёркивается, что эта часть больше не принимала участия в последующей истории готов.

Т. Левицкий, опираясь на некоторые известия Плиния и Менандра Протектора, помещал Ойум на Керческом полуострове (Lewicki 1951: 82). Близкую идею высказал О.Н. Трубочёв, согласно которому готский Ойум тождествен упоминаемому Плинием (Plin. NH. VI, 18) синдскому острову Еон, «куда достоверно переправлялись через Боспор в III в. н.э. готы-эвдусиане, о чем известно по свидетельству греческого писателя Зосима». О.Н. Трубочёв предложил плиниевское Еон читать при поддержке иордановского Oium «как первоначальное нарицательное *ai(v) am/*oi(v) om «(морской) остров, insula», буквально «одно, одинокое» — ср. др.-инд. eva- «только, единственно», др.-ир. aiva- «один», др.-инд. eka- «один». Ср., далее, греч. Oion, название ряда пустынных, уединенных мест, др.-ирл. Eo, Io, название острова, совр. Iona» (Трубочёв 1999: 71—72).

Построения О.Н. Трубочёва, на наш взгляд, неубедительны, поскольку топоним Ойум (Oium) имеет надёжную собственно готскую этимологию и по этой причине попытки связать его с какими-либо местными причерноморскими названиями, известными по античным источниками, лишены оснований. У Иордана понятие «Ойум» встречается второй раз и в совершенно другом контексте: название далёкого от Причерноморья висленского острова, где проживали гепиды, Гепедойос (Gepedoius; Iord., Get. 96), содержит в себе интересующее нас слово (Oium) и означат «Ойум гепидов», т.е. соответствующий топоним отнюдь не был уникален для готов.

В.П. Буданова, обстоятельно изложив историографию Ойума (Буданова 2001: 94), не сформулировала чётко своей позиции относительно его локализации, но сделала следующее небезынересное замечание: «...вне внимания исследователей осталась противоречивость сообщений Иордана об «Ойум». Она

упоминается дважды... Сопоставление этих двух фрагментов (в одном Ойумом называются просто «земли Скифии», в другом говорится о местности за рекой. — М.Ж.) показывает, что в первом случае «Ойум», у Иордана, довольно широкое понятие, близкое по смыслу к «земле Скифии». Во втором фрагменте топоним «Ойум» — это более конкретное географическое определение тех областей в Скифии, куда двигались готы, так как в этой «Ойум» готы перешли какую-то, вероятно большую, реку» (Буданова 2001: 94—95). Обращает внимание исследовательница и на то, что «тот конкретный географический регион в Скифии, который обозначен историком (Иорданом. — М.Ж.) как «Ойум», не стал для готов *конечным пунктом* их передвижения в Скифию, но лишь *промежуточным звеном* в переходе с севера на юг (курсив В.П. Будановой. — М.Ж.)» (Буданова 2001: 95).

Недавно вышли две обстоятельные статьи, посвящённые проблеме локализации Ойума, авторы которых подходят к ней как раз с обозначенных противоположных сторон: статья, написанная в соавторстве С.В. Воронятовым и Д.А. Мачинским (Мачинский, Воронятов 2011; см. также: Воронятов 2014), и статья О.В. Шарова (Шаров 2013).

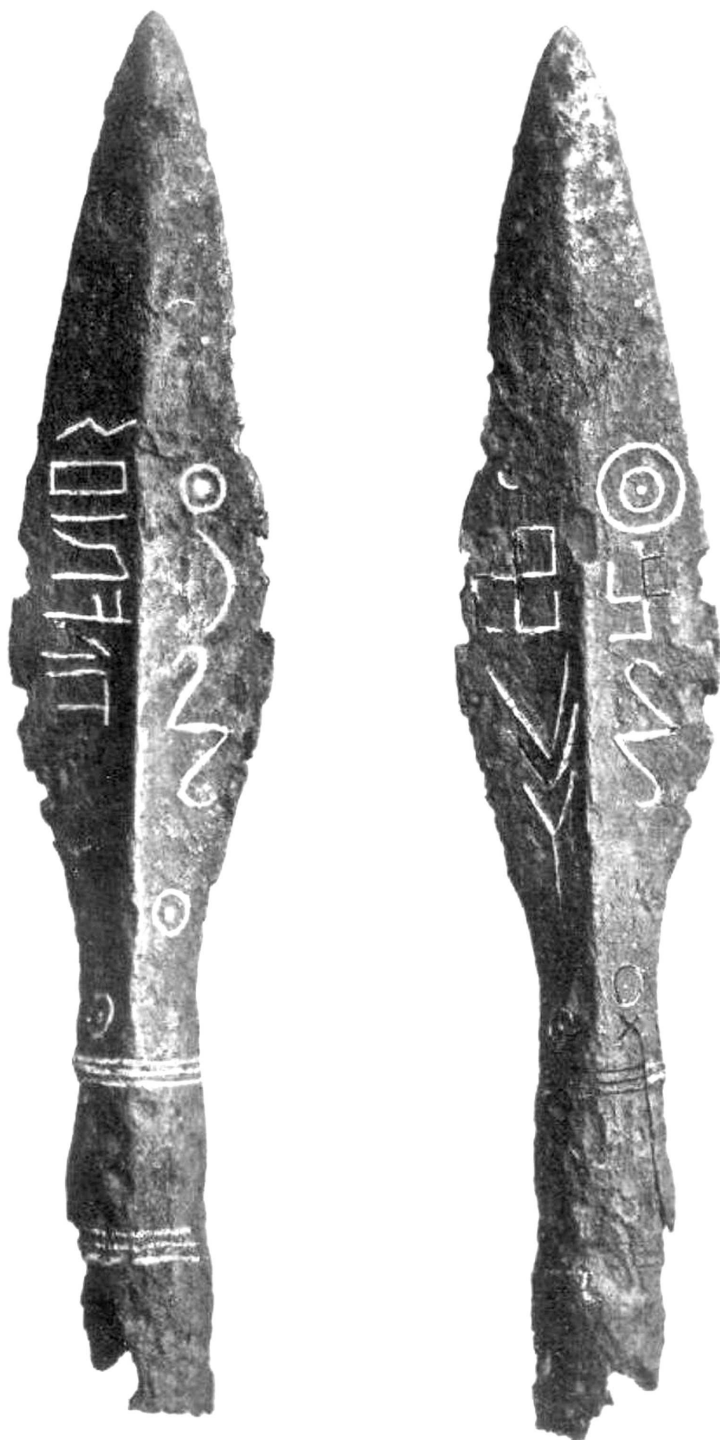
Обе статьи весьма эрудированы и интересны, но, к сожалению, впечатление от первой из них сразу портится двумя вещами. Во-первых, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в качестве третьего автора статьи записали М.Б. Щукина, с которым её замысел Д.А. Мачинский обсуждал незадолго до его смерти (Мачинский 2011: 13—14), но в написании которой он прямого участия уже не принимал. Этот не совсем этичный факт «посмертного соавторства» уже вызвал обоснованное возмущение ряда учеников М.Б. Щукина, которые, однако, перегнули при этом палку, утверждая, что Мачинский и Воронятов исказили идеи Щукина и напрасно приписали ему тезис о волынской локализации Ойума, который учёный будто бы никогда не озвучивал (Казанский, Шаров 2010: 12. Примеч. 2; Шаров 2013: 123—124). Выше уже было показано, что это не так: в ряде работ Щукин действительно локализовал страну Ойум на Волыни, хотя детально на этом и не останавливался, что не отменяет неэтичности факта «посмертного соавторства», так как неизвестно, согласился ли бы М.Б. Щукин со всеми положениями рассматриваемых авторов. К сожалению, разные группы коллег и учеников М.Б. Щукина после его смерти пытаются, так сказать, «приватизировать» его имя и наследие.

Во-вторых, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, основной пафос статьи которых состоит в отождествлении Ойума с Волынью, нарочито проигнорировали работы своих предшественников В.В. Седова и Ф. Бирбрауэра так, словно их и нет, и представили дело таким образом, что они первыми выдвигают означенную идею. Такое самолюбование авторов выглядит откровенно некрасиво, поскольку представить, что его работы, равно как и работы Бирбрауэра, им неизвестны, совершенно нереально.

Остроумной гипотезой, высказанной Мачинским и Воронятовым, является развитие ими идеи Г.В. Вернадского (при этом без всякой ссылки на него) о связи между наконечником копья из Сушично и переправой готов через реку, о которой идёт речь у Иордана, коей, по мнению авторов, и была Припять. По мысли учёных копье было при переправе воткнуто в землю в магических ритуальных целях, надпись на нём надо интерпретировать таким образом, что оно как бы достигло цели готов — земли Ойум, в которую они переправились (Мачинский, Воронятов 2011: 263—270). Разумеется, это красивое построение гипотетично.

В содержательной статье О.В. Шарова большой интерес представляет источниковедческий блок. Автор сопоставляет рассказ Иордана о миграции готов от Балтики к Чёрному морю с другим рассказом древнего автора — о происхождении гуннов и их приходе в Европу, находит в них сходные черты и различия и выделяет некий канон, по которому они оба так или иначе построены (Шаров 2013: 127—132). Тем не менее, по мнению учёного, за фольклорными наслоениями вычленяется реальное историческое ядро, поскольку многие моменты в рассказе о готской миграции находят подтверждение в других источниках (Шаров 2013: 132—138). О.В. Шаров приходит к выводу, согласно которому земля Ойум находилась близ Меотиды, вероятнее всего, в степном Крыму. После покорения Ойума готы, согласно О.В. Шарову, продвинулись дальше: на территорию южного берега Крыма или же в район Приазовья, вплоть до Танаиса и Таманского полуострова, что соответствует движению готов в крайнюю часть Скифии, о котором говорит Иордан (Шаров 2013: 142).

Таким образом, мы видим, что позиция О.В. Шарова более всего соответствует взглядам Т. Левицкого и О.Н. Трубачёва (к сожалению, работа последнего Шаровым не упоминается).

*Наконечник копья из Сушично (Мачинский, Воронятов 2011: 265)
с рунической надписью, интерпретируемой как «к цели ездок»/«к цели
скачущий»/«стремящийся к цели»/«преследующий цель» (Мельникова 2001: 91)*

Очевидной слабостью такой локализации «желанной земли» является следующий факт: согласно повествованию Иордана, готы вступили в Ойум сразу по приходе в Скифию, т.е. искать его логично где-то в северо-западной её части, но никак не на юго-востоке. Фактически основой для локализации Ойума, предложенной О.В. Шаровым, является только тезис о приазовско-крымском расположении «племени» спалов (*Spali*), с которым столкнулись готы, заняв Ойум. Этот момент мы разберём ниже.

Кроме того, сам О.В. Шаров констатирует, что «на сегодняшний день мы не знаем ни одного памятника вельбаркской культуры в данном обширном регионе (Крым и Приазовье. — *М.Ж.*), которые можно было бы как-то соотнести с миграцией готов Филимера» (Шаров 2013: 142). Учёный пытается решить эту проблему так: напомнив о том, что по пути готы подчинили ряд других германских племён, он приводит данные о находках в крымско-приазовском регионе германских артефактов интересующего нас времени (вторая половина II — начало III в.) *en masse* (Шаров 2013: 142—144). Однако едва ли такой подход можно считать решением проблемы, скорее это можно было бы назвать стремлением обойти её, причём едва ли удачным: археологическим эквивалентом миграциям готов является распространение вельбаркской культуры, что общепризнано со времён работ Р. Волонгевича (Wolągiewicz 1981; 1986; Кухаренко 1980: 64—76; Козак 1985б: 68—75; Русанова 1993: 190—191; Бирбрауер 1995: 36; Седов 1994: 222—232; 1999б: 156—169; 2002: 142—150; Щукин 1994: 244—249; 2005: 28—48, 93—108).

Соответственно, находки просто германских артефактов никак не могут служить доказательством присутствия где-либо готов, ибо так можно «доказать» их присутствие где угодно, где найдётся что-либо германское. Если уж предполагается, что даже младшие союзники готов оставили где-то свой археологический след, то археологический след готов там тем более должен обнаруживаться. Да и количество германских артефактов, указанных О.В. Шаровым, весьма скромно. Что же касается ранних комплексов могильников типа Ай-Тодор (Шаров 2013: 144), то едва ли они могут маркировать масштабную готскую миграцию, о которой повествует Иордан и доказывать присутствие в регионе значительных масс готского или вообще германского населения, скорее только небольших готских дружин.

Как видим, разброс мнений относительно достоверности и географической локализации данных сохранный Иорданом «Повести о переселении готов»,

значителен. Попробуем заново детально проанализировать её, разбив на два условных смысловых блока и сопоставив сообщаемые «Повестью» факты со всеми иными доступными данными источников.

II. Скандинавская прародина готов, их переселение на юг Балтики

«(25) С этого самого острова Скандзы (Скандинавии, которая в античной и раннесредневековой традиции считалась островом. — *М.Ж.*), как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по (26) имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза (*Gutisk-andja*, «готский берег». — *М.Ж.*). Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов («островных ругов». — *М.Ж.*), которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам» (Иордан 2013: 65. См. также: Иордан 1994: 105).

«(94) Если же ты спросишь, каким образом геты и гепиды являются родичами, я разрешу [недоумение] в коротких словах. Ты должен помнить, что вначале я рассказал, как готы вышли из недр Скандзы (95) со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана, т.е. в Готискандзу. Из всех этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени, потому что на их [готов] языке «ленивый» говорится «*geranta*». Отсюда и получилось, что, понемногу и [постепенно] искажаясь, родилось из хулы имя гепидов... (96) Эти самые гепиды прониклись завистью, пока жили в области Спезис, на острове, окруженном отмелями реки Висклы, который они на родном языке называли Гепедойос («Ойум гепидов». — *М.Ж.*)» (Иордан 2013: 79—80).

Итак, готы и гепиды, согласно «Повести о переселении готов», — выходцы из Скандинавии, мигрировавшие некогда оттуда на юг Балтики (причём легенда сохранила указание на то, что миграция была не совсем одновременной и осуществлялась, видимо, волнами), где победили местных жителей: ульмеругов и вандалов.

Древнейшие аутентичные сведения о готах сохранились в трудах римского политического деятеля и историка Публия Корнелия Тацита (Publius Cornelius Tacitus, середина I в. — ок. 120 г.)¹. В своей работе «О происхождении германцев и местоположении Германии» (конец I в.) он говорит: «(44) За лугиями живут готоны (Gotones), которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно. Далее, у самого Океана — ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен — круглые щиты, короткие мечи и покорность царям. За ними, среди самого Океана, обитают общины свионов» (Тацит 1993: 354).

Эти данные позволяют довольно точно локализовать готов конца I в. на юге Балтики, что, с одной стороны, совпадает с соответствующим известием Иордана, а с другой — даёт ему хронологическую привязку. Лугии — объединение германских «племён», проживавшее, очевидно, в пределах западной, преимущественно германской, части полиэтничной пшеворской культуры (Седов 1994: 180—181; 2002: 122—123). Между ними и ругами (а также лемовиями), живущими «у самого океана», и размещены источником готы. Обратим внимание, что Тацит называет ругов соседями готов в полном соответствии с Иорданом. Что же касается вандалов, то они жили по соседству с лугиями, также в пределах пшеворской культуры (Седов 1994: 180—181; 2002: 122—123). Как видим, совпадение между аутентичными данными Тацита и сохранившейся для нас Иорданом эпической «Повестью о переселении готов» достаточно надёжное.

Обратим внимание на ещё один интересный момент: Иордан говорит не просто о ругах, с которыми столкнулись готы, а об ульмеругах, т.е. «островных ругах» (от *holmr/holm* — «остров»), что наводит на мысль, что жили они на каком-то острове или островах. Вероятнее всего, таким островом был Рюген, самое имя своё получивший от живших на нём в дославянский период его истории ругов. В этой связи нельзя не вспомнить один пассаж Иордана,

¹ Возможно, ранее их как «бутонов» (искажение из *Γούτωνες* — «гутоны»?) упоминает Страбон (*Στράβων*, ок. 64/63 г. до н.э. — ок. 23/24 г. н.э.) в своей «Географии» при описании Германии: «Здесь находится также Геркинский лес и обитают племена свефов, которые живут частью в самом лесу, как племена коадуев; на их территории находится Боigem — царская резиденция Марабода, куда он переселил не только разные другие племена, но и своих соплеменников — *маркоманов*. Дело в том, что по возвращении из Рима этот человек, [в прошлом] частный гражданин, был назначен верховным правителем племени. Еще юношей он жил в Риме, пользуясь расположением Августа, а возвратившись на родину, добился власти и подчинил, кроме упомянутых лугиев (большое племя), зумов, бутонов, мугилонов, сибинов, а также семнонов (большое свевское племя)» (VII. I, 3; Страбон 1994: 266). Известие Страбона не содержит сведений, которые могли бы помочь в локализации бутонов, но позволяет говорить о том, что если понимать под ними готов, то последние должны были уже на рубеже эр находиться на Европейском континенте.

весьма загадочный и не находящий в тексте «Гетики» никакого объяснения: «(38) Однако мы нигде не обнаружили записей тех их (готов. — М.Ж.) басен, в которых говорится, что они [готы] были обращены в рабство в Бриттании или на каком-то из островов, а затем освобождены кем-то ценою одного коня» (Иордан 2013: 68). Из этих слов следует, что тот, кто их написал (Аблавий-? Кассиодор-? Иордан-?) знал некие готские «басни» о том, что готы на некоем острове «были обращены в рабство, а затем освобождены кем-то ценою одного коня», но не находил им подтверждения в письменных источниках, да и не слишком-то эти «басни» стыковались с задачей прославления готов и рода их правителей Амалов.

Между тем имеются данные, позволяющие понять смысл этих готских «басен». В.И. Меркулов обратил внимание на то обстоятельство, что на острове Рюген Саксоном Грамматиком и Титмаром Мерзебургским зафиксирован обычай, в соответствии с которым важные решения принимались в соответствии с поведением священного коня. Приведя соответствующие показания источников, учёный констатирует: «Таким образом, важные решения у ругов принимались по поведению священного коня. Скорее всего, это гадание использовалось во всех принципиальных ситуациях. Поэтому можно предположить, что если однажды готы потерпели поражение и были обращены в рабство, то могли быть помилованы «ценою коня», то есть вследствие состоявшегося ритуала, о котором сообщают исторические источники» (Меркулов 2015: 122).

Таким образом, вопреки победной реляции Иордана, «примерная реконструкция событий показывает, что «басни» Иордана вполне могли иметь под собой историческое основание. Готы вступили в войну с «островными ругами» и, конечно, могли потерпеть поражение, в особенности на чужой территории» (Меркулов 2015: 122). Эта унижительная для готов ситуация, воспринимавшаяся ими с неизбежностью как оскорбление, которое они пытались, с одной стороны, забыть (у Иордана об этих событиях только глухой отзвук), а с другой — отомстить, предопределила драматические отношения готов и ругов на весь последующий период, которые могут быть охарактеризованы практически как «кровная месть» (Меркулов 2015: 122). Иордан, видимо, ничего не знал об острове Рюген и сопоставил несчастливый для готов остров из их легенд с Британией.

Для нас изящная гипотеза В.И. Меркулова интересна тем, что готы на своём пути, видимо, проследовали через Рюген или прилегающие к нему земли. Об-

ратим внимание на карту готской миграции, составленную М.Б. Щукиным на основе археологических данных: на ней путь готов также пролегает мимо Рюгена, и именно близ него, согласно учёному, и высадились на побережье первые мигранты из Скандинавии, представленные так называемой густовской группой памятников, появившейся на рубеже эр (Щукин 2005: 45—48), более ранней, чем памятники типа Одры-Венсёры, давшие начало «классической» вельбаркской культуре (Щукин 2005: 38). Именно с появлением памятников типа Одры-Венсёры М.Б. Щукин сопоставляет переселение Берига и его людей (Щукин 2005: 38), которому, таким образом, могли предшествовать и более ранние готские миграции.

В другом труде Тацита, «Анналах» (после 110 или 113 г.), под 19 г. упоминается некий гот Катувальда: «(62) Друз (сын императора Тиберия. — М.Ж.), подстрекая германцев к раздорам, чтобы довести уже разбитого Маробода (лидер германского «племени» маркоманов, не раз воевавший с Римом. — М.Ж.) до полного поражения, добился немалой для себя славы. Был между готонами знатный молодой человек по имени Катувальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом насилий и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманов и, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление... (63) Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря. Переправившись через Дунай там, где он протекает вдоль провинции Норик, он написал Тиберию... И Маробода поселили в Равенне... Сходной оказалась и судьба Катувальды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный несколько позже силами гермундугов, во главе которых стоял Вибиллий, и принятый римлянами, он был отправлен в Форум Юлия, город в Нарбоннской Галлии...» (Тацит 1993а: 68—69).

Из этого рассказа Тацита нельзя внести никаких уточнений в географическое расположение готов, но можно заключить, что уже в самом начале I в. они присутствовали на континенте и были там деятельной политической силой, соответственно, первая волна скандинавских мигрантов должна была появиться на юге Балтики не позднее рубежа эр.

Но есть ли в письменных источниках подтверждения в пользу выхода готов из Скандинавии? Многие учёные сомневались в существовании скандинав-

ской прародины готов или даже категорически отрицали возможность таковой: Ф.А. Браун, опираясь на свидетельство Гутасаги (XIII в.), считал, что в первоначальном варианте предания о происхождении готов их родиной считался не Скандинавский полуостров (о происхождении с которого готов не свидетельствуют никакие реальные данные), а остров Готланд, причём предание перевернуло реальную историю с ног на голову — на самом деле готландцы были потомками континентальных готов (Браун 1899: 256—331); специальную работу, посвящённую обоснованию отсутствия связи между готами и Скандинавией, опубликовал Р. Хахманн (Nachmann 1970); довольно скептическую позицию в вопросе о возможности миграции готов из Скандинавии заняли А.Н. Анфертьев (Анфертьев 1994: 115. Комментарий 5) и Ф. Бирбауэр (Бирбауэр 1995: 32—36); недавно с аргументацией невозможности скандинавской прародины готов выступила Л.П. Грот (Грот 2014. Там же см. шведскую историографию «скептической» позиции) и т.д.

Сам Иордан, перечисляя «народы» Скандинавии, многие названия которых с трудом поддаются интерпретации (Скржинская 2013а: 184. Комментарий 52), по всей видимости, основываясь на некоем итинерарии, упоминает остроготов (Iord., Get. 26; Иордан 2013: 65).

С одной стороны, это название могло быть и вставлено в исходный текст, на что указывает сама его форма, ведь разделение на остроготов и везеготов произошло уже на континенте в ходе миграции к Чёрному морю (Iord., Get. 42, 82; Иордан 2013: 68, 77). С другой стороны, в Средней Швеции имеются две исторические области: Остергёталанд и Вестергёталанд, в которых в начале нашей эры ещё могли жить оставшиеся на территории прародины родичи континентальных готов, также подразделявшиеся по географическому принципу на «западных» и «восточных». Название последних Кассиодор/Иордан и могли передать как «остротогы».

В описании Скандинавии в «Гетике» упоминаются и некие гаутиготы (Gauthigoth: Iord., Get. 22; Иордан 2013: 65), вероятно, тождественные гаутам (Γαυτοί) Птолемея (Ptolem. II. 11, 16). Последних знает и Прокопий Кесарийский (Προκόπιος ὁ Καισαρεύς, между 490 и 507 гг. — после 565 г.): «Из них (жителей острова Фула, как именовалась в античной литературе Скандинавия. — М.Ж.) самым многочисленным племенем являются гавты» (Прокопий 1996: 161). Эти гауты/гавты также, видимо, являются «родственниками» континентальных готов (ср.: Вольфрам 2003: 62—63).

Немало в Скандинавии и «готской» топонимики: исторические области Остергёталанд и Вестергёталанд, остров Готланд, река Гота-Альв и город Гётеборг в её устье и т.д. Все эти данные, безусловно, свидетельствуют о связи готов со Скандинавией, вот только не дают ответа на вопрос о направленности этой связи, а именно о том, является ли Скандинавия «прародиной» готов, или же дело обстоит противоположным образом и эти названия связаны с миграциями в Скандинавию готов с материка.

Пролить свет на данную проблему способны археологические данные. Как уже было сказано выше, со времён работ Р. Волонгевича общепризнано, что археологически готы представлены вельбаркской культурой, которая складывается в I в. н.э. в Польском Поморье (Wołagiewicz 1981; 1986). В это время в ареале местной оксывской культуры (существовала со II в. до н.э.) появляются островками курганы типа Одры-Венсёры, не имеющие местных корней погребальные сооружения в виде каменных курганов, каменных кругов со стелами и т.д., которые имеют прямые многочисленные аналогии в Скандинавии (Kmieciński 1962; Wołagiewicz 1987; рисунок 7).

Пришельцы из Скандинавии принесли и ряд других новаций: обряд ингумации, отсутствие оружия в погребениях, новые формы керамики, новые типы металлических изделий и т.д. В тех местах, где не было оксывского населения, как, например, в Кашубско-Крайенском поозерье, переселенцы основывали собственные поселения и могильники, в районах, заселённых аборигенами, подселялись к ним, стимулируя трансформацию оксывской культуры (Седов 1994: 223—224; 1999 б: 157—158; 2002: 144—145).

Так постепенно при смешении культуры скандинавских мигрантов и местных оксывцев при ведущей роли первых формируется новая археологическая культура — вельбаркская (любовидзская стадия, середина I — конец II в., Среднее и Восточное Поморье с прилегающими районами). Определяющая роль в этом процессе импульса из Скандинавии представляется ныне вполне обоснованной (Wołagiewicz 1981; 1986; 1987; Седов 1994: 223—225; 1999б: 157—158; 2002: 144—145; Магомедов 2001: 115; Щукин 1986; 1994: 244—249; 2005: 25—57).

Вероятно, на рубеже эр готы составляли значительный этнополитический союз на юге Скандинавии, часть которого, отколовшись от основного готского массива, переселилась на южное побережье Балтики, где, смешавшись с местным оксывским населением, дала начало вельбаркской культуре и континентальным готам. Обратный процесс выглядит в свете имеющихся данных менее вероятным.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что первая часть сохранённой Иорданом «Повести о переселении готов», рассказывающая о миграции их из Скандинавии, о проживании на юге Балтийского моря, о войне с ругами и т.д., в основе своей подтверждается свидетельствами других источников.

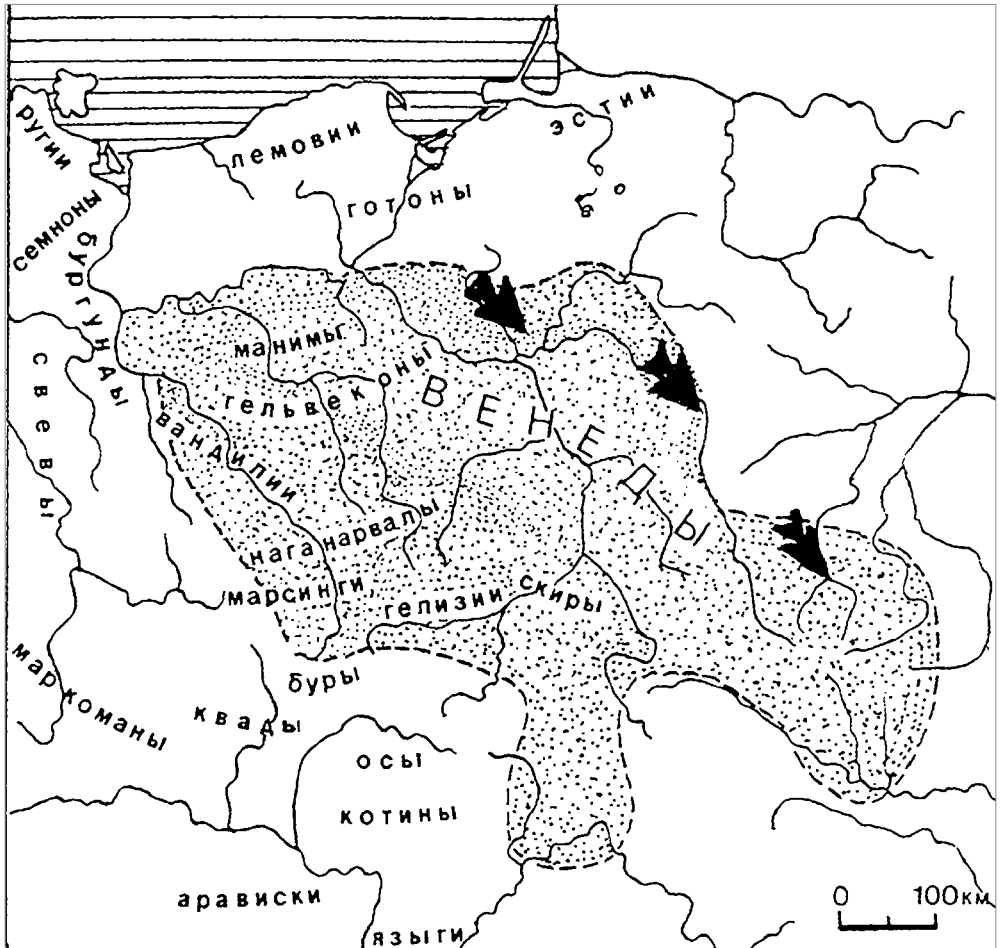
III. Миграция готов к Чёрному морю. Овладение землёй Ойум (*Oium*) и война со спалами (*Spali*)

«(26) Когда там (в Готискандзе на южном берегу Балтики. — М.Ж.) выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер (если Берига связывать с появлением в Поморье памятников типа Одры-Венсёры в середине I в. н.э., то пятое поколение после него придёт где-то на третью четверть II в. — М.Ж.), сын Гадарига, то он постановил, (27) чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум. Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосыгаемой, соединив вместе и то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], (28) хотя слышно это издалека. Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель (29) готского народа, в своей достовернейшей истории» (Иордан 2013: 66. См. также: Иордан 1994: 105).

Этот рассказ имеет выраженные черты фольклорного повествования: поломка моста при переправе через реку, из-за которой половина народа осталась в недосыгаемой местности, где издали можно увидеть следы её жизнедеятельности — это набор распространённых фольклорных сюжетов. Хотя

сквозь флёр фольклорных наслоений и можно предположить здесь некую память о разделении готов в процессе миграции: какая-то часть народа не пошла дальше определённого места. Археологические данные говорят, что именно так оно и было: часть готов на протяжении их «балтийско-черноморского пути» оседала и не продолжала движения (ср.: Бирбрауер 1995: 37; Седов 1996: 159; 2002: 146—147).

Второй по времени после Тацита автор, упоминающий готов, — знаменитый географ Клавдий Птолемей (Κλαύδιος Πτολεμαῖος, ок. 100—170). Данные его «Географии» (между 150—170 гг.) интересны в двух отношениях. Во-первых, он, как уже сказано, упоминает в числе скандинавских народов гаутов (Γαυτοί),

Миграция готов с Балтики в Скифию. По В.В. Седову (Седов 2002: 123)

видимо, родственными континентальным готам. Во-вторых, Птолемей размещает континентальных готов («гутонов», Γούτωνες) на правом берегу Вислы, в пределах Европейской Сарматии: «(7) А занимают Сарматию очень большие народы — венеды вдоль всего венедского залива... (8) И меньшие народы населяют Сарматию: по реке Вистуле ниже венедов гитоны, затем финны, затем сулоны; ниже них фругудионы, затем аварины у истока реки Вистулы, ниже этих омброны, затем анартофракты, затем бургионы, затем арсиэты, затем сабоки, затем пиенгиты и биессы возле горы Карпата» (Ptolem. III. 7—8; Птолемей 1994: 51). Такая локализация готов отражает, по всей видимости, начавшийся процесс их продвижения на юго-восток. Названные в источнике соседями готов венеды — видимо, часть предков исторических славян, проживавшая в пределах восточной, преимущественно славянской, части полиэтничной пшеворской культуры (Седов 1979: 29—31, 53—74; 1994: 5—6, 166—200; 2002: 9—13, 97—125).

Следующее аутентичное свидетельство о готах относится к 262 г. и фиксирует их уже вблизи римских рубежей: в этом году иранский правитель Шапур I Великий (240/43—272/73) повелел высечь надпись, где в числе прочих разбитых в 242 г. персидскими войсками римских отрядов Гордиана III (238—244) были указаны и готы (Вольфрам 2003: 36—37). Таким образом, в промежутке между известием Птолемея (третья четверть II в.) и отражённой в надписи Шапура I войной 242 г. произошла миграция готов с балтийских берегов на черноморские¹.

Археология свидетельствует, что в последних десятилетиях II в. в ряде районов Поморья происходит значительное сокращение вельбаркского населения: существенно уменьшается количество поселений, перестают функционировать

¹ Римские источники, позволяющие констатировать появление готов близ римских рубежей в конце II — первой половине III в., имеют либо косвенный характер (т.е. не упоминают готов напрямую), либо относятся к более поздней эпохе и упоминают готов ретроспективно: «Ряд известий древних авторов, кажется, свидетельствует о раннем появлении готов в Северо-Западном Причерноморье. Дион Кассий отмечает, что в 180 г. в пределы Римской империи мигрировали 12 тысяч свободных даков. Исследователи связывают это событие с вторжением в их земли готов. Тот же автор сообщает, что император Каракалла (211—217 гг.) совершил военно-инспекционный поход в Дакию с целью укрепления границ Империи, а в сочинении «История Августов» говорится о победе Каракаллы над готами. В том же труде указывается на родство императора Максимиана (235—238 гг.) с готами (отец был гот, мать — аланка). Сообщается, что Максимиан «приобрел себе земельные владения во Фракии, в том поселке, откуда он родом, и все время поддерживал связи с готами. Готы особенно любили его, словно своего соплеменника». Затем пребывание готов в Нижнем Подунавье фиксируется источниками в 232—238 гг., когда они, вероятно, приняли участие в так называемых «скифских войнах»... Кажется, все говорит о том, что в конце II — начале III в. готы проживали близ границ Римской империи в Северо-Западном Причерноморье» (Седов 1999а: 16—162; 2002: 150. См. также: Шукин 2005: 90—93).

многие могильники, зато вельбаркские памятники появляются в Мазовии, Подлясье, на Волини (цецельская стадия, конец II — IV в.). Происходит перемещение культуры на юго-восток, что отражало, очевидно, процесс готской миграции (Русанова 1993: 182—183; Бирбрауер 1995: 36 и сл.; Седов 1999б: 158—159; 2002: 146—147; Шукин 2005: 93—108). Шла она двумя волнами: ранней брестришинской (вторая половина II — начало III в.) и более поздней и массовой дытыничской (30—60-е гг. III в.) (Русанова 1993: 189—190; Шукин 2005: 103—108). Обе эти волны миграции шли через Волинь. В эпической памяти готов они, вероятно, контаминировались.

Поиск географического прототипа реки, через которую переправлялись готы в «Повести о переселении», является делом непростым уже в силу того, что на своём пути от Балтики к Чёрному морю готы переправились в разное время через несколько крупных рек, память о которых могла контаминироваться в их сказаниях: Вислу, Западный Буг, Припять, Днепр. Собственно, каждую из них разные учёные и предлагали на роль «реки со сломанным мостом» из готского сказания.

Так, например, В.В. Седов видел в этой реке Вислу (Седов 2002: 147), но проблема в том, что уже исходный регион вельбаркской культуры охватывал оба берега этой реки, что наглядно демонстрирует карта, составленная самим Седовым (рис. 2).

Распространённая трактовка «реки со сломанным мостом» как Днепра (Браун 1899: 8, 245—246; Вернадский 1996: 132; Скржинская 2013а: 188—189. Комментарий 68; Вольфрам 2003: 69—70) маловероятна: у Иордана речь идёт о реке где-то на северо-западной границе Скифии, в то время как «Днепр находился в глубине Скифии, за ним начиналась не Скифия, а Меотида» (Седов 2002: 147).

В этом смысле атрибуция «реки со сломанным мостом» как Припяти (Bierbrauer 1994: 105) выглядит более логичной. Думается, что если не рассматривать «реку со сломанным мостом» как исключительно фольклорный мотив, то Припять является на данный момент наиболее обоснованным претендентом на роль её реального гидрографического прототипа.

Следующим ориентиром для нас является «народ» (gens) спалов (Spali), с которым сразились готы по приходе в Ойум. В историографии намечилось два направления атрибуции спалов. Одно из них связывает его со славянским «исполин» и, соответственно, трактует спалов как славянский народ, другое свя-

зывает с упоминаемыми Плинием Старшим (Plinius Maior, между 22 и 24 гг. — 79 г.) спалеями (Spalaei), трактуемыми обычно как одно из причерноморских ираноязычных «племён» (Вернадский 1996: 124, 132—133; Гимбутас 2010: 81; Щукин 1994: 248; Здоров 2000: 136—141). «Другие [сообщают], что сюда вторглись скифы: авхеты, атернеи, асампаты; они поголовно уничтожили танаитов и напеев. Некоторые пишут, что река Охарий течет через земли кантиков и сапеев и что Танаис перешли сатархеи, гертихеи, спондолики, синхиеты, анасы, иссы, катееты, тагоры, кароны, нерипы, агандеи, меандареи, сатархеи-спалеи» (Plin. VI. 22—23; Подосинов, Скржинская 2011: 189).

Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, равно как и О.В. Шаров, безоговорочно принимают вторую интерпретацию, в то время как первую даже не рассматривают. Объясняется это, к сожалению, внеисточниковыми причинами. Указанные исследователи принадлежат к петербургской археологической школе, которая разрабатывает так называемую «лесную» гипотезу славянского этногенеза, согласно которой а ргіогі славян на «готском пути» от Балтики к Чёрному морю быть не могло, так как их предки тогда проживали в ареале «лесных» культур: штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской и т.д. (Щукин 1994: 26—30; 1997; Kazanski 1999; Рассадин 2008; Мачинский 2009: 472—483).

Не вдаваясь сейчас в дискуссию о происхождении славян, отметим, что здесь существует целый ряд концепций, среди которых «лесная» — лишь одна из нескольких и отнюдь не является общепринятой (её критику см.: Седов 1994: 50; 218—220; 2000а; Русанова 1993а: 195—197; Егорейченко 2006: 115—116). Объективный исследователь не должен игнорировать этот факт и ставить телегу впереди лошади: не общие концепции должны направлять чтение источников, но верное объективное прочтение источников должно показать правоту той или иной концепции.

В данном случае хорошо видно, как авторы рассматриваемых статей, приняв а ргіогі одну возможную атрибуцию спалов Иордана, попали в своеобразную логическую ловушку так, что им пришлось домысливать за источники. Поскольку Плиний Старший знает сатархеев-спалеев где-то в Подонье, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в соответствии со своими взглядами на географическую локализацию Ойума как Вольни, соответствующими, надо сказать, тексту Иордана, вынуждены были постулировать не имеющее никакой опоры в источниках допущение, согласно которому они переселились далеко на северо-запад, а заодно

из небольшого «племени», фигурирующего в конце длинного перечня, стали «настолько сильными, что победа над ними отпечаталась в эпической памяти готов» (Мачинский, Воронятов 2011: 256).

В свою очередь, О.В. Шаров, понимая, что никаких оснований «переносить» сатархеев-спалеев из Придонья и Приазовья источники не дают, локализовал Ойум вопреки тексту Иордана не на северо-западном пограничье Скифии, куда ранее всего продвинулись готы, а на её далёкой юго-восточной окраине.

Налицо противоречие: Ойум Иордана — это явно северо-запад Скифии, а сатархеи-спалеи Плиния живут где-то в Подонье или Приазовье. Соответственно, тем, кто отождествляет спалов Иордана со спалеями Плиния, приходится «переносить» либо Ойум, либо спалеев. Таким образом, мы видим, что удовлетворительно согласовать повествование Иордана об Ойуме с отождествлением его спалов с сатархеями-спалеями Плиния нельзя. Видимо, правы те, кто как, например, А.Н. Анфертьев, утверждает, что перед нами лишь случайная омонимия (Анфертьев 1994: 118—119. Примеч. 37).

Более того, есть серьёзные основания полагать, что спалеи (Spalaei) Плиния — это не этноним вообще. По словам О.Н. Трубочёва, «плиниевская форма Spalaei уводит в индоарийский Крым и относится к сатархам — Satarcheos Spalaeos, букв. «сатархи — жители пещер», от греч. апеллатива Σπηλιοι «пещерники» (ЭССЯ 8: 241). То есть перед нами всего лишь определение, данное в источнике сатархам, и ничего больше: сатархи-«пещерники». То, что это именно так, удостоверяет следующий пассаж из «Хорографии» Помпония Мелы (Pomponius Mela, I в. н.э.), объясняющий Плиниевое прозвище сатархов: «Сатархи... из-за суровой и к тому же постоянной зимы *живут в выкопанных в земле жилищах, в пещерах и подземельях*, при этом они закутывают всё тело и даже лицо прикрывают так, чтобы только видеть (курсив мой. — М.Ж.)» (II. 10; Подосинов, Скржинская 2011: 55). Обычно считается, что о них же говорит Страбон в своей «Географии», описывая предгорья Кавказа: «Здесь живут также некоторые *троглодиты, из-за холодов обитающие в звериных берлогах*; но даже у них много ячменного хлеба (курсив мой. — М.Ж.)» (XI. V, 7; Страбон. 1994: 479).

Греческое «кабинетное» прозвище сатархов — «пещерники» (Spalaei) — не имеет никакого отношения к реальной этнической номенклатуре Восточной Европы и, соответственно, не может привлекаться для атрибуции спалов Иордана. Данному этнониму следует искать другое объяснение.

Учитывая сказанное, логично обратиться к давней и прочной лингвистической и исторической традиции, связывающей спалов Иордана со славянским «исполин» (праслав. *jъspolĩnъ/*spolĩnъ. Обсуждение данной проблемы см.: Miklosich 1886: 318; Шахматов 1911: 21—26; Скржинская 2013а: 189—190. Комментарий 70; Фасмер 1986: 141—142; ЭССЯ 8: 240—242; Анфертьев 1994: 118—119. Комментарий 37; Здоров 2000: 136—141; Магомедов 2001: 125; Седов 1999б: 160; 2002: 148; Вольфрам 2003: 70; Зиньковская 2018: 191—192)¹.

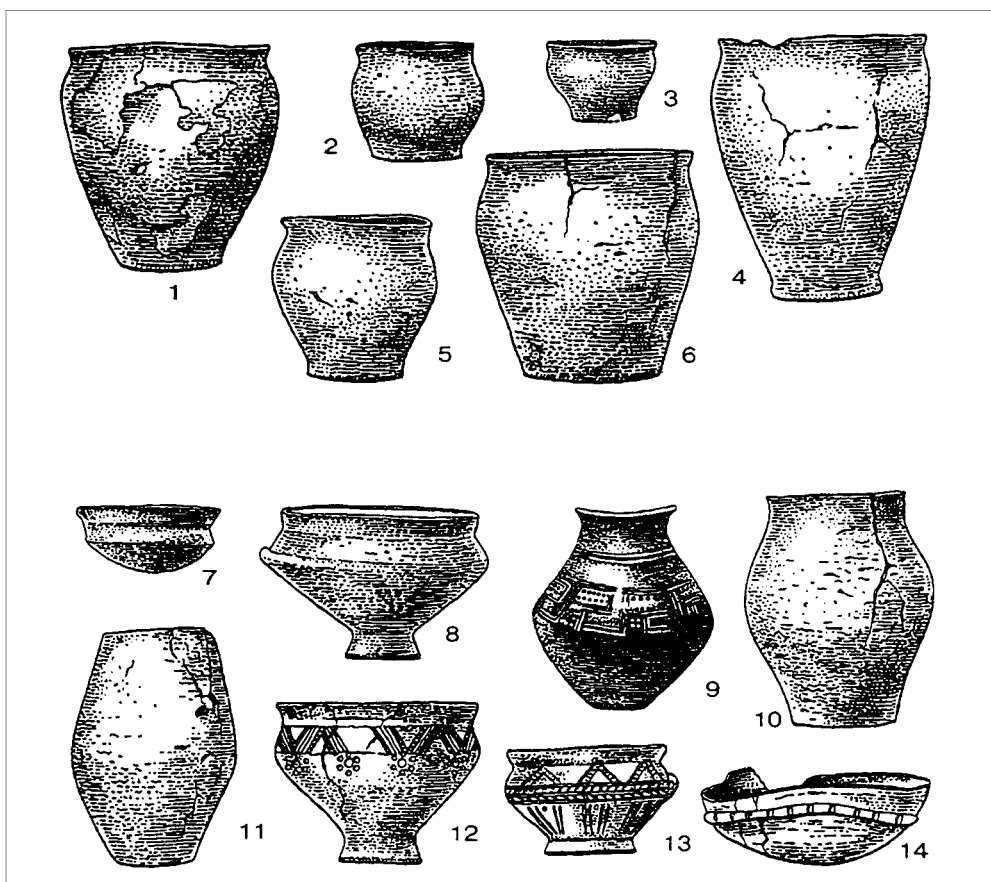
Где готы могли столкнуться со славянами на своём пути с берегов Балтики к Чёрному морю? По мнению В.В. Седова, этими славянами были жители восточного ареала пшеворской культуры Мазовии, Подлясья и Западной Волыни (Седов 1999б: 159—160; 2002: 148). Ещё в 30-х гг. польский археолог Р. Ямка поставил вопрос о полиэтничном составе пшеворского населения, в состав которого входили как германцы, так и славяне. Учёный обратил внимание на существенную разницу урновых и безурновых пшеворских погребений: первые обычно характеризуются значительным инвентарём, содержащим нередко и предметы вооружения, вторые обычно малоинвентарны или безынвентарны, не содержат предметов вооружения. Эти различия, по мнению Р. Ямки, носили этнографический характер, что позволяет связать их с двумя разными этносами: германским (урновые погребения) и славянским (безурновые погребения) (Jamka 1933: 59—60).

И.П. Русанова и В.В. Седов, продолжая разработки Р. Ямки, показали в своих работах, что пшеворская культура представляла собой сложное поликомпонентное образование, в составе которого были кельты, германцы и славяне, имевшие свои археологически фиксируемые этнографические черты (в частности, урновые и безурновые захоронения характеризуются преимущественно разными типами лепной посуды и разным инвентарём: в урновых погребениях встречены предметы, не характерные для ямных захоронений: ножницы, клю-

¹ Здесь нельзя не коснуться ещё одного вопроса, имеющего богатую историографию: о соотношении спалов (*Spali*) Иордана и споров (*Σποροι*) Прокопия Кесарийского, которых этот автор называл предками антов и славян: «Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища» (IV. 29; Прокопий 1994: 185). Этимология византийского автора, очевидно, имеет чисто кабинетный и наивный характер (ср. выше аналогичную народную этимологию происхождения этника «гепиды» у Иордана как «ленивые»). Вариантов расшифровки известия Прокопия было предложено немало, и эта тема нуждается в отдельном обстоятельном рассмотрении. Поэтому скажем только о том, что не видим связи между спалами Иордана и спорами Прокопия хотя бы потому, что в свете сказанного выше следует, что спалы — это вообще не этноним, а лишь готское осмысление славянской лексемы в качестве маркирования в своей исторической памяти славян как древнего легендарного народа — своего противника.

чи, замки, кресала и т.д.), которые распределяются в пшеворском ареале неравномерно. Славяне преобладали в восточной части пшеворской территории, в Повисленье, где пшеворская культура имела в качестве подосновы культуру подклёшевых погребений (Русанова 1976: 201—215; 1988: 195—199; 1990: 119—150; Седов 1979: 58—74; 1994: 178—198; 2002: 112—122). По словам И.П. Русановой, которая подошла к проблеме этнической дифференциации пшеворских памятников по отдельным закрытым комплексам (погребениям и жилищам), «постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами» (Русанова 1990: 135).

Альтернативная гипотеза польского археолога К. Годловского и его последователей (Godłowski 1979; 1981; 1985; Щукин 1997; Kazanski 1999; Новаковский

Глиняная посуда из ямных (1—6) и урновых (7—14) погребений пшеворской культуры

2010: 33—40), согласно которой пшеворская культура была чисто германской, а славяне в Висло-Одерском регионе появились только после ухода отсюда германцев и не ранее V—VI вв. неубедительна. В частности, она не подтверждается современными данными по структуре ДНК обитателей висло-одерских земель пшеворского времени, а потому должна быть отвергнута. Эти данные показывают, что в рассматриваемый период в регионе проживали как германцы, так и славяне и никакой смены населения около середины I тыс. н.э. здесь не происходило (Клёсов 2015: 179—184; Рожанский 2015: 96—105).

На наш взгляд, общий вывод В.В. Седова о спалах как славянах, живших в восточном, висленском, регионе пшеворской культуры, может быть конкретизирован. Наиболее точным соответствием спалам Иордана является так называемая зубрецкая (волыно-подольская) группа пшеворских памятников, существовавшая в позднелатенское и раннеримское время на Воляни и в Верхнем Поднестровье и сложившаяся при некотором участии позднезарубинецкого населения. То, что основу населения зубрецкой группы составляли славяне, убедительно показал её ведущий исследователь Д.Н. Козак (Козак 1978: 72—91; 1984; 1985а: 25—34; 1991; 1993: 53—66; 2004: 68—86; 2008).

По археологическим материалам отчётливо видно, что при вторжении вельбаркцев-готов на Волянь в конце II — начале III в. славяне постепенно перемещаются к югу, в Поднестровье, где количество их поселений растёт, в то время как на севере, на Воляни, они исчезают, здесь распространяется вельбаркская культура готов (Козак 1991; 2008: 211; Магомедов 2001: 125; Щукин 2005: 107—108). Эта археологически фиксируемая картина вытеснения с Воляни вельбаркцами носителей зубрецких древностей хорошо согласуется со сведениями Иордана о победе готов над спалами при покорении Ойума. Именно с носителями зубрецких традиций встретились готы по приходу в Скифию, именно с ними вступили в борьбу и именно их вытеснили с определённой территории.

К сожалению, эти материалы оказались полностью проигнорированы авторами двух рассмотренных новых работ, посвящённых локализации Ойума. О.В. Шаров вообще не касается зубрецкой группы памятников, а Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов лишь бегло упомянули её, никак не связывая со спалами Иордана: «Сам же плодородный Oium был занят без боя. Здесь могли обитать либо бастарны-певкины (зубрецкая группа?), о военной пас-

сивности которых сообщает Тацит, либо проникающие с севера венеты-славяне» (Мачинский, Воронятов 2011: 255). Этот пассаж может вызвать лишь недоумение.

Остров Певка (Peuce, Πεύκη) согласно античной традиции находился в устье Дуная, соответственно, именно там и проживали те бастарны, которые от этого острова прозвались певкинами: «Бастарны... делятся на несколько племен... те, что владеют Певкой, островом на Истре (Дунае. — *М.Ж.*) носят название певкинов» (Strab. VII. III, 17; Страбон 1994: 280). Соответственно, певкины никак не могут быть носителями зубрецких древностей, так как отделены от них сотнями километров.

Анализ античных сведений о венетах начала нашей эры показывает, что римские авторы (Птолемей, Плиний Старший и Тацит) помещают их в бассейне Вислы, там, где в составе пшеворского населения преобладали славяне (Седов 1994: 179—180; 2002: 122—123). И носители зубрецких традиций, очевидно, также входили в число венетов (Козак 2008: 40—42).

То, что именно Волынь была «желанной землёй», куда в своей историко-эпической памяти стремились готы, хорошо показывают археологические материалы. М.Б. Шукин констатирует, что «наибольшая концентрация вельбаркских памятников наблюдается на Волыни» (Шукин 2005: 107), откуда вельбаркцы вытеснили население, представленное зубрецкой группой памятников. Волынь стала важным готским центром и своеобразной базой для дальнейшей экспансии вельбаркцев-готов в земли Скифии, одним из ключевых районов кристаллизации связанной с готами черняховской культуры (Кухаренко 1980: 74—76)¹. Важное экономическое значение для готов имела концентрация на Волыни месторождений янтаря, которые они, захватив эту землю, стали интенсивно разрабатывать (Кулаков 2018: 93—95). Включиться в янтарную торговлю и завладеть источниками янтаря готы стремились с момента своего появления на южных берегах Балтики (о связи готских миграций и торговли янтарём см.: Кулаков 2018: 89—98).

¹ Согласно выводам Б.В. Магомедова, специально изучавшего проблему этнического состава черняховского населения, в нём может быть выделено три главных компонента: 1) готский, представленный развившимися на вельбаркской основе памятниками типа Косанов (или «классические черняховские древности»: Магомедов 2001: 116). Именно они образуют подавляющее большинство черняховских памятников, а их носители — готы составляли основную массу черняховского населения; 2) славянский, представленный развившимися на зубрецкой основе памятниками типа Черепин — теремцы и концентрирующийся в Верхнем Поднестровье (верхнеднестровская группа памятников); 3) иранский («поздние» скифы, аланы и т.д.), концентрирующийся в Причерноморье (причерноморская группа памятников) (Магомедов 2001: 151).

Что же касается славян-спалов, носителей зубрецких культурных традиций, отошедших под готским натиском на юг, в район Верхнего Днестра¹, то они на следующем этапе представлены памятниками типа Черепин-Теремцы, включаемыми обычно в качестве особого локального варианта в состав черняховской культуры (хотя, например, М.Б. Щукин высказался за их исключение оттуда в силу выраженного своеобразия — отсутствия характерных для черняховской культуры биритуальных могильников и крайне малого количества длинных наземных домов: Щукин 2005: 109—112), которые стали одной из основ для становления славянской пражской культуры, что рельефно показано их исследователем В.Д. Бараном (Баран 1961; 1972; 1981; 1983: 5—48; 1988; 2008; Баран, Гопкало 2005; Русанова 1976: 203—205; Седов 1994: 293—296; 1995: 22—23; 2002: 307—308; Магомедов 2001: 151).

В преданиях многих народов говорится о том, что некогда землю населяли мифические великаны, которым на смену пришли обычные люди, нередко так тот или иной народ осмысляет историю своей борьбы с какими-то древними сильными врагами. Славяне, к примеру, так осмыслили свою борьбу с аварами. В Повести временных лет пересказано славянское эпическое сказание о войне между аварами и дулебами, в котором авары наделены чертами мифических великанов (ПСРЛ. I: 11—12; ПСРЛ. II: 9). Аналогично и «в старопольской традиции авары-обры наделялись обликом допотопных — доисторических — исполинов» (Петрухин, Раевский 2004: 178). Видимо, в готском эпосе в качестве древних великанов, противников готов, рассматривались славяне².

¹ Помимо отступления носителей зубрецкой культуры на Верхний Днестр учёным удалось заметить ещё один совершенно неожиданный вектор их движения после готского нашествия на Вольны: далеко на северо-востоке, в Среднем Поволжье, во II в. появляются памятники славкинского типа (названы по имени села Славкино в Сергиевском районе Самарской области), которые находят аналогии в зубрецких материалах Верхнего Поднестровья, в частности с поселением Подберезцы (Козак 1985: 75—89; Матвеева 1986: 160—162). Так часть побеждённых готами славян-спалов проложила путь в Среднее Поволжье, который после новых славянских миграций привёл к сложению в регионе именьковской археологической культуры IV—VII вв. (обсуждение проблематики именьковской культуры и раннеславянского присутствия в Среднем Поволжье см.: Матвеева 1986: 158—171; 1988: 11—13; 2004; Седов 1994: 309—315; 1995: 193—197; 2001: 5—15; 2002: 245—255; Кляшторный 1964: 16—18; 2005: 68—72; Сташенков 2006: 20—30; Богачёв 2011: 72—137; Галкина 2014: 24—31; Овчинников 2016: 151—169).

² Периодически высказываемая гипотеза о том, что спалы Иордана — не славяне, а какой-то другой народ, к имени которого параллельно восходит и славянское «исполин» (см. напр.: Шахматов 1911: 21—26; Здоров 2000: 136—141), на наш взгляд, лишена оснований, поскольку опирается на неверное понимание Плиниевых спалеов-«пещерников» как этнонима и искусственно умножает сущности.

То, что дело обстояло именно так, подтверждают факты, собранные А.Н. Веселовским. Ещё Я. Гримм высказал гипотезу, согласно которой др.-в.-нем. *antisc*, *antrisc*, *entris* «*autiquus, priscus*», а.-сакс. *entisc* «*giganteus*» от *ent* «*gigas*» и прочие родственные лексемы производны от имени антов (Веселовский 1883: 80). Как пишет Веселовский, образ антов был в немецкой фольклорной традиции обобщен «в народных поверьях, как то случилось с другими отжившими, когда-то славными народами: гуннами у немцев, обрами, чудью, спалами у славян, эллинами у современных греков. Анты явились исполинами, им стали приписывать загадочные древние сооружения (*Entiskenweg, entisca geweorc*), как у нас курганы нередко носят этнические прозвища... в преданиях является какое-то «антское» пещерное племя» (Веселовский 1883: 81).

А.Н. Веселовский приводит несколько соответствующих немецких преданий об антах, в котором они предстают в качестве древнего исчезнувшего народа, подобно славянским обрам или чуди. Вот для примера одно из них: «Предание записано в Тироле. Если пойти из Преградтена (*Pregratten*. слав. Преграда) в Виндталь (*Windthal* = долина вендов?), то на разделе вод и племен, баварского и славянского, встретишь так называемую антскую берлогу (*das antische Loch*), о которой рассказывают следующее: в старые годы жили в Виндтале, в этой берлоге, какие-то люди, редко или никогда не показывавшиеся в долине. Только однажды пришла оттуда девушка-красавица и нанялась в услужение в Преттау. Она была молчалива и никому не говорила о своем роде-племени; говорила только, что в Преттау ей быть недолго, потому что когда появится там вооруженный всадник на белом коне, ей снова надо будет вернуться в свою берлогу. Так рассказывая, она плакала; и, действительно, как скоро появился всадник, девушка исчезла. Из берлоги и теперь еще слышится детский плач, а на камнях кругом видели нередко пелёнки, сушившиеся на солнце. В песке у берлоги находили крошечные светло-желтые камешки, величиной с горошину и менее; им приписывают целебный свойства: вытягивать из глаз осколки дерева и сор, туда попавший. Говорят, что это окаменевшие слезы антских людей» (Веселовский 1883: 82).

Таким образом, в германской традиции славяне заняли место древнего народа великанов, сошедшего с исторической сцены. Интересно при этом, что в качестве его обозначения в обиход вошёл один из древних славянских этнонимов, относящийся к рассматриваемой нами эпохе и вышедший с VII в. из оборота (последний раз этноним анты упоминается в источниках в связи с событиями

602 г.: Феофилакт Симокатта 1957: 180. См. также: Свод II: 43). Иордан сообщает о большой войне антов и готов в годы гуннского нашествия (Iord., Get. 246—247; Иордан 2013: 108).

А.Н. Анфертьев по этому поводу отметил: «Можно думать, что этноним (анты. — М.Ж.) попал на запад в составе готских фольклорно-исторических преданий об остроготско-антском конфликте. Может быть, уже в ранний период её формирования, частично отразившийся у Иордана, анты изображались великанами, победа над которыми была особенно почётна?» (Анфертьев 1994: 159. Комментарий 254).

Аналогично и в рассказе «Повести о переселении готов» о борьбе готов со спалами отразилась готская традиция о древней войне или войнах со славянами на Волыни, в рамках которой противники готов уже начали осмысляться в качестве древнего народа великанов.

Любопытно, что впоследствии, когда в VI в. уже «пражские» славяне осваивали покинутую германцами Волынь, судя по всему, имел место зеркальный процесс. Летописцы отмечают, что древнейшим известным им славянским «племенем» на Волыни были дулебы: «Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне» (ПСРЛ. I: 12—13; ПСРЛ. II: 9). Это название имеет германскую этимологию. Согласно О.Н. Трубачёву, «в слав. *dudlebi скрывается герм. *daud-laiba— с этимологическим значением «наследство умершего, выморочное наследство», что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом освоения славянами земель, покинутых одно время германскими племенами» (Трубачёв 1974: 53). Такой этноним указывает, что славяне, носители пражской культуры, вполне могли воспринимать предшественников им насельников Волыни, германцев-готов, в качестве древнего вымершего народа.

Несмотря на очевидные вкрапления фольклорных мотивов, в основе «Повести о переселении готов», донесённой до нас Иорданом, лежит память о реальных событиях ранней истории готов, которые вместе с тем являются и составной частью истории древних славян.

Подводя итоги настоящей работы, можно сказать следующее.

Сохранённый в сочинении Иордана рассказ о миграции готов с берегов Балтики в Скифию восходит к готским эпическим преданиям, связанным, вероятно, с родом Амалов, и отражает реальную историю готской миграции. Его историческая основа подтверждается сопоставлением с другими источниками,

как письменными (Тацит, Птолемей), так и археологическими (поэтапное распространение вельбаркской культуры).

Упоминаемые Плинием сатархеи-спалеи, т.е. «сатархеи»-«пещерники», не могут привлекаться для атрибуции упоминаемого Иорданом «племени» (gens) спалов (Spali), побеждённого готами, поскольку спалеи («жители пещер») — это просто греческое прозвище сатархеев, не имеющее никакого отношения к реальной этнонимии Северного Причерноморья. Иордановым спалам нужно искать другое соответствие.

Наиболее точно рассказу Иордана, согласно которому на пути с балтийских берегов к Чёрному морю готы заняли некую землю Ойум (Oium) и победили «племя» (gens) спалов (Spali), соответствует появление в конце II в. вельбаркских памятников на Воьлини, где они вытесняют проживавших здесь ранее носителей зубрецкой группы пшеворской культуры.

Название «спалы» (Spali) может быть сопоставлено со славянским «исполин» (праслав. *jъspolinь/*spolinь). Спалов Иордана можно отождествить с воьлинскими славянами, которым принадлежали памятники зубрецкой (воьлно-подольской) группы пшеворской культуры. Война с ними была осмыслена в готской эпической традиции в соответствии с фольклорными канонами как борьба с народом древних великанов, с использованием для их обозначения соответствующей славянской лексемы.

IV. Дулебский этнополитический союз и аварское нашествие

В Галицкой и Воьлинской землях в домонгольское время сложились одни из ведущих городов-государств Древней Руси (Фроянов, Дворниченко 1988: 103—156; Майоров 2001; 2011). Их возникновению предшествовал длительный период развития восточнославянских догосударственных и предгосударственных социально-политических объединений в указанных регионах. В Галичине этнополитическое развитие проходило относительно «спокойно»: с VI в. и вплоть до формирования Галицкой земли здесь проживали хорваты¹, создавшие мощное этнополитическое объединение, Великую Хорватию, как называет её Констан-

¹ Во второй половине X в., спасаясь от натиска печенегов, в Верхнее Поднестровье, принадлежавшее хорватам, переселяется часть уличей и тиверцев (Седов 1982: 128). Именно хорваты вместе с этими переселенцами и станут основой населения будущей Галицкой земли.

тин Багрянородный (о Великой Хорватии, этногенезе и ранней истории хорватов см.: Майоров 2006; 2006а).

К северу от Великой Хорватии, в будущей Волынской земле, тоже возникли мощные этнополитические объединения восточного славянства, но здесь их развитие проходило более дискретно, что породило путаницу в источниках и как следствие — противоречивую историографию.

Повесть временных лет (далее — ПВЛ), говоря о предыстории этого региона, свидетельствует, что сначала здесь жили «бужане, зане седоша по Бугу, послеже вельняне» (ПСРЛ. I: 11; ПСРЛ. II: 8); «дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне» (ПСРЛ. I: 12—13; ПСРЛ. II: 9).

Если летописному тексту буквально, то получается, что дулебы и бужане — это названия древних славянских этнополитических объединений, существовавших некогда там, где ныне — во времена летописца — находятся вольняне. Л. Нидерле верно, на наш взгляд, констатирует: «Взаимная связь между этими наименованиями племён неясна, однако все они, видимо, ведут своё начало от одного большого, самого западного русского племени, которое обитало между Западным и Южным Бугом — в исторической Волыни» (Нидерле 2001: 169).

Летопись помогает пролить свет и на причину исчезновения дулебов и сменя их вольнянами, говоря о том, что «въ си же времена быша и Обри, [иже] ходиша на Ирѣклия царя и мало его не яша. Си же добре воеваху на Словенех, и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женамъ Дулепскимъ. Аще поехати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести Обърена. [и] тако мучаху Дулебы. Быша бо Объре теломъ велици, и оумомъ горди, и Богъ потреби я, [и] подроша вси, и не остася ни единъ Объринъ. [и] есть притьча в Руси и до сего дне: «погибоша аки Обре», ихже несть племени ни наследька. По сихъ же придоша Печенези, паки идоша Оугри Чернии мимо Киевъ послеже при Олзе» (ПСРЛ. I: 11—12; ПСРЛ. II: 9).

Многие исследователи рассматривали этот рассказ как свидетельство существования на Волыни в VI—VII вв. значительного этнополитического объединения дулебов, разгромленного аварами (Ключевский 1987: 122—124; Нидерле 2001: 169—170; Мавродин 1945: 85—86; Греков 1953: 441—443; Третьяков 1953: 297—298; Баран 1969; Седов 1982: 90—94; Рыбаков 1982: 236; Фроянов 2001: 724—727; Свердлов 2003: 92; Войтович 2006: 6—12).

*Славянские женщины везут дуба.
Миниатюра Радзивилловской летописи*

Очевидно смешение в летописном пассаже славянской эпической традиции о борьбе дулебов с аварами, об иге, установленном кочевниками над славянами, со сведениями о восточном походе византийского императора Ираклия (610—641) и об аварской осаде Константинополя в 626 г., извлечёнными из хроники Георгия Амартола. Исследователи давно заметили это обстоятельство, и некоторые из них стали на этом основании предполагать книжное происхождение всего рассказа.

С.А. Гедеонов полагал, что автор ПВЛ для того, чтобы «соображать исторические системы» (Гедеонов 2004: 319), мог «сокращать и облекать в историческую русскую форму» византийские сообщения о славянах и Руси (Гедеонов 2004: 318), в частности, он «умеет приноровить к Руси и самые греческие присловия, ибо знаменитая, чисто библейская притча: «Есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обре, ихъ же несть племени, ни наследька» была известна грекам уже за два столетия до Нестора; в письме Симеону Болгарскому патриарх Николай говорит об аварах: «ἀλλὰ καὶ οὗτοι ἀπάλοντο, καὶ οὐδὲ λβιψανον τοῦ γένους ὑφίσταται» (Гедеонов 2004: 318—319).

Хотя сам С.А. Гедеонов своё наблюдение трактовал в контексте привязки летописцем византийского материала к реальным событиям древнерусской истории, известным ему по преданиям, А.С. Кибинь ныне полагает, что оно

«ослабило главный аргумент, чётко привязывающий рассказ о притеснениях обрвов к восточноевропейскому ареалу» (Кибинь 2014: 158).

Но, во-первых, как справедливо указал Л.В. Войтович, «такая мысль (о бесследном исчезновении аваров. — М.Ж.) в X в. могла прийти в голову практически всем, кто слышал об аварах. В письме патриарха нет ни одного намека на телеги, запряженные женщинами» (Войтович 2006: 8). По словам историка, «попытки доказать, что составитель Древнейшего свода «изваял» дулебо-аварскую историю из литературного источника, выглядят ученой спекуляцией» (Войтович 2006: 8).

Во-вторых, и слова патриарха Николая Мистика, и приведённая летописцем «притча» имеют очевидную библейскую параллель (рассказ о допотопных исполинах, «сильных, издревле славных людях»: Быт. 6), соответственно, нет оснований предполагать здесь прямую зависимость летописи от византийского источника.

В-третьих, летописец ясно указывает, что приведённая им поговорка бытует на Руси и ни на какие греческие источники не ссылается. Между тем такие ссылки для него при заимствованиях оттуда каких-то данных обычны: «Глаголеть Георгий в летописаньи» (ПСРЛ. I: 14; ПСРЛ. II: 10); «при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи Гречьстемь» (ПСРЛ. I: 17; ПСРЛ. II: 12) и т.д.

Наделение древних врагов чертами мифических великанов, древних насельников земли, — традиционный фольклорный мотив, который, очевидно, существовал и у славян и который просто был литературно обработан летописцем в духе средневековой, ориентированной на Библию книжности. Что дело обстоит именно так, подтверждается наличием западнославянской традиции об обрах, в которой они также наделялись качествами древних исполинов. Почешски «великан» — obr, по-словацки — obor, obrovská, по-польски — olbrzym (древнепольское obrzym), по-верхнелужицки — hobr, по-словенски — óbær. Прямую параллель находим в немецком Nühne — «великан/исполин/богатырь», производном от этнонима «гунны».

Обращение к Хронике Георгия Амартола, откуда летописец почерпнул сведения о восточном походе императора Ираклия¹ и аварской осаде Константи-

¹ «...Хоздрой нечестивый посла етера князя на грекы... Царь же Ираклий... на персы исполчися, еще же призвавъ угры на помощь» (Истрин 1920: 434).

нополя 626 г.¹, показывает полное отсутствие там чего-либо похожего на сюжет о притеснении аварами дулебов.

Выявить какой-либо византийский прототип летописного рассказа об аварском иге над дулебами не удаётся. Перед нами оригинальное произведение, в которое добавлены сведения из Хроники Амартола, вводящие его в исторический контекст, коим для русских книжников было «летописание греческое».

Автор этого летописного фрагмента пересказал, по всей видимости, какое-то славянское эпическое сказание о войне между аварами и дулебами, в котором авары наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми. В ходе этой войны славяне были разгромлены, и завоеватели возложили на них иго — так в Древней Руси обозначались угнетение и насилие, а первоначально, по всей видимости во времена авро-дулебской войны, «ярмо, воловья упряжь» (Журавлёв 1996: 143), в которую завоеватели запрягали дулебских женщин.

Франкский хронист Фредегар сообщает о притеснении аварами славян на Среднем Дунае (Свод II: 367), а византийский автор Менандр Протектор об аварских набегах на антов (Свод II: 317).

Находившаяся на восточных рубежах Аварского каганата Волынь едва ли могла миновать тяжесть аварских набегов, но она не имела своего Фредегара или Менандра, которые могли бы их описать, так как находилась слишком далеко и от державы франков, и от Византии. Археологические материалы свидетельствуют о значительности аварского погрома на Волыни. Аварами было разрушено городище Хотомель (Кухаренко 1961: 9—10), в нижнем слое которого обнаружены аварские стрелы (Баран 1972: 67—68). Та же участь постигла и городище Зимно (Ауліх 1972: 56—59; Тимошук 1990а: 154).

В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский полагают, что «видимо, в летописи мы имеем дело с фрагментами «земледельческого» эпоса, где эпические враги используют женщин в качестве тягловых животных, налагая на них ярмо — «иго». Обычай брать дань с плуга — с «рала» (в Древней Руси и других ранних славянских государствах. — М.Ж.) — подкреплял это значение» (Петрухин, Раевский 2004: 179).

¹ «Тогда и обри придоша к цареви мира просить с лестию. Их проуготование прият в Ираклии сътвори слом, ту покояшеть а. Си же, злое в сердци своемь имуще, к своим сродником послаша весть: «Скоро грядите, се бо царь богат у нас есть». Онем же сверепом бесом никакo ж ослабивше, на земли ту придоша. Приобретаниемь человеколюбивому богу, спасающу правья серддем, одва в Узантию възвратився, царь приде. Они же, гнавше по нем далече и не състигше, все богатство его взяша и, на Фракись нагнавше, плениша мужь и жен тысящ 70. И тако възвратишяся в свояси» (Истрин 1920: 434).

Б.А. Рыбаков трактовал летописное предание иначе: «Печальная повесть об аварских насилиях над дулебами... вероятно, сложилась ещё во времена могущества Аварского каганата и должна была служить целям организации борьбы с насильниками-обрами. Повесть вызывает к рыцарским чувствам славян, особенно ярко изображая издевательство чужеземцев над женщинами, используя при этом образ аварского вельможи, возлежащего на телеге, которую везут на себе впряжённые вместо коней женщины побеждённого племени дулебов» (Рыбаков 1963: 37).

Как бы то ни было, перед нами одно из народных славянских преданий, относящееся к циклу о борьбе с врагами-кочевниками, попавшее в летопись. Наиболее вероятно, что оно представляло собой фрагмент эпоса волынских дулебов.

Некоторые исследователи относили летописную легенду об аваро-дулебской войне к западнославянским или паннонским дулебам и видели в ней отражение их эпоса (Вестберг 1908: 394—397; Пресняков 1993: 264; Kuczyński 1958: 226—227; Королюк 1963; Кибинь 2014). На наш взгляд, эти построения неосновательны, ПВЛ не знает никаких дулебов, кроме волынских (ПСРЛ. I: 11, 29; ПСРЛ. II: 8; 21).

Нельзя не коснуться вопроса о причинах широкого распространения имени дулебов в славянском мире. Источникам оно известно помимо Волини также в западнославянском и южнославянском ареалах близ Паннонии (см. рис. 15). Повторяемость этнонимов — характерная черта славянской ономастики (Трубачев 1974), которая обычно трактуется как следствие славянского расселения VI—VII вв., когда старые праславянские племенные объединения распались, а их осколки оказывались за сотни километров друг от друга. Впрочем, о некоторых славянских именах (типа поляне — «жители поля» на Среднем Днепре и в Польше) нельзя сказать наверняка, имеем ли мы дело с осколками древнего славянского «племени» или же с названиями, конвергентно возникшими на славянской языковой почве. Иначе дело обстоит со славянскими этнонимами, имеющими иноязычное происхождение, — здесь мы довольно уверенно можем говорить об общности происхождения их носителей (ср.: Горский 2004: 13. Примеч. 10).

К этой последней группе принадлежит и имя «дулебы», которое имеет германскую этимологию. Согласно О.Н. Трубачеву, «в слав. *dudlebi скрывается герм. *daud-laiba — с этимологическим значением «наследство умершего, выморочное наследство», что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом

освоения славянами земель, покинутых одно время германскими племенами» (Трубачев 1974: 53).

По мнению В.В. Седова, «поскольку этот этноним (дулебы. — М.Ж.) имеет западногерманское происхождение, то, видимо, нужно допустить, что славянское племя дулебов сложилось ещё в римское время где-то по соседству с западногерманским населением. Оттуда дулебы расселились в разных направлениях. Средневековые письменные источники фиксируют дулебов на Волыни, в Чехии, на Среднем Дунае, между озером Балатон и рекой Мурсой, и в Хорватии на Верхней Драве» (Седов 1979: 132—133). В более поздней своей работе В.В. Седов уточнил, что, по всей видимости, «племенное образование дулебов сложилось ещё в римское время, когда на территории пшеворской культуры имели место внутрорегиональные контакты славян с германцами, в том числе и с западногерманскими племенами» (Седов 1999: 46). Эти выводы учёного имеют общий характер и не дают возможности определить конкретный район славянского мира, в котором появился этноним дулебы.

В науке распространена идея о волынской прародине дулебов. Так, Л.В. Войтович считает, что на своём пути в Паннонию авары прошли через Волынь и завоевали её около 561—562 гг. (Войтович 2006: 11), что привело к миграции части дулебов на запад, что принималось и нами.

Интересно, что если «дулебами» стали называться «пражские» славяне, осваивавшие Волынь после ухода отсюда готов и других германцев, то они, соответственно, воспринимали их как древний вымерший легендарный народ. При этом имела место как бы зеркальная ситуация в отношении событий, имевших место на Волыни в конце II в.: пришедшие в регион готы вытеснили местных славян (зубрецкая культурная группа) и в своих преданиях осмыслили свою борьбу с ними как противостояние древнему народу легендарных великанов — «спалов».

В то же время гипотеза о том, что путь аварской миграции шёл через Волынь, т.е. далеко от степной полосы и к северу от Карпат, небесспорна. Возможно, что Волынь подвергалась аварским набегам с запада, уже из Паннонии, как полагал А.А. Шахматов (Шахматов 1919: 20). К этому склоняют и некоторые археологические материалы. Так, городище Зимно погибает в огне аварской осады только в VII в. (Тимощук 1990а: 155). Возможно, Волынь пережила несколько аварских ударов.

С.В. Конча высказал гипотезу, согласно которой дулебы на Волыни — это выходцы из Подунавья, бежавшие туда от аварского ига, они же и были носителями предания о его тяготах, попавшего в летопись (Конча 2005: 28). На наш взгляд, такие построения являются сугубо умозрительными и не имеют опоры в источниках. Более того, такой трактовке прямо противостоят археологические следы аварского погрома на Волыни, которые указывают на то, что эта земля точно так же, как и Подунавье, страдала, по крайней мере какое-то время, под ярмом завоевателей.

Славянские легенды о войне или войнах с аварами, вероятно, бытовали всюду, где славяне сталкивались с воинственными кочевниками. Одно из таких преданий, связанных с волынскими дулебами, попало в древнерусскую Повесть временных лет.

Судьба раннесредневековых дулебов была в известной мере сходной с судьбой соседних с ними хорватов: одно из древнейших славянских этнополитических объединений, оно было разгромлено в ходе аварского нашествия и распалось, а значительная часть дулебов ушла на запад, где впоследствии приняла участие в чешском и польском этногенезе (Łowmiański 1962: 258—259).

В отличие от хорватов дулебам после аварского разгрома не удалось сохранить доминирующего положения в исходном регионе своего проживания, и они уступают лидирующее место на Волыни волынянам, о чём говорят приведённые выше летописные свидетельства. В то же время часть дулебов остаётся на месте, хоть и теряет своё былое политическое значение.

В начале X в. летопись упоминает о вхождении дулебов в состав войска Олега при его походе на Константинополь (ПСРЛ. I: 29; ПСРЛ. II: 21). И нет достаточных оснований считать это летописное свидетельство книжным и недостоверным: очевидно, что для летописцев дулебы — жители Восточной Европы, наряду с другими участниками Олегова похода, которые все совершенно реальны и ничего «книжного» в себе не несут (варяги, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, вятичи, хорваты, северяне, тиверцы).

Упоминание дулебов в числе участников похода 907 г. отражает представления летописца о существовании в начале X в. восточнославянских дулебов и о сохранении ими определённого этнополитического единства и значения. О том же свидетельствует и фиксация их эпоса на страницах ПВЛ.

Рядом с волынянами помещает дулебов в качестве их современников в середине X в. и ал-Мас'уди: «Вслед за этим родом (за «родом» влинан — во-

лынянами. — *М.Ж.*) из родов ас-сакалиба (славян. — *М.Ж.*) Истбрана, и в наше время их царь называется Б.Сакляих (Б.Саклабдж). И род, называемый Д.лавна (дулебы. — *М.Ж.*). Называют их царя Вандж Аляф (Ваих Слаф)» (Галкина 2016).

Некоторым учёным кажется более предпочтительным, что речь здесь идёт о западнославянских дулебах, так как имя их правителя Вандж Аляф (Ваих Слаф) можно сопоставить с именем чешского короля Вацлава (или Венцеслава, 921—929: Мишин 2002: 63), но это может быть простым совпадением или созвучием. Имеющаяся в «Баварском географе» параллель к рассказу ал-Мас'уди о В.линана, о которой ниже будет сказано и которая датируется 70-ми гг. IX в., т.е. задолго до правления Вацлава, свидетельствует против такого сопоставления, если считать информацию ал-Мас'уди о В.линана и Д.лавна синхронной. Соответственно, мы считаем более убедительной трактовку Д.лавна ал-Мас'уди как волинских дулебов, известных ПВЛ.

V. Этнополитический союз волянян. Проблема атрибуции В.линана ал-Мас'уди

Согласно летописи, на первый план в Волинском регионе после разгрома аварями дулебов выходят воляняне. Однако это не сопровождается какой-либо сменой материальной культуры региона, позволившей бы говорить о приходе какого-то нового населения. Напротив, в VI—IX вв. мы видим на Волини последовательное развитие материальной культуры от пражско-корчаковской к луки-райковецкой, вторая эволюционно вырастает из первой (об археологии Волини VI—IX вв. см.: Баран 1969; Русанова 1973; Седов 1982: 90—101; 1999: 41—50; Кучинко 1972; 1993; 1994; 1996; 2002; Кучинко, Охрименко 1995; Głosik 1959—1960: 320—321; Сункаловски 1961; Kuczyński 1962: 233—251; Skrzypek 1962; Nowakowski 1972; Parczewski 1991; 1996; Szymański 1996; Михайлина 2007).

Никаких признаков смены населения или просто прихода в регион каких-то новых этнических групп не обнаруживается. Л.В. Войтович констатирует, что «если бы в VII—X вв. в Волинской земле трижды произошла смена населения, то такое изменение неминуемо нашло бы отражение в археологическом материале. Но ничего подобного найти не удалось» (Войтович 2006: 7), из чего делает справедливый вывод: «Эта территория (Волянь. — *М.Ж.*) была заселена

по меньшей мере четырьмя-пятью родственными племенами, которые периодически составляли политические объединения, носившие названия по имени племени-гегемона» (Войтович 2006: С. 7, 11—12. См. также: Мавродин 1945: 85—86; Рыбаков 1982: 236—237). Проще говоря, на Волыни на первый план выдвигалась то одна славянская этнополитическая группа (славиния), то другая. И если первыми гегемонами на Волыни были дулебы, то после их разгрома аварами, первенство в регионе переходит к волянянам.

Гипотеза, согласно которой воляняне — это лишь новое название дулебов (Баран 1997а: 131—132; Михайлина 2007: 180—181), представляется безосновательной. Летописец ясно разделяет дулебов и волянян как более ранних и более поздних насельников Волынской земли (ПСРЛ. I: 11—13; ПСРЛ. II: 8—9). Более справедливой, на наш взгляд, выглядит идея Л.В. Войтовича.

К счастью, о волянянах у нас есть не только записанные в Повести временных лет полулегендарные сведения, как это имело место с дулебами, но и данные восточных источников, записанные довольно рано и независимые от восточнославянской традиции. Ал-Мас'уди (ум. ок. 956/57 г.) в своих «Золотых копиях и россыпях самоцветов»¹ (ок. 947 г.) сообщает: «И эти <язычники> разделяются на разные роды: из них род, у которого с глубокой древности была государственность. Был у них царь, которого называли Маджк (Маджл). И этот род называется в.линана. В древности за этим родом следовали остальные роды ас-сакалиба (славян. — М.Ж.) <по смыслу: этот род наиболее знатен из ас-сакалиба, т.к. у них впервые появилась государственность>, так как именно у них <в.линана> был царь, и другие их цари подчинялись ему» (Галкина 2016).

И далее: «И ас-сакалиба много родов и разновидностей. Эта наша книга не подходит для описания всех их разновидностей и различных их разветвлений. Ранее мы упомянули известие о царе, которому подчинялись все их цари в древности, и это Маджк <царь> в.линана. И этот род один корень из корней <т.е. одна из главных династий> ас-сакалиба, почитаемый в их родах. И это идет у них с древности. Затем появились разногласия между их родами, и исчез их порядок <иерархия>. И их роды стали враждебны друг другу. Царь каждого их рода является царем, как мы упомянули, из их царей, по причине, о которой долго рассказывать» (Галкина 2016; см. также: Гаркави 1870: 135—138; Lewicki 1940/1950: 355—360).

¹ Так перевёл название его труда Д.В. Микульский: ал-Мас'уди 2002.

Аналогичный рассказ есть и у Ибрахима Ибн Йа'куба ал-Исраили ат-Туртуши (до 912/13 — после 966) — еврейского купца из Тортосы, посетившего в 965 г.¹ славянские земли в Центральной Европе, а точнее, по всей видимости, Чехию и земли ободритов (Мишин 2002: 37). Непосредственно сочинение Ибрахима Ибн Йа'куба до нас не дошло, но сохранились выписки из него, содержащиеся в сочинениях более поздних авторов: ал-Бекри (XI в.), ал-Казвини (XIII в.), ибн Саида (XIII в.) (Куник, Розен 1878; Lewicki 1940/1950: 356—367).

Вопрос о том, с каким славянским этнополитическим объединением связывать эти известия восточных источников, вызвал большие споры. Некоторые учёные пытались связать их с поморским городом Волином (см., напр.: Charmoy 1832—1833: 84; Łowmiański 1964: 358). Эта гипотеза совершенно неубедительна: в Поморье не было никакого славянского «племени» с подобным названием², а сам Волин становится значительным экономическим и политическим центром только со второй половины и особенно с конца X в., хотя возник, судя по последним данным, ещё в первой половине IX в. (о возникновении и ранней истории этого города см.: Bollnow 1936: 48—96; Wojciechowski 1939; Kowalenko 1950: 378—419; 1953; Szczecin i Wolin 1954; Kiersnowski 1956: 229—251; 1959; Leciejewicz 1962; Rozenkranz 1962; Kostrzewski 1966; Olczak, Siuchninski 1966—1968; Filiopwiak 1997; 2004; Dulnicz 1999; Duczko 2000). Таким образом, расцвет этого города начался во времена после того, как было написано сочинение ал-Мас'уди, а сама история непрерывного возвышения Волина в IX—XI вв. прямо противоположна рассказу ал-Мас'уди: он пишет о распаде древнего политического объединения, а в случае с Волином мы видим историю непрерывного возвышения этого города, подчинявшего соседей. Налицо серьёзное расхождение между историей раннего Волина и нашим источником.

Ещё более невероятно отождествление в.линана с Великой Моравией, также предлагавшееся некоторыми исследователями (Cynkałowski 1961: 179), так как

¹ Эта датировка является наиболее убедительной: Вестберг 1903: 77—78; Kowalski 1946: 40—41; Widajewicz 1946: 10—14; Ковалевский 1973: 63; Мишин 2002: 36—37, 47. Примеч. 23.

² Этот аргумент может быть парирован замечанием, что у ал-Мас'уди славянский «род» в.линана — это жители города Волина, которые тоже должны были называться «вольнянами» (за указание на это благодарю Е.С. Галкину). Но это замечание, на наш взгляд, нельзя признать убедительным. У ал-Мас'уди речь всё же идёт о «роде» славян, а не о городе. О городе у него нет ни слова. Мог ли он назвать жителей Волина по имени их города, при этом ни слова не сказав о самом городе? Это кажется очень сомнительным: примеров, когда бы ал-Мас'уди называл то или иное славянское «племя» по имени его города, нет.

оно является совершенно произвольным, тем более что у ал-Мас'уди Великая Моравия названа под собственным именем (Мишин 2002: 63).

А.Я. Гаркави столь же безосновательно, на наш взгляд, отождествил в одной из своих работ в.линана ал-Мас'уди с Валахией (Harkavy 1881: 9).

Предлагалось отождествление названного у ал-Мас'уди и Ибрахима Ибн Йа'куба славянского народа с велетами-лютичами, возможное, по мнению некоторых учёных, с позиций арабской графики (Westberg 1898: 49; Kowalski 1946: 48, 56; Lewicki 1956: 108—110; 1955: 150; Левицкий 1962; Widajewicz 1946: 18—21; 1951: 55—82; Miquel 1975: 314; Бейлис 1989: 57—58; Мишин 2002: 37, 47—48. Примеч. 25). Однако и оно не представляется основательным (Ковалевский 1957; 1973: 62—79; Labuda 1960: 56; Мишин 2002: 66—67; Войтович 2006: 9—10). Нет никаких оснований говорить о том, что лютичи некогда главенствовали над неким значительным славянским этнополитическим объединением, впоследствии распавшимся (Bulin 1958: 5, 71; Schuldt 1963: 217—238; Herrmann 1968: 164)¹.

Да и о сильной княжеской власти у лютичей и о существовании у них когда-либо такого великого правителя, как тот, о котором говорят наши авторы, также ничего не известно из других источников (Мишин 2002: 37, 67), а между тем «племя» это описано в них весьма подробно. И даже более того: источники, как восточные², так и западноевропейские³, согласно говорят об отсутствии у лютичей сильной княжеской власти.

Д.Е. Мишин недавно попытался отождествить в.линана ал-Мас'уди с венетами, которые у Иордана (VI в.) выступают в качестве предков всех славянских народов (Мишин 2002: 67). Это предположение также едва ли основательно: ни в каких иных источниках, кроме сочинения Иордана, венеты в качестве предков

¹ Единственное, что в истории лютичей может быть сопоставлено с рассматриваемыми известиями, — это распад их «племенного союза» в середине IX в. (Die slaven 1985: 8), однако это событие сложно соотнести с известием ал-Мас'уди, так как он говорит о происхождении от названного «рода ас-сакалиба» многих других их «родов», под которыми имеются в виду славянские этнополитические объединения, что едва ли применимо к велетам-лютичам (ср.: Мишин 2002: 66—67).

² Сам Ибрахим Ибн Йа'куб в том месте своего труда, где он бесспорно описывает велетов-лютичей (Мишин 2002: 37 и сл.), говорит: «Они (велеть-лютичи. — М.Ж.) не имеют царя и не позволяют управлять собой [одному] правителю, а осуществляющими власть среди них являются их старцы» (Kowalski 1946: 50). Не будем сейчас вдаваться в вопрос, кого Ибн Йа'куб понимал под «старцами» («starsi» — перевод Т. Ковальского). Для нас важно указание на «коллегиальный» характер правления у лютичей и отсутствие у них сильной княжеской власти.

³ Титмар Мерзебургский в начале XI в. указывал на то, что «во главе их, носящих общее имя лютичей, нет какого-то одного правителя. Обсудив в народном собрании то или иное решение, они все должны дать согласие на приведение его в исполнение» (Титмар 2009: 103).

всех славянских этносов (или какой-то значительной их части) не фигурируют. В более поздних западных источниках венетами (вендами) всегда называется лишь определённая группа славян (см. о ней: Седов 2002: 324—402), и в них нет даже намёка на то, что когда-то они (венеты) властвовали над другими славянами или имели в древности своё значительное политическое объединение.

Решающее значение в вопросе о том, где же располагалась в.линана ал-Мас'уди: на Волини или на Балтийском Поморье (в Волине или в земле лютичей) имеет, на наш взгляд, рассмотрение контекста этого известия, т.е. «славянского рассказа» ал-Мас'уди в целом и определение того, о каком регионе Восточной Европы он говорит. Именно в этом регионе и следует, на наш взгляд, искать в.линана. Указанные выше попытки её локализации были, в сущности, произвольными, так как не опирались на целостный анализ географической системы «славянского рассказа» ал-Мас'уди.

В контексте сообщения о в.линана ал-Мас'уди перечисляет ряд славянских «родов», которые довольно уверенно — при наличии отдельных дискуссионных моментов — локализируются в Центрально-Восточной и отчасти Южной Европе (Мишин 2002: 63—65). Эта локализация подтверждается и ремаркой арабского автора, предшествующей рассказу о в.линана, согласно которой «у них (славян. — М. Ж.) цари, и некоторые из них исповедуют христианство якобитского толка (или несторианского)» (Галкина 2016).

Это вполне реально для славян Центрально-Восточной Европы, но совершенно нереально для балтийских славян.

Далее ал-Мас'уди упоминает некоего славянского правителя: «И первый из царей ас-сакалиба царь ад-дайр <духовного центра, места нахождения храма ас-сакалиба>. И у него большие города и многочисленные населенные пункты. И торговцы-мусульмане приезжают в столицу его владения с различными товарами» (Галкина 2016).

«Имя» (?) этого славянского «царя», ад-дайр, некоторые учёные читали, как ал-Дир и сопоставляли, соответственно, с летописным Диром (Lelewel 1852: 50; Гаркави 1870: 137; Dorn 1875: XXXIII; Hauptmann 1925: 106; Мавродин 1945: 218; Pritsak 1981: 142, 176; Новосельцев 1991). Предлагались время от времени и другие варианты его прочтения и отождествления (Charmoy 1832—1833: 97, Lewicki 1948: 22—34; Ковалевский 1973: 71).

Д.Е. Мишин, справедливо отвергнув ранее предложенные варианты, включая и отождествление с летописным Диром, как совершенно необоснованные (Ми-

шин 2002: 68—69), предложил считать это «имя» искажённым именем правителя Волжской Булгарии Алмуша (Мишин 2002: 69—70), которого ибн-Фадлан называет в своём сочинении маликом ас-сакалиба — «государем славян» (Ибн Фадлан 1956: 121—148). Однако такое отождествление ничуть не убедительнее выдвигавшихся ранее и справедливо отвергнутых Д.Е. Мишиным.

По мнению Е.С. Галкиной, это «имя» славянского правителя следует читать и интерпретировать как «<правитель> духовного центра, места нахождения храма ас-сакалиба», что отводит все ранее предлагавшиеся его отождествления. Это навело исследователя на мысль о том, что ад-дайр — это один из правителей балтийских славян, хорошо известных своими храмами¹. Но это едва ли верно: ал-Мас'уди говорит о том, что в столицу этого славянского правителя прибывают «торговцы-мусульмане с различными товарами», что совершенно нереально для правителя балтийских славян.

Ещё более красноречивы слова ал-Мас'уди, сказанные им о соседнем с ад-дайр славянском правителе: «Вслед за этим царем (за «царём» ад-дайр. — М.Ж.) из царей ас-сакалиба царь аль-Авандж <авандж — народ> (царь аль-Ифрандж). И у него города и обширные поселения, и несколько войск, многочисленные. И он воюет с Румом (Византией. — М.Ж.) и аль-Ифрандж (франками. — М.Ж.) и ан-нукбард, и другими народами. И война между ними идет с переменным успехом» (Галкина 2016).

Не вдаваясь в проблему атрибуции этого славянского правителя (обзор историографии см.: Мишин 2002: 69—70), отметим, что воевать с Румом, т.е. Византией, правитель балтийских славян никак не мог. Это заставляет искать его владения где-то в пределах досягаемости Византии, т.е. в Центрально-Восточной или Южной Европе.

Далее ал-Мас'уди говорит о том, что «вслед за этим царем (за «царём» аль-Авандж. — М.Ж.) из царей ас-сакалиба царь тюрков» (Галкина 2016), т.е. венгров, которых наш автор ошибочно относит к славянам. «И этот род («тюрков»-венгров. — М.Ж.) самый красивый внешним видом из ас-сакалиба и самый многочисленный и самый боеспособный <стойкий>» (Галкина 2016).

Это наводит на мысль, что двух предыдущих славянских правителей надо искать где-то по соседству с венграми, что полностью согласуется с данными ал-Мас'уди о том, что в столице одного из них торгуют мусульманские купцы, а второй воюет с Византией.

¹ Устное объяснение Е.С. Галкиной.

Что же касается «имени» первого из трёх славянских правителей, названных ал-Мас'уди, и его семантики — ад-дайр — «<правитель> духовного центра, места нахождения храма ас-сакалиба», а также следующего за рассказом о «трёх славянских правителях» рассказа о славянских языческих храмах, которые соблазнительно связать с широко известными храмами балтийских славян, то их в свете всего вышесказанного также следует искать, увы, не в Балтийском Поморье, а где-то в Центрально-Восточной Европе. Например, в Прикарпатье, где последние исследования выявили значительный славянский культовый центр с рядом значительных храмов (Русанова, Тимошук 2007).

Таким образом, подытоживая сказанное, мы видим, что весь контекст рассказа ал-Мас'уди о в.линана связан с Центрально-Восточной Европой, граничащей с Венгрией, владениями франков и Византией. Именно здесь, а вовсе не на Балтийском Поморье и надо искать в.линана. Ни ал-Мас'уди, ни кто-либо из его предшественников или современных ему авторов, а равно и последующих авторов вплоть до XI—XII вв. не знал о существовании Балтийского моря и ни разу не упомянул его. Не знали арабские авторы того времени и ни о каких народах, живших в районе Балтийского моря и вообще севера Восточной Европы (Галкина 2002: 72—81; 2006: 204—207 и др.).

Отождествление в.линана ал-Мас'уди именно с восточноевропейскими во-лынянами (Ключевский 1987: 122—124; Westberg 1898: 47; Третьяков 1953: 298; Labuda 1948: 203—225; Фроянов 2001: 724—727; Войтович 2006: 8—11) представляется на сегодняшний день наиболее убедительным.

Д.Е. Мишин подверг его критике, указывая на то, что «поиск в.линана на Во-лыни, однако, наталкивается на ряд возражений. Можно ли поручиться, что в первой половине X в. славяне Центральной Европы или славяно-германского региона (именно оттуда получил, по мнению Д.Е. Мишина, ал-Мас'уди информацию о в.линана. — М.Ж.) ещё помнили о событиях на Во-лыни приблизительно четырёхвековой давности (господство дулебов до прихода аваров)? Такое, конечно, возможно, но почему тогда название народа выступает не в оригинальной, употреблявшейся тогда форме, а в другой, которая появилась позднее, в иных исторических условиях?» (Мишин 2002: 66). Эти сомнения учёного безосновательны, так как основаны на том, что он следует за распространённым в историографии, но неверным отождествлением дулебского и во-лынянского союзов и отнесением его к доаварскому времени. На деле же союз во-лынян как раз и пришёл на смену дулебскому, разгромленному аварами и существовал позже аварского нашествия.

Отождествление в.линана ал-Мас'уди с восточнославянскими воляньями подтверждается уникальным сообщением «Баварского географа» — анонимного памятника, созданного, как показал А.В. Назаренко, в швабском монастыре Райхенау в 70-х гг. IX в., в период нахождения там Мефодия со своими учениками, от которых и была, возможно, получена его автором столь подробная информация (или какая-то её часть) о множестве славянских этнополитических объединений в Центральной и Восточной Европе (Назаренко 2001: 51—70). В этом источнике говорится: «Сериваны — это королевство столь [велико], что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, [своё] начало» (Назаренко 1993: 14; 2001: 54—55).

Наиболее убедительным является объяснение названия сериваны (Zerivani) от слав. *Съгѣѣ (Lehr-Spławiński 1961: 265; Назаренко 1993: 34—35. Комментар. 40) — червяне, что говорит о том, что это «королевство» (regnum) следует помещать в районе летописных Червенских градов (Labuda 1948: 203—225; Горский 1997: 277—278; Крип'якевич 1999: 29, 81, 84; Войтович 2001: 818—822; 2006: 23), т.е. на Волини. Рядом с Zerivani/червянами в «Баварском географе» названы и собственно воляняне — Velunzani (Назаренко 1993: 14; 2001: 54—55). Это объясняется сложным характером структуры памятника: в нём зачастую вперемешку названы славянские этнополитические объединения разного уровня без какого бы то ни было их разграничения.

Червенские грады упоминаются в летописи в связи с событиями конца X — начала XI в. (ПСРЛ. I: 81, 150; ПСРЛ. II: 69, 137). Позднее в этом регионе существовала Червенская земля, упоминаемая в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. II: 746). Та же летопись называет и жителей этой земли — червян (ПСРЛ. II: 487). Возникновение самих этих понятий, точнее, названия, очевидно, следует отнести к гораздо более раннему времени — к эпохе, предшествовавшей формированию городов-государств, называвшихся в древнерусских источниках в своём территориально-политическом значении землями. По всей видимости, жившее здесь славянское «племя» червян при произошедшей на рубеже X—XI вв. смене общественно-политического устройства — возникновении городов-государств (Фроянов, Дворниченко 1988: 39—40) — дало название новому политическому объединению, возникшему в регионе, — Червенской земле.

Судьба имени червян аналогична судьбе имени волянян, которое дало название Волянской земле. Укреплённое городище в Червене возникло в середине X в. (Куза 1996: 153), т.е. до включения этих земель в состав Киевской Руси.

Червень был, очевидно, центром червян, подобно тому как город Вольтинь был центром вольтинян (о Червенских градах и их истории см.: Лонгинов 1885; Исаевич 1971; 1972; Порре 1964; Котляр 1985: 24—33).

Смысловая параллель рассказов ал-Мас'уди и Ибн Йа'куба, с одной стороны, и «Баварского географа» — с другой, является полной: и там и там говорится о существовании у славян в прошлом некоего значительного этнополитического объединения, от которого происходят другие славянские народы. Расположение этих двух «народов-прародителей», хоть и названных немного по-разному в одном регионе, делает тождество полным.

Червяне — это, по всей видимости, часть вольтинян, возможно господствовавшая в течение некоторого времени в их этнополитическом объединении, название которой связано, как и имя части хорватов «белые хорваты», с цветовой географической семантикой. Красный цвет указывал обычно на южное расположение того этноса или политического объединения, в названии которого фигурировал (Майоров 2006: 45). То, что подобные «червонные» названия славянских «племён» были распространены в раннем Средневековье, подтверждает летопись попа Дуклянина, упоминающего о существовании в Далмации Червонной Хорватии (Шишић 1928: 16—18).

Идея о существовании на Вольтине значительного этнополитического объединения вольтинян представляется вполне убедительной (Ключевский 1987: 122—124; Нидерле 2001: 169—170; Грушевский 1991: 377; Греков 1945: 25—31; 1953: 441—443; Мавродин 1945: 85—86; Третьяков 1953: 297—298; Седов 1982: 93—94; Фроянов 2001: 724—727; Свердлов 2003: 92; Войтович 2006: 8—12). Только нет оснований сопоставлять его, как это зачастую делается (см., напр.: Наркату 1876: 335; Ключевский 1987: 122—124; Marquart 1903: 147; Брайчевский 1957: 122—125), с рассказом Повести временных лет об аваро-дулебской войне и считать, что именно авары сокрушили в.линана.

Речь в источниках идёт о разных этнополитических объединениях восточного славянства, существовавших на Вольтине в разное время. Если дулебский союз был сокрушён в середине VI в. аварами и распался, утратив своё значение, то союз вольтинян возник позже и пришёл как бы на смену дулебскому союзу. Именно так логичнее всего понимать слова Повести временных лет (ПСРЛ. I: 11—13; ПСРЛ. II: 8—9).

Датировать время существования этнополитического союза, возглавляемого вольтинянами, о котором говорят ал-Мас'уди, Ибн Йа'куб и «Баварский гео-

граф», исходя только из их данных, сложно. Ал-Мас'уди говорит о нём как о существовавшем «в глубокой древности». Не содержит датирующих признаков известие «Баварского географа» (за исключением верхней даты — даты составления самого источника — 70-е гг. IX в.).

Тут на помощь приходит археология, материалы которой полностью подтверждают сообщения рассмотренных письменных источников (а заодно и доказывают правильность именно волынской атрибуции названного в них древнего славянского этнополитического объединения). В VIII—IX вв. из ареала луки-райковецкой культуры выделяется ряд локальных археологических групп, что отражает процесс становления летописных волынян (группа памятников в верховьях Буга, Стыри и Горыни), древлян (группа памятников в бассейнах Тетерева и Упы), дреговичей (группа памятников в среднем течении Припяти в районе Турова), полян (группа памятников в киевском поречье Днепра, на Ирпени и в устье Десны) (Седов 1999: 46—50). Эта археологическая картина, по всей видимости, отразила процесс распада этнополитического союза, возглавляемого волынянами, описанный нашими источниками (рис. 18—19).

О причинах образования союза славиний во главе с волынянами мы можем лишь догадываться. В историографии отмечалось, что привести к объединению ряда славянских «племён» в одно целое под главенством волынян могла борьба с Византией или с кочевниками (Ключевский 1987: 124; Фроянов 2001: 726). Не оспаривая важности ни того ни другого, следует отметить, что к образованию подобных союзов вели в первую очередь закономерности внутреннего социально-политического развития.

В литературе не раз пытались идентифицировать личность славянского князя Маджка (Маджла) — правителя в.линана. Его пытались отождествить с Мегамиром (Harkavy 1876: 335; Marquart 1903: 147; Брайчевский 1957: 122—125) или Мусокием (Harkavy 1881: 8; Niederle 1924: 79) — славянскими правителями VI в., известными по византийским источникам, с польским королём Мешко I (960—992; Charmoy 1832—1833: 94), с библейским Мешехом (Вестберг 1903: 60), с легендарным древнесербским правителем (Labuda 1948: 224—225), Само (Мишин 2002: 67) или даже с Карлом Великим, в подчинении державы которого находился ряд славянских этносов (Мишин 2002: 67—68). Последнее отождествление является совершенно фантастическим, так как игнорирует контекст рассказа ал-Мас'уди об этом славянском правителе и распаде возглав-

ляемого им политического объединения, описанного как внутренний процесс славянского мира.

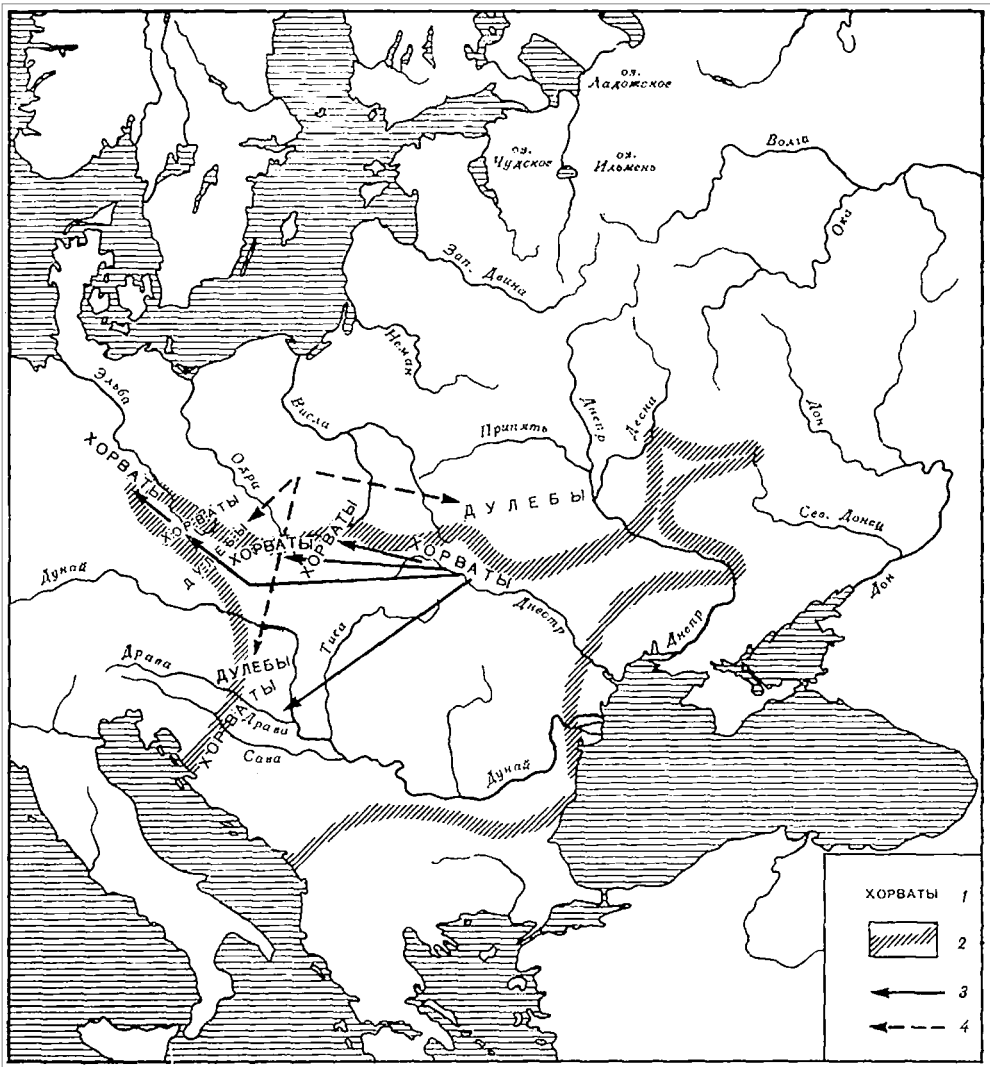
Все эти отождествления, на наш взгляд, безосновательны: часть из них (с Само, Мешко I, Карлом Великим и т.д.) — в силу того, что речь в источнике всё же идёт о будущей Волынской земле, а часть (с Мезамиром, Мусокием и т.д.) ещё и в силу относительно более позднего существования союза волынян, показанного выше. К тому же все эти сопоставления страдают произвольностью: их авторы фактически игнорируют тот факт, что Маджк (Маджл) назван в источнике правителем славянского «рода» в.линана, и контекст рассказ о нём, содержащийся в источниках. Но само по себе сходство имени этого легендарного правителя древних волынян, искажённого в арабской передаче, с именами славянских правителей раннего Средневековья, зафиксированными в аутентичных византийских и иных источниках (Мусокий, Мезамир, Мешко и т.д.), любопытно. Тем не менее отождествить его с каким-либо конкретным лицом, известным по другим источникам, пока не представляется возможным.

Несмотря на выделение ряда новых этнополитических объединений, волынский этнополитический союз просуществовал до конца X в. и сохранил за собой гегемонию на Волыни. В конце X в. Волынь была покорена Киевом и вошла в состав Киевской Руси.

Кроме дулебов и волынян в регионе жили ещё и бужане, известные как из русской летописи, так и из «Баварского географа» (*buzani*), причём они названы там рядом с волынянами (*welunzani*) как их соседи и современники (Назаренко 1993: 14; 2001: 55). По всей видимости, бужане были одной из локальных славянских этнополитических групп на Волыни.

В «Баварском географе» названы и некоторые другие славянские этнополитические группировки, жившие в Волынском регионе: *thafnezi* (таняне), *lendizi* (лендзяне), *grissani* (присане), *lucolane* (лучане) и т.д. (Назаренко 1993: 14; 2001: 55). Структура данного памятника сложная (Херрман 1988; Горский А.А. 1997; Седов 1999: 63—65; Назаренко 1993: 13—51; 2001: 51—70). Далеко не все названные в нём этнонимы и политонимы можно уверенно отождествить с известными по другим источникам. «Баварский географ» называет в едином перечне и без какого-либо различия славинии разного уровня: как небольшие «племена», так и значительные их объединения. Поэтому не все из них удаётся найти в других источниках, та же ПВЛ называет лишь большие этнополитические союзы славян.

Лендзян упоминает также Константин Багрянородный в числе славиний, подчинённых русам (Константин Багрянородный. 1989: 45, 157). Г. Ловмянский полагал, что Константин Багрянородный называет лендзянами всё население Волынской земли в целом (Łowmiański 1953; Dulebowie-Lędzianie-Chorwaci 1967), но это едва ли верно: Волынская земля, как и лежавшая к югу от неё Хорватия, была подчинена Киеву лишь в конце X в. (ПСРЛ. I: 81, 122; ПСРЛ. II: 69, 106). Скорее всего, Константин Багрянородный называет лендзянами не-

Распространение праславянских этнонимов в эпоху Средневековья (Седов 1979: 132).

1 — локализация племен; 2 — ареал славянской керамики второй группы (пражско-корчацкой);
3 — направления расселения хорватов; 4 — предположительное направление миграции дулебов

большое восточнославянское этнополитическое объединение, проживавшее на востоке Волынской земли, на пограничье подчинённых Киеву земель, и подвластное Руси уже в середине X в.

По всей видимости, волынские лендзяне — это одна из ветвей большого праславянского этнополитического союза лендзян¹, распавшегося в ходе великого славянского расселения. Так же как названия «дулебы» и «хорваты», имя «лендзяне» было распространено на славянщине.

Как видим, этнополитическая карта Волынского региона в предгосударственный период его истории была пёстрой, и здесь наряду с большим этнополитическим объединением, волынским союзом, существовало и множество маленьких славиний (скорее всего, входивших в его состав). Интересен и нуждается в глубоком исследовании вопрос о соотношении этнополитической карты региона в предгосударственный период с возникшими здесь впоследствии городами-государствами.

¹ Название происходит от общеславянского *lęd— (ср: lęda — «необработанное поле»). Лендзяне — это, следовательно, «жители необработанной земли»: Lehr-Spławiński 1959.

Глава II

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

I. Проблема этнической атрибуции носителей именьковской культуры в науке 1950—2000-х гг.

Первый этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с начала археологического изучения Среднего Поволжья, которое, первоначально бессистемно, началось в XVIII—XIX вв., до середины 50-х гг., когда эта культура была выделена и названа именьковской. Впервые памятники, которые впоследствии отнесут к именьковской культуре, выделила в своих работах В.В. Гольмстен, которая, однако, не отделяла их от мордовских древностей и датировала IX—X вв. На основании анализа арабских источников, которые помещают в Поволжье народ буртасов, В.В. Гольмстен именно с ними связывала эти памятники (Гольмстен 1946: 17—25). В дальнейшем гипотеза о буртасской их принадлежности ещё не раз повторялась в науке, в частности, её отстаивал в те годы Н.Ф. Калинин, опять-таки смешивая в одно целое именьковские и мордовские древности. Он же впервые высказал мысль о значительном именьковском воздействии на генезис культуры Волжской Болгарии, которая впоследствии найдёт поддержку целого ряда учёных (Калинин 1955: 60—62; Калинин, Халиков 1954: 59—62).

В 1956 г. В.Ф. Генинг впервые ввёл в историографию термин «именьковская культура», которую он предложил датировать III—IX вв., после чего она пере-

росла в болгарскую культуру. Сначала учёный считал именьковцев финнами (Генинг 1959: 208), а потом высказал гипотезу об их тюркском происхождении и приходе из Сибири (Генинг 1961: 334—336 и последующие работы).

До последнего отрицал существование именьковской культуры как археологического феномена А.П. Смирнов, который датировал соответствующие памятники IV—V вв. и считал их финно-угорскими, рассматривая в качестве позднего этапа городецкой культуры. При этом учёный относил Рождественский могильник к более позднему времени (VI—VIII вв.) и ошибочно считал его независимым по отношению к именьковской культуре памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с Левобережья Днепра, обратив внимание на его разительное сходство со славянским Волынцевским могильником (Смирнов 1951; 1962: 160—174; Краснов, Смирнов 1969: 291—296). Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не вызывает сомнений, равно как и то, что Рождественский могильник хронологически предшествовал Волынцевскому, но не наоборот. Эти наблюдения А.П. Смирнова служат важным аргументом в пользу славянской этнической атрибуции именьковцев.

Второй этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с середины 50-х до начала 80-х гг. В это время были проведены масштабные полевые исследования культуры, существенно уточнены её ареал, хронология и характерные особенности, а также высказан ряд гипотез относительно её происхождения и этнической атрибуции. В 1964 г. П.Д. Степанов высказал гипотезу о венгерской этнической принадлежности именьковцев (Степанов 1964: 144—147), не нашедшую поддержки у других археологов.

В 1967 г. вышла монография П.Н. Старостина, которая суммировала все собранные к тому времени археологические данные об именьковской культуре. П.Н. Старостин обосновал её датировку III/IV—VII вв. и высказал гипотезу о становлении культуры в условиях смешения местного финно-угорского и пришлого тюркского населения (Старостин 1967: 30—31). В дальнейшем П.Н. Старостин показал отсутствие связей между городецкими и именьковскими древностями и скорректировал свой вывод: роль финно-угорского населения в становлении именьковской культуры была незначительной и его основу составили пришедшие в Среднее Поволжье тюрки (Старостин 1971: 37—54). Впоследствии, после новых открытий, П.Н. Старостин отказался от идеи поисков восточных истоков именьковской культуры (Старостин 1986: 100) и признал

убедительность гипотезы Г.И. Матвеевой о её славянской этнической атрибуции (Кляшторный, Старостин 2002: 210—217). В те же годы идею о тюркской атрибуции именьковцев отстаивал в своих работах и А.Х. Халиков (Халиков 1971: 272—292).

Третий этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с начала 80-х до середины 2000-х гг. В 1981 г. самарский археолог Г.И. Матвеева опубликовала статью, в которой произвела переворот в этнической атрибуции именьковцев, показав западные истоки их культуры, связанные с кругом культур полей погребений, а конкретно с зарубинецкой культурой (Матвеева 1981: 52—73). В дальнейшем в ряде работ исследовательница уточнила этот вывод, установив, что именьковские древности имеют не только зарубинецкие, но и пшеворские аналогии (преимущественно с теми памятниками полиэтничной пшеворской культуры, которые В.В. Седов, И.П. Русанова, Д.Н. Козак и другие специалисты интерпретируют как славянские), а возможно, и черняховские (Матвеева 1986: 158—171; 1997а: 206—217; 2004: 65—74).

Вывод Г.И. Матвеевой о том, что истоки именьковской культуры следует искать в древностях круга полей погребений был принят подавляющим большинством исследователей.

Новое определение археологических истоков именьковского населения позволило по-новому поставить вопрос и о его этнической атрибуции. Сама Г.И. Матвеева в 1988 г. высказала и в ряде последующих работ отстаивала тезис о славянской принадлежности именьковской культуры (Матвеева 1988: 11—13; 1997а: 206—217; 2004: 74—78). Эта идея была поддержана ведущим археологом-славистом, автором фундаментальной общей концепции славянского этногенеза В.В. Седовым (Седов 1994: 49—66; 1994а: 309—315; 1995: 193—197; 2002: 245—255), авторитет которого закрепил её в науке. С той поры и по сей день большинство археологов придерживается гипотезы о славянстве именьковцев или как минимум о значительном славянском вкладе в становление этой культуры (В.Д. Баран, А.В. Богачев, Т.И. Останина, Р.Д. Голдина и т.д.).

В то же время установление факта западного происхождения именьковской культуры дало основу и предположению о его возможной балтской атрибуции, которую стал отстаивать А.Х. Халиков, опираясь на балтские заимствования в языках финно-угров и предположительно балтские гидронимы в именьковском ареале (Халиков 1988: 119—126). В.В. Седовым эти построения А.Х. Халикова были подвергнуты убедительной критике: во-первых, учёный, профессионально

занимавшийся ономастикой, показал полную несостоятельность балтских этимологий гидронимов именьковского ареала, предложенную А.Х. Халиковым, а во-вторых, указал на то, что предки мордвы, марийцев и чувашей общались с балтами, жившими на Оке и в Волго-Окском междуречье и предполагать, что балтские заимствования в их языках связаны с именьковской культурой, оснований нет (Седов 1994: 58—59). Несмотря на эту убедительную критику, балтская гипотеза этнической атрибуции именьковцев имеет отдельных сторонников и ныне: так, В.В. Приходько предпринял попытку собрать в её пользу новые гидронимические доказательства (Приходько 2011: 42—47).

Особое место в работах Г.И. Матвеевой и В.В. Седова заняла проблема судеб именьковского населения. Оба исследователя, как и П.Н. Старостин, не сомневаются в том, что после того, как в конце VII в. именьковская культура прекратила своё существование и большинство её носителей покинуло Среднее Поволжье, часть именьковцев осталась на месте, влившись в состав населения Волжской Булгарии и оказав значительное влияние на развитие её экономики и культуры, в частности на распространение земледелия (Старостин 1967: 31—32; Матвеева 2004: 77—79; Седов 1995: 195—197; 2001: 5—15; 2002: 254—255). Г.И. Матвеева отметила, что территория Волжской Булгарии соответствует ареалу именьковской культуры (Матвеева 2004: 79). Эти выводы принимаются ныне рядом археологов (Ю.А. Семькин, А.В. Богачев и т.д.).

Опираясь на вывод А.П. Смирнова о родственности населения, оставившего Рождественский и Волынцевский могильники, В.В. Седов как бы «развернул» его выводы и заключил, что большая часть именьковцев ушла на юго-запад, где стала основой носителей волынцевской культуры. В доказательство этого тезиса В.В. Седов привёл следующие аргументы: хронологический стык между культурами (в конце VII в. исчезает одна, а в начале VIII в. появляется другая), близость погребального обряда, экономической жизни, хозяйства, керамических форм, домостроительства и т.д. (Седов 1994: 59—63; 1994а: 315; 1995: 193—194; 2002: 253—255). Часть археологов приняла вывод В.В. Седова (Приходнюк 1995: 73—74; 1998: 75—76; Матвеева 2004: 77), часть не согласилась с ним и ищет иные истоки волынцевского населения: автохтонные (О.В. Сухобокон), луки-райковецкие (И.О. Гавритухин и А.М. Обломский) или дунайские (А.В. Григорьев, О.А. Щеглова).

Гипотеза И.О. Гавритухина и А.М. Обломского о правобережных истоках волынцевской культуры (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144—147) была

подвергнута В.В. Седовым справедливой критике: он указал на то, что опирается она на единственный аргумент — сходство печей, чего совершенно недостаточно для глобальных выводов о генезисе культуры в целом, а также на то, что сходные с волынцевскими печи днепровского правобережья находятся именно в тех правобережных районах, куда проникла волынцевская культура, т.е. распространялись они в обратном направлении (Седов 1999: 84. Примеч. 72). От себя добавим, что для волынцевской культуры были характерны исключительно бескурганные могильники, в то время как на Правобережье Днепра уже с VI—VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала. Таким образом, бескурганный погребальный обряд волынцевцев никак не мог быть принесён с правобережья, зато он находит очевидную параллель в именьковской обрядности, что служит дополнительным доказательством гипотезы В.В. Седова, которая, на наш взгляд, на данный момент является наиболее убедительной.

Четвёртый этап археологического изучения именьковской культуры начался примерно с середины 2000-х гг. Он характеризуется более пристальным вниманием к социальным структурам именьковского общества и поиском новых ответов на старые вопросы. Д.А. Сташенков высказал идею о неоднородности этнического состава именьковской культуры, о разных направлениях этнокультурных контактов её носителей в разных регионах и в разные периоды её истории. По его мнению, в становлении именьковской культуры сыграли свою роль мигранты из ареала культур полей погребений, местное население, какие-то позднескифские группы и т.д. (Сташенков 2005; 2006: 20—30).

Л.А. Вязов в своей работе, посвящённой социально-экономической истории именьковцев, не касаясь прямо вопроса об их этнической атрибуции, сделал вывод, согласно которому хозяйственная система именьковского населения имеет свои истоки в зарубинецких, киевских, позднедьяковских и мощинских традициях, что указывает на сложный многокомпонентный характер населения, оставившего именьковскую культуру (Вязов 2011: 19—20). Дальнейшая разработка гипотезы о полиэтничном характере именьковской культуры, если она окажется верной, вероятно, позволит в будущем выделить в её составе конкретные памятники, связанные как со славянским населением (можно полагать, что одним из таких памятников является Рождественский могильник, возможно, именно в этой группе памятников, а не в именьковской культуре в целом лежат истоки волынцевских древностей), так и с другими этническими группами.

А.В. Богачев высказал интересную гипотезу, согласно которой именьковцы представляли собой одну из ветвей антов (Богачев 2011: 72—137).

В последнее время к вопросу этнической атрибуции именьковской культуры активно подключились историки. Уже давно исследователями восточных источников было замечено, что они помещают какую-то группу ас-сакалиба-славян в Среднем Поволжье. Опираясь на то, что Ибн Фадлан именует Волжскую Болгарию «страной славян», а её правителя «государем славян», ещё А.Я. Гаркави считал, что славяне составляли значительную часть населения этой страны (Гаркави 1870: 104—105).

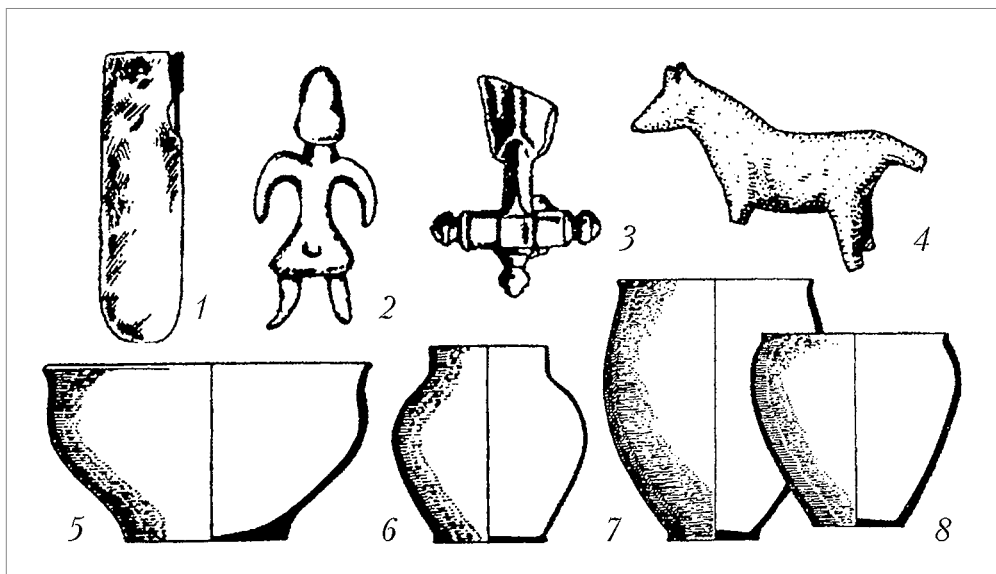
В 1964 г. С.Г. Кляшторный ввёл в СССР в научный оборот известие ал-Куфи о столкновении арабского полководца Марвана со славянами в 737 г. на берегах «Славянской реки» и пришёл к однозначному выводу, что описываемые события происходили в Поволжье (Кляшторный 1964: 16—18). Есть и другие арабские и хазарские известия, помещающие славян в VIII—X вв. в Поволжье. Эти данные позволили С.Г. Кляшторному связать тех славян, которых знают арабы в Поволжье, с именьковцами и их потомками (Кляшторный 2005: 68—72), что было поддержано П.Н. Старостиным, Г.И. Матвеевой и В.В. Седовым. При этом данные известия полностью подтверждают то, что часть именьковцев осталась в Поволжье после конца VII в. и влилась в состав болгарского населения.

Е.С. Галкина пришла к выводу, что термин ас-сакалиба-славяне, применяемый Ибн Фадланом к населению Волжской Булгарии бытовал в данном регионе в X в. как демоним, т.е. обозначение жителей определенной территории, вне зависимости от их этнокультурной принадлежности. Его происхождение связано с этносом носителей именьковской культуры, которую с VIII в. сменяют тюркские и финно-угорские культуры. Путем от этнонима к демониму могли стать ассимиляционные процессы, происходившие в Среднем Поволжье (Галкина 2014: 24—31).

Важное значение имеют работы Р.Ш. Насибуллина и В.В. Напольских о предположительных именьковских заимствованиях в финно-угорские языки, которые, по мнению последнего, имеют протославянский или балто-славянский характер (Насибуллин 1992: 76—79; Напольских 1996: 197—206; 2006: 3—19). Выводы В.В. Напольских о соответствующих заимствованиях убедительны, однако их интерпретация вызывает вопросы. Во-первых, учёный жёстко придерживается гипотезы о балто-славянской языковой общности, и поэтому на-

стойчиво именуется «именьковский язык» «балто-славянским» (Напольских 2006: 3—4). Между тем это гипотеза далеко не всеми лингвистами принимается (в частности, серьёзной критике подверг её О.Н. Трубочёв) и вне её рамок выводы В.В. Напольских могут звучать и иначе. Во-вторых, недоказанным остаётся главное: то, что выделенные В.В. Напольских в языках волго-камских финно-угров славянские и балтские языковые заимствования синхронны, а уж тем более восходят к одному языку. Логичнее говорить как о балтских, так и о славянских языковых заимствованиях местных финно-угров, которые, скорее всего, независимы друг от друга.

Новое направление в именьковской историографии открыл в своих работах казанский исследователь А.В. Овчинников, который показал, что на сугубо научную проблему этнической атрибуции именьковцев активное воздействие оказывают вненаучные факторы, в первую очередь политические. В Татарстане негативно относятся к гипотезе о славянском происхождении именьковцев или их части, чинят препятствия исследователям, отстаивающим данную точку зрения (Овчинников 2009а: 4; 2009б; 2016: 151—169). Так, например, П.Н. Старостин длительное время не мог в печати высказать соответствующую

Именьковская культура:

1 — наконечник ремня; 2 — антропоморфная накладка; 3 — фибула Рязано-Окского округа;
4 — зооморфная фигурка; 5—8 — сосуды (1—3 — цветные металлы; 4—8 — керамика).

По Г.И. Матвеевой

щие взгляды, хотя пришёл к ним давно. Последнее подтвердил в интервью С.Г. Кляшторный, с которым П.Н. Старостин совместно написал главу о славянах Среднего Поволжья для многотомной обобщающей «Истории татар» (Кляшторный 2013: 69—70). Эти печальные факты, надеюсь, не станут помехой на пути дальнейшего прояснения сложных вопросов этнокультурной истории носителей именьковской археологической культуры учёными разных специальностей.

II. Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения

Уже давно учеными, исследующими арабские источники о Восточной Европе, было замечено, что некоторые из них помещают неких ас-сакалиба-славян¹ где-то в Среднем Поволжье (Гаркави 1870: 104—105; Кляшторный 1964: 16—18). Однако поскольку авторам других источников славяне в Среднем Поволжье известны не были, а археологические исследования в Волго-Камье не фиксировали, как считалось длительное время, признаков славянской материальной культуры, выводы из анализа указанных известий учеными делались различные. Так, А.Я. Гаркави, опираясь на известия Ибн Фадлана, именующего ас-сакалиба волжских болгар, и Ад-Димашки о волжских болгарях как о смеси тюрок и ас-сакалиба, считал, что славяне составляли значительную часть населения Волжской Болгарии и постепенно были ассимилированы тюрками (Гаркави 1870: 104—105), а С.Г. Кляшторный, проанализировав рассказ Ибн А'сама ал-Куфи о походе Марвана против Хазарии в 737 г., также поместил славян, с которыми столкнулся арабский полководец, в Поволжье (Кляшторный 1964: 16—18). В противовес этому А.З.В. Тоган те же известия приводил в качестве доказательства того, что этноним сакалиба в арабской традиции мог обозначать не только славян, но и другие народы Восточной Европы: тюрок, финно-угров и т.д. (Тоган 1939: 296. См. также: Артамонов 2002: 234). Характерно, что только известия об ас-сакалиба в Поволжье дают основания для последнего вывода: Ибн Фадлан — единственный автор, лично побывавший в Восточной Европе

¹ Вопрос об этнической атрибуции *ас-сакалиба* восточных источников вызвал длительную дискуссию (обзор ее см.: Мишин 2002: 8—12). Ныне, однако, можно довольно уверенно говорить, что этноним этот за некоторыми исключениями относился преимущественно к славянам (Мишин 2002: 308 и др.).

и употребивший этноним ас-сакалиба так, что в нем можно увидеть неславян (Мишин 2002: 42).

Новый импульс дискуссия об ас-сакалиба в Среднем Поволжье получила после того, как в археологической науке была выдвинута гипотеза о славянской этнической атрибуции именьковской культуры, существовавшей в этом регионе в IV—VII вв. н.э. (историографию вопроса об этнокультурной атрибуции именьковцев см.: Матвеева 2004: 65—79; Сташенков 2005: 8—16; 2006: 20—30; Расторопов 2009: 139—142; Овчинников 2009: 110—115). Именьковская культура была выделена в 1950-х гг. Н.Ф. Калининым и В.Ф. Генингом (последний и дал ей утвердившееся в науке наименование). Долгое время исследователи пытались связать ее происхождение или с местными финно-угорскими культурами, или с миграцией в регион тюрков, но ни первое, ни второе так и не было надежно доказано: ни в финно-угорских, ни в тюркских культурах не находилось многих важных элементов именьковской культуры. Переворот в этнокультурной атрибуции именьковского населения произвела в 1981 г. самарский археолог Г.И. Матвеева, сопоставившая материалы именьковской и зарубинецкой культур и пришедшая к выводу о родственности оставившего их населения (Матвеева 1981: 52—73). В цикле своих дальнейших работ Г.И. Матвеева и поддержавший ее известный археолог-славист В.В. Седов убедительно обосновали вывод о том, что происхождение именьковской культуры связано с несколькими миграционными волнами из ареала культур полей погребений: зарубинецкой, пшеворской и черняховской (Матвеева 1986: 158—171; 2004: 65—74; Седов 1994: 55—58; 1994а: 309—315; 2002: 245—249), который ныне признан подавляющим большинством исследователей. Ну а поскольку именно в рамках этих культур при различии взглядов по ряду конкретных вопросов подавляющее число археологов-славистов (Б.А. Рыбаков, И.П. Русанова, В.В. Седов, П.Н. Третьяков, Е.А. Горюнов, В.Д. Баран, Д.Н. Козак, Р.В. Терпиловский, Б.В. Магомедов, Е.В. Максимов, С.П. Пачкова, Л.Д. Поболь, А.М. Обломский, О.М. Приходнюк и т.д.) ищет предков исторических славян, то высказанная Г.И. Матвеевой гипотеза о принадлежности именьковской культуры к одной из праславянских группировок (Матвеева 1988: 11—13; 2004: 74—78) нашла поддержку целого ряда археологов и стала преобладать в науке (Седов 1994: 58—65; 1994а: 315; 1995: 193—197; 1999: 59—62; 2002: 252—255; Баран 1997: 154; Кляшторный, Старостин 2002: 210—217; Богачев 2011: 72—137). Были высказаны также гипотезы о проис-

хождении волынцевской культуры, славянская принадлежность которой не вызывает сомнений, от именьковской (Седов 1994: 59—63; 1994а: 315; 1995: 193—194; 1999: 59—60; 2002: 253—255; Приходнюк 1995: 73—74; 1998: 75—76) и о том, что часть именьковцев не покинула Среднее Поволжье и влилась в состав волжских булгар, оказав существенное влияние на экономику и культуру Болгарии, в частности на развитие в ней земледелия (Старостин 1967: 31—32; Седов 1995: 195—197; 1999: 60—61; 2001: 5—15; 2002: 254—255; Семькин 1996: 71—73; Матвеева 1997: 98—99; 2004: 77—79; Богачев 2011: 82—83, 312).

Гипотеза о славянстве носителей именьковской культуры позволила многим ученым связать именно с ними ас-сакалиба (Кляшторный 2001: 56—60; 2005: 68—72; Седов 1995: 196—197; 2002: 254—255; Матвеева 2004: 79; Галкина 2006: 195—202, 339—345; 2006б: 380—382), упоминаемых в Среднем Поволжье арабами. Согласились с этим, однако, не все. Более того, как это часто бывает, после периода этнузиазма наступил период определенного скепсиса.

Ученики Г.И. Матвеевой начали определенную ревизию ее взглядов и стали более осторожно подходить к вопросу об этнической атрибуции населения, оставившего именьковскую культуру. Во-первых, отмечается, что происхождение ядра ее носителей из ареала культур полей погребений не означает автоматически славянской принадлежности культуры, так как культуры полей погребений были полиэтничными, в чем ныне уже мало кто сомневается. Во-вторых, связь именьковской культуры с волынцевской остается под вопросом, существуют и другие гипотезы генезиса волынцевской культуры (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144—147; Сухобоков 1998: 49—57). В-третьих, именьковская культура прекращает свое существование к концу VII в., а арабские известия об ас-сакалиба в Поволжье относятся к VIII—X вв. Однозначных и бесспорных данных о сохранении в этот период в регионе групп потомков именьковского населения пока нет, оно лишь предполагается.

По этим причинам двое учеников Г.И. Матвеевой заняли скептическую позицию в вопросе о соответствии именьковского населения Среднего Поволжья тем ас-сакалиба, которых атаковал Марван в ходе своего хазарского похода. Д.А. Сташенков, солидаризируясь с тем маршрутом похода Марвана, который обосновали А.З.В. Тоган, М.И. Артамонов и С.Г. Кляшторный, в определении

этнической сущности этих ас-сакалиба близок к первым двум исследователям, не признававшим в них славян: ученый усматривает в них не потомков именьковцев, а носителей кочевнических новинковских памятников: хазар или буртасов (Сташенков 1999: 36; 2003: 339). Проблема сомнительности данной гипотезы в том, что оба этих народа были хорошо известны арабам и под собственными именами описаны во множестве арабских произведений. С какой стати в данном случае арабы приняли их за славян, также хорошо им к тому времени известных, совершенно непонятно.

Учитывая это обстоятельство и признавая, что Д.Е. Мишин убедительно показал проблематичность неславянской атрибуции ас-сакалиба восточных авторов в принципе, Н.А. Лифанов пошел по другому пути и высказал идею, близкую к точке зрения Б.А. Рыбакова и А.П. Новосельцева, о том, что столкновение Марвана со славянами произошло где-то в западной части бассейна Дона (Лифанов 2010: 305—309). К сожалению, касаясь ключевого для определения маршрута похода Марвана вопроса — местонахождения хазарского города ал-Байда', — ученый не проанализировал самостоятельно источники, а сослался на противоречащую им точку зрения А.П. Новосельцева, почему-то отождествившего этот город с Самандаром, в то время как источники упоминают эти два города одновременно и как разные географические объекты (см. ниже).

При этом ни Д.А. Сташенков, ни Н.А. Лифанов не дали объяснения всему комплексу восточных известий об ас-сакалиба в Поволжье, ограничившись лишь известиями, повествующими о столкновении Марвана с ас-сакалиба.

III. Славяне Среднего Поволжья в арабских источниках

Очень важный и хронологически наиболее близкий ко времени существования именьковской культуры блок информации, связанной с ас-сакалиба в Поволжье, представлен в известиях, посвященных арабскому походу 737 г. против Хазарии, самое подробное из которых принадлежит перу историка Ибн А'сама ал-Куфи (ум. в 926 г.). Интересующее нас известие входит в состав его «Книги завоеваний» («Китаб ал-футух») (Кляшторный 1964: 16—18; ал-Куфи 1981: 50—51; Гараева 2002: 468; Калинина 2007: 159—160), упоминающего при этом и гидроним Нахр ас-сакалиба («река славян»), на берегах которой и столкнулось в ходе названного похода со славянами арабское войско. Во-

прос о том, какую реку подразумевает он под именем «Славянской» и является ли она тем же водным объектом, что и у Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха и Абу Хамида ал-Гарнати, вызвал длительную дискуссию, в ходе которой мнения исследователей распределились в основном между двумя крупнейшими реками Юго-Восточной Европы¹: одни ученые связывали ее преимущественно с Доном (см. напр.: Рыбаков 1958: 873; ал-Куфи 1981: 81; Новосельцев 1990: 115, 184—187; 2000: 276—278; Лифанов 2010: 305—309), другие — с Волгой (см., напр.: Togan 1939: 307; Артамонов 2002: 234—237; Кляшторный 1964: 16—18; 2001: 56—60; 2005: 68—72; Мишин 2002: 42—43. Примеч. 1; Галкина 2006: 195—202, 313; Сташенков 1999: 36; 2003: 339; Смокотина 2009: 110—122). К настоящему времени этот вопрос не является окончательно разрешенным².

В 737 г. наместник халифа (позже сам ставший халифом) Марван ибн Мухаммад предпринял грандиозный поход против Хазарии, ставший кульминацией длительного периода арабо-хазарских войн, шедших за гегемонию на Кавказе почти столетие (примерно с середины VII в.). Целью Марвана был решительный разгром Хазарии, который должен был навсегда положить конец ее претензиям на гегемонию в Закавказье и на Северном Кавказе. Марван своей цели достиг: Хазарский каганат потерпел сокрушительное поражение, его центры, расположенные в современном Дагестане (Баланджар, Самандар и т.д.), были разгромлены (об этом походе см.: Артамонов 2002: 233—238 и сл.; Плетнева 1986: 39—40; Новосельцев 1990: 184—187; Галкина 2006: 312—313). Именно после этого разгрома³ усиливается начавшееся несколько ранее из-за арабской угрозы перемещение населения и политических центров каганата на север — в безопасные степи Северного Прикаспия, Нижнего Подонья и Поволжья.

¹ Предлагались время от времени и другие варианты отождествления *Нахр ас-сакалиба* с различными водными артериями Восточной Европы, но широкого распространения они не получили. Так, например, А.А. Тортика попытался отождествить *Нахр ас-сакалиба*, о которой идет речь у ал-Куфи, с Кумой (Тортика 2006: 280—288). При рассмотрении источников, которое нами предпринимается ниже, станет ясно, что это отождествление, равно как и попытки представить «Славянскую реку» ал-Куфи Кубанью, Араксом и т.д., безосновательно. Совершенно невероятно, чтобы арабы приняли за славян какой-то кавказский народ: этот регион и его обитатели были им хорошо знакомы.

² Высказывалось также предположение, что у ал-Куфи *Нахр ас-сакалиба* — не более чем литературный штамп (возможно, заимствованный им у Ибн Хордадбеха или Ибн ал-Факиха) (Калинина 2007: 162). На наш взгляд, для такого предположения нет оснований.

³ По словам А.П. Новосельцева, «поражение хазар на этот раз по своим последствиям уступало лишь разгрому каганата в 60-х гг. X в. русами князя Святослава» (Новосельцев 1990: 276).

Восходящая к разным источникам информация о походах Марвана против Хазарии, которые не всегда можно четко идентифицировать и отождествить друг с другом¹, присутствует у ряда арабских авторов: ал-Йа'куби, Ибн ал-Факиха, ал-Балазури, ат-Табари, Бал'ами, ал-Куфи, Халифы ибн Хаййата, Ибн ал-Асира и т.д. (Калинина 2007: 158—159). Из них в рассказах ал-Балазури, ал-Куфи и Ибн Хаййата, рассказ которого содержит несколько иную версию событий², которая может помочь прояснить некоторые неясности в рассказе двух первых авторов, говорится о том, что Марван во время своей войны с Хазарией напал на народ ас-сакалиба т.е. славян. Предпринимавшиеся периодически попытки отождествить ас-сакалиба ал-Балазури, ал-Куфи и Ибн Хаййата с каким-либо иным народом, который арабы приняли за славян, например бургасов (Артамонов 2002: 234), касогов (Тортика 2006: 280—288) и т.д., лишены оснований, так как все эти народы были хорошо известны арабам под их собственными названиями. Под этнонимом ас-сакалиба практически во всех известных случаях арабские авторы понимали именно этнических славян. К моменту похода Марвана арабы уже хорошо были знакомы со славянами: еще в VII в. те проникали из Византии на земли Халифата, нередко в весьма значительном количестве и вступали в ряды арабской армии (Гаркави 1870: 3—4; Мишин 2002: 101—114). То, что речь в рассказах о походе Марвана идет именно о славянах, подтверждает и одна фраза у ал-Куфи, в которой говорится, что наряду со славянами Марван напал и на других «неверующих», т.е. язычников. Это ясно говорит о том, что этноним сакалиба означает здесь вполне конкретный народ и не используется в каком-то «расширительном» смысле. В целом рассказ ал-Куфи о столкновении Марвана со славянами наиболее подробен: «[войска Марвана] выступили и вскоре достигли города ал-Байда', в котором пребывал хакан, царь хазар. Говорит [автор]: Марвану и мусульманам в стране хазар сопутствовал успех, и они достигли земель, расположенных за Хазарией. Затем они совершили набег на ас-сакалиба и на другие соседние племена неверующих и захватили из них в плен 20 тысяч семей. После этого они пошли дальше и вскоре добрались до реки славян (нахр ас-сакалиба) (выделено мной. — М.Ж.)» (Калинина 2007: 159).

¹ До похода 737 г. Марван совершал и другие походы против Хазарии, которые были не столь грандиозны и не имели таких разрушительных для нее последствий.

² В частности, в нем указан иной год нападения Марвана на славян и оно не связывается напрямую с походом на Хазарию. Есть там и ряд других любопытных деталей, о чем далее.

Далее описывается разгром хазарского войска на ее берегах. Чтобы понять, в каких местах произошло столкновение Марвана со славянами, надо сначала выяснить местонахождение города ал-Байда', которое является дискуссионным (обзор гипотез см.: Новосельцев 1990: 125—128) и от положения которого зависит общая реконструкция маршрута похода арабского полководца. Существуют две основные гипотезы ее местоположения. Согласно одной из них, это название первой столицы хазар на Нижней Волге (см., напр.: Артамонов 2002: 234; Плетнева 1986: 39). По другой гипотезе, город этот находился в современном Северном Дагестане. Допускалось даже полное отождествление трех хазарских «столиц», находившихся в Северном Дагестане: Баланджара¹, Самандара² и ал-Байда' (Заходер 1962: 183), для чего нет никаких оснований, равно как и для отождествления Самандара и ал-Байда' (Новосельцев 1990: 128; 2000а: 374), основанного на том, что оба этих названия являются семантически тождественными и этимологизируются как «белый город» (Самандар) и «белая» (ал-Байда'). Однако, во-первых, подобные названия городов были весьма распространены в Хазарии (вспомним, хотя бы Саркел, название которого означает «белая крепость»). Особенно важно, что и одна из частей Итиля носила название Сарашен — «желтый (город)», арабским аналогом которого вполне могло быть ал-Байда' — «белая» (Артамонов 2002: 398). Во-вторых, авторы, повествующие о походе Марвана (ал-Куфи, ибн Хайята и др.), упоминают Самандар и ал-Байда' вместе как разные города, поэтому отождествлять их невозможно. Причем, судя по всему, ал-Байда' находилась севернее Самандара (Марван взял Самандар и двинулся на ал-Байда')³. Так что наиболее вероятно, что речь действительно идет о первой столице хазар на Нижней Волге, ставшей впоследствии частью Итиля. Вторым его частью стал город Хамлидж, хотя, по-видимому, слияние их произошло далеко не сразу, а лишь в IX в., так как еще Ибн Хордадбех упоминает вместо одного Итиля два отдельных города: Хамлидж и ал-Байда' (Ибн Хордадбех 1986: 124). Именно поэтому город ал-Байда' впоследствии исчезает со страниц источников и не упоминается ни в каких рассказах о последующих собы-

¹ Возможно, Баланджар — это известное археологам городище близ села Верхний Чир-Юрт на реке Сулак (Магомедов 1983: 46 и сл.).

² Возможно, тождественен известному археологам городищу на месте нынешнего селения Тарки близ Махачкалы (Магомедов 1983: 52—60).

³ Ошибочное отождествление А.П. Новосельцевым Самандара и ал-Байда' легло в основу построений Н.А. Лифанова о маршруте похода Марвана (Лифанов 2010: 305—309).

тиях. Любопытно, что ал-Масуди рассказывает о древних хазарских столицах Баланджаре и Самандаре и о переносе хазарами, вследствие похода Марвана, столицы из Самандара в Итиль (Галкина 2006: 312. Примеч. 4). Судя по всему, имя нового города уже заслонило древнее название одной из его частей, бывшей некогда отдельным городом.

Учитывая нижеволжское расположение города ал-Байда', можно уверенно говорить о том, что в данном рассказе под «Славянской рекой» понимается Волга. Арабские войска, разгромив центры каганата, находившиеся в современном Дагестане, двигались в направлении ал-Байда', где находился хазарский каган, который при приближении арабских войск бежал, очевидно, на север вдоль волжских берегов: так как он не был готов к битве, ему не было никакого смысла переходить на правый берег реки, по которому двигалась арабская армия. Марван, твердо намереваясь добиться в этой войне полного разгрома Хазарии, последовал за ним, причем дошел до земель, находившихся «за Хазарией», где и произошло его столкновение со славянами и «другими соседними племенами

*Наземное жилище именьковской культуры V—VII вв. н.э.
По Г.И. Матвеевой, Н.А. Лифанову*

неверующих», а затем и разгром хазарского войска. Видимо, Марван достиг тех мест, где проживали славяне — потомки носителей именьковской культуры. Иного объяснения этому известию нет, и оно подтверждает позицию тех археологов, которые считают, что какая-то часть именьковцев осталась в Среднем Поволжье после конца VII в.

Интересные подробности относительно дальнейшей судьбы захваченных в плен славян сообщает ал-Балазури: «Марван совершил набег на ас-сакалиба, которые были в стране хазар, взял в плен из их числа 20 000 семей и расселил их в Кахетии. Потом они убили своего властителя и бежали, но их догнали и перебили» (Калинина 2007: 160)¹.

Решение Марвана о переселении славян, возможно, было вызвано арабским опытом использования славян в качестве стражей и военных поселенцев на приграничных территориях. Например, у кордовских эмиров и халифов существовала «славянская гвардия». Переходя из Византии в арабские владения на Ближнем Востоке, славяне расселялись большими массивами в Сирии и других областях арабского мира, пополняя войска халифов (Левицкий 1964: 6—15; Мишин 2002: 101—136). Практику использования славян в качестве федератов практиковал и сам Марван, став халифом (Гаркави 1870: 37; Мишин 2002: 114). Очень интересно и то, что, как указывает В.М. Бейлис, «хаджибом (придворным, ведавшим внутренними покоями резиденции, камергером) халифа Марвана (Марван стал халифом в 744-м и был им до 750 г. — М.Ж.) был неизвестный нам ближе Саклаб, возможно, вольноотпущенник из числа пленных ас-сакалиба, захваченных во время походов Марвана на север от Кавказа» (Бейлис 2000: 51. Примеч. 3 к части XIX).

Любопытные данные о нападении Марвана на славян, которые отличаются от сведений ал-Куфи и ал-Балазури, приводит Халифа ибн Хаййата ал-‘Усфури. Описание самого похода 737 г. у него очень лаконично и не содержит ника-

¹ Сочинение ал-Балазури было известно в науке до того, как стали известны данные ал-Куфи, которые были введены в научный оборот А.З.В. Тоганом. До этого ученые располагали лишь сведениями о столкновении Марвана со славянами без упоминания «славянской реки» (Коновалова 2013: 191) и, соответственно, локализации места этого столкновения. Поэтому, например, А.Я. Гаркави полагал, что речь здесь идет о славянах, служивших хазарскому кагану (Гаркави 1870: 41—43), а В.В. Бартольд считал, что в источнике говорится о славянах, проживающих в Хазарии (Бартольд 1963: 870—871). Славяне в Хазарии действительно жили, но едва ли их там было столько. Даже если названная арабскими авторами цифра славянских пленнных сильно завышена, то все равно речь должна идти о весьма значительном их числе, которое могло быть захвачено только в коренных славянских регионах, до одного из которых, как следует из сообщения ал-Куфи (оно еще не было известно А.Я. Гаркави и В.В. Бартольду), дошел Марван.

ких сведений о столкновении Марвана со славянами: «В этом году Марван ибн Мухаммад предпринял дальний поход из Арминии (общее название Закавказья, принятое в арабской литературе. — М.Ж.). Он проник в ворота алан (Баб ал-Лан — Дарьяльское ущелье. — М.Ж.), прошел землю ал-Лан (землю аланов. — М.Ж.), затем вышел из нее в страну хазар и прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал-Байда', в которой пребывает хакан. Хакан бежал из города» (Бейлис 2000: 43).

Сведений о дальнейших боевых действиях Марвана с хазарами и славянами здесь нет. Зато под 114/732—733 гг. Халифа ибн Хаййата приводит уникальные сведения: «Сказал Абу Халид со слов Абу-л-Бара'а: «Марван выступил в сто четырнадцатом году и [продвигался], пока не перешел реку ар-Р.мм. Он убивал, угонял в плен и совершал набеги на ас-сакалиба» (Бейлис 2000: 42).

Другие авторы (см., напр.: ал-Куфи 1981: 48) под этим годом сообщают о походе Марвана на хазар, который закончился, в сущности, безрезультатно (если не считать захваченного скота) из-за погодных условий (шли почти непрерывные дожди и дороги сделались непроходимыми) (об этом походе см.: Артамонов 2002: 232; Плетнева 1986: 38), но ничего не упоминают о столкновении Марвана со славянами. В то же время Халифа ибн Хаййата под этим годом ничего не говорит о походе против хазар¹. Видимо, у него имеет место определенная путаница относительно походов Масламы и Марвана против Хазарии. Поэтому, вероятнее всего, этот рассказ следует связывать с «усеченным» описанием похода 737 г., которое имеется у нашего автора и считать их частями повествования об одном и том же походе Марвана — походе 737 г.

Для локализации места столкновения Марвана со славянами мы в данном рассказе имеем лишь один ориентир — реку ар-Р.мм. Это название больше не встречается в арабской литературе, поэтому локализация этой реки представляет собой серьезную проблему. В.М. Бейлис лишь осторожно отметил, что, по всей видимости, это «одна из больших рек, протекающих севернее Кавказского хребта» (Бейлис 2000: 51. Примеч. 2 к части XIX). Н.Г. Гараева считает, что это, возможно, Аракс или ал-Лан (Гараева 2002: 461). Однако ничего не известно о проживании славян вблизи этих рек. С большой долей уверенности можно предположить, что ар-Р.мм — это искаженный вариант названия

¹ Видимо, он ошибочно приписал этот поход Масламе ибн 'Абд ал-Малику, который был наместником Закавказья перед Марваном (Бейлис 2000: 39—40). Описание похода Масламы, данное у Халифа ибн Хаййата, полностью соответствует описанию у других авторов похода Марвана, предпринятого уже после отъезда Масламы из Закавказья, т.е. примерно в 732 г.

Волги, которая в античной традиции была известна как Ра (Оар, Аракс, Рос). Античное название Волги отражает ее древнее иранское имя. Возможно, она же фигурирует в Авесте как Рангха, Ранха. От североиранских народов (скифов, сарматов и т.д.) это название переняли и финно-угры (Подосинов 2000: 230—239; 2007: 70—85). Именно под своим античным именем она была известна и ранним арабским ученым (Калинина 2007: 135—138). Видимо, в тексте Халифы ибн Хаййата мы имеем дело с искаженным античным названием Волги. Это полностью согласуется с данными ал-Куфи о месте столкновения Марвана со славянами. Если это предположение верно, то Халифа ибн Хаййата локализует место столкновения Марвана со славянам там же, где и ал-Куфи, — на волжских берегах. В походе 732 г. Марван никак не мог зайти так далеко.

В том, что Марван достиг Среднего Поволжья, ничего невероятного, вопреки мнению некоторых исследователей, нет. То же самое сделали еще две армии, также вторгшиеся в пределы Восточной Европы через Северный Кавказ: войска Джебе и Субедея и рати Тамерлана. Видимо, маршрут похода Марвана был примерно аналогичен маршруту похода Тамерлана, и его сражение с хазарами произошло, по всей вероятности, примерно в том же районе, что и битва Тимура с Тохтамышем. Поход Марвана отличался от всех более ранних арабских походов на Хазарию как своими масштабами, так и теми целями, которые он преследовал (полное устранение «хазарской проблемы»). Соответственно, Марван был полон решимости разгромить хазарские войска, а потому преследовал их до конца. Интересно, что враги Марвана прозвали его «глухим» — не слушающим «голоса разума», отмечая, таким образом, его склонность к смелым и нестандартным действиям.

Другие известия арабских авторов подтверждают правильность именно средневожской локализации встреченных Марваном ас-сакалиба и отождествления Нахр ас-сакалиба с Волгой. Нахр ас-сакалиба — «Славянской рекой» — называет проделанный им путь по Волге от Булгара до впадения в нее Оки и далее вверх по Оке к Десне, Днепру и Киеву арабский путешественник XII в. Абу Хамида ал-Гарнати (ал-Гарнати 1971: 35). Аналогично называют путь от Азовского моря вверх по Дону, далее волоком в Волгу и вниз по этой реке Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих ал-Хамадани. В сообщении об этом пути отразились существующие в арабской традиции представления о Доне как о рукаве Волги (Галкина 2010: 60), основанные частью на античной географии, а частью

именно на существовании волго-донского пути: «реки» средневековой арабо-персидской географии (особенно в малоизвестных восточным ученым регионах) — это прежде всего торговые магистрали (Галкина 2006: 231).

Еще более любопытно то, что Ибн Хордадбех говорит о том, что Хамлидж — хазарский город в низовьях Волги — расположен на реке, которая течет из «страны славян» (билад ас-сакалиба) (Ибн Хордадбех 1986: 109). При этом арабы знали Волгу лишь от пределов Волжской Болгарии, далее они туманно представляли себе локализацию ее истоков и искали их «далеко на востоке: в земле киргизов между гузами и кимаками, в «северных горах» где-то на севере Алтая и т.п.» (Галкина 2006б: 378).

Важный характер имеют сведения, содержащиеся в «Записке» (Рисала) Ахмеда Ибн Фадлана — участника отправленного халифом аль-Муктадиром в 922 г. посольства к правителю Волжской Болгарии, которого он последовательно (всего 12 раз) именует маликом ас-сакалиба — «государем славян»¹, дважды называет всю подвластную ему страну «страной славян»: «И когда прибывает корабль из страны (города) хазар в страну (город) славян, то царь выезжает верхом и пересчитывает то, что в нем (имеется), и берет из всего этого десятую часть» (Ибн Фадлан 1939: 78); «хазары и царь их все иудеи, и славяне и все, кто соседит с ними, (находятся) в покорности у него (царя), и он обращается к ним (словесно), как к находящимся в рабском состоянии, и они повинуются ему с покорностью» (Ибн Фадлан 1939: 86).

И один раз упоминает «славян» в начале своей записки в числе народов, которые он видел и в землях которых побывал: «Это — [Книга Ахмеда Ибн Фадлана ибн-аль-‘Аббаса ибн Рашида ибн-Хаммада, клиента Мухаммада ибн-Сулаймана, посла аль-Муктадира к царю славян], в которой он сообщает о том, что он сам видел в стране турок, хазар, руссов, славян, башкир и других (народов)» (Ибн Фадлан 1939: 55).

Учитывая то, что волжские болгары здесь не названы, вполне очевидно, что именно они и поименованы нашим автором «славянами».

Из всего блока известий о поволжских ас-сакалиба это первым попало в поле зрения ученых, и такое словоупотребление Ибн Фадлана сразу поставило их в своеобразный тупик: как уже говорилось, это единственный случай, когда

¹ Показательно уже само название «Записки» Ибн Фадлана: «Книга Ахмеда Ибн Фадлана ибн-аль-‘Аббаса ибн Рашида ибн-Хаммада, клиента Мухаммада ибн-Сулаймана, посла аль-Муктадира к царю славян» (Ибн Фадлан 1939: 55).

автор, лично побывавший в Восточной Европе, кажется, именуется ас-сакалиба неславян. А.Я. Гаркави предположил, что данный факт связан с тем, что славяне составляли немалое число жителей Волжской Булгарии (Гаркави 1870: 105), однако такой вывод в то время не имел под собой серьезной опоры в источниках и потому не получил распространения. Подобная ситуация, когда славянам в составе населения Волжской Булгарии не находилось места, привела некоторых исследователей к выводу о том, что у Ибн Фадлана этот этноним применен расширительно и что он в арабской традиции мог обозначать не только славян, но и другие народы Восточной Европы: тюрок, финно-угров и т.д., о чем шла речь в начале статьи. Однако больше примеров такого «расширительного» употребления арабскими авторами этнонима ас-сакалиба неизвестно, что делает такое предположение очень шатким.

Д.Е. Мишин недавно предположил, что мы имеем тут дело с простой ошибкой арабского автора: по мнению ученого, маликом ас-сакалиба именовал себя царь Алмуш в послании к халифу ал-Муктадиру с целью «показать себя мощным правителем, которому повинуются многие народы и с которым, следовательно, выгодно поддерживать союзнические отношения», что и отразилось в «Записке» Ибн Фадлана (Мишин 2002: 29—33; 2007: 100—109). Но и это объяснение не выглядит убедительным. Во-первых, возникает вопрос: почему Алмуш в числе своих (реальных или мнимых) подданных так выгородил славян, что не упомянул других подвластных ему народов? Это не находит никакого объяснения. Во-вторых, Д.Е. Мишин не учел того, что именование Алмуша «государем славян», а его подданных «славянами» исходило именно от самого Ибн Фадлана, в то время как сам Алмуш называл себя «царем Булгара», что было подмечено еще А.П. Ковалевским (Ковалевский 1954: 33—34): «На его минбаре уже провозглашали за него хутбу: «О, Аллах! сохрани (в благополучии) царя Балтавара, царя Булгара» (Ибн Фадлан 1939: 68); «он (хатиб) стал провозглашать за него (царя) хутбу: «О, Аллах! сохрани раба твоего Джа'фара ибн-'Абдаллаха, повелителя (эмира) Булгара, клиента повелителя правоверных» (Ибн Фадлан 1939: 68).

Это говорит о том, что в определении жителей Среднего Поволжья, как славян, Ибн Фадлан скорее следовал определенной традиции, сложившейся в арабском мире, другие примеры которой были приведены выше. И у нас есть все основания полагать, что за этой традицией стоял реальный исторический факт — проживание в Среднем Поволжье именьковцев и, вероятно, их потом-

ков. Поэтому в объяснении употребления этого этнонима Ибн Фадланом мы считаем логичным вернуться к позиции А.Я. Гаркави (ср.: Седов 2002: 254—255; Галкина 2006: 344—345; 2006б: 382). Это тем более логично сделать, что, согласно свидетельству Ад-Димашки, также привлеченному ученым, паломники из Волжской Булгарии, бывшие в 433 г. (1041—1042 гг.) в Багдаде, на вопрос, кто они, отвечали, что их народ — это смесь тюрок и сакалиба (Гаркави 1870: 105). Данное свидетельство полностью подтверждает позицию тех археологов, которые говорят о включении потомков славян-именьковцев в состав населения Волжской Булгарии. В этой связи любопытно, что в описании Ибн Фадланом быта жителей Волжской Булгарии имеются как элементы кочевой жизни (юрты), так оседлой (дома, земляные ямы для хранения зерна и т.д.), а В.В. Седов и Г.И. Матвеева именно с именьковским наследием связывали весьма быстрое оседание болгар на землю.

Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство, являющееся прямой параллелью к известию Ад-Димашки: спутниками посла Сусана ар-Расси и Ибн Фадлана были Такин ат-Турки (тюрок) и Барис ас-Саклаби (славянин) (Ибн Фадлан 1939: 55). По всей видимости, именно известная арабам двусоставность населения Волжской Булгарии побудила посольство взять с собой, по всей видимости в качестве переводчиков, тюрка и славянина. Переданное Ибн Фадланом имя Барис (также возможно его прочтение как Барас или Барус: Ибн Фадлан 1939: 90) сближают с тюркским Барс (Ибн Фадлан 1939: 90), однако это мало что значит: имена легко перенимали, тем более в условиях этнокультурного синтеза (который, по Ад-Димашки, имел место в Волжской Булгарии) или проживания в иноэтничной среде. Если же допустить, что ас-сакалиба — это просто ошибочное наименование волжских болгар (тюрок), то присутствие в составе посольства одновременно и «тюрка» и «славянина» необъяснимо. Последний, очевидно, должен был или быть славянином, или как минимум владеть славянским языком (и выступать в качестве переводчика), за что и получил свою нишу, которую обычно носили в арабском мире оказавшиеся там славяне¹.

Любопытное этногенетическое предание, также, вероятно, связанное с именьковскими славянами, передает Гардизи в своем сочинении «Зайн ал-Ахбар» (XI в.): «<Одни из вождей ас-сакалиба был вынужден удалиться из родных мест, т.к. совершил убийство румийца>... он пришел к хазарам, и ха-

¹ Надо отметить и то, что в источниках зафиксированы славянские имена с похожим звучанием: польское *Барса/Barsa* (Морошкин 1867: 8) и древнерусское *Барсан* (Тупиков 2004: 40, 471).

Реконструкция полуземлянки именьковской культуры.

По В.Ф. Генингу, П.Н. Старостину

кан хазар принимал его хорошо, пока он не умер. Следующий хакан, однако, был сильно настроен против него, и он вынужден был уйти из этого места. Отделившись вновь, он пришел к Басджирту. Басджирт происходил из знатных хазар, и его местопребывание было между хазарами и кимаками. У него было 2000 конных воинов. Далее хан хазар послал человека к Басджирту, приказав ему выгнать Саклаба. Он сообщил это Саклабу, и тот удалился в область тогуз-огузов. Между ним и некоторыми из них были узы родства. Но когда он прибыл к месту на дороге между кимаками и тогуз-огузами, хан тогуз-огузов стал отдаляться от его собственного племени, обидевшись на них. Соответственно, многие из них были убиты им, рассеялись и стали по одному или по двое приходить к Саклабу. Всех, кто пришел, он принял и обходился с ними хорошо, пока они не стали многочисленны. Тогда Саклаб послал к Басджирту и присоединился к нему, пока не стал могущественным. Тогда он совершил набег на гузов, убил многих из них и многих захватил в плен и так получил великое богатство, как в смысле награбленного добра, так и посредством пленных, которых всех

продал (за выкуп). И племя, которое объединилось вокруг него, он назвал кыргызами (хирхиз). Вскоре вести о его богатстве достигли ас-сакалиба, и многие пришли к нему от ас-сакалиба вместе со своими семьями и имуществом. Они смешались с теми, кто был там раньше, и образовали родственные связи, пока не стали одним народом. Это причина, по которой свойства и характерные черты ас-сакалиба можно обнаружить среди кыргызов: красноватые волосы и белизну кожи» (Галкина 2006: 341—342; 2006 б: 381).

По мнению Е.С. Галкиной, которая впервые привлекла данное известие к исследованию интересующего нас вопроса, в этом предании отражены события, археологический эквивалент которых исследуется Е.П. Казаковым, но, как уже отмечалось, неверно им осмысливается как изначальная родственность именьковской и турбаслинской культур: миграция в VI—VII вв. части именьковского населения в Закамье, где она столкнулась с турбаслинцами, принимавшими участие в этногенезе башкир, и постепенно была ими ассимилирована (Казаков 1996: 40—57; 1998: 88—150). Эти и другие моменты в легенде отражают (в «спрессованном виде», что характерно для подобных преданий) реальные взаимоотношения славян-именьковцев и их соседей (Галкина 2006: 342—344; 2006 б: 381—382). Детальное изучение зафиксированного Гардизи предания и его сопоставление с данными других источников и археологическими материалами еще впереди.

IV. Славяне Среднего Поволжья в хазарских источниках

Хазары знали Нижнее и Среднее Поволжье куда лучше арабов, ведь оно входило в состав их государства. К сожалению, хазарские источники до нас практически не дошли, и единственным хазарским памятником, в котором имеется систематическое описание территорий, подвластных хазарам, является знаменитое письмо хазарского царя Иосифа, адресованное испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту¹. В пространной редакции письма имеется перечисление народов, живущих вдоль волжских берегов: «У (этой) реки (Атил = Волга. — М.Ж.) расположены многочисленные народы... Вот их имена: Бур.т.с, Бул.г.р, С.вар, Ари-

¹ Данное письмо является достаточно сложным источником, так как отражает не столько реальные владения Хазарии, сколько, с одной стороны, представления о них хазарской элиты, а с другой — является документом, написанным с вполне определенными политическими целями, связанными со стремлением Иосифа сформировать у своего адресата нужные представления о Хазарии и ее границах (Галкина 2006: 328—353; 2006 а: 132—145; 2006 б: 376—390).

су, Ц.р.мис, В.н.н.тит, С.в.р, С.л.виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию, и им нет числа. Все они мне служат и платят дань», после чего «граница поворачивает по пути к Хуварезму (Хорезму. — *М.Ж.*)» (Коковцов 1932: 98).

В краткой редакции перечисления поволжских народов нет, сказано просто про «девять народов, которые не поддаются точному распознаению и которым нет числа» (Коковцов 1932: 81). Об упоминаемом последним народе С.л.виюн речь у нас еще пойдет впереди. Идентификация большинства других упоминаемых Иосифом народов не вызывает особых проблем: Бур.т.с — это буртасы, Бул.г.р — волжские болгары, Ц.р.мис — черемисы, Арису — эрзя или удмурты. В.н.н.тит, как показала недавно тщательно исследовавшая этнонимии письма Иосифа Е.С. Галкина, вопреки распространенному мнению, не вятичи, так как в этом случае никак невозможно было бы сочетание подряд двух букв нун в этом этнониме, так как означает оно не удвоение, а присутствие между ними краткой гласной. Логичнее сопоставить этот народ с упоминаемым в начале письма Иосифа этносом В.н.н.т.р (с точки зрения графики такая конъектура вполне допустима) и отождествлять его с унногундурами (оногурами), которых знает на Средней Волге и автор анонимного географического трактата «Худуд ал-алам». Унногундуры в числе ряда тюркских племен юго-востока Европы мигрировали в Поволжье в конце VIII в. (Галкина 2006: 336—339; 2006б: 379—380).

Интересны два почти идентичных этнонима: С.вар и С.в.р. (Суур). Обычно под одним из них понимают сувар, также откочевавших в конце VIII в. в Поволжье, а под другим — восточнославянских северян, но источник не дает для этого никаких оснований, четко локализуя все перечисленные этносы в Поволжье. Дабы обойти это препятствие, Е.С. Галкина предположила, что речь здесь идет о двух группах сувар, разделение которых упомянуто у Ибн Фадлана (Галкина 2006б: 380; 2006: 339), что одно время казалось убедительным и мне, однако возможно и другое объяснение: один из этих двух этнонимов действительно относится к северянам, но не к тем, которые жили на Левобережье Днепра, а к какой-то группе потомков именьковского населения. Особенно в этой связи интересна указанная выше гипотеза о происхождении волынцевской культуры от именьковской: именно потомки волынцевцев — носители роменской культуры — в древнерусских летописях именуется север, северо или северяне. И фиксация аналогичного этнонима Иосифом в Среднем Поволжье служит определенным подтверждением правоты данной гипотезы, хотя категорически

утверждать это нельзя: на славянской языковой почве¹ данный этноним мог развиваться и независимо в разных частях славянского мира.

Здесь пришло время вернуться к упомянутому выше этнониму С.л.виюн, которым в письме царя Иосифа завершается список поволжских народов и после которого граница Хазарии поворачивает к Хорезму. Связь этого названия с общим названием всех славофонных народов, бывшим также и непосредственным этнонимом ряда славянских «племен», несомненна. Но локализация его Иосифом настолько не укладывается в рамки традиционных представлений, что исследователи обычно просто игнорируют ее, понимая под С.л.виюн ту часть славян, «которая и согласно Повести временных лет платила дань хазарам» (Новосельцев 1990: 157). Делать это можно только при полном отрыве от контекста источника, ясно помещающего данный народ в Среднем Поволжье. Гораздо более логично объяснение Е.С. Галкиной, предположившей на основе анализа своеобразия формы этого этнонима в письме Иосифа и сопоставления его с наименованием славян в арабской традиции, что перед нами «эндоэтноним, непосредственно перенятый хазарами от одного из народов Поволжья» (Галкина 2006: 340; 2006б: 380). И таким народом могла быть только какая-то группа потомков именьковского населения, а сам этот эндоэтноним должен был звучать близко к форме словене². Подобные имена, производные от общего самоназвания всех славяноязычных народов (точнее, ставшего таковым на определенном этапе), были достаточно распространены в славянском мире: словаки, словенцы, словене ильменские, словинцы-кашубы на побережье Балтики, славонцы в хорватской Славонии (Иванов, Топоров 2000: 415). Преимущественно они закреплялись на его окраинах — там, где славяне жили в иноэтничном окружении. Ситуация, при которой древнее самоназвание сохраняется преимущественно на окраинах расселения некоей этнической группы, в то время как в центральных ее частях оно постепенно утрачивается, весьма типична. Вспомним, к примеру, карпатских русинов, сохранивших древнерусское название «русин», отразившееся еще в договорах Руси с Византией и относящееся в домонгольскую эпоху ко всему населению Киевской Руси (Суляк 2004: 9—10). Другой яркий пример, непосредственно

¹ Именно славянская этимология этнонима *север/северяне* (**sěver*(*'*)*ane*), производного от названия страны света (**sěver*, *sever*), является наиболее обоснованной (Трубачев 2002: 386).

² Объяснений присутствию этого названия в X в. может быть несколько: оно могло быть связано с проживавшими в регионе потомками именьковцев, могло сохраниться как реликт и т.д.

относящийся к рассматриваемому вопросу, — это словене ильменские, жившие в финском окружении. Ситуация с именковцами была еще более показательна в этом плане — они жили полностью в инокультурном окружении и в полной изоляции от остальных праславянских групп, что привело к тому, что их культура значительно отличалась от других синхронных ей культур «славянского круга» (пражской, пеньковской и т.д.).

Когда возник этноним словене и к какой части славянофонного населения он первоначально относился, мы точно не знаем. По совокупности источников можно говорить о том, что в VI—VII вв. он относился преимущественно к населению пражской археологической культуры (Русанова 1976; Седов 1995: 7—39; 2002: 295—323; Гавритухин 2009: 18—21). Однако ничто не мешает предположить, что возник он еще во времена, предшествовавшие миграции какой-то группы будущих именковцев в Поволжье, и охватывал ее наряду с предками пражцев. В том, что какая-то группа именковцев именовалась словенами, в то время как другая северянами (а иные могли носить еще какие-то названия, не отразившиеся в дошедших до нас источниках), нет ничего удивительного, ведь в сложении этой культуры приняли участие разновременные миграционные волны из разных частей праславянского ареала, которые принесли на берега Волги разные этнонимы, ставшие именам разных именковских племен.

Проведенный анализ показывает, что существует целый блок восточных источников, которые помещают в Среднем Поволжье ас-сакалиба-славян,

Выплата дани хазарам.
Миниатюра Радзивилловской летописи

единственным археологическим соответствием которым является население, оставившее памятники именьковской археологической культуры. Учитывая то, что относятся эти известия к VIII—X вв., они являются важным независимым подтверждением позиции тех археологов (П.Н. Старостин, Г.И. Матвеева, В.В. Седов А.В. Богачев и т.д.), которые считают, что часть именьковцев не покинула Волго-Камье и их потомки влились впоследствии в состав населения Волжской Булгарии. Письменные источники позволяют определить и вероятные имена славянских именьковских групп. Письмо хазарского царя Иосифа фиксирует в Среднем Поволжье словен; фиксация в том же источнике в Среднем Поволжье «лишнего» этноса, имя которого может быть интерпретировано как север/северяне, свидетельствует в пользу гипотезы В.В. Седова о миграции в конце VII — начале VIII в. именьковско-го населения на юго-запад, где его потомки стали ядром сложения волынецовской культуры.

В. Этнонимия славян Среднего Поволжья

Проблема определения самоназваний дописьменных социумов является одной из самых сложных в изучении древней и раннесредневековой истории. Решаться она может двумя путями. Во-первых, установлением, если это возможно, преемственной связи археологических культур, этническая принадлежность и наименование носителей которых нам неизвестны, с культурами, для которых соответствующие данные могут быть установлены по письменным источникам (внешним или внутренним). Во-вторых, анализом письменных источников соседних развитых цивилизаций, если, разумеется, данное бесписьменное общество попало в их поле зрения. Именно последний путь является наиболее надежным, так как этническая номинация — вещь изменчивая, и даже установив связь некоей «анонимной» археологической культуры с культурой, имя носителей которой нам известно, мы не можем быть уверены, что носители первой именовали себя так же, как и их потомки.

В настоящей работе мы попытаемся выяснить с опорой прежде всего на письменные источники вопрос о том, как именовали себя носители именьковской археологической культуры, существовавшей в Среднем Поволжье в IV—VII вв. (об именьковской культуре см.: Старостин 1967; 1986; Матвеева 1997а; 2004; Седов 1994: 49—65; 2002: 245—255; Кляшторный, Старостин 2002; Сташенков 2005; Вязов 2011; Богачев 2011: 72—137).

К счастью, данный регион во второй половине I тыс. н.э. оказался в поле зрения арабов и Хазарского каганата. Соответственно, в арабских и хазарских источниках оказались известия, повествующие о неких «ас-сакалиба» — славянах, проживающих в Среднем Поволжье, в которых можно видеть только именьковцев и их потомков. Эти известия стали в последнее время объектом пристального научного анализа (Кляшторный 1964; 2005; Седов 1995: 196—197; 2002: 254—255; Галкина 2006: 339—345; 2006б: 380—382; 2014) и подтвердили позицию тех археологов, которые отстаивают славянскую этническую атрибуцию как минимум существенной части именьковского населения (Смирнов 1962: 161—165; Матвеева 1988; 2004: 74—78; Седов 1994: 58—65; 1994а: 315; 1995: 193—197; 1999: 59—62; 2002: 252—255; Кляшторный, Старостин 2002; Богачев 2011: 72—137). Есть ли среди этих известий сведения, которые помогли бы проникнуть за современный научный термин «именьковцы» и понять, как именовали себя славяне, жившие в середине — второй половине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье? Попробуем найти ответ на этот вопрос.

Попытки установить самоназвание именьковцев предпринимались в науке трижды. Рассмотрим подробно эти три опыта и предпримем их всестороннюю проверку, дабы попытаться ответить на вопрос: может ли современная наука определить самоназвание(я) именьковского населения и услышать живой голос первых славян Среднего Поволжья?

В 1995 году В.В. Седов высказал предположение, что самоназванием именьковцев было имя «северяне» (Седов 1995: 197). Данная гипотеза была прямым следствием разрабатываемого археологом вывода о генетической связи именьковской археологической культуры с волынцевской, существовавшей на Левобережье Днепра в VIII — начале IX в., славянская принадлежность которой не вызывает сомнений.

Первое сопоставление памятников именьковской и волынцевской культур было предпринято А.П. Смирновым (Смирнов 1962). По словам учёного, «данный могильник (Рождественский могильник именьковской культуры. — М.Ж.) стоит одиноко среди памятников Среднего Поволжья и Прикамья, на что обратил внимание его исследователь В.Ф. Генинг... Рождественский могильник грунтовой, без признаков могильных насыпей. Для него характерны неглубокие ямы небольшого размера, приготовленные только для захоронения остатков кремированных трупов. Остатки сожженного трупа помещались в специально

вырытые ямки. Инвентарь погребения составляли сосуды и украшения. Если обратиться к аналогиям, то, пожалуй, наиболее близкой окажется бескурганый могильник, исследованный Д.Т. Березовцом близ с. Волынцево Сумской области, где исследователь установил, что покойников сжигали на стороне, а урны с прахом закапывали на могильнике... Приведенные соображения заставляют датировать памятник VI—VIII вв. и отнести его к бурной эпохе прихода болгар в Поволжье. Он (Рождественский могильник. — М.Ж.) принадлежит племенам лесостепи, известным нам по Волынцевскому могильнику, который большинством исследователей приписывается древним славянам» (Смирнов 1962: 162—165).

А.П. Смирнов произвел детальное сопоставление глиняной посуды и погребальной обрядности Рождественского могильника именьковской культуры¹ с соответствующими материалами славянских Волынцевского поселения и могильника, показавшее их соответствие. Это был революционный для науки того времени вывод, так как впервые на основе археологических данных был поставлен вопрос о проживании в Среднем Поволжье значительного славянского массива. Ранее он ставился учеными только на основании данных письменных источников (Гаркави 1870; Кляшторный 1964).

В дальнейшем выяснилось, что именьковская культура не имеет местных корней и толчком к ее формированию стала миграция (или миграции) населения с запада — из ареала культур полей погребений (зарубинецкой и развившейся из нее киевской, пшеворской и черняховской), в рамках которых при различии взглядов по ряду конкретных вопросов большинство археологов-славистов ищет предков исторических славян (Славяне 1993). По наиболее обоснованным выводам, на рубеже эр и в первые века нашей эры предки исторических славян были основой зарубинецкого и киевского населения (Третьяков 1982)², в рамках пшеворской культуры праславяне занимали ее висленский

¹ Сам А.П. Смирнов, правда, датировал именьковскую культуру IV—V вв. и считал ее финно-угорской, а Рождественский могильник он относил к более позднему времени (VI—VIII вв.) и считал его независимым по отношению к ней памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с Левобережья Днепра. Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не вызывает сомнений. И наблюдения А.П. Смирнова являются важным аргументом в пользу славянской этнической атрибуции как минимум части её носителей и их связи со славянами днепровского левобережья.

² Намеченная П.Н. Третьяковым линия развития от зарубинецких памятников через поздnezарубинецкие древности к киевской культуре, а от нее — к пеньковской и колочинской культурам нашла поддержку ряда археологов (Е.А. Горюнов, Р.В. Терпиловский, О.М. Приходнюк, А.М. Обломский и т.д.) и к настоящему времени основательно разработана.

и верхнеднепровский регионы¹, в черняховской культуре с праславянами связан преимущественно район Верхнего Поднестровья (Баран 1981; 1983; 1988; Баран, Гопкало 2005; Седов 1994а: 270; 2002: 186—187) и, возможно, частично также подольско-днепровский регион (Седов 1994 а: 270—277 и сл.; 2002: 186—191 и сл.).

Именно выходцы из этих регионов и сыграли решающую роль в становлении именьковской культуры (Матвеева 1981; 1986; 1988; 2004: 65—74; Седов 1994 а: 309—311; 2002: 245—249; Богачев 2011: 47—61, 72—78).

Учитывая то, что к сложению именьковской культуры привел целый ряд миграций из ареала культур полей погребений (преимущественно из районов, связываемых с предками исторических славян), и то, что в ее сложении приняло активное участие местное население (финно-угорское, иранское и т.д.), вполне обоснованной выглядит гипотеза Д.А. Сташенкова о гетерогенности населения именьковской культуры (Сташенков 2005; 2006). Это позволяет предполагать, что разные группы именьковцев могли иметь разные имена, восходящие к тем названиям, которые они имели на «прародине».

Наблюдения А.П. Смирнова о близости именьковских материалов и славянских памятников днепровского левобережья нашли свое законченное воплощение в работах В.В. Седова, как бы «развернувшего» выводы А.П. Смирнова и выступившего с обоснованием тезиса о том, что не славяне с днепровского левобережья мигрировали в Среднее Поволжье, а, напротив, именьковцы в конце VII в. ушли в район Левобережья Днепра, где стали основой населения вольтынской культуры (Седов 1994: 59—63; 1994 а: 315; 1995: 193—194). Исследование В.В. Седова показало, что вольтынские традиции являются продолжением именьковских в:

— фактуре теста, технологии производства глиняной посуды и в ее формах (сопоставимы именьковские и вольтынские горшки с цилиндрическим венчиком и высокими плечиками, миски, сковородки), а также в орнаментации сосудов (для обеих культур единственным орнаментом оказываются пальцевые вдавления по венчику);

— устройстве жилищ и ям-кладовок;

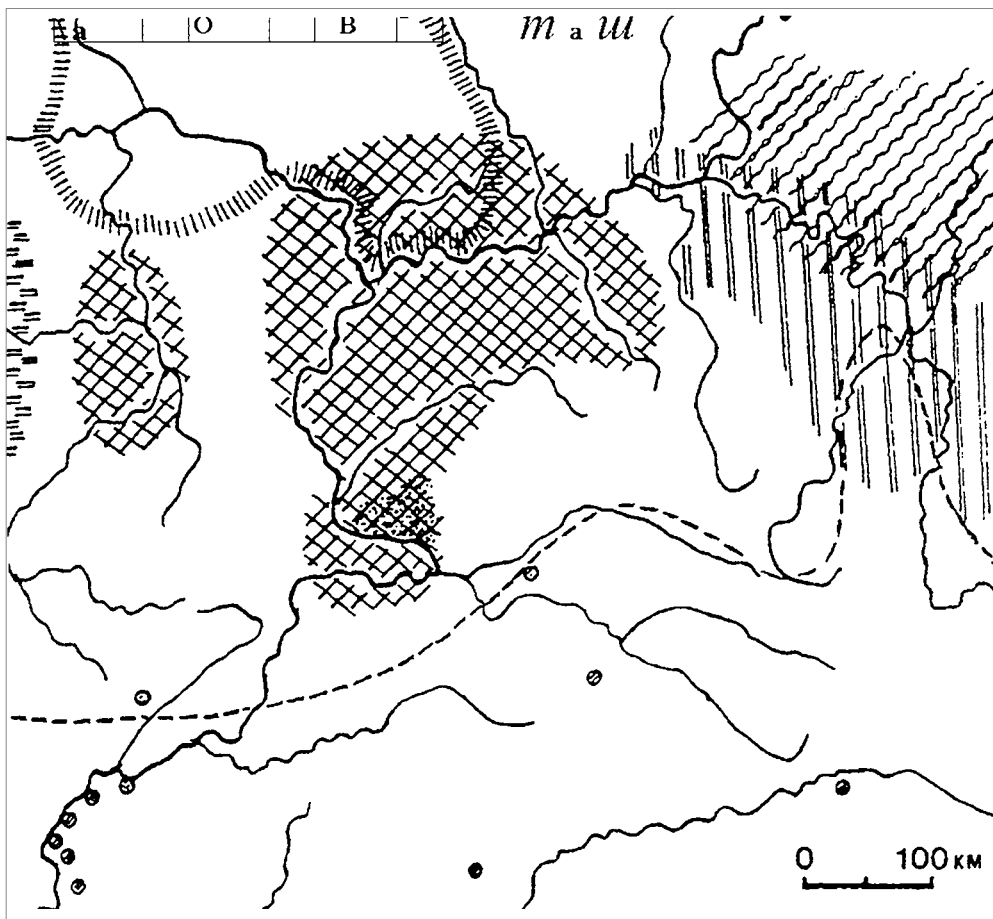
¹ Проблема выделения славян в рамках полиэтничной пшеворской культуры исследована в ряде работ И.П. Русановой и В.В. Седова: Русанова 1976: 201—215; 1990; Седов В.В. 1994: 166—200; 2002: 97—125. Итоги исследований праславянских пшеворских памятников верховой Днестра подведены в монографии Д.Н. Козака: Козак 2008.

— погребальном обряде: для обеих культур характерны грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения на стороне;

— экономической жизни: именьковцы и волынцевцы использовали одни и те же сельскохозяйственные орудия, культивировали одни и те же растения, выращивали одних и тех же животных, одинаковой была у них доля животноводства и охоты в хозяйственной жизни (Седов 1995: 194).

Выводы В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур были поддержаны частью исследователей (см., напр.: Приходнюк 1998: 75—76; Матвеева 2004: 77), в то же время существует и ряд других гипотез об истоках волынцевского населения: автохтонная (О.В. Сухобоков), лукирайковецкая (А.М. Обломский), дунайская (А.В. Григорьев, О.А. Щеглова), и ныне вопрос о генезисе волынцевской культуры остаётся до конца не решённым. Тем не менее ряд фактов указывает на лучшую обоснованность именьковской гипотезы генезиса волынцева относительно других.

Гипотеза А.М. Обломского и его соавторов о формировании волынцевской культуры в результате миграции населения с Правобережья Днепра, из ареала пражской и сменившей её луки-райковецкой культур (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144—147; Обломский, Родникова 2014), была подвергнута В.В. Седовым аргументированной критике: «Свое видение исторических событий, имевших место в конце VII в. при становлении волынцевской культуры, недавно изложили И.О. Гавритухин и А.М. Обломский (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144—147). Исследователи полностью согласны с тем, что сложение этой культуры было обусловлено экспансией в Днепровское левобережье новых масс славянского населения, но полагают, что миграция исходила из каких-то более западных областей. При этом верхушка прежнего (пеньковско-колочинского) населения в результате столкновений погибла (обилие невостребованных кладов в волынцевском ареале), а оставшиеся группы смешались с пришельцами. Мысль о западном происхождении пришлого населения покоится исключительно на распространении в южной части волынцевской культуры глиняных печей. Но таким образом можно было бы еще решить вопрос о происхождении отопительных устройств волынцевских жилых построек, но никак не проблему происхождения всей культуры, которая требует анализа всего комплекса составляющих ее элементов. Вопрос об истоках глиняных печей волынцевской культуры решается И.О. Гавритухиным и А.М. Обломским довольно поверхностно. Действительно, подобные печи выявлены на поселе-

Именьковская культура и ее окружение:

а — общий ареал именьковской культуры; *б* — область распространения древностей славянского и лбищенского типов; *в* — южные пределы территории азелинской культуры; *г* — регион городецкой культуры; *д* — ареал кушнаренковской культуры; *е* — ареал бахмутинской культуры; *ж* — памятники кочевников; *з* — северная граница степи

ниях второй половины V—VI вв. в верховьях Западного Буга, Сана и Горыни. Но в следующих столетиях они здесь выходят из употребления; по-видимому, на их основе формируются круглые глинобитные печи, которые никак не могли быть прототипами волынцевских глиняных печей. На основной части Правобережной Украины и в Молдавии и в V—VII вв., и позднее господствовали печи-каменки (Раппопорт 1975). Глиняные печи, наряду с другими типами отопительных устройств, выявлены на поселениях VIII—IX вв. Киевщины и Каневщины. Но это ведь ареал волынцевской культуры» (Седов 1999: 84. Примеч. 72).

Именьковская культура не погибла в результате вражеского нашествия, большая часть именьковцев просто покинула родные места, по всей видимости, из-за приближающихся тюрков (Седов 2002: 253—254; Матвеева 2004: 77—78; Богачев 2011: 81—82). Соответственно, где-то эти мигранты должны обнаружиться.

Крайне важным является то обстоятельство, что для волынцевской культуры были характерны исключительно бескурганые могильники, в то время как на Правобережье Днепра уже с VI—VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала. Таким образом, бескурганный погребальный обряд волынцевцев никак не мог быть принесён с правобережья, зато он находит очевидную параллель в именьковской бескурганной обрядности (о волынцевской культуре см.: Сухобоков 1975: 49—57; 1992: 16—36; Юренко 1985; Седов 1995: 186—208; 1999: 50—62; 2002: 255—266; Гавритухин, Обломский 1996: 130—135).

Налицо и серьезные различия между волынцевской культурой и синхронной ей славянской культурой днепровского правобережья типа луки-райковецкой. Уровень волынцевской культуры был выше в ряде отношений. Достаточно сказать, что волынцевцы знали гончарный круг, а их правобережные соседи — нет. Он появился у них только в конце IX в. (Авдусин 1980: 29; Седов 1999: 45—46). Первая гончарная керамика, выявленная на правобережье в районе Киева и относящаяся к IX в., связана с проникновением сюда волынцевской культуры (Моця 1987: 106—107).

Жители днепровского левобережья VIII—X вв., носители волынцевской и развившейся из нее роменской культуры, именовались, как мы хорошо знаем из летописей, север, северо (ПСРЛ. I: 6, 10, 13, 19, 29, 148; ПСРЛ. II: 5, 8, 14, 17, 21, 135, 136) или северяне (ПСРЛ. I: 24; 149; ПСРЛ. II: 136). По их имени район бассейнов Десны и Сейма получил имя Севера/Север/Северская земля/Severia, сохранявшееся вплоть до XVI—XVII вв. (Рыбаков 1974: 82, 83. Карты 12, 13, 196). С ними же связаны такие названия, как Новгород-Северский и Северский Донец. В свете работ В.В. Седова вполне логично, что и их вероятные предки, именьковцы, именовались аналогичным образом. Существует несколько объяснений происхождения этого этнонима.

По мнению ряда ученых, имя «северяне» связано со страной света, и север осмысливается как «северяне», «северное племя». Историческое обоснование этой этимологии дал М. Фасмер, по мнению которого «до того, как восточные

славяне распространились через Белоруссию до Новгорода, северяне были самым северным у них племенем» (Фасмер 1987: 589). В.В. Иванов и В.Н. Топоров указали на ее уязвимость (Иванов, Топоров 2000: 428), отметив, что нет надежных данных, которые бы свидетельствовали, что для летописца северяне мыслились как «северные жители» (кроме одного известия, о котором ниже будет сказано), а также указали на проблемы этимологизации данного слова на славянской языковой почве (Иванов, Топоров 2000: 428). Сами ученые связали этот этноним с индоиранским *saуа-*, имеющим различные пространственные значения, конкретизирующиеся в зависимости от местных условий, предположив, что оно было переведено на славянский язык с помощью слова **sěverъ* (северяне были северными соседями ираноязычных народов) (Иванов, Топоров 2000: 428—429).

Распространенной иранской этимологией этнонима север/северяне является объяснение его из иранского **seu, *sew-* «черный»¹, подкрепляемое тем, что в зоне расселения северян есть несколько гидронимов, образованных от того же апеллятива (реки Сев, Сава и т.д.: Топоров, Трубачев 1962: 226). В рамках данной этимологии этноним север может быть истолкован в контексте характерной для кочевых народов «цветовой символики» географического ориентирования, в рамках которой черный цвет был традиционно связан с севером (Майоров 2006: 31—36). Именно она кажется наиболее убедительной и В.В. Седову (Седов 1995: 197; 1999: 80).

По мнению учёного, имя «север/северяне» было усвоено славянами в период их активного взаимодействия с ираноязычным населением Северного Причерноморья в первые века нашей эры (Седов 1994а: 233—286; 2002: 150—198). Затем, в условиях гуннского нашествия, северяне ушли в Среднее Поволжье, став частью именьковского населения, а в конце VII — начале VIII в. пришли в район днепровского левобережья в виде исторических летописных северян (Седов 1995: 197).

Новую славянскую этимологию этнонима *северяне* предложил З. Голомб, производя его от гипотетического **sěvo-* и.е. **koiu-* «член семьи» при собирательном **sěverъ* типа *četvero* (Gołąb 1984: 9), что было отвергнуто О.Н. Трубачевым, вернувшимся к «географической» этимологии. Ученый

¹ Яйленко 1986: 112—113. Автор считает, что этноним балканских *северян* имеет другое происхождение: местное романизированное население называло нахлынувших северных варваров-славян *Severi* — «дикие», «страшные» (так названы славяне в хронике Феофана под 679 г.).

вывел форму **sěver(’)ane* от названия страны света **sěver, sever* (Трубачев 2002: 386). На наш взгляд, эта этимология хорошо обоснована ученым и на данный момент является наиболее убедительной. Что же касается видимого отсутствия четко выраженного в летописи понимания *северян* как «жителей севера», то соответствующий изначальный смысл их названия мог уже утратить свое прямое значение, а ситуация, в которой он возник, нам неизвестна.

Интересные соображения высказал А.П. Непокупный, по словам которого «название северяне относится к самым древним наименованиям славянских племен, повторяется оно и на Балканах — в Мизии VII в. (территория Болгарии), где был зафиксирован этноним Σεβέρεις. Интересно, что, несмотря на наличие еще трех сторон света и их названий — юг, восток, запад, ни одна из них не используется славянами для наименования остальных своих племен. Северная ориентация в древнеславянском процессе номинации кажется нам особенно выразительной и важной, если обратиться к балтийской этнонимии», в которой лингвист находит параллель к имени *северян* — область *Земгале* («северный край») в Латвии (Непокупный 1979: 40—41).

В.В. Седов привел в пользу гипотезы об имениковцах-*северянах* формально-логические основания, построенные на археологической ретроспекции. Есть ли какие-то данные в источниках, которые могли бы подтвердить его и явиться в таком случае независимым свидетельством достоверности этногенетической истории *северян*, намеченной им? К сожалению, сам ученый не задался этим вопросом.

В Повести временных лет есть одно загадочное место: «Кривичи же сеять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра. Ихже градъ есть Смоленскъ. Туда бо сеять Кривичи. Также Северъ от нихъ (выделено мной. — М.Ж.)» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8). Это единственное место, в котором летописец говорит о происхождении *северян*. И выводит он их с севера — из обширной области *кривичей*¹. Между тем никаких археологических данных, которые свидетельствовали бы о происхождении северян от кривичей, не существует. Но не являются ли эти слова смутным воспоминанием о некоей северной прародине *северян* и их приходе оттуда? Тем более что летописные *кривичи* занимали и район верховьев Волги, на берегах которой, вероятно, находилась прародина

¹ Это уже было подмечено В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым: Иванов, Топоров 2000: 428. Примеч. 41.

волынцевцев-северян? К моменту начала древнерусского летописания у населения днепровского левобережья, скорее всего, сохранялись лишь смутные предания об исходе из некоей северной «прародины» на Волге, точная локализация коей, возможно, была уже забыта, которые и послужили основой загадочной летописной сентенции.

Проживание в Среднем Поволжье остатков именьковского населения после конца VII в. допускали многие археологи. П.Н. Старостин пришел к соответствующему выводу еще в 60-х гг., находя в болгарской керамике некоторых районов именьковские черты (Старостин 1967: 31—32). Не изменил своего мнения ученый и в последних работах, солидаризируясь с позицией С.Г. Кляшторного, пришедшего к таким же выводам на основе данных письменных источников (Кляшторный, Старостин 2002). О проживании славян в Среднем Поволжье постименьковского времени писал А.П. Смирнов (Смирнов 1962: 166—168).

О сохранении групп именьковского населения вплоть до болгарского времени и об участии потомков именьковцев в этногенезе болгар говорит Г.И. Матвеева, подчеркивая, что границы Волжской Болгарии совпадают примерно с границами именьковской культуры (Матвеева 2004: 77—79). Полностью поддержал соответствующие ее и других ученых выводы В.В. Седов, отметивший важную роль потомков именьковских племён в оседании болгар на землю, в развитии земледелия и ремесла в Болгарии (Седов 1995: 195—197; 1999: 60—61; 2001; 2002: 254—255). Допускает проживание потомков именьковцев в Поволжье в болгарское время и А.В. Богачев (Богачев 2011: 82).

Если какие-то группы потомков именьковского населения остались в регионе, то они должны были сохранить и свои названия. И таким названием мог быть этноним *север/северяне*.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что в свете упоминания соответствующего этнонима в письме Иосифа версия В.В. Седова о наименовании какой-то группы именьковского населения *северянами* вполне правомерна и получила подтверждение, независимое по отношению к ретроспективным археологическим выкладкам ее автора. Удалось выявить свидетельство источника, говорящее о проживании в Среднем Поволжье «лишнего» этноса с таким названием. Объяснение упомянутого Иосифом в Поволжье этнонима *С.в.р.* как *северян* и его связь с какой-то группой потомков именьковского населения является наиболее логичной.

Сам В.В. Седов, однако, через несколько лет отказался от своего предположения о приходе названия *север/северяне* на днепровское левобережье с волжских берегов, придя к выводу, что оно сохранялось в местной антской среде и было усвоено пришельцами. Аргументация ученого при этом шла от разделяемой им иранской этимологии этнонима, ошибочной, по нашему мнению, и была следующей:

— судя по топонимическим и гидронимическим данным, на Левобережье Днепра в антской среде иранский компонент был весьма значительным, соответственно логично бытование здесь иранского этнонима;

— длительное сохранение в регионе названий *Север/Севера*, что косвенно свидетельствует в пользу его местных корней (Седов 1999: 80).

Что касается последнего, то, учитывая тот факт, что именно пришельцы стали основой сложения новой общности и именно из них, как можно полагать, преимущественно формировалась ее элита, вполне логично, что именно этноним пришельцев должен был возобладать над этнонимом местного пеньковского населения, которое, судя по совокупности имеющихся в нашем распоряжении данных, именовалось *антами* (Приходнюк 1998: 76—77; Седов 2002: 203—222). Данный этноним уже не был известен древнерусским летописцам.

По поводу первого пункта можно заметить, что он имеет малое значение, даже если принимать иранскую этимологию этнонима *северяне*: именьковцы вполне могли мигрировать на север, уже испытав иранское влияние. И тем более он не имеет смысла в рамках более предпочтительной славянской этимологии.

Главной причиной отказа В.В. Седова от своей старой гипотезы стало то, что он нашел ей замену, выдвинув на место имени *северяне* этноним *русь*. Он, согласно поздним работам В.В. Седова, проделал все те путешествия, которые ранее исследователь приписывал *северянам*. Опираясь на работы лингвистов — сторонников иранской (Абаев 1973: 435—437) и индоарийской (Трубачев 1993) версий происхождения этого имени, ученый высказал предположение о том, что оно было наряду с другими иранскими этнонимами усвоено славянами в период славяно-иранского этнокультурного симбиоза в рамках черняховской археологической культуры. Затем в ходе гуннского нашествия *русы* мигрировали в Среднее Поволжье, откуда в конце VII — начале VIII в. переместились на юго-запад, став основой волынцевской культуры. Таким образом, эндоэтнонимом именьковцев, согласно поздним работам

В.В. Седова, было имя *русь*, а волынцевскую археологическую культуру он отождествил с Русским каганатом письменных источников (Седов В.В. 1998; 1999: 50—82; 2002: 255—295).

Ну а поскольку для именковцев нашлось новое предположительное имя, то старое оказалось «лишним», и В.В. Седов как бы разграничил *русь* и *северян*, проживавших в одном регионе: первое было именем пришельцев, а второе — местного населения.

Наиболее весомым аргументом в пользу концепции В.В. Седова об отождествлении Русского каганата письменных источников с волынцевской археологической культурой является установленный им факт совпадения территории *Русской земли* «в узком смысле» (о ней см.: Тихомиров 1979; Насонов 1951: 28—68; Рыбаков 1953: 23—104; 1982: 56—67; Кучкин 1995), очерченной по летописным данным, с территорией волынцевской археологической культуры (Седов 1999: 77—80; 2002: 269—272). Вполне соответствует источникам и регион, в который помещает Русский каганат В.В. Седов — древнейшие из них локализуют его на юго-востоке Европы (Рыбаков 1982: 172—234; Галкина 2002: 63—138; 2006б: 202—270). Только там его можно помещать и в связи с титулованием правителя этой политики каганом, титулом, считавшимся наивысшим у народов евразийских степей: только в этом регионе были понятны его смысл и значение. В этой связи локализации Русского каганата где-то на севере (на острове Рюген, в Скандинавии, в Ладогe, на Городище, в Верхнем Поволжье и т.д.) безосновательны — титул «каган» просто не мог там закрепиться, так как не имел в этом регионе никакого смысла, будучи чем-то вроде «герцога» в Китае.

И тем не менее позиция ученого является достаточно проблематичной и вызывает вопросы (Галкина 2002: 36—37, 225):

— В.В. Седов не произвел сопоставления погребального обряда русов с каганом во главе, который описан в арабских источниках (захоронение по обряду ингумации в «могиле наподобие большого дома»), и волынцевской культуры (трупосожжение).

— Ученый не объяснил, почему на территории Русского каганата (если это волынцевская культура), вступившего в борьбу с Хазарией, отсутствуют укрепленные поселения, что говорит о мирной жизни волынцевцев. Более того, носители салтовской (хазарской, по В.В. Седову) и волынцевской культур, судя по археологическим данным, достаточно активно общались, причем волынцевская культура находилась под серьезным влиянием более развитой салтовской.

— Трактуются находимые на юго-востоке Европы «варварские подражания» арабским дирхемам как монеты Русского каганата (Седов 1999: 75—76; 2002: 289—293), В.В. Седов за счет нумизматических находок существенно расширяет границы гипотетического Русского каганата на восток в сравнении с ареалом волынцевской культуры и размещает центр монетного производства вдали от основной территории культуры. В результате «монетный двор» волынцевской культуры оказывается фактически отрезан от ее центра вражескими (хазарскими) крепостями. Разумеется, такое было бы совершенно нереально.

По этим причинам согласиться с концепцией Русского каганата В.В. Седова мы не можем. Более перспективной, на наш взгляд, является позиция украинского археолога Д.Т. Березовца, отождествившего Русский каганат с салтовско-маяцкой археологической культурой, а русов древнейших источников с ее носителями — североиранским этносом, родственным аланам (Березовец 1970). Ныне эта концепция нашла свое детальное обоснование и развитие в работах Е.С. Галкиной (Галкина 2002; 2006: 385—441), причем, по мнению исследовательницы, в состав Русского каганата входили и славяне-волынцевцы, чем и объясняются их мирные и весьма тесные взаимоотношения с салтовцами, фиксируемые по археологическим данным (Галкина 2002: 309—328; 2006: 427—434).

На наш взгляд, на сегодняшний день именно концепция Русского каганата Березовца—Галкиной является наиболее обоснованной, так как соответствует локализации русов в древнейших восточных источниках, объясняет последовательное противопоставление восточными авторами славян и русов как двух разных этносов и снимает остальные слабости построений В.В. Седова: описание арабскими авторами погребального обряда русов, которыми правит каган, в точности соответствует катакомбным погребениям салтовской культуры; находит свое объяснение симбиоз салтовцев и волынцевцев, между которыми, по всей видимости, существовал взаимовыгодный союз; находит свое объяснение расположению «монетного двора» Юго-Восточной Европы.

Ни славяне, ни хазары не испытывали потребности в чеканке монеты: первые жили натуральным хозяйством, вторые — транзитной торговлей. Совсем другое дело — общество салтовских аланов с производящей экономикой. Прекрасно объясняется в рамках концепции Е.С. Галкиной и совпадение ареала волынцевской культуры с территорией *Русской земли* «в узком смысле»: волынцевцы входили в Русский каганат и усвоили наименование *русов*. После падения этого раннегосударственного образования волынцевская элита, вероятно, считала

себя его наследником. Именно волынцевская культура стала ретранслятором влияния Русского каганата в восточнославянский мир и связующим звеном между ним и Киевской Русью.

Таким образом, вторая гипотеза В.В. Седова об этнониме именьковцев, в отличие от первой, представляется необоснованной.

При этом в данном случае В.В. Седов попытался найти подкрепления своего тезиса о том, что именьковцы назывались *русами*, в источниках, говорящих о Среднем Поволжье. Ученый обратил внимание на загадочное известие Лаврентьевской летописи, упоминающее под 6737 (1229) годом некую *Пургасову Русь*. В контексте рассказа о войнах русских князей с мордвой летописец говорит о *Руси Пургасовой* (по имени ее правителя Пургаса), бывшей союзницей мордвы (или представлявшей собой некую ее составную часть) (ПСРЛ. I: 451). Несмотря на значительную историографию (её обзор см.: Фомин 2007), никакого удовлетворительного объяснения этого летописного пассажа по сей день нет.

Можно согласиться с Е.С. Галкиной, что «из текста летописи совершенно ясно, что «Пургасова Русь» к русским княжествам отношения не имела... Это какой-то этнос, носивший имя «русь», но совершенно обособленный. Также очевидно, что читателям XIII века не нужно было пояснять, кто это такие» (Галкина 2002: 357—358). В.В. Седов сделал вывод, что *Русь Пургасова* — это потомки именьковцев (Седов 2001: 13). Е.С. Галкина осторожно предположила, что речь в летописи идет о какой-то группе салтовцев, ушедшей в результате венгерского нашествия в Поволжье (Галкина 2002: 357—358). В принципе это возможно. Но можно предложить и другое объяснение. Учитывая, что названия целого ряда поволжских финно-угорских народов (мордва, буртасы и т.д.) имеют иранское происхождение, вполне допустимо предположение, что один из них мог от ираноязычных этносов получить и имя, звучавшее для его древнерусских соседей как *русь* (подобные названия были распространены в иранском мире: *роксоланы* — «светлые аланы», *росомоны* — «светлые мужи»).

Само имя *Пургас* вполне может быть интерпретировано как иранское «верховный ас». Сравним с именем поволжского народа *буртасы*, которое происходит от иранского *furt as* — «асы, живущие у большой реки». В этой связи любопытна гипотеза О.Б. Бубенка об иранском происхождении не только именно, но и всего народа буртасов, сыгравшего, по его мнению, определенную роль в этногенезе татар-мирашей и мордвы (Бубенок 1992). Именно в связке с по-

следней идет в Лаврентьевской летописи *Пургасова Русь*, которая в таком случае вполне может оказаться каким-то реликтом поволжского ираноязычного населения.

Третья гипотеза об этнониме именьковцев состоит в том, что их или какой-то их части самоназвание звучало как *словене* (Галкина 2006: 339—345; 2006б: 380—382). Здесь пришло время вернуться к упомянутому выше этнониму *С.л.виюн*, которым в письме царя Иосифа завершается список поволжских народов и после которого граница Хазарии поворачивает к Хорезму. Связь этого названия с общим названием всех славофонных народов, бывшим также и непосредственным этнонимом ряда славянских «племен», несомненна. Но локализация его Иосифом настолько не укладывается в рамки традиционных представлений, что исследователи обычно просто игнорируют ее, понимая под *С.л.виюн* ту часть славян, «которая и согласно ПВЛ платила дань хазарам» (Новосельцев 1990: 157). Делать это можно только при полном отрыве от контекста источника, локализующего данный народ в Среднем Поволжье.

Гораздо логичнее объяснение Е.С. Галкиной, предположившей на основе анализа своеобразия формы этого этнонима в письме Иосифа и сопоставления его с наименованием славян в арабской традиции, что перед нами «эндоэтноним, непосредственно перенятый хазарами от одного из народов Поволжья» (Галкина 2006: 340; 2006б: 380). И таким народом могла быть только какая-то группа потомков именьковского населения, а сам этот эндоэтноним должен был звучать близко к форме *словене*. Объяснений присутствию этого названия в X в. может быть несколько: оно могло быть связано с проживавшими в регионе потомками именьковцев, могло сохраниться в качестве названия территории, на которой они некогда жили, могло относиться к какому-нибудь местному «племени», перенявшему название «именьковцы» и т.д.

Г.И. Матвеева отметила ряд черт, сближающих «словенскую» пражскую и именьковскую культуры: «Нельзя не заметить общих черт погребального обряда именьковской и пражско-корчакской культур. Те же сравнительно небольшие размеры могильных ям, то же сожжение умерших на стороне, та же бедность погребального инвентаря... Особенно показательно отсутствие в именьковских погребениях этноопределяющих женских украшений, которые присутствуют почти в каждом женском захоронении балтов и финно-угров... Типично именьковских украшений вообще не существовало, как не было их у всех славянских племён вплоть до VIII века... Поселения именьковской культуры, как и все

славянские, располагались группами — «гнездами». Как и у племён пражско-корчакской культуры, основным типом жилищ у именковцев были полуземлянки квадратной формы... Можно отметить черты именковской керамики, общие с керамикой других славянских культур» (Матвеева 2004: 75—76).

Пражская культура, как показано в работах В.В. Седова и И.П. Русановой, имеет истоки в полиэтничной пшеворской общности, в рамках которой проживали германцы, славяне и кельты (Русанова 1976: 201—215; 1990; Седов 1994а: 166—200; 2002: 97—125). Г.И. Матвеева обратила внимание на близость ряда элементов именковской культуры с теми, которые были характерны для славянского населения пшеворской культуры: «О славянской принадлежности именковских племён свидетельствует их погребальный обряд. Выше уже была отмечена его близость к обряду безурновых захоронений пшеворской культуры, которые В.В. Седов считает славянскими, в отличие от урновых, принадлежавших германцам. Совпадает топография могильников, форма, глубина и размеры могильных ям, размещение кальцинированных костей в могиле, наличие сосудов и их фрагментов в погребениях, бедность погребального инвентаря и его основные категории. Общим является обычай бросать вещи в костёр и умышленно ломать их перед помещением в могилу» (Матвеева 2004: 75).

Подводя некоторые итоги размышлениям об этнонимии именковцев, можно сказать следующее: выводы о том, что какие-то группы именковского населения именовались *словенами* и *северянами*, являются вполне допустимыми. Дать какое-то иное убедительное объяснение упоминанию народа *С.л.виюн* в письме хазарского царя Иосифа, четко локализирующего его в Среднем Поволжье, едва ли возможно. Точно так же иначе затруднительно объяснить упомянутый там же поволжский этноним *С.в.р*, который оказывается как бы «лишним» — сувары названы в том же перечне поволжских народов. Если верна гипотеза В.В. Седова о генетической связи именковской и волынцевской культур, то можно говорить и о том, что именно с миграцией именковцев связано появление этого этнонима, вытеснившего древнее местное имя *анты*, в регионе днепровского левобережья.

Глава III КРИВИЧИ

I. О соотношении летописных «кривичей» и «полочан»

Согласно ряду летописных известий, регион верховьев Западной Двины с городом Полоцком входил составной частью в обширный ареал славянского этнополитического объединения кривичей:

— в легенде о призвании варягов в Повести временных лет (далее — ПВЛ) сказано, что «перви наследници... въ Полотьске Кривичи» (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14), а поскольку кривичи участвовали в призвании Рюрика, то он посадил в городе одного из своих мужей (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14);

— под 1127 г. летописи, повествуя о походе киевского князя Мстислава Владимировича на Полоцкую землю говорят: «Посла князь Мьстиславъ съ братьею своею многы [на] Кривичи четырьми путыми» (ПСРЛ. I: 297; ПСРЛ. II: 292);

— в Ипатьевской (под 1140 и 1162 гг.: ПСРЛ. II: 304, 521) и Воскресенской (под 1129 и 1162 гг.: ПСРЛ. VII: 28, 76) летописях полоцкие князья названы «кривичскими».

В то же время, согласно другим летописным пассажам, в указанных местах проживало другое славянское «племя» — полочане. Всего в ПВЛ полочане упоминаются трижды.

В рассказе о расселении славян с Дуная читаем: «От техъ Словенъ разидошася по земли и прозвашася имени своими, кде седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце именемъ Мораве и прозвашася Моравы, а друзии Чесе нарекошася, а се ти же Словене: Хорвати Белии, Серпь, и Хутане. Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунаиские и седшимъ в нихъ и на-

*Кривичская женщина 30—35 лет. XI в.
Домжерницы, Лепельский район, Витебская область.
Реконструкция*

сияющимъ имь. Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове. Друзии Лютице, инии Мазовшане, а нии Поморяне. Тако же и те же Словене пришедше, седоша по Днепру и наркошася Поляне, а друзии Деревляне, зане седоша в лесехъ, а друзии седоша межи Припетью и Двиною и наркошася Дреговичи, и инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речкы ради, еже втечетъ въ Двину именовъ Полота, от сея прозвашася Полочане. Словене же седоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именовъ и сделаша городъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзии же седоша на Десне и по Семи и по Суле и наркошася Северо. И тако разидеся Словенескъ языкъ темже и прозвася Словенская грамота» (ПСРЛ. I: 5—6; ПСРЛ. II: 5).

Далее же в ПВЛ говорится, что «по сеи братьи (после смерти Кия, Щека и Хорива. — М.Ж.) почаша держати родъ ихъ княжение в Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дръговичи свое, а Словене свое въ Новегороде, а другое на Полоте, иже и Полочане, от сихъ же и Кривичи, иже сеять на верхъ Волги и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо сеять Кривичи, таже Северо от нихъ» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8).

В третий раз полочане упоминаются летописцем в следующем контексте: «Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Новгородци, Полочане, Дреговичи, Северо, Бужане, зане сеять по Бугу, послеже не Волыняне» (ПСРЛ. I: 9—10; ПСРЛ. II: 8).

Итак, одни летописные тексты отдают верховья Западной Двины кривичам, а другие — полочанам. Исследователи давно заметили это противоречие и попытались прояснить его. Выводы при этом у них получились не просто разные, но нередко взаимоисключающие.

П.Н. Третьяков полагал, что «многие племена «Повести временных лет» — это, несомненно, обширные племенные объединения... Но далеко не все «племена» являлись именно такими объединениями. На первых страницах «Повести временных лет» наряду с ними перечислены образования совершенно иного характера — вновь возникшие территориальные объединения, появившиеся... вследствие распада у восточных славян первобытно-общинного строя. Ярким примером в этом отношении являются полочане — на первый взгляд одно из древнерусских племён, фактически же одно из новых территориальных объединений» (Третьяков 1941: 35; 1953: 221—222). Итак, кривичи — древнее славянское племенное объединение, в то время как полочане — новое территориальное образование древнерусского времени, ошибочно вставленное летописцем в перечни восточнославянских «племён». Такова мысль П.Н. Третьякова.

Учёный подкрепляет её следующими соображениями (Третьяков 1941: 36; 1953: 222). Полочане не присутствуют ни в одном летописном рассказе северного происхождения. Их нет в легенде о призвании варягов (в ней названы словене, кривичи, чудь и меря), в рассказе о походе Олега на Киев в 882 г. (названы варяги, чудь, меря, кривичи) и установлении им дани с Киева в пользу северных «племён» (словен, кривичей и мери). Нет полочан и в перечнях «племён», принимавших участие в походах на Византию в 907 г. (варяги, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, вятичи, хорваты, северяне, дулебы,

тиверцы) и в 944 г. (варяги, русь, поляне, словене, кривичи, тиверцы, печенеги). Во всех указанных случаях в летописном повествовании фигурируют только кривичи, при этом, когда византийцы после похода 907 г. согласились платить дань Руси, в числе городов, долженствующих получать её, Полоцк значится, следовательно, его жители принимали участие в походе¹.

Всё это, по мнению П.Н. Третьякова, «говорит о том, что полочан, как одного из древнерусских племён, по-видимому, никогда не существовало. В XI—XII вв. так называли жителей Полоцка и его земли, точно так же, как население Новгородской земли и Новгорода Великого называли новгородцами. «Слово о полку Игореве» говорит о курянах — жителях Курска. Эти термины относятся к новому, территориальному делению русского населения, которое повсеместно стало вытеснять старое, племенное деление... очень вероятно, что именно составитель «Повести временных лет», которая создавалась в Киеве, причислил жителей Полоцка — полочан — к числу северных древнерусских племён, допустив, таким образом, существенную ошибку» (Третьяков 1941: 36; 1953: 222—223).

П.Н. Третьяков опирался также на реконструкции А.А. Шахматова, согласно которым в летописных сводах, предшествовавших ПВЛ, полочане отсутствовали. Здесь, однако, надо иметь в виду, что все известия о полочанах приходятся на этногеографическое введение к ПВЛ, которое отсутствует в Новгородской I летописи (далее — НПЛ), отразившей, по Шахматову, Начальный летописный свод конца XI в. Соответственно, оно осталось за бортом шахматовских реконструкций. Однако, во-первых, вопрос о времени появления в летописях текста этногеографического введения (а начало НПЛ можно рассматривать и как выжимку из оногo), а равно и о соотношении ПВЛ и НПЛ в целом дискуссионен, а во-вторых, даже если в летописи этногеографическое введение впервые было вставлено в начале XII в. при составлении ПВЛ, то из этого никак не следует, что оно было написано именно в то время. Вполне возможно, что изначально оно существовало как самостоятельный памятник, впоследствии включённый в летописи (Кузьмин 1977: 296—326).

¹ Достоверность упоминания Полоцка в русско-византийском договоре 907 г. дискуссионна. По мнению одних исследователей, перечень городов, фигурирующих в договоре, которым Византия должна была платить дань, изначально включал в себя только Киев, Чернигов и Переяславль, а упоминание Полоцка, Ростова и Любеча представляет собой позднюю вставку летописца (Греков 1953: 295; Кузьмин 1970: 127; Горский 1995: 55—56), в то время как другие оспаривают это утверждение и отстаивают достоверность всего перечня городов (Тихомиров 1956: 345; Фроянов 1996: 320—321; Алексеев 2006. Кн. 2: 4).

Главные тезисы П.Н. Третьякова представляются мне неубедительными. Летописцы, вопреки мнению учёного, нигде не смешивают древние славянские «племена» с новыми территориальными общностями¹, они чётко разделены на понятийном и хронологическом уровнях: вторые на страницах летописей со временем приходят на смену первым как общности нового порядка. Полян заменяют кияне, словен — новгородцы и т.д. Более того, летописец прямо говорит, что имя *полочане* происходит от реки Полоты, а не от города Полоцка (см. вышеприведённое летописное известие), что чётко указывает на «племенной», а не территориально-политический характер этого объединения.

Этнонимы, производные от гидронимов были распространены в славянском мире: вспомним вислян, бобрян, речан и т.д. Полоцк, очевидно, также получил своё имя по реке Полоте: «Полоцк, или Полотеск, — город, стоящий на реке Полоте; словообразование, подобное Торопцу от реки Торопы, Витебску — от реки Видьбы и т.д.» (Тихомиров 1956: 362. См. также: Нерознак 1983: 139). И уже от имени города Полоцка получили своё имя *полочане* как территориально-политическая общность XI—XIII вв. — жители Полоцка и его волости (впервые *полочане* в таком качестве упомянуты в ПВЛ под 1092 г.: ПСРЛ. I: 215).

Прямую аналогию находим на берегах Западного Буга: от имени этой реки прозвалось, согласно летописцу, «племя» *бужан* (ПСРЛ. I: 11; ПСРЛ. II: 8), от него же произошло название города Бужска (Тихомиров 1956: 322; Нерознак 1983: 30—31), по имени которого, в свою очередь, назывались впоследствии жители города и его волости как нового территориально-политического объединения. Таким образом, старое «племенное» и новое территориально-политическое наименования совпали через посредство городов, названных по рекам, от которых произошли и соответствующие древние «племенные» имена. Никакой путаницы «племенных» и «территориальных» наименований, вопреки П.Н. Третьякову (Третьяков 1941: 36; 1953: 223), ни в случае с *полочанами*, ни в случае с *бужанами* в летописи нет.

Также в параллель истории этниконов *полочане* и *бужане* может быть поставлена история имени *волынiane*. Оно изначально было образовано подобно таким славянским этнонимам, как *поляне* («жители поля»), *древляне* («жители

¹ Единственное исключение, «Новгородьци», в приведённом выше списке «словенских языков» Руси, видимо, возникло вследствие того, что в предшествующем ему списке славянских «княжений» подчёркнуто, что столица словен — Новгород. В приведённом выше летописном известии 1127 г. «Кривичи» — не «племя», а название территории, которое какое-то время сохранялось в употреблении, когда самого «племени» уже не существовало.

ли лесов») и т.д. — от местности проживания. *Вольняне* — «жители низины/ долины/равнины» (от слав. *volynьь — «долина/равнина/низина») (Трубачев 1994: 13—14). От местности же, видимо, произошло и название города Вольнь. Правда, в отличие от Полоцка он не стал центром волости, уступив первенство Владимиру-Вольнскому, основанному князем Владимиром в качестве опорного пункта киевской власти в противовес Вольни как древнему местному центру. Соответственно, потомки вольнян в XI—XIII вв. обычно именуется в летописях «владимирцами», но поскольку название земли Вольнь сохранилось (ПСРЛ. I: 199), один раз её и Владимира жители обозначены в Ипатьевской летописи как «вольницы» (ПСРЛ. II: 741).

По мнению А.Н. Насонова, «одно «княжение» у кривичей было на Полоте, а другое — в Смоленске; полочане — тоже кривичи. Составитель «Повести временных лет» именно так понимал дело... Также понимал дело и его киевский продолжатель» (Насонов 1951: 145—146). А.Н. Насонов ссылается при этом на летописное известие о кривичах как «первых насельниках» Полоцка и именование полоцких князей кривичскими, а Полоцкой земли «Кривичами» в XII в.

Л.В. Алексеев в книге о домонгольской Полоцкой земле, приведя летописные данные о проживании в верховьях Западной Двины кривичей и полочан, констатировал, что «соотношение кривичей и полочан остаётся загадкой» (Алексеев 1966: 54), помочь разгадать которую, по мнению учёного, способно привлечение археологических данных (Алексеев 1966: 54). Учёный сопоставил курганы Полотчины и Смоленщины и констатировал значительное сходство между ними в погребальном обряде и наборе украшений, но отметил и некоторое своеобразие полоцких курганов: малое количество и бедность украшений, своеобразие височных колец, отсутствия ряда характерных для Смоленщины предметов.

Это позволило учёному заключить, что «в конце I тысячелетия н.э. на территории Полотчины жило население, близкое по материальной культуре населению Смоленщины и отличавшееся от него незначительно некоторыми деталями погребального обряда и инвентаря. Это и были летописные полочане» (Алексеев 1966: 55).

Рассмотрев далее некоторые данные этнографии и языкознания, Л.В. Алексеев сделал следующий итоговый вывод: «Предварительно (до целенаправленных раскопок) можно считать, что полочане — часть кривичей, обосновавшаяся первоначально на водной магистрали ответвления пути из варяг в греки и рассе-

лившаяся затем на запад, юг и северо-восток» (Алексеев 1966: 60), при этом на полочан оказал значительное влияние аборигенный балтский субстрат (Алексеев 1966: 60). В своей итоговой работе учёный повторил этот вывод: Полоцкая земля была кривичской (Алексеев 2006. Кн. 2: 4), а полочане были частью кривичей (Алексеев 2006: 59). Аналогично понимает соотношение между полочанами и кривичами Г.В. Штыхов: «полочане», полоцкие кривичи, представляли собой западную часть кривичей (Штыхов 2000: 209. См. также: Штыхов 1992).

По мнению Б.А. Рыбакова полочане были «особым небольшим племенным союзом, всегда выделяемым летописцем как самостоятельная единица» (Рыбаков 1982: 239). Согласиться с последним утверждением невозможно: ряд летописных известий не выделяет полочан и «отдаёт» их земли кривичам.

Специальную статью вопросу о «полочанах» начальной летописи посвятил А.Г. Кузьмин (Кузьмин 1970а. См. также: Кузьмин 1977: 321—322). Учёный согласился с П.Н. Третьяковым в том, что этнополитического союза полочан не существовало, а его упоминания в этногеографическом введении к ПВЛ представляют собой искусственную вставку летописца (Кузьмин 1970а: 125). При этом учёный поставил вопрос о времени этой вставки, а также исторических условиях, приведших к её появлению: «Если употребление летописью этого этнонима (полочане. — М.Ж.) не вполне оправдано, то можно поставить вопрос, к какому времени оно относится и с каким источником связано» (Кузьмин 1970а: 125).

По мнению А.Г. Кузьмина, поскольку упоминание полочан отсутствует в легенде о призвании варягов, то «составитель Начальной летописи в XII в. упоминал их на основании какого-то другого источника, существовавшего независимо от варяжской легенды. А это значит, что появление в летописи «полочан» связано не с творчеством летописца начала XII в., а с одним из его предшественников» (Кузьмин 1970а: 125). Что это за предшественник? А.Г. Кузьмин обратил внимание, что все три раза полочане называются летописцем в рамках перечня «племён», хотя и варьирующегося, но имеющего тем не менее устойчивое ядро и что все летописные пассажи, упоминающие полочан, связаны со «Сказанием о переложении книг на славянский язык» (вспомним указание на «Словенскую грамоту» в конце первого летописного пассажа с упоминанием полочан: Кузьмин 1970а: 126).

По ряду косвенных признаков учёный приходит к следующему выводу о времени вставки «полочан» в летописный текст: «Весьма вероятно, что интерес

к Полоцку проявлялся тогда, когда полоцкий князь Всеслав претендовал на киевский стол. Тогда-то и могли быть вставлены в летописный текст «полочане» и другие связанные с Полоцком известия (например, вставлен «Полоцк» в статью под 907 г.). Самый рассказ о славянской грамоте сложился, возможно, намного раньше. Но в летописной обработке его замечаются следы, ведущие в эпоху Ярославичей, когда в Киеве составлялся большой летописный свод» (Кузьмин 1970а: 127).

А.Г. Кузьмин, к сожалению, отталкивался от ошибочной, по моему мнению, идеи П.Н. Третьякова, согласно которой летописцы фактически придумали «племя» полочан, но его идеи о том, что «полочане» появились в тексте летописи под пером одного из летописцев, в то время как другие хронисты не использовали этого этнонима, заслуживает серьёзного внимания. Я бы только иначе расставил тут акценты: летописец не сконструировал это «племя» искусственно, а выделил одну из частей обширного кривичского массива, назвал её имя отдельно, чего не делали другие авторы, не обозначавшие отдельных «племён» в составе кривичей или других славянских этнополитических союзов. И это действительно могло произойти вследствие интереса этого летописца к Полоцку и его истории.

Только вот время и обстоятельства такого интереса, указанные А.Г. Кузьминым, вызывают вопросы: когда Всеслав Полоцкий претендовал на киевский стол, отношения Полоцка и Киева, Всеслава Полоцкого и Ярославичей, были враждебными, вряд ли киевские летописцы в это время стали бы проявлять повышенный интерес к истории этого города, а тем более — возвеличивать её. Логичнее полагать, что «полочане» были не вставлены в текст этногеографического введения, а присутствовали в нём с самого начала (когда бы оно ни было написано), о них писал его автор, блестяще знавший этногеографию славянского мира.

Принципиально иначе, чем А.Г. Кузьмин, и достаточно радикально подошёл к решению проблемы попадания на страницы летописей этнонимов «кривичи»/«полочане» и соотношения между ними А.А. Горский (Горский 1995). По мнению историка в исходном тексте ПВЛ упоминались только полочане, а кривичей вставил редактор, близкий к Владимиру Мономаху, который симпатизировал Смоленску и не жаловал Полоцк (Горский 1995: 55 и сл.). «Общая тенденция редактора в вопросе об истории кривичей сводится к тому, что главным городом кривичей был Смоленск, а Полоцк являлся тоже кривичским

городом, но менее значительным. Автор ПВЛ не считал нужным даже употреб- лять этноним «кривичи»: вместо него он использовал название «полочане»... Автор ПВЛ считал... полоцкую группировку кривичей главенствующей» (Гор- ский 1995: 57).

При этом, по мнению А.А. Горского, история правки летописного текста от- ражает реальное политическое развитие кривичей: «В IX в. главным в союзе было полоцко-ушачское княжество и по нему другим, «территориальным» на- званием союза стало имя «полочане». Центром союза был град «Полоцк»... Смоленск... был центром одного из племенных княжеств, входивших в союз, — верхнеднепровского. Эта ситуация отразилась в авторском тексте ПВЛ, где на- званы только полочане — главное племенное княжество союза. В конце IX в. с объединением Киева и земли словен, сопровождавшемся подчинением Смо- ленска киевскому князю и расцветом пути «из варяг в греки» роль Смоленска возросла. В Смоленск стала стекаться дань, собираемая для киевских князей со всей земли кривичей, часть её, видимо, оседала в Смоленске... Смоленск стал главным центром кривичской земли» (Горский 1995: 58). Далее учёный уточ- няет свою мысль: «В истории кривичей догосударственного периода не было двух союзов племенных княжеств — полоцкого и смоленского», первоначально в IX в. столицей кривичей был Полоцк и они все совокупно именовались также полочанами, а затем на лидирующие позиции выдвинулся Смоленск (Горский 1995: 59).

«В тексте ПВЛ отразились две одновременные политические ситуации. Ав- тор ПВЛ изобразил ситуацию до второй половины IX в., когда кривичский союз возглавлялся племенным княжеством полочан, а редактор — ситуацию конца IX—X вв., когда главным кривичским центром был Смоленск. Политическая ситуация этого времени соответствовала симпатии редактора и его покрови- теля Владимира Мономаха к Смоленску и антипатии к Полоцку и полоцким князьям» (Горский 1995: 59—60).

Все эти сложные конструкции А.А. Горского представляются мне неосно- вательными и не выдерживающими критики. С чего бы это политически моти- вированная реальяями начала XII в. редактурa летописного текста отразила ре- альную историю кривичей IX—X вв.? Нет оснований рассматривать под таким углом зрения летописные известия о кривичах и полочанах.

Из летописных пассажей о полочанах, вопреки мнению А.А. Горского, ясно следует, что это отнюдь не обозначение всего обширного массива кривичей,

а наименование славянского этнополитического союза, жившего в компактном районе на берегах Западной Двины и Полоты: «И инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, еже втечеть въ Двину именемъ Полота, от сея прозвашася Полочане»; «а другое на Полоте, иже и Полочане». Повторяю и то, что уже отмечал раньше: летописец чётко указывает, что «древние» полочане назывались не по городу Полоцку, а по реке Полота, т.е., вопреки А.А. Горскому, это «племенное», а отнюдь не «территориальное» название.

Малоубедительной выглядит и гипотеза А.А. Горского о вторичности этнонима «кривичи» в летописном тексте. Как раз он является в нём куда более укоренённым, чем имя «полочане»: *кривичи* встречаются в летописи существенно чаще *полочан*, причём если последние наличествуют только в недатированной части ПВЛ (этногеографическое введение), то первые как в недатированной, так и в датированной, собственно летописной, части источника. Отсутствуют *полочане* и в НПЛ. Наконец, обозначение Полоцкой земли как «Кривичей», а полоцких князей как «кривичских» дожило в летописях до XII в. и выходит за рамки ПВЛ. Как раз скорее можно согласиться с А.Г. Кузьминым в том, что именно этноним «полочане» нехарактерен для летописной традиции как таковой и все случаи его упоминания связаны, вероятно, с одним летописцем — автором или редактором этногеографического введения к ПВЛ или какой-то его части.

Ничем невозможно подкрепить и предположение А.А. Горского о том, что в IX в. важнейшим центром всех кривичей был Полоцк, а потом эта роль перешла к Смоленску. Сам учёный считает упоминание Полоцка в русско-византийском договоре 907 г. позднейшей вставкой (Горский 1995: 55—56), а без этого известия *единственное* летописное упоминание Полоцка в период до княжения в нём Рогволода (980 г.) связано с варяжской легендой. Из текста летописи можно при этом сделать вывод о политической независимости друг от друга Смоленска и Полоцка в середине IX в., а не о преобладании одного из них над другим: в Полоцке Рюрик сажает одного из своих «мужей» (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14), видимо, как в одном из городов, участвовавших в призвании варягов, Смоленск же, очевидно, не был подвластен Рюрику, так как его подчиняет себе только Олег в 882 г. (ПСРЛ. I: 22—23; ПСРЛ. II: 16; ПСРЛ. XXXVII: 18).

Византийский император Константин Багрянородный в середине X в. знает только кривичей как «пактиотов»-данников русов и Смоленск как подчинённый Киеву город (Константин Багрянородный 1991: 45, 51), но не знает полочан

и Полоцка, видимо, они в это время не подчинялись Киеву и там правила местная династия, последним представителем которой был убитый Владимиром Святославичем Рогволод. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники рисуют картину независимой политической жизни Полоцка и Смоленска IX—X вв. В середине IX в. первый подчинён Рюрику, а второй — нет; в середине X в. (до 980 г.) всё наоборот: Полоцк независим и управляется собственными князьями, а Смоленск — в подчинении у Киева. Это даёт основание утверждать, что, вопреки мнению А.А. Горского, у кривичей было два, по терминологии учёного, «союза племенных княжеств» с неодинаковой политической судьбой: Смоленский и Полоцкий.

В книге, посвящённой длинным курганам кривичей, В.В. Седов писал, что «полочане были локальной группой кривичей, расселившихся в бассейне Западной Двины там, где в неё впадает р. Полота» (Седов 1974: 36). Впоследствии, однако, учёный изменил свою точку зрения.

В фундаментальной работе о восточных славянах VI—XIII вв. В.В. Седов положительно сослался на охарактеризованное выше мнение А.Г. Кузьмина, согласно которому «места летописи, где названы полочане, являются вставками авторов-редакторов XI в.», обусловленными «взаимоотношениями Киева и Полоцка того времени» (Седов 1982: 164). По В.В. Седову, «такому решению вопроса о полочанах целиком соответствуют археологические выводы» (Седов 1982: 164), поскольку «бесспорно, что земли вокруг Полоцка были заселены кривичами. Длинные курганы Полоцкой земли идентичны таким же памятникам Смоленщины. Тожественны и круглые курганы с трупосожжениями на этих территориях. Погребальный обряд полоцких кривичей XI—XIII вв. не отличается от ритуала смоленских кривичей. Как на Смоленщине, так и в Полоцкой земле распространены одинаковые браслетообразные завязанные височные кольца. Тожественны и другие украшения в курганах этих территорий» (Седов 1982: 164—165).

Полемизируя с наблюдениями Л.В. Алексеева о некотором своеобразии археологических памятников Полотчины в сравнении с памятниками Смоленщины, В.В. Седов пишет: «Иногда обращают внимание на то, что в полоцких курганах встречается меньше украшений, чем в смоленских, или на то, что в курганах Полоцкого Подвинья известны височные кольца с завязанными концами малых размеров и грубо скрученные (здесь ссылка на указанную выше работу Л.В. Алексеева о Полоцкой земле. — М.Ж.). Однако эти элемен-

ты нельзя считать этнографическими. Среди височных украшений Полоцкой земли нередки и браслетообразные завязанные кольца, не отличимые от смоленских, и, наоборот, на Смоленщине встречены подобные кольца небольших размеров» (Седов 1982: 165). Также учёный со ссылкой на работу А.И. Соболевского отмечает, что «какого-либо этнографического рубежа между Смоленской и Полоцкой землями XI—XIV вв. не обнаруживается. И для смоленских кривичей, и для полочан характерен общий диалект, выявленный на основе изучения письменных памятников XIII—XV вв.» (Седов 1982: 165. Ср.: Соболевский 1886: XV).

Всё это позволило В.В. Седову заключить: «Археологический материал не даёт возможности считать полочан отдельной этнографической (племенной) группой кривичей. Очевидно, полочане летописей были такими же кривичами, как и население Смоленской земли. Назывались они полочанами исключительно по политико-географическим мотивам. Это — население, подвластное полоцким князьям, или жители Полоцкой земли» (Седов 1982: 165). Об археологически фиксируемом культурном единстве Полотчины и Смоленщины как в период культуры длинных курганов (конец VII — IX вв.), так и в древнерусское время В.В. Седов писал и в последующих своих работах (Седов 1994: 89—100; 1995: 228—237; 1999: 140—145; 2002: 384—388).

Выводы В.В. Седова о единстве материальной культуры Полотчины и Смоленщины кривичского времени, основанные на скрупулёзном анализе археологических материалов, имеют важное научное значение, но общеисторические выводы учёного вызывают вопросы. Каким образом из единства материальной культуры кривичей следует невозможность существования внутри кривичского массива разных этнополитических группировок, в том числе и полочан?

Летописец называет кривичей, вятичей, радимичей, полян, древлян и прочие восточнославянские этнополитические объединения в одном ряду с лютичами, а про них по источникам хорошо известно, что они представляли собой союз ряда небольших «племён»: брежан, стодорян, чрезпенян, доленчан и т.д. Аналогична ситуация с ободритами, включавшими в себя древан, глинян, вагров и т.д. и лужицкими сербами, делившимися на сусельцев, жирмунтов, галомачей и т.д. Одним словом, там, где у нас есть источники, описывающие более детально внутреннюю жизнь славян, мы видим, что большие славянские этнополитические объединения, уровня тех, что попали на страницы древнерусских летописей, делились на ряд небольших «племён».

В «Баварском географе», анонимном памятнике, созданном в швабском монастыре Райхенау в 70-х гг. IX в. (Назаренко 2001: 51—70), перечислено множество славянских «племён», не известных по другим источникам и, соответственно, с трудом поддающихся идентификации или не поддающихся ей вовсе. По всей видимости, это именно те небольшие «племена», из которых состояли крупные славянские этнополитические союзы типа вислян, мазовшан, лютичей, кривичей и т.д. (ср.: Седов 1999: 64—65).

Имя одного такого небольшого «племени» отразилось и в древнерусских источниках. Б.А. Рыбаков обратил внимание (Рыбаков 1982: 264) на то, что в «Почении» Владимира Мономаха дважды названы некие «семичи»:

— после одной из побед над половцами князь «а семечи и полон весь отъяхом» (ПСРЛ. I: 248);

— укрывшись от превосходящих половецких сил за городскими стенами, войска Владимира почти не понесли потерь «толко семцю яша одиного живого, ти смердь неколико» (ПСРЛ. I: 248).

Б.А. Рыбаков заключил: «Семичи» — типичное по своей форме племенное имя. Это, очевидно, одно из племён Северянского племенного союза, размещенное на сейме: «А друзии седоша по Десне и по Семи, и по Суле и нарекоша ся Север» (Рыбаков 1982: 264)¹.

Внутри территорий больших восточнославянских этнополитических объединений удаётся и археологически наметить отдельные скопления памятников, соответствующие, вероятно, отдельным небольшим «племенам» (Соловьева 1956: 138—170; Рыбаков 1982: 264) наподобие балтийско-славянских стодорян, доленчан, древан и т.д.

В рамках ареала смоленско-полоцких кривичей Л.В. Алексеев также выделил подобные скопления: «Археологическая карта Полоцкой земли свидетельствует о том, что славяне селились... не хаотически, а группами, которых разделяли густые леса... Самых больших скоплений насчитывается десять, восемь из которых были кривичскими (Полоцко-Ушачское, Гайно-Березинское, Друцкое, Лукомльское, Оршанское, Усвятское, Витебское и Изяславльское) и два дреговичских... Примечательно, что *семь кривичских скоплений более или менее равновелики, в то время как восьмое (Полоцко-Ушачское) по пло-*

¹ Учёный обратил внимание также на летописное сообщение о победе воеводы Волчьего Хвоста над радимичами в 984 г. на р. Пищане: «Потом бытовала поговорка, укорявшая радимичей: «Пищаньци вольчьа хвоста бегаютъ». В этом случае хронист расценивает пищаньцев как некую органическую часть радимичей» (Рыбаков 1982: 263—264).

щади и количеству памятников превышает их вдвое или даже втрое (курсив мой. — М.Ж.)» (Алексеев 1978: 24; 2006. Кн. 1: 29); «в Смоленской земле мы наблюдаем три крупнейших скопления древнего населения. Интенсивным заселением кривичами в IX—X вв. была зона междуречья верховьев Сожа — Днепра и Каспли, а также района верховьев Западной Двины — Торопы, у Торопецкого и Жижецкого озер. Третье большое скопление населения мы видим в южной части Смоленской земли, заселенной радимичами» (Алексеев 1978: 24; 2006. Кн. 1: 29).

Совершенно очевидно, что такое значительное восточнославянское этнополитическое объединение как кривичи делилось на ряд более или менее обособленных структурных единиц разного уровня: от небольших «племён» до их локальных объединений. Кривичи в их совокупности занимали огромную территорию от бассейна реки Великой через верховья Днепра до Мсты, очерчиваемую по ареалу характерных для них погребальных памятников, длинных курганов (карту распространения этих памятников см.: Седов 1982: 48—49. Карта 8). По словам В.В. Седова, «общий ареал длинных курганов, подразделяемый на две культурные группы, соответствует трём историческим землям Древней Руси — Псковской, Полоцкой и Смоленской, — принадлежащих кривичам» (Седов 1999: 143). Широта расселения кривичей с неизбежностью должна была привести к формированию локальных объединений в рамках кривичского ареала, объединяющих, вероятно, несколько небольших «племён», которым соответствуют отдельные скопления археологических памятников.

Одним из таких объединений и были летописные «полочане». Ядром их (*полочанами*, так сказать, «в узком смысле»), скорее всего, было население, оставившее Полоцко-Ушачское скопление памятников, крупнейшее на Полотчине. Вероятно, в состав объединения полочан входили ещё несколько небольших «племён», оставивших соседние скопления (сколько именно — сказать невозможно). Центром кривичского объединения полочан был, очевидно, Городок на Полоте, предшественник Полоцка (о Городке на Полоте см.: Алексеев 2006. Кн. 1: 58—60), видимо, носивший то же имя.

В Верхнем Поднепровье сложилось другое кривичское объединение во главе со смолянами. Существование такого кривичского «племени» реконструируется из сопоставления названия города Смоленск, *Смольньскъ* (столица смоленских кривичей начиная с гнездовского периода его истории; о гнездовском периоде в истории Смоленска см.: Алексеев 2006. Кн. 1: 53—58) и имени одно-

го из славянских «племён» на Балканах, *смоляне* или *смолене* (Трубачев 2005: 96), а также западнославянских *Smeldingon* (Трубачев 2005: 97). Повторяемость одних и тех же этнонимов в разных частях славянского мира — одна из характерных черт славянской этнонимии (Трубачев 1974: 3—15).

Смоленск, очевидно, был «племенным» центром смолян, по имени которых и получил своё имя (Трубачев 2005: 99—102), а уже от него, в свою очередь, «смолянами» стали называться жители Смоленска и его волости древнерусского времени. Перед нами ещё один вариант переноса «племенного» названия на новую территориально-политическую общность: имя «племени» — имя города его центра — имя нового территориально-политического образования, центром которого стал этот город. Имя *смоляне*, **smolĕne*, **smol'ane* значило первоначально «выжигающие лес» — от древней формы и значения глагольного корня **smol-*, **smoliti* (Трубачев 2005: 105). Этноним, очевидно, связан с подсечным земледелием. По словам О.Н. Трубачева, «в имени смолян выражено не только отношение к лесу. В нём запечатлена, как я все же думаю, также обязательная связь с земледелием, ибо **smolĕne* — это, иными словами, славяне, отвоевывающие пашню у леса» (Трубачев 2005: 105).

Особую гипотезу в дискуссии о соотношении между летописными *кривичами* и *полочанами* высказал Д.А. Мачинский. По мнению учёного, под именем «кривичей» в летописях выступают не славяне, а какая-то протославянская, балто-славянская или балтская группировка, оставшаяся на территории «лесной прародины» славян и ассимилированная «настоящими» славянами, кристаллизовавшимися при продвижении на юг, в Подунавье, а затем расселявшимися оттуда, согласно ПВЛ. Полочане же были первой славянской группой, которая пришла в кривичские земли (Мачинский 1981: 39—51). Аналогичную позицию занимает и Е.А. Шмидт (Шмидт 2012: 114—117).

Согласиться со взглядами этих учёных не представляется возможным, поскольку они прямо противоречат данным летописи. Выше уже цитировался летописный рассказ о «племенных княжениях» у славян. В нём говорится, что кривичи происходят от полочан, которые согласно рассказу о расселении славян, являются потомками дунайских славян, пришедшими в Восточную Европу: «А другое (княжение. — М.Ж.) на Полоте, иже и Полочане, от сих же и Кривичи, иже сеять на верхъ Волгы и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо сеять Кривичи, таже Северо от них».

Иногда слова о происхождении кривичей от полочан рассматривают как некую вставку, одни делают это на основе неких общих соображений (Рыбаков 1963: 241), а другие, как, например, А.Г. Кузьмин и А.А. Горский, на основании своих представлений о соотношении между летописными *кривичами* и *полочанами* (Кузьмин 1970: 126; Горский 1995: 54).

Никаких оснований видеть здесь вставку нет. Происхождение одного славянского «племени» от другого — один из базовых путей славянского этногенеза согласно этногеографическому введению к ПВЛ: «От техъ Словеньъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, кде седше на которомъ месте» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5); «словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а *отъ* техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5); «радимичи бо и Вятичи *отъ* Ляховъ. Бяста бо два брата в Лясахъ: Радимъ, а другыи Вятокъ. И пришедша, седоста Радимъ на Съю и прозвашася Радимичи, а Вятко седе своимъ родомъ по Оце, *отъ* него прозвашася Вятичи» (ПСРЛ. I: 12; ПСРЛ. II: 9). Из приведённых примеров видно и то, что, вопреки мнению Е.А. Шмидта, который полагает, будто в пассаже о происхождении кривичей от полочан предлог «от» означает лишь соседство (Шмидт 2012: 115), в летописном повествовании о расселении славян он имеет однозначное значение происхождения.

В рамках представлений летописца о дунайской прародине славян было логично полагать, что сначала славяне, продвигаясь с юго-запада, освоили берега Двины, а уже оттуда продвинулись на восток, к Верхнему Днепру и Волге. Ныне мы знаем, что расселение кривичей шло иначе: Полотчина и Смоленщина были ими освоены начиная с конца VII в. с севера и северо-запада, из ареала культуры псковских длинных курганов, представлявших собой, по всей видимости, древнейшие кривичские памятники (Седов 1960: 59—62; 1995: 229—238; 1999: 140—145; 2002: 384—388; Третьяков 1966: 281—282; Алексеев 1966: 33—34; 2006. Кн. 1: 28—30).

Примечательно и то, что летописец, упомянувший *полочан* в качестве особого славянского этнополитического союза и написавший о происхождении от них кривичей, разграничил полочанскую и кривичскую территорию, ограничив последнюю верховьями Волги, Днепра и Западной Двины и указав, что город кривичей — Смоленск. Полоцк, стоявший ниже по течению Двины и его окрестности, он, очевидно, в кривичскую территорию не включил, равно как и Псковскую землю, также входившую, как мы знаем по другим данным, в кривичский ареал (Седов 1974: 36 и сл.; 1981: 5—11).

Этот летописец писал о кривичах в «узком значении», понимая под ними только территорию смолян и их соседей. По всей видимости, кривичами в первую очередь называлась верхнеднепровская группа славян, а уже от неё это имя распространилось на весь славянский ареал культуры длинных курганов, который едва ли имел сколько-нибудь прочное политическое единство. Общность кривичей скорее носила этнокультурный характер, связанный с единством их происхождения. В политическом же смысле изборско-псковские, полоцкие и смоленские кривичи, вероятно, с раннего времени жили обособленно, что не могло не привести к формированию локальных этнонимов, покрывавших расположенные по соседству «племена».

Смоленская группировка кривичей, именовалась собственно кривичами, а также, возможно, смолянами, полоцкая — полочанами, а имя изборско-псковской группы кривичей остаётся нам неизвестно.

Большинство летописцев говорило о кривичах *in concreto*, и только один сохранил имя полочан и сообщил важные сведения об исторической географии Кривичской земли. Характерен имеющийся в летописях оборот «все кривичи» (ПСРЛ. I: 19, 22—23; ПСРЛ. II: 13—14), не применяемый летописцами больше ни к одному из славянских этнополитических союзов. Он указывает на сложный состав общности кривичей, на наличие ряда локальных кривичских объединений.

Подведём итоги сказанного в статье:

1. Кривичи представляли собой особую этнокультурную славянскую общность, расселившуюся на огромной территории и вследствие этого не имевшую, по-видимому, прочного политического единства. В кривичском ареале, который можно очертить по летописным данным и по ареалу кривичской культуры длинных курганов, существовало множество небольших «племён», археологическим эквивалентом которых являются скопления памятников, объединённые, по-видимому, в три большие группировки: изборско-псковскую (по берегам реки Великой), двинскую (полоцкую) и верхнеднепровскую (смоленскую), а возможно, ещё и северо-восточную (мстинскую), представители которой были ассимилированы ильменскими словенцами (в этом регионе культура длинных курганов перекрывается культурой сопок: Седов 1999: 141 (рис. 27), 163—165). Название «кривичи», вероятно, относилось прежде всего к смоленской группировке, а от неё распространялось на всех «длиннокурганников».

2. Полоцкая группа кривичей имела своё особое название, *полочане*, произошедшее от реки Полоты, по берегам которой они расселились. Изначаль-

но «полочанами», видимо, именовалось кривичское «племя» археологическим эквивалентом которого является Полоцко-Ушачское скопление памятников, а политико-административным центром был Городок на Полоте. По имени этого «племени» крупнейшего и сильнейшего среди них все двинские кривичи стали именоваться «полочанами», составив, очевидно, некую политическую общность. У верхнеднепровских кривичей было при этом своё политическое объединение.

3. Политические объединения верхнеднепровских и двинских кривичей (полочан) жили, по имеющимся данным, своей независимой политической жизнью: по легендарным сведениям ПВЛ, полоцкие кривичи участвовали в призвании варягов и приняли «мужа» от Рюрика, а смоленские кривичи в это время сохраняли свою независимость и были подчинены только Олегом в 882 г. По аутентичным данным Константина Багрянородного, в середине X в. смоленские кривичи были «пактиотами»-данниками киевских русов, а Смоленск — городом, подчинённым Киеву. Полоцка в числе подвластных Киеву городов и полочан в числе его данников он не называет, что хорошо согласуется с данными ПВЛ о завоевании Полоцка Владимиром в 980 г. и о правлении в городе до того князя Рогволода. Очевидно, до 980 г. Полоцкая земля не была подвластна Рюриковичам. Вышла ли она в какой-то период из-под их контроля или сведения ПВЛ о подчинении Полоцка Рюрику недостоверны, сказать сложно. Ясно одно: с середины X в. по 980 г. в Полоцке правили свои князья.

4. Летописцы обычно называли «кривичами» *in concreto* всех представителей славянской этнокультурной общности, археологическим эквивалентом которой является культура длинных курганов, и их потомков. Только автор этногеографического введения к ПВЛ с его блестящим знанием этнической географии славянского мира и повышенным интересом к ней сообщил уникальные сведения по этногеографии кривичей: двинские кривичи имели особое имя «полочане», а собственно «кривичами», кривичами «в узком смысле», были верхнеднепровские славяне. При этом он подчеркнул их единство, указав на происхождение вторых от первых.

II. Псковские кривичи

История кривичей является одной из наиболее дискуссионных в изучении славянского расселения в Восточной Европе. Важной составной частью «кривичской проблемы» является вопрос о «псковских» кривичах, который можно

сформулировать так: с какой славянской группировкой связано освоение славянами бассейнов реки Великой, Псковского и Чудского озёр?

Дело в том, что напрямую в Повести временных лет её имя нигде не названо. О кривичах же в этногеографическом введении к ПВЛ сказано, что «Кривичи, иже седять на верхъ Волгы и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленескъ, туда бо седять Кривичи» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8). В то же время ряд косвенных данных говорит о том, что кривичский ареал простирался далеко на северо-запад и охватывал также и территорию будущей Псковской земли (Барсов 1873: 155; Шахматов 1919: 29; Третьяков 1953: 234; Седов 1970: 91; 1974: 36—41; 1981: 5—11; 1982: 46—58; 1999: 117—128; 2007: 24—35; Николаев 1990: 55). С другой стороны, некоторыми учёными существование «псковских» кривичей отрицается как не имеющее достаточного обоснования (Лебедев 1978: 81—85; Мачинский 1986: 5—23; Горский 1999: 27—33; Михайлова 2014: 230; 2015: 27—28), что побуждает заново рассмотреть данную проблему.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание: вышеприведённый пассаж этногеографического введения к ПВЛ никак не является исчерпывающим описанием кривичских территорий, что становится понятно при обращении к другим летописным данным. Он не включает в них среднее течение Западной Двины, а между тем ряд сообщений летописей, приведённых в первом параграфе данной главы, говорит о том, что здесь также проживали кривичи.

Кривичи представляли собой особую этнокультурную славянскую общность, расселившуюся на огромной территории и вследствие этого не имевшую, по-видимому, прочного политического единства. В кривичском ареале существовал ряд локальных группировок. Характерен имеющийся в летописях оборот «все кривичи» (ПСРЛ. I: 19, 2—23; ПСРЛ. II: 13—14), не применяемый летописцами больше ни к одному из славянских этнополитических союзов. Он указывает на сложный состав общности кривичей, на наличие ряда локальных кривичских объединений.

В среднем течении Западной Двины проживала особая группа кривичей, имевшая собственное имя «полочане» и политически обособленная от смоленской группы кривичей, что и позволило одному из летописцев не включать её земли в состав кривичских. Говоря о кривичах в верховьях Волги, Западной Двины и Днепра, автор этногеографического введения к ПВЛ, очевидно, имел в виду только смоленских кривичей. Такая же особая груп-

пировка кривичей могла проживать и дальше к северо-западу, в Псковском регионе.

К прояснению этого вопроса давно привлекается легенда о призвании варягов, в которой говорится, что «в лето 862. Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани. и почаша сами в себе володети. и не бе в нихъ правды. и вѣста родъ на родъ. [и] быша в нихъ усобице. и воевати почаша сами на ся [и] реша сами в себе. поищемъ собе князя. иже бы володелъ нами. и судиль по праву. [и] идаша за море къ Варягомъ к Руси. (...) реша. Русь. Чюдъ [и] Словени. и Кривичи. вся земля наша велика и обилна. а наряда в ней неть. да поидете княжить и володети нами. и избърашася 3 братья. с роды своими. [и] пояша по собе всю Русь. и придоша стареишии Рюрикъ [сиде Новегороде]. а другии Синеуось на Белоозере. а третии Изборъсте. Труворъ» (ПСРЛ. I: 19—20).

Из сопоставления «племён», участвовавших в призвании варягов, с городами, в которых обосновались три брата, можно сделать вывод, что Изборск был центром кривичей. Так считал уже Н.М. Карамзин: «Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро... а Трувор в Изборск, город кривичей» (Карамзин 1989: 94).

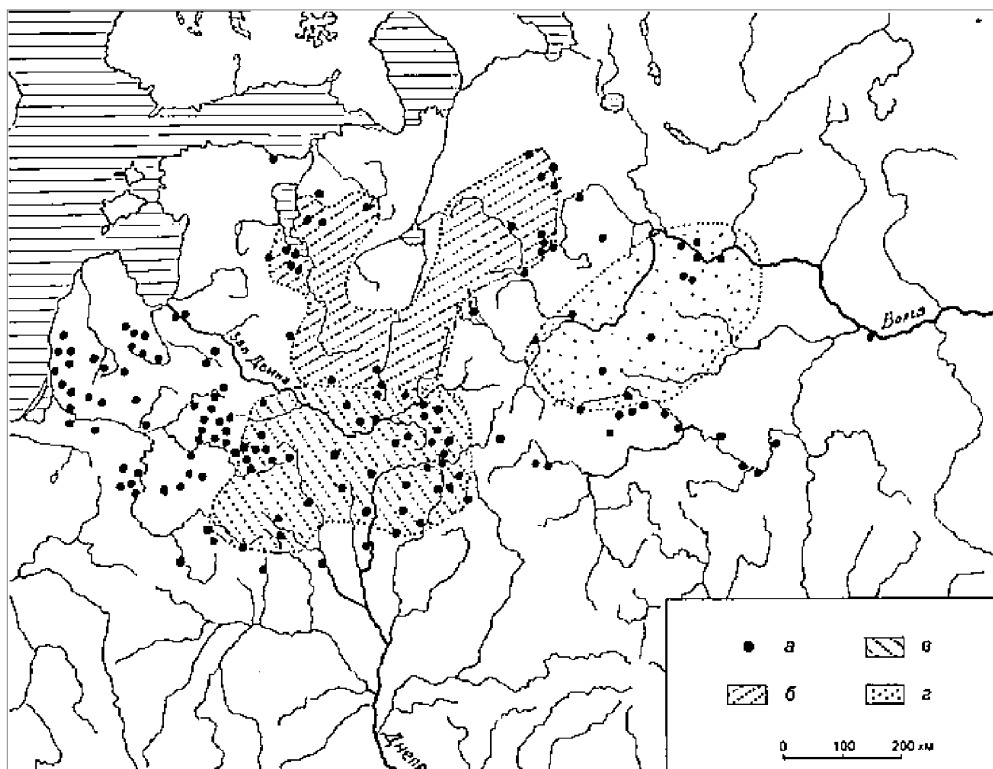
К сходным выводам пришёл Н.П. Барсов: «Кривское происхождение славян, поселявшихся у Чудского озера, указывает сама Начальная летопись, называя кривичей в числе трех племен или земель, призвавших варяго-русских князей, из которых Рюрик сел в Новгороде у славян, Синеус на Белоозере у Чуди, а Трувор в Изборске у Кривичей. Эти изборские кривичи участвовали в призвании русских князей и в подчинении их власти своих полоцких и смоленских собратьев, совершившемся при Рюрике и Олеге» (Барсов 1873: 155).

По словам А.А. Шахматова, «их (кривичей. — М.Ж.) поселения простирались далеко на северо-запад в бассейны Западной Двины и реки Великой, что видно из позднейших летописей, называющих псковский город Изборск городом кривичей, а также и из того обстоятельства, что имя кривичей в форме Kreeews обозначает в языке латышей вообще русских и что поселение Кривичи имеется в уезде Виленской губернии» (Шахматов 1919: 29).

Аналогично рассуждал и П.Н. Третьяков: «Судя по летописи, кривичские поселения действительно доходили до Чудского озера, а город Изборск являлся одним из древних центров этого племени» (Третьяков 1953: 234).

В.В. Седов констатировал, что «в научной литературе укоренилось мнение, что Псковская земля была частью кривичского ареала» (Седов 1982: 53)¹. «Таким образом, по летописным данным, кривичи занимали те области, где впоследствии образовались Смоленская, Полоцкая и Псковская земли. Территория распространения длинных курганов полностью совпадает с летописным ареалом кривичей» (Седов 1974: 36).

Под «позднейшими летописями» А.А. Шахматов, очевидно, имел в виду Устюжский (Архангелогородский) свод, в котором говорится «третии Трувор седе во Изборску, а то ныне пригородок псковский, а тогда был в Кривичех большии город» (Устюжский летописный свод 1950: 20).

Культурные новообразования в связи с расселением средневропейского населения
(по В.В. Седову): а — памятники с находками средневропейских провинциально-римских типов;
б — ареал культуры псковских длинных курганов; в — тушемлинской культуры;
г — мерянской культуры

¹ Действительно, понимание Изборска как города кривичей, а кривичей как славянских населения Псковщины стало общим местом во многих работах. См. напр.: Куза 1975: 155; Петрухин 1995: 90; Свердлов 2003: 113.

Значение соответствующих данных оспорил Г.С. Лебедев, по мнению которого «в начальной летописи прямых указаний на связь «Изборск — Кривичи» нет. Она появилась, видимо, в ходе своеобразной историографической переработки летописей, сначала средневековыми редакторами, а затем исследователями Нового времени... Вся совокупность археологических и лингвистических данных, а также наиболее близкие к оригиналам XI в. Летописные тексты решительно противоречат такому отождествлению» (Лебедев 1978: 84). Учёный предположил, что «Изборск — одно из самых западных поселений ильменских словен, на Псковском озере быстро обособившихся в особую группу» (Лебедев 1978: 85).

Между тем, согласно А.А. Шахматову, Архангелогородский свод является «весьма важным источником при исследовании нашего летописания» (Шахматов 2003: 66), поскольку, несмотря на то что формально он является поздним, тем не менее «летописные статьи Начального свода (предшествовавшего ПВЛ и составленного в конце XI в. — *М.Ж.*) передаются в летописце (Архангелогородском. — *М.Ж.*) в более древней и *полной* (оставляя в стороне встречающиеся при этом сокращения) редакции, чем та, которая отразилась в Софийском временнике (курсив А.А. Шахматова. — *М.Ж.*)» (Шахматов 2003: 66); «Архангелогородский летописец, или, вернее, оригинал его, содержал в себе ряд заимствований из очень древней редакции Начального свода, — редакции, по-видимому, предшествовавшей той, которая, с одной стороны, отразилась во втором Новгородском летописном своде, а с другой — легла в основание ПВЛ» (Шахматов 2003: 69).

К аналогичным выводам пришёл и М.Н. Тихомиров: «Оригинал Устюжской летописи... предшествовал Начальному своду 1093 г. и, возможно, отразил какой-то летописный свод 60—70-х годов XI в. Таким образом, при суждении о первоначальном составе известий о Руси IX—X вв. можно опираться не только на сравнение «Повести временных лет» с Начальным сводом 1093 г., но и на Устюжскую летопись» (Тихомиров 1979: 51).

Эти выводы специалистов позволяют говорить о недопустимости нигилистического отношения к указанию Устюжского свода на принадлежность Изборска кривичам. Оно ничем не обосновано, кроме нежелания сторонников гипотезы о позднем приходе славян на северо-запад Восточной Европы, видеть кривичей в носителях культуры псковских длинных курганов (далее — КПДК), распространённой на территории Псковщины и значительной части Новгородчины во второй половине I тыс. н.э. (рис. 1).

В.В. Седов обстоятельно аргументировал принадлежность длинных курганов летописным кривичам (Седов 1970: 91—124; 1974: 36—41; 1981: 5—11; 1982: 46—58; 1999: 117—128; 2007: 24—35; см. также: Третьяков 1953: 233—236; 1966: 280—283), указав на идентичность в устройстве и в особенностях погребального ритуала между длинными и сменяющими их круглыми курганами; нахождение длинных и круглых курганов на одних и тех же могильниках; генетическую связь керамических материалов IX—X вв. с керамикой длинных курганов; отсутствие данных о притоке масс какого-либо нового населения в конце I — начале II тыс. н.э. в регион Верхнего Поднепровья и Подвинья, равно как и в бассейн Чудского озера; отсутствие генетической преемственности между ранними памятниками КПДК и предшествующей ей финно-угорской культурой текстильной керамики, что свидетельствует о приходе в регион крупных масс нового населения с новым хозяйственным укладом, которое и явилось создателем новой культуры (отдельные финские или балтские черты в культуре не являются для неё основными и носят региональный характер, они отражают ассимиляцию славянами автохтонного населения); совпадение ареала длинных курганов с тем, который летописи отводят кривичам; родственность смоленско-полоцких и псковских говоров.

Ничем не обосновано и не может быть подтверждено предположение Г.С. Лебедева о принадлежности Изборска ильменским словенам. Ни Псков, ни Изборск ни в одном источнике не называются городами словен. Отношения Пскова и Новгорода, Псковской и Новгородской земель складывались очень сложно и неоднозначно. Сопки, связываемые большинством исследователей со словенскими, в псковско-изборском регионе единичны (рис. 1).

Высказывались также сомнения в том, что Изборск мог быть в IX в. значительным центром и играть роль одной из столиц Северной Руси, которую отводят ему летописцы. А.Н. Насонов полагал, что «Изборск, конечно, не был значительным центром кривичского племени» (Насонов 1951: 72), а в «варяжскую легенду» попал при Ярославе Мудром, будучи своеобразной опорой Ярослава в Псковской земле, поскольку в самом Пскове до 1036 г. сидел брат Ярослава Судислав (Насонов 1951: 71). Г.С. Лебедев отметил «бедность» культуры первоначального Изборска, из чего, по мнению учёного, следует, что он не мог быть племенным центром (Лебедев 1978: 84).

Подобные утверждения, на наш взгляд, необоснованны. Упадок одних городов и рост на этом фоне других — хорошо известный исторический факт. Уже

древнерусские летописцы писали о том, что изначально в Псковском регионе ведущую роль играл именно Изборск и лишь впоследствии он уступил её Пскову. Помимо приведённого выше свидетельства Устюжского свода можно вспомнить и слова Степенной книги: «...еще бо граду Пскову не сущу, но бяше тогда начальный градъ во стране той, зовомый Изборескъ, идеже прежде господствуя Труворъ» (Сказание 1908: 6).

Что же касается «бедности» материальной культуры древнейшего Изборска, то это понятие очень относительное и может рассматриваться только в сравнении с уровнем других поселений Псковского региона. В VIII—IX вв. он был здесь одним из наиболее выдающихся. Подводя итоги многолетних работ изборской экспедиции (1971—1992), В.В. Седов констатировал: «Достаточно очевидно, что Изборск... был нерядовым поселением... Уже на первых порах поселение было защищено валом... Наличие площади, предназначенной для проведения массовых (племенных) сборов и культовых (языческих) празднеств и гаданий, свидетельствует о том, что поселение выполняло административно-политические функции, являясь центром (племенным) одной из крупных группировок кривичей... Несомненно, что в VIII—X вв. Изборск был одним из протородских поселений Восточной Европы» (Седов 2007: 117).

Археологически подтверждена связь начального Изборска (т.н. Труворово городище в посёлке Старый Изборск в 30 километрах от современного Пскова) с КПДК. Ведущий исследователь Изборска В.В. Седов указывал, что изборское поселение, ставшее одним из славянских племенных центров, было основано на рубеже VII—VIII вв. (Седов 1982: 57) и «древнейшая лепная керамика Изборского городища представлена горшкообразными сосудами с плавным профилем... Эта керамика аналогична глиняным урнам из длинных курганов, отнесённым ко второй группе» (Седов 1982: 57). В своей итоговой работе об Изборске учёный говорил: «Специального рассмотрения заслуживает керамика культуры псковских длинных курганов, поскольку основная часть наиболее ранней лепной посуды Изборского городища находит в ней полные аналогии» (Седов 2007: 29; в той же книге дан подробный обзор изборской керамики и ей сопоставление с керамикой КПДК: Седов 2007: 77—84). Керамика, характерная для КПДК, найдена и в нижних слоях Псковского городища (Седов 2007: 29).

Д.А. Мачинский, отвергая связь древнейшего Изборска с кривичами, попробовал воскресить восходящее к Г.Ф. Миллеру предположение о будто бы скандинавском происхождении названия города: *Isaborg — «город на реке

Исе», а поскольку Труворово городище расположено далеко от Исы, решил, что оно не было первоначальным Изборском. Изначальный Изборск, по Д.А. Мачинскому, — это какое-то финско-скандинавское поселение на берегах Исы (Мачинский 1986: 20—22). Развивая последнее допущение Д.А. Мачинского, С.В. Белецкий предположил, что изначально имя Исуборга носило Псковское городище в низовьях реки Великой (будто бы такое имя ему дали пришедшие в конце IX в. скандинавы, разрушившие местное поселение и основавшие на его месте свой город), откуда в первой половине XI в. жители переселяются на Труворово городище, перенеся на него и название Изборск, уже славянизированное, в то время как Псков получает своё нынешнее имя (Белецкий 1996: 79—82).

Подобные построения иначе, как несерьёзными, назвать невозможно. Если так произвольно «носить» города, то «доказать» можно всё что угодно. Никаких данных о переносе названия Изборск нет.

Идея XVIII в. о скандинавском «Исуборге», которую ещё М.В. Ломоносов называл «смешной», противоречит закону ряда и ныне популярна в основном среди некоторых петербургских археологов (Д.А. Мачинский, С.В. Белецкий, К.М. Плоткин), но не воспринимается всерьёз большинством лингвистов, которые связывают это название со славянским «избор»/*jъzborъ, при некоторых различиях в подходе к вопросу непосредственной его топонимизации¹.

Ф. Миклошич и Й. Миккола рассматривали топоним Изборск как притяжательное прилагательное, образованное от личного имени Избор в значении «избранник» (*Izbor*, зафиксировано у южных славян в районе Зальцбурга (кон. VIII — нач. IX в.) и у поляков) (Miklosich 1860: 66; Mikkola 1921: 200). Эта гипотеза была поддержана Е.А. Рыдзевской в её неопубликованной статье о названии Изборск (Седов 2007: 17), в ранней работе С. Роспонда (Роспонд 1972: 21) и ведущим исследователем археологии Изборска В.В. Седовым, по мнению которого Избором могли звать предводителя одной из славянских группировок, осевших

¹ Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественская констатировали, что «на сегодняшний день вопрос о возникновении топонима «Изборск» остаётся открытым. С уверенностью можно говорить только о его славянском происхождении» (Джаксон, Рождественская 1988: 229). Они же указывают, что «топонимы Isburg и Yseborg на картах Московии конца XVI — начала XVII в.», которые Д.А. Мачинский использовал как аргумент в пользу своего предположения, «вряд ли являются отражением древнего названия, а скорее транскрипцией местного звучания, сопровождаемым характерным для топонимии народно-этимологическим переосмыслением» (Джаксон, Рождественская 1988: 225).

в середине I тыс. н.э. в Изборском крае (Седов 1982: 246; 1990: 24—26; 2007: 17—18).

В.П. Нерознак возводит название города Изборска не к антропониму, а непосредственно к древнерусскому *изборъ* в значении «выбор» и трактует «Изборск» как «место, избранное (для поселения)» (Нерознак 1983: 79).

С. Роспонд (в более поздней работе) и Р. Мароевич предложили рассматривать имя Изборск в ряду отгидронимических с названий с суффиксом *ьskъ* (типа Витебск — от реки Видьбы; Полотеск — от реки Полоты и т.д.), трактуя его как «(город), расположенный на озере Избор» (Роспонд 1979: 29; Мароевич 1997: 85). В.В. Седов по поводу данной гипотезы заметил: «Если это так, то можно предположить, что озеро, которое ныне именуется Городищенским, славянскими первопоселенцами было названо Избор (древнерусское *избор* — «выбор»), подобно тому как в 1431 г. псковский князь Александр Федорович с посадниками «заложил город новый в Котельньскомъ обрубе и нарекоша имя ему Выборъ». От гидронима Избор и было произведено название города, основанного на берегу озера» (Седов 2007: 18)¹. Смена имени гидрографического объекта — явление редкое, но в данном случае современное имя озера Городищенское невольно вызывает вопрос: а как оно называлось, когда рядом с ним ещё не было городища?

Важно отметить, что данный топоним имеет не единичный характер, на славянщине известны и другие Изборски. Так, например, «Список русских городов дальних и ближних» называет ещё два Изборска: один на Волини на реке Солоной, а второй — среди «литовских» городов (видимо, под Минском: Беляев 1872: 9). Также известны: луг *Изборескъ* у реки Москвы (Межевая книга, 1504 г.); пустошь *Изборско* под Новгородом в Бутковском погосте Водской пятины (Писцовая книга, XVI в.); в Псковской земле известна местность Изборщина за рекой Соротью (Псковская I летопись 1518 г.); в районе Калуги и Вязьмы известны поселения *Изборово* (Бутков 1840: 61; Седов 2007: 17).

Характерно и то, что археологическое изучение Изборска не выявило ни в его культуре, ни в вещевых материалах признаков проживания скандинавов (Седов 2007: 117).

¹ Высказывалась ещё гипотеза о происхождении названия Изборск от «извор»/**jьzvorъ*, «источник» (близ Изборска находятся Словенские ключи). Первоначальная форма имени города тогда должна была выглядеть как «Изворьскъ» (в псковских говорах известно чередование «б» и «в») (Мельников 1984: 71). Этой гипотезе как будто противоречит наличие других славянских «Изборсков».

Выше было приведено наблюдение А.А. Шахматова о том, что латыши называют русских «криеви» (латыш. *krievi*, латг. *krīvi*), а Россию «Криевия» (латыш. *Krievija*), именем, явно производным от названия «кривичи», из чего следует, что кривичи были первыми восточными славянами, с которыми встретились латышские племена. Большая часть славяно-латышского пограничья древнейшей поры приходилась на рубеж КПДК и латгальских памятников.

На Псковщине есть ряд географических названий, которые можно связывать с кривичами: *Кривкина, Кривцы, Кривец, Кривины* (Барсов 1873: 155).

По мнению Г.С. Лебедева (Лебедев 1977: 78—99; 1978: 61—85) и развивающей его ныне Е.Р. Михайловой, «длиннокурганники» не были славянами и не стали основой населения соответствующих регионов древнерусского времени, уступив место новому, славянскому, населению, которое их ассимилировало: «Рассуждать об этнической или языковой принадлежности населения, полностью растворившегося в иной среде, не оставив заметных следов ни в материальной культуре, по-видимому, в языке, вряд ли имеет смысл» (Михайлова 2014: 230). Насколько обоснован такой скепсис?

Если носители КПДК не были славянами-кривичами, а представляли собой местное дославянское население, то с какими памятниками следует связывать приход в бассейн рек Великой, Ловати и Мсты славян? И с какими археологическими реалиями тогда связывать называемый в летописях восточнославянский этнополитический союз кривичей? На смену культуре длинных курганов приходит уже вполне стандартная древнерусская культура, отражавшая процесс нивелировки славянского и иного населения Восточной Европы, его интеграции в рамках древнерусской народности.

Оппоненты В.В. Седова, к которым принадлежит и Е.Р. Михайлова, начиная с И.И. Ляпушкина, пытаются разделить длинные курганы и сопки, с одной стороны, и круглые курганы с сожжением — с другой (первые дославянские, вторые связаны с пришедшими не ранее VIII—IX вв. славянами: Ляпушкин 1968: 89—118; Лебедев 1977: 78—154; 1978: 61—100; Загорюльский 2012: 250—259), но сделать этого сколько-нибудь надёжно никому не удалось ни хронологически, ни территориально; эти два типа курганов составляют единые комплексы, они систематически соседствуют на одних и тех же могильниках (Седов 1974: 36—41; Носов 1981: 42—45).

Длинные курганы и полусферические часто находятся в одних группах, образуя единые могильники, что говорит о преемственности оставившего их на-

селения (при этом они идентичны в устройстве, в особенностях погребального ритуала, в инвентаре). На каком-то этапе длинные курганы сосуществуют с круглыми, что наглядно показывает постепенную смену погребального обряда местного населения.

Если отрицать славянскую принадлежность длинных курганов (и сопок), то славянское расселение на севере Восточной Европы придётся датировать временем не ранее VIII/IX—X вв. Это кажется совершенно нереальным, так как в этом случае славяне должны были в кратчайшие сроки заселить огромные территории и ассимилировать их население, так как уже в XI в., славянский этноязыковой компонент здесь безраздельно господствует согласно всем известным письменным источникам, в том числе массовым: берестяным грамотам и памятникам эпиграфики.

В новгородских берестяных грамотах, отражающих именованность не только города, но и всей его округи, с самого времени их появления всецело господствуют славянские антропонимы (показательна, например, грамота № 526, относящаяся к XI в. и перечисляющая должников из разных мест новгородской сельской округи, которые оказываются носителями славянских, а не финских или балтских имён), что было бы совершенно нереально, появись здесь славяне так поздно.

А.М. Загорульский констатирует, что на территории современной Беларуси «среди известных нам надписей на предметах XI—XII вв. нет ни одной, которая была бы выполнена не по-русски» (Загорульский 2012: 316). То же самое можно сказать и о Псковской и Новгородской землях (новгородская берестяная грамота № 292 середины XIII в. на карельском языке единична).

Гипотеза о позднем появлении славян на севере Восточной Европы противоречит, таким образом, письменным историческим данным, которые с XI в. фиксируют здесь абсолютное преобладание славянского этноязыкового компонента. Чтобы сложилась такая ситуация, славяне здесь должны были появиться минимум за несколько столетий, а не накануне XI в.

Прекращение существования КПДК Е.Р. Михайлова объясняет сменой населения в её ареале (Михайлова 2014: 228—230). Но ведь примерно одновременно с КПДК прекращают своё существование и другие локальные восточноевропейские культуры: луки-райковецкая, роменско-боршевская, смоленско-полоцких длинных курганов, сопок. Все они сменяются древнерусской культурной. Значит ли это, что во всей Восточной Европе произошла смена населения? Едва

ли¹. Гораздо проще и логичнее объяснять процесс прекращения существования локальных восточноевропейских культур в IX—XI вв. не сменой населения, а унификацией жизни Восточной Европы в пределах формирующегося Древнерусского государства. Процесс этот шёл постепенно: в каких-то районах местные культурные особенности исчезли раньше, в каких-то — позже. Но нет никаких оснований трактовать процесс постепенного угасания «местных» культур в период становления Руси как смену этнического лица соответствующих регионов.

Лингвистически прослеживается диалектное единство Псковской, Полоцкой, Смоленской и Тверской земель, образующих «кривичский пояс» (Николаев 1990: 54—63; 2011а: 3—19). Исторически оно может соответствовать только распространению в этом ареале погребений в длинных курганах, которые очерчивают тот же ареал, который летописи отдают кривичам. При этом наблюдается корреляция историко-археологических и лингвистических данных о разделении кривичей на локальные группы. С.Л. Николаев выделил следующие диалектные группы племенного языка кривичей: 1) псковский диалект; 2) древненовгородский диалект (древненовгородское койне), сложившийся при взаимодействии псковских и ильменско-словенских (не кривичских) говоров; 3) смоленский диалект; 4) верхневолжский диалект «тверских» кривичей; 5) полоцкий диалект; 6) западный диалект (Северная Гродненщина) (Николаев 1990: 55).

Эти кривичские диалектные группы соответствуют: 1) «псковским» кривичам; 2) памятникам КПДК, расположенным на Мсте и Мологе; 3) «смоленским» кривичам; 4) «тверским», или «восточным», кривичам; 5) «полоцким» кривичам, *полочанам* летописи; 6) группам кривичей, дальше всего продвинувшихся на запад.

В одной из своих последних работ Е.Р. Михайлова привела новые доводы против отождествления КПДК с кривичами. Исследовательница констатирует, что «к настоящему времени многочисленные памятники культуры длинных курганов выявлены на Мсте и Мологе почти до Белозерья», что, по её мнению, подрывает связь между КПДК и очерченным в летописях ареалом кривичей (Михайлова 2015: 27). Но, во-первых, на примере *полочан* можно

¹ Инфильтрация славян в Восточную Европу из Дунайского региона в этот период имела место (Седов 1999: 183—204; Щеглова 2009: 60—61), но она по своим масштабам совершенно не может претендовать на то, что эти мигранты поглотили и ассимилировали массы восточноевропейского населения.

видеть, что пассаж из этногеографического введения к ПВЛ вовсе не очерчивает весь кривичский ареал, но только земли смоленской группы кривичей, а во-вторых, КПДК в указанных районах перекрывается культурой сопок и её носители втягиваются, очевидно, в состав словен. С точки зрения лингвистики эти «мстинские» кривичи соответствуют, очевидно, диалектной группе (2), по С.Л. Николаеву, которая внесла в древненовгородский диалект кривичские черты.

По мнению Е.Р. Михайловой, «другое возражение против «кривичской гипотезы» непосредственно проистекает из обоснованной самим В.В. Седовым начальной даты культуры длинных курганов — V в. н.э. Тезис о существовании уже в это время общности под названием «кривичи», которая через несколько сот лет под тем же именем, на тех же территориях и без особых изменений будет известна авторам Повести временных лет, нуждается в дополнительных доказательствах» (Михайлова 2015: 27).

Возможность сохранения этнонима кривичи с середины I тыс. н.э. до рубежа I—II тыс. н.э. можно обосновать его распространением в разных частях славянской ойкумены. Помимо древнерусских кривичей: *Kryvitsani* (Пелопоннес), *Κροβίτσα* (Мессения), *Crivitz* (Мекленбург) (Трубачев 1974: 55, 62). Столь широкое распространение этого имени, его укоренённость в славянском мире (независимо от того, были ли все эти кривичи осколками одного праславянского «племени», или же соответствующие названия возникли независимо по общей словообразовательной модели), указывает на то, что возникло оно ещё в праславянский период, до начала великого расселения славян середины нашей эры. И если от сложения в середине нашей эры КПДК до древнерусского времени население в регионе не менялось, то нет оснований считать, что оно не могло сохранить на протяжении этого времени свой этноним.

В.В. Седов обосновал важность центральноевропейского импульса (распространение вещей провинциально-римских типов в лесной зоне Восточной Европы в середине I тыс. н.э.: шпоры и удила, железные бритвы, железные пластинчатые кресала, пинцеты, В-образные рифленые пряжки, некоторые типы подвесок, железные втульчатые наконечники копий, новые типы серпов, каменные жернова для ручных мельниц и т.д.) в период становления КПДК, видимо, связанного преимущественно со славянами, переселившимися с территории современной Польши, которые и заложили основы КПДК (Седов 1994а: 296—304; 1999: 91—117).

Е.Р. Михайлова подвергла эти выводы В.В. Седова сомнению: «Трудно согласиться с тезисом о переселении значительных масс средневропейского населения... Малочисленность центральноевропейских вещей, которые стремительно распространяются на большой территории в течение короткого хронологического отрезка, объясняется скорее мобильностью и хорошей организованностью немногочисленных переселенцев. Важно и то, что принесенных ими вещей не так уж много и, видимо, они использовались на протяжении жизни одного-двух поколений, далее непосредственные контакты с регионом производства принесенных предметов обрываются» (Михайлова 2015: 28).

Провинциальноримские культуры Средней Европы, откуда прибыли переселенцы, в бурных условиях Великого переселения народов просто прекратили своё существование, чем и объясняется обрыв связей. Мигранты оказались в новом регионе, оторванными от «прародины», где привычный строй жизни был к тому же разрушен, соответственно, фактически они начали на новом месте новую жизнь. Производственные навыки ими были, очевидно, в значительной мере утрачены, вещи, которые они принесли с «прародины», постепенно вышли из обращения, а производство новых не было налажено. Этим объясняется и стремительность распространения вещей центральноевропейских типов (миграция) и их относительно быстрый выход из употребления.

Данные других наук также указывает на средневропейское происхождение древнейшего славянского населения Псковщины или его части.

С.Л. Николаев пришёл к выводу, что «нетривиальное сочетание акцентуационных признаков... несомненно говорит о том, что в древности имелось специфическое родство диалектов — предшественников кривичского, великопольского (?), верхнелужицкого, галицкого, северночакавского и западно-болгарского диалектов... Прочие характерные кривичские черты... объединяют кривичские диалекты с лехитскими и противопоставляют их всем остальным восточнославянским. Эти черты... должны считаться пережитками того состояния, когда кривичский племенной диалект, еще не войдя в близкий контакт с другими будущими восточнославянскими племенными диалектами и не затронутый общевосточнославянскими конвергентными процессами, представлял собой особый позднепраславянский диалект, входивший вместе с северными западнославянскими диалектами в единый лингвогеографический ареал» (Николаев 1990: 62).

Важное значение имеют наблюдения Д.К. Зеленина о происхождении названия русских в языках их финно-угорских соседей, производном от традиционного экзоэтнонима балтийских славян *венеды*: «Знаменательно, что эсты называли вендами (*Wene*) не кашубов или поляков, которые по языку ближе к балтийским славянам, а именно русских. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что эсты наблюдали, как многие прибалтийские венды уходили из Ливонии на Русь и обратно уже не возвращались. Как видно из Хроники Генриха Латвийского, эсты хорошо знали ливонских вендов, и перенесение их имени на русских не может быть каким-либо странным недоразумением со стороны эстов» (Зеленин 1954: 93).

Р.А. Агеева отметила в Новгородско-Псковской земле ряд архаичных славянских гидронимов (с основами *тереб-*, *сита*), связанных с гидронимией славян Средней Европы (Повисленье, Чехия и Словакия, Карпаты), показывающих «направление миграционного славянского потока с юго-запада на северо-восток современного славянского мира» и открывающих «новые аспекты в решении вопроса о связи славянского населения Северо-Запада с «пралехитской» группой славян» (Агеева 1989: 184). Причём выделенные Р.А. Агеевой по гидронимическим материалам регионы наиболее древней славянской колонизации Северной Руси совпадают с районами скоплений ранних длинных курганов (бассейн реки Великой, земли в Южной Приильменье, район между Псковским и Чудским озёрами и рекой Лугой), на что обратил внимание В.В. Седов (Седов 1994а: 301).

Собранные Б.А. Малярчуком данные генетики свидетельствуют о сходстве псковско-новгородского населения с польско-литовским населением Северо-Восточной Польши (Сувалки), при этом важно подчеркнуть, что население Сувалок отличается генетически как от населения остальных частей Польши, так и от остальных групп балтов, что позволило исследователю сделать вывод о западных истоках генофонда северо-западных русских (Малярчук 2009: 23—27). Антропология также свидетельствует о близости антропологических характеристик славян, земли которых прилегают к Балтийскому морю (Алексеева 1973: 260).

Существует и принципиальной иной взгляд на становление КПДК, восходящий к идеям П.Н. Третьякова о заселении севера Восточной Европы расселявшимися на север потомками носителей зарубинецкой культуры (Третьяков 1966: 190—300), который развивается ныне Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасьевым. Эти исследователи считают, что начиная с III в. потомки зарубинцев, носители

киевской культуры, расселялись в северном направлении, что привело к возникновению памятников круга Заозерье-Узмень, на основе которых впоследствии сформируются культуры псковских длинных курганов и тушемлинская (Лопатин, Фурасьев, 2007; 2007а: 282—285). При этом большинство исследователей, в том числе сами Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев, считают киевскую культуру славянской (Лопатин, Фурасьев 2007: 105). Таким образом, и эта гипотеза генезиса КПДК не противоречит признанию её носителей славянами-кривичами.

Возможно, КПДК сложилась как результат синтеза культурных традиций среднеевропейских мигрантов и продвинувшихся на север потомков носителей киевской культуры при участии автохтонного населения.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что нет достаточных оснований отвергать существование «псковских» кривичей — особой третьей кривичской группы, жившей на северо-западе ареала этого славянского объединения, обособленной от смоленской и полоцкой групп кривичей и связанной, очевидно, с памятниками КПДК. Важным политико-административным центром «псковских» кривичей VIII—IX вв. был Изборск, и лишь впоследствии он утратил свою ведущую роль, уступив её Пскову.

Глава IV. РАДИМИЧИ (ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ)

I. Историографические стереотипы о радимичах и реалии социально-политической истории

Восточнославянскому этнополитическому объединению радимичей в исторической традиции не повезло. Древнерусские книжники дали им резко-негативные («Радимичи и Вятичи и Северь одинъ обычаи имяху: живяху в лесе, якоже [и] всякий зверь, ядуще все нечисто...») либо насмешливо-пренебрежительные («Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: «Пищаницы вольчьа хвоста бегаютъ») характеристики.

Словно продолжая намеченную летописцами линию, весьма уничижительно характеризовало радимичей и большинство историков Нового времени. Так, Л. Нидерле писал о них как об «одном из слабых и зависимых племён», поскольку они, согласно летописи, «без сопротивления подчинились Киеву и уже в 885 году платили Киеву дань, которую раньше выплачивали хазарам» (Нидерле 1956: 161).

Аналогично рассуждал и Н.П. Барсов, по словам которого «эта ветвь восточного славянства (радимичи. — М.Ж.) занимает в ряду других ветвей, по степени самостоятельности, с какою они являются в эпоху образования Русского государства, едва ли не последнее место. Нет сомнения, что они, как и соседи их — вятичи, выделились из среды славянства позднее других... Весьма вероятно, что союз родов в этих землях, особенно же у радимичей, по самой недавности образования не успел ещё окрепнуть к эпохе заложения Русского

деревляны. и пришаути въ а. и имаше слами дагы пооче
ратъ иднть

В лѣтѣ 5. т. 74. и дрѣво легъ на сѣвераны. и победистъ
вераны. и въ зло жиняль легкоу. и судни мѣко жаро
да си платити. рѣа зъимъ протпнзе. аъ аси чим х

В лѣтѣ 5. т. 74. итосла крѣднмичи. река комоу дагы
да етъ. и ни жерѣша ко жарома. и рѣимъ ѡлегъ и дрѣ
и теко жарома помитъ даванти. и даша ѡлогити по
щълоу гоу мѣко женико жаро да мѣхоу. и въ ѡлегъ аѡ
вм длатола мѣ и дрѣволаги. и сѣвераны. и радни
лѣсоу мичи. и ти верци и мѣшарта. В лѣтѣ 5. т. 74.
лѣтѣ 5. т. 74. де ѡмъ урѣтн оа сѣа ванль въ. и си
мѣа прозвѣ. и рѣа етѣ али кѣа мѣ рѣа и жѣ урѣтн оа вѣа

Первое упоминание радимичей.
Миниатура Радзивилловской летописи

государства, — и что в этом надо искать причин незначительности роли, которую занимала земля радимичей в период, обнимаемый Начальной летописью»; радимичам была свойственна «крайняя слабость» (Барсов 1873: 132, 133).

Е.Ф. Карский считал, что «радимици никогда не составляли самостоятельного княжества... Вероятно, уже во время летописца радимици служили предметом, насмешек со стороны их соседей» (Карский 1903: 74).

По мнению В.В. Мавродина, «радимици были небольшим, малочисленным, слабым племенем» (Мавродин 1945: 95).

Если, однако, внимательно взглянуться в посвящённые радимичам скупые летописные строки, легко убедиться, сколь легковесны подобные нигилистические суждения. Радимици, чьи земли располагались относительно недалеко от Киева, выходили к Днепру и соседствовали «русской землёй в узком смысле», бывшей ядром Древнерусского государства (Насонов 1951: 28—68; Рыбаков 1982: 55—90; Кучкин 1995; Седов 1999: 50—82; Свердлов 2003: 93—99), а потому рано должны были оказаться в сфере интересов и военной активности киевских князей, сохраняют свою самостоятельность дольше всех прочих восточнославянских этнополитических союзов (за исключением вятичей). Соответственно, неизбежен вывод, что их борьба с Киевом за свою независимость носила долгий и упорный характер.

Сложные процессы этнополитогенеза, проходившие в VIII — начале XI в. в Восточной Европе принято рассматривать сквозь своеобразную «киевскую призму», преимущественно в рамках становления Древнерусского государства с центром в Киеве и во главе с династией Рюриковичей (Мавродин 1945; Рыбаков 1982; Свердлов 2003), в то время как они носили сложный разнонаправленный характер. В разных частях восточнославянской ойкумены шли процессы становления оригинальных политий, искусственно прерванные экспансией Киева¹, шла конкуренция разных центров и разных «политических проектов», из которых история выбрала один.

Уцелеть и продолжить своё развитие, пусть и в условиях непрерывного давления, смогли только вятичи. Пошедшие своим особым путём балтийские славяне и вятичи как бы обрамляли славянский мир с запада и с востока.

¹ Ср. замечание Е.А. Шинакова: «Нами высказывалась гипотеза о возможности существования самостоятельной, отдельной от Руси и даже противостоящей ей «государственности» на территории позднероменской культуры X в. ... До конца IX в. на территории Восточной Европы на базе племенных союзов сложилось несколько «племенных» (а точнее, территориальных) княжеств или варварских государств с разной степенью развитости социальных отношений» (Шинаков 2016: 17).

Большинству славиний¹ история не дала шанса реализовать потенциал своего оригинального развития, но вряд ли мы поймём исторический процесс становления Руси и образования древнерусской народности во всей полноте, если будем смотреть на него лишь с точки зрения конечного результата. С таким подходом надо совмещать и другой: взглянуть на происходящее в Восточной Европе в четвёртой четверти I — начале II тыс. с другого конца, как бы с точки зрения самих славиний. Увидеть в них не только «предысторию» Древней Руси, но исторический феномен, имеющий самоценность и посмотреть на происходящее не только со стороны Киева, но и, насколько это возможно, со стороны кривичей, древлян, вятичей, радимичей и т.д., попытаться понять не только «правду Киева», но и их «правду»².

Решающую успешную операцию по покорению радимичей Русью летописи фиксируют только при Владимире в 6492/984 г. (ПСРЛ. I: 83—84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131, 530), значит, до этого все попытки киевских князей покорить радимичей или проваливались, или приводили лишь к временным спорадическим успехам, после которых радимичи какое-то время выплачивали Киеву дань (как при Олеге: ПСРЛ. I: 24; ПСРЛ. II: 17), сохраняя при этом собственную социально-политическую и военную организацию, не подконтрольную напрямую киевским правителям.

Вчитаемся в само летописное известие о победе киевских войск над радимичскими: «Иде Володимерь на Радимичи. Бе у него воевода Вольчии Хвостъ. И посла и Володимерь передъ собою Вольчя Хвоста. Сърете е на реце Пищане и победи Радимиче Вольчии Хвостъ. Темь и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци вольчя хвоста бегаютъ». Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ.

¹ Этим термином (*Σκλαβηνία*, *Σκλαβονία*) именовали славянские этнополитические объединения византийские авторы. Обычно он применялся к южным славянам, с которыми преимущественно имели дело византийцы (Литаврин 2001), но византийский император Константин Багрянородный (945—959) в своём трактате «Об управлении империей» (948—952) называет славиниями и восточнославянские этнополитии: кривичей, древлян, северян, дреговичей и т.д. (Константин Багрянородный 1991: 44—45, 50—51), а также славян, соседствовавших с франками («У этого Пипина были три брата, которые господствовали над всеми Франгиями и Славиниями», Константин Багрянородный 1991: 107—109). Данное название является единственным оригинальным аутентичным обобщённым наименованием славянских этнополитических объединений в источниках (в латиноязычных источниках они обозначаются общими терминами такими, как *gentes* или *populus*), в связи с чем А.А. Горский предложил использовать его вместо кабинетного понятия «племя», применимость которого к славянским этнополитическим общностям находится под вопросом (Горский 2011: 150—154).

² Ср. слова О.Н. Трубочева в его историко-лингвистическом очерке о вятичах: «Излагаемые в дальнейшем наши поиски и наблюдения обещают обрести характер некой апологии вятичей (если иметь в виду, что апология является в известном смысле и оправданием интереса к предмету и — прославлением его)» (Трубочев 2000: 4).

Пршедьше ту ся вселиша и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне» (ПСРЛ. I: 83—84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131, 530).

За насмешливым тоном на деле сквозят не очень приятные для киевского взгляда факты: и после 984 г. в Радимичской земле не оказалось киевских наместников, радимичи лишь стали регулярно платить дань Руси, «везя повоз», т.е. свозя её в установленные для этого пункты (подобный порядок сбора тарифицированной дани, исключаяющий произвол, пришёл после древлянского восстания и «реформы Ольги» на смену более архаичному объезду-полюдью: Свердлов 2003: 182—194).

Таким образом, даже после поражения на реке Пищане радимичский этносоциум отнюдь ещё не лишился полностью своей автономии и политической структуры, сохраняя определённые договорные отношения с Киевом, причём такая ситуация продолжалась ещё какое-то время («до сего дня», как говорит летописец, скорее всего, эти слова написаны автором времён Ярослава Мудрого: Насонов 1951: 61).

В «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» мниха Иакова сказано кратко, что он «радимице победы и дань на нихъ положи» (Память 2004: 322).

Итак, видим, что:

1) если не считать непокорившихся Рюриковичам вятичей (которые как этнополитическая единица существовали до второй половины XII в.) и живших далеко на западе хорватов¹, то *радимичи были покорены Киевом последними среди восточноевропейских славиний* (во всяком случае, летописи не фиксируют более поздних крупных походов киевских князей на восточнославянские этнополитии), более ранние попытки их покорения, очевидно, не приводили к надёжному результату;

2) даже после неудачного для них сражения на реке Пищане² радимичи какое-то время сохраняют свою самобытность и автономную социально-политическую структуру, ограничиваясь выплатой Киеву регулярной дани.

¹ Поход Владимира некоторые летописи относят к 6500/992 г.: ПСРЛ. I: 122; ПСРЛ. II: 106; ПСРЛ. III: 165; 551.

² Вполне возможно, что и сам успех киевской общины в Пищанской битве в летописном известии преувеличен и в реальности победа была более скромной. Воевода Волчий Хвост вообще любил громкие слова. После смерти Владимира он служил Святополку и накануне битвы с Ярославом Мудрым под Любечем в 1016 г., согласно рассказу, отражённому в НПЛ Начального свода, насмешливо кричал новгородцам, составлявшим большинство войск Ярослава: «Почто приидосте с хромчём темь (Ярослав Мудрый хромал из-за полученной раны. — М.Ж.)? А вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубити» (ПСРЛ. III: 175). Однако в последовавшей затем битве киевская армия Святополка и Волчьего Хвоста была наголову разгромлена разозлёнными новгородцами и варягами Ярослава, а сам воевода-пересмешник, очевидно, погиб (в более поздних событиях он уже не упоминается). В Тверском летописном сборнике бахвальство Волчьего Хвоста осуждается: «Старь сый, несмыслено нача ездети подле брега Днепра реки, и укоряя Новгородци» (ПСРЛ. XV: 135).

Из этого с неизбежностью следует, что радимичи обладали выраженным самосознанием и имели как достаточно развитую социально-политическую организацию, так и военную силу, вполне достаточные для длительной борьбы с киевскими русами, что заставляет видеть в них, наряду с вятичами и древлянами, один из наиболее развитых в общественно-политическом отношении восточнославянских этносоциумов, активно боровшихся с наступлением Киева.

Интересно и то, что в земле радимичей (так же как у вятичей) не появилось в XI—XII вв. собственного княжеского стола Рюриковичей, что может указывать на то, что степень их контроля над радимичским регионом, особенно над его внутренними районами, ещё была относительной.

В качестве обозначения территории имя «радимичи» дожило как минимум до середины XII в. Под 6677 (1169) г. Ипатьевская летопись упоминает путь «на Радимиче», которым от реки Горыни проследовал в Суздаль князь Владимир Мстиславич (ПСРЛ. II: 537).

В отношении вятичей современная наука успешно преодолела негативный стереотип, заданный киевскими книжниками. Там, где летописцы видели в XI—XII вв. диких варваров-язычников, не подчиняющихся законным князьям и убивающих христианских миссионеров¹, там современные учёные находят развитую земледельческую традицию, самобытные политические институты, оригинальную материальную и духовную культуру, развивающуюся городскую жизнь, ремесленную традицию, успешную торговлю с Востоком и т.д. (Никольская 1981; 1987; Рыбаков 1982: 258—284; Седов 1982: 143—151; Трубачев 2000: 4—11; Зайцева, Сарачева 2011). По сути, в земле вятичей существовало особое славянское предгосударственное или раннегосударственное образование, не подвластное Рюриковичам.

Сама эта ситуация (глухой медвежий угол, по летописи, и вполне развитый регион Древней Руси, по данным современной науки, переживающий в XI—XII вв. свой расцвет) указывает на то, сколь ненадёжно прямое следование летописной традиции о славиниях Восточной Европы. Ведь эта традиция исходила из двух посылок:

1) законности и неизбежности установления над всеми восточнославянскими землями власти правящей в Киеве династии Рюриковичей, соответственно,

¹ Так, в начале XII в. язычники-вятичи убили монаха Кукшу, пытавшегося проповедовать им христианство: «Егоже вси изведуютъ, како беси прогна, и вятичи крести, и дождь съ небеси сведе, и езеро изъсуши, и многа чудеса сътворивъ, и по многихъ мукахъ усеченъ бысть съ ученикомъ своимъ» (Патерик 2004: 372—373).

все, кто с ней боролся, все династии, правившие в славиниях, в глазах летописцев автоматически были незаконными мятежниками;

2) превосходства христианства над язычеством. Соответственно, все славянские этнополитические союзы, связанные временем своего расцвета с языческой эпохой или упорно державшиеся за веру предков (а борьба с экспансией Киева и борьба с христианизацией зачастую сливались, поскольку само христианство рассматривалось киевской общиной в качестве действенного инструмента унификации религиозной, а за ней и политической жизни подчинённых славянских территорий: Фроянов 2003), получают у него резко отрицательную оценку. Характерно, что понятие *поганые* (т.е. «язычники») — обобщающий термин, которым автор Повести временных лет (далее — *ПВЛ*) маркирует восточнославянские этнополитические союзы, завершив рассказ об их обычаях («Погании, не ведуще закона Божия, но творяще сами себе законь»: ПСРЛ. I: 14; ПСРЛ. II: 10).

В Ипатьевской летописи употребляется и понятие «наши вятичи» (ПСРЛ. II: 374), аналогичное обозначению находившихся на службе русских князей-кочевников «свои поганые». То есть в целом неподконтрольная Рюриковичам языческая полития вятичей мыслилась древнерусской административной и интеллектуальной элитой как «не наша»/«чужая», не являющаяся частью Руси.

Соответственно, никакой объективности от киевских летописцев в оценке славиний Восточной Европы ожидать не приходится. Только о полянах, к которым автор ПВЛ принадлежал сам, он написал «мужи мудри и смыслени» (ПСРЛ. I: 9; ПСРЛ. II: 7) и дал только их обычаям положительную характеристику, как бы подчёркивая тем, что поляне были приготовлены к принятию христианства: «Поляне бо своих отець обычаи имуть кротокъ и тихъ и стыдене къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдене имеху. Брачныи обычаи имяху: не хожеше зять по невесту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по неи, что владуче» (ПСРЛ. I: 13; ПСРЛ. II: 10)¹.

В то же время его описание обычаев их главных врагов, древлян, пронизано настоящим антидревлянским пафосом: «Древляне живяху звериньскимъ образомъ, жиоуще скотьски: оубиваху другъ друга, ядыху вся нечисто, и брака оу

¹ В свою очередь новгородский летописец, для которого, наоборот, противниками были киевляне, развернул всё на 180 градусов и дал их предкам-полянам негативную характеристику, подчёркнув их язычество: «Бяху же погане, жруще озером и кладязем и рошениемъ, якоже прочии погани» (ПСРЛ. III: 105).

нихъ не бываше, но оумыкиваху оу воды девица» (ПСРЛ. I: 13; ПСРЛ. II: 10). Древляне, как враги полян, враждебны и христианству; насколько близки к христианской практике обычаи полян, настолько же далеки от неё обычаи древлян, удел которых с точки зрения историософии ПВЛ — подчинение Киеву и исчезновение из истории.

Совсем иначе взглянули на древлян современные учёные. М.Б. Свердлов, обобщая наблюдения своих предшественников, заключил: «Древляне действительно преуспевали в правление своих независимых от Киева князей. Судя по распространению древлянских археологических памятников, они ограничили расселение полян в IX—X вв. на запад узкой полосой, 25—30 км, «гор» по берегу Днепра. К концу IX в. древляне подчинили, вероятно, дреговичей и волынян. После подчинения власти киевских князей они неоднократно пытались от неё освободиться. Да и в составе Русского государства Древлянская земля (позднее в составе Туровского княжества) имела большое значение в качестве обширного западного княжения в правление Олега Святославича, Святополка Ярополковича и Святослава Владимировича» (Свердлов 2003: 88)¹.

В Древлянской земле развивались процессы урбанизации (Звіздецкий 2008), знаменитые каменные пряслица из овручского шифера, производившиеся с середины X в. древлянскими мастерами, расходились по всей Руси и соседним странам. В.Л. Янин высказал вполне убедительную гипотезу, что помимо утилитарных функций овручские пряслица, которые нередко находят в городах в количествах, явно превышающих хозяйственные потребности в них (иногда пряслица находят в кладах вместе с серебряными слитками; при раскопках в Пскове пряслица были найдены в кошельке рядом с западноевропейскими монетами), с момента своего появления выполняли также роль платёжного средства, т.е. были своеобразными деньгами («товаро-деньгами») для мелких платежей у восточных славян (Янин 2009: 212—213).

Если «историческая реабилитация» вятичей и древлян стала историографическим фактом, то применительно к радимичам оценки, представляющие их социум как достаточно примитивный, продолжают даваться и ныне. Так, Е.А. Шинаков полагает, что «в их (радимичей. — М.Ж.) земле не было городов... При упоминании присоединения радимичей и ликвидации позднее их «мятежа» не

¹ Аналогичны суждения Д.А. Мачинского: «В последние десятилетия археологические раскопки выявляют довольно высокий уровень социально-политического и культурного развития, достигнутого населением Древлянской земли в конце IX—X вв.» (Мачинский 2009: 519).

говорится ни о каких князьях... Ни одного княжеского стола на собственно территории радимичей образовано не было, что косвенно свидетельствует об отсутствии у них и додревнерусских «вождеско»-княжеских традиций. В силу этого у радимичей... можно предположить только одну форму потестарной организации — религиозно-общинную» (Шинаков 2012: 49—50). Аналогично рассуждают А.А. Фетисов и А.С. Щавелев: «Можно предполагать относительную неразвитость у радимичей «вождеско»-княжеских потестарных традиций, вообще, некую специфичность социально-политических механизмов управления» (Фетисов, Щавелев 2012: 125).

В приведённых цитатах видим прямолинейное следование за текстом летописи (которая, кстати, не говорит ни о каком «мятеже» радимичей и представляет поход на них Владимира как завоевание до того самостоятельно социума). Выше на примере вятичей уже было подчёркнуто, сколь ненадёжным является подобный подход, ведь летописцы отнюдь не ставили целью описать внутреннее устройство славиний. Упоминания об их общественно-политических институтах в летописях носят разрозненный случайный характер.

Так в собственно летописных текстах ничего не говорится и о вятических князьях. Они упомянуты только в поучении Владимира Мономаха, который говорит о том, что «в Вятичи ходихомъ по две зиме на Ходоту и на сына его и ко Корьдну ходихъ» (ПСРЛ. I: 248). Не сохранись это уникальное известие, современные авторы строили бы догадки об «отсутствии княжеских традиций» и «особом характере механизма управления» у вятичей.

В Ипатьевской летописи сохранился и рассказ о народном собрании у вятичей. В 1147 г. в ходе борьбы Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича против Изяслава и Владимира Давыдовичей «Она (Давыдовичи. — *М.Ж.*) же слышавша, оже Гюрги прислал к нему (Святославу. — *М.Ж.*) в помочь, и не сместа по немъ ити, но съзваша вятиче и реша имъ: «Се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его на полъ вама (в Хлебниковском и Погодинском списках читается «на полон вам». — *М.Ж.*)», и тако възратистася ис Дедославля» (ПСРЛ. II: 338).

Как видим, и в середине XII в. вятическое общество сохраняет свою политическую субъектность, своё социальное единство и общинную организацию с народными собраниями, на которых принимались важные решения.

В рассказе ПВЛ о строительстве Владимиром городов на границе со Степью находим упоминание и о вятической знати — *лучших мужах*: «Рече Володимерь: «се не добро, еже маль городъ около Киева» и нача ставити города по

Десне, и по Востри, и по Трубешеве, и по Суле, и по Стугне и поча нарубати муже лучшие от словень и от кривичь, и от чуди, и от вятич и от сихь насели грады» (ПСРЛ. I: 121; ПСРЛ. II: 106; ПСРЛ. III: 159).

Больше всего у нас информации о внутреннем устройстве древлян — в летописном рассказе об антикиевском восстании древлян и подавлении его Ольгой оно описано относительно подробно (ПСРЛ. I: 54—60; ПСРЛ. II: 42—48; ПСРЛ. III: 110—113). У древлян видим классическую тернарную структуру управления (Фроянов 1980: 126—127; Свердлов 2003: 88—91): 1) княжеская власть, 2) знать/совет знати (*старейшины города, лучшие мужи, мужи нарочитые*); 3) народное собрание, представлявшее собой фактически вооруженный народ (древляне совещаются со своим князем Малом и тут же выступают в поход на Игоря).

Все эти три института (князь, знать, народное собрание), описанные у древлян, в одном рассказе ПВЛ разрозненно упомянуты в источниках и применительно к вятичам. Едва ли в социально-политическом устройстве вятичей и радимичей, живших по соседству и сближенных в ПВЛ, существовали серьёзные отличия. У радимичей мы вправе предполагать точно такую же трёхступенчатую структуру управления как у древлян и вятичей с князем, знатью/советом знати и народным собранием/вечем, ведь археологически социальная структура вятичей и радимичей демонстрирует значительное сходство — и там и там отчётливо выделяются отдельные локальные группы населения, в совокупности составляющие союзы радимичей и вятичей.

На существование у радимичей института княжеской власти указывает наличие у них преданий о легендарном предке, по сути, первом князе. Сравним летописные выражения о Радиме и радимичах, с одной стороны, и Кие и полянах — с другой: «Пришедъша, седоста Радимъ на Съю [и] прозв[а] шася Радимичи» (ПСРЛ. I: 12; ПСРЛ. II: 9); «бяху мужи мудри и смыслени [и] нарицахуся Поляне. Отъ них же есть Поляне в Киеве и до сего дне... Но се Кии княжаше в роде своемь... И по сихь братьи держати почаша родъ ихъ княженъ в Поляхъ» (ПСРЛ. I: 9—10; ПСРЛ. II: 7—8).

Летописцы называют кривичей, вятичей, радимичей, полян, древлян и прочие восточнославянские этнополитические объединения в одном ряду с лютичами, а про них по источникам хорошо известно, что они представляли собой союз ряда небольших «племён»: брежан, стодорян, чрепнян, доленчан и т.д. Аналогична ситуация с ободритами, включавшими в себя древан, глинян, ва-

гров и т.д. и лужицкими сербами, делившимися на сусельцев, жирмунтов, галомачей и т.д. Одним словом, там, где у нас есть источники, описывающие более детально внутреннюю жизнь славян, мы видим, что большие славянские этнополитические объединения, уровня тех, что попали на страницы древнерусских летописей, делились на ряд небольших объединений.

В анонимном «Баварском географе» (памятнике, созданном в швабском монастыре Райхенау в 70-х гг. IX в.: Назаренко 2001: 51—70) перечислено множество славянских «племён», не известных по другим источникам и, соответственно, с трудом поддающихся идентификации или не поддающихся ей вовсе. По всей видимости, это именно те небольшие «племена», из которых состояли крупные славянские этнополитические союзы типа вислян, мазовшан, лютичей, кривичей и т.д.

Названия восточнославянских локальных объединений в источниках почти не отразились (исключение — полоцкая группа кривичей, полочане)¹, но здесь на помощь приходит археология, позволяющая выделить такие объединения.

Судя по археологическим данным, население как Радимичской земли, так и Вятической было сгруппировано в отдельные локальные единицы, соответствующие небольшим локальным объединениям, «малым» *славиниям* (или «малым племенам» как их традиционно называли в историографии), в совокупности составляющим, соответственно радимичское и вятическое этнополитические объединения. В земле вятичей выделяется шесть таких курганных групп (Соловьёва 1956: 161—165).

В Радимичской земле Г.Ф. Соловьёва выделила восемь археологически фиксируемых локальных групп (рис. 3):

- 1) между Днепром и Сожем;
- 2) в бассейне реки Сож;
- 3) в бассейне реки Ипути;
- 4) в бассейнах рек Ипути и Снова;
- 5) в бассейне реки Снова;

¹ Возможно, в «Поучении» Владимира Мономаха также названо одно из небольших «племен», входивших в северянский этнополитический союз. Б.А. Рыбаков обратил внимание на то, что Владимир Мономах дважды упоминает неких «семичей»: после одной из побед над половцами князь «а семечи и полон весь отяхом» (ПСРЛ. I: 248); укрывшись от превосходящих половецких сил за городскими стенами, войска Владимира почти не понесли потерь «толко семцю яша одного живого, ти смердь неколико» (ПСРЛ. I: 248). Б.А. Рыбаков заключил: «Семичи» — типичное по своей форме племенное имя. Это, очевидно, одно из племён Северянского племенного союза, размещенное на сейме: «А дружии седоша по Десне и по Семи, и по Суле и нарекошася Север» (Рыбаков 1982: 264).

- б) в междуречье рек Ипути и Снова в нижнем течении Ипути;
- 7) в среднем течении Днепра (примерно от Рогачева до устья Сожа);
- 8) в междуречье рек Сожа и Беседи (Соловьёва 1956: 156—160)¹.

Таким образом, судя по археологическим данным, радимичский этнополитический союз представлял собой объединение как минимум восьми локальных групп славянского населения. Цифра условна, скорее всего, маленьких *славиний* в Радимичской земле было больше, поскольку какие-то объединения могут не фиксироваться археологически — относительно шести выделенных Г.Ф. Соловьёвой в земле вятичей локальных групп Б.А. Рыбаков заметил: «Они выявлены лишь в северной части Вятичей. Таких районов-племён удалось обнаружить шесть, но, исходя из их размера, во всей земле Вятичей их должно быть не менее десяти» (Рыбаков 1982: 264)².

Для каждого из «малых племён» можно предполагать наличие «града» — административного, религиозного и организационного центра, каковые летописи отметили у древлян (ПСРЛ. I: 58; ПСРЛ. II: 47) и вятичей (ПСРЛ. II: 697).

Один такой «град», Гомель (летописный Гомий, впервые упомянутый под 1142 годом), бывший, видимо, центром посожской группы радимичей (курганная группа 2, по Г.Ф. Соловьёвой), к настоящему времени относительно неплохо изучен. В конце IX — X в. Гомель разрастается в размерах и охватывает площадь от 4 до 8 га. Формируется двухчастная структура поселения (детинец — окольный город) с укреплённым городищем площадью около 0,7 га у слияния Сожа и Гомеюка, а также и вторым поясом оборонительных сооружений. Развивается гончарное, кузнечное, ювелирное ремесла. В городе, стоявшем на торговом пути по Сожу, и вокруг него известны клады арабских дирхемов IX—X вв., свидетельствующие об активной торговле, которую вели его жители. Гомельское городище конца I тыс. н.э. является одним из наиболее значительных в восточнославянском мире (о радимичском периоде в истории Гомеля см.: Макушников 1990: 59—60; 2002: 32—37; 2009: 76).

¹ Подобные скопления археологических памятников удалось выделить и в рамках ареала смоленско-полоцких кривичей: восемь у полоцких и три у смоленских (Алексеев 1978).

² По мнению Б.А. Рыбакова, можно выделить и более мелкую структурную единицу социальной организации восточных славян, археологическим маркером которой является распространение височных колец, отлитых в одной мастерской. По подсчётам учёного, у вятичей должно было быть около сотни подобных мастерских. Соответственно, «административную» организацию *славиний* можно рассматривать как трёхступенчатую: 1) группа посёлков — «сто» (район сбыта одной мастерской); 2) племя — «тысяча» — особенности погребального обряда; 3) союз племён — «тьма» — этнографическое единство (Рыбаков 1982: 264). Соответственно, трёхступенчатой была и военная организация *славиний*.

Предположение Е.А. Шинакова, согласно которому «Гомий, Пропуй и Крепчот были основаны, скорее всего, княжеской властью как крепости — опорные пункты с разных сторон их (радимичей. — М.Ж.) границ» (Шинаков 2012: 49), лишено оснований. Киевским опорным пунктом на южной границе земли радимичей было несущее явные черты древнерусской дружинной культуры Моховское военизированное поселение (конец IX — начало XI в.) в устье Сожа (о нём см.: Макушников 2009: 76—95), созданное киевскими князьями южнее Гомеля и явно противостоявшее ему. Противостояние двух расположенных напротив друг друга городищ является археологическим отражением политического противостояния Киева и Радимичской земли в IX—X вв. (а возможно, и в начале XI в.), в ходе которого обе стороны укрепляли свои границы. После того как Радимичская земля теряет свою независимость, необходимость в содержании Моховского военного центра для Киева отпадает, и он в первой половине XI в. исчезает. Предшествующий период около столетия отмечен противостоянием киевского Мохова и радимичского Гомеля.

По мере накопления археологических материалов по земле радимичей вырисовывается структура их расселения, организация поселенческой сети с определённой иерархией разноуровневых поселений, за которой стоит, очевидно, политико-административная структура радимичей, формирование раннегородских центров типа Гомеля и т.д. (Макушников 2009: 22—77), в общем всё то, что уже известно применительно к лучше изученным восточнославянским этнополитическим союзам.

Близ Гомеля, по всей видимости, произошла и трагическая для радимичей битва на реке Пищане/Песчане. Поскольку подобные гидронимы довольно широко распространены в славянском мире, в том числе и в ареале радимичей их несколько, вопрос о том, где же именно произошло роковое для радимичей сражение, вызвал в литературе полемику (Макушников 2002: 37—40; Гурьянов, Шинаков 2006: 78—79; Фетисов, Щавелев 2012: 126—127). Наиболее логичное и убедительное отождествление летописной реки с реальным гидрографическим объектом предложил О.А. Макушников.

По мнению учёного, с которым мы полностью согласны, войска Владимира должны были наступать на радимичей с юга, из района Киева и Чернигова, и двигались, скорее всего, тем самым путём «на радимичи», о котором говорит в середине XII в. Ипатьевская летопись. Едва ли битва произошла в глубине земли радимичей, поскольку радимичские войска должны были попытаться не

пустить завоевателей в глубь своей территории, не дать им занять Гомель — свою важнейшую крепость на юге. Соответственно, река Пищана должна быть расположена на пути из киевско-черниговского региона в Радимичскую землю, т.е. в районе Гомеля, контролировавшего Нижнее Посожье, который Волчий Хвост не мог оставить у себя в тылу.

На пути из Чернигова в Гомель обнаруживается ручей Песошенька (около 15 км), правый приток реки Терюхи, впадающей в Сож. Раньше он назывался Песочанкой, или Песочной, и находится примерно в 30 км от Гомеля (Макушников 2002: 37—40). Именно на его берегах, в районе современных сёл Хуторянка и Песочная Буда, встретились в 984 г. армия воеводы Волчьего Хвоста и защищавшее свою землю войско радимичей.

В связи с замечанием ПВЛ о том, что после битвы киевляне насмешливо называли побеждённых радимичей «пищаньци», Б.А. Рыбаков высказал предположение, что так могло называться одно из небольших радимичских «племён»: «Потом бытовала поговорка, укорявшая радимичей: «Пищаньци вольчья хвоста бегают». В этом случае хронист расценивает пищаньцев как некую органическую часть радимичей» (Рыбаков 1982: 263—264). Б.А. Рыбакова поддержал А.А. Горский (Горский 2011: 138).

На наш взгляд, такая трактовка летописного пассажа неубедительна. Скорее здесь перед нами просто насмешливое прозвище, данное победителями побеждённым. Маловероятно, чтобы «гомельская» группа радимичей называлась по имени небольшого ручья.

Если Гомель был южным форпостом земли радимичей, то на её севере эту роль выполняло городище близ современного агрогородка Радомля (работы экспедиции И.А. Марзалюка). Столица радимичей находилась, вероятно, в центре их земли, в районе современного Славгорода (Пропойск, древнерусский Прапошаск, впервые упоминается в 1136 г. в грамоте Ростислава Мстиславича), где на высоком правом берегу Сожа, около устья реки Прони, расположено крупное городище.

II. Локализация радимичей

Тенденциозное отношение к радимичам, распространённое, к сожалению, в исторической науке, было доведено до полного нигилизма в недавней работе А.С. Щавелева, который попытался максимально размыть вопрос об их локализации, а соответственно и истории как таковой, поставив под сомнение само

существование восточнославянского этнополитического союза с таким именем (Щавелев 2016).

В этногеографическом введении к ПВЛ ареалом проживания радимичей назван бассейн реки Сожа, левого притока Днепра: «Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо два брата в Лясах: Радимъ, а другому Вятко и пришедъша, седоста Радимъ на Съжю [и] прозв[а] шася Радимичи, а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, отъ негоже прозвашася Вятичи» (ПСРЛ. I: 12; ПСРЛ. II: 9).

Поскольку гидронимов с именем Пищана много, а путь «на радимичи» в летописи намечен приблизительно, именно данное известие всегда выступало базовым при определении территории Радимичской земли, являясь единственным её надёжным ориентиром (Карамзин 1989: 48; Шафарик 1847: 84; Барсов 1873: 132; Соловьёв 1896: 47; Спицын 1899: 333; Карский 1903: 72; Нидерле 1956: 160; Мавродин 1945: 95; Третьяков 1953: 244; Соловьёва 1956: 10; 1968: 352; Седов 1970: 134; 1982: 151; Рыбаков 1932; 1982: 238—239; Tyszkiewicz 1970: 455; Рапов 1998: 320; Богомольников 2004: 109; Макушников 2009: 7), однако А.С. Щавелевым оно было поставлено под сомнение.

Данный автор обратил внимание на то, что в летописях новгородско-софийской группы (далее — НСГ) прародитель «племени» Радим садится не на Соже («на Съжю»), а «на Рсьшю» (что, по мнению А.С. Щавелева, может указывать на реку Рось или на реку Оршу), посчитав данные формы написания гидронима равноценными и сделав из этого далеко идущие выводы (Щавелев 2016: 192—194).

По мнению А.С. Щавелева, сделанное им наблюдение делает возможной «локализацию радимичей на реке Рось южнее Киева», куда «радимичи могли быть переселены князем Владимиром Святославичем, укреплявшим южные границы». Также на берегах Роси «поселил *ляхов* князь Ярослав Владимирович после походов на Польшу в 1031—1032 гг. Может быть, Ярослав Владимирович, зная легенду о происхождении радимичей «от рода ляхов», решил расселить пленных поляков среди «родственного им», а значит, теоретически, более доброжелательно настроенного населения? А учитывая еще более позднее возвращение массы русских пленных (минимум — 800 мужчин) из Польши при Ярославе Владимировиче, можно констатировать, что количество населения, связанного так и или иначе с «ляхами», было в Южной Руси значительным. Это население вполне могло получить в конце X — первой половине XI в. название «радимичи»... Переселение могло начаться в результате

военной активности князя Владимира Святославича... Таким образом, поход Владимира Святославича на радимичей можно понимать как карательную акцию по усмирению группы восставших переселенцев с территорий западных славян, а не как завоевание отдельной независимо от Руси сложившейся общности» (Щавелев 2016: 192).

Также, по мнению А.С. Щавелева, «возможна локализация радимичей на реке Ръши (Орше, Оршице). Этот вариант более или менее корреспондирует с известием основных списков ПВЛ о Соже. Разница вариантов основных списков ПВЛ и варианта из летописей НСГ может быть вызвана тем, что в Новгороде радимичей помещали на этой Ръши, а в Киеве — на Соже» (Щавелев 2016: 192).

Обобщая свои размышления, А.С. Щавелев заключает: «В итоге приходится признать, что однозначной достоверной локализации радимичей, которую можно верифицировать по разным источникам, не существует»; «все четыре локализации радимичей на разных реках в разной степени вероятны, выбор реки Сож, из самого позднего текста — Введения к ПВЛ, однозначно сделанный всеми исследователями, ничем рационально не мотивирован. Понятна лишь приблизительная локализация радимичей: бассейн Днепра» (Щавелев 2016: 193).

Соответственно, историк считает, что «поскольку у нас нет твердой локализации радимичей на основе географических маркеров из письменных источников, любые попытки найти археологические признаки их расселения с помощью картографирования археологических артефактов (височных колец определенных типов и захоронений с определенным обрядом) становятся крайне сомнительными», так как «для общности радимичей однозначной исторической локализации именно на Соже на самом деле нет», а соответственно, и «попытки понять масштаб, тип общности или тем более политическую организацию радимичей, опираясь на данные археологии, становятся не очень убедительны, ведь связь этого ареала именно с радимичами, а значит, и связь с радимичами всех этих археологических комплексов становится крайне затруднительно доказать»; «для семиотики и границ распространения семилучевых височных колец многочисленных типов нужно искать другие этнокультурные, географические или социологические объяснения» (Щавелев 2016: 194).

В итоге, согласно А.С. Щавелеву, определить, кем были летописные радимичи, вообще невозможно: «По своему масштабу радимичи могли быть малой

группой населения (общной), жившей неизвестно где на реке Пищани; или радимичи могли быть этнографической (этнокультурной) группой славян, представители которой расселились на разных реках, скорее всего, в районах притоков Днепра Сожа и Оршицы. По типу идентичности это мог быть славянский социум, сложившийся еще до становления державы Рюриковичей и покоренный Владимиром Святославичем, или это была группа населения Руси («этно-социальная группа»), переселенная на Русь с запада в ходе постоянных войн с Польшей» (Щавелев 2016: 194).

Таковы поистине «революционные» выводы А.С. Щавелева относительно радимичей. Между тем основаны все вышеприведённые широковещательные утверждения на недоразумении и являются следствием поверхностной работы с источниками.

Если не ограничиваться летописями НСГ, как сделал А.С. Щавелев, а провести фронтальное рассмотрение всех летописей из ПСРЛ, в которых содержится пассаж о размещении радимичей на речных берегах, то становится очевидным, что написание «на Рсьшо» является просто ошибкой, причём можно установить и проследить конкретные этапы того как возникло и развивалось ошибочное написание, поскольку все они отразились в дошедших до нас летописных списках (данный пассаж присутствует в 22 летописях в рамках ПСРЛ).

Этап 1. Верное написание (радимичи на Соже), отразившееся в следующих летописных списках: «на Съжо» (Лаврентьевская летопись, ПСРЛ. I: 12); «на Сжу» (Никоновская летопись, ПСРЛ. IX: 5); «на Съжо» (Троицкая летопись, ПСРЛ. XVIII: 6); «по Съже» (Летописный свод 1497 года, ПСРЛ. XXVIII: 13); «на Сожу» (Владимирский летописец, ПСРЛ. XXX: 13); «на Сожо» (Радзивилловская летопись, ПСРЛ. XXXVIII: 14); «на Сжи» (Летописец Переяславля-Суздальского, ПСРЛ. XLI: 5).

Этап 2. Возникает ошибка в написании одной первой буквы: «на Ръжо» (Ипатьевская летопись, ПСРЛ. II: 10).

Этап 3. Возникает написание «на Рсьжоу»/«на Рсьжоу»/«на Рсьжу», отразившееся в следующих летописных списках: «на Рсьжоу» (Типографская летопись, ПСРЛ. XXIV: 4); «на Рсьжу» (Московский летописный свод конца XV в., ПСРЛ. XXV: 339); «на Рсьжу» (Холмогоровская летопись, ПСРЛ. XXXIII: 12).

Этап 4. Из вариантов написания гидронима этапа III на следующем этапе развития ошибки возникают формы «на Рсьшоу»/«на Рсьшу» и подобные, сму-

тившие А.С. Щавелева, нашедшие отражение в следующих летописных списках: «на Рсьшоу» (Новгородская IV летопись, ПСРЛ. IV. Ч. 1: 6); «на Рсешо» (Новгородская V летопись, ПСРЛ. IV. Ч. 2: 7); «на Рсьшу» (Софийская I летопись старшего извода, ПСРЛ. VI. Вып. 1: 7); «на Рсьшо» (Воскресенская летопись, ПСРЛ. VII: 264); «на Рсьшу» (Тверская летопись, ПСРЛ. XV: 23); «на Рьше» (Львовская летопись, ПСРЛ. XX: 42); «на Ршу» (Вологодско-Пермская летопись, ПСРЛ. XXVI: 12); «на Рсьшо» (Софийская I летопись по списку И.Н. Царского, ПСРЛ. XXXIX: 8); «на Рсьшо» (Новгородская Карамзинская летопись, ПСРЛ. XLII: 23); «на Рсьшо» (Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского, ПСРЛ. XLIII: 13).

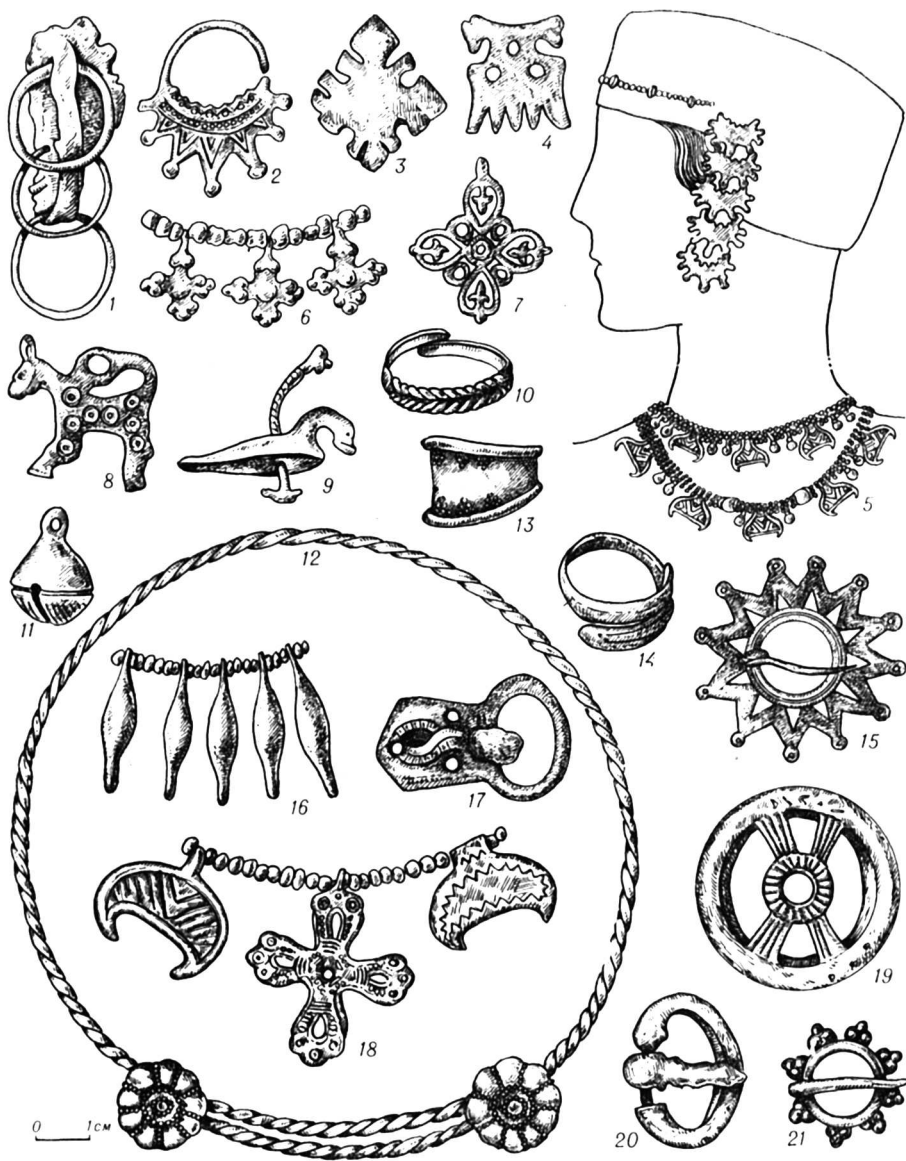
Проведённое рассмотрение всех известных по летописям ПСРЛ вариантов написания имени реки Сож, на берегах которой поселились радимичи, наглядно показывает, что не было никакой неведомой реки «Рсьшо». Данное написание представляет собой ошибку, постепенно возникшую на каких-то этапах летописания и закрепившуюся в ряде списков («на Съжу» → «на Ръжу» → «на Рсьжу»/«на Рсьжоу» /«на Рсьжу» → «на Рсьшоу»/«на Рсьшо»). Попытку А.С. Щавелева на основании данного ошибочного написания «выселить» радимичей с берегов Сожа следует признать историографическим курьёзом. Радимичи «остаются жить» там, где жили.

Представление о том, как очерчивается ареал радимичей по археологическим данным, даёт карта В.В. Богомольникова.

Принадлежность некоторых памятников, отнесённых к радимичам В.В. Богомольниковым на восточной границе их расселения (Стародуб, Кветунь и т.д.) оспаривается некоторыми исследователями (Гурьянов, Шинаков 2006: 75—76) и уточнение границ Радимичской земли, особенно на востоке, требует дальнейшего изучения, однако в целом её контуры вполне ясны.

Перед нами значительная территория в бассейне Среднего и Нижнего Сожа и в междуречье Сожа и Днепра (узкой полосой заходящая и на днепровское правобережье), местами достигающая Десны на востоке.

Характерным этнографическим маркером радимичей IX—XII вв. являются семилучевые височные кольца (об этих украшениях см.: Спицын 1899: 332; Рыбаков 1932; Седов 1970: 135—136; 1982: 152—155; Соловьёва 1978; Шинаков 1980; Богомольников 2004: 52—61, 101—102). М.А. Сабурова реконструировала головной убор радимичанки на основе погребальных материалов.

Украшения радимичей:

1—4, 6—21 — из курганов Новозыбковского и Суражского уездов Брянской губернии
(раскопки П.М. Еременко);

5 — реконструкция головного убора по материалам кургана близ с. Юдичи (по М.А. Сабуровой);

1—4, 7—75, 17, 19—21 — цветной металл;

6, 16, 18 — бронза и стекло

В Радимичской земле также получили распространение шейные гривны с заходящимися розеткообразными концами, находки которых у восточных славян за пределами радимичского региона единичны (Седов 1970: 139. Карта на рис. 39).

Есть и другие признаки, отличающие радимичей от их соседей. Если обратиться к картографированным Г.Ф. Соловьёвой особенностям погребальной обрядности радимичей и их соседей, то можно заметить преимущественную концентрацию курганов с кострищем в насыпи, а также погребений с восточной ориентировкой (преимущественно мужских) в Радимичской земле.

В.В. Седов считал эти особенности наследием балтского субстрата, унаследованными славянами от живших здесь ранее восточных балтов (Седов 1961; 1970: 162—171; 1982: 155). Согласиться с таким объяснением, на наш взгляд, невозможно. Дело в том, что В.В. Седов в качестве аналогий восточнославянским погребениям с восточной ориентировкой приводит прибалтийские материалы. Балтское же население собственно Восточной Европы (в том числе носители колочинской и тушемлинской культур, непосредственно предшествовавшие радимичам и ставшие для них субстратом) подобных обрядов не знало, соответственно, не могло и передать их славянским поселенцам. Аналогии с прибалтийскими обрядами должны рассматриваться как следствие конвергентного развития¹.

Своеобразные черты погребального обряда радимичей являются, таким образом, результатом развития их собственных социальных и культовых практик, формой манифестации своего этнографического единства.

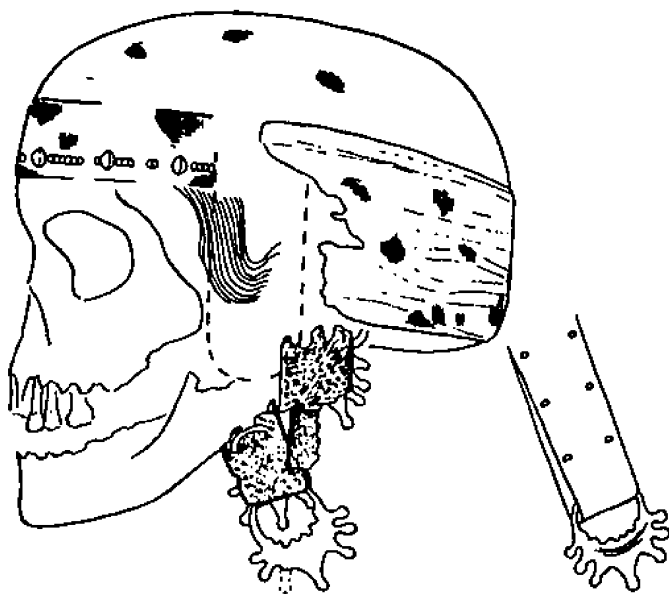
Христианство, бывшее важным средством укрепления единства Восточной Европы под властью Киева, распространялось в радимичской земле медленно, в XI—XII вв. здесь ещё были широко распространены язычество и двоеверие (Рапов 1998: 320; Богомольников 2004: 114—115). К середине X — началу XI в. относится открытое А.В. Кузой и Г.Ф. Соловьёвой радимичское языческое святилище у села Ходосовичи близ Рогачева (Куза, Соловьёва 1972: 153).

Существование святилищ, выраженные особенности погребального обряда и медленное распространение христианства указывают на важную роль языче-

¹ То же относится и к популярности в Прибалтике, с одной стороны, и у радимичей — с другой, таких артефактов, как шейные гривны с розеткообразными заходящимися концами и звездобразных пряжек. У колочинского и тушемлинского населения они не бытовали, соответственно, не могут рассматриваться как наследие балтского субстрата в земле радимичей.

ских религиозных представлений в самоидентификации радимичей и на существование у них выполнявшего важные социальные и культовые функции языческого жречества (о жреческом сословии восточных славян и Древней Руси см.: Рыбаков 1987: 294—481)¹.

Подводя некоторые итоги, видим, что Радимичская земля в Посожье вполне надёжно очерчивается при сопоставлении письменных и археологических данных. Ряд признаков (специфические височные кольца, шейные гривны с заходящими розеткообразными концами, выраженные особенности погребального обряда и т.д.) указывают на осознание радимичами своего этнографического единства и его культурную манифестацию.

Находки из кургана 1 близ села Юдичи Гомельской области, ставшие основой реконструкции внешнего облика славянки из племени радимичей

¹ Ранее догадку о важной роли жречества в жизни радимичей высказывал Е.А. Шинаков (Шинаков 2012: 50—51), но почти без аргументации, рассуждая от противного: раз, по мнению учёного, у радимичей не имели развития «вождеско»-княжеские традиции, то, соответственно, их потестарная организация могла носить религиозно-общинный характер. Спорность вывода об отсутствии у радимичей княжеской власти была продемонстрирована выше. По нашему мнению, нет оснований говорить о принципиальных различиях в социально-политической организации радимичей, вятичей и древлян. И у древлян, и у вятичей следы существования жречества также вполне отчётливы, так что едва ли в этом смысле радимичи как-то сильно отличались от своих соседей.

III. Происхождение радимичей

Происхождение радимичей и вятичей «от ляхов», указанное летописями, долго не вызывало у историков особых сомнений. Ян Длугош, стремившийся закрепить за Польшей право на владение русскими землями, называл их предков-эпонимов Радима и Вятко «польскими князьями», а о радимичах писал, что они «происходят от поляков» (Щавелева 2004: 226, 230).

В.Н. Татищев полагал, что древним городом радимичей, близ которого находилась их прародина, был польский Радом, откуда часть радимичей переселилась на берега Днепра (Татищев 1962: 336).

«Ляшское» происхождение радимичей принималось как данность Н.М. Карамзиным (Карамзин 1989: 48), П.И. Шафариком (Шафарик 1847: 188—189), Н.П. Барсовым (Барсов 1873: 132), А.Е. Пресняковым (Пресняков 1993: 278) и многими другими историками.

С.М. Соловьёв писал: «Мы не имеем никакого права заподозрить это предание, которое показывает, что эпоха прибытия этих племен не была слишком отдалена; о нем помнили ещё во времена летописца. Что племена эти пришли позднее других, доказывают избранные ими жилища: Радимичи поселились на Сожи, а Вятичи должны были перейти далее на восток, на Оку, потому что земли по Десне, лежащие между Сожью и Окою, уже были заняты Северянами» (Соловьёв 1896: 47).

С.М. Середонин, принимая «ляшское» происхождение радимичей, отметил, что «в этих же известиях летописи (о покорении радимичей Владимиром. — М.Ж.) видно несколько враждебное отношение к чуждой ветви славянства: Русь корится племени, которое «и до сего дня», т.е. до XI в., платит дань и повоз везёт Руси; о других племенах летопись столь жёстко не говорит» (Середонин 1916: 133).

Сдержанно-скептически отнёсся к легенде о «ляшском» происхождении радимичей и вятичей Л. Нидерле. Отметив, что «никакими историческими данными эта легенда не подтверждается» и «в ней слишком много вымышленных аналогий, чтобы её можно было безоговорочно принять», учёный тем не менее допустил: «Теоретически можно себе представить, что в бурном движении славян и их развитии, наблюдаемом повсюду в V, VI и VII веках, одно или два племени могли уйти из переполненного западнославянского центра (например, в результате нашествия готов или аваров), пробиться через полосу русских пле-

мён и оказаться на востоке среди славян и финских племён», но «вряд ли можно ещё какими-либо данными, кроме самой летописной легенды, доказать такое предположение» (Нидерле 1956: 161).

Также учёный допустил, что летописное выражение «радимичи и вятичи (происходят) от ляхов» вовсе «не обязательно должно означать, что они пришли из Польши и являлись непосредственно польскими племенами, оно может означать, что они пришли от ляхов, то есть с той стороны, от польских границ», возможно, «предки радимичей, а также дреговичей первоначально обитали... по соседству с поляками, находились под их влиянием и, по-видимому, составляли промежуточную полосу между поляками и чисто русскими племенами. Оттуда они продвинулись на восток и вклинились в среду... остальных русских племён» (Нидерле 1956: 161—162).

Любопытным является и наблюдение Л. Нидерле относительно разграничения степени возможной достоверности легенды для радимичей и вятичей. Учёный обратил внимание, что если в ареале расселения радимичей (белорусский язык) заметны некоторые параллели с польским языком, то в области вятичей (великорусский язык) они значительно слабее, из чего можно сделать вывод, что «если в отношении радимичей летописная традиция до некоторой степени подтверждается данными лингвистики, то относительно вятичей такое подтверждение является значительно более слабым. Летописец, соблазнённый их соседством, видимо, лишь по ошибке присоединил к ним вятичей» (Нидерле 1956: 161).

Сторонником западнославянского происхождения радимичей и вятичей был А.А. Шахматов. Как считал учёный, «падение аварской державы оказало сильнейшее влияние на дальнейшее расселение восточного славянства... Авары, спасаясь от франков, отступили в бассейн Вислы и привели в сильное движение ляхские племена», в результате чего последние двинулись на восток и северо-восток. «Одни из ляхских племен наводнили страну дреговичей и сидевших вместе с ними дулебов; другие племена пробились в бассейн Западной Двины, оседая среди западной ветви кривичей; третьи племена двинулись в северное Поднепровье: летопись сохранила названия этих племен: это были радимичи и вятичи; первые сумели укрепиться на Днепре и его левых притоках; вторые — вятичи двинулись дальше на восток и, захватив сначала верхнее течение Оки, заняли с течением времени и среднее его течение» (Шахматов 1919: 37).

Аргументы в пользу «ляшского» происхождения радимичей А.А. Шахматов привёл следующие: «Ляшские особенности в белорусском языке (следовательно, на территории дреговичей и радимичей): свистящее произношение мягких *m* и *d* (в древности они диалектически были шепелявыми, как в польском языке); вероятнее всего объяснять эти особенности вторжением польских элементов в легшие в основание белорусской народности русские племена» (Шахматов 1919: 38).

Радимичи, по мнению Шахматова, «захватили верхнее Поднепровье силой и оттеснили оттуда восточных славян. Быть может, именно вторжение радимичей заставило кривичей пробиваться в бассейн верхнего течения Волги, а также по Ловати к Ильменскому озеру» (Шахматов 1919: 39).

Выводы Шахматова были решительно оспорены Е.Ф. Карским, указавшим на слабость подобной аргументации: «Не думаю, чтобы они действительно были ляшского происхождения: язык их чисто русский, быт и поэзия тоже; одно дзеканье связывает их с ляхами, да и то только радимичей, но дзеканье свойственно и другим белорусам дреговичского и кривичского происхождения; кроме того, оно не повсеместно у радимичей и не совсем совпадает с польским: у поляков дзеканье имеет несколько шипящий характер, чего нет у белорусов. Кроме того, трудно доказать древность этого явления. Вероятнее всего, выражение «радимичи бо и вятичи от ляхов» следует понимать в географическом смысле — как жившие вместе с ляхами. Что они были не ляхи, видно и из их переселения далеко на восток. Причиной такого переселения было, вероятно, размножение поляков на Средней Висле, дреговичей на Припяти, волынян с юга и литовцев с севера» (Карский 1903: 71—72).

Пониманию летописного «от ляхов» как «в соседстве с ляхами», предложенному Л. Нидерле и Е.Ф. Карским, противоречит фраза «Бяста бо два брата в Лясах», которая означает, что летописец мыслил Радима, Вятко и их рода выходцами именно непосредственно из ляшских земель.

Б.А. Рыбаков, не обнаружив в материальной культуре радимичей никаких западнославянских черт, выдвинул оригинальную гипотезу возникновения сообщаемого летописью предания. Выражение «от ляхов» могло принадлежать летописцу эпохи Ярослава Мудрого, знавшему легенду о том, что радимичи и вятичи происходят от легендарных предков Радима и Вятко. Когда в 981 г. состоялся поход русских войск на «ляхов» (на «Червень и ины грады»), они проходили у Перемышля мимо города Радимин, где слышали о брате святого

Войтеха, гнезненском епископе Радиме. Через три года они ходили на радимичей, что и вызвало у них соответствующие ассоциации. Так под пером летописца родилось представление о ляхском происхождении радимичей, а поскольку Радим и Вятко считались братьями, то и вятичам летописец приписал ляхское происхождение (Рыбаков 1932)¹.

В.В. Мавродин, констатируя, что «полонизмы в белорусском языке потомков радимичей объясняются скорее «ляшским» их происхождением, а тем, что они — потомки летописных радимичей — длительное время соседнили с «ляхами» и находились под властью ополяченной Литвы и Польши в течение ряда столетий» и что археологические материалы говорят об автохтонности радимичей, сочувственно излагает гипотезу Б.А. Рыбакова (Мавродин 1945: 96—97).

По мнению П.Н. Третьякова, «археологические данные, свидетельствующие об автохтонности обеих племенных групп (радимичей и вятичей. — *М.Ж.*)... полностью опровергают достоверность этого рассказа (о «ляшском» происхождении радимичей и вятичей. — *М.Ж.*)». Касаясь приведённых выше доводов А.А. Шахматова, учёный писал: «Совершенно очевидно, что такое доказательство нельзя признать основательным. Появление «ляшских» элементов в языке белорусов является столь же естественным, как наличие западных особенностей в языке западных кривичей... Предками белорусского народа являлись, несомненно, не столько радимичи, сколько западные кривичи и дреговичи, занимавшие... основные области Белоруссии» (Третьяков 1953: 245).

Надо сказать, что звучавшие в литературе 30—50-х гг. XX в. утверждения об автохтонности археологической культуры радимичей, последующими исследованиями не подтвердились. Радимичи появились в местах своего обитания не ранее VIII—IX вв. (Седов 1982: 157), и их культура не является продолжением предшествовавших колочинских и тушемлинских традиций.

Решительно отверг достоверность летописной легенды о происхождении радимичей и вятичей Д.С. Лихачёв: «...А.А. Шахматов считал, что радимичи и вятичи происходят от поляков; так предполагали и другие исследователи,

¹ Позднее учёный писал: «Польское («от ляхов») происхождение радимичей и вятичей ничем не подтверждено. Возможно, что на летописном предании сказались какие-то воспоминания о первичной славянской колонизации, начавшейся в первые века нашей эры и шедшей с юго-запада на северо-восток, в бассейн Средней Десны, откуда в равной мере славяне зарубинецкого времени могли проникать и на радимичский Сож и на вятическую Оку. Загадочные «ляхи» могли появиться в связи с тем, что колонизационный поток шел из Среднего Поднепровья, из земли Полян, а у польских племен был значительный союз, называвшийся тоже Полянами (в бассейне Варты). Патронимическую легенду мог сочинить один из летописцев, хорошо знавший весь славянский мир» (Рыбаков 1982: 239).

утверждавшие, по крайней мере, что так именно думал летописец. Вряд ли, однако, так считал сам летописец. Выражение «от ляхов», как и другое выражение летописца о новгородцах — «от рода варяжска, преже бо беша словени» (под 862 г.) вовсе не относится к происхождению русского населения той или иной области (было бы странным предполагать у летописца мысль, что новгородцы «сейчас происходят от варягов, а раньше происходили от славян»). Выражение «от рода варяжска» или «от ляхов» определяет в том или другом случае только то обстоятельство, что во главе политической организации новгородцев, радимичей и вятичей стоят: в первом случае варяги, во втором случае — «ляхи»... Летописец считает, что названия эти произошли от двух польских выходцев Радима и Вятка, передавших свои имена подчинившимся им славянским племенам: «и пришедьша седоста Радим на Съю и прозвашася (именно «прозвашася», а не «расплодишася») радимичи... Аналогично этому, по мнению летописца, русские в целом прозвались от призванных братьев-варягов... Перед нами обычное для Средних веков объяснение происхождения правящей династии и названия народа, города от пришлых братьев. Отсюда ясно, что вся эта легенда о происхождении названий радимичей и вятичей от двух братьев Радима и Вятко представляет собою типичную для нашего летописца... династическую легенду... Рассказ о Радиме и Вятке приводится летописцем только для того, чтобы объяснить происхождение местных князей и местных названий, но не всего племени в целом. Он говорит лишь о принадлежности радимичей и вятичей к княжеским династиям, ведущим свое начало из «ляхов», но отнюдь не говорит о происхождении племени вятичей и племени радимичей от поляков. Такой приписываемой летописцу мысли у него не было». Относительно же того, откуда летописец вывел польское происхождение Радима и Вятко, Д.С. Лихачёву импонирует гипотеза Б.А. Рыбакова, приведённая выше (Лихачёв 2007: 392—393).

Аргументация Д.С. Лихачёва вызывает, на наш взгляд, серьёзные вопросы. Учёный в своих рассуждениях использует только одно из двух летописных известий о «ляшском» происхождении радимичей (из этногеографического введения к ПВЛ), которое допускает две трактовки (1) происхождение «от ляхов» всех радимичей; 2) происхождение «от ляхов» только Радима и его рода, давших имя аборигенам Посожья) и оставляет за скобками второе (из рассказа о Пищанской битве), а между тем в нём говорится «быша же Радимичи отъ рода Ляховъ. Прешедьше ту ся вселиша». «Вселиша» явно относит-

ся ко всему «племени» радимичей и склоняет чашу весов в пользу варианта 1) — летописец, вопреки Д.С. Лихачёву, считал, что «от ляхов» происходят радимичи в целом.

Также и семантика глагола «прозвашася» в летописном повествовании трактуется Д.С. Лихачёвым односторонне. В другом месте летописного рассказа о расселении славян читаем, например: «Словени же седоша около езера Илмеря. [и] прозвашася своимъ имянемъ» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5). Здесь тоже идёт речь о происхождении и обретении имени словен как таковых.

Не касаясь вопроса о значении фразы «новгородьци от рода варяжьска» (которая сама представляет загадку с обширной и противоречивой историографией), отметим, что в летописном повествовании о расселении славян, частью которого является и рассказ о происхождении радимичей и вятичей, предлог «от» имеет именно значение происхождения: «От техъ Словень разидошася по земли и прозвашася имени своими, кде седше на которомъ месте»; «Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5).

Е.А. Шинаков предположил, что «летописная легенда подчёркивает их (радимичей. — М.Ж.) «родовое» происхождение в этимологии названия. Возможно, летописец XII в. не совсем верно понял радимичское и вятичское родовые предания о происхождении их предков «от лехов» — западнославянских старейшин, т.е. их изначальную знатность, как их приход из Польши, «от ляхов» (Шинаков 2012: 49). Обосновать подобную идею едва ли возможно.

О.Н. Трубочев в статье, посвящённой вятичам (не коснувшись, к сожалению, вопроса о радимичах), поддержал гипотезу об их западнославянском происхождении, указав, что имя предка-эпонима Вятко «представляет собой уменьшительную форму от личного имени Вячеслав, праслав. **větjeslavъ*, ср. чеш. *Václav*, то есть имени исключительно западнославянского» (Трубочев 2000: 6). Отмечает учёный и «ляшско-вятичские топонимические тождества, ср. *Тула* — *Tuł*, *Вициж* — *Uściż*, *Коломна* — *Коломыя*... несколько вятичско-чешских соответствий Подмосковья и Поочья. Самым же ярким и полным является ляшско-вятичское тождество *Moskiew* (в польском Мазовше) = *Москва*» (Трубочев 2000: 11).

Имя *Радим* (вероятно, сокращение от *Radimirъ*/**Radiměrъ* (Фасмер 1987: 430); от глагола **raditi* — «заботиться»/«стараться» так же, как *Вадим* от **vaditi* — «клеветать»/«ссориться»/«доносить») тоже является западнославян-

ским. Выше упоминался брат святого Войтеха, гнезненский епископ Радим (Гауденций, 970 — ок. 1020), бывший незаконнорожденным сыном чешского князя Славника. По источникам известны и другие средневековые западнославянские носители этого имени (Морошкин 1867: 162). Козьма Пражский упоминает чешского военачальника Радима, погибшего в 1082 г. в битве с Австрией (Козьма Пражский 1962: 148).

Г.А. Хабургаев выдвинул гипотезу, что все восточнославянские «племенные» названия на *-ичи-* (радимичи, дреговичи, кривичи, вятичи) представляют собой изначально балтские этнонимы, оформленные славянскими суффиксами в ходе славянизации их носителей. Соответственно, по его мнению, радимичи — это изначально балты **radimis*, впоследствии перешедшие на славянский язык и ставшие *радимичами* (Хабургаев 1979: 89—93, 134—144, 197—198)¹.

Построения Г.А. Хабургаева были подвергнуты жёсткой и, на наш взгляд, совершенно справедливой критике Ф.П. Филиным: «...группа этнонимов с суффиксом *-ич-и-*: *кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи*. Согласно тенденциозным толкованиям [Г.А. Хабургаева], все население, носившее эти имена, было сплошь балтийским, славянизированным только в эпоху древнерусского государства. И это вопреки мнению летописца, четко определявшего указанные племена как восточнославянские, славянские по происхождению... И уже совсем фантастична праформа **radimis* (= *радимичи*), которая без всяких доказательств дважды приводится на картах № 14 (стр. 90) и № 16 (стр. 112). Желание у автора выдать восточнославянские этнонимы за балтийские очень велико, но, кроме желания, нужны еще и аргументы... Мы могли бы продолжить список явных промахов, имеющих в анализе восточнославянских этнонимов в книге Г.А. Хабургаева, но и сказанного достаточно, чтобы показать полную несостоятельность такого анализа. Суффикс *-ич-* несомненно праславянского происхождения. Вообще нужно иметь в виду, что бессуффиксальные и производные суффиксальные этнонимы в праславянском языке сосуществовали, а не просто сменяли друг друга» (Филин 1980: 48).

¹ В этой связи Г.А. Хабургаев оригинально трактует проблему интерпретации происхождения радимичей «от ляхов»: «Радимичи ниоткуда не «приходили» и были... аборигенами Посожья!.. Местное дославянское население оформилось в начале нашей эры при участии зарубинецких племён и, судя по гидронимии Посожья, могло быть носителем диалекта голядско-ятвяжского типа. Последнее обстоятельство было достаточным основанием для летописного сопоставления носителей посожских говоров с пограничным населением *Лядьской* земли, например *ятвягами*» (Хабургаев 1978: 143). Иначе как домыслами назвать данные рассуждения невозможно.

Польский учёный Ф. Буяк в статье «Откуда пришли радимичи и вятичи на Русь?» попытался подкрепить «польскую» гипотезу их происхождения дополнительными материалами. По мнению исследователя, первоначальное место обитания радимичей и вятичей находилось на берегах Вислы, которые они вынуждены были покинуть под натиском врагов (германцев). Продвинувшись на восток, они перешли Днепр и осели на Соже (радимичи) либо продвинулись ещё дальше и обосновались на Оке (вятичи).

Ключевым аргументом Ф. Буяка является общность ряда названий, встречающихся как в Польше, в ареале предполагаемой им прародины двух «племён», так и на землях летописных радимичей и вятичей. Для радимичьей территории такими параллельными с польскими названиями оказываются Будогощ (Bydgoszcz), Хотомиль (Chotymi), Чечерск, (Czeczersk), Чериков (Czerykow), Дроков (Drokow), Гомель (Gomii), Лучин (Łuczyn), Мглин (Mglin), Пропойск (Propost), Радомль (Radymł), Речица (Rjeczysa) и т.д.

Также Ф. Буяк обратил внимание на названия, созвучные наименованию радимичей и имени их легендарного предка Радима, образующие компактную группу близ города Гнезно: Radzyń, Radoviska, Radomno, Radziąds, Radomki, Radomin, Radosli, Radomice, Radzymin, Radzanów, Radzimowice, Radzymin, Radzyń (Bujak 1949).

Построения Ф. Буяка были подвергнуты критике В.В. Седовым и Г.Ф. Соловьёвой (Седов 1965: 10; 1970: 141; 1982: 157; Соловьёва 1968). Так, В.В. Седов отметил, что «географические названия, одинаковые с намечаемым районом Повисленья, имеются не только в областях расселения радимичей и вятичей, но и на территории северянского Подесенья и кривичского Поднепровья. Такие же названия, как Будогощ, Хотимль и др., не могут быть использованы, так как имеются во многих областях Восточной Европы (например, Будогощ Витебской губ., Будогощ Тихвинского уезда, Будогощ в Обонежской пятине)» (Седов 1965: 10); «на карту Ф. Буяка попали лишь выборочные географические названия, что и создаёт ошибочную картину» (Седов 1970: 141).

Г.Ф. Соловьёва отметила, что «распространение названий, связанных с именем Радима, в Повисленья можно связывать скорее с именем не легендарного Радима, а Радима Гауденция — архиепископа Гнезненского, брата святого Адальберта», который почитался в Гнезно, близ которого и расположены поселения, указанные Ф. Буяком (Соловьёва 1968: 353). Связь восточноевропейских топонимов с основой «рад» с Радимом или радимичами, по мнению

исследовательницы, далеко не всегда может быть установлена, а там, где такая связь вероятна, они расположены преимущественно у границ Радимичской земли, отражая давнюю традицию маркирования рубежей, что «не дает оснований сопоставлять все эти названия с приходом радимичей из Польши» (Соловьёва 1968: 356).

В.В. Седов в поисках прародины радимичей обратился к гидронимии и сделал важные наблюдения. Учёный обратил внимание на то, что в Восточной Европе имеются два уникальных повторяющихся гидронимических ареала: один в Верхнем Поднестровье, а второй — в земле радимичей (Седов 1965: 11; 1970: 142—143; 1982: 157). «Случайность выделения этих районов исключается в связи с обширностью картографируемой территорией, во-первых, и в связи с полным охватом материала, во-вторых. Предполагать обратное движение из Посожья в Поднестровье нельзя, так как в Поднестровье повторяемые гидронимы очень скученны, а в радимическом Посожье заметно рассеяны» (Седов 1965: 11).

В понимании фразы о происхождении радимичей «от ляхов» В.В. Седов присоединяется к тем учёным, которые понимали её как обозначение соседства ляхов и предков радимичей (Седов 1970: 142—143). Указал он и на то, что позднейшими лингвистами установлено, «что те особенности белорусского языка, в которых А.А. Шахматов и его современники видели ляшские черты, являются продуктом местного развития, независимого от истории польского языка» (Седов 1970: 142).

Верхнеднестровская гипотеза происхождения радимичей была принята и Г.Ф. Соловьёвой (Соловьёва 1968: 355).

Компромисс между польской и верхнеднестровской гипотезами происхождения радимичей предложил польский исследователь Я. Тышкевич: в первые века нашей эры далёкие предки радимичей, действительно жили на территории Польши, откуда в бурную эпоху IV—VI вв. ушли на Верхний Днестр, а затем переместились в Посожье (Tyszkiewicz 1970: 456). Однако могла ли в течение почти тысячи лет сохраняться память о проживании дальних предков радимичей на территории будущей Польши? Это представляется в высшей степени сомнительным. ПВЛ не сохранила никакой памяти о событиях, предшествовавших выходу славян на Дунай в VI—VII вв., и было бы сомнительно ожидать здесь какого-то исключения для радимичей. Да и были ли в начале нашей эры «ляхи»? Историческая география и диалектная конфигурация сла-

вян этого времени точно не известна ни современным учёным, ни древнерусским летописцам.

Подводя итоги историографического обзора, видим, что летописная сентенция о происхождении радимичей и вятичей (или одних радимичей, поскольку ряд учёных допускает, что вятичи были прибавлены к радимичам летописцем просто по аналогии) «от ляхов» остаётся загадкой, надёжное решение которой отсутствует, несмотря на то что над ним размышляли многие учёные. Одни исследователи относились к летописной легенде с доверием и выводили радимичей с территории Польши, другие решительно отказывали ей в достоверности, третьи искали прародину радимичей не на самих польских землях, а где-то в соседстве с ними; не было единства и в том, всё ли «племя» радимичей мигрировало или только какие-то небольшие группы, ставшие элитой в Посожье и передавшие своё имя местному населению.

Выскажем теперь собственные соображения о происхождении и прародине радимичей.

1. К настоящему времени археологами надёжно установлено, что связанные с радимичами памятники появляются в регионе бассейна Сожа не ранее VIII—IX вв. (Седов 1982: 157) и не являются развитием предшествующих колочинских и тушемлинских древностей. Соответственно, вывод о том, что радимичи не были автохтонами Посожья, выглядит бесспорным.

2. Наблюдения В.В. Седова о двух уникальных для Восточной Европы повторяющихся гидронимических ареалах в Верхнем Поднестровье и в Посожье представляются исключительно важными и указывающими на ту территорию, которую предки радимичей занимали непосредственно перед миграцией на берега Сожа (рис. 11).

3. Возможно ли совсем игнорировать летописную традицию и тот факт, что антропоним Радим является преимущественно западнославянским (наличие в Польше ряда названий, которые могут быть связаны с этим именем), а также топонимы, совпадающие с теми, которые имеются в радимичском ареале (даже с учётом спорных случаев)? Считаем, что этого делать всё же не стоит, и с осторожностью попробуем наметить контур возможной гипотезы о перемещении предков радимичей.

4. Сразу скажем, что невозможно датировать «польскую прародину» радимичей началом нашей эры, как это сделал Я. Тышкевич, так как в этом случае ко временам летописцев о ней уже не сохранилось бы никакой памяти. Если

таковая существовала, то мигрировать на Верхний Днестр предки радимичей должны были не ранее VI в. (нижняя граница исторической памяти ПВЛ), а скорее в конце VII — первой половине VIII в., откуда примерно через несколько десятилетий двинулись на Сож.

Интересно, что в конце VI в., по историческим данным, намечается отлив населения из прикарпатско-верхнеднестровского региона — миграция хорватов на Балканы (Седов 2002: 484; Майоров 2006), на опустевшие территории как раз и могли прийти предки исторических радимичей.

5. Фраза летописца «Бяста бо два брата в Лясах» указывает на то, что, по его представлению, радимичи и вятичи происходят именно с ляшской территории, а не из соседних с ней земель. Слова о радимичах «Прешедьше ту ся вселиша» явно указывают на расселение всего «племени», а не только князя и старейшин.

6. Чтобы понять, как и в каких исторических условиях могла проходить миграция радимичей, надо обратиться к общеисторическому контексту эпохи. В VII—IX вв. на дунайских и средневропейских славян наступали многочисленные враги: кочевники авары, болгары и венгры, а также франки. Из-за этого часть славян снимается с насиженных мест и уходит на север и на восток, происходит инфильтрация в Восточную Европу славян из Подунавья, из Моравии и балканских земель, затронувшая значительную её часть. Мигранты подселяются к местному славянскому населению, принося свои традиции, которые нашли отражение в распространении в регионе целого ряда характерных для дунайских земель артефактов (серьги, лунницы, височные кольца и другие украшения дунайских типов, железные ножи с рукоятками, оформленными волютообразными завершениями, определённые типы удил, нагрудные кресты с так называемым грубым изображением Христа и т.д.) (обобщение соответствующих археологических материалов см.: Седов 1999: 183—204; 2002: 531—551; см. также А.Ю. Фомина). Возможно, именно с этой инфильтрацией дунайских славян в Восточную Европу связана легенда ПВЛ о дунайской прародине славян.

Эта масштабная миграция с неизбежностью должна была затронуть и западнославянский ареал, привести в движение какие-то местные славянские группы, которые также страдали от вражеских нападений. Одной из таких групп и могли быть предки исторических радимичей.

Интересно, что радимичские семилучевые височные кольца имеют именно дунайское происхождение и соответствующие прототипы (Седов 1999: 188; 2002: 538), хотя увязывать напрямую вопрос о происхождении радимичей с во-

просом о происхождении их височных колец не следует. Семилучевые височные кольца могли получить у радимичей распространение уже после их прихода на Сож.

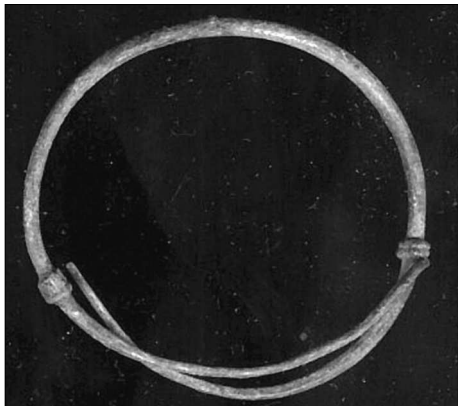
7. Где-то в VII—VIII вв. группа увлекаемых потоком «дунайской» миграции (или иными причинами, например нападением врагов) славян с территории современной Польши могла переместиться на Верхний Днестр, где прожила относительно продолжительное время (от нескольких десятилетий до примерно столетия) и сформировала там определённый гидронимический ландшафт.

8. Во второй половине — конце VIII в. предки радимичей продолжили свою миграцию и вышли на берега Сожа (при этом какая-то их часть должна была остаться в Поднестровье, чтобы сохранить там свою гидронимию), где с этого времени фиксируются их археологические памятники (обзоры археологической культуры радимичей см.: Рыбаков 1932; Соловьёва 1956: 156—160; Седов 1970: 134—143; 1982: 151—157; Богомольников 2004).

9. Точно сказать, на каком именно из перечисленных этапов возникло название «радими́чи», затруднительно. Б.А. Рыбаков обратил внимание на то, что географическое распределение славянских этнонимов (исключая заимствованные) образует два ареала: внутренний, соответствующий зоне древнейшего обитания славян (этнонимы только на *-ане*, *-яне*) и внешний, соответствующий зоне славянской колонизации (этнонимы как на *-ане*, *-яне*, так и на *-ичи*, *-цы*). Все патронимические этнонимы оказываются во внешней зоне (Рыбаков 1982: 26). Соответственно, на территориях современной Польши этноним радимичи едва ли мог возникнуть, ведь она является коренным славянским ареалом, территорией, на которой происходило становление славян (Седов 2002: 69—125), а с точки зрения распределения славянской этнонимии относится к внутренней зоне (Рыбаков 1982: 27. Карта).

Наиболее вероятным мы считаем возникновение этнонима радими́чи только на этапе расселения соответствующей славянской группировки на Соже.

10. Поиски лингвистических следов миграции радимичей едва ли имеют смысл. Современной науке слишком мало известно о диалектной конфигурации славянского мира VII—VIII вв., когда происходили перемещения радимичей, да и язык их в ходе этих перемещений должен был трансформироваться, в том числе и под влиянием новой обстановки и новых соседей. Прибавим сюда трансформацию радимичских диалектов в результате вхождения сначала в древнерусский, а затем в прабелорусский лингвистические ареалы. Всё это

*Браслет с завязанными концами,
кривичи, IX—X вв.*

должно было стереть гипотетические древние «ляшские» черты в языке радимичей, а тем более их потомков.

11. Перспективными представляются дальнейшие поиски следов миграции (или её отсутствия) радимичей в материалах гидронимики, археологии и антропологии, а также в исследованиях ДНК.

Тема происхождения вятичей находится за рамками настоящей работы.

Вопрос о том, мигрировали их предки вместе с предками радимичей или же вятичей к радимичам искусственно прибавил летописец (Нидерле 1956: 161; Рыбаков 1932) остаётся открытым.

IV. Радимичи «от ляхов» и лендзяне Константина Багрянородного

Как бы мы ни решали вопрос о происхождении радимичей, очевидно одно: в глазах летописцев, отражавших, видимо, взгляд киевлян в целом на своих северо-восточных соседей, радимичи были теснейшим образом связаны с ляхами. О происхождении радимичей от ляхов в ПВЛ сказано дважды (о вятичах это сказано только один раз, и, возможно, они прибавлены к радимичам искусственно): в этногеографическом введении («Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо два брата в Лясах») и в рассказе о покорении радимичей Владимиром в 984 г. («Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ. Прешедъше ту ся вселиша»).

Одной из загадок трактата византийского императора Константина VII Багрянородного (*Κωνσταντίνος Ζ' ο Πορφυρογέννητος*, 945—959) «Об управлении империей» (*Πρὸς τὸν ἴδιον υἱὸν Ρωμανόν*, 948—952) являются названные им в числе восточноевропейских славянских этнополитических объединений (славиний) лендзяне (*Λενζανηνοῦ/Λενζενίνοι*), надежная локализация и идентификация которых в науке отсутствует¹.

¹ С лендзянами Константина Багрянородного в историографии часто сближаются упоминаемые в «Баварском географе» и также надежно не локализуемые *lendizi* (лендицы или лендичи; Немецкие источники 1993: 13—14), хотя вопрос о том, идет ли в этих двух источниках речь об одном «племени» или о разных, открыт и должен рассматриваться отдельно. Повторяемость этнонимов в разных частях славяницы — характерная черта славянской этнонимии. Обращает на себя внимание другое суффиксальное оформление этнонима в «Баварском географе», нежели у Константина Багрянородного.

Лендзяне упоминаются в «Об управлении империей» дважды.

Первый раз — в главе девятой в числе тех славян, которые поставляют ладьи киевским русам: «Славяне же, их (русов. — *М.Ж.*) пактиоты, а именно: кривитеины (кривичи. — *М.Ж.*), лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Кию (Киев. — *М.Ж.*). Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам» (Константин Багрянородный 1991: 44—45).

Второй раз — в главе тридцать седьмой в перечне соседей печенегов как одна из подчиненных русам славиний: «Остальные же четыре рода (печенегов. — *М.Ж.*) располагаются по сю (правую. — *М.Ж.*) сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией (Венгрией. — *М.Ж.*), фема Харавой соседит с Россией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ульгинами (уличами. — *М.Ж.*), дервленинами (древлянами. — *М.Ж.*), лензанинами и прочими славянами» (Константин Багрянородный 1991: 156—157).

Константин Багрянородный четко локализует лендзян в Восточной Европе, соответственно их прямое отождествление с западнославянскими ляхами/лендзянами невозможно. В то же время «племя» лендзян совершенно неведомо древнерусским источникам, которым прекрасно известны все остальные упомянутые императором рядом с ним славинии: кривичи, уличи, древляне.

Два эти обстоятельства сделали лендзян Константина Багрянородного загадкой, которая по сей день не имеет в историографии надежного решения (обзор историографии см.: Константин Багрянородный 1991: 316—317, 390; Немецкие источники 1993: 31—34).

Поскольку имя *лендзяне* (*leđjane*; от общеславянского **leđ-*, ср: *leđa* — «необработанное поле», *лендзяне* — следовательно, «жители необработанной (целинной) земли»: Lehr-Spławiński 1959) передается древнерусскими летописцами как *ляхи*, большинство исследователей, с теми или иными вариациями, пришли к выводу, что искать лендзян Константина Багрянородного следует у западных границ Руси, где-то на Волыни, которая могла входить в ареал проживания ляхов-лендзян (см., напр.: Tymieniecki 1946; Łowmiański 1953; Wasilewski

1967: 181—194; Labuda 1988: 167—211; Fokt 2007: 109—122; Parczewski 2007: 161—176).

Проблема волынской гипотезы локализации лендзян состоит в ее умозрительном характере и отсутствии прямых оснований в источниках, которые лендзян или ляхов на Волыни не знают. Согласно русским летописям здесь проживали дулебы, бужане и волыняне: «Бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне (ПСРЛ I: 11; ПСРЛ II: 8); «дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне (ПСРЛ I: 12—13; ПСРЛ II: 9). Также из сопоставления летописных упоминаний Червенских градов (ПСРЛ I: 81, 150; ПСРЛ II: 69, 137) и Червенской земли (ПСРЛ II: 746) с народом *Zerivani* (сериваны) «Баварского географа»¹ можно реконструировать существование на Волыни этнополитического объединения червян (от слав. **Ārvjane*: Lehr-Splawiński 1961: 265. О волыньских червянах см.: Ляска 2014: 9—72).

Учитывая это обстоятельство и отметив, что «из трактата Константина Багрянородного видно, что лендзяне, во-первых, обитали в бассейне Днепра, во-вторых, соседствовали с печенежской степью, уличами и древлянами», А.А. Горский заключил, что лендзяне никак не могли быть населением Волыни как таковой, а могли жить лишь в ее восточной части, в верховьях Припяти и ее правых притоков Горыни и Стыри. По словам историка, «вероятнее всего, что лендзянами именовалась общность, обитавшая на востоке Волыни, в то время как жители Западной (побужской) Волыни назывались бужанами или волынянами» (Горский 2004: 23—24; 2017: 23).

Подобное направление поисков одно время казалось убедительным и нам. Обратив внимание на то, что, согласно летописным данным, Волынская земля, как и лежавшая к югу от нее Хорватия, были покорены Киевом лишь в конце X в., в результате походов Владимира (ПСРЛ. I: 81, 122; ПСРЛ. II: 69, 106), и данных о более раннем их подчинении днепровской столице нет, мы полагали, что Константин Багрянородный называет лендзянами не весь этнополитический союз волынян, а небольшое восточнославянское «малое племя», проживавшее на востоке Волынской земли, на пограничье подчиненных Киеву земель, и подвластное Руси уже в середине X в.

Сейчас, однако, мы не считаем такой взгляд убедительным и отказываемся от него, поскольку маловероятно, чтобы «малое племя» попало в один смысло-

¹ «Сериваны — это королевство столь [велико], что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, [свое] начало» (Немецкие источники 1993: 14).

вой ряд с большими восточнославянскими этнополитическими союзами (кривичами, древлянами, уличами).

В целом волынская локализация лендзян Константина Багрянородного не является, на наш взгляд, убедительной, поскольку:

1) в распоряжении науки нет никаких данных, свидетельствующих о том, что Волынь подчинялась киевским князьям до походов Владимира против хорватов и на Червенские грады. Видимо, только в ходе западных экспедиций Владимира она втягивается в орбиту киевской власти;

2) нет никаких данных, свидетельствующих о проживании на Волыни ляхов/лендзян, их помещение в данный регион является умозрительным;

3) Константин Багрянородный говорит о проживании лендзян на «водоемах» Днепровского бассейна, по которым они сплавляют в Днепр заготовленные для продажи русам ладьи, что слабо подходит для Волыни.

Новую попытку обоснования волынской локализации лендзян Константина Багрянородного предпринял Д.Е. Алимов. Согласно гипотезе ученого, волынские лендзяне входили в состав политического объединения с центром в Праге, созданного чешским князем Болеславом I (935—972). Поскольку Киев и Прагу (и далее германские земли) связывал важный торговый путь, именно по нему в Киев из Карпатской котловины проникла славянская идентичность, которая отсюда затем пришла в Новгород, где источники фиксируют «словен» как жителей данного города (в соответствии с конструктивистским подходом историк рассматривает распространение славянской идентичности не как результат миграций, а как следствие культурного трансфера), таким образом, лендзяне оказываются проводниками на Русь западнославянского социокультурного влияния (Алимов 2018: 117—136).

Но как быть с тем, что, согласно источникам, на территории Волыни проживали совсем другие славянские общности? По мнению Д.Е. Алимова, «встречающиеся в историографии утверждения, что на этой территории проживали некие другие племена (волыняне, червяне, хорваты, дулебы, бужане) лишены прочных оснований». В достоверности соответствующих сообщений историков историк сомневается или считает, что в рамках примордиалистского подхода они неверно или слишком буквально интерпретировались, в то время как их следует рассматривать в качестве конструктов, созданных древними авторами на основе их «социального знания».

В качестве примера рассмотрим то, как Д.Е. Алимов отводит известное сообщение ал-Мас'уди о народе *В.линана*¹, отождествляемого большинством историков с летописными воляннами². По словам историка, «эта гипотеза (о *В.линана* на Воляни. — *М.Ж.*), остроумно комбинируя сведения из разных источников, не учитывала, однако, в полной мере специфики «социального знания» средневекового арабского автора. Так, фигурирующий в трактате ал-Мас'уди царь Мадж.к, некогда правивший народом *В.линана*, прототипом которого, по мнению сторонников существования Дулебского княжества на Воляни, был некий славянский правитель, легко интерпретируется как литературный образ, восходящий к библейскому Мешеху» (Алимов 2018: 128. Примеч. 53).

На самом деле это отнюдь не «легко». Статья А.С. Кибиня (Кибинь 2017: 44—58), на которую ссылается Д.Е. Алимов и в которой предпринята попытка развить старое предположение Ф. Вестберга, согласно которому под «баснословным общим царем славян и немцев» Маджком следует понимать библейского Мешеха (Вестберг 1903: 60), скорее декларирует данный тезис, нежели обосновывает его. Предположение Ф. Вестберга и А.С. Кибиня, на наш взгляд, не выдерживает критики, поскольку:

1) в сообщении ал-Мас'уди о Маджке и *В.линана* нет никаких библейских отсылок, отсутствуют намеки на контекст, в котором в Библии упоминается Мешех;

2) несмотря на все старания, А.С. Кибинь не смог привести ни примеров наименования Мешеха в арабской литературе формой, близкой к *ماجك* (Маджк), ни примеров того, чтобы кто-то из восточных авторов считал Мешеха прародителем славян;

¹ «Из этих племен одно имело прежде в древности власть (над ними), его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались» (Гаркави 1870: 135—136); «славяне составляют многие племена и многочисленные роды; эта книга наша не входит в описание их племен и распределение их родов. Мы уже выше рассказали про царя, коему повиновались, в прежнее время, остальные цари их, то есть Маджак, царь Валинаны, которое племя есть одно из коренных племен славянских, оно почитается между их племенами и имело превосходство между ними. Впоследствии же пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена и каждое племя избрало себе царя, как мы уже говорили об их царях, по причинам, описание коих слишком длинно» (Гаркави 1870: 137—138).

² Имя *волянныне* образовано подобно таким славянским этнонимам, как *поляне* («жители окультуренных земель»), *древляне* («жители лесной местности») и т.д. — от местности проживания. *Волянныне* — «жители низины/долины/равнины» от слав. **volynъ/b* — «долина/равнина/низина» (Трубачев 1994: 13—14).

3) Более того, сам ал-Мас'уди прямо считает славян потомками отнюдь не Мешеха, а другого сына Иафета, Мадая: «Славяне суть из потомков Мадая, сына Яфета, сына Нуха; к нему относятся все племена Славян и к нему примыкают в своих родословиях» (Гаркави 1870: 135).

Убежденность А.С. Кибиня в том, что «поиск прототипа в литературных источниках представляется более оправданным, нежели реконструкции аутентичной славянской устной традиции» (Кибинь 2017: 55), велика, но фактических аргументов в ее пользу нет. И в целом сведения источников о славянских этнополитических объединениях на Волыни мы считаем заслуживающими большего доверия, нежели остроумные конструкции современных авторов, отказывающих им в достоверности.

Отсутствие в источниках данных о каком-либо подчинении Волыни Киеву до конца X в. Д.Е. Алимов пытается обойти следующим образом: «Стоит обратить внимание на тот факт, что в трактате Константина Багрянородного склавиния лендзян, хотя и названа подплатежной руси, не фигурирует в числе объектов совершаемого киевскими русами полюдья. Складывается впечатление, что лендзяне, хотя и были пактиотами русов, не знали «дистанционной эксплуатации» с их стороны, а потому характер их отношений с «Росией» не может быть описан исключительно в категориях господства — подчинения. Учитывая расположение Лендзянской склавинии прямо на «пути из немец в хазары», нам представляется, что статус лендзян как пактиотов Росии означал их *социально-политическое партнерство* с русами (курсив Д.Е. Алимова. — М.Ж.)», связанное с функционированием торгового пути (Алимов 2018: 130).

Едва ли такое объяснение можно считать удачным: в девятой главе «Об управлении империей» статус лендзян как пактиотов киевских русов ничем не отличается от статуса кривичей. При этом, по замечанию А.А. Горского, «специальное исследование термина *λάκτων* показало, что в византийских источниках X в., в том числе в сочинениях Константина Багрянородного, при описании событий VII—X вв. он обозначал только *tributum*, дань» (Горский 2017: 19). Точно так же и в тридцать седьмой главе Константин Багрянородный не указывает никакой разницы в статусе лендзян, древлян и уличей (последние тоже не фигурируют в рассказе о полюдье) как славиний, платящих дань русам. Таким образом, видеть в отношениях русов с лендзянами какие-либо принципиальные отличия от отношений русов с кривичами, древлянами и уличами источник не дает оснований.

Тезис Д.Е. Алимова о проникновении имени «словене» через посредство лендзян сначала в Киев, а уже оттуда в Новгород также, на наш взгляд, не имеет опоры в источниках. Отметив, что хронологически первым случаем употребления данного этнонима применительно к некоей общности на территории Восточной Европы является народ *С-л-виюн*, названный в письме хазарского царя Иосифа, адресованном влиятельному испанскому еврею Хасдаю ибн Шафруту (письмо датируется примерно серединой X в.), ученый полагает, что «упоминание этого народа вслед за вятичами и северянами побуждает искать его в районе Киева» (Алимов 2018: 118).

Этот ответственный вывод, к сожалению, приводится без аргументации. Между тем он не просто не вытекает из источника, но прямо ему противоречит. В пространной редакции письма царя Иосифа говорится: «У (этой) реки (Атил. — *М.Ж.*) расположены многочисленные народы... Вот их имена: Бур.т.с, Бул.г.р, С.вар, Арису, Ц.р.мис, В.н.н.тит, С.в.р, С.л.виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию, и им нет числа. Все они мне служат и платят дань», после чего «граница поворачивает по пути к Хуварезму (Хорезму. — *М.Ж.*)» (Коковцов 1932: 98)¹. То есть все перечисленные Иосифом народы живут на берегах Атила (т.е. Камы и Волги в раннесредневековом понимании), а не там, куда их произвольно пытаются поместить разные современные авторы.

Соответственно, рассматривать народ *В-н-н-тит* как вятичей, а *С-в-р* как летописных северян, что делается некоторыми учеными, невозможно. Народ *В.н.н.тит* может быть сопоставлен с названными в другом месте письма Иосифа *В.н.н.т.р* и интерпретирован как оногундуры, часть которых откочевала в Поволжье, а под *С-в-р* могут скрываться те же сувары. Весь перечень поволжских народов в таком случае будет интерпретирован так: *Бур.т.с* — буртасы, *Бул.г.р* — волжские булгары, *Ц.р.мис* — черемисы, *Арису* — эрзя, *В.н.н.тит* (*В.н.н.т.р*) — уногундуры (оногуры), *С.вар/С.в.р* — две группы сувар, разделение которых упомянуто Ибн Фадланом (Галкина 2006б: 132—145).

Соответственно и имя *С-л-виюн*, своеобразная форма которого наводит на мысль, что перед нами «эндоэтноним, непосредственно перенятый от одного из народов Поволжья» (Галкина 2006б: 134), также должно относиться к некоему народу, жившему на берегах Волги. Наиболее убедительной интерпретацией данного поволжского этнонима является констатация его связи с наименовани-

¹ В краткой редакции перечисления поволжских народов нет, сказано просто про «девять народов, которые не поддаются точному распознаванию и которым нет числа» (Коковцов 1932: 81).

ем в «Записке» (Рисала) Ахмеда Ибн Фадлана, участника отправленного халифом аль-Муктадиром в 922 г. посольства в Волжскую Болгарию, правителя этой страны *маликом ас-сакалиба* — «государем славян» (12 раз), а подвластных ему земель — «страной славян» (2 раза) (Ибн Фадлан 1939).

Такое словоупотребление Иосифа и Ибн Фадлана, а также некоторых других арабских авторов, помещавших *ас-сакалиба* (славян) в Поволжье, видимо, связано с наследием существовавшей на Средней Волге в IV—VII вв. именниковской археологической культуры, в состав носителей которой, по мнению ряда ученых, входили и славяне, с которыми и связано проникновение этнонима словене на берега Атила (Седов 2002: 245—255; Кляшторный 2005: 68—72; Галкина 2006б: 134—135; 2014: 24—31).

Таким образом, ключевые тезисы гипотезы Д.Е. Алимова о проживании лендзян на Волыни мы считаем неубедительными, а собранные историком аргументы в пользу возможного вхождения Волыни в состав державы Болеслава I («Пражской империи») сами по себе никак не свидетельствуют в пользу того, что здесь существовала славиния лендзян.

Подводя итоги сказанному выше, можно констатировать, что локализация лендзян Константина Багрянородного на Волыни не имеет под собой никаких надежных аргументов. Атрибуцию лендзян надо, на наш взгляд, искать в другом направлении, которое наметили Г.А. Ильинский (Ильинский 1925—1926) и В.Д. Королюк (Королюк 1964: 98—99), предположившие, что лендзянами Константин Багрянородный именует летописных радимичей.

Древнерусские летописцы настойчиво связывали радимичей с ляхами. В рассказе о расселении славян по Восточной Европе автор ПВЛ указал на ляхское происхождение радимичей: «Радимичи бо и Вятичи от Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясах: Радимъ, а другому Вятко, и пришедъша, седоста Радимъ на Съю [и] прозв[а] шася Радимичи, а Вятко седе съ родомъ своимъ по Оце, от негоже прозвашася Вятичи» (ПСРЛ I: 12; ПСРЛ II: 9). Аналогичное сообщение читается также и в рассказе о покорении радимичей князем Владимиром в 6492/984 году: «Иде Володимеръ на Радимичи. Бе у него воевода Вольчии Хвостъ. И посла и Володимеръ передъ собою Вольчья Хвоста. Сърете е на рече Пищане и победи Радимиче Вольчии Хвостъ. Темь и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци вольчья хвоста бегають». Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ. Прешедъше ту ся вселиша и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне» (ПСРЛ. I: 84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131, 530).

Существует гипотеза о книжном происхождении данных известий. Так, Б.А. Рыбаков, не обнаружив в материальной культуре радимичей никаких западнославянских черт, выдвинул оригинальную гипотезу возникновения общаемого летописью предания. Выражение «от ляхов» могло принадлежать летописцу эпохи Ярослава Мудрого, знавшему легенду о том, что радимичи и вятичи происходят от легендарных предков Радима и Вятко. Когда в 981 г. состоялся поход русских войск на «ляхов» (на «Червень и ины грады»), они проходили у Перемышля мимо города Радимин, где слышали о брате святого Войтеха, гнезненском епископе Радиме. Через три года они ходили на радимичей, что и вызвало у них соответствующие ассоциации. Так под пером летописца родилось представление о ляшском происхождении радимичей, а поскольку Радим и Вятко считались братьями, то и вятичам летописец приписал ляшское происхождение (Рыбаков 1932).

Ныне в том же русле, но без ссылки на предшественника рассуждает В.Ю. Аристов. По мнению историка, рассказ ПВЛ о происхождении радимичей и вятичей «от ляхов» и легендарных братьев-первопредков Радима и Вятко имеет сугубо литературный характер и был придуман летописцем, который знал о западнославянских церковных деятелях, братьях Радиме (Гауденции, первом епископе Гнезно) и Войтехе (Адальберте). Поскольку в начале XII в. радимичи и вятичи еще сохраняли свою независимость от Руси, автор ПВЛ, чтобы подчеркнуть их чуждость, приписал двум этим «племенам» «ляшское» происхождение, обратив внимание на сходства этнонима *радимичи* с именем епископа Радима, а заодно сблизил имя его брата Войтеха с вятичами. По мнению В.Ю. Аристова, искусственный характер имеет как известие о происхождении радимичей и вятичей «от ляхов», так и известия об их первопредках (Aristov 2018: 18—25).

Никаких аргументов, кроме сходства имен, подобные гипотезы не имеют. Радим — распространенное средневековое западнославянское имя (примеры см.: Морошкин 1867: 162). Козьма Пражский упоминает чешского военачальника Радима, погибшего в 1082 г. в битве с Австрией (Козьма Пражский 1962: 148). Соответственно, сближение легендарного летописного Радима именно с епископом Гнезно Радимом (Гауденцием) ни на чем не основано.

Происхождение этнонимов *радимичи* и *вятичи* (и им подобных патронимических славянских «племенных» названий) от личных имен их легендарных первопредков признается авторитетными современными лингвистами (Трубачев 2000: 6). А.В. Назаренко считает, что «эпонимическое предание,

также зафиксированное «Повестью временных лет», о Радиме и Вятке как о родоначальниках радимичей и вятичей... производит реальные племенные названия от этимологически и морфологически вполне прозрачных славянских антропонимов **Radimъ* и **Vetъko* по реальной морфологической модели патронимов на слав. **-itj-*. Это не значит, что Радим и Вятко предания существовали в действительности, но это значит, что если бы названные имена не были засвидетельствованы другими источниками, то летописный текст мог бы служить вполне аутентичным доказательством их реального существования. Иными словами, в родословных легендах радимичей и вятичей в качестве эпонимов использованы подлинные имена. Не эпоним отвлечен от племенного названия, а племенное название является производным от реального антропонима. Исторически сомнительный источник оказывается вполне надежным ономастически» (Назаренко 2009: 388). Таким образом, едва ли правомерно отрицать фольклорный характер образов легендарных предков славянских «племен», названия которых образованы в соответствии с патронимической моделью.

Даже если считать рассказы о Радиме и Вятке из этногеографического введения к ПВЛ не произведением фольклора, а книжным вымыслом летописца, то останется рассказ летописной статьи 6492 г., где говорится о происхождении радимичей «от рода ляхов» без упоминания их предка-эпонима и без присоединения к ним вятичей. Причем, поскольку данное известие читается не только в ПВЛ, но и в Новгородской I летописи, оно, видимо, присутствовало и в предшествующем ПВЛ так называемом Начальном своде конца XI в. Следовательно, традиция сближения радимичей с ляхами существовала еще до создания ПВЛ, и, возможно, пассаж из этногеографического введения о Радиме и Вятке представляет собой ее дальнейшее развитие. Но само существование традиции сближения радимичей с ляхами в летописании неоспоримо.

Тем не менее гипотеза о тождестве лендзян Константина Багрянородного и летописных радимичей достаточной поддержки в историографии не получила. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин подвергли ее критике: «Предполагать, что название «лендзанины» замещало именно этноним радимичей среди славян — пактиотов росов, трудно, так как, во-первых, и в перечне пактиотов у Константина упомянуты «прочие Славинии», а во-вторых, неясно, были ли радимичи под властью Киева в X в.: поход, приведший к покорению радимичей Киевом, состоялся в 984 г., а полюдье, по Б.А. Рыбакову, шло в обход их территории»

(Константин Багрянородный 1991: 317. Комментарий 20, авторы — Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин).

Аргументация данных авторов, на наш взгляд, совершенно несостоятельна. Во-первых, из летописного рассказа об обложении Владимиром данью радимичей в 984 г. никак нельзя делать выводов о том, что они никогда не платили дань Киеву раньше. Многие восточнославянские этнополитические союзы, согласно летописным сообщениям, побеждались киевскими князьями, облагались данью, а затем при удобном случае отказывались ее платить, и Киеву приходилось принуждать их к уплате дани снова. Летописи пестрят указаниями на неоднократные войны Киева со славиниями (ПВЛ 2007: 11, 14, 21, 26—29, 31, 35, 38—39). Относительно конкретно радимичей в ПВЛ говорится о том, что впервые их данью в пользу Киева обложил еще Олег Вещий (ПСРЛ. I: 24; ПСРЛ. II: 17). Данное сообщение, хотя и не поддается надежной верификации, полностью укладывается в общую летописную схему отношений Киева со славиниями Восточной Европы: победа Киева и обложение славинии данью → восстание славинии и прекращение выплаты дани → новая победа Киева и возобновление даннических отношений. Радимичи, чьи земли располагались относительно недалеко от Киева, выходили к Днепру и соседствовали «русской землей в узком смысле», бывшей ядром Древнерусского государства (Насонов 1951: 28—68; Рыбаков 1982: 55—90; Кучкин 1995; Седов 1999: 50—82; Свердлов 2003: 93—99), с неизбежностью рано должны были оказаться в сфере интересов и военной активности киевских князей и, соответственно, в какие-то периоды вполне могли быть принуждены платить Киеву дань и до похода Владимира, память о чем сохранилась в летописи¹.

Во-вторых, в рассказе Константина Багрянородного о полюдь, в котором упомянуты «прочие Славинии» — радимичи как раз не названы, соответственно, вполне могут скрываться под этим определением. Обращает на себя внимание и то, что в рассказе о полюдь не указаны не только лендзяне, но и уличи, а в тридцать седьмой главе «Об управлении империей» и те и другие обозначены как данники киевских русов.

В-третьих, реконструкция маршрута полюдь, предложенная Б.А. Рыбаковым (Рыбаков 1982: 316—329), является гипотетической и, соответственно,

¹ Существует гипотеза, согласно которой основа текста тридцать седьмой главы «Об управлении империей» должна быть датирована не серединой, а началом X в. (Howard-Johnston 2000). Если это так, то ее данные хронологически совпадают с известием ПВЛ об обложении Олегом данью радимичей.

не может служить аргументом. Ученый не включил в него радимичей потому, что они Константином Багрянородным напрямую не названы. При этом интересно, что «прочие Славинии» не нашли отражения в его карте полюдья. Само понимание полюдья как последовательного кругового объезда киевскими князьями названных Константином Багрянородным славиний, предложенное Б.А. Рыбаковым (Рыбаков 1982: 317. Рисунок с маршрутом полюдья), далеко не бесспорно. Иное понимание организации полюдья предложил М.Б. Свердлов. Обратив внимание на то, что в рассказе о полюдье Константин не только перечисляет несколько славиний, но говорит и о «прочих славянах», а в другом месте называет данниками Руси также лендзян и уличей, ученый заключил: «Полюдье является не последовательным объездом только древлян, дреговичей, кривичей и северян, а разъездом «архонтов» из Киева по «Славиниям», названным «и прочих славян». Там они совершали круговой объезд»; «великий князь, члены великокняжеской семьи, знатные княжие мужи с дружинами («со всеми росами») ежегодно выходили из Киева с ноября по апрель кормиться» (Свердлов 1983: 61; 2003: 167—168, 169). В поддержку гипотезы М.Б. Свердлова можно привести летописное сообщение, согласно которому Игорь передал дань с уличей и древлян своему воеводе Свенельду, в результате чего собственные дружинники стали жаловаться Игорю: «Отроки Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази» (ПСРЛ. I: 54; ПСРЛ. II: 42; ПСРЛ. III: 110). Получается, что Игорь и его дружина не принимали участия в сборе дани Свенельдом с двух названных «племен»; Свенельд собирал дань в одних славиниях, Игорь — в других.

Приведем аргументы в пользу тождества летописных радимичей «от рода ляхов» и лендзян Константина Багрянородного.

Лендзяне согласно приведенному выше сообщению девятой главы «Об управлении империей» проживали где-то в бассейне Днепра (на берегах водоемов, которые «впадают в реку Днепр»). В другом месте той же девятой главы Константин Багрянородный перечисляет все славинии Днепровского бассейна: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы (Киева. — *М.Ж.*) и отправляются в полюдья, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов (древлян. — *М.Ж.*), другувитов (дреговичей. — *М.Ж.*), кривичей, севериев (северян. — *М.Ж.*) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками. — *М.Ж.*) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они

снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои монокилы (купленные у лендзян и других славян. — *М.Ж.*), они оснащают [их] и отправляются в Романию (Византию. — *М.Ж.*)» (Константин Багрянородный 1991: 50—51).

В этом пассаже перечислены по именам все известные нам славинии Днепроовского бассейна, кроме радимичей и полян. Его сопоставление с фрагментом о лендзянах, живущих на берегах впадающих в Днепр «водоемов», неминуемо приводит нас к тому, что именем *лендзяне* у Константина Багрянородного обозначено одно из этих двух «племен».

Вариант с полянами¹ можно отвергнуть по следующим причинам:

1. Не вдаваясь ни в какие дискуссии о происхождении руси, совершенно очевидно, что «росы» Константина Багрянородного — это киевская община как таковая, выступающая коллективным экзоэксплуататором покоренных восточноевропейских славиний, объединившая как пришедших с севера варягов, так и полян («Поляне яже ныне зовомая русь», — констатирует летописец: ПСРЛ. I: 25—26; ПСРЛ. II: 18), поставлявших киевским князьям основной воинский контингент.

И.Я. Фроянов справедливо констатировал: «В своей политике подчинения восточнославянских племен Рюриковичи опирались в первую очередь на воев... Для покорения и обложения данью древлян, северян, радимичей и прочих князья нуждались в более мощных военных соединениях, нежели дружина» (Фроянов 1980: 190).

¹ Недавно его попытался обосновать А.С. Щавелев (Щавелев 2014). Автор сам понимает, что «идентификация *Λενζανηνοι/Λενζενίνοι* с днепровскими полянами как будто не оставляет в таком случае места в Поднепровье для самой «России», но пытается отвести возникающие затруднения ссылкой на работу А.В. Назаренко, который предположил, что «только сам Киев и, возможно, его ближайшие окрестности составляли «внутреннюю Русь», где «находилась резиденция архонтов Руси in согроге» (Щавелев 2014: 426. Ср.: Назаренко 2009а: 422). Но ведь именно Киев и его окрестности — это и есть ареал полян. Летописи четко указывают, что Киев — город полян, а править Киевом равнозначно тому, чтобы править полянами (ПСРЛ. I: 9, 20—21; ПСРЛ. II: 7, 15; ПСРЛ. III: 105, 106). Соответственно, территориальное разграничение летописных полян, с одной стороны, и «росов» Константина Багрянородного — с другой, невозможно. Они находятся на одной и той же территории. А.С. Щавелев обращает внимание на то, что «Славяне сплавляют монокилы в Днепр... не по рекам (ὁ λотаζός), а по каким-то «водоемам»: в тексте использовано греческое слово ἡ λίμνη, которое обозначает «стоячую воду», «озеро», «болото», иногда «искусственное озеро», «канал», «бухту». Получается, что монокилы переправляются в Днепр не по относительно большим рекам-притокам, а по самым мелким протокам его гидрографической сети, по-видимому, старицам, рукавам, затопленным оврагам и др., которые как раз становятся судоходны в половодье. Это приводит нас к мысли, что и кривичи (это достоверно известно), и лендзяне живут непосредственно на Днепре». Данное наблюдение никак не противоречит отождествлению лендзян с радимичами, поскольку радимичские земли широкой полосой выходили к Днепру (см. карту радимичских памятников: Богомольников 2004: 202).

Никакая княжеская дружина не смогла бы завоевать и держать в подчинении славинии. Только массовое народное войско Киевщины было способно решить задачу покорения Восточной Европы. Завоевания киевских князей — это результат действий не только князей и их дружин, а и рядовых полян, объединенных в ополчение. Соответственно, и дани с покоренных славиний шли не только князю и его дружине, но всей киевской полянской общине (ср. сообщения летописей о дани, выплачиваемой Византией не только князю с дружинниками, но и целым русским городам (ПСРЛ. I: 31, 49; ПСРЛ. II: 22, 37); о распределении древлянской дани между Киевом и Вышгородом (ПСРЛ. I: 60; ПСРЛ. II: 48) и т.д.).

2. Радимичи в летописях дважды прямо связываются с ляхами, в то время как *днепровские поляне в летописях с ляхами не сближаются ни разу*. Наличие «племени» полян также и в Польше само по себе мало о чем говорит, поскольку повторяемость названий — характерная черта славянской этнонимии.

3. Имя *ляхи/лендзяне*, вероятно, несет в себе некоторый негативный оттенок, напоминая тем, кого так называют, что они новоселы на своей земле, поэтому выступает оно преимущественно в качестве экзоэтнонима. По словам О.Н. Трубочева, «наличие земледельческой идеологии у праславян доказывается также употреблением у них ранних племенных названий земледельческого происхождения, ср. пару этнонимов **pol'ane* — **leđjane*, первый из которых был самоназванием части западных славян (восточнославянское употребление здесь опускаем), а второй — прозвищем, которое древним полякам дали соседи. Оба названия производны от понятий, связанных с землей: **pol'ane* — «жители полей», а **leđjane* — «жители целинных земель» (от **leđo*, **leđa* — «целина, необработанная земля»). Из них особенно интересно последнее: кличка, данная соседями, напоминает полянам-полякам, что они новоселы на своей земле. Как пишет исследователь проблемы, «назва *лях-* (або інша похідна форма від **leđen-*) ніколи не була засвідчена в джерелах як самоозначення для пізніших поляків» (Трубочев 2002: 234, 286).

Источник информации Константина Багрянородного — явно киевский, а с чего бы киевлянам, пусть даже и варягам, называть других киевлян, своих ближайших союзников, термином, несущим в себе негативные коннотации? Гораздо логичнее полагать, что так они называли другое славянское этнополитическое объединение, враждебное Киеву и происходившее, согласно киевской традиции «от ляхов», т.е. радимичей. Возможно, киевские летописцы, настоя-

чиво подчеркивая происхождение радимичей «от ляхов», противопоставляли тем самым их как «новоселов» киевским полянам как жителям поля, освоенной, окультуренной земли, старожилам, подчеркивая тем самым приоритет полян над их северо-восточными соседями. Ср. замечание С.М. Середонина: «В этих же известиях летописи (о покорении радимичей Владимиром. — М.Ж.) видно несколько враждебное отношение к чуждой ветви славянства: Русь коритя племена, которое «и до сего дня», т.е. до XI в. платит дань и повоз везет Руси; о других племенах летопись столь жестко не говорит» (Середонин 1916: 133).

4. Значение этнонима ляхи/лендзяне («новоселы») хорошо коррелирует с указанием ПВЛ на недавний приход радимичей в места своего обитания, память о котором еще была жива.

Указание главы тридцать седьмой трактата «Об управлении империей» на соседство лендзян с печенежской фемой Иавдиертим не противоречит их отождествлению с радимичами. Наблюдения над семантикой употребленного в данном случае Константином глагола *πλησιάζειν* показывают, что он в «Об управлении империей» применительно к Византии использовался для обозначения территорий, «которые не входили в состав империи, но прилегали к ее границам и над которыми империя считала себя вправе осуществлять известный контроль... это позволяет предположить, что речь идет о районах, расположенных у географических ориентиров, например Дуная, Днепра, или входивших в так называемое «византийское содружество» (Дюно, Ариньон 1982: 70).

Соответственно, и слова Константина Багрянородного из тридцать седьмой главы необязательно понимать как указание на прямое соседство названных им славиний с печенегами, их можно трактовать и как констатацию возможностей кочевников-печенегов совершать набеги на уличей, древлян (которые, кстати, тоже не имели непосредственной границы с печенежской степью, будучи отделены от нее полянами и уличами) и лендзян. Едва ли для печенежской конницы составляло проблему прорываться сквозь территории полян и древлян и доходить в своих набегах до земель радимичей, которые широкой полосой выходили к Днепру и захватывали его правобережье (см. карту радимичских памятников, Богомольников 2004: 202).

Сопоставление фактов (перечисление Константином Багрянородным по именам всех славянских «племен» Днепровского бассейна и отсутствие среди них радимичей, при упоминании живущих на берегах впадающих в Днепр «водоемов» лендзян; существование в Киеве прочной традиции, связывающей

радимичей с ляхами, при которой в обиходной речи киевлян они вполне могли называться с оттенком пренебрежения просто ляхами — «новоселами») убеждает нас в том, что под лендзянами (Λενζάνηνοι/Λενζενίνοι) Константина Багрянородного можно понимать только летописных радимичей.

Степень зависимости лендзян-радимичей от Киева во времена Игоря (автор «Об управлении империей» еще не знает о его гибели)¹, очевидно, не слишком высока. Они поставляют русам ладьи, причем делают это за плату. Вероятно, выплачивают какую-то дань (возможно, именно они скрываются под «прочими славянами» в рассказе о полюдье), но сохраняют, как и прочие славинии, свою автономию и собственную социально-политическую структуру. Перелом во взаимоотношениях Киева и радимичей произойдет лишь в конце X — начале XI в., во времена Владимира и Ярослава Мудрого. Именно тогда социально-политические структуры радимичского этнополитического союза будут ликвидированы и радимичи окажутся в прямом подчинении киевских, а затем и черниговских князей.

Подводя итоги сказанного, наиболее убедительным решением проблемы атрибуции лендзян Константина Багрянородного мы считаем следующее: автор «Об управлении империей» именует радимичей, происходивших, по ПВЛ, «от рода ляхов» *лендзянами*, что, скорее всего, отражает киевский взгляд на них. Взгляд этот был враждебным, отсюда и насмешливый тон в пассаже о поражении радимичей в Пищанской битве, и наименование радимичей киевскими информаторами Константина лендзянами-«новоселами».

* * *

Подведём некоторые итоги.

1. Историографические стереотипы о радимичах как о «слабом» или «отсталом» «племени» не имеют под собой каких-либо серьёзных оснований. Радимичи были одним из тех восточнославянских этнополитических союзов, которые дольше всего сопротивлялись экспансии Киева и были окончательно покорены

¹ Возможна и иная хронологическая интерпретация данных о лендзянах, сообщаемых в трактате «Об управлении империей». Если верна гипотеза, согласно которой основа текста тридцать седьмой главы должна быть датирована не серединой, а началом X века (Howard-Johnston 2000), то о даннической зависимости лендзян-радимичей от киевских русов следует говорить применительно к этому времени, что совпадает с рассказом ПВЛ о наложении на них дани Олегом, а отсутствие их в рассказе о полюдье можно интерпретировать таким образом, что в середине X в. они освободились от киевской зависимости, которая была восстановлена только Владимиром в 984 г.

только Владимиром, но даже после этого внутренняя автономия и социально-политическая структура радимичского общества ещё какое-то время сохранялись, а отношения с Киевом ограничивались выплатой дани. Данные факты говорят о том, что радимичи обладали и значительной военной силой, и развитой по меркам Восточной Европы IX—XI вв. политической организацией, и самосознанием. Последнее фиксируется и по некоторым археологическим признакам (специфические височные кольца, особенности погребального обряда и т.д.), которые выделяют землю радимичей.

2. Радимичи представляли собой этнополитический союз, состоявший из ряда «малых племён», фиксируемых археологически. Социально-политическая организация радимичей едва ли имела какие-то отличия от соседних вятичей и древлян, представляя собой тернарную структуру из князей (ср. радимичскую легенду о первопрядке, фактически — первом князе), знати и народного собрания, которое в случае войны превращалось в народное ополчение. Существовало у радимичей и языческое жречество, а также святилища. В земле радимичей начался процесс урбанизации и роста «племенных» градов. Один из них, Гомель, к настоящему времени уже неплохо изучен.

3. Константин Багрянородный именует радимичей, происходивших, по ПВЛ, «от ляхов», вариантом данного этнонима — лендзянами, что, скорее всего, отражает киевский взгляд на них. Взгляд этот был враждебным, отсюда и насмешливый тон в пассаже о поражении радимичей в Пищанской битве, и наименование радимичей киевскими информаторами Константина лендзянами «новосёлами».

4. Верифицировать сведения ПВЛ о том, что радимичи платили дань Хазарскому каганату, а потом были обложены ею Олегом Вещим, невозможно. Можно говорить лишь о том, что к середине X в. радимичи находились в «лёгкой» зависимости от Киева, ограниченной выплатой дани и поставкой (за деньги) ладей киевским русам, сохраняя при этом автономию и собственную социально-политическую и административную структуру.

5. Происхождение радимичей остаётся вопросом. Надёжно можно говорить о проживании их предков накануне прихода на Сож в конце VIII в. в Верхнем Поднестровье, где выявлен уникальный гидронимический ландшафт, совпадающий с посожским. Осторожно можно предположить, что в VII в. радимичи переместились на Верхний Днестр с территории современной Польши в рамках общего движения славян из Подунавья и Средней Европы на север и северо-восток.

Глава V

СЛАВЯНСКАЯ ЗНАТЬ ДОГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭПОХИ ПО ДАННЫМ НАЧАЛЬНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Вопрос о социально-политическом устройстве восточнославянского общества догосударственной поры является одним из ключевых для понимания древнерусского политогенеза, соответственно, нельзя сказать, чтобы он был обойден вниманием в исторической науке. Но источниковая база, на которую приходится опираться историкам в его решении, весьма скудна. Собственно восточнославянское общество предгосударственной поры в аутентичных источниках описано очень плохо, поэтому опираться ученым приходится в основном на данные, сообщаемые Повестью временных лет, Новгородской I и другими русскими летописями, а также на сравнительно-исторические материалы по другим регионам славянского мира и иным обществам, находившимся на аналогичной стадии развития.

На наш взгляд, есть серьезные основания для положительного решения вопроса о том, являются ли древнерусские летописи надежным источником при характеристике восточнославянского общества предгосударственной эпохи. Во-первых, археология подтвердила в общих чертах этнографическую карту восточнославянского мира, нарисованную в ПВЛ (Седов 1982; 1999). Во-вторых, первые летописцы еще застали славянские этнополитические союзы на завершающей стадии их существования¹. К тому же летописные данные

¹ Мы считаем убедительной датировку начала древнерусского летописания концом X в. (Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, А.Г. Кузьмин и т.д.). При этом отдельные славянские этнополитические союзы как реальность существовали и позднее — вплоть до XI, а то и до XII вв. (вятичи).

можно проверять данными других источников и сравнительно-историческими материалами, относящимися в первую очередь к другим регионам славянской ойкумены.

Древнерусским летописям известны крупные славянские этнополитические объединения догосударственного периода: поляне, древляне, кривичи, вятичи и т.д., каждое из которых в свою очередь состояло из ряда более мелких этнополитических единиц, которые в силу своей локальности не попали на страницы летописей. Думается, что наиболее корректно называть летописные группировки восточных славян этнополитическими объединениями или союзами (для краткости — этнополитиями), так как они обладали политическим, культурным и в известной мере этническим единством и состояли из более мелких структурных единиц, которые условно можно называть «племенами» (Рыбаков 1982: 264).

О том, какой характер носила общественно-политическая организация восточнославянских этнополитий, в исторической науке было немало споров. По верному замечанию А.Ю. Дворниченко, «что касается летописных «племен», то более или менее бесспорным является их «этнографический характер». Определение остальных существенных их черт находится на уровне известной английской поговорки: «Сколько голов — столько и умов» (Дворниченко 2006: 188).

Недавно А.А. Горским была выдвинута гипотеза, согласно которой общественная структура славянского общества начиная с VI—VII вв. носила не «племенной», а территориальный характер, так как «племенные» структуры славян были разрушены в ходе их великого расселения, в результате чего сложились новые общности на территориальной основе. Однако в свете построений А.А. Горского затруднительно объяснить один немаловажный факт: названия разных славянских этнополитий, расположенных в разных частях славянского мира, нередко повторяются, что дает право говорить, что они в большинстве своем являются осколками древних праславянских этноплеменных союзов, существовавших в эпоху, предшествующую расселению славян, которое разнесло их по Европе (Трубачев 1974).

При этом славяне сохранили старые названия, соответствующие им самосознание и субъектность, не растворились в «новых общностях», как это должно было произойти в рамках конструкции А.А. Горского.

Когда на рубеже X—XI вв. в Восточной Европе произошла смена этнополитонимии, она носила поистине тотальный характер: на смену *полям* при-

шли *кияне*, на смену *кривичам* — *смоляне*, *полочане*, *псковичи*, на смену *словенам* — *новгородцы* и т.д. Единственным исключением были вятичи. При этом понятно, что сама эта тотальная смена этнополитонимов отражала какие-то глубокие сдвиги в древнерусском обществе. И есть основания полагать, что она как раз и связана с переходом от «племенных» к территориальным общественным структурам.

Одним из важнейших аргументов историка является то, что проведенный им анализ источников о славянском обществе догосударственной эпохи показал, что у славян отсутствовала какая-либо недружинная («племенная») знать, а верхушка общества была представлена только князем и дружиной, служилой знатью (Горский 2000; 2004: 9—19; 2011: 129—180). При этом ученый не анализировал самостоятельно данных о славянской «племенной» знати, *старцах/старейших градских/людских*¹, сообщаемые русскими летописями, а сослался, как на доказанный факт, на гипотезу С.В. Завадской о книжном характере данных наименований, за которыми по этой причине, согласно А.А. Горскому, не стоят какие-либо реальные категории славянского и древнерусского общества (Завадская 1978; 1989). Но так ли прочен этот вывод?

Важность темы заставляет нас обратиться к его критической проверке и заново рассмотреть все данные о славянской знати догосударственной поры, которые содержатся в летописях. Рассмотренные А.А. Горским источники о знати южных и западных славян требуют отдельного изучения, да и к тому же они зачастую не дают однозначных оснований судить о том, какой была описываемая в них славянская знать: окружавшей князя дружиной-служилой или самостоятельной «племенной», так как являются «внешними», созданными внешними наблюдателями, описывающими славянское общество сквозь призму тех социумов, к которым они сами принадлежали. Поэтому летописные — «внутренние» — данные выходят на первый план.

Собственно, аргументация С.В. Завадской сводится к тому, что термины *старейшины* или *старцы градские*, во-первых, не являются синонимами, а во-вторых, восходят к переводной либо церковной литературе, откуда и попали в летописи, где они употреблялись «ассоциативно», в соответствии с «понятийным восприятием древнерусского человека», чтобы таким образом «соот-

¹ Большинство историков понимало их именно как некую славянскую «догосударственную» знать. Историографический обзор см.: Фроянов 1999: 89—95.

нести события отечественной (или излагаемой им) истории с назидательными примерами из библейской истории» (Завадская 1989: 41—42). Примерно то же самое утверждал и А.С. Львов, по мнению которого соответствующие термины употреблялись обычно «в подражание книжным оборотам речи» (Львов 1975: 186).

Ранее к близкому выводу пришли В.Н. Строев и М.Н. Тихомиров. По мнению последнего, сообщения о *старцах градских*, которые ограничены исключительно временем Владимира Святославича, попали в ПВЛ из рассказа о крещении Владимира в Корсуни, существовавшем первоначально отдельно от летописи (Тихомиров 1956: 160). Однако, во-первых, нет оснований ограничивать рассмотрение только временами Владимира и отделять *старцев градских* от *старейшин города*, с которыми расправилась Ольга, взяв Искоростень, во-вторых, текстологическое происхождение соответствующих терминов не решает само по себе вопроса о том, отражают ли они некие реалии или нет, тем более что указанный М.Н. Тихомировым источник является вполне аутентичным.

Мнение Н.М. Тихомирова было подвергнуто критике Г. Ловмянским, который указал, что «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» было не источником ПВЛ, а извлечением из нее, согласившись при этом с литературным происхождением самого термина *старцы градские*, но справедливо указав, что из этого «не вытекает, что он не отражал действительные атрибуты этой социальной категории». Сам Г. Ловмянский считал *старцев градских* «племенными правителями не только города, но и его области» (Ловмянский 1978: 99. Примеч. 23).

Аналогичным был и ход рассуждений А.Н. Насонова, который, приведя мнение В.Н. Строева о том, что *старцы градские* — это калька греческого обозначения советников Соломона, с которым летописец сравнивает Владимира (Строев 1919), отметил, что «быть может, прибавление «градские» навеяно литературными воспоминаниями. Но без сомнения, «старцы» киевских городов — вполне реальный и характерный институт общественного быта, вскоре исчезнувший в Поднепровье как пережиток древности», сославшись в подтверждение своего тезиса на *знать и старцев (primates natuque maiores)*, выступавших в качестве правящего слоя в поморских городах (Насонов 1969: 25).

Итак, по справедливому мнению Г. Ловмянского и А.Н. Насонова, книжное происхождение термина никоим образом само по себе не может свидетельство-

вать о том, что не существовало самого обозначаемого им явления¹. А.А. Горский, к сожалению, полностью игнорирует это обстоятельство. Но дело не только и не столько в этом. Из того факта, что рассматриваемые термины помимо летописи используются в церковных и переводных памятниках, никоим образом не следует автоматический вывод об их искусственном, книжном происхождении (ср.: Фроянов 1999: 94; Несин 2010: 67—68).

На наш взгляд, все было ровно наоборот: реальный древнерусский термин использовался переводчиками для наименования определенной социальной категории, которая представлялась им аналогичной какой-либо категории древнерусского общества. Такое явление вполне соответствовало ментальности древнего и средневекового человека. Ю.В. Андреев заметил, что древние греки представляли свой полис единственно возможной формой человеческого общежития, поэтому Гомер «поселяет» в полисах все известные ему народы вплоть до киммерийцев (Андреев 2003: 69—70 и сл.).

По всей видимости, аналогично мыслили и в Древней Руси, представляя свои порядки единственно возможными. Так, летописцы приписывали коллективный вечевой характер принятия решений, существовавший на Руси, обществам, заведомо не имевшим народных собраний («почаша греци мира просити», «реша козари» и т.д.). Поэтому нет ничего удивительного в том, что древнерусский социально-политический институт *старцев/старейшин градских* представлялся летописцам универсальным и соответствующий термин использовался для обозначения определенных политических структур других народов. Такой вывод позволяет использовать переводные памятники, в которых используются интересующие нас термины как источник для уточнения летописных сведений о функциях *старцев/старейшин градских*.

Рассмотрим все данные о славянской знати догосударственной эпохи, содержащиеся в летописях.

В Новгородской IV и Софийской I летописях читается следующее известие: «Словене же, пришедше съ Доуная, седоша около озера Ильмеря, и прозвашася своимь именемь. Зделаша градъ и нарекоша и Новгородъ и посадиша и старешиноу Гостомысла» (ПСРЛ. IV. Часть I: 3; ПСРЛ. VI. Вып. 1: 3).

¹ Взгляды Г. Ловмянского и А.Н. Насонова нашли ныне поддержку П.В. Лукина, хотя работа первого осталась ему неизвестна и в качестве своего историографического предшественника он называет только А.Н. Насонова: Лукин 2010.

Несмотря на то что в ПВЛ и НПЛ этих слов нет, их наличие в двух таких важных для истории древнерусского летописания памятниках, как НІВЛ и СІЛ, побуждает рассматривать этот пассаж как вероятное отражение древней традиции, не отразившейся по каким-то причинам в указанных летописях, тем более что список новгородских посадников, сохранившийся в составе НПЛ, первым из них называет Гостомысла (ПСРЛ. III: 164; 471)¹. Именно так рассуждал А.А. Шахматов, по мнению которого известие о Гостомысле читалось уже в древнейшем Новгородском своде середины XI в. (Шахматов 2001: 457)².

В пользу того, что данный летописный текст отражает древнюю традицию, свидетельствует само имя Гостомысла, известное у западных славян, но неизвестное у славян восточных. Соответственно, едва ли оно могло быть искусственно вставлено поздними летописцами, так как в их времена его на Руси просто не существовало. По данным современной науки, жители Новгородчины — это в значительной своей части выходцы из западнославянских земель (Седов 2002: 348—402; Янин 2007: 206—207), у которых в древности могли быть в ходу подобные имена. И записано одно из таких имен могло быть только летописцами древнейшей поры, до того, как они вышли из обихода.

В середине IX в. франкским источникам известен ободритский правитель *Gostomizli* (*Gestimulus*, *Gostomizli*). Ряд исследователей сближает его с Гостомыслом древнерусских летописей. По мнению С.Н. Азбелева, в условиях усиления франкского натиска Гостомысл мог возглавить одну из волн переселения балтийских славян на северо-восток, в будущие новгородские земли (Азбелев 2010)³. Как бы то ни было, но само имя Гостомысла вполне надежно свидетельствует о древнем происхождении известий НІВЛ и СІЛ. На то же указывает именование его в летописном пассаже *старейшиной*, ведь, как мы увидим, именно так стабильно именовали ранние летописцы восточнославянскую знать догосударственной эпохи. Видимо, летописец не назвал Гостомысла князем потому, что в соответствии с его картиной мира первым новгородским князем был Рюрик. До него у словен могли быть только знатные люди — старейшины.

¹ В поздних источниках личность Гостомысла начала обрастать легендарными сведениями.

² См. также дополнительную аргументацию Б.А. Рыбакова в пользу существования Новгородской летописи середины XI в., связанной, по всей видимости, с личностью новгородского посадника Остромира: Рыбаков 1956; 1963: 193—206.

³ В этой связи интересно, что, по подсчётам А.М. Микляева, в Приильменье насчитывается несколько десятков топонимов с *-гост-*, *-гощ-*, которые могут относиться к эпохе расселения здесь славян: Микляев 1984. См. также: Васильев 2012: 156—200.

Собирают дань.

Художник Н.К. Рерих

Любопытно и то, что в НІVЛ Рюрик именуется как князем, так и старейшиной (ПСРЛ. IV. Часть I: 11—12), видимо, этим летописец хотел подчеркнуть, что князь Рюрик занял в словенском обществе то место, которое ранее принадлежало местным *старейшинам*, которых он оттеснил на второй план.

Второе известие является несколько более спорным с источниковедческой точки зрения. В Архангелогородском летописном своде сохранился подробный рассказ о подчинении Вещим Олегом Смоленска. Формально этот памятник является поздним, но при этом многие исследователи русского летописания, в частности А.А. Шахматов и М.Н. Тихомиров, отмечали его важное значение для реконструкции древнейших этапов русского летописания, так как он зачастую лучше сохранил чтения свода конца XI века, чем НПЛ. Но пока вопрос о месте Архангелогородского свода в истории русского летописания детально не изучен, делать уверенных выводов о том, что в нем восходит к ранней летописной традиции, более нигде не сохранившейся, а что является плодом позднейшего переосмысления и редактирования, нельзя. Тем не менее есть определенные основания полагать, что основа интересующего нас известия, хотя в нем

наличествуют и явные позднейшие вставки, отражает раннюю летописную традицию.

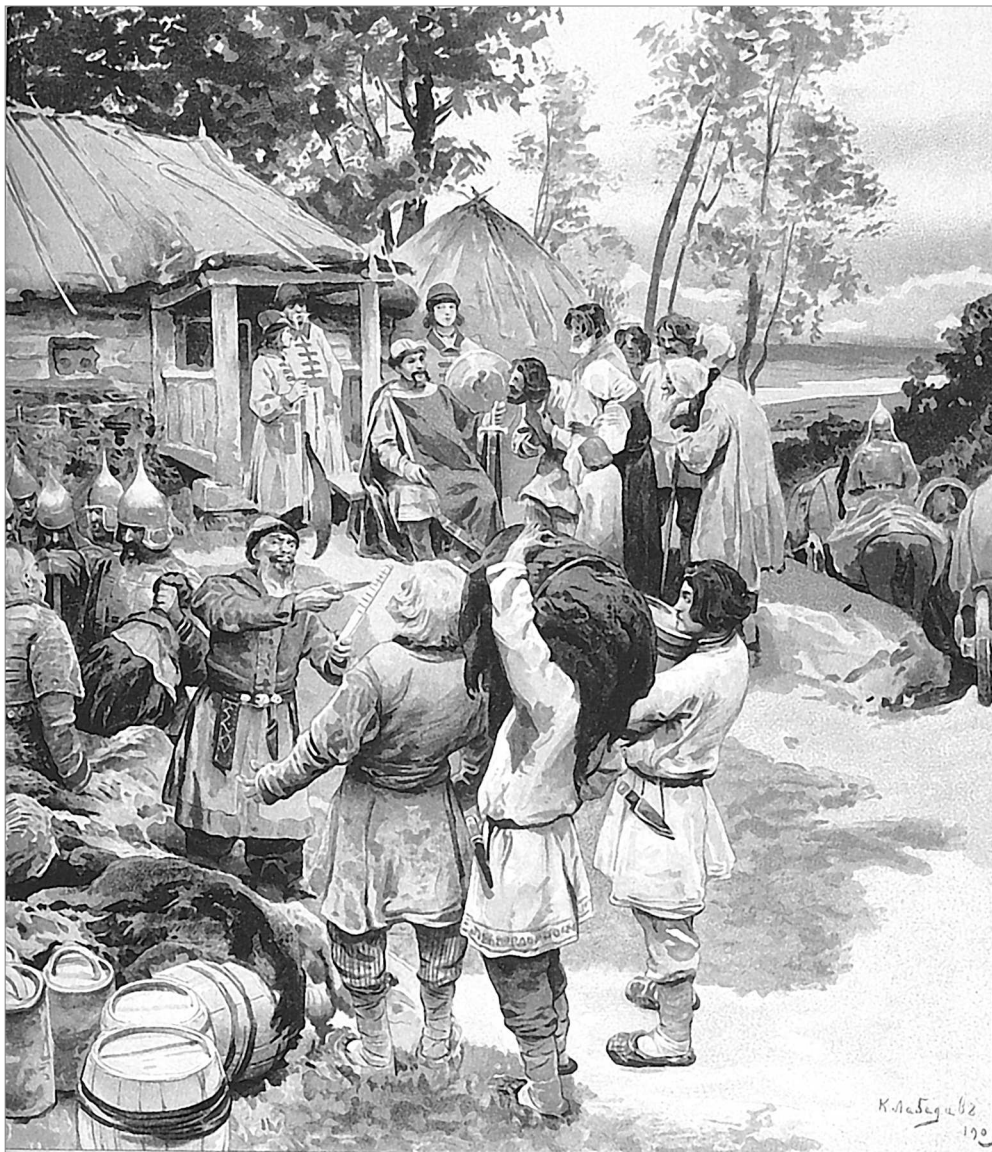
Согласно Архангелогородскому своду, Олег в 881 г. «налезоста Днепр реку, и приидоста под Смоленск, и сташа выше города и шатры иставиша многи разноличны цветы. Уведавше же смольняне, и изыдоша старейшины их к шатром и спросиша единого человека: «кто сей прииде, царь ли или князь в велицеи славе?» И изыде из шатра Ольг, имьи на руках у себя Игоря, и рече смольняном: «сей есть Игорь, князь Игоревич руский». И нарекоша его смольняне государем, и вдася весь град за Игоря» (Устюжский летописный свод 1950: 21).

Оборот «царь ли или князь в велицеи славе» выдает свое позднее происхождение и следы позднейшей редакции (Мавродин, Фроянов 1974: 30), но сам рассказ о мирном вокняжении Олега в Смоленске и о решающей роли в этом *старейшин* как бы объясняет краткое сообщение ПВЛ, согласно которому Олег принял Смоленск, но взял Любеч (ПСРЛ. I: 23; ПСРЛ. II: 15), показывая, как происходил сам процесс «принятия» города князем. Судя по этому известию, *старейшины* представляли собой правящую верхушку Смоленска, ведущую с князем переговоры от имени всего города. Это вполне согласуется с другими летописными данными об этой социальной категории. *Старейшины* здесь не названы прямо *градскими*, но по факту являются таковыми, будучи старейшинами города Смоленска.

Впервые на страницах ПВЛ восточнославянская знать появляется в рассказе об антикиевском восстании древлян и подавлении его Ольгой. В 945 г., убив Игоря, древляне решили предложить Ольге выйти замуж за их князя Мала и «послаша деревляне лучшие мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользе, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи» (ПСРЛ. I: 55; ПСРЛ. II: 43; ПСРЛ. III: 110).

Расправившись с первыми древлянскими послами, сватавшими ее за князя Мала, «пославши Ольга къ деревлянномъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велице чти приду за вашъ князь, еда не пустать мене людье киевстии». Се слышавше деревляне, собращася (в Радзивилловской, Академической и Ипатьевской летописях написано «избраша», что, по всей видимости, является правильным. — М.Ж.) лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню» (ПСРЛ. I: 56—57; ПСРЛ. II: 45; ПСРЛ. III: 111).

Затем Ольга отправилась в поход на Древлянскую землю и после победы над древлянами «Взя градъ и пожже и, старейшины же града изьнима, и прочая

*Полюдье. Князь Игорь собирает дань с дrevлян под Искоростенем осенью 945 г.
Художник К.В. Лебедев*

люди овыхъ изби, а другия работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань» (ПСРЛ. I: 59—60).

Любопытное разночтение относительно судьбы дrevлянских *старейшин* дает Ипатьевская летопись, согласно которой Ольга «старейшины же города ижьже» (ПСРЛ. II: 48). Если эта версия верна, то, по мнению И.Я. Фроянова, речь тут идет о ритуальном сожжении (Фроянов 1995: 80). Как бы то ни было,

древлянская знать в качестве политического субъекта и оплота древлянской независимости была в первую очередь устранена Ольгой с политической сцены.

Что эти известия могут нам дать для понимания социальной природы древлянской знати, ее функций и места в обществе? Во-первых, то, что именно знать была оплотом политической субъектности древлян. Ликвидировав элиту древлянского социума, Ольга, очевидно, разрушила всю систему вертикальных связей древлянского общества, его привычную структуру, которая поддерживала целостность всего их этнополитического союза, что стало толчком к началу утратой древлянами своего самосознания и к их растворению в составе формирующейся древнерусской народности. Во-вторых, из этих летописных свидетельств следует, что древлянская знать не была жестко отделена от народа: князь Мал советовался не только со знатью, но и со всеми древлянами, более того, в летописных известиях о древлянских народных собраниях знать вообще не выделена, говорится просто о том, что древляне «сдумавше со князем своимъ Маломъ» (ПСРЛ. I: 54; ПСРЛ. II: 43; ПСРЛ. III: 110).

Вопрос о выборе тех знатных людей, которых следует отправить послами к Ольге, рассматривался древлянами, очевидно, на народном собрании, которое легко могло превратиться в народное войско (посоветовавшись, древляне отправляются на войну с Игорем). Таким образом, мы видим у древлян трехступенчатую структуру управления: князь, знать и народное собрание, представлявшее собой фактически вооруженный народ, соответствующую той предгосударственной стадии общественного развития, которую Л.Г. Морган именовал военной демократией.

Обратим внимание на то, что для обозначения «племенной» знати нет специального термина, ограниченного одним словом (подобно древнерусской «государственной» знати — боярам). Все ее обозначения состоят из двух слов (*старейшины города, лучшие мужи, мужи нарочитые*), являясь как бы описательными: лучшие из мужей, старейшие в городе, что также указывает на то, что процесс отрыва знати от «простого» народа зашел еще не слишком далеко. Подобная терминология будет и позже распространена на Руси на раннем этапе институционализации определенных социальных и должностных единиц: «старейшина конюхам», «старейшина огородникам», «старейшина гридям», «старейшина воеводам» и т.д. Никаких оснований считать древлянскую знать служило-дружинной летопись не дает.

В.В. Пузанов сделал интересное наблюдение, указав, что в иерархии, выстроенной летописцем, *нарочитые мужи* стояли выше *лучших*, так как составляли лишь их часть. Ту часть, которая связана с управлением: *нарочитые мужи* — это «лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю» (Пузанов 2007: 568). Возможно, это были главы отдельных «племен», составлявших древлянский союз, а возможно, это аналог тех же *старейшин города* — высшей знати Древлянской земли.

Важен и следующий вопрос: *старейшины города* — это атрибут только столиц восточнославянских этнополитий или они имелись во всех городах, играя роль местных правительств, а в столице находилось как бы «центральное правительство»? Учитывая летописное свидетельство о *старейшинах по всем градам* (см. ниже) можно отдать предпочтение второму варианту.

Ряд летописных упоминаний о славянской догосударственной знати относится ко времени Владимира Святославича.

В 983 г. после победы над ятвягами «реша старци и боляре», что надо кинуть жребий и принести в благодарность богам человеческую жертву (ПСРЛ. I: 82; ПСРЛ. II: 69; ПСРЛ. III: 130).

При принятии решения о крещении Руси «созва Володимер боляры своя и старци градския»; «созва князь боляры своя и старца» и совещался с ними (ПСРЛ. I: 106—108; ПСРЛ. II: 93—94; ПСРЛ. III: 148—149).

При освящении Десятинной церкви Владимир устроил большой праздник «болярам и старцам людским», согласно Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. I: 124), или «болярам и старцам градским», согласно Ипатьевской и Новгородской I летописям (ПСРЛ. II: 109; ПСРЛ. III: 166).

Решение Владимира о восстановлении виры за убийство было принято по совету старцев и епископов (ПСРЛ. I: 127; ПСРЛ. II: 111—112; ПСРЛ. III: 167).

В рассказе о пирах князя Владимира сказано, что он «съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всемь градомь» (ПСРЛ. I: 125; ПСРЛ. II: 109; ПСРЛ. III: 166).

Также в рассказе о пирах Владимира сообщается, что он «оустави в гриднице пирь творити и приходити боляром и гридем, и съзьскимь, и десяцьским, и нарочитымь мужемь при князи и безь князя» (ПСРЛ. I: 126; ПСРЛ. II: 110—111; ПСРЛ. III: 167).

В этих известиях показательно то, что киевские *старцы градские*, совещающиеся с князем и участвующие в принятии ключевых государственных реше-

ний, тождественные, как показывает известие (5), в котором они заменены на *старейшин по градам*, древлянским *старейшинам города*, отделены от бояр. По всей видимости, перед нами две группы знати: княжеские приближенные, старшие дружинники (*бояре*) и местная киевская, полянская знать, представлявшая киевскую общину, без поддержки которой Владимир не мог бы держать под своей властью подконтрольные Киеву земли, ведь сил для их подчинения у одной дружины было явно недостаточно, на это было способно только войско всей Киевской земли (Фроянов 2001: 501—502). Интересна важная роль старцев в принятии решения о Крещении Руси, которое, очевидно, рассматривалось и Владимиром и киевской общиной как действенное средство в общем комплексе мероприятий, направленных на укрепление единства Восточной Европы под властью Киева (Фроянов 2003; Пузанов 2007: 202—204, 257—260).

Интересен и синонимичный ряд: *старцы градские/старцы людские*. Последний термин семантически близок к *лучшим мужам*, державшим Древлянскую землю: лучшие из мужей/старейшие из людей. То, что термин *старцы людские* не является случайным, подтверждает то, что он читается и в некоторых других летописных списках (ПСРЛ. VII: 315; ПСРЛ. XXV: 367), а также в других древнерусских памятниках, на что обратила внимание С.В. Завадская (Завадская 1978: 103). Очень важна зафиксированная самим термином *старцы градские* связь их с городами, ведь именно города (летописные *грады*) были организующими центрами славянских этнополитических объединений (Фроянов 2001: 694—702; Фроянов, Дворниченко 1988: 22—40).

Соответственно, логично полагать, что *старцы градские* представляли собой не просто городской ареопаг, но правящую знать славянских этнополитий. В этой связи становится понятной и взаимозаменяемость терминов-понятий *старцы градские* и *старцы людские*. Характерен и оборот «старейшины по всемь градомь», свидетельствующий о том, что город в то время не мыслился без своих *старейшин*. Из известия (6) можно заключить, что здесь под *нарочитыми мужами* понимается полянская знать, вероятно, более низкого уровня, чем *старцы градские*.

В качестве одного из ключевых аргументов в пользу того, что летописные термины *старцы градские* и *старейшины градские* не являются синонимами, С.В. Завадская приводит следующие соображения. Рассмотрев случаи употребления терминов «старцы» («старцы избранные», «старцы Израилевы» и т.д.) и «старейшины» («старейшина конюхам», «старейшина воеводам» и т.д.)

в древнерусских памятниках, она делает вывод, что «приведенное наблюдение указывает на формальное отличие термина-словосочетания «старейшина(-ны) градский(-ие)», заключающего в себе единичное и общее понятие, от термина «старцы градские», который упоминается в источниках только во множественном числе и имеет собирательное значение» (Завадская 1989: 38).

Этот аргумент, на наш взгляд, несостоятелен, поскольку существует еще одно известие, касающееся *старцев/старейшин градских*, не попавшее в поле зрения С.В. Завадской. В рассказе об осаде Белгорода в 997 г. печенегами летописец повествует о том, что белгородцы, изнемогая от осады, созвали вече и решили сдать город печенегам, но тут «Бе же единъ старецъ не былъ на вечи томь, и выпрашаше: «Что ради вече было?» И людье поведаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенегомъ. Се слышавъ, посла по старейшины градския, и рече им: «Слышахъ, яко хотите ся передати печенегомъ». Они же реша: «Не стерпять людье глада». И рече имъ: «Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите» (ПСРЛ. I: 127—128; ПСРЛ. II: 112).

Итак, перед нами *старецъ*, созывающий на совещание *старейшин градских*. Более красноречивого доказательства взаимозаменяемости соответствующих терминов представить сложно. Тождество *старцев градских* и *старейшин по градам* ясно видно и из сообщений о князе Владимире, где в известии (5) последние стоят на том месте, на котором в известиях (1)–(4) указаны первые.

О том же говорит и известная легенда о полянской дани хазарам: в диалоге между хазарскими воинами, обложившими данью полян и хазарским правительством, последнее именуется как «старцами», так и «старейшинами» (ПСРЛ. I: 17; ПСРЛ. II: 12). С.В. Завадская попыталась нейтрализовать это обстоятельство указанием на то, что образцом для летописца в данном случае был библейский рассказ о Моисее и фараоне, который цитируется в соответствующем месте ПВЛ и в древнерусском переводе которого также использованы взаимозаменяемые термины *старейшины* (ПСРЛ. I: 17; ПСРЛ. III: 106) / *старцы* (ПСРЛ. II: 12), но это никак не отменяет того, что для древнерусских книжников слова «старцы» и «старейшины» были синонимами, более того, оно дает ему дополнительное подтверждение.

Из рассмотренного известия напрашивается еще один важный для понимания общественного статуса *старцев/старейшин градских* вывод: в восточнославянском обществе помимо народного собрания существовал особый орган управления — совет *старцев/старейшин градских*, на котором они могли опе-

ративно решать разные вопросы, ведь народное собрание не могло собираться постоянно.

После 997 г. упоминания о *старцах/старейших градских/людских* исчезают со страниц летописей. И это весомый аргумент против книжного характера данных терминов, так как в этом случае они должны были бы употребляться в летописях и дальше, но этого нет. Поэтому гораздо логичнее полагать, что исчезновение данных терминов отражает исчезновение обозначаемого ими явления — восточнославянской догосударственной, «племенной», знати (Мавродин, Фроянов 1974: 33; Фроянов 1999: 104—105). При этом применительно к другим обществам, у которых «племенная» знать продолжала существовать, соответствующая терминология использовалась древнерусскими книжниками и дальше: так, современник Александра Невского Пелгусий именуется ими «старейшина в земли Ижерьской» (ПСРЛ. III: 292).

Это объяснение исчезновения *старцев градских* из источников можно и дополнить. Л.В. Черепниным была высказана обстоятельная гипотеза, развитая Б.А. Рыбаковым, о первом древнерусском летописном своде, составленном в 996 г. в Десятиной церкви (Черепнин 1948; Рыбаков 1963: 173—192; 1982: 116—118), логично объясняющая огромную цезуру в летописном повествовании, охватывающую фактически последние 17 лет (!) правления Владимира, притом что за предшествующие годы оно освещено очень подробно. И именно с этим сводом связан тот ряд упоминаний о *старцах градских/людских*, который мы только что рассмотрели. Данное обстоятельство, если гипотеза о летописи 996 г. верна, существенно повышает доверие к соответствующим известиям, принадлежащим перу современника тех *старцев*, с которыми совещался Владимир.

В памятнике, датируемом 70—80-ми гг. XI в., написанном Нестором, «Чтении о Борисе и Глебе», упоминается «старейшина, иже бе властелинь граду тому» (Жития Бориса и Глеба 1916: 17). Это известие полностью согласуется со всеми, рассмотренными выше, а события, описываемые в «Чтении», происходят в период, когда старые общественные институты еще существовали, доживая свой век.

Если говорить об упоминаниях *старцев/старейшин градских/людских* во внелетописных древнерусских памятниках и в переводных произведениях, то нельзя не высказать несогласие с выводами С.В. Завадской о книжном происхождении этих терминов, попавших в летописи из переводной и церковной ли-

тературы. Гораздо логичнее рассматривать их упоминания в такой литературе как перенос древнерусского термина и стоящей за ним социально-политической реалии на библейские и прочие книжные страницы.

Соответственно, мы рассматриваем упоминания *старцев градских/людских* в церковной и переводной литературе как полноценный источник, способный помочь прояснить место данной социальной категории в древнерусском обществе, хотя и надо иметь в виду, что терминология переводных памятников могла носить нерегулярный характер из-за того, что разные книжники могли соотносить одни переводимые ими термины с разными древнерусскими реалиями.

Так, в Палее Толковой рассказывается о том, как Вооз у ворот Иерусалима обратился к своему родственнику: «И рече к нему: «Сяди въскрай мене, имамъ бо ти глаголь рещи». И приведе же ту 10 мужь от старецъ градскихъ и рече к ужице предъ старци: «часть села, еже есть братъ нашъ Елимелха, отдала есть Ноеминь, жена его; азъ же рекохъ, да ти явлю во оухо твое предъ старци люди моихъ: аще бо оужичьству оужичествуй, аще ли ни, то повежь ми, да оувемь, несть бо иного оужики, разве тебе, да мене, ему же пояти Руфь...» И отвеща Вооз к старцемъ людскимъ: «Послуси вы днесь». И рекоша вси людие стоящи оу врат: «Послуси мы днесь и даже господь входящий жене в домъ твой...» (Палея Толковая. 2002: 466).

Как видим, для этого книжника понятия *старцы градские* и *старцы людские* тоже были синонимами¹, а функции их аналогичны функциям их «коллег» в летописях: они представляют собой социальную и политическую верхушку Иерусалима.

Сам по себе термин «старейшина» был в древнерусских памятниках достаточно полисемантичен и обычно обозначал просто некое главное лицо в определенной сфере (Завадская 1989: 37—38; Несин 2010: 67—68), примеры чего были приведены выше. Однако это никоим образом не может свидетельствовать об искусственности и книжном происхождении термина-понятия *старейшины города*, точно так же, как и о книжности таких терминов, как *старейшина конюхам* или *огородникам*. Можно провести условную аналогию с современным термином «директор», который также уточняется в каждом конкретном случае (директор чего?).

¹ О том же говорит характерный оборот, встречающийся в Ефремовской кормчей: «Градский людский закон» (Завадская 1978: 103).

После исчезновения института *старцев/старейшин градских/людских* соответствующие лексемы, претерпев определенные изменения, продолжали использоваться для обозначения определенной категории должностных лиц. Особый интерес здесь представляет новгородская берестяная грамота № 831, относящаяся ко второй четверти XII в., которая адресована «Отъ Коузъме и отъ дети его къ Рагоуилови ко старьшоум[о] (у)» (Грамота № 831).

Сложно сказать, верно ли предположение А.А. Гиппиуса, отождествившего Рагуила из данной берестяной грамоты с ладожским посадником Рагуилом, зафиксированным под 1132 г. (ПСРЛ. III: 23; 207), который, по его мнению, тождествен боярину Владимира Мстиславича Рагуилу Добрыничу (Зализняк 2004: 304), но совершенно прав, на наш взгляд, А.А. Зализняк, констатировавший, что «слово «старший» в данном контексте, скорее всего, обозначает не возраст, а должность» (Зализняк 2004: 304). Что именно это была за должность, уверенно сказать сложно, возможно, то же, что и староста (Зализняк 2004: 304), а возможно, и нет, но генезис ее логично связывать с трансформацией института древних *старцев/старейшин*¹.

Летописи рисуют трехступенчатую структуру восточнославянского общества предгосударственной эпохи: народное собрание/народное войско, знать/совет знати и княжеская власть, типичную для эпохи «военной демократии». Видимо, совет знати осуществлял наряду с князем оперативное управление делами славянских этнополитий и решал важные вопросы в перерывах между народными собраниями, а на позднем этапе *старцы градские* стали связующим звеном между князем и его дружиной (боярами), с одной стороны, и народом — с другой. Данных о том, что знать восточнославянских этнополитий носила преимущественно дружинно-служилый характер, источники не содержат, более того, отграничивают ее от бояр, что, разумеется, не говорит о том, что она не принимала участия в военных действиях на «командных должностях», но ее отношения с князем носили, очевидно, иной характер, нежели отношения князя с дружинниками: будучи лидерами славянских «племен», *старцы/старейшины градские/людские*, вероятно, были лидерами и народного войска — ополчения. Отмечена в летописи и роль *старцев градских* в проведении языческих религиозных обрядов, что также вполне соответству-

¹ Здесь мы не рассматриваем специально проблему генезиса древнерусского института старосты и его возможной связи с догосударственной эпохой. Вполне возможно, что древнерусские старосты — наследники архаичной знати более низкого уровня, чем правители славянских этнополитий, такой, как упомянутая в летописи под 1024 г. *старая чадь*.

ет духу эпохи: общественные лидеры одновременно выполняли и культовые функции¹.

В период борьбы Киева за подчинение восточнославянских этнополитий именно их знать возглавляла антикиевскую борьбу, поэтому беспощадно истреблялась завоевателями-киевлянами, менявшими ее на своих представителей, что разрушало субъектность восточнославянских «племен». При этом, вероятно, судьба знати тех славянских этнополитий, которые составили ядро формирующегося Древнерусского государства, была иной: она стала основой для формирования «государственной» элиты Древней Руси. Часть знати славянских этнополитий тоже могла влиться в ее состав, но в основном за счет разрыва со своей привычной средой, за счет отрыва от своего «племени», которые также зачастую осуществлялись насильственно. ПВЛ свидетельствует о том, что «Рече Володимеръ: «се не добро, еже малъ городъ около Киева» и нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубешеву, и по Суле, и по Стугне и поча нарубати муже лучшие от словень и от кривичь, и от чуди, и от вятич и от сихъ насели грады (ПСРЛ. I: 121; ПСРЛ. II: 106; ПСРЛ. III: 159).

Как видим, для создания гарнизонов пограничных крепостей, строившихся для защиты от печенегов, Владимир привлекал не население Южной Руси, а представителей разных подчиненных Киеву славянских этнополитий и иных подвластных ему этносов, преимущественно представителей их знати — *лучших мужей*, с которыми мы уже знакомы на примере летописного повествования о древлянах. Тем самым знать славянских этнополитий, не уничтожаясь физически, отрывалась от своего социума, теряла по ходу смены поколений старое самосознание и вливалась в состав древнерусской элиты². В свою очередь, оставшийся без своей элиты этносоциум тоже быстро дезинтегрировался и вливался в состав древнерусской народности.

Недавно М.А. Несин высказал гипотезу, согласно которой *старцы градские* были не представителями «племенной знати», а выборными городскими старей-

¹ Вместе с тем мнение Л.Т. Мирончикова о том, что *старцы градские* были именно языческими жрецами, входившими в состав древнерусской элиты (Мирончиков 1969: 4, 6, 7, 22), представляется преувеличивающим их сакральные функции.

² Также в ПВЛ и НПЛ сохранилось еще одно любопытное известие, показывающее возможный путь нейтрализации знати славянских этнополитий через пополнение за ее счет рядов монашества и книжников. В рассказе о крещении Руси они сообщают о том, что Владимир начал отдавать детей *нарочитой чадю* на «ученье книжное» (ПСРЛ. I: 118—119; ПСРЛ. II: 103; ПСРЛ. III: 157), причем родители плакали по ним как по мертвым, что указывает на то, что им предстояло стать монахами. Учítывая то, что в 1024 г. летопись называет *старой чадью* славянскую «региональную» знать, можно полагать, что и в этом известии фигурирует она же.

пинами, в параллель к которым он приводит выборных германских кунингов, представлявших общину перед королем и его дружиной. По мнению М.А. Несина, *старцы градские* типологически аналогичны позднейшим выборным должностным лицам древнерусских городов, управлявших ими наряду с князем и его администрацией, представлявших перед ними городскую общину (Несин 2010: 67—68).

С аргументацией исследователя мы не можем согласиться. Касаясь известия о белгородских *старцах/старейшинах*, он пишет: «Вечники не решили продвигать свой замысел в их (старейшин. — М.Ж.) присутствии, а когда один старец все-таки разыскал их, сразу подчинились ему» (Несин 2010: 68), хотя источник ясно указывает, что на вече не был только один старец («Бе же единъ старецъ не бысть на вечи томь») и к тому моменту, когда он узнал о том, что оно решило, вече уже закончилось («Что ради вече было?»), соответственно остальные *старцы/старейшины* на вече присутствовали. И народ не просто «подчинился» им, а сделал это только после того, как был предложен конкретный план спасения Белгорода. Из этой ошибочной посылки об отсутствии *старейшин* на вече М.А. Несин делает неверный, на наш взгляд, вывод о том, что «градские старцы прямо противостоят всему городскому вечевому «людию» — от простых людей до земских бояр, бывших, таким об-

**Плата дани славянами (кривичами) и чудью — варягам,
а полянами, северянами и вятичами — хазарам.**

Радзивилловская летопись

разом, «старцами» вовсе не поголовно» (Несин 2010: 68), тому *людью*, к которому обратился старец с вопросом о том, что решило вече.

Таким образом, прямых данных о том, что *старцы градские* составляли специальный выборный городской совет, в источниках нет, но сама по себе идея о роли выборного начала в формировании этой социальной страты, составлявшей, как можно полагать, не просто знать как таковую, но ее верхушку, высший правящий слой славянских этнополитических союзов, заслуживает, на наш взгляд, внимания.

В период, когда знать не превратилась еще в полностью оторванную от народа замкнутую страту, она вполне могла пополняться теми, кто не принадлежал к ней по рождению, равно как и те, кто потерял доверие народа, могли быть выведены из ее рядов. В особенности это относилось к верхушке знати, занимавшей административные должности. В пользу этого предположения свидетельствует известие ПВЛ, согласно которому все древляне, очевидно, на народном собрании принимали решение о том, кого из знатных людей отправить в качестве послов к Ольге. В то же время едва ли в ту эпоху могло существовать жесткое разделение между принадлежностью к высшей общественной элите и входением в «городской совет», скорее первое автоматически приводило ко второму. Другое дело, что состав как знати в целом, так и конкретных ее страт был еще относительно подвижен, она лишь шла по пути превращения в замкнутую наследственную группу. Думается, чем-то отличившийся представитель «низшей» знати вполне мог быть инкорпорирован в знать «высшую», а представитель «высшей» знати, потерявший доверие князя и/или народа, «понижен» в статусе. Завершился ли процесс кристаллизации «племенной» знати к моменту ее ухода со сцены, сказать сложно.

В то время как в центральных регионах Руси процесс исчезновения знати восточнославянских этнополитий и ее замены знатью «государственной» (в силу трансформации или карательных акций Киева) в основном уже завершился, на окраинах какое-то время еще сохранялась традиционная структура общества, которая эволюционировала медленнее. Об этом свидетельствует известный летописный рассказ о событиях в Суздале в 1024 г.: «Въсташа вольсьви в Суждали, избиваху старую чадь къ дьяволу наоущенью и бесованью глаголяще, яко си держать гобино. Бе мятежь великъ и голодь по всеи тои стране. Идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша [жито] и тако ожиша. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю, изымавъ волхвы расточи, а другыми показани, рекъ сице: «Богъ

наводить по грехомъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнию, а человекъ не вестъ ничтоже» (ПСРЛ. I: 147—148; ПСРЛ. II: 135)¹.

В этом рассказе названа некая *старая чадь* — очевидно, местная знать. Наименование *старая чадь* звучит архаично и типологически сходно с такими обозначениями как *лучшие/нарочитые мужи* из рассказа о мести Ольги древлянам. Обращает на себя внимание и использование лексемы *старая*, сближающее эту социальную категорию со *старцами/старейшинами градскими/людскими*.

Чтобы ответить на вопрос, кем была эта *старая чадь*, надо сначала решить вопрос о том, в какой этнической среде происходили описываемые события. Дело в том, что в историографии распространено мнение о том, что и события 1024 г. и похожие события 1071 г. происходили в финской или смешанной славяно-финской среде (Мавродин 1949: 154—158; Фроянов 1995: 120—121; 144—145). Но основывалась данная точка зрения, к сожалению, как было недавно выяснено, на фальсификате: обрядах, похожих на действия волхвов в 1071 г. и будто бы еще в XIX в. существовавших у мордвы, зафиксированных П.И. Мельниковым-Печерским, а также мордовских мифах о сотворении человека, похожих на слова волхвов, зафиксированные тем же автором. На самом деле все соответствующие будто бы этнографические данные были либо просто выдуманы П.И. Мельниковым-Печерским, либо очень сильно обработаны им так, что отошли от оригинала настолько далеко, что использовать их в каких-либо научных построениях совершенно невозможно. Исследователь хотел реконструировать мордовскую мифологию во всей цельности и для этого сплошь и рядом прибегал к домыслам.

Такого мифа, который приводит П.И. Мельников-Печерский и с которым сопоставляют слова волхвов 1071 г., на самом деле у мордвы нет, он является плодом авторской обработки (Карпов 2008: 112). Как нет ни у мордвы, ни у ее соседей обычаев, схожих с действиями волхвов, — ни одним этнографом они не зафиксированы и, очевидно, также представляют собой плод творчества П.И. Мельникова-Печерского. С другой стороны, слова, влагаемые летописцем в уста волхам, являются в значительной степени плодом литературного творчества летописца (Тихомиров 1968: 94; Прозоров 2003), а обряды, проводимые волхвами, как убедительно показал Л.Р. Прозоров, находят параллели как в русском фольклоре, так и у других индоевропейских народов (Прозоров 2002). Соответственно, никаких оснований подвергать сомнению то, что события и 1024 г. и 1071 г. происходили в преимущественно славян-

¹ Несколько иная редакция этого сообщения содержится в НВЛ: ПСРЛ. IV. Часть I: 111—112.

ской этнической среде, нет, тем более что и летопись ни слова не говорит о принадлежности волхвов, идущего за ними люда и противостоящей им знати к финно-угорским народам, на что справедливо указывал М.Н. Тихомиров (Тихомиров 1975: 92).

Соответственно, вполне логично заключить, что и *старая чадь* — это не что иное, как местная славянская знать, но знать более низкого уровня, чем *старцы/старейшины градские/людские*: если первые представляли собой высшую знать славянских этнополитических союзов, то *старая чадь* — знать локального уровня, уровня отдельных небольших славянских «племен». Существует два объяснения конфликта между *старой чадью*, с одной стороны, и возглавляемым волхвами народом — с другой. Согласно одному из них, это было народное восстание против феодализирующейся элиты, обладавшей в голодный год запасами продовольствия, но, естественно, не спешившей делиться ими с голодающим народом, принявшее форму языческой реакции (Тихомиров 1975: 86—99). Согласно другому, речь идет о языческих представлениях, в соответствии с которыми общественная элита, выполнявшая не только социальные, но и культовые функции, несла ответственность за неурожайный год (Фроянов 1995: 113—139).

Как бы то ни было, но очевидно, что локальная «догосударственная» знать в ряде регионов сохраняла свое влияние еще как минимум в первой половине XI в. Какова была ее дальнейшая судьба? Вероятно, по мере трансформации древнерусского общества трансформировалась и она, став основой боярства древнерусских земель и пополняя ряды княжеских дружинников и представителей административного аппарата. После 1024 г. мы уже не находим в летописях терминов, обозначающих славянскую «догосударственную» знать.

В источниках просматривается и определенная стратификация догосударственной элиты славянского общества, для описания которой используются три группы терминов:

— такие общие обозначения как *лучшие мужи* или *мужи нарочитые*, вероятно, охватывавшие всю знать *in corpore*, конкретное социальное положение названных лиц зависит от контекста;

— термин(ы) *старцы/старейшины градские/людские*, включавшие в себя верхушку знати восточнославянских этнополитических союзов. В формировании данной социальной страты можно предполагать определенную роль выборного начала;

— термин *старая чадь* обозначал славянскую «региональную» знать.

Глава VI

РУССКИЙ КАГНАТ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ О РУСАХ

О русах, которыми правит каган, сообщают источники IX в., относящиеся к двум независимым друг от друга традициям: восточной и западноевропейской (с византийским посредством).

Согласно так называемой «Анонимной записке», описанию степного пояса Евразии (токузгузы, огузы, киргизы, карлуки, кимаки, печенеги, хазары, буртасы, болгары, мадьяры, славяне, русы, Сарир, аланы), которое, судя по локализации в нем кочевых народов, должно датироваться первой половиной IX в. (об «Анонимной записке» см.: Göckenjan, Zimonvi 2001; Калинина 2003: 204—216; Галкина 2010: 54—98) и которое с теми или иными отличиями передается рядом арабо-персидских авторов, русы живут между славянами с одной стороны, Сарир и аланами — с другой, и правит ими каган.

Ибн Русте (конец IX — первая половина X в.): «У них (русов. — *М.Ж.*) царь, именуемый хакан-рус» (Заходер 1967: 78). Гардизи (XI в.): «У них (русов. — *М.Ж.*) есть царь, которого называют хакан-рус» (Заходер 1967: 78). «Худуд-ал-Алам» (982 г.): «Они (русы. — *М.Ж.*) называют государя рус-хакан» (Заходер 1967: 79).

Франкские Бертинские анналы IX в. под 839 г. сообщают о прибытии к Людовику I Благочестивому (778—840) посольства византийского императора Феофила (829—842): «Прибыли также греческие послы, отправленные императором Феофилом, а именно: Феодосия, халкедонский митрополит — епископ, и Феофан, спафарий, везя императору послание с достойными дарами. Император с почетом принял послов 18 мая в Ингельгейме. Их посольство вело

переговоры о подтверждении договора и мира, а также вечной дружбы и любви между обоими императорами и их подданными; также сообщалось о милости и ликовании во господе вследствие побед, которые он [Феофил] одержал, воюя против чужих народов; за них он призвал императора и его подданных подружески воздать благодарность Подателю всех побед. Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что они, то есть их народ, называются рос (*Rhos* — калька с греческого *Ῥῶς*, которое, очевидно, читалось в византийских сопроводительных документах. — М.Ж.), что их король (*rex*), называющийся хаган (*chacanus*)¹, послал их к нему [Феофилу], как они заявляли, дружбы ради. Он [Феофил] просил в упомянутом письме, чтобы они, по милости императора, получили возможность и средства безопасно возвратиться через его империю, потому что путь, по которому прибыли в Константинополь, они проделали среди варварских племен, ужаснейших, отличавшихся безмерной дикостью, и он [Феофил], не желал, чтобы они возвращались тем же путем, подвергаясь опасности. Расследуя более тщательно причину их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов (*Sueoni*), и решив, что они являются в той стране и в нашей скорее разведчиками, чем просителями дружбы, он счел нужным задержать их у себя до тех пор, пока не сможет истинно узнать, пришли ли они честно туда или нет. Он не замедлил поставить в известность об этом Феофила через упомянутых послов и в письме, и что их [росов] он охотно из любви к нему принял, а также, если окажется, что они заслуживают доверия, им будет предоставлена возможность вернуться безопасно на родину; они будут отправлены, причем им будет оказано содействие; в противном случае они будут направлены к лицу его вместе с нашими посланцами, чтобы он по собственному решению поступил с ними так, как подобает поступить с подобными людьми» (Свердлов 2017: 13—15).

М.Б. Свердлов делает важное пояснение к переводу: «Перевод может быть другой. От глагола *dicebant* зависит оборот *accusatives cum infinitive*: *se... vocari*. В Средние века *se* ставилось вместо *eum* или *eos*; *vocari* — от глагола *voco infinitivus pass. passivi*. Следовательно: «Он также послал с ними неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос». Отсюда смысл известия другой: пришедших в Ингельгейм шведов другие народы называли *росами*, хотя они сами себя называли *sueoni* — *шведы*... Вероятно, в данном

¹ Франки вообще нередко принимали титул «хаган» за имя. Так, в «Хронике Фредегара» читаем об аvaraх: «...*regem eorum gaganu*» — «король их (по имени) хаган» (Fred. IV. 48).

случае смысл фразы заключается в том, что другие люди называют этот народ *рос* и послы — сами себя... Из сообщений Пруденция и ал-Йа'куби видно, что в IX в. скандинавов называли *росами* (*русами*) другие народы. Отсюда следует важный вывод, согласно которому о норманнском государстве или о господстве норманнов в государственном образовании росов (русов) 830-х годов говорить не приходится» (Свердлов 2017: 15—16) 1.

То есть из источника никоим образом не следует тождество росов с хаканом во главе и «свеонов» (*Sueoni*). Франки никакой связи между народом «рос» и «свеонами» не видели. Свеоны только в силу неких причин представляли политику росов в качестве послов, но сами росы — не свеоны, вот какой вывод можно сделать из сообщения Бертинских анналов.

В 871 г. восточнофранкский король Людовик II (843—876), отвечая на несохранившееся послание византийского императора Василия I Македонянина (867—886) и споря с ним о правильности употребления титулов (между Византией и франками шла полемика по вопросу о правомочности принятия правителями последних императорского титула), в числе прочего заявил: «Хаганом (*chaganus*) же, как убеждаемся, звался предводитель (*prelatus*) авар (*Avares*), а не хазар (*Gazani*) или норманнов (*Nortmanni*), а также не правитель (*principis*) болгар (*Vulgares*), а король или государь (*dominus*) болгар» (ДРЗИ. IV: 23—24).

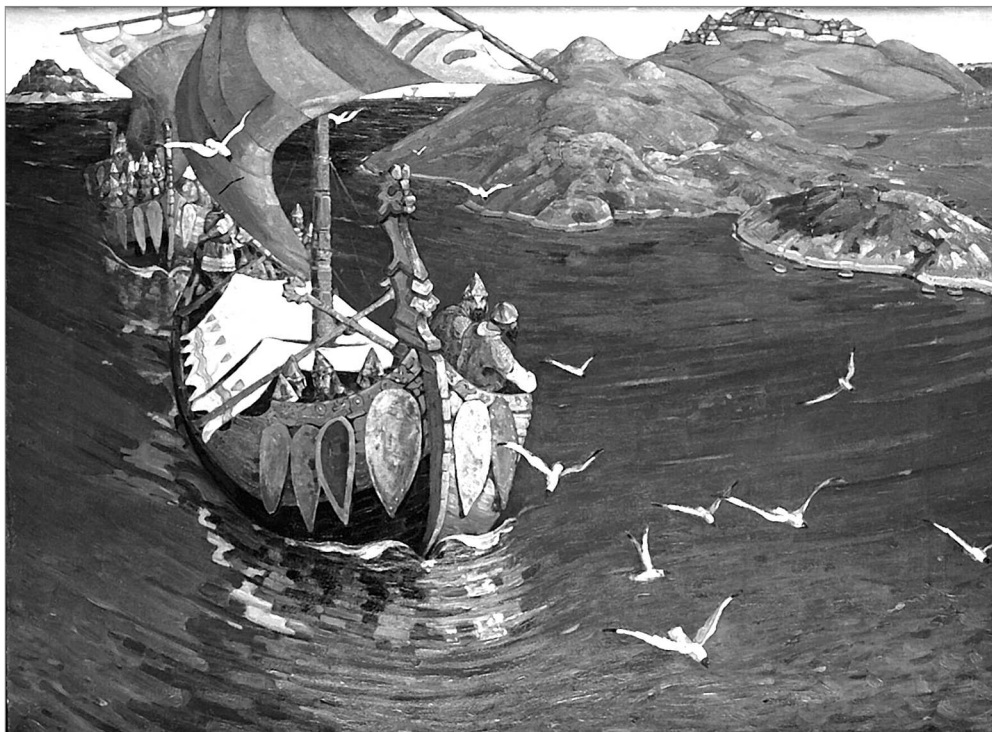
Франки хорошо были знакомы с Аварским каганатом, а вот о Хазарии они, видимо, мало что знали и не имели с ней никаких стабильных контактов, соответственно, ничего не знали и о титуловании ее правителей. Также ничего они не знали и о титуловании правителя неких «северных людей» (*Nortmanni*), так как с ними, видимо, тоже никаких стабильных контактов не поддерживали. А вот византийцы, очевидно, были хорошо знакомы как с хазарами, так и с «северными людьми», и Византия признавала за их правителями титулы каганов.

¹ А.В. Назаренко, пытаясь дискредитировать позицию М.Б. Свердлова и других своих оппонентов, пишет, что будто бы выводы о том, что «росы» и «свеоны» Бертинских анналов — это разные народы, «порочны и методически, так как диктуются априорным (или, если угодно, общетеоретическим) нежеланием признать ведущую или хотя бы активную роль скандинавского этнического компонента в становлении государственности на Руси» (Назаренко 2012: 16. Примеч. 8). Эти слова с полным основанием могут быть переадресованы самому А.В. Назаренко, позиция которого диктуется априорным (или, если угодно, общетеоретическим) желанием признать ведущую или хотя бы активную роль скандинавского этнического компонента в становлении государственности на Руси. Жаль, что сугубо научные вопросы происхождения руси становятся под пером некоторых авторов объектом некорректных выпадов, в то время как во главу угла должно быть поставлено объективное понимание источников.

В византийском послании на месте «северных людей» (*Nortmanni*) франкского латиноязычного источника стояло, очевидно, что-то типа «северные скифы» (*οἱ βόρειοι Σκύθαι*) / «тавроскифы» (*Ταυροσκήθες*), как нередко в византийских источниках (Лев VI Мудрый, Лев Диакон, Михаил Пселл, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Иоанн Киннам, Анна Комнина, Никита Хониат и т.д.) именуется русы, что было просто калькировано франками. Сравним с тем, как в Бертинских анналах было в форме *Rhos* калькировано византийское *Ῥῶς*, совершенно не типичное для европейских обозначений Руси (их обзор см.: Назаренко 2001: 11—50).

Позднее «северными людьми» русы названы в рассказе «Венецианской хроники» о набеге на Константинополь 860 г. (ДРЗИ. IV: 53) и в качестве соседей Византии у Лиутпранда, дважды посещавшего Константинополь (Аптар. V, 15) (ДРЗИ. IV: 38). Оба известия связаны с Византией и также, очевидно, восходят к византийской традиции и являются латинским калькированием указанных византийских терминов.

Сопоставляя сообщение Бертинских анналов и послание Людовика II, можно заключить, что полития русов, правитель которой титуловался каганом, находилась

Заморские гости. Художник Н.К. Рерих

где-то очень далеко от государства франков, никаких стабильных контактов с ней они не имели, ничего о ней не знали и сталкивались с ней только при византийском посредстве. Но по иронии судьбы соответствующие франкские источники сохранились, а византийские — нет. Тем не менее важность этих двух франкских известий сложно переоценить: они независимо подтверждают данные восходящих к «Анонимной записке» восточных источников о существовании русов, которыми правит хахан. Совпадает и хронология соответствующих известий: «Анонимная записка» — первая половина IX в., Бертинские анналы — 839 г.

Источники о Руси X в., существенно более многочисленные, ни разу не называют ее правителей каганами, из чего можно заключить, что в это время данный титул правителями русов не употреблялся. В XI—XII вв. он применительно к русским князьям появляется в древнерусских источниках (произведения митрополита Илариона; надпись на стене собора Святой Софии в Киеве; «Слово о полку Игореве»), но невозможно однозначно сказать, имел ли он непосредственную преемственность по отношению к Русскому каганату IX в. или иное происхождение и вторичный по отношению к нему характер (результат разгрома Святославом хазар? Влияние болгарской книжности, где упоминался каган аваров?).

При этом надо сделать важное пояснение: источникам не известен ни Хазарский каганат, ни Аварский каганат и т.д., в них есть только упоминания о кагане хазар, кагане аваров и т.д. «Каганат» — сугубо кабинетный термин современной науки, не известный источникам. И если на основании упоминаний в источниках о каганах аваров и хазар ученые условно именуют возглавляемые ими политии каганатами, то на основе упоминаний в источниках о кагане русов можно с аналогичным основанием употреблять в науке термин Русский каганат.

Очевидна дискретность между начальными этапами формирования того Древнерусского государства, о котором мы знаем из летописей, и предшествующим ему Русским каганатом. Его существование плохо вписывается в существующие представления о ходе древнерусского политогенеза. По этой причине ряд ученых относится к сообщениям источников о русах во главе с хаханом по принципу «если источники противоречат теории — тем хуже для источников», отрицая их значимость и стараясь тем или иным образом их дискредитировать (см., напр.: Петрухин 2001: 127—142; 2014: 118—124; Толочко 2015: 112—135).

Некоторые авторы вместо объективного анализа источников настойчиво пытаются навязать свое заранее заданное понимание содержащихся в них

данных. Так, А.С. Щавелев полагает, что раз до конца IX в. «скандинавских древностей... в Киеве нет», то «любые спекуляции на тему «русского каганата» первой половины IX в. в Киеве (Среднем Поднепровье) беспочвенны» (Щавелев 2013: 114). О.Л. Губарев, назвав почему-то термин «Русский каганат» «одиозным», пишет: «Первая часть термина «Русский» относится к русам-скандинавам, народу мореходу... Вторая часть термина — «каганат» — обозначает империю кочевого народа, степняков, покоривших ряд других народов. Властитель такой империи носил титул «кагана» — сакрального хана ханов... Нет ничего более противоположного, чем кочевники и народ-мореход. Тогда данный термин уже сам по себе сочетает несочетаемое, содержит в себе противоречивую информацию» (Губарев 2018). По поводу подобных спекуляций совершенно справедливо высказался П.П. Толочко: «Еще менее убедителен аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси IX в. не позволяет полное отсутствие каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всем Среднем Поднепровье. Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори принимается вывод о том, что русы — это шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве ранее X в. доказывается невозможность нахождения здесь и Руси» (Толочко 2013: 42).

Существует мнение, согласно которому *chaganus* в сообщении Бертинских анналов — это не передача титула «каган», а скандинавское имя *Nakon/Hakon* (Garipzanov 2006: 7—11). Его можно было бы обсуждать, если бы круг источников о Русском каганате был ограничен Бертинскими анналами, но, поскольку существуют еще послание Людовика II и восточные источники, подобные спекуляции должны быть категорически отвергнуты. Каган, правящий русами в IX в., — это, безусловно, титул, четко прописанный в нескольких независимых источниках.

Периодически высказывается также гипотеза, что русы, которыми правит хакан, — это некие вассалы Хазарии, соответственно каган, о котором идет речь в источниках, — это хазарский каган, которому подвластны русы (см., напр.: Васильевский 1915: CXVII; Юшков 1940: 41—43; Толочко 2015: 133—135). Но данная гипотеза прямо противоречит источникам: в «Анонимной записке» назван как каган хазар («верховный же государь у них (у хазар. — М.Ж.) — хазар-хакан»: Ибн Русте 1869: 16), так и каган русов. В послании Людовика II упомянуты как каган хазар, так и каган «северных людей». Из этого однозначно следует, что перед нами две разные политики, возглавляемые каганами.

Существование Русского каганата IX в. — факт, надежно удостоверенный восточными и франкскими источниками. Все известные попытки поставить их под сомнение неубедительны как по своему исходному методологическому посылу (подход «от теории к источнику»), так и по конкретным аргументам и выводам.

Совершенно справедливо заключил С.А. Геденов: «Ни одно из начальных явлений нашей древней истории не утверждено на доказательствах более положительных, официальных, независимых друг от друга. Русский хаганат в 839—871 годах вернее призвания варягов, договоров Олега, Игоря, Святослава, летописи Нестора»; «существование Русского хаганата в IX веке (839—871 гг.) неопровержимый исторический факт» (Геденов 2004: 339, 341). Убедителен и аналогичный вывод В.В. Седова: «Каких-либо данных, позволяющих сомневаться в существовании в IX в. Русского каганата, у нас нет» (Седов 1999: 67; 2002: 275).

Среди ученых, признающих реальность существования Русского каганата и, соответственно, пытающихся встроить его в свои концепции древнерусского политогенеза, особую популярность получили две концепции.

Обе они производны от общего взгляда исследователей на проблему соотношения варягов и русов, к которой в науке существует два подхода. Согласно одному подходу, ранние русы — это некий народ, живший на юго-востоке Европы, имя которого было вторично перенесено на варягов, когда они появились в данном регионе (см., напр.: Геденов 2004: 287—386; Иловайский 1882; Васильевский 1915: I—CCLXXXVIII; Пархоменко 1924: 54—56; Дьяконов 1939: 83—90; Вернадский 1996: 270—293; Тихомиров 1979: 22—45; Насонов 1951: 28—68; Рыбаков 1953: 23—104; 1982: 55—90; Третьяков 1968: 179—187; 1970: 72—110; Березовец 1970: 59—74; 1972: 288—292; 1999: 320—350; Талис 1973: 229—234; 1974: 87—99; Толочко 1987: 14—36; 2013: 38—59; Седов 1998: 3—14; 1999: 50—82; 1999а: 27—70; 2002: 255—295; 2003: 3—14; Николаенко 1991; Станг 1999: 119—147; Галкина 2002; 2006: 385—446; 2012; Радомский 2004; Трубачев 2005: 131—188; Королев 2006: 88—102; Максимович 2006: 14—56; Фроянов 2015: 93—98); согласно другому (см., напр.: Шахматов 1919: 43—64; Смирнов 1928; Бартольд 1940: 15—50; Новосельцев 1965: 402—407; Мельникова, Петрухин 1989: 24—38; Петрухин 1995; 2001: 127—142; 2014; Цукерман 2001: 59—69; Лебедев 2005: 410—596; Мачинский 2009: 460—538; Кулешов 2009: 441—459; Франклин, Шепард 2009: 15—289; Мельникова

2011; Щавелев 2013: 112—121; Фетисов, Щавелев 2017), варяги и русы были изначально полностью тождественны¹.

1. Авторы, отождествляющие варягов с русами, локализуют Русский каганат где-то на севере Восточной Европы, там, где археологически фиксируются наиболее ранние следы появления варягов в Восточной Европе и считают, что это некая полития, созданная «дорюриковыми» варягами: в Ладогe (см., напр.: Цукерман 2001: 59—69; Мачинский 2009: 492—501); на Рюриковом городище (см., напр.: Бартольд 1940: 19—22; Франклин, Шепард 2009: 52—75); в районе Старой Руссы (см., напр.: Шахматов 1919: 53—58); на Верхней Волге (см., напр.: Смирнов 1928) и т.д. В свою очередь, среди ученых, которые видят в варягах не скандинавов, а балтийских славян, популярна гипотеза, согласно которой «остров русов», которым правит хакан, — это Рюген (см., напр.: Кузьмин 1970: 28—55; Трухачев 1981: 159—174; Прозоров 2007).

Названные гипотезы, на наш взгляд, не выдерживают никакой критики.

Во-первых, они не стыкуются с реальной историко-археологической ситуацией на севере Восточной Европы IX в. (подробнее о ней см.: Жих 2018: 36—44), которая на основании имеющихся данных рисуется следующим образом.

Около середины VIII в. в устье Волхова появляются варяги, выходцы из Балтийского региона, где формируется полиэтничное торговое поселение в Ладогe (Кирпичников 1988: 39), связанное с Балтийско-Волжским путем, но дальше в глубь Восточной Европы около ста лет они не продвигаются, по сути, ни на шаг: до середины IX в. ни на одном поселении, кроме Ладоги, не выявлено надежных признаков проживания варягов, носителей циркумбалтийской дружинной культуры (находки отдельных вещей не в счет, так как они свидетельствуют не о проживании выходцев из Балтийского региона, но только о контактах с ними словен, кривичей и т.д.). В.В. Седов констатировал: «Полное отсутствие до середины IX в. характерных скандинавских находок на других поселениях северо-запада свидетельствует о том, что торговая активность варягов ограничивалась Ладогой, они еще не решались широко проникать

¹ В связи с тем, что обе концепции имеют под собой достаточную аргументацию и дискуссия между их сторонниками заходила в тупик, В.А. Брим сделал вывод о возможности существования соответствующих омонимичных имен как на юго-востоке Европы, так и в Балтийском регионе, которые впоследствии контаминировались (Брим 1923). Данная гипотеза с теми или иными вариациями встретила в разное время поддержку ряда ученых (Е.А. Рыздзевская, Б.Д. Греков, М.Я. Сюзюмов, А.П. Новосельцев) и была принята М.Б. Свердловым (Свердлов 2003: 92—95; 2011: 578—584. Там же см. историографию вопроса) и А.А. Горским (Горский 2004: 43—46). Основательно развил ее в своих работах А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 242—313).

в глубь словенско-кривичских территорий. Очевидно, торговая деятельность, а на ее развитие указывают находки восточных монет, находилась в этих землях в руках представителей местного населения. Кроме Ладоги единичные находки (кресало и топор) скандинавских типов, определяемые концом VIII — первой половиной IX в., найдены еще на Сарском городище, в области проживания мери, но говорить о проникновении сюда скандинавов на основе их явно преждевременно» (Седов 2003: 7). Признаков проживания варягов нет в ранних материалах Новгородского городища, в материалах Холопьевого городка, городища на Сяси, Новых Дубовиков, материалах Изборска или ранних материалах Псковского городища и т.д. (Седов 1999а: 100—111; 2003: 4—6).

Из этого следует, что словене и их союзники вполне успешно «блокировали» варягов в Ладоге и не давали им в течение примерно ста лет никуда продвигаться иначе, как в качестве купцов.

Более того, рядом с неукрепленной Ладогой существовала славянская крепость Любша, где укрепления были возведены еще в конце VII — начале VIII в. (о Любшанском городище см.: Рябинин, Дубашинский 2002: 196—203; Рябинин 2003: 16—19), притом что поселение в Ладоге до последней четверти IX в. не имело укреплений¹. Очевидно, что укрепленное поселение политически господствовало над неукрепленным. Это дает нам ключ к пониманию того,

Боевой топор. Восточные славяне, IX—XI вв.

¹ «Не менее ста лет (с середины VIII до середины IX в.) архаичское раннегородское поселение в Ладоге не имело укреплений и располагалось вокруг гавани, первоначально образованной несколькими (ныне исчезнувшими) подземляными напластованиями и фортификацией ладожских оборонительных сооружений) речными рукавами Ладозжки/Елены» (Лебедев 2005: 450). Укрепления, причем каменные, в Ладоге возводятся только в конце IX в. (Кирпичников 1984: 23—42).

что представляло собой с историко-социологической точки зрения раннее поселение в Ладоге: оно было полиэтничным международным торговым эмпорием, находившимся под политическим контролем словен и их крепости Любши. Торговое поселение в Ладоге не имело и в силу самой своей социальной природы не могло иметь значение политико-организационного центра, не могло быть «столицей» севера Восточной Европы.

Историческая ситуация в Ладожско-Ильменском регионе и соседних землях существенно меняется только в середине IX в.: с этого времени варяжская дружинная культура появляется на Новгородском (Рюриковом) городище, где ранее существовало поселение словен, признаки проживания варягов появляются в Верхнем Поволжье и в некоторых других пунктах (Седов 1999а: 125—127), что вполне согласуется с рассказом ПВЛ о призвании Рюрика и его варягов. Учитывая, что в предшествующие сто лет словене вполне успешно блокировали продвижение варягов, то их успешное перемещение на юг и восток около середины IX в., очевидно, явилось результатом союза со словенами. И именно как союзники словен варяги получили возможность такого продвижения. Появление варягов Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политике, стало результатом определенного соглашения — «ряда» между ним и словенами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью).

Сказанное решительно не позволяет связывать с варягами русов ранних восточных, византийских и западноевропейских источников, действующих на юго-востоке Европы, которыми правит каган. В то время как варяги еще не продвинулись никуда дальше Ладоги или в лучшем случае только появились на Новгородском городище и в Верхнем Поволжье, источники уже знают Русский каганат как существующую политию.

Во-вторых, предметный анализ географических координат сочинений, восходящих к «Анонимной записке», неизменно приводит ученых к выводу, что она локализует русов на юго-востоке Европы, рядом со славянами (вятичами или северянами), Сарир и аланами (Березовец 1970: 59—74; Рыбаков 1982: 172—234; Поляк 2001: 87—91; Седов 2003: 8—10; Галкина 2002: 63—138; 2006: 202—270; 2012: 42—155, 256—313; Свердлов 1970: 363—369; 2003: 92—99). Результатам предметного анализа географических сведений восточных источников, показавшим, что русы в них локализируются на юго-востоке Европы, И.Г. Коновалова противопоставила голословное утверждение о том, что будто бы «вся совокупность ранних данных о русах в мусульманской литературе

указывает на их северное происхождение» (Коновалова 2001: 170). На самом деле не то, что «совокупность данных», но вообще ни один из ранних восточных источников никоим образом не указывает на северную локализацию русов (о севере Восточной Европы в представлении ранних восточных авторов см.: Галкина 2002: 72—81; 2012: 49—56).

В-третьих, в принципе только на юге Восточной Европы возможно помещать политию, правитель которой именуется себя «каганом», титулом, считавшимся наивысшим у народов евразийских степей, ибо только здесь были понятны его смысл и значение. Локализации Русского каганата где-то на севере (на о. Рюген, в Ладогe, на Городище, в Верхнем Поволжье и т.д.) безосновательны — титул «кагана» просто не мог там появиться, так как не имел в этом регионе никакого смысла, будучи чем-то вроде «герцога» в Китае.

В-четвертых, вспомним, что полития русов с хаканом во главе была неизвестна франкам, которые знали о ней только через византийское посредство и никак иначе (это следует из того, что в своих соответствующих сообщениях они просто калькировали византийские термины). Между тем циркумбалтийский регион находился в поле их интересов, и едва ли бы они не знали о существовании здесь подобного политического объединения. А ведь судя по титулу ее правителя (причем, как следует из франкских источников, титулу, признаваемому византийской канцелярией!), эта полития должна была быть очень серьезной и влиятельной.

В-пятых, инфраструктурная проблема. На севере Восточной Европы первой половины — середины IX в. просто нет инфраструктуры и поселенческих центров такого уровня, чтобы их правитель мог заявить о столь серьезных политических амбициях и чтобы соседи эти амбиции признали: «Не следует в то же время переоценивать демографический потенциал Севера в IX — первой половине X в. Показательны прежде всего скромные размеры торговых-ремесленных поселений и административных центров. Попав на общие карты средневековой Европы и Средиземноморья, они постепенно стали восприниматься как соразмерные средневековым столицам. Площадь Рюрикова городища оценивается Е.Н. Носовым как 6—7 га, площадь Ладого на раннем этапе ее существования не превышала 8 га, площадь Сарского городища вместе с посадами составляла 3 га. Городища в Приильменьи и Поволховье имеют минимальные размеры — 0,2—0,5 га. При всей значимости этих поселений кажется очевидным, что их собственные людские ресурсы и экономические

возможности были недостаточны для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтийского моря до границ степи» (Макаров 2012: 455).

В-шестых, прямые контакты с Византией для политики, расположенной где-то на севере Восточной Европы для первой половины IX в., выглядят как что-то нереальное. Византия и Русский каганат явно должны были находиться в поле зрения и интересов друг друга (обстоятельную критику гипотез северной локализации Русского каганата см.: Шаскольский 1981: 47—48; Седов 2003: 3—8; Галкина 2002: 72—81; 2012: 49—67).

2. Второй популярной гипотезой локализации Русского каганата является его размещение на Среднем Днепре с центром в Киеве и понимание как непосредственного социально-политического предшественника Киевской Руси (см. например: Геденов 2004: 337—349; Пархоменко 1924; Мавродин 1945: 200—204; Сахаров 1980: 36—47; Шаскольский 1981: 43—54; Рыбаков 1982: 284—316; Толочко 1987: 14—36; 2013: 46—59; Свердлов 2003: 92—99; Горский 2004: 54—58; Фроянов 2015: 97—98).

Эта гипотеза может объяснить принятие правителем русов титула каган (соперничество с соседней Хазарией), лучше соответствует локализации русов с хаканом во главе в восточных источниках, не противоречит возможности их контактов с Византией. Но и она сталкивается с плохо разрешимыми трудностями.

Во-первых, киевская локализация Русского каганата не объясняет четкого разделения славян и русов как двух разных народов в восточных источниках.

Во-вторых, так же, как и северная, киевская локализация Русского каганата наталкивается на инфраструктурную проблему. Здесь для первой половины — середины IX в. точно так же, как и на севере, просто нет инфраструктуры и поселенческих центров необходимого уровня. Киев данного периода никак не может быть назван значительным центром (обзор археологических данных о начальных фазах истории Киева см.: Комар 2005: 115—137).

В то время как, согласно «Анонимной записке», русы ведут активную торговлю, по археологическим данным, «в IX в. на территории Среднего Поднепровья наблюдается почти абсолютный экономический вакуум» — здесь практически отсутствуют монетные находки, относящиеся к периоду до X в. (Щавелев, Фетисов 2014: 25—26).

Поскольку и «киевский», и «северный» варианты локализации Русского каганата не находят подтверждения, ряд ученых начал поиски третьего пути

в решении данного вопроса. Первым его контуры наметил Г.В. Вернадский. Пытаясь соединить локализацию Русского каганата в восточных источниках (юго-восток Европы), идею об иранском происхождении этнонима *русь* и то обстоятельство, что в ряде более поздних источников подрусами «подразумевались скандинавы» (Вернадский 1996: 284), ученый высказал следующую гипотезу: первая волна переселенцев из Скандинавии в Восточную Европу в 730-х гг. добралась до Верхнего Дона, где объединилась с одним из аланских племен (*рух асами* — «светлыми асами»), от которых переняла этноним. В союзе скандинавы и аланы разгромили венгров. Так в регионе Подонья и Приазовья образовалось алано-скандинавское государство — Русский каганат письменных источников, существовавший примерно около столетия в 730—830-х гг. и отразившийся в скандинавском эпосе (Вернадский 1996: 270—293).

Гипотеза Г.В. Вернадского в том виде, как она была сформулирована, не нашла археологического подтверждения: ни о каком переселении скандинавов в VIII в. в Подонье, судя по археологическим материалам, не может быть и речи. Но аргументы ученого в пользу подонско-приазовской локализации Русского каганата и его связи с аланами остались в силе.

Известный советский археолог-славист Д.Т. Березовец, мысли которого шли в том же направлении, что и у Г.В. Вернадского¹, поместил русов с хаканом во главе в том же регионе (в Подонье), но, опираясь на археологический материал, пришел к выводу, что русы ранних восточных источников — это аланы, носители яркой и самобытной салтовской культуры. Салтовская культура находится именно там, где восточные авторы локализуют русов, а то, как жизнь салтовцев рисуется по археологическим материалам, удивительно точно совпадает с этнографическими описаниями русов у мусульманских писателей.

К сожалению, все работы Д.Т. Березовца, посвященные проблеме соотношения салтовской культуры и русов с хаканом во главе вышли уже после смерти ученого (Березовец 1970: 59—74; 1972: 288—292; 1999: 320—350), поэтому полноценного обсуждения новой концепции не состоялось.

Поскольку выводы Д.Т. Березовца о русах как об аланах-салтовцах представляли собой, так сказать, третий путь в поисках истоков руси и резко расходились как с норманизмом, так и с антинорманизмом, а также и с традиционными взглядами

¹ Невозможно точно сказать, был ли Д.Т. Березовец знаком с вышедшей в США работой Г.В. Вернадского. Ссылок на нее у него нет. Но это может объясняться как незнанием о ней, так и невозможностью для советского ученого позитивного упоминания о работе «антисоветского» историка-эмигранта.

на историю Хазарии, то в последующей историографии они не получили достаточного развития.

Ученого поддержал археолог Д.Л. Талис, который, отталкиваясь от концепции Д.Т. Березовца, показал, что в Крыму проживали носители салтовской культуры, родственные верхнедонским аланам, которые в источниках именовались росами (Талис 1973: 229—234; 1974: 87—99)¹. В поддержку гипотезы Д.Т. Березовца высказались А.Г. Николаенко (Николаенко 1991) и А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 243—267; 2005: 266—294). О.Н. Трубачев в рамках развиваемой им гипотезы об индоарийском происхождении руси сделал вывод, согласно которому именно в районе салтовско-славянского пограничья «начал шириться этноним Рус, Русь, почему говорят о Донской Руси. Донская Русь, ее положение по отношению собственно Хазарии, с одной стороны, и Киевской Руси — с другой, сохраняет в себе еще много нерасшифрованного. В силу этих и других причин внимание научной истории как бы соскальзывает с этого промежуточного, малоизвестного объекта» (Трубачев 2005: 148).

На юго-востоке Европы локализовал Русский каганат и В.В. Седов². Согласно гипотезе ученого его археологическим отражением является славянская волынцевская культура VIII — начала IX в. По справедливым словам Е.С. Галкиной, работа В.В. Седова стала «первой попыткой локализации Русского каганата как самостоятельного сильного государства на основе комплексного использования данных археологии, нумизматики, лингвистики и аутентичных письменных источников» (Галкина 2002: 35).

В.В. Седов обратил внимание на то, что в историографии характеристика этнокультурных и политических процессов, происходивших в Восточной Европе в IX—X вв., нередко дается в обобщенном виде, и в таком же суммарном виде рассматриваются сведения о русах, содержащиеся в источниках разного времени, в то время как на самом деле эта эпоха в истории Восточной Европы была наполнена политическими преобразованиями и этнокультурными трансформациями. Соответственно, необходимо выделение и историческая

¹ Большинство современных ученых, разбирающих вопрос о «Причерноморской Руси», согласны с Д.Л. Талисом в том, что ее изначальную этническую основу составлял ираноязычный (или, по О.Н. Трубачеву, близкий ему индоарийский) элемент, к которому в период формирования Тмутараканского княжества присоединились славяне и варяги. Современное рассмотрение круга вопросов, связанных с «Причерноморской Русью», см.: Кузьмин 2003: 243—267; Радомский 2004; Трубачев 2005: 131—188; Королев 2006: 88—102.

² Публикаторы одной из работ Д.Т. Березовца о русах уже отметили сходство его гипотезы с гипотезой В.В. Седова: Приймак, Приймак 1999: 351—354.

конкретизация отдельных периодов жизни региона. Первая половина IX в., время существования Русского каганата, — это совершенно особая эпоха в жизни Восточной Европы, картина которой, восстанавливаемая по историко-археологическим данным, существенно отличается от последующих периодов, соответственно и значение понятия «русы» для этого времени не обязательно тождественно тем, какие оно имело в другие периоды (Седов 1998: 3—15; 1999: 50—82; 1999а: 27—70; 2002: 255—295; 2003: 3—14).

Весьма важным представляется вывод В.В. Седова: ареал волынцевской культуры совпадает с территорией так называемой *Русской земли* в «узком смысле» в Среднем Поднепровье, очерченной по летописным данным (Тихомиров 1979: 22—45; Насонов 1951: 28—68; Рыбаков 1953: 28—39; 1982: 56—67; Кучкин 1995: 74—100) и, очевидно, представлявшей собой древнейший очаг распространения соответствующего этнонима в Восточной Европе (Седов 1999: 77—80; 2002: 269—272).

Вместе с тем и гипотеза В.В. Седова о Русском каганате как волынцевской культуре имеет существенные проблемы. Ключевая из них в том, что согласно «Анонимной записке» русы хоронили своих умерших по обряду ингумации, в то время как у волынцевцев имело место трупосожжение. «Анонимная записка» говорит о городах у русов, в то время как волынцевцы жили в неукрепленных селищах. Точные аналогии этнографических характеристик русов «Анонимной записки» находятся, как подметил Д.Т. Березовец, в салтовской культуре.

Некоторые ученые выступили с критикой гипотезы В.В. Седова и предложили иную историческую интерпретацию волынцевских памятников: учитывая их связь с салтовской культурой, они могут маркировать зону проживания славян, подчиненных Хазарскому каганату (Петрухин 2001: 139; 2014: 109—111; Комар 2005а: 207—218; Воронятов 2005: 199—210). При этом следует подчеркнуть, что если не выходить за пределы собственно археологических данных, то корректнее будет следующая формулировка: волынцевские памятники очерчивают ареал славян, находившихся под влиянием носителей салтовской культуры.

В рамках концепции Д.Т. Березовца противоречие между позицией В.В. Седова и его оппонентов в известном смысле устраняется: волынцевцы — это славяне, находившиеся в подчинении у русов с хаканом во главе, носителей салтовской культуры, и от них перенявшие соответствующий этноним.

Салтовская (салтово-маяцкая) культура в узком (собственном) смысле — это культура аланского населения лесостепной части Подонья, сложившаяся

в результате переселения в этот регион аланских племен и генетически связанная с культурой аланов Северного Кавказа. Вхождение этой территории в состав Хазарского государства, на наш взгляд, ничем не доказано (еще И.И. Ляпушкин пришел к выводу, что салтовские аланы были независимы от Хазарии: Ляпушкин 1958: 85—150; 1961: 187—213), а соответственно, нет оснований и для «расширительной» трактовки понятия «салтовская культура» как «культура Хазарского каганата», которую предлагала С.А. Плетнева (Плетнева 1967; 1981: 62—75; 2000).

Д.Т. Березовец, насколько можно судить, придерживался «широкой» трактовки салтовской культуры, что является уязвимым местом в его концепции и создает в ней противоречие: из работы ученого сложно понять, как он решает вопрос о соотношении аланов-русов и Хазарского государства. Видимо, Д.Т. Березовец склонялся к признанию салтовских русов вассалами Хазарского каганата. Но ни один из использованных им письменных исторических источников о русах не говорит о том, что они находились в какой-либо форме зависимости от Хазарии или вообще были с ней чем-либо связаны, кроме торговли. Более того, принятие правителем русов титула «каган» ясно говорит о суверенитете возглавляемого им политического объединения, а также о его претензиях на первенство в регионе: у народов евразийских степей — от жуань-жуаней до монголов — титул кагана считался наивысшим.

По этим причинам мы считаем более логичным то развитие концепции Д.Т. Березовца о салтовских аланах как о русах с хаканом во главе письменных источников, которое с учетом выводов И.И. Ляпушкина сформулировала в своих работах Е.С. Галкина: в VIII—IX вв. в ареале салтовской культуры в ее «узком» значении существовало независимое и соперничавшее с Хазарией мощное государство аланов — Русский каганат, включавшее в свой состав и ряд зависимых славянских областей, отмеченных распространением волынцевских памятников, на которые распространился хороним *Русская земля* (Галкина 2002; 2006: 385—446; 2012; Жих 2009: 147—157)¹.

¹ Приходится с сожалением констатировать, что со стороны некоторых сторонников взгляда на салтовских аланов как на составную часть Хазарского каганата, а на русов как на варягов (скандинавов), реакция на работы Е.С. Галкиной имела совершенно неадекватный характер. Вместо серьезного обсуждения концепции и ее аргументации последовали ругань и шельмование (Коновалова 2003; Комар 2010: 185—196). Более предметный и аргументированный, хоть и критический, характер имеют рецензии Д.Е. Мишина (Мишин 2003: 93—96), К.Г. Самойлова (Самойлов 2006) и А.Н. Севастьянова (Севастьянов 2013: 227—237). Положительно работы Е.С. Галкиной оценили А.В. Журавель (Журавель 2004), автор этих строк (Жих 2009: 147—157) и А.А. Карпенко (Карпенко 2016: 89—94; 185—192).

По словам С.А. Плетневой, «что касается лесостепного (аланского) варианта салтовской культуры Подонья, то о нем не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Богатый, развитый и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что имя аланов скрыто в источниках под каким-то другим названием» (Плетнева 1967: 186). Если Д.Т. Березовец в решении проблемы исторической «анонимности» салтовской культуры выступил за отождествление ее носителей с русами во главе с хаканом из восточных источников, то Г.Е. Афанасьев предложил иное решение данного вопроса: по мнению ученого, салтовцы — это буртасы письменных источников (Афанасьев 1984: 28—41; 1987: 142—167).

Гипотеза Г.Е. Афанасьева не может быть принята, поскольку находится в решительном противоречии с сообщениями разнообразных источников, надежно помещающих буртасов на берегах Волги.

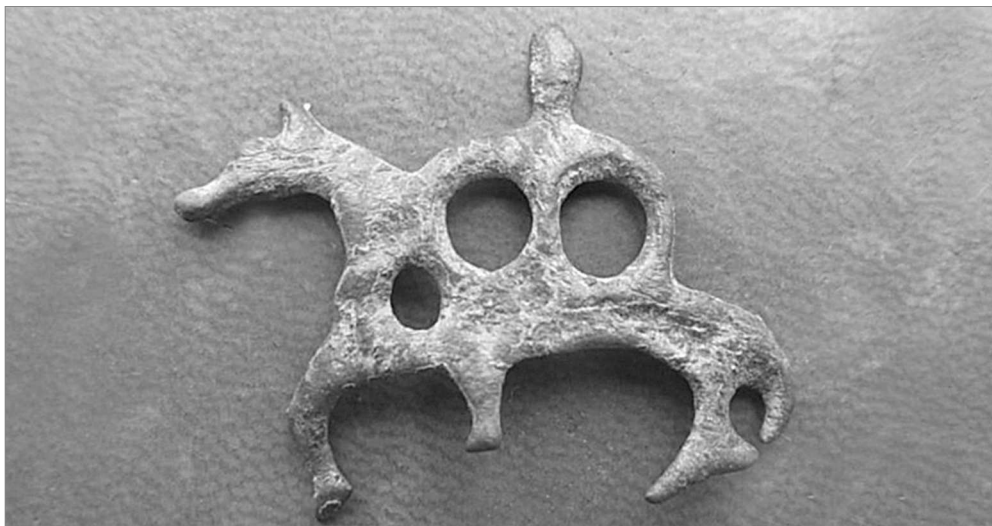
Практически в том же регионе, где Иосиф, и в окружении народов Поволжья помещает буртасов древнерусское «Слово о погибели Русской земли»: «...тоймици погании, и за Дышючимь моремь (Северным Ледовитым океаном. — М.Ж.). От моря до болгарь (волжских. — М.Ж.), от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдвй, — то все покорено было Богомь крестияньскому языку (Руси. — М.Ж.)»; «Буртасы, черемиси, вьда, и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера (Мономаха. — М.Ж.)» (Слово 2005: 90).

В Поволжье помещают буртасов и восточные авторы. Ибн Русте: «Земля буртасов лежит между хазарской и болгарской землями» (Ибн Русте 1869: 19). Аль-Истахри: «Буртасы — народ, соседящий с хазарами... они — племя, расположившееся на реке Итиль» (Заходер 1962: 231—232).

Три разные традиции (хазарская, древнерусская и арабская) единогласно помещают буртасов в Среднем Поволжье, соответственно, возможность их соотнесения с носителями салтовской культуры должна быть исключена.

Отождествление русов с хаканом во главе с носителями салтовской культуры снимает охарактеризованные выше проблемы, встающие перед другими гипотезами их локализации:

— салтовская культура точно соответствует географической локализации русов в восточных источниках. При этом важно, что проживание ранних русов именно в салтовском ареале подтверждается и западноевропейскими известиями IX в.

Амулет. Салтовская культура

В «Баварском географе» (середина — вторая половина IX в.) русы помещены между хазарами (*Caziri*) с одной стороны, древлянами (*Forsderen liudi* — «лесные люди»), полянами (*Fresiti* — «свободные жители», т.е. жители полей, свободной от леса местности, противопоставленные по этому признаку своим соседям — древлянам), лучанами (*Lucolane*) и венграми (*Ungare*) — с другой: «Кациры (*Caziri*), 100 городов. Русь (*Ruzzi*). Форшдерен лиуды (*Forsderen liudi*). Фрешиты (*Fresiti*). Шеравицы (*Seravici* — этноним, видимо, славянский — *М.Ж.*). Луколане (*Lucolane*). Унгаре (*Ungare*)» (ДРЗИ. IV: 29—30. Об этнонимах, соседних с русами см.: Седов 1999: 63—65; 2002: 267—269).

В дополнительных известиях составленного в конце IX в. королем Альфредом (872—899/901) или кем-то из его окружения перевода на англосаксонский язык «Истории против язычников» Павла Орозия русы (*рохоуаски*) помещены в Подонье: «Европа начинается, как уже сказано, от реки Даная (Дона. — *М.Ж.*), которая стекает с северной части гор Риффенг (Рифейские горы — Урал. — *М.Ж.*), лежащих близ того гарсекга, который зовется Сармондийским (Сарматским. — *М.Ж.*). И эта река Данай течет оттуда на юг, на запад от алтарей Александра, в [землю] народа Рохоуасков (*рухс-асов* — «светлых асов» — русов. — *М.Ж.*). Она образует то озеро, которое называется Меотедийским (Азовское море. — *М.Ж.*), и [течет] далее многими потоками, близ того города, который называется Феодосия, [и] на востоке впадает в море, которое называется Эвксином (Черное море. — *М.Ж.*)» (Матузова 1979: 23).

В одной из грамот восточнофранкского короля Людовика Немецкого (840—876), датируемой 862—863 гг., среди владений Альтайхского монастыря упоминает местечко под названием *Ruzaramarcha*, т.е. «Русская марка» (Назаренко 2001: 14—21), причем это имя передает явно славянскую форму *русь*, из чего А.В. Назаренко сделал справедливый вывод: «...носители самоназвания «Русь», с которыми с IX в. имели дело в Баварской восточной марке, говорили по славянски» и «не позднее середины IX в. в древнебаварский была заимствована славяноязычная форма *русь*» (Назаренко 1998: 78). Следовательно, купцы, приходившие в Баварию из Среднего Поднепровья уже в середине IX в., именовали себя русами, причем именно в славянской огласовке. Видимо, это были среднеднепровские славяне, подвластные салтовским аланам-русам и перенявшие у них этноним, так же как немного позднее это сделали появившиеся в Среднем Поднепровье варяги;

— салтовская культура отвечает всем характеристикам русов «Анонимной записки» (подробнее об этом см. ниже).

— в салтовском ареале существует развитая инфраструктура, позволяющая говорить о раннем государстве: система городищ разного уровня; высокоразвитое ремесло (в первую очередь мощная металлургия, включая производство оружия) и активная торговля; собственная монетная чеканка («варварские подражания» арабским дирхемам) и т.д.

Возникает вопрос: как в рамках концепции о русах как носителях салтовской культуры (аланах) объяснить тот факт, что представителями их государства в 838—839 гг. в Византии и державе франков оказались некие выходцы из Балтийского региона, и как вообще этноним *русь* оказался перенесен на варягов?

В.В. Седов совершенно справедливо писал, что «если византийские источники X в., в том числе и Константин Багрянородный, называли норманнов Восточной Европы русами, то это никак не может быть поводом для утверждения, что восточноевропейские русы первой половины и середины IX в. были скандинавами» (Седов 2002: 286).

Думается, что имеются археологические данные, позволяющие ответить на вопрос о причинах и механизме переноса этнонима *русь* с салтовских аланов на варягов.

Исследования Супрутского городища на реке Упе (правый приток Оки) в Тульской области (Григорьев 2005; Мурашева 2008; 2012: 103—106) показали, что это поселение было одним из наиболее ранних мест проживания

в Восточной Европе варягов (около середины IX в.), при этом в Супрутах выявлены выразительные следы влияния салтовской культуры, из чего можно сделать вывод, что в Супрутах базировался варяжский отряд, находившийся на службе у салтовцев (Фетисов, Щавелев 2017: 71—72). Интересно, что ближайшие аналогии скандинавским артефактам из Супрут обнаруживаются на Готланде, что указывает «на возможный регион, откуда происходила супрутская группа викингов» (Мурашева 2008: 39). Это прямое соответствие сообщению Бертинских анналов о свеонах (*Sueoni*), состоявших на службе у кагана русов.

Таким образом, у нас есть материальное подтверждение того, что некоторые варяги были «федератами» салтовских аланов, расселявшимися по периферии Русского каганата и охранявшими торговые пути. Из этого можно сделать два вывода:

1. Становится понятна загадка сообщения Бертинских анналов о свеонах, представлявших Русский каганат. Почему власти Русского каганата отправили послами именно свеонов, из источника, в общем, вполне понятно: каган понимал, что обычным путем послы вернуться не смогут из-за угрозы нападения врагов (очевидно, кочевников, скорее всего, венгров), — об этом прямо сказано в источнике, вот и отправил бывалых наемников, выходцев с Балтики, знающих кружной путь по Европе, которые смогут вернуться по активно функционировавшему в то время Балтийско-Донскому пути. При этом не факт, что этим путем возвращалось все посольство. Вполне правомерна мысль В.В. Седова, что кружным путем отправились только «свеоны», в то время как остальные его участники «вернулись в Днепровско-Донские земли и доложили кагану о результатах поездки в Константинополь» (Седов 2002: 279—280).

2. Возникает вопрос: а что, если та группа варягов, которая обосновалась в Среднем Поднепровье — это первоначально такие же федераты аланского Русского каганата, как и те, которые жили в Супрутах? На это указывает заимствование ими салтовской тамги, ставшей основой для так называемых «знаков Рюриковичей» — эмблем князей, принадлежавших к правящему роду (Флерова 2001: 53—62; Галкина 2002: 391; Мельникова 2011: 246—248; Белецкий 2012: 457—458). Такое заимствование логично именно для вассалов (вероятно, это вообще не «заимствование»: власти Русского каганата просто пожаловали своим варяжским вассалам определенный тип тамги, как, видимо, они жаловали разные типы тамг всем должностным лицам и вассальным правителям). Влияние салтовцев на варягов было огромно, вплоть до перенятия варягами у сал-

товских аланов элементов внешнего вида (прическа Святослава) и одежды. При этом, видимо, на варягов был перенесен и этноним *русы*.

Когда Русский каганат прекратил свое существование (это произошло где-то в промежутке между серединой IX и началом X в. скорее всего, из-за войн с Хазарией и ударов кочевников), эти варяги обособились и начали процесс подчинения восточнославянских племен и борьбы с Хазарией, известный по древнерусским летописям.

О русах, живущих где-то в Северном Причерноморье до IX в., в источниках имеются аутентичные свидетельства. Сирийский автор середины VI в. Псевдо-Захария Митиленский помещает их где-то на север от Кавказа: «Соседний с ними (с амазонками, местонахождение которых обычно приурочивается к южнорусским степям. — М.Ж.) народ *hrus* (*hros*), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей» (Пигулевская 2011: 387). Некоторыми современными авторами, сторонниками гипотезы о скандинавском происхождении руси, данное известие источника нигилистически отвергается без каких-либо серьезных доказательств по принципу «если источник противоречит теории, тем хуже для источника», простым указанием на легендарный характер описания данного народа и ссылкой на «Гога, в земле Магог, архонта Роса, Мосоха и Тобела» из Септуагинты (Петрухин 1995: 42—48; 2014: 97—108). Подобные аргументы едва ли можно рассматривать всерьез: никаких библейских реминисценций ни сообщение о «народе рус», ни его контекст не содержат, а приписывать реальным народам разные легендарные черты — норма для античной и средневековой историографии.

Интересно, что Ибн Русте тоже говорит об отсутствии у русов конницы. Видимо, по каким-то причинам об этом народе существовал подобный устойчивый стереотип.

Другой автор середины VI в. гот Иордан рассказывает о народе росомонов — *Rosomoni* (т.е. буквально о «народе рос» или «людях рос»: *ros* + *mon* — «человек»), враждовавших с готским королем Германарихом: «Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему (Германариху. — М.Ж.) в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени [росомонов], по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Амий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый

этой раной, король влачил жизнь больного» (Iord., Get. 129) (Иордан 2013: 86). Названные Иорданом имена росомонов *Sar* и *Аммий* иранисты В.И. Абаев и А.Н. Карсанов объясняют из сармато-аланских языков (*sar* — «глава»; *ama* — «могучий») (Карсанов 1989: 25—31).

Таким образом, имеется два независимых друг от друга и принадлежащих к разным традициям (сирийской и готской) известия VI в. о народе рус/рос, принадлежавшем, видимо, к числу сармато-аланских племен и проживавшем где-то в Северном Причерноморье.

Попробуем провести предметное сопоставление этнографических данных о русах, сообщаемых восточными авторами, передающими «Анонимную записку» и археологических материалов салтовской культуры.

1. Согласно «Анонимной записке», русы нападают на славян и подчиняют их себе. Гардизи: «Постоянно эти люди (руссы. — *М.Ж.*) ходят войной на славян, [идут] на кораблях, захватывают славян, превращают в рабов, отвозят к хазарам и булгарам и продают» (Заходер 1967: 82); «постоянно по сотне и по двести [человек] они ходят на славян, насилием берут у них припасы, чтобы там существовать; много людей из славян отправляются туда и служат русам, чтобы посредством службы обезопасить себя» (Заходер 1967: 82).

Типологической параллелью данного известия Гардизи может служить рассказ Хроники Фредегара об аварском иге в VII в. над славянами Паннонской котловины: «Гунны (авары. — *М.Ж.*) каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их к себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань» (Fred. IV. 48) (Хроника Фредегара 1995: 367). За несколько гротескным тоном данного известия скрывается описание реальной архаичной формы даннических отношений, когда побежденные должны предоставлять победителям натуральное обеспечение (корм). Салтовские аланы VIII—IX вв., безусловно, были существенно более развиты, чем авары VII в., но и они нуждались в натуральных формах обеспечения, которое получали в том числе и у своих данников-славян.

В «Анонимной записке» говорится, что русы питаются тем, что привозят из земли славян. Ибн Русте: «Нет у них (русов. — *М.Ж.*) полей [пахотных], так как они едят то, что привозят из земли славян» (Заходер 1967: 81). Гардизи: «У них (русов. — *М.Ж.*) нет посева и земледелия, посев их — грабеж славян» (Заходер 1967: 82); Мубарак-шах: русы «не имеют посева и земледелия, постоянно совершают набеги, забирают у славян рабов... привозят товары и зерно, от этого имеют средства к существованию» (Заходер 1967: 82).

Данные описания явно гиперболизированы, но тем не менее вполне могут быть сопоставлены с известными по археологическим данным сведениями о салтовских аланах.

На территории лесостепной салтовской культуры существовало развитое земледелие (обобщение соответствующих данных см.: Колода, Горбаненко 2010; 2018), но оно преимущественно «было подчинено потребностям животноводства», в особенности коневодства, соответственно если «для кормовой базы существовали довольно значительные площади», то «площадей, на которых могло быть введено земледелие, было немного, что наталкивает на мысль о поступлении продуктов земледелия не только из собственных полей, но и извне»; «население лесостепных городищ... далеко не всегда могло самостоятельно обеспечить себя продуктами питания в необходимом количестве и нуждалось в поступлениях продуктов земледелия извне» (Колода, Горбаненко 2010: 156—157).

Можно полагать, что важным источником поступления на салтовские городища продуктов земледелия были не только их собственные сельскохозяйственные округа (Колода, Горбаненко 2010: 157), но и подчиненные им славянские земли, что нашло свое отражение в приведенных сообщениях восточных авторов.

Учеными не раз высказывалась мысль, что часть салтовских крепостей была направлена на экспансию против славян и контроль над покоренными салтовцами славянскими областями (Афанасьев 1987: 139—142; 1993: 147—149; Седов 1998: 6; 1999: 70—73; 2002: 279; Щавелев 2014а: 323—329).

Славяне, о которых идет речь в «Анонимной записке», — это, судя по их географической локализации и этнографическим особенностям, славяне днепровского левобережья: либо вятичи (Рыбаков 1982: 225—234, 258—284), либо северяне (Шпилев 2009: 52—69), что полностью согласуется с пониманием русов данного источника как салтовских аланов: русы «Анонимной записки» напали на славян и подчинили их своей власти. Салтовцы соседствовали с северянами и с вятичами, соответственно, легко могли это сделать, в то время как нападения варягов на вятичей и северян в первой половине IX в. выглядят чем-то совершенно нереальным (см. выше о варягах в Восточной Европе в данный период).

2. Согласно «Анонимной записке» у русов существовали катакомбные погребения по обряду ингумации. Ибн Русте: «Когда умирает у них кто-либо из знатных, то выкапывают ему могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу как одежду его, так и браслеты золотые,

которые он носил; далее опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец кладут в могилу живую и любимую жену покойника. Затем отверстие могилы закладывается и жена умирает в заключении» (Заходер 1967: 100).

Близко к Ибн Русте описывают погребальный обычай русов и другие авторы, передающие «Анонимную записку». Гардизи: «Когда убивают какого-либо большого человека (из русов. — *М.Ж.*), роют для него в земле могилу широкую и большую, словно просторный дом, кладут с ним все его одежды, браслеты, кубки для вина, пищу, чеканную монету; вместе с ним помещают его живую жену, закрывают отверстие могилы, так что жена умирает» (Заходер 1967: 101). «Худуд ал-Алам»: «И мертвого вместе со всем, что имеется у него из одежды и украшений, кладут в могилу, с ним кладут в могилу еду и питье» (Заходер 1967: 101).

Эти описания в точности соответствуют катакомбным погребениям салтовской культуры: «Выкопанная в земле могила в виде большого дома — это известная нам катакомба с дромосом и небольшим входным отверстием, которое обычно закладывалось каменными плитами или деревянной доской. Катакомба в основном не засыпалась... Инвентарь, сопровождающий захоронение, всегда очень многочисленный, богатый и состоящий из вещей, лично принадлежавших покойнику. Сообщение о захоронении женщины тоже подтверждается археологически. Правда, в действительности женщину клали в могилу неживой» (Березовец 1970: 69—70).

Некоторые исследователи предпринимают попытки сопоставления данного обряда с камерными погребениями Северной и Восточной Европы эпохи викингов (Петрухин 2001: 135; Самойлов 2006: 14—15; Михайлов 2016: 155), для чего нет оснований: сведения «Анонимной записки», судя по указанному в ней расположению кочевых народов, надежно датируются первой половиной IX в. (Czegledy 1973: 263; Рыбаков 1982: 229—232; Шпилев 2009: 66; Галкина 2010: 57, 98), в то время как камерный обряд в Восточной Европе, если не считать единичного захоронения в Плакуне с дендротатой 890—895 гг., «формируется и распространяется в древнерусских могильниках во второй — третьей четверти X в., или в 930—960-е гг.» (Михайлов 2016: 155); «получил распространение не ранее второй четверти X в. и существовал до последней четверти X в. включительно» (Михайлов 2016: 180). То есть налицо хронологическая нестыковка во много десятилетий, которую отнюдь не устраняет даже уникально раннее захоронение в Плакуне.

Меч каролингского типа — дорогое оружие знати

Таким образом, единственным соответствием описанному в «Анонимной записке» погребальному обряду русов остаются, в полном соответствии с наблюдениями Д.Т. Березовца, катакомбные погребения салтовской культуры.

3. Согласно «Анонимной записке», у русов существовали жрецы, пользовавшиеся особым общественным влиянием и почетом. Ибн Русте: «У них (русов. — М.Ж.) — знахари, они господствуют над их царем, подобно хозяевам, они приказывают им приносить в жертву создателю то, что они пожелают из женщин, мужчин, табунов лошадей; если прикажут знахари, никому не избежать совершения их приказа: захватывает знахарь то ли человека, то ли домашнее животное, набрасывает веревку на шею и вешает на дерево, пока не утечет дух его; они говорят, что это жертва богу» (Заходер 1967: 96).

Другие авторы, сообщения которых восходят к «Анонимной записке», передают аналогичный сообщению Ибн Русте рассказ. Гардизи: «Есть у них знахари, власть которых распространяется и на их царей. И если знахарь возьмет мужчину или женщину, накинёт им на шею веревку и повесит, пока те не погибнут, и говорит «это указ царя», — то никто не говорит ему ни слова и не выражает недовольства» (Новосельцев 1965: 400). «Худуд ал-алам»: «Знахари у них в почете» (Галкина 2002: 111).

Параллель обряду жертвоприношения русов путем удушения и повешения жертвенного животного или человека, наиболее подробно описанному Ибн Русте, находим у Геродота (V в. до н.э.) в описании обряда жертвоприношения у скифов: «Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются вот так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносит жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его. При этом огня не возжигают и не начинают посвящения или возлияния. После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса» (Hist. IV. 60) (Геродот 1972: 201).

4. Согласно «Анонимной записке», русы были очень воинственным народом, производившим собственное высококачественное оружие. Ибн Русте: «Когда у них (русов. — *М.Ж.*) рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом» (Новосельцев 1965: 397). Гардизи: «Когда у [русов] появляется ребенок, они кладут перед ним обнаженный меч и отец говорит: «У меня нет золота, серебра, имущества, чтобы оставить тебе в наследство. Это (меч. — *М.Ж.*) является твоим наследством; сам добывай; сам ешь» (Заходер 1967: 83).

Аналогичные рассказы имеются и у других авторов, передающих «Анонимную записку». Марвази, например, пишет: «Они видят в мече средство к существованию и занятию; когда у них умирает какой-нибудь муж, а у него есть дочери и сыновья, они вручают его имущество дочерям, а сыновьям предоставляют только один меч и говорят: «Ваш отец добыл имущество мечем, подражайте ему, следуйте ему в этом» (Заходер 1967: 83).

Подчеркивается при этом качество клинкового оружия русов. Ибн Русте: «У них (русов. — *М.Ж.*) — соломоновы мечи; если выступает [на кого-либо]

какое-либо племя (из русов. — *М.Ж.*), выступают все они, не разделяются, бываю-ют заодно против своих врагов, пока не побеждают их» (Заходер 1967: 94). Гарди-зи: «У них (русов. — *М.Ж.*) много сулеймановых мечей. Если они воюют, то стоят друг с другом заодно, не ссорятся между собой и совместно действуют, пока не победят врага» (Новосельцев 1965: 400). «Худуд-ал-алам»: «Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями» (Галкина 2002: 111).

В «Худуд-ал-алам» говорится о булатных клинках русов: «URTAB — город, где любого чужеземца убивают. Там производят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму» (Галкина 2002: 112).

Переводчики здесь везде поставили слово «меч», хотя на самом деле араб-ское *сайф* (سيف) может означать как меч, так и саблю, что надо иметь в виду. С таким же основанием во всех приведенных отрывках может быть проставлено слово «сабля». Обратим внимание на именование клинков русов «соломоно-выми». Что именно оно означает, неясно (Заходер 1967: 94), но очевидно, что клинки русов «Анонимной записки» — это не франкские мечи, принесенные в Восточную Европу варягами. Встретивший в 922 г. на Волге (уже, видимо, не салтовских, а варяжских) русов Ибн Фадлан отметил наличие у них именно франкских мечей: по его словам, мечи русов «плоские, бороздчатые, франк-ские» (Ковалевский 1956: 141). Салтовские аланы самостоятельно изготавлива-ли высококачественные клинки.

У иранских народов Северного Причерноморья издревле существовал культ меча. Вспомним классическое известие Геродота о почитании меча у скифов: «Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скиф-ской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в три стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка... На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Аре-са. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека...» (Hist. IV. 62) (Геродот 1972: 202).

В IV в. римский историк Аммиан Марцеллин рассказывает о почитании меча у аланов: «Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют» (Амм. XXXI, 2, 23) (Аммиан Марцеллин 2000: 494).

Готский историк VI в. Иордан передает сообщение автора V в. Приска Паннийского о мече гуннского правителя Аттилы, которое, по мнению большинства исследователей, также связано с аланским культом меча, заимствованным гуннами: «Хотя он (Аттила. — *М.Ж.*) по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей... Некий пастух заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах» (Iord., Get. 183) (Иордан 2013: 96).

По этнографическим данным прослежено почитание меча у осетин, потомков аланов: «Уже в 1872 г. В.Б. Пфаф пишет: «У осетин некоторые семейства молятся священным мечам. Верование это происходит от аланов Аммиана Марцеллина». Действительно, священные мечи как фамильные святыни почитались, например, у Акоевых и Джатиевых. Более того, предания об этих мечах в важнейших чертах совпадают с приведенным выше сообщением Приска: чудесные мечи Акоевых, Джатиевых, а также меч Дзадже Цаликова были изготовлены из небесного железа, обнаруженного пастухом при помощи коровы, так же как при помощи коровы пастухом был обнаружен священный меч скифов» (Дарчиев 2017: 7).

У салтовских аланов металлургия достигла высокого уровня развития, археологам известны целые металлургические комплексы салтовцев: «Типы сыродутных горнов, использовавшихся металлургами Ютановского металлургического комплекса, а также совершенствование технологии получения металла с использованием ферросплавов свидетельствуют о высоком уровне развития чернометаллургического производства и его важной роли в хозяйстве населения салтово-маяцкой культуры. В целом исследования показали, что в окрестностях современной Ютановки располагался крупнейший для того времени в Восточной Европе металлургический центр салтово-маяцкой культуры, основу которого составляли уникальные чернометаллургические технические установки, не только не имеющие себе равных, но и позволяющие рассматривать салтовское металлургическое производство как особую отрасль хозяйства — ремесло, дифференциация внутри которого проходила в зависимости от вида исходного продукта» (Степовой 2011: 21).

Достигнутый салтовскими аланами высокий уровень металлургического производства позволял салтовским оружейникам создавать высококачественное клинковое оружие: «Изучение девяти салтовских сабель показало, что в технике клинкового производства использовались шесть основных приемов: пакетирование, сварка двух заготовок, вварка, наварка, ковка цельносталльного клинка, термическая обработка... Сочетая несколько приемов в одном изделии, мастер создавал сложные конструктивные схемы изготовления клинков... Экземпляры № 1688, 1936, 2202, 2338, 2339 демонстрируют высокие технические качества: использование высокоуглеродистой стали, сложные технологические схемы, термическую обработку, к тому же сложные ее виды — закалку с отпуском» (Толмачова 2000).

Таким образом, налицо совпадение сообщений о высококачественном клинковом оружии русов у арабских авторов, передающих сведения «Анонимной записки» (попутно отметим, что о качественном вооружении хазар сведений в арабской литературе нет) и археологических материалов об оружейном производстве лесостепной салтовской культуры. Основным оружием салтовских аланов-русов была сабля (из девяти образцов салтовского клинкового оружия, исследованных М.М. Толмачовой, восемь являются саблями и только один мечом: Толмачова 2000), составлявшая серьезную военную конкуренцию мечу: «Эффективность оружия определяется расстоянием между центром тяжести и точкой удара. Чем оно меньше, тем выше коэффициент полезного действия, тем совершеннее, следовательно, данный экземпляр. Интересно отметить, что КПД прямого стержня при ударе оконечностью составляет 25 %. КПД же меча в силу правильного подбора поперечного сечения клинка и весовых соотношений рукояти достигает 45 %. Именно такими показателями обладает древнерусский меч X—XI вв., обнаруженный у с. Старая Преображенка... Иная картина наблюдается при ударе саблей. Кривизна рабочей поверхности в сочетании с круговым направлением удара позволяет обе его фазы производить в один прием... Кривизна полосы позволила увеличить КПД оружия, который, как отмечалось, тем выше, чем ближе точка удара к центру тяжести. Вполне естественно, что у дугообразного лезвия это расстояние будет всегда меньше. Поэтому КПД сабли 80 % и выше» (Соловьев 1985: 147—154).

5. Авторы, передающие рассказ «Анонимной записки», сообщают о важной роли торговли в экономике русов. Ибн Русте: «Единственное их (русов. — М.Ж.) занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они

продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют (ими)» (Новосельцев 1965: 397). Гардизи: «Торгуют они (русы. — *М.Ж.*) соболем и белкой и другими мехами. Носят чистые одежды и с рабами обращаются хорошо» (Новосельцев 1965: 399).

Археологические данные свидетельствуют о важной роли торговли в экономике аланской салтовской культуры: ее носители «вывозили в основном зерно, шкуры и кожи, мед и воск, с северных территорий благодаря посреднической торговле — пушнину, а также захваченных в набегах рабов. Ввозили предметы роскоши, пряности, ткани, вино. Не оружие — его делали в достатке сами» (Аксенов 2005).

6. «Анонимная записка» рисует русов как умелых корабелов. Ибн Русте: «Они [русы] нападают на славян, садятся на суда, отправляются к ним, полонят их, вывозят в Хазаран и Булгар, продают их» (Заходер 1967: 81), русы «смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают (вспомним известие Псевдо-Захарии середины VI в. об отсутствии у русов конницы. — *М.Ж.*): все свои набеги и походы производят они на кораблях» (Заходер 1967: 97). Гардизи: «Постоянно эти люди (русы) ходят войной на славян, [идут] на кораблях, захватывают славян, превращают в рабов, отвозят к хазарам и булгарам и продают» (Заходер 1967: 82).

Археологические материалы говорят о том, что судоходство и корабельное дело у салтовцев было развито: на ряде салтовских городищ археологами открыты остатки пристаней. «Коробовы Хутора (32) — городище с каменной цитаделью и двумя дополнительными грунтовыми линиями обороны на возвышенности правого берега Донца. Вплотную к нему обширное селище площадью ≈ 30 га, прослеживаются древние грунтовые дороги, искусственное изменение рельефа и пристань»; «Сидорово (39) — на высоком коренном берегу Донца. Имеет наибольшую площадь из известных салтовских (17,9 га), сопровождается наибольшим из известных селищ (≈ 120 га). Рядом находится Татьяновское городище с пристанью»; «Мохнач (31) — мысовое городище на правом берегу Донца с камерной двухпанцирной цитаделью и грунтовыми укреплениями по периметру... Близ комплекса в реке найдена целая таманская раннесредневековая амфора, что свидетельствует об использовании Донца как торговой артерии в хазарское время» (Колода 2009: 38).

«Находки древних судов и их снаряжения... на территории Верхнего и Среднего Дона — не такая уж большая редкость» (Золотарев 2005: 81).

Жившие в Северном Причерноморье ираноязычные народы с древности были знакомы с судоходством и корабельным делом. По свидетельству Диона Кассия, условия договора, заключенного в правление Марка Аврелия между римлянами и сарматским «племенем» языгов, включали в себя запрет судам языгов плавать по Дунаю, а им самим — занимать острова на этой реке (Dio Cass. LXXII, 19, 2) (Кассий Дион 2011: 181); о переправах сарматов на ладьях через Дунай говорится у Аммиана Марцеллина (Amm. XVII, 13, 15—17, 27) (Аммиан Марцеллин 2000: 139—140, 141) и у Зосима (Zosim. II, 21, 1—3) (Зосим 2010: 110).

На основе анализа античных источников А.К. Нефедкин приходит к выводу, что «некоторые племена сарматов занимались морским разбоем, что в общем не вяжется с нашим представлением о них как о кочевниках» (Нефедкин 2011: 102—103).

Необходимы серьезные исследования судоходства и корабельного дела у салтовских аланов. Описанные источниками их набеги на славян на кораблях (очевидно, на славян днепровского левобережья, северян или вятичей) осуществлялись, видимо, преимущественно по рекам Днепровского бассейна. Коней на речных ладьях перевозить было невозможно, чем, видимо, и объясняется гиперболизированный пассаж Ибн Русте об отсутствии у русов конницы: его источник в силу неких причин знал в первую очередь о корабельных набегах русов на славян. Ср. замечание И.Г. Коноваловой: «Основными центрами получения информации о русах на Востоке и Западе мусульманского мира во второй половине IX — начале X в. были не сами русские земли, а Булгар, Итиль, Багдад, каспийские, причерноморские и средиземноморские города, причем во все эти пункты (за исключением Багдада) русы прибывали по воде, создавая у местных жителей стойкое впечатление о том, что способ передвижения на кораблях является единственно возможным в той стране, откуда приезжали русы» (Коновалова 2001: 189).

При этом, по археологическим данным, у салтовских аланов конница действительно количественно существенно уступала пехоте: «Процент воинских захоронений в целом, а также процентное содержание каждой части войска можно попытаться определить на материалах полностью раскопанного Сухогомольшанского могильника. Всего с оружием 15,6 % могил, и, по приблизи-

тельным подсчетам, большинство (до $\frac{2}{3}$) взрослого мужского населения не принадлежало воинству. Если все воинские захоронения принять за 100 %, то на долю конных дружинников придется 22 %, на остальную часть войска — 78 % (41 % — пехотинцы). Понятно, что цифры эти лишь приближенно могут отражать реально существовавшее организационно-тактическое деление войска, в основном, по-видимому, совпадающее с социальным членением общества» (Крыганов 1989: 109).

7. Согласно восточным авторам, передающим «Анонимную записку», у русов имелись большие и богатые города. Ибн Русте: «У них (русов. — М.Ж.) много городов, и живут они привольно» (Новосельцев 1965: 397). Гардизи: у русов «имеются большие города» (Заходер 1967: 92). «Худуд ал-Алам»: «Страна эта (страна русов. — М.Ж.) изобилует всеми жизненными благами» (Галкина 2002: 111). Ибн Ийас: земля русов «большая, обширная, в ней — многочисленные города, между которыми — большое расстояние» (Заходер 1967: 93).

Многие городища аланской салтовской культуры, известные по археологическим материалам, вполне можно назвать городами или как минимум прото-городами (обсуждение данного вопроса см.: Плетнева 1967: 25—50; 1989: 12—25; Винников, Плетнева 1998; Афанасьев 1987: 10—141; 1993: 94—150; 2001: 43—55; Галкина 2002: 191—204; 2006: 391—399; 2012: 262—269; Колода 2009: 35—43; Свистун 2009: 44—51; Флеров 2010).

По словам В.В. Колоды, «лесостепные салтовские городища на Северском Донце выполняли различные функции. Среди них, безотносительно к конкретному памятнику, выделяются следующие: 1) центры хозяйственных (прежде всего — сельскохозяйственных) микрорегионов, 2) центры торговли, 3) военные форпосты на границе и на торговых путях (в том числе переправах и бродах), 4) административные центры, посещаемые тудуном (правителем территории) для осуществления распоряжений центральной власти, 5) место временного пребывания военных гарнизонов и военных отрядов, идущих на славянские земли за сбором дани, 6) место аккумуляирования и временного хранения этой дани и необходимого для войск продовольственного запаса, и т.д.» (Колода 2009: 37).

Ученый выделил десять протогородских центров в контактной зоне салтовской и славянской культур, каждый из которых был «не просто центром определенного микрорегиона, но и играл исключительную роль в иерархии поселений лесостепной зоны, обуславливая доминирующее положение возглавляемого им микрорегиона» (Колода 2009: 39).

Крупнейшее эпонимное для культуры Салтовское (или Верхне-Салтовское) городище с окружающим его посадом, бывшее, вероятно, политико-организационным центром салтовского населения (Афанасьев 1993: 128—129), являлось поистине грандиозным для Восточной Европы того времени поселением: площадь — около 120 га; население — около 6—7 тысяч человек (городище), около 20 тысяч человек (с учетом посада); катакомбный могильник площадью около 100 га, в котором покоятся останки около 100 тысяч человек.

Весьма важным является вывод Г.Е. Свистуна, согласно которому значительная часть салтовских городищ была построена «в ответ на угрозу, происходившую с восточного или юго-восточного направления» (Свистун 2012: 156), т.е. со стороны Хазарского каганата, отношения с которым у салтовских аланов, видимо, были враждебными — Русский каганат и Хазарский каганат оспаривали политическое первенство на юге Восточной Европы.

8. Согласно «Анонимной записке», земля, где живут русы, лесистая и болотистая. Ибн Русте: в земле русов находятся «чащобы и заросли; [остров] нездоровый, сырой; если поставит какой-нибудь человек свою ногу на землю, сотрясется земля из-за ее сырости» (Заходер 1967: 78). Гардизи: земля русов «вся в деревьях. И леса (или рощи) и земля имеют много влаги, так что если поставить ногу на сырое [место], земля задрожит от влажности» (Заходер 1967: 78); Марвази: «Там деревья и леса» (Заходер 1967: 79).

Во времена существования салтовской культуры на ее территории росли многочисленные леса, которые салтовцам приходилось расчищать для постройки своих городищ: «Городище Мохнач, в период его заселения салтовской культурой, было покрыто лесом... первая стадия заселения городища, таким образом, была связана с очисткой участка от лесов»; «результаты исследований палеопочвы, погребенной под средневековым валом Верхнесалтовского городища, дают основания говорить о том, что в период создания городища нагорная часть долины Северского Донца была покрыта широколиственным лесом»; «изучение почв Донецкого городища (в черте современного Харькова) показали, что здесь вплоть до XIII в. существовал своеобразный степной мыс, к которому с запада подходил лес» (Колода, Горбаненко 2010: 48; 2018: 53); «многие балки и отдельные участки речных долин (особенно в верховьях малых степных рек) и сегодня имеют высокую (до 30 м) листовенную лесную растительность с густым подлеском. Одному из авторов работы (В.В. Колоде) довелось в этом убедиться в начале 1990-х гг. во время археологических исследований по средневековой

металлургии на северном участке границ Донецкой и Луганской областей (села: Круглое, Городище, Фашевка), где встречались дубы в три обхвата и более. Добавим, что, по мнению такого знатока степей, как В.В. Докучаев, в древности они, несомненно, простирались вплоть до Черного и Азовского морей» (Колода, Горбаненко 2010: 48).

Болота в области распространения салтовской культуры тоже встречаются в достаточном количестве: «На левобережье Северского Донца и по сей день встречаются многочисленные старицы, озера, болота, за которыми, судя по данным археологии, местное население скрывалось от набегов врагов не только в период существования здесь салтовско-маяцкой культуры, да и значительно позже, во времена Киевской Руси» (Беззаконов 2014).

9. Авторы, передающие рассказ «Анонимной записки», сообщают кое-что об одежде русов. Ибн Русте: «(Русы) носят широкие шаровары, на каждые из которых идет сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают» (Новосельцев 1965: 398). Гардизи: «Шаровары у них (русов. — М.Ж.) около ста локтей; когда надевают, натягивают к коленам и там завязывают; у них верхние одежды, они носят шапки» (Заходер 1967: 99). «Худуд-ал-алам»: «Примерно из ста гязов холста они (русы. — М.Ж.) шьют одну штанину, надевают, обвивая вокруг колена; они имеют обыкновение носить шерстяные шапки со свесившимся хвостом по затылку» (Заходер 1967: 99).

Насколько нам известно, при раскопках салтовских памятников целых образцов одежды не обнаружено, но едва ли она принципиально отличалась от одежды других аланов и «степного» населения в целом. Выше была сформулирована гипотеза о варягах, расселявшихся в центральной и южной полосе Восточной Европы, как «федератах» аланского Русского каганата. Она вполне может быть подкреплена известными к настоящему времени данными об одежде варягов.

По словам С.Ю. Каинова, предпринявшего попытку реконструкции костюма варяга X в. на основе материалов захоронений, «кафтан, как тип одежды, несомненно, был заимствован русами у кочевников. Сам покрой его как раз приспособлен для верховой езды. Хорошо сохранившиеся образцы аланских кафтанов IX века, найденные на Северном Кавказе, дают представление о системе кроя этого типа одежды. Аланские кафтаны, в зависимости от богатства владельца, изготавливались из шелка (византийского, китайского и согдий-

ского) либо из льна. Некоторые кафтаны подбивались мехом... Более суровые климатические условия на большей части территории Древней Руси (особенно в ее северных районах), а также дороговизна такого материала, как шелк, дают основание предполагать, что при шитье русских кафтанов могла использоваться шерстяная ткань... Можно предположить, что русы, заимствовав у степных кочевников саму идею кафтана, изменили эту одежду в деталях» (Каинов 2004: 10).

Что касается шапки варяга, то «представленный на нашем рисунке головном убор является реконструкцией «русской меховой шапки», известной по скандинавским сагам. В Бирке в двух погребениях найдены серебряные, украшенные сканью и зернью, конические колпачки, которые трактуются как окончания головных уборов колпакообразной формы с меховой оторочкой. По мнению некоторых шведских исследователей, именно так выглядела «русская шапка», изготовленная мастерами Киевской Руси. Сама форма шапки, скорее всего, принадлежит кочевническим культурам — об этом, в частности, свидетельствуют колпачки, аналогичные происходящим из Бирки, но украшенные в другой технике и найденные в Венгрии» (Каинов 2004: 11).

Таким образом, комплекс одежды (уже варяжских и славянских) русов X в. состоял из элементов в значительной, если не в решающей степени заимствованных у жителей степи. И едва ли мы ошибемся, если предположим, что основным источником подобных заимствований была аланская салтовская культура.

Можно вспомнить и описанную Львом Диаконом прическу князя Святослава («Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода»: IX. 11) (Лев Диакон 1988: 82), не объяснимую ни из славянских, ни из скандинавских обычаев. Параллель находим в регионе Тмутаракани, там, где проживали «родственники» салтовских аланов, которые, как показал Д.Л. Талис, также именовались в источниках «росами» (Талис 1973: 229—234; 1974: 87—99). В 1237 г. через Матрику (Тмутаракань) в Поволжье проезжал монах-доминиканец Юлиан. По его словам, из Константинополя он со своими спутниками «прибыл в землю, которая называется Зихия, в город, именуемый Матрика, где князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих». Юлиан отметил, что у знатных людей Матрики существует обычай «в знак знатности оставлять немного волос над левым ухом, обривая всю го-

лову» (Насонов 1940: 98). Скорее всего, и прическа Святослава — элемент, перенятый у салтовских аланов.

Таким образом, сообщаемые восточными авторами, передающими «Анонимную записку» первой половины IX в., этнографические данные о русах, на наш взгляд, вполне поддаются историко-археологической проверке, которая показывает их разительное соответствие реалиям салтовской археологической культуры, подтверждая тем самым гипотезу Д.Т. Березовца и развивающих ее ученых о тождестве русов с хаканом во главе ранних восточных источников и аланов, носителей салтовской культуры.

Глава VII

СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В НАЧАЛЬНОМ РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

I. «Новгородско-ладожская» альтернатива начального летописания и варианты её решения в историографии

В летописях, наиболее авторитетных с точки зрения отражения в них начальных этапов русского летописания, Сказание о призвании варягов содержит существенное разночтение: если в том, что Трувор сел в Изборске, а Синеус стал князем белоозерским, они едины, то в вопросе определения города, в котором вокняжился старший из варяжских братьев, Рюрик, решительно расходятся.

Во всех списках Новгородской I летописи младшего извода (далее — НПЛ) городом, в котором обосновался Рюрик по своем приходе к словенам, назван Новгород (ПСРЛ. III: 106, 434, 514; НПЛ 2010: 109). Вариант Повести временных лет, отражённый в воспроизводящих общий протограф Лаврентьевской (ПСРЛ. I: 19—20) и утраченной Троицкой¹ летописях, содержит пропуск названия города, в котором стал княжить Рюрик. Видимо, их общий источник в соответствующем месте был повреждён или содержал какой-то дефект.

¹ Реконструировавший текст Троицкой летописи М.Д. Присёлков отмечал: «*Чеботарев-Черепанов указывают: в Т. (в Троицкой. — М. Ж.) рукописи к слову Рюрик прибавлено «съде Новѣгородѣ».* Карамзин (*т. I, примеч. 278*) указывает: в Пушкин... (в Лаврентьевском списке. — М. Ж.) название места, где княжил Рюрик, пропущено; в Троицком (что достойно замечания) также; но сверху приписано, над именем Рюрика, Новг... Миллер, исправляя печатный текст К (Кенигсбергского и Радзивилловского списков. — М. Ж.), прямо после слова Рюрикъ пишет: а други Синеоусъ... Очевидно, приписка Новг. — другою рукою» (Присёлков 2002: 58. Примеч. 3).

В близких между собой и отражающих общую традицию Ипатьевском и Хлебниковском (ПСРЛ. II: 14—15), а равно в Радзивилловском и Московско-академическом (ПСРЛ. XXXVIII: 16) вариантах ПВЛ городом, в котором сел Рюрик, прибыв в землю словен, названа Ладога. В них же имеется пассаж, отсутствующий как в НПЛ, так и в редакциях ПВЛ по Лаврентьевскому и Троицкому спискам, рассказывающий о том, как после смерти Синеуса и Трувора, Рюрик из Ладоги перебрался к Ильменю, где основал Новгород.

Исследователи давно заметили данное противоречие и попытались разрешить его как на уровне текстологическом (какой вариант, «ладожский» или «новгородский», в летописании появился раньше, а какой позже), так и собственно историческим (какой город, Ладога или Новгород, может претендовать на статус «первой столицы» северной группы восточных славян). Выводы при этом у них получились не просто разные, но взаимоисключающие.

О вокняжении Рюрика в Ладоге писал в «Истории Российской» В.Н. Татищев (Татищев 1962: 218, 284; 1963: 33; 1964: 112), что некоторые современные авторы рассматривают как независимое подтверждение первичности данного варианта в начальном летописании (Мачинский 2002: 5—35; 2009: 466), с чем

Призвание варягов. Художник В.М. Васнецов

решительно невозможно согласиться, поскольку так называемые Раскольничья и Голицынская летописи, на которые опирался Татищев, были близки к Ипатьевскому и Хлебниковскому летописным спискам (Пештич 1961: 256—258; Тихомиров 1962: 39—53; Рыбаков 1972: 267—276; Толочко 2005: 102—169; Свердлов 2009: 66—73). Поэтому безотносительно общего взгляда на данные летописи (обычные списки Ипатьевской летописи или существенно более подробные, чем известные нам, её варианты), применительно к «ладожско-новгородской» альтернативе они никак не могут рассматриваться в качестве независимых свидетельств, поскольку отражают традицию, близкую к Ипатьевской летописи.

Н.М. Карамзин, опираясь на Пространную редакцию «Летописца вскоре патриарха Никифора» в Новгородской Синодальной Кормчей, созданной около 1282 г. (о Новгородской Синодальной Кормчей см.: Шапов 1978: 217—225; Корогодина 2017. Т. 1: 65—78; Т. 2: 65—79), и указав, что «ладожский» вариант вокняжения Рюрика присутствует лишь в некоторых летописных списках и всем выдаёт своё позднее происхождение (например, противоречит летописному рассказу об основании Новгорода словенами), сделал однозначный выбор в пользу Новгорода. Ладогу, по мнению историка, опираясь на предание о существовании Ладоги во времена Рюрика, внёс в текст один из поздних летописцев, располагавший дефектным списком типа Лаврентьевского или Троицкого, в котором название Рюриковой столицы было пропущено (Карамзин 1989: 94, 241—242. Примеч. 278).

Иначе рассуждал С.М. Соловьёв. По мнению учёного, «по известному правилу, что труднейшее чтение предпочитается легчайшему, особенно если оно находится в большем количестве лучших списков, мы должны признать известие о Ладоге». А предпочёл Рюрик Ладогу, полагал историк, потому, что она находилась в начале великого водного пути, в устье Волхова, а не в глубине земли словен, что позволяло Рюрику, с одной стороны, поддерживать непосредственный контакт с заморьем, откуда он был призван, на случай, если в его новой стране что-то пойдёт не так (Соловьёв напоминает о недавнем изгнании варягов словенами и их союзниками), а с другой — защищать свои владения от нападений других варягов (Соловьёв 1959: 129—130).

Поскольку методы работы с летописями ещё только разрабатывались, а «ладожская» версия присутствует в четырёх древнейших редакциях Повести временных лет, данного обстоятельства для многих учёных того времени было достаточно для её некритического принятия. Поэтому идея о первоначальном вокняжении Рюрика в Ладоге стала в науке XIX в. преобладающей. Её прини-

мали М.П. Погодин (Погодин 1846: 46—57), К.Н. Бестужев-Рюмин (Бестужев-Рюмин 2015: 252), В.О. Ключевский (Ключевский 1987: 153) и другие учёные, несмотря на то что в изданный в 1841 г. первый том «Полного собрания русских летописей», передававший ПВЛ по Лаврентьевскому списку, относительно Рюрика была введена конъектура «сѣде Новѣгородѣ», которая потом воспроизводилась во всех последующих его изданиях (1926, 1962, 1997 гг.).

Перелом в изучении «новгородско-ладожской» альтернативы, равно как и истории всего начального русского летописания в целом, произошёл благодаря работам А.А. Шахматова, который следующим образом реконструировал историю Сказания о призвании варягов на общем фоне истории русского летописания XI — начала XII в. Впервые на страницах летописей она появилась в древнейшем новгородском своде середины XI в., откуда позднее перешла в киевское летописание. Древнейшим из сохранившихся вариантов варяжской легенды является тот, который читается в НПЛ. Он восходит к предшествующему ПВЛ киевскому летописному своду середины 1090-х годов, который А.А. Шахматов назвал «Начальным» и условно связал с игуменом Киево-Печерского монастыря Иваном. Значительные фрагменты из этого свода сохранились в составе НПЛ и связанных с ней летописей¹. Соответственно, первой на страницах летописей появилась именно «новгородская» версия прихода Рюрика. Она же читалась и в двух древнейших редакциях ПВЛ, первая из которых (созданная в 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором) как таковая до нас не дошла, а вторая (1116 г., созданная игуменом Выдубицкого монастыря Святого Михаила Сильвестром) отражена в Лаврентьевском и Троицком списках, протограф которых сообщал, что Рюрик сел на княжеский стол в Новгороде.

Версия с вокняжением Рюрика в Ладоге появилась только в третьей редакции ПВЛ (1118 г., созданной неизвестным нам по имени летописцем, близким, вероятно, к сыну Владимира Мономаха Мстиславу и, возможно, прибывшим с ним

¹ Шахматов 2002: 23—31; 2003: 6—8, 31—70, 175—184, 380—412, 428—464. Гипотеза А.А. Шахматова о Начальном своде была принята многими летописеводами: Присёлков 1996: 70—73; Лихачёв 1947: 36—39; Насонов 1969: 53—57; Творогов 1976: 3—26; Толочко 2003: 47—53. С другой стороны, она оспаривалась как некоторыми современниками А.А. Шахматова (см., напр.: Истрин 1923: 45—102; 1924: 207—251), так и периодически в последующей историографии (см., напр.: Кузьмин 1977: 85—110; Алешковский 2015: 76—99). Ныне против гипотезы о существовании Начального свода активно выступают А.П. Толочко (Толочко 2015: 20—34, 40—43) и Т.Л. Вилкул (Вилкул 2003: 5—35; 2015). По мнению этих исследователей, первым русским летописным сводом была именно ПВЛ, написанная Сильвестром, а начальная часть НПЛ представляет собой её вторичное переработанное сокращение. Полемизирует с критиками А.А. Шахматова и отстаивает гипотезу Начального свода, внося в неё определённые модификации, А.А. Гиппиус (Гиппиус 2001: 147—181; 2012: 36—62).

в Киев из Новгорода), представленной Ипатьевским и Хлебниковским списками¹, и связана с работой летописца, который в статье 6604 (1096) г. повествует о своей беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем, а в статье 6622 (1114) г. рассказывает о своём посещении Ладоги. Именно он записал какое-то ладожское предание о Рюрике и внёс его в летопись. Что касается Радзивилловского и Московско-академического списков, то, хотя в целом они отражают вторую редакцию ПВЛ, в их протограф оказались включены и значительные вставки из третьей редакции, что объясняет проникновение на их страницы «ладожского» варианта варяжской легенды (Шахматов 2002: 530—532).

Выводы А.А. Шахматова относительно первичности в летописании «новгородской» версии Сказания о призвании варягов были приняты М.Д. Присёлковым (Присёлков 1996: 48—49) и Д.С. Лихачёвым (Лихачёв 2007: 404—405).

Иное понимание соотношения списков ПВЛ, а соответственно, и «новгородско-ладожской» альтернативы попытался обосновать С.А. Бугославский, основные работы которого, к сожалению, долго считались утраченными и были изданы относительно недавно. По мнению учёного, если в Лаврентьевском и Троицком списках, с одной стороны, и в Радзивилловском и Московско-академическом списках — с другой, одно и то же место читается по-разному, предпочтение надо отдавать чтению, присутствующему также в Ипатьевском и Хлебниковском списках, отражающих иную традицию. В соответствии с этой логикой С.А. Бугославский посчитал исконным для ПВЛ «ладожский» вариант вояжирования Рюрика (Бугославский 2006: 41—42).

Сходным образом рассуждал и Л. Мюллер. Указав на то, что соотношение НПЛ и ПВЛ до конца неясно и должно проверяться в каждом конкретном

¹ О трёх редакциях ПВЛ см.: Шахматов 2003: 103—136, 528—554; Присёлков 1996: 48—49. В дальнейшем среди исследователей истории летописания не было единства по вопросам о том, кого считать автором основного текста ПВЛ (Нестора или Сильвестра) и сколько редакций отражено в дошедших до нас летописных списках. Так, например, согласно А.Г. Кузьмину, автором основного текста ПВЛ был Сильвестр, имя которого читается в статье 6618 (1110) г. Лаврентьевской летописи, он же, по мнению учёного, и есть «ученик Феодосия», упомянутый в статье 6599 (1091) г. (Кузьмин 1977: 155—183). В качестве примера противоположной позиции приведём суждение П.П. Толочко, согласно которому Сильвестр был не редактором, а просто переписчиком летописи и существовало только две редакции ПВЛ: «Несторова» и редакция 1118 г. (Толочко 2003: 76—80). В свою очередь, Л. Мюллер (Мюллер 2000: 165—182) и О.В. Творогов (Творогов 1997: 203—209) считают, что не существовало редакции 1118 г., как её понимал Шахматов. Но как бы ни решался вопрос о количестве (две или три) и авторстве редакций ПВЛ, общий вывод А.А. Шахматова, согласно которому текст протографа Лаврентьевского и Троицкого списков оказывается в целом, с точки зрения истории текста ПВЛ, предшествующим тексту протографа Ипатьевского и Хлебниковского списков, на наш взгляд, является убедительно обоснованным. Новое обстоятельное рассмотрение вопроса о редакциях ПВЛ см.: Гиппиус 2007а: 20—44; 2008: 3—24.

случае, учёный заключил, что ничто не свидетельствует о первоначальности «новгородской» версии Сказания о призвании варягов. Скорее, малоизвестная Ладога могла быть заменена позднейшими летописцами на хорошо известный Новгород, чем наоборот. Поскольку из пяти древнейших списков ПВЛ в четырёх, причём относящихся к разным группам (к одной — Ипатьевский и Хлебниковский, к другой — Радзивилловский и Московско-академический), читается «ладожская» версия, то «текстологически ладожский вариант стоит вне всяких сомнений», а поскольку Ладога древнее Новгорода и во времена Рюрика обладала «высоким статусом», то и «исторически он (ладожский вариант. — М.Ж.) совершенно убедителен» (Мюллер 2000: 173—175)¹.

В построениях С.А. Бугославского и Л. Мюллера, к сожалению, не учитываются явные текстологические признаки влияния традиции, представленной в Ипатьевской летописи на протограф летописи Радзивилловской (см. ниже пример того, как в разных списках указано авторство ПВЛ). Сложный текстологический вопрос эти учёные решают чисто «арифметическим» подсчётом того, что говорится в большинстве списков, не рассматривая предметно-текстологически историю бытования соответствующего текста. Удивляет и фактически априорное исключение из текстологического сопоставления варианта варяжской легенды, читающегося в составе НПЛ. Если согласиться с Л. Мюллером, что «в каждом случае должно проверяться, можем ли мы делать вывод о тексте ПВЛ на основе текста Новгородской I летописи, и этот вопрос может быть разрешён только в каждом конкретном случае» (Мюллер 2000: 173), то почему бы как раз и не выполнить такую проверку на Сказании о призвании варягов?

Специальную статью вопросу о происхождении варяжской легенды посвятил А.Г. Кузьмин. В своей работе 1967 года он пришёл к следующим выводам: Сказание о призвании варягов исторически недостоверно и восходит к некоему ладожскому преданию; оно отсутствовало в начальном русском летописании (как киевском, так и новгородском, поскольку в варяжской легенде говорится о «прозвании» руси от варягов, в то время как во всех известиях НПЛ XII — начала XIII в. «русью» называется Киевское Приднепровье) и впервые было внесено в летописи только около 1118 г. Древнейшим вариантом варяжского сказания, по мнению историка, является именно «ладожский», в Лаврентьевской летописи текст испорчен, а в НПЛ «отчасти испорчен, отчасти отредакти-

¹ В новейшей историографии отстаивают идею о первичности «ладожской» версии при помощи рассуждений, близких к позиции С.А. Бугославского и Л. Мюллера, Д.А. Добровольский (Добровольский 2008: 25—26) и Д. Островский (Ostrowski 2008: 47—48).

рован». Замена Ладоги на Новгород была произведена позднее. Именно в «соперничестве двух северных городов», вероятно, и «заклучался первоначальный смысл всего Сказания» (Кузьмин 1967: 42—53). Эти выводы учёный повторил в своей книге, посвящённой рассмотрению летописей как источника по истории Древней Руси (Кузьмин 1969: 106—111).

Позднее А.Г. Кузьмин несколько изменил свои взгляды в сторону признания общей исторической достоверности событий, описанных в Сказании о призвании варягов, но остался убеждён в приоритете «ладожской» версии (Кузьмин 2003: 196, 304—305, 334). В построениях учёного представляется заслуживающей серьёзного внимания постановка вопроса о влиянии новгородско-ладожского политического соперничества XI—XII вв. на формирование двух версий Сказания о призвании варягов.

К «ладожской» версии склонился и М.Х. Алешковский, исследование которого, написанное в 1967 г., в полном виде, подобно работе С.А. Бугославского, было опубликовано только через много лет после смерти. По мнению учёного, Сказание о призвании варягов восходит к летописи 1070-х гг., которую он называет Начальной. Обратив внимание на то, что в НПЛ читается рассказ о захоронении Олега в Ладоге, и возведя его к той же летописи (в то время как в ПВЛ место захоронения Олега локализуется в Киеве, что, по мнению учёного, не согласуется с идеей о том, что «ладожская» версия была введена в летописи только на этапе создания одной из редакций ПВЛ), М.Х. Алешковский сделал вывод, что в «Начальной летописи имелся круг сведений не только о Новгороде, но и о Ладоге». Из этого историк заключил: «Вполне вероятно позднее происхождение его (рассказа о Рюрике. — М.Ж.) новгородской версии, что соответствует и исторически более раннему возникновению Ладоги», хотя затем оговорил, что «возможны оба варианта решения вопроса о соотношении ладожской и новгородской версий» (Алешковский 2015: 227—229).

Что касается сообщаемой НПЛ версии о могиле Олега в Ладоге, то полностью это место выглядит так: «Иде Олегъ (из Киева после похода на Византию. — М.Ж.) к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же сказуютъ, яко идущю ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ» (ПСРЛ. III: 109, 435, 515; НПЛ 2010: 111). То есть, как видим, на первое место здесь поставлен Новгород. Посещение же Вещим Олегом Ладоги, по современным данным, вполне возможно, так как именно в его время, в третьей четверти IX в., после того как прекратила существование Любша, в этом городе возво-

дится каменная крепость (открытая в 1974 г. (Кирпичников 1984: 23), т.е. уже через несколько лет после написания работы М.Х. Алешковского; до этого Ладога не имела укреплений), призванная обеспечить Руси прикрытие со стороны Балтики, но это происходило уже в совершенно ином историческом контексте, нежели события времён призвания варягов, и никак не свидетельствует о том, что Ладога когда-либо могла иметь столичный статус.

Соответственно, вопрос о месте смерти и захоронения Олега, также толкуемый в летописях противоречиво¹, не стоит присоединять к вопросу о варяжском сказании, так как он в летописях никак не коррелируется с варяжской легендой, у него была другая история бытования в начальном летописании. «Ладожский» вариант смерти Олега, видимо, «выпал» из киевских летописей до создания всех известных нам редакций ПВЛ, во всяком случае до создания позднейшей известной нам редакции, представленной Ипатьевским и Хлебниковским списками.

И.Я. Фроянов предположил, что в Сказании о призвании варягов наличествуют два пласта: первый, восходящий к историческим реалиям середины IX в. (когда в Новгород был призван варяжский предводитель с дружиной для помощи в войне одной из сторон, но, совершив переворот, он сам захватил власть в городе), и второй, связанный с отношениями между разными (новгородской, псковской, ладожской, киевской и т.д.) городскими общинами в XI — начале XII в., в ходе острой политической борьбы между которыми древняя основа сказания существенно дополнялась (так, новгородцы, подчёркивая своё первенство, «отдали» мужам своего князя Рюрика Полоцк, Ростов и Белоозеро). Что касается возникновения «ладожской» версии варяжского сказания, то это, по мнению И.Я. Фроянова, развившего соответствующую мысль А.Г. Кузьмина, «была идеологическая акция ладожской общины в ходе борьбы с Новгородом за создание собственной волости» (Фроянов 1991: 3—15; 1992: 75—106; 2015: 103—140).

М.Б. Свердлов рассмотрел варяжское сказание как источниковедчески, так и с точки зрения отражённых в нём исторических реалий. Проведя новый текстологический анализ легенды, учёный пришёл к выводу о безусловной правоте А.А. Шахматова в вопросе о первичности в летописном тексте «новгородской» версии вокняжения Рюрика и вторичности версии «ладожской», показав, в част-

¹ В.В. Мавродин отмечал, что даже в самом Киеве были две «могилы Олега»: на Шековице и у Жидовских ворот. По мнению учёного, «этот разнობой объясняется, возможно, тем, что «могила» означала «памятник» и представляла собой холм (могила в смысле «гора», «холм», «насыпь»), насыпаемый во время тризны в честь умершего» (Мавродин 1945: 235). Таких «могил» могло быть несколько.

ности, что «ладожские» вставки Ипатьевской летописи разрывают литературно целостный текст, читающийся в Лаврентьевской. Отметил М.Б. Свердлов и то обстоятельство, что дефект Лаврентьевского и Троицкого списков с пропуском города, в котором по приходе к словенам обосновался Рюрик, «произошёл не вследствие намеренного, идеологизированного редактирования, а в результате механической порчи использованного Лаврентием и его предшественниками текста, поскольку отсутствует не только название города, но и необходимый для содержания фразы глагол «сѣде».

При этом историк правомерно заключил, что сам по себе факт более позднего попадания на страницы летописей «ладожского» варианта ещё не говорит о его меньшей исторической достоверности в сравнении с «новгородским» и данный вопрос должен решаться обращением к историческим реалиям IX в., применительно к которым М.Б. Свердлов считает более вероятным первоначальное вокняжение Рюрика в Ладоге и его последующий переход в новую резиденцию в стратегически важном месте у истоков Волхова на Новгородском городище (Свердлов 2003: 105—120)¹.

К сожалению, М.Б. Свердлов не рассмотрел предметно вопрос о том, что собой как тип поселения представляла Ладога середины IX в. с историко-социологической точки зрения и могло ли в принципе такое поселение играть роль какого-то серьёзного политического центра. Не сделал этого и В.В. Пузанов, по мнению которого в сообщаемом Ипатьевской летописью варианте варяжской легенды представлено «отражение исторических реалий, обусловленных длительным процессом урбанизации на севере Восточной Европы. В летописи варяги вначале «срубиша» Ладогу, а уже потом Новгород. Но ведь действительно, как свидетельствуют археологические данные, Ладога древнее Новгорода» (Пузанов 2017: 239). Простого указания на «большую древность» того или иного населённого пункта совершенно недостаточно, необходимо рассматривать социальную типологию поселений, тем более что если не сам Новгород, то Новгородское городище датируется именно эпохой Рюрика, и вопрос о том, какой из этих двух пунктов (Ладога или Городище) мог играть в середине IX в. роль политико-организационного центра политики словен и их союзников, зависит от

¹ Ход рассуждений М.Б. Свердлова повторил В.Я. Петрухин: «С точки зрения лингвистики «новгородская» редакция (или редакция Начального свода в реконструкции А.А. Шахматова), согласно которой Рюрик сел в Новгороде, является более архаичной, что, впрочем, не отменяет гипотезы о большей исторической достоверности «ладожского» варианта» (Петрухин 2014: 114. Примеч. 90).

наличия или отсутствия укреплений, признаков дружинной культуры, плотной земледельческой округи и т.д.

Много лет возглавлявший раскопки Ладоги А.Н. Кирпичников, а следом за ним большинство петербургских археологов, считает доказанным приоритет «ладожской» версии прихода Рюрика как с точки зрения летописных текстов, так и исторических реалий середины IX в. (Кирпичников 1988: 39, 49—54; 1997: 9 и сл.; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 193; Рябинин 2003: 7—16; Лебедев 2005: 447—504).

Эмоционально в защиту тезиса о «Ладоге — первой столице Руси» выступал Д.А. Мачинский, дошедший до того, что назвал статью усомнившегося в этом известного историка В.А. Кучкина ни много ни мало «явно заказным текстом». Летописную текстологию Д.А. Мачинский не рассматривает, ограничиваясь указанием того, что в четырёх из шести древнейших списков ПВЛ и у В.Н. Татищева городом, в котором садится Рюрик, названа Ладога (Мачинский 2002: 5—35; 2009: 492—501), не упоминая работ Шахматова и не задаваясь вопросом о месте данной традиции в общей истории начального летописания.

Так в трудах петербургских археологов сформировалось явление, которое А.А. Селин назвал «староладожским мифом в академическом дискурсе» (Селин 2012: 117—126).

А.А. Гиппиус в своей статье, посвящённой «новгородско-ладожской» альтернативе, напомнил, что «текстологическая реконструкция — не демократические выборы, исход которых определяется простым большинством голосов; здесь всё зависит от генеалогии списков, их положения в стемме». Соответственно, то обстоятельство, что «ладожский» вариант читается в четырёх древнейших списках ПВЛ из шести, сам по себе никоим образом не свидетельствует о его первоначальности. Парное восхождение Лаврентьевского и Троицкого, Ипатьевского и Хлебниковского, Радзивилловского и Московско-академического списков к общим протографам позволяет «уверенно абстрагироваться от существования шести списков и рассматривать соотношение трёх протографических сводов». Проведя новый анализ, учёный пришёл к заключению, что вывод А.А. Шахматова о первичности «новгородской» версии в летописном тексте является вполне обоснованным (Гиппиус 2007: 213—220).

Тем не менее, вслед за М.Б. Свердловым, А.А. Гиппиус считает исторически более достоверным «ладожский» вариант вокняжения Рюрика: «Факт первоначального пребывания Рюрика в Ладоге, оставшийся неизвестным составителю

Начального свода и его предшественникам, мог в начале XII в. сохраняться в местном предании», «ладожская» версия была «более конкретной и исторически достоверной, опирающейся на местную традицию» (Гиппиус 2007: 217—218). Но аргументы, которые учёный приводит в пользу такой позиции, вызывают недоумение. По мнению А.А. Гиппиуса, «Гюрята Рогович, отождествляемый с новгородским посадником начала XII в., был потомком знатного скандинава Регнвальда Ульвсона, родственника жены Ярослава Мудрого Ингигерд, прибывшего вместе с нею в Русь и получившего в «ярлство» Ладогу. По правдоподобию предположению А.Е. Мусина, потомки Регнвальда по традиции сохраняли за собой ладожское посадничество по крайней мере до середины XIII в., что делает вероятной принадлежность к вышеназванному роду и посадника Павла... Ввиду этих родственных связей Гюрята, Павел и их сородичи не могли не быть носителями элитарного кланового самосознания, в котором историческая связь с Ладогой должна была играть основополагающую роль. Сохранение (или появление?) именно в этой среде предания о ладожском княжении Рюрика выглядит поэтому глубоко закономерным» (Гиппиус 2007: 219—220). Тут же, впрочем, учёный делает оговорку: «Вполне возможно, что сведения, полученные летописцем в Ладоге, все же несли в себе определенную тенденцию, отражая не столько аутентичную местную традицию, сколько клановые исторические амбиции «ладожан» как генеалогически обособленной части новгородского (в широком смысле) боярства» (Гиппиус 2007: 220).

На самом деле о происхождении Гюряты Роговича (Рог — обычное древнерусское некалендарное имя (Тупиков 2004: 337. Известно оно и в других славянских землях: Морошкин 1867: 168), привлечение скандинавских аналогий тут излишне) и ладожского посадника Павла не известно ничего. Но особое удивление вызывает то, с каким наивным доверием некоторые учёные относятся к сообщениям скандинавских саг о том, что Ладога была передана в «ярлство» скандинаву Рагнвальду Ульвсону, представляющим собой обычное для данного литературного жанра эпическое преувеличение.

Так, Сага об Эймунде, которая сообщает об этом («Рагнвальд ярл будет держать Альдейгьюборг (Ладогу. — М.Ж.) как держал до сих пор»), тут же говорит о том, что по завершении уособицы Владимировичей Ярицлейв (Ярослав Мудрый) стал правителем Хольмгарда (Новгорода), Вартилава (Брячислав) получил Кенугард (Киев), а скандинавский наёмник Эймунд начал править в Палтескье (Полоцке), став заодно и главным военачальником Руси: «Эймунд конунг будет

также держать у них оборону страны и во всём Гардарики, а они должны помогать ему военной силой и поддерживать его» (Рыдзевская 1978: 103).

Если доверять сообщению о правлении Рагнвальда в Ладоге, надо доверять и сообщению о разделе Руси между Ярославом, Брячиславом и Эймундом и пересматривать всю политическую историю Руси XI в., на что, насколько нам известно, ещё ни один исследователь не решился. А если не доверять остальному, то какие есть основания доверять сообщению о Рагнвальде и Ладоге? Нет никаких источниковедческих предпосылок к тому, чтобы рассматривать данное фольклорное известие, трафаретное для саг, как реальный исторический факт¹.

По реальным историческим данным, которыми мы располагаем, уже в первой трети XII в. посадников в Ладогу назначал Новгород, пригородом которого она была. В 6639 (1132) г. новгородцы «даша посадничать... Рагуиловъ в Ладозъ» (ПСРЛ. III: 23, 207). И вполне очевидно, что сформировалась подобная практика существенно раньше того момента, когда она впервые (в общем, довольно случайно, ибо даже в новгородском летописании внутренние дела Ладоги не описываются сколько-нибудь систематически²) была упомянута в летописи.

С решительной, и на наш взгляд, справедливой критикой идеи, что Ладога середины IX в. в принципе могла быть каким-то значительным политическим центром, «столицей» некоей политики, выступили Е.Н. Носов и В.Л. Янин. Учёные обратили внимание на оторванность Ладоги от основной территории словен, отсутствие вокруг города освоенной земледельческой округи и т.д., из чего сделали логичный вывод, что столицей северного восточнославянского объединения была не она, а Новгородское городище (Носов, Янин 2011: 9—11; Носов 2012: 107—108).

Довольно поверхностно и тенденциозно подошла к решению «новгородско-ладожской» альтернативы Т.Л. Вилкул, попытавшаяся обосновать первичность в тексте ПВЛ «ладожской» версии. Во-первых, исследовательница, руководствуясь своими общими соображениями о соотношении ПВЛ и НПЛ (она не признаёт существования Начального свода и считает, что в НПЛ представлена

¹ Нет оснований доверять и варианту, приводимому Снорри Стурлусоном, согласно которому Ладогу (Альдейгьюборг) пожаловала Рёгнвальду Ульвссону жена Ярослава Мудрого Ингигерда (Снорри Стурлусон 1980: 235).

² Первое (если не считать пассажа об Олеговой могиле) упоминание Ладоги в НПЛ находится под 6613 (1105) г. и сообщает, что новгородцы «того же лѣта идоша в Ладогу на воину» (ПСРЛ. III: 19, 203). Краткость сообщения не позволяет дать его однозначную интерпретацию, неясно даже, идут ли новгородцы на помощь Ладоге против какого-то внешнего врага, или же речь идёт о походе новгородцев на саму Ладогу (например, с целью поставить её под контроль Новгорода или помешать выходу из-под новгородской власти).

поздняя сокращённая переработка ПВЛ), произвольно исключила из текстологического анализа вариант Сказания о призвании варягов, присутствующий в НПЛ. Делать это совершенно недопустимо, поскольку, как верно констатировал А.А. Шахматов, соотношение текстов ПВЛ и 6613 НПЛ представляет собой «главный вопрос нашей историографии» (Письмо к В. Пархоменко от 2 ноября 1914 г. Цит. по: Кузьмин 1977: 85) и оно должно предметно рассматриваться в случае каждого конкретного летописного рассказа. Произвольное исключение из рассмотрения текста НПЛ с неизбежностью ведёт к выводам, корректность которых сомнительна.

Во-вторых, рассматривая соотношение вариантов варяжской легенды в Лаврентьевском, Троицком, Радзивилловском, Московско-академическом, Ипатьевском и Хлебниковском списках, Т.Л. Вилкул априорно трактует разницу между ними однозначно в пользу первичности «сложной» версии (с «ладожскими» фрагментами) и вторичности «простой» версии (без «ладожских» фрагментов), не замечая, что «ладожские» фрагменты нарушают целостный текст сказания в Лаврентьевской летописи.

В-третьих, Т.Л. Вилкул игнорирует тот факт, что в Ипатьевском и Хлебниковском списках с их «ладожской» версией отсутствует противоречащий ей пассаж о новгородцах «от рода варяжска», читающийся в списке Лаврентьевском. В итоге то, что автор назвала проведением «банальнейшей текстологической операции», позволившей ей утверждать, что «в самой ПВЛ присутствует только «ладожская версия» прихода Рюрика» (Вилкул 2008: 272—280), на деле является профанацией рассматриваемой темы.

Подводя итоги историографического обзора, можно констатировать, что надёжное общепринятое решение «новгородско-ладожской» альтернативы в науке отсутствует, второй век ведутся активные дискуссии, и в целом позиции учёных распределились между тремя вариантами решения проблемы:

1. Первой в тексте летописей появилась «новгородская» версия вокняжения Рюрика, а «ладожская» попала на страницы летописей позднее. «Новгородская» версия является также и лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

2. Первой в тексте летописей появилась «ладожская» версия вокняжения Рюрика, а «новгородская» попала на страницы летописей позднее. «Ладожская» версия является также и лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

3. Первой в тексте летописей появилась «новгородская» версия вокняжения Рюрика, а «ладожская» попала на страницы летописей позднее. Тем не менее «ладожская» версия является лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

Что бросается в глаза при обозрении дискуссии о «новгородско-ладожской» альтернативе начального летописания, так это то, что она уже много десятилетий идёт на материале одних и тех же летописных списков. Т.Л. Вилкул и вообще провозгласила отказ от попыток расширения источниковой базы: «В нашем случае исследователь имеет в своем распоряжении почти тот же набор доказательств, которым обладали Карамзин и Погодин полтора-два века назад» (Вилкул 2008: 276).

Никто не предпринял попыток расширить круг привлекаемых источников и выявить такие летописные списки, в которых может читаться текст Сказания о призвании варягов, близкий к тому, который присутствовал в источнике протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей. Мы попробуем восполнить данное упущение и расширить источниковую базу для решения «новгородско-ладожской» альтернативы, что способно, на наш взгляд, наконец внести в неё ясность.

II. «Новгородско-ладожская» альтернатива: соотношение вариантов в летописных списках и вопрос о чтении протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей

Чтобы разобраться с соотношением «новгородской» и «ладожской» версий варяжского сказания, попробуем заново провести его текстологический анализ не только по НПЛ и древнейшим спискам ПВЛ, но и с учётом истории русского летописания в целом, что, как будет показано, позволяет привлечь некоторые летописные списки, которые ранее, насколько нам известно, к прояснению новгородско-ладожской альтернативы не привлекались, но способны прояснить её.

Соотношение вариантов текста легенды о призвании варягов, содержащихся в Новгородской I, Лаврентьевской и Троицкой, Ипатьевской и Хлебниковской, Радзивилловской и Московско-академической летописях можно выразить в виде таблицы (Таблица 2).

Таблица 2

**Соотношение вариантов текста варяжской легенды
в Новгородской I летописи и древнейших списках
Повести временных лет**

Летописи	Сказание о призвании варягов
<p>Новгородская I летопись (фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчёркнуты; фрагменты, читающиеся иначе, чем в Лаврентьевской летописи, выделены курсивом)</p>	<p><i>И вѣсташа словене и кривици и меря и чюдь на варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и <u>города ставити</u>. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и <u>вѣсташа град на град</u>, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: «Князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и <u>рядилъ</u> ны по праву». Идоша за море к варягомъ и ркоша: «Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да пойдѣте к намъ княжить и владѣть нами». Изъбрашася 3 брата с роды своими, и <u>поша со собою дружину многу и предивну</u>, и приидоша к <u>Новугороду</u>. И <u>сѣде</u> старѣишии в <u>Новѣгородѣ</u>, бѣ имя ему Рюрикъ; а другыи <u>сѣде</u> на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ; а третей въ Изборьскѣ, <u>имя ему Труворъ</u>. И от тѣхъ варягъ, <u>находникъ тѣхъ</u>, прозвашася <u>Русь</u>, и от тѣхъ <u>словет</u> Руская земля; и суть новгородстии людие <u>до днешняго дни</u> от рода варяжска. По двюу же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и прия власть <u>единъ</u> Рюрикъ, <u>обою брату</u> власть, и нача владѣти <u>единъ</u> [Комиссионный список*] (ПСРЛ.Т. III. С. 106—107).</i></p>
<p>Лаврентьевская летопись (фрагменты, отсутствующие в Новгородской I летописи, подчёркнуты; фрагменты, читающиеся иначе, чем в Новгородской I летописи, выделены курсивом)</p>	<p>[«Чюдь, словѣне, меря, кривичи», названные в предыдущей погодной статье] <i>Изъгнаша варяги</i> за море и не даша имъ дани; и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и <i>вѣста родѣ на родѣ</i>, [и] быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. [И] рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами, и <u>судилъ</u> по праву». [И] идаша за море къ варягомъ <u>к руси</u>, <u>сице бо ся звахуть и варязи суть</u>, <u>яко се друзии зъвутся свое</u>, <u>друзии же оурмане</u>, <u>англыне</u>, <u>друзии гѣте</u>, <u>такo и си</u>, рѣша <u>русь</u>, <u>чюдь</u>, [и] <u>словѣни</u>, и <u>кривичи</u> <u>вся</u>: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ; да пойдѣте княжить и володѣти нами». И изъбрашася 3 братѣ с роды своими [и] <i>поша по собѣ всю русь</i>, и придоша. Старѣишии Рюрикъ [...]; а другыи Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ; а третии Изборьстѣ Труворъ. [И] от тѣхъ [варягъ] прозвася Руская земля; <u>новугородьци</u> ти суть людѣе ноугородьци от рода варяжска, <u>преже бо бѣша словѣни</u>. По дву же лѣту Синеоусъ оумре а братъ его Труворъ, и прия власть Рюрикъ, и <u>раздае мужемъ своимъ грады</u>: <u>овому Полотескъ</u>, <u>овому Ростовъ</u>, <u>другому Бѣлоозеро</u>. <u>И по тѣмъ городомъ суть находници варязи</u>, а <u>первьии насельници в Новѣгородѣ словѣне</u>, [въ] <u>Полотьски кривичи</u>, в <u>Ростовѣ меря</u>, в <u>Бѣлѣозерѣ весь</u>, в <u>Муромѣ мурома</u>. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ [Лаврентьевский список**] (ПСРЛ.Т. I. Стб. 19—20).</p>

<p>Ипатьевская летопись (фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчёркнуты; фрагменты, читающиеся иначе, чем в Лаврентьевской летописи, выделены курсивом)</p>	<p>[«Чюдъ, словѣне, меря, кривичи» названные в предыдущей погодной статье] И изгнаша варягы за море и не даша имъ дани; и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша оусобищѣ в нихъ, и воевати сами на ся почаша. И ркоша: «Поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами <i>и рядилъ по ряду</i> по праву». Идоша за море к варягомъ к руси, сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же оурмани, аныгяне, инѣи и готе, тако и си, ркоша русь, чюдъ, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда въ неи нѣтъ; да поидете княжить и володѣть нами». И избрашася трие брата с роды своими и пояша по собѣ всю русь и придоша <u>къ Словѣномъ пѣрвѣ и срубиша городъ Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ</u> Рюрикъ; а другиий Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ; а третѣи Труворъ въ Изборьсѣ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля. По двюю же лѣту оумре Синеоусъ и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть <u>всю одинъ, и пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ, и сѣде ту княжа, и раздае мужемъ своимъ волости, и города рубити</u>: овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницѣ варязи, пѣрвии наслѣдници в Новъгородѣ словенѣ, и в Полотьскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣлѣозерѣ весь, Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ [Ипатьевский список***] (ПСРЛ.Т. II. Стб. 14—15).</p>
<p>Радзивилловская летопись (фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчёркнуты)</p>	<p>[«Чудъ, словене, меря, кривичи», названные в предыдущей погодной статье] Бывша варягы и-заморья и не да им дани; и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и восташа род на род, и быша в нихъ усобици, воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ себѣ князя, иже бы [володѣлъ нами и] рядилъ по праву». И идоша за море к варяго[мъ к] ру[си], сице бо тии звахус(я) варязи рус(ь), яко се друзии зовутс(я) свие, друзии ж(в) урмяни, ингяне, друзии и готе, тако и си, рѣша руси чюд(ь), и словене, и кривичи, и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте у нас кн(я) жити и володѣти». И избрашас(я) 3-е брат(ь) я роды своими и пояша собѣ всю русь и придоша <u>к словенемъ первое и срубиша городъ Ладогу, и сѣде в Ладозѣ</u> старей Рюрикъ; а другиий сиде у нас на Белѣозере; а третий Труворъ въ Изборьску. И о тѣхъ варягъ прозвася Руская земля; Новгород тии сута(ь) люд(и) е новгородци от рода варезска преж(е) бо бѣ. По двюю же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и приа всю власть Рюрикъ <u>одинъ, и пришед ко Ильмерю, и сруби город(о) къ над Волховомъ, и прозва Новъгород, и сѣде ту кн(я) жа, раздаа волости мужемъ своимъ, и города рубити</u>: овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ находници суть варязи, а первии населници в Новъгород(е) словени, в Полоцку кривичи, в Ростове меряне, в Белѣозере вес(ь), в Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ [Радзивилловский список****] (ПСРЛ.Т. XXXVIII. С. 16).</p>

* Аналогичный (с минимальными отличиями) рассказ содержится в Воронцовском (ПСРЛ. III: 433—434), Троицком (ПСРЛ. III: 514), Берлинском (НПЛ 2010: 108—109) и других списках Новгородской первой летописи.

** Аналогичный (с минимальными отличиями) рассказ содержался и в Троицком списке: Присѣлков 2002: 57—58. Перевод данного места Лаврентьевской летописи на современный русский язык: ПВЛ 1993: 46—47.

*** Аналогичный (с минимальными отличиями) рассказ содержится и в Хлебниковском списке (параллельный текст всех основных списков ПВЛ см.: PVL 2003: 105). Перевод данного места Ипатьевской летописи на современный русский язык: ПВЛ 2004: 75.

**** Аналогичный (с минимальными отличиями) рассказ содержится и в Московско-академическом списке (параллельный текст всех основных списков ПВЛ см.: PVL 2003: 105).

*Княжение варяжских братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора.
Радзивилловская летопись*

Из сравнения четырёх приведённых текстов можно сделать следующие выводы:

1. Самым кратким, внутренне логичным и структурно «простым» является вариант варяжской легенды, представленный в Новгородской I летописи. Вариант Сказания о призвании варягов, представленный в Лаврентьевской и Троицкой летописях, очень близок к нему¹ и представляет собой преимущественно незначительно изменённый и в двух местах расширенный текст, относительно содержащегося в составе НПЛ. В НПЛ нет никаких существенных смысловых фрагментов, отсутствующих в Лаврентьевском и Троицком списках, его текстовый «избыток» представлен исключительно отдельными словами или небольшими словосочетаниями («и города ставити», «находникъ тѣхъ», «и от тѣх словет», «до днешняго дни», «единъ»), которые при переходе повествования из летописи в летопись легко могли пропускаться или изменяться.

Напротив, в Лаврентьевской и Троицкой летописях имеются два больших добавления пояснительного характера относительно текста НПЛ:

а) фрагмент с перечислением народов Балтийского региона (очевидно, связанный с соответствующим фрагментом этногеографического введения к ПВЛ, в котором названы те же народы: «Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, оурма-

¹ Существуют и другие места, сближающие НПЛ с Лаврентьевской летописью, но иначе читающиеся в Ипатьевской летописи. Таковы, например, как заметил А.Г. Кузьмин, летописные статьи 1054 и 1063 гг. (Кузьмин 1977: 91—92).

не, [готе], русь, агняне»: ПСРЛ. I: 4; ПСРЛ. II: 4) и списком участвующих в призывании варягов «племён» в середине (необходимым здесь потому, что в отличие от НПЛ, где эти племена фигурируют в начале данной же статьи, в ПВЛ они как данники варягов перечислены в предыдущей погодной статье и в данной статье до этого не фигурировали);

б) рассказ о раздаче Рюриком городов своим мужам в конце. Также в Лаврентьевской летописи изменены в сравнении с вариантом НПЛ отдельные слова и словесные обороты: вместо «дружину многу и предивну», которую взяли с собой Рюрик, Синеус и Трувор, написано «всю русь» (видимо, так летописец развил идею о «прозвании» Русской земли «от варяг», читающуюся в НПЛ); вместо «и вьсташа град на град» написано «вьста родъ на родъ» и т.д.

Непосредственно фрагменты о распределении варяжских братьев по городам читаются в НПЛ и Лаврентьевской и Троицкой летописях практически одинаково, за исключением того, что в двух последних пропущено название города, в котором сел Рюрик. Но, учитывая общую тождественность текстов и то, что вариант варяжской легенды из Лаврентьевской и Троицкой летописей представляет собой преимущественно лишь расширение текста, содержащегося в НПЛ, нет особых сомнений, что в их протографе этим городом также был назван Новгород. Это подтверждается тем, что сразу после пассажа о том, как именно призванные братья распределились по городам, в данных летописных списках читается: «Новгородьци ти суть людье ноугородьци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни», что логично только в том случае, если перед этим речь шла о Новгороде.

2. Дальнейшую эволюцию текста варяжского сказания в сторону его «усложнения» наблюдаем в Ипатьевской и Хлебниковской летописях. Здесь в него вставлены два новых фрагмента, существенно меняющие смысл рассказа:

а) сказано, что братья-варяги сначала «срубиша городъ Ладогу»;

б) сказано о переходе Рюрика из Ладоги в Новгород и основании им этого города («и пришедь къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ, и сѣде ту княжа»).

Если предполагать обратное направление развития текста (от варианта Ипатьевской и Хлебниковской летописей к варианту Лаврентьевской и Троицкой), как делают некоторые исследователи, то ещё можно объяснить выпадение первого из названных фрагментов вследствие порчи в их протографе текста в том месте, где указан город, в котором обосновался Рюрик, но никак невозможно

объяснить выпадение второго фрагмента, так как в этом месте в Лаврентьевском и Троицком списках никакой порчи текста нет.

Более того, именно в варианте Ипатьевской летописи видим редакторскую правку Сказания о призвании варягов в пользу «ладожской» версии. Здесь пропущен читающийся и в НПЛ, и в Лаврентьевской летописи пассаж о новгородцах «от рода варяжьска», так как он явно противоречил «ладожскому» варианту вокняжения Рюрика (если говорится о Ладоге, причём тут новгородцы?), введённому данным редактором варяжской легенды. «Ладожская» версия прихода Рюрика явно вторична в летописном тексте.

Противоречит пассаж об основании Новгорода и его наименовании Рюриком и сообщению этногеографического введения к ПВЛ, согласно которому город был основан и назван словенами, пришедшими на берега Ильменя в рамках славянского расселения с Дуная: «Словѣни же съдоша около езера Илмеря [и] прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5). Упоминается Новгород и в пассаже ПВЛ о «племенных» княжениях восточных славян: «И по сихъ братьи (после смерти Кия, Щека и Хорива/ — М.Ж.) держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, [а] в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ иже полочане» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8).

3. Соединение текстов, читающихся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, находим в Радзивилловском и Московско-академическом списках. Здесь, с одной стороны, даются фрагменты о первоначальном вокняжении Рюрика в Ладоге и его последующем переходе в Новгород (есть в Ипатьевской, нет в Лаврентьевской), а с другой — присутствует пассаж о новгородцах «от рода варяжска» (есть в Лаврентьевской, нет в Ипатьевской).

Что мы в случае с варяжским сказанием в Радзивилловской летописи имеем дело именно с соединением двух текстовых традиций (одна из которых представлена в Лаврентьевской летописи и вторая — в Ипатьевской), а не с воспроизведением текста протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей, явствует из того, что по некоторым фрагментам рассказ Радзивилловской летописи текстуально соответствует Ипатьевской летописи и не соответствует Лаврентьевской. Так, если в Лаврентьевской летописи сказано, что Рюрик «раздае мужемъ своимъ грады», то в Ипатьевской читаем иначе: «Раздае мужемъ своимъ волости, и города рубити». И почти то же самое находим в Радзивилловской летописи: «Раздаа волости мужемъ своим, и города рубити».

Текстологическое сопоставление вариантов Сказания о призвании варягов, представленных в НПЛ и древнейших списках ПВЛ, не оставляет особых сомнений в том, что «ладожский» вариант вокняжения Рюрика является текстуально вторичным и был введён в текст ПВЛ только на этапе создания той редакции летописи, которая отразилась в Ипатьевском, Хлебниковском и связанных с ними списках (при этом в текст легенды не только были вставлены два «ладожских» фрагмента, но и изъят явно противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжска»).

То, что в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях отражены две разные редакции ПВЛ, ясно уже из того, что сам автор данного летописного свода в них указан совершенно по-разному. В Лаврентьевской летописи в начале ПВЛ ничего не говорится о её авторстве. Зато в неполной статье под 6618 (1110) г., которой здесь заканчивается ПВЛ, в конце имеется запись, указывающая, что автором данного «летописца» является игумен Выдубицкого монастыря Святого Михаила Сильвестр: «Игумень Силивестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжашо ему Киевѣ, а мнѣ в то время игуменящо у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сия, то буди ми въ молитвахъ» (ПСРЛ. I: 286; Присёлков 2002: 205).

В Ипатьевской летописи данной записи нет (и само повествование в статье 6618 г. там не обрывается на соответствующем месте, а продолжается дальше), зато здесь авторство ПВЛ обозначено в самом её начале и автором назван монах другого монастыря — Печерского: «Повѣсть временныхъ лѣт черноризца Федосьева манастиря Печерскаго» (ПСРЛ. II: 2).

Соединение этих двух вариантов авторства ПВЛ находим в Радзивилловской летописи (начинается ПВЛ в данной летописи с упоминания «черноризца Федосьева манастиря Печерскаго» (ПСРЛ. XXXVIII: 11), а в статье 6624 г. читается приписка об авторстве Сильвестра: ПСРЛ. XXXVIII: 103), что подтверждает вывод, сделанный на примере анализа текста варяжской легенды, о соединении в данной летописи традиций протографов как Лаврентьевского и Троицкого, так и Ипатьевского и Хлебниковского списков.

В протографе Лаврентьевского и Троицкого списков, отражающих в целом более раннюю редакцию ПВЛ в сравнении с Ипатьевским и Хлебниковским списками (тут мы согласны с А.А. Шахматовым и М.Д. Присёлковым, и анализ истории текста варяжского сказания подтверждает, на наш взгляд, их принципиальную правоту), передающих варяжскую легенду близко к варианту НПЛ

и в основном лишь расширяющих его, была, очевидно, представлена «новгородская» версия. В Радзивилловской летописи обе текстовые традиции оказались соединены, в результате чего имеем там самый подробный и «сложный» вариант Сказания о призвании варягов.

История текста варяжского сказания на этапе древнейшей русской летописной традиции, представленной в ПВЛ и в НПЛ, выглядит так:

1) вариант НПЛ (самый краткий, логичный и «простой» по структуре, в котором представлена «новгородская» версия¹);

2) вариант Лаврентьевской летописи (с добавлением взятого из этногеографического введения перечня народов Балтийского региона и некоторыми заменами отдельных оборотов: «дружину многу и предивну» → «всю русь» и т.д.);

3) вариант Ипатьевской летописи, где текст варяжской легенды подвергся дальнейшей редакции и «усложнению» (сделаны две «ладожские» вставки и изъят противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжска»);

4) самый подробный, противоречивый и структурно «сложный» текст варяжской легенды, представленный в Радзивилловской летописи (соединение версий протографов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей: «ладожская» версия и пассаж о новгородцах «от рода варежска»).

Включение в состав ПВЛ на этапе создания редакции, представленной в Ипатьевском, Хлебниковском и связанных с ними списках, «ладожского» варианта вокняжения Рюрика, скорее всего, связано со статьёй, читающейся в Ипатьевской летописи (в её протографе впервые в русском летописании и появилась, судя по всему, «ладожская» версия варяжской легенды) под 6622 (1114) г.²,

¹ Не претендуя в данной, посвящённой конкретному вопросу главе на разрешение сложного вопроса о соотношении текстов ПВЛ и начальной части НПЛ в целом (которое, возможно, вообще не решается прямолинейно в сторону неперменной «первичности» одной из них как таковой на всём пространстве сопоставимого текста), констатируем, что текст Сказания о призвании варягов, читающийся в НПЛ, безусловно, в текстологическом отношении первичен относительно вариантов, содержащихся во всех известных списках ПВЛ, что наглядно показывает сопоставление в Таблице 2.

² К.Н. Бестужев-Рюмин (Бестужев-Рюмин 1868: 4—6) и А.А. Шахматов (Шахматов 2003: 530—531) выдвинули гипотезу, поддержанную М.Д. Присёлковым (Присёлков 1996: 49), А.Н. Насоновым (Насонов 1969: 61) и рядом других исследователей, согласно которой этому же летописцу принадлежит также статья (или её часть), читающаяся в ПВЛ под 6604 (1096) г., в которой некий летописец рассказывает о своей беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем и воспроизводит его рассказ о «немой» торговле новгородцев с некими северными племенами, которых отождествляет с людьми, по легенде (ссылаясь на её вариант в «Откровении Мефодия Патарского»), запертыми в горах Александром Македонским (ПСРЛ. I: 234—235; II: 224—225). В обеих статьях повествование ведётся от первого лица и связано с северными городами (в одном случае с Ладогой, в другом — с Новгородом), в обеих статьях упомянуты северные народы (югра и самоядь), в обеих статьях есть ссылки на переводные источники (в одном случае на Хронограф, в другом — на «Откровение Мефодия Патарского»). Другими исследователями эти доказательства

в которой некий неизвестный нам по имени летописец, один из авторов или редакторов ПВЛ (быть может, тот самый «черноризец Печерского монастыря», упоминаемый в начале её варианта по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам), от первого лица повествует о своём посещении Ладоги, рассказах, услышанных от ладожан, а также о знаменитых ладожских стеклянных бусах, которые в огромном количестве производились в Ладоге в VIII—IX вв. (о ладожских стеклянных бусах см.: Львова 1968: 64—94; 1970: 89—111; Рябинин 2003: 13, 112—113). В XII в., когда о том, кто и когда делал эти бусины, уже никто ничего достоверно не знал, они, вероятно, вымывались из почвы ливнями и речной водой и воспринимались как диковина: «В се же лѣто заложена бысть Ладога каменемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ при князѣ Мьстиславѣ. Пришедшу ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, яко сдѣ есть: «Егда будетъ туча велика, находятъ дѣти наши глазки стекляныи, и малыи и великыи, провертаны, а другыи подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскываетъ вода», от нихъ же взяхъ боле ста, суть же различь. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: «Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ: спаде туча, и в тои тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши, и расходится по земли и паки бываетъ другая туча, и спадають оленци мали в нѣи, и възрастають и расходятся по земли». Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожкыи и вси ладожане. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почнетъ фронографа» (ПСРЛ. II: 277—278. Древнерусский текст с параллельным переводом на современный русский язык: ПВЛ 2004: 308—309). Далее следуют примеры падения разных предметов с неба, заимствованные из хронографической литературы (см. о них: Творогов 1979: 8—11), долженствующие «историзировать» соответствующие рассказы ладожан. В НПЛ под 6624 г. кратко сказано, что «Павель, посадникъ ладоскыи, заложу Ладогу, город камень» (ПСРЛ. III: 20, 204).

Важно, что иных упоминаний Ладоги в ПВЛ нет, этот далёкий и незначительный в политическом отношении город не интересовал киевских летопис-

принадлежности статей 1096 и 1114 г. одному лицу оспариваются (Данилевский 2010: 7—16; Вилкул 2017: 229—247). А.А. Гиппиус, напротив, поддерживает гипотезу о принадлежности этих двух летописных статей руке одного человека и приводит в её пользу новые аргументы (Гиппиус 2007а: 33—36; 2015: 251—264). Ввиду своей сложности вопрос о соотношении летописных статей 1096 и 1114 г. должен рассматриваться отдельно. Для нашей темы достаточно того, что один из авторов текста протографа Ипатьевского и Хлебниковского летописных списков, безусловно, был в Ладоге, о чём рассказал в статье 1114 г., и, соответственно, имел возможность узнать местную «ладожскую» версию вокняжения Рюрика.

цев¹. В варианте ПВЛ, представленном в Лаврентьевской летописи, этот город вообще ни разу не упомянут (см. географический указатель к первому тому ПСРЛ) и впервые назван в Лаврентьевском списке только в рамках Суздальской летописи под 6762 (1254) г. (ПСРЛ. I: 473), а затем ещё всего два раза (ПСРЛ. I: 560. Географический указатель).

В варианте ПВЛ, представленном в Ипатьевской летописи, Ладога упоминается дважды: в приведённом рассказе летописца о посещении им Ладоги и в Сказании о призвании варягов², что ставит в связь данные статьи. Видимо, именно посетивший Ладогу и услышавший там какие-то местные предания или местную интерпретацию исторических данных книжник внёс в текст варяжской легенды «ладожскую» интерпретацию событий середины IX в.

Сопоставительный анализ НПЛ и основных списков ПВЛ привёл нас к заключению о вторичности «ладожской» версии Сказания о призвании варягов. Посмотрим, подтверждается ли этот вывод на общем фоне истории русского летописания.

Варианты названия города, в который приходит Рюрик (с указанием того, говорится ли в соответствующей летописи о «дружине многой», как в НПЛ, или о «всей руси», как в ПВЛ), по всем летописям из ПСРЛ, в которых присутствует «варяжская легенда», приведены в Таблице 3.

Таблица 3

**Город, в котором вокняжился Рюрик и кого
(«всю русь» или «дружину многу») привели с собой варяжские братья,
в летописях, изданных в ПСРЛ**

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
1. Лаврентьевская			ПСРЛ.Т. I. Стб. 20 («всю русь»)*
2. Ипатьевская		ПСРЛ. Т. II. Стб. 14 («всю русь»)**	

¹ В Новгородской I летописи ситуация иная — там Ладога упоминается в 23 погодных статьях: ПСРЛ. III: 662 (Указатель географических названий и этнонимов).

² В дальнейшем в Ипатьевской летописи она будет упомянута всего один раз: ПСРЛ. II: XL (Географический указатель).

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
3. Новгородская I	ПСРЛ. Т. III. С. 106 [Комиссионный список] («дружину многу и предивну»); 434 [Воронцовский список] («дружину многу и предивну»); 514 [Троицкий список] («дружину многу»)***		
4. Новгородская IV	ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 11 («дружину многу»)		
5. Новгородская V	ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. Вып. 1. С. 11 («дружину многу»)		
6. Софийская I старшего извода	ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. С. 14 («дружину многу»)		
7. Псковская II летопись	ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 9—10		
8. Псковская III	ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 73		
9. Воскресенская	ПСРЛ. Т. VII. С. 268 («дружину многу»)		
10. Никоновская	ПСРЛ. Т. IX. С. 9		
11. Тверская	ПСРЛ. Т. XV. С. 30 («дружину многу»)		
12. Рогожский летописец	ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С. 11		
13. Летопись Авраамки	ПСРЛ. Т. XVI. С. 35		
14. Супрасльский список	ПСРЛ. Т. XVII. С. 3 («дружину свою»)		
15. Львовская	ПСРЛ. Т. XX. С. 43 («в русь»)		
16. Степенная книга	ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. С. 41, 61		
17. Русский хронограф	ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. С. 349		

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
18. Ермолинская	ПСРЛ. Т. XXIII. С. 2		
19. Типографская	ПСРЛ. Т. XXIV. С. 6 («дружину многу»)		
20. Московский летописный свод конца XV в.	ПСРЛ. Т. XXV. С. 340 («дружину многу»)		
21. Вологодско-Пермская	ПСРЛ. Т. XXVI. С. 15 («дружину многу»)		
22. Никаноровская летопись и Сокращённые летописные своды конца XV в.	ПСРЛ. Т. XXVII. С. 18 [Никаноровская летопись] («дружину многу»); 158 [Текст, вписанный рукой магистра И. Пауса на вкладных листах]; 170 [Сокращённый свод 1493 г.]; 306 [Сокращённый свод 1495 г.]		
23. Летописный свод 1497 года	ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 13		
24. Летописный свод 1518 г.	ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 167		
25. Владимирский летописец	ПСРЛ. Т. XXX. С. 14 («всю русь»)		
26. Мазуринский летописец	ПСРЛ. Т. XXI. С. 36		
27. Холмогоровская летопись	ПСРЛ. Т. XXXIII. С. 13 («дружину многу»); 142 [Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске]		
28. Пискаревский летописец	ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 35 («дружину многу»)		

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
29. Белорусско-литовские летописи	ПСРЛ. Т. XXXV. С. 19 [Никифоровская летопись] («дружину свою»); 37 [Супрасльская летопись] («дружину свою»); 118 [Вольнская краткая летопись]		
30. Устюжские и Вологодские летописи	ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 17 [Устюжская летопись] («дружину многу»); 56 [Архангелогородский летописец] («дружину многу»); 160 [Вологодская летопись]		
31. Радзивилловская		ПСРЛ. Т. XXXVIII. С. 16 («всю русь»)****	
32. Софийская I по списку И.Н. Царского	ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 9 («дружину многу»)		
33. Густынская		ПСРЛ. Т. XL. С. 26— 27 («дружину многу руси»)	
34. Летописец Переяславля-Суздальского		ПСРЛ. Т. XLI. С. 8 («всю русь»)	
35. Новгородская Карамзинская	ПСРЛ. Т. XLII. С. 25 («дружину многу»)		
36. Новгородская по списку П.П. Дубровского	ПСРЛ. Т. XLIII. С. 15 («дружину многу»)		

* Аналогично (город, в котором садится Рюрик, не указан, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Троицкой летописи: Присёлков 2002: 58.

** Аналогично (Рюрик садится в Ладоге, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Хлебниковском списке.

*** Аналогично (Рюрик садится в Новгороде, братья-варяги приводят с собой «дружину многу и предивну») в Берлинском списке НПЛ: НПЛ 2010: 109.

**** Аналогично (Рюрик садится в Ладоге, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Московско-академическом списке.

Как видим, во всей последующей летописной традиции (кроме поздней компилятивной Густынской летописи, которая в своей начальной части во многом следует за Ипатьевской¹, и Летописца Переяславля-Суздальского, автор которого также пользовался какой-то летописью типа Ипатьевской²) городом, в котором после своего призвания к словенам и их союзникам вокняжился Рюрик, назван именно Новгород. «Ладожская» версия так и осталась в летописании локальным явлением, связанным с Ипатьевской летописью. Новгород назван также в «Польской истории» использовавшего русские летописи Яна Длугоша (Щавелева 2004: 226).

При этом в большинстве летописных списков читаем, что варяжские братья приводят с собой «дружину многу», в чём можно видеть влияние варианта варяжской легенды, представленного в НПЛ. В этой связи особое внимание привлекают две летописи — Львовская и Владимирский летописец, в которых городом, где сел Рюрик, назван Новгород (как в НПЛ и, видимо, в протографе Лаврентьевской и Троицкой), но при этом варяги приводят с собой «всю русь» (как во всех древнейших списках ПВЛ).

Такое сочетание текстологических признаков в Сказании о призвании варягов уникально, и именно эти два его варианта способны пролить свет на то, что же читалось в источнике летописной традиции, представленной Лаврентьевским и Троицким кодексами.

Соотношение вариантов текста легенды о призвании варягов, содержащихся в Лаврентьевской, Троицкой и Львовской летописях, а также во Владимирском летописце, можно выразить в виде таблицы (Таблица 4).

¹ «В начальной части, охватывающей материал до XIII века, Густынская летопись близка к Ипатьевской, но более кратка» (Кучкин, Муравьёва 2003: 3).

² А.А. Шахматов констатировал: «В Летописце русских царей (другое название Летописца Переяславля-Суздальского. — М.Ж.), в его Повести временных лет найдётся ряд чтений, сходных с Ипатьевской летописью и отличающихся от чтений Лаврентьевской и Радзивилловской. Имея же в виду, что известия 1137 и 1143 гг. тождественны с соответствующими известиями Ипатьевской, мы с уверенностью можем предполагать существование общего источника для Ипатьевской летописи и Летописца русских царей» (Шахматов 2011: 127).

**Соотношение вариантов текста варяжской легенды в Лаврентьевской
и Львовской летописях и во Владимирском летописце**

Летописи	Сказание о призвании варягов
Лаврентьевская летопись	<p>[«Чюдь, словѣне, меря, кривичи», названные в предыдущей погодной статье] Изгнаша варяги за море и не даша имъ дани; и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, [и] быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. [И] рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣль нами, и судиль по праву». [И] идаша за море къ варягомъ к руси, сице бо ся звахуть и варязи суть, яко се друзии зъвутся свое, друзии же оурмане, ангыляне, друзии гѣте, тако и си, рѣша русь, чюдь, [и] словѣни, и кривичи вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда в неи нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами». И избѣрашася 3 братѣ с роды своими [и] пояша по собѣ всю русь, и придоша. Старѣйшии Рюрикъ [...]; а другии Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ; а третии Изборѣсть Труворь. [И] от тѣхъ [варягъ] прозвася Руская земля; новгородьци ти суть люде ноугородьци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни. По дву же лѣту Синеоусъ оумре а братъ его Труворь, и прия власть Рюрикъ, и раздае мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первѣии насельници в Новѣгородѣ словѣне, [въ] Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣозерѣ весь, в Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ [Лаврентьевский список*] (ПСРЛ. Т. I. Стб. 19—20).</p>
Львовская летопись (фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи подчеркнуты; фрагменты, переставленные относительно текста Лаврентьевской летописи, выделены курсивом)	<p>Вѣсташа чюдь, и меря, и словене, кривичи на варяги, <u>рекше на Нѣмци</u>, и изгнаша варягъ за моря и ни даша имъ дани; и почаша сами себѣ владѣти. И не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобица, и воевати пачаша сами на са. И рѣша сами себѣ: «Поищемъ себѣ князя, иже бы владѣль нами, и судиль въ правду». <u>Въ царство Михаила</u> послаша за море къ руси къ варягомъ чюдь, и словене, кривичи, рекоша: «Земля наша велика и <u>богата</u>, обилиа <u>всѣмъ сы исполнена</u>, а парядника въ ней нету; поидите къ намъ кияжити и владѣти нами». <i>Сице бо са зваху варяги русию, яко и сии друзии зовутца урмане, алгане, друзии и готѣ</i>. И збращася 3 братеники съ роды своими, и пояша по себѣ в русь, и поидоша. Старѣйшина Рюрикъ братъ, а 2 Синеусъ, а третий Труворь. <u>И сѣде Рюрикъ въ Новѣгороде въ Великомъ</u>, а Синеусъ на Белѣозере, а Труворь во Изборцѣ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля; а новгородьци отъ роду варяжска, преже бо бѣше словене. По двою же лѣту Труворь и Синеусъ умре, и приять всю власть <u>рускую</u> Рюрикъ единъ <u>въ Руси</u>. <u>Въ лѣта 6371. И сѣде Рюрикъ въ Новѣгороде въ Великомъ</u>, и раздая Рюрикъ города мужемъ своимъ: овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому же Белоозеро. По тѣмъ городомъ сѣли Варяги находници, а <u>дотеле быша</u> первѣии насельници въ Новѣгороде словены, а въ По— лотьсте кривичи, а въ Ростове меря, на Белѣозере вѣсь, а въ Муроме мурома. А тѣми владѣль всѣми Рюрикъ [Список Эттера] (ПСРЛ. Т. XX. С. 43).</p>

Летописи	Сказание о призвании варягов
Владимирский летописец (фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчёркнуты)	<p>Въста новгородци**, и кривици, и меря, и чюдь на варяги и не даша им дани; и начаша сами собѣ владѣти. И не бѣ в них правды, и воста род на род, и бысть в них у собѣ, и воевашася сами на ся. И рѣша сами собѣ: «Поищем собѣ князя, иже владѣл бы нами и судиль бѣ в правду». Идоша за море к варягом и пруси***, иже сиче звахуся варязи, яко и сии, друзи зовутся умране, агняне, друзии гѣдѣти, тако и сии, рекоша русь, чудь, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша добра и велика и обилна, а наряда в ней нѣсть; да поидѣте княжить и владѣти нами». Иябрашася их три браты с родом своим и пояша по собѣ всю русь и придоша. И старѣишии Рюрикъ сѣде в Новѣгороде, а другыи Сиинеусъ сѣде на Бѣлѣозерѣ, а третии Труворъ сѣде въ Зборску. И тѣх прозвася Рускаа земля; а новѣгородци от рода варяжскаго, преже бо бѣша словени. По двою лѣту Синеусъ умре и брат его Труворъ, и прия власть Рюрик, и раздая грады мужем своим: овому Полтескъ, овому Ростовъ, овому Бѣлоезеро. По тѣм городом суть иаходиници варязи, и прѣвии населници в Новѣгородѣ и словени, а в Полтескъ кривичи, в Ростове меря, а на Бѣлѣозерѣ весь, Мюроме мюрома. И тѣми всѣми владаша Рюрик (ПСРЛ. Т. XXX. С. 14).</p>

* Аналогичный рассказ содержался и в Троицком списке: Присёлков 2002: 57—58.

** Вместо словен здесь по имени их главного города Новгорода названы «новгородцы».

*** То ли описка, то ли замена под влиянием популярной в позднем летописании идеи о происхождении Рюрика и его братьев из Пруссии.

Рассказ о призвании варягов в Лаврентьевской и Львовской летописях практически одинаков. В последней только сделаны несколько незначительных пояснений (например, что «варяги» — это «немцы», такая интерпретация была распространена в поздней летописной традиции; что события происходят в царствование императора Михаила), кое-где добавлены отдельные слова и словосочетания («всѣмъ сы исполнена» и т.д.), сделаны перестановки отдельных фраз и конец рассказа вынесен в следующую погодную статью, где дальше читается рассказ об Аскольде и Дире. Но эти незначительные отличия никак не нарушают принципиального текстуального единства двух рассматриваемых фрагментов из разных летописей. На том месте, где в Лаврентьевской летописи название города, в котором садится Рюрик, пропущено, в Львовской летописи оно есть — это Новгород.

Ещё более разительное сходство с варяжским сказанием в Лаврентьевской летописи демонстрирует текст Владимирского летописца. Здесь различия в двух записях вообще практически нет (за исключением прибавки слова «добра» в характеристике земли, в которую призываются варяжские бра-

тъя, и иного написания некоторых слов), а на том месте, где в Лаврентьевской и Троицкой летописях после имени Рюрика ничего нет, написано «съде в Новѣгороде».

Публикаторы Владимирского летописца отметили, что он «представляет собой краткое извлечение из большого летописного свода, который по своим особенностям стоял в близком родстве с погибшей Троицкой пергаменной летописью... В этом основное значение Владимирского летописца, так как он позволяет более точно восстановить некоторые тексты Троицкой летописи, имеющей важное значение в истории русского летописания» (Тихомиров, Муравьёва 1965: 3). Несмотря на то что данное заключение было сделано М.Н. Тихомировым ещё в 1965 г., по непонятной причине никто из исследователей «новгородско-ладожской» альтернативы Сказания о призвании варягов, писавших после выхода 30-го тома ПСРЛ (А.Г. Кузьмин, М.Х. Алешковский, Д.А. Мачинский, И.Я. Фроянов, М.Б. Свердлов, В.Л. Янин, Е.Н. Носов, Т.Л. Вилкул¹, А.А. Гиппиус и т.д.), не обратился к Владимирскому летописцу для прояснения вопроса о том, что же читалось в протографе Троицкого и Лаврентьевского списков.

Л.Л. Муравьёва, обратив внимание на то, что во Владимирском летописце присутствует группа известий новгородского происхождения, находящихся, по её мнению, аналогии в Новгородской IV летописи, отнесла к их числу и рассказ о вокняжении Рюрика в Новгороде (Муравьёва 1968: 38). Согласиться с этим невозможно, поскольку в Новгородской IV летописи читается, что братья-варяги приводят с собой «дружину многу», а в том варианте варяжской легенды, который представлен во Владимирском летописце, находим в соответствующем месте «всю русь» как в древнейших редакциях ПВЛ (Таблица 2). Поэтому Сказание о призвании варягов во Владимирском летописце не может быть связано с новгородским летописанием и отражает ту же традицию, которая представлена в ПВЛ.

Проведённое нами сопоставление варяжской легенды в варианте Лаврентьевской летописи с её записями в Львовской летописи и во Владимирском летописце, на наш взгляд, не оставляет сомнений в том, что в исходном летописном тексте, бывшем источником общего протографа Лаврентьевского и Троицкого списков, читалось именно «старѣишии Рюрикъ съде в Новѣгороде», как видим

¹ Т.Л. Вилкул в одном из примечаний упоминала варианты варяжской легенды в Львовской летописи и Владимирском летописце (Вилкул 2008: 272. Примеч. 3), но не придавала им никакого значения и никак не использовала в своём текстологическом анализе.

это во Владимирском летописце и Львовской летописи, сохранивших написание текста-протографа.

Пожелание Т.Л. Вилкул о необходимости «удалить из последующих переизданий 1-го тома ПСРЛ» конъектуру «съде в Новѣгороде» (Вилкул 2008: 280) должно быть категорически отвергнуто. Напротив, в переиздания первого тома ПСРЛ необходимо добавить ссылки на чтение данного места во Владимирском летописце и в Львовской летописи.

Проведённый нами анализ с расширением источниковой базы (привлечением Владимирского летописца и Львовской летописи) позволяет присоединиться к выводу А.А. Шахматова об изначальности в русском летописании «новгородской» версии варяжской легенды. Первоначально она присутствовала и в тексте ПВЛ древнейшей, известной нам по Лаврентьевской летописи редакции и только на этапе создания того её варианта, который представлен в Ипатьевском и Хлебниковском списках, в Сказание о призвании варягов были, видимо, тем же летописцем, который рассказывает о своём посещении Ладоги, сделаны две «ладожские» вставки и изъят противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжьска».

Данный вывод, важный сам по себе, тем не менее не означает автоматически, что «новгородская» версия варяжской легенды, раньше попавшая на страницы летописей, лучше отражает исторические реалии середины IX в. Более достоверной теоретически может быть и версия, позднее включённая в летописи (Новгород пользовался гораздо большим политическим влиянием, нежели Ладога, и имел, очевидно, больше возможностей для отстаивания своего взгляда на историю, чем его пригород). Поскольку и «новгородская», и «ладожская» версии вокняжения Рюрика наличествовали в древнерусской книжности, для прояснения того, какая из них более адекватно отражает историческую реальность, необходимо рассмотреть некоторые историко-археологические реалии времён летописного «призвания варягов».

III. «Новгородско-ладожская» альтернатива и некоторые исторические реалии середины IX в.

Не касаясь всех аспектов сложного и многогранного «варяжского вопроса», который активно дискутируется в новейшей историографии (для наших целей достаточно ограничиться тем, что летописные варяги — это некие выходцы из

циркумбалтийского региона, чего, кажется, никто не оспаривает¹), посмотрим на происходившие в период становления Древнерусского государства на севере Восточной Европы события с точки зрения реконструкции общего хода исторического процесса.

Рядом с неукреплённой Ладогой существовала славянская крепость Любша (где укрепления были возведены ещё в конце VII — начале VIII в.) (о Любшанском городище см.: Рябинин, Дубашинский 2002: 196—203; Рябинин 2003: 16—19), притом что поселение в Ладоге до последней четверти IX в. не имело укреплений². Очевидно, что укреплённое поселение политически господствовало над неукреплённым. Это даёт нам ключ к пониманию того, что представляло собой с историко-социологической точки зрения раннее поселение в Ладоге (об итогах археологического изучения древней Ладоги см.: Кирпичников 1984: 20—42; 1985: 3—27; 1988: 38—79; 1997а: 5—25; Кирпичников, Губчевская 2002; Кирпичников, Сарабьянов 2010; Рябинин 2003: 9—16; Лебедев 2005: 459—476; Кузьмин 2008: 69—94; Носов 2012: 102—107): оно было полиэтничным международным торговым эмпорием, находившимся под политическим контролем словен и их крепости Любши.

Поэтому периодически возникающие историографические спекуляции о Ладоге как о центре некоей скандинаво-славяно-финской политики, как о «столице», откуда варяги-скандинавы будто бы управляли славянами и т.п.³, должны быть решительно отвергнуты как противоречащие фактам. Торговое поселение в Ладоге не имело и в силу самой своей социальной природы не могло иметь значение политико-организационного центра, не могло быть «столицей» севера Восточной Европы.

¹ Дальше начинаются серьёзные разногласия: по мнению одних учёных, летописные варяги — выходцы из района южного побережья Балтийского моря (см., напр.: Кузьмин 2003: 187—241; Меркулов 2005; Фомин 2005; 2008; 2009: 107—125; Азбелев 2007: 61—86; Грот 2009: 132—154; Пауль 2016: 480—486; Романчук 2013: 283—299; 2017: 245—255), по мнению других — выходцы из Скандинавии (см., напр.: Носов 1999: 151—163; Лебедев 2005; Клейн 2009; Мельникова 2011; Петрухин 2014: 137—209; Николаев 2017: 7—54).

² Укрепления, причём каменные, в Ладоге возводятся только в эпоху Вещего Олега (Кирпичников 1984: 23—42), т.е. в совершенно другом историческом контексте, когда Любшанская крепость уже не функционировала (была разрушена в результате нападения со стороны Балтики?), а Древнерусскому государству требовался защитный рубеж на севере. Возможно, Олег лично курировал строительство стратегически важной крепости, с чем связано сообщение НПЛ о посещении им Ладоги (ПСРЛ. III: 109). Политическая роль Ладоги в этот период, видимо, существенно возрастает.

³ Относительно новые примеры подобных построений: Цукерман 2001: 59—69; Мачинский 2002: 5—35; 2009: 492—501. Ср. основанный на реальных фактах вывод В.В. Седова: «Набеги норманнов (во второй половине VIII — первых десятилетиях IX в. — М.Ж.) в глубь лесных земель славянских племён, грабежи и сборы дани представляются нереальными» (Седов 1999а: 112).

Руины Любошанской крепости

Историческая ситуация в Ладожско-Ильменском регионе и соседних землях существенно меняется в середине IX в.: с этого времени варяжская дружинная культура отмечена на Новгородском (Рюриковом) городище, признаки проживания варягов появляются в Верхнем Поволжье и в некоторых других пунктах (Седов 1999а: 125—127), что вполне согласуется с рассказом ПВЛ о призвании Рюрика и его варягов¹. Учитывая, что в предшествующие сто лет словене вполне успешно блокировали продвижение варягов, то их успешное перемещение на юг и восток около середины IX в., очевидно, явилось результатом союза со словенями. И именно как союзники словен варяги получили возможность такого продвижения.

Соответственно, можно, на наш взгляд, говорить о том, что легенда, зафиксированная в НПЛ и в ПВЛ, в общем, вполне исторично передаёт суть про-

¹ Что касается летописного рассказа о дани, взимаемой варягами со словен, кривичей, чуди и мери, то отражённая в нём ситуация сложилась, видимо, лишь непосредственно накануне «призвания» Рюрика (Седов 1999а: 116—117). Отметим также, что само варяжское сказание построено по принципу литературной антитезы: «хороший» варяг Рюрик, обеспечивающий мир и правду, противопоставляется «плохим» варягам, творившим насилие в землях словен и их союзников.

изошедших событий. Появление Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политике, стало результатом определённого соглашения — «ряда» — между ним и словенами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью) (о северном восточнославянском этнополитическом союзе, объединившем словен, кривичей и мерю, см.: Седов 1999а: 82—142). О высоком уровне социально-политической организации словен и демонстрации ими своего единства и силы говорят погребальные памятники (которые могли выполнять также и культовые функции) представителей их социальной элиты — сопки VIII—X вв., представлявшие собой огромные курганы высотой от 2—3 до 10 м, для возведения которых были необходимы серьёзные трудовые затраты (о сопках ильменских словен см.: Седов 1970а; 1982: 58—66; 1999: 158—165. О социокультурном значении сопок см.: Конецкий 1989: 140—150; 1993: 3—26. О культовом значении сопок см.: Свирин 2006: 231—251).

Избрание князя из числа выдающихся по своим личным качествам мужей — традиционное для славян и других народов периода «военной демократии» явление¹. При этом решающее значение имеет не этническая принадлежность или происхождение, а личные качества человека как политика, дипломата и военачальника². Ближайшей типологической аналогией «призвания» Рюрика является избрание среднедунайскими славянами VII в. своим правителем галло-римского или франкского купца Само, завоевавшего их расположение благодаря своей доблести в битвах с аварами (Ронин 1995: 364—397; Жих 2019). Рюрик (или его исторический прототип), вероятно, подобно Само, был храбрым воином и выдающимся политиком, заслужившим уважение и признание со стороны словен³; идею о том, что летописный Рюрик является чисто легендарной личностью, мы

¹ Память о подобной практике сохранилась в былинах: «По былинам, спасённый Ильёй город предлагает ему быть воеводой (или князем) и «суды судить да ряды рядить» (или суды «судить все правильно»)» (Рыдзевская 1978: 166).

² Существует основанная на сопоставлении летописной традиции о новгородском старейшине Гостомысле, франкских источников, сообщающих об ободритском правителе *Gostomuizli* (*Gestimulus*, *Gostomuizli*), и известной по выпискам В.Н. Татищева Иоакимовской летописи гипотеза, согласно которой Рюрик получил власть в Новгороде согласно матрилateralной традиции, будучи по женской линии потомком местного княжеского рода: Азбелев 2007: 61—86; 2010: 598—618; Грот 2009: 132—154; 2010: 324—355.

³ О Рюрике как правителе и возможностях его исторической идентификации см.: Беляев 1929: 215—270; Ловмянский 1963: 221—249; Касиков, Касиков 1990: 98—109; Фроянов 1991: 3—15; 1992: 75—106; 2015: 103—140; Яманов 2002: 127—136; Свердлов 2003: 105—127; Кузьмин 2003: 187—241; Фомин 2005: 422—473; 2009: 107—125; Лебедев 2005: 527—533; Меркулов 2005; 2012: 64—67; 2015: 54—74; 2007: 61—86; 2009: 132—154; Мельникова 2011: 15—298, 421—448; Пчелов 2010; Цветков 2012; Горский 2008: 55—59; 2012: 6—23; Войтович 2013: 6—41; Пауль 2016: 480—486; Петрухин 2014: 137—186; Серяков 2016: 169—199.

не разделяем, так как сказание о призвании варягов хорошо согласуется с совокупность известных современной науке историко-археологических данных о событиях, происходивших на севере Восточной Европы в середине IX в.

Вполне историчны описанные в летописях примерные границы политики Рюрика (Свердлов 2003: 112—115), а фиксируемый археологически факт резкого увеличения в этот период потока дирхемов, поступающих в пределы этих границ (обобщение соответствующих данных см.: Серяков 2016: 183—193), говорит о том, что Рюрик вполне успешно решал ключевые экономические задачи своего «государства».

Поскольку Рюрику удалось укрепиться у власти и именно его потомки (или люди, по каким-то причинам ставшие возводить к нему своё происхождение) стали правящей династией, в исторической памяти довольно стандартный эпизод политической практики словен периода «военной демократии» трансформировался в то, что мы называем Сказанием о призвании варягов.

Опираясь на находки древнейших пломб, которыми опечатывалась собранная дань, В.Л. Янин вполне реалистично, на наш взгляд, наметил некоторые важные моменты «ряда» между Рюриком и северной восточнославянской политией: «Княжеская власть в Новгородской земле утверждается как результат договора между местной племенной верхушкой и приглашенным князем. Договор, по-видимому, с самого начала ограничил княжескую власть в существенной сфере — организации государственных доходов» (Янин 2001: 62—64); «ограничение княжеской власти в столь важной области, как сбор государственных доходов и формирование государственного бюджета, восходит, скорее всего, к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом северо-западных племен» (Янин 2008: 33).

Получая от словен, псковских и полоцких кривичей, чуди и мери «корм» для себя и своей дружины, Рюрик так же, как некогда Само, выполнял традиционные для славянских князей общественно-полезные функции (защита своей земли, суд, текущее административное управление, охрана безопасности торговых путей, строительство городов и крепостей, сбор дани с подвластных племён и т.д.).

Резиденция Рюрика, очевидно, размещалась в сердце словенской земли в районе интенсивного земледельческого освоения на Новгородском (краеведы XIX в. прозвали его Рюриковым) городище (о Новгородском городище см.: Носов 1990; 2012: 108—119; Носов, Горюнова, Плохов 2005; Носов, Плохов,

Хвощинская 2017), возникшем, вероятно, ещё в первой половине IX в. как укрепленный посёлок словен (Седов 1999а: 102—103; 2003: 4—5; Носов 2012: 109; 2017: 23—24, 28—33) и ставшем с середины IX в. политико-административным, редиistribuтивным, военным, организационным и религиозным (напротив Городища находился главный культовый объект словен — Перынь) центром северной восточнославянской политики словен и их союзников, где, в отличие от Ладоги, выявлены как укрепления, так и фиксирующиеся с 60-х гг. IX в. выразительные признаки варяжской дружинной культуры¹. Во времена Рюрика Городище стало княжеской резиденцией, впервые исполнив эту функцию, которая в дальнейшем стала для него традиционной.

Городище, как предшественник Новгорода, видимо, и фигурирует под соответствующим именем в летописных известиях, описывающих события второй половины IX века². Сам же Новгород в качестве городского центра формируется, по современным данным, примерно в середине X в. (Янин 2004: 127—129; 2008: 27—28).

Именно Новгородское городище с его крепостью и выразительной дружинной варяжской культурой и было тем историческим «Новгородом», в котором вокняжился прибывший в словенскую землю Рюрик. Таким образом, «новгородская» версия Сказания о призвании варягов вполне адекватно отражает исторические реалии середины IX в.

О «ладожской» версии этого сказать нельзя, её появление и проникновение на страницы летописей мы, вслед за И.Я. Фрояновым, склонны рассматривать в контексте политических отношений Новгорода и Ладоги XI — начала XII в., в контексте притязаний ладожской городской общины на обособление и формирование собственной волости. В рамках идеологического оформления своих притязаний на более высокий политический статус ладожане выдвинули «зеркальную» историческую концепцию, по которой уже Новгород, якобы основанный ладожским князем, оказывался как бы пригородом Ладоги.

¹ При этом основную массу жителей поселения по-прежнему составляли словене. Е.Н. Носов констатирует, что хлебные печи, найденные на Городище, «можно рассматривать как этнографическую черту славянского населения», а «наиболее массовый материал с поселения — лепная керамика... в целом может быть охарактеризована как керамика культуры сопок. Есть только один фрагмент сосуда, который может быть атрибутирован как скандинавский по происхождению. Раннегончарная керамика также типична для славянских памятников района, и среди неё всё отчётливее выступают черты западнославянской керамической традиции» (Носов 2012: 114).

² Не исключено, что именно о нем идет речь в поздних летописных легендах о городе Словенске — предшественнике Новгорода, которые помнили, что Новгороду предшествовал некий иной городской центр: Гиляров 1878: 21.

Подведем итоги сказанного.

1. Текстологический анализ Сказания о призвании варягов в НПЛ и древнейших списках ПВЛ свидетельствует о том, что исходным в летописях был «новгородский» вариант вокняжения Рюрика. Именно он читался в древнейшей известной нам редакции ПВЛ (представленной полнее всего в Лаврентьевской летописи) и в предшествующем ПВЛ условном Начальном своде (как бы его ни понимать), вариант записи которого сохранила НПЛ¹. «Ладожская» версия появляется только на этапе создания более поздней редакции ПВЛ, представленной в Ипатьевской летописи, и, видимо, связана с неизвестным нам по имени летописцем, который рассказывает о своём посещении Ладоги.

2. Данный вывод подтверждается анализом текста варяжской легенды во Владимирском летописце и в Львовской летописи. Оба памятника уникальны тем, что: а) городом, в котором садится Рюрик, в них назван Новгород (как в НПЛ), но б) при этом приводят с собой варяжские братья «всю русь» (как во всех древнейших списках ПВЛ). Ни в одной другой летописи, изданной в ПСРЛ, такого сочетания нет, при этом текст варяжской легенды в этих летописях (особенно во Владимирском летописце) полностью соответствует варианту Лаврентьевской летописи. Эти обстоятельства позволяют утверждать, что в данных летописях сохранилось чтение протографа (или его источника) Лаврентьевского и Троицкого списков и по ним оно может быть надёжно восстановлено как «старѣишии Рюрикъ сѣде в Новѣгороде». В последующих переизданиях конъектуру «сѣде в Новѣгороде» следует дополнить примечанием с указанием соответствующих чтений Львовской летописи и Владимирского летописца.

3. С точки зрения соответствия историческим реалиям середины IX в. предположение также должно быть отдано «новгородской» версии событий. Ладога, бывшая в то время полиэтничной неукреплённой торговой факторией, находившейся под политическим контролем славянской Любшанской крепости, никак не могла быть «столицей» земли словен и их соседей. Резиденцией Рюрика стало Новгородское городище, расположенное в центре словенской земли, где

¹ На данный момент, по нашему мнению, уверенно можно говорить о том, что НПЛ содержит как минимум отдельные места, отражающие текст летописи более ранней и более краткой, чем ПВЛ. Вопрос о том, была ли эта летопись тем Начальным сводом, как его понимали А.А. Шахматов и М.Д. Присёлков, или представляла собой что-то другое, остаётся за рамками настоящей статьи.

археологически фиксируется яркая варяжская дружинная культура, связанная с циркумбалтийским регионом. Именно оно и фигурирует в летописной традиции о событиях второй половины IX в. как «Новгород». Версия о «столице» Рюрика в Ладоге, не отражая исторических реалий времён «призвания варягов», скорее всего, возникла в XI—XII вв. в ходе политической борьбы между городскими вечевыми общинами Новгорода и его пригорода Ладоги, отражая стремление ладожан к высвобождению из-под власти Новгорода. Формирование соответствующей исторической памяти, в которой Ладога мыслилась как «столица», как независимый в прошлом город, к тому же «старейший» по отношению к Новгороду, должно было помочь ладожанам добиться независимости для своего города в настоящем.

Глава VIII

ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И РЕФОРМЫ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

I. Первый этап восточнославянского политогенеза. Формирование этнополитических союзов

В VI—IX вв. славяне в ходе своей земледельческой колонизации осваивают обширные пространства Восточно-Европейской равнины, расселяясь от Чёрного моря до Ладожского озера и от Карпатских гор до Волго-Окского междуречья (Седов 1982; 1999; Тимошук 1990; 1995; Восточные славяне 2002).

В своём политическом развитии восточнославянское общество прошло несколько последовательных этапов.

Первым этапом восточнославянского политогенеза стало формирование этнополитических союзов, названных в Повести временных лет (далее — ПВЛ), где они не маркируются никаким обобщающим термином, у Константина Багрянородного, который именует их *славиниями*, а также в некоторых других источниках.

1. Воляняне (этноним означает «обитатели Волины», т.е. «земли низин/долин/равнин», от слав. *volunьь — «долина/равнина/низина»: Трубачёв 1994: 13—14), их предшественники в регионе дулебы, а также бужане («обитатели Побужья»). Политический центр волянян — город Волянь. Столица бужан — город Бужск.

2. Вятичи (этноним означает либо «потомки Вятко»: Трубачев 2000: 6; либо имя восходит к индоевропейскому *wenət-, *wonət-, праслав. *vět— «большой»

(Николаев 2011: 419—420) и означает «большой народ»), жившие на берегах Оки. Политический центр точно неизвестен. Возможно, им был упоминаемый в «Поучении» Владимира Мономаха город Корьдно («в Вятичи ходихомъ по две зиме на Ходоту и на сына его и ко Корьдну ходихъ»: ПСРЛ. I: 248)¹.

3. Древляне (у Константина Багрянородного Δεσβλνίνοι/Βεσβιάνοι; этноним означает «обитатели лесной страны»), жившие в украинском Полесье. Политический центр — Искоростень.

4. Дреговичи (у Константина Багрянородного Δρουγουβίται; этноним означает либо «обитатели страны, изобилующей болотами», либо «потомки Драга/ Дрега»: Нидерле 1956: 160), жившие на север от Припяти по направлению к Двине. Политический центр — Туров.

5. Кривичи (у Константина Багрянородного Κριβιταιηνοί; этноним означает «потомки Крива»), археологически представленные культурами псковских и смоленско-полоцких длинных курганов и расселившиеся на огромной территории от Чудского озера и реки Великой до района современной Твери.

В силу широты своего расселения кривичи разделились на ряд локальных политических групп:

— псковские кривичи, жившие в бассейне Великой, Псковского и Чудского озер. Политический центр — Изборск, позднее на первое место выдвигается Псков;

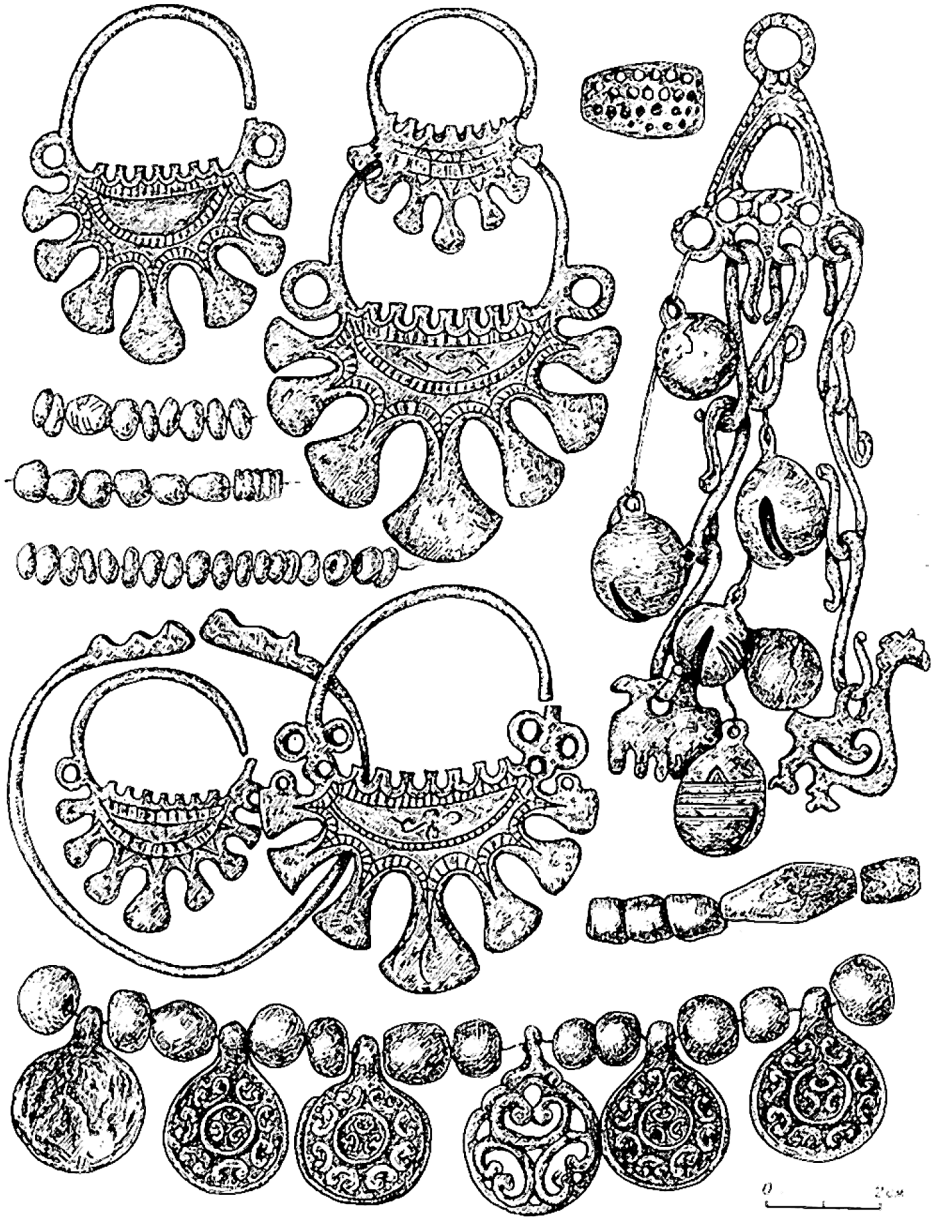
— полоцкие кривичи, имевшие также имя *полочане*. Политический центр — Полоцк;

— смоленские кривичи, бывшие, судя по пассажиру из этногеографического введения к ПВЛ («Кривичи же съдятъ на верхъ Волги, а на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ, туда бо съдятъ кривичи»: ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8), кривичами в «узком смысле». Политический центр — Смоленск.

Также по сопоставлению археологических и лингвистических данных можно предполагать существование групп мстинских и верхневолжских (тверских) кривичей (Николаев 1990: 55; 2011а).

6. Поляне (этноним означает «обитатели страны полей, освоенной окультуренной земли»), жившие в Среднем Поднепровье. Политический центр — Киев.

¹ Он же, возможно, Хордаб/Джерваб, город славян, упоминаемый в восточных источниках (Рыбаков 1982: 261).

Украшения из вятических курганов

7. Радимичи (этноним означает «потомки Радима»), жившие в поречье Сожа. У Константина Багрянородного радимичи, происходящие, согласно ПВЛ, «от ляхов», названы вариантом этого этнонима, лендзянами, Λενζανῆνοι/Λενζανῆνοι (от общеславянского *lęd-; ср: lęda — «необработанное поле»). Лендзяне — «жители необработанной (целинной) земли» (Lehr-Spławiński 1959). Политический центр радимичей, видимо, находился в центре их земли, в районе современного Славгорода (Пропойск, древнерусский Прапошаск, впервые упоминается в 1136 г. в грамоте Ростислава Мстиславича), где на высоком правом берегу Сожи, около устья реки Прони расположено городище (Куза 1996: 87).

8. Северяне (у Константина Багрянородного Σεβέριοι; этноним означает «обитатели страны *sěver, север»: Трубачев 2002: 386; либо связан с иранским *seu — «черный»: Иванов, Топоров 2000: 428—430), жившие на Правобережье Днепра на берегах Десны и Сейма. Политический центр — Чернигов.

9. Словене ильменские, археологически представленные культурой сопок и предшествующими ей памятниками, жившие на берегах Ильменя, Волхова и рек и Ильменского бассейна. Политический центр — Новгород (ранее Новгородское городище и его гипотетический предшественник «Холмгород»: Носов 2017: 28—33).

10. Тиверцы (видимо, данное имя связано с древним названием Днестра, зафиксированным у Геродота в форме др.-греч. Τύρας. Тиверцы, таким образом, «обитатели Поднестровья»: Седов 1982: 129), жившие на берегах Нижнего Днестра. Политический центр неизвестен.

11. Уличи (у Константина Багрянородного Οὐλίτινοι; имя происходит либо от излучины, «угла»: Трубачёв 1961: 186—190; либо представляет собой вариант этнонима лютичи: Рабинович 1997: 178—199). Политический центр — Пересечен.

12. Хорваты (этноним представляет собой вероятный иранизм: Иванов, Топоров 2000: 430—431; ЭССЯ 1981: 151), жившие в Прикарпатье. Политический центр неизвестен.

Каждый из названных этнополитических союзов представлял собой объединение небольших славянских группировок. Летописцы называют кривичей, вятичей, радимичей, полян, древлян и прочие восточнославянские этнополитические объединения в одном ряду с лютичами, а про них по источникам хорошо

известно, что они представляли собой союз ряда небольших «племён»: брежан, стодорян, чрезпенян, доленчан и т.д. Аналогична ситуация с ободритами, включавшими в себя древан, глинян, вагров и т.д. и лужицкими сербами, делившимися на сусельцев, жирмунтов, галомачей и т.д. Одним словом, там, где у нас есть источники, описывающие более детально внутреннюю жизнь славян, мы видим, что большие славянские этнополитические объединения, уровня тех, что попали на страницы древнерусских летописей, делились на ряд небольших общностей.

В анонимном «Баварском географе» (памятнике, созданном в швабском монастыре Райхенау в 70-х гг. IX в.: Назаренко 2001: 51—70) перечислено множество славянских «племён», не известных по другим источникам и, соответственно, с трудом поддающихся идентификации или не поддающихся ей вовсе. По всей видимости, это именно те небольшие «племена», из которых состояли крупные славянские этнополитические союзы типа вислян, мазовшан, лютичей, кривичей и т.д.

А.П. Новосельцев совершенно справедливо, на наш взгляд, считал, что «древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским «племенам», как франки, саксы, бавары и т.д., которые на деле представляли уже союзы «племён», хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени» (Новосельцев 2000: 49).

Названия восточнославянских локальных объединений в источниках почти не отразились (исключение — упомянутая в ПВЛ полоцкая группа кривичей, полочане), но здесь на помощь приходит археология, позволяющая выделять такие объединения в разных частях восточнославянского мира (Соловьёва 1956: 13—170; Алексеев 1978: 23—30; Рыбаков 1982: 264; Тимощук 1990: 72—111; 1995: 5—59; Фроянов 1992: 21—74; Звиздецкий 2008: 76—77; Еремеев, Дзюба 2010: 394—417).

Данные о социально-политической организации славиний в источниках, к сожалению, носят разрозненный спорадический характер. Однако, если свести все соответствующие упоминания начального летописания — Новгородской I летописи (далее — НПЛ) и ПВЛ — в таблицу (Таблица 5), можно сделать определённые выводы.

Таблица 5

**Социально-политическая организация восточнославянских
этнополитических объединений, по данным начального летописания**

Восточнославянские этнополитические союзы	Указано существование князей (или первопредков)	Указано существование знати	Указано существование народных собраний	Указано существование городов
Вольняне	—	—	—	+ (ПСРЛ. I: 143; II: 130)*
Вятичи	+ (ПСРЛ. I: 12; 248; II: 9)	+ (ПСРЛ. I: 121; II: 106; III: 159)	+ (ПСРЛ. II: 338)	+ (ПСРЛ. II: 697)
Древляне	+ (ПСРЛ. I: 10; 54—60; II: 8; 42—48; III: 110—113)	+ (ПСРЛ. I: 54—60; II: 42—48; III: 110—113)	+ (ПСРЛ. I: 54—60; II: 42—48; III: 110—113)	+ (ПСРЛ. I: 58; II: 47)
Дреговичи	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8)	—	—	+ (ПСРЛ. II: 282, 384)
Кривичи	—	+ (ПСРЛ. I: 121; II: 106; III: 159)	+ (ПСРЛ. I: 19—20; II: 13—14; III: 106)	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8; III: 106)
Полочане (полоцкие кривичи)	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8)	—	—	+ (ПСРЛ. I: 20; II: 14)
Поляне	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8)	+ (ПСРЛ. I: 82, 106—108, 124—127; II: 69, 93—94, 109—112; III: 130, 148—149, 166—167)	+ (ПСРЛ. I: 17; II: 12; III: 105)	+ (ПСРЛ. I: 9; II: 7; III: 104—105)
Радимичи	+ (ПСРЛ. II: 9)	—	—	—
Северяне	—	—	—	—
Словене	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8)	+ (ПСРЛ. I: 121; II: 106; III: 159)	+ (ПСРЛ. I: 19—20; II: 13—14; III: 106)	+ (ПСРЛ. I: 6, 10; II: 5, 8; III: 106)

Восточнославянские этнополитические союзы	Указано существование князей (или первопредков)	Указано существование знати	Указано существование народных собраний	Указано существование городов
Тиверцы	—	—	—	+ (ПСРЛ. I: 13, II: 9—10)
Уличи	—	—	—	+ (ПСРЛ. I: 13; II: 9—10; ПСРЛ. III: 109)
Хорваты	—	—	—	—

* Напрямую Вольнь городом вольнян не назван, но из совпадения его названия с именем славинии можно заключить, что он был её центром или одним из центров.

Все восточноевропейские славинии имели сходную социально-политическую структуру, включавшую:

1) князей, осуществлявших оперативное управление, командовавших войском, состоявшим из дружины и собираемого по мере необходимости народного ополчения, выполнявших общественно-полезные функции (защита своей земли, суд, охрана безопасности торговых путей, строительство городов и крепостей и т.д. О восточнославянских князьях см.: Фроянов 2001: 723—743; Свердлов 2003: 55—91);

2) знать (лучшие мужи, нарочитые мужи, старцы градские и т.д.) /совет знати, помогавшие князю в управлении (о восточнославянской знати см.: Фроянов 1999: 89—195);

3) народное собрание, решавшее ключевые общественно значимые и важные для всей славинии вопросы (война и мир, избрание князя и должностных лиц и т.д. О восточнославянских народных собраниях см.: Фроянов 1980: 159—160; Лукин 2004: 71—88);

4) города — укрепленные поселения (летописные «грады»), бывшие политико-административными, военными и культовыми центрами славиний. В городе пребывал князь, здесь концентрировалась знать, здесь собиралось народное собрание, здесь размещались центральные святилища и проводились праздники и т.д. (о восточнославянских общинных и «племенных» центрах разного уровня см.: Тимошук 1995: 5—59).

Крупнейший или наиболее удачно стратегически расположенный город был столицей всей славинии, прочие «племенные» грады (летописи упоми-

нают их именно во множественном числе: ПСРЛ. I: 58; ПСРЛ. II: 47; 697; ПСРЛ. III: 106) — центрами небольших, составляющих её славянских группировок.

В славянских этнополитических союзах формируется такой интересный социальный институт, как полюдые — ежегодный объезд князем подвластной территории, в ходе которого он, получая корм для себя и дружины, исполнял необходимые общественно полезные функции.

Рассказ о восточнославянском полюдые сохранился в составе так называемой «Анонимной записки», повествования неизвестного автора, отразившегося в трудах ряда арабо-персидских писателей, о народах степной полосы Евразии и юго-востока Европы, датируемого, судя по локализации кочевых этносов, первой половиной IX в. (об «Анонимной записке» см.: Галкина 2010: 54—98). Славяне, о которых говорится в «Анонимной записке», — это, скорее всего, либо вятичи (Рыбаков 1982: 225—234, 258—284), либо жившие южнее славяне днепровского правобережья.

Вот что говорится в «Анонимной записке» (в передаче Ибн Русте, автора первой половины X в.) о полюдые у восточных славян: *«Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян... И упомянутый глава, которого они называют «главой глав» (ра'ис ар-руаса), зовется у них свиег-малик, и он выше супанеджа (видимо, воеводы. — М.Ж.), а супанедж является его заместителем (наместником) ... Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в течение трех дней проводится торг, покупают и продают. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в своей стране вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений»* (Новосельцев 1965: 388—389).

Б.Н. Заходер обратил внимание на то, что «термин, которым обозначается подать, взимаемая славянским царём с дочерей, сыновей или же наложниц славян, может означать не только «платье», но вообще «подарок», «подношение» (Заходер 1967: 124). По мнению Б.А. Рыбакова, здесь имеется в виду «некое количество выделанного меха, потребное для изготовления какого-то условного

вида одежды», причём, вероятно, князь «во время своего полюдья имел дело не с каждым крестьянским дымом в отдельности, а со старостами «сотен», главами родовых или соседских общин, плативших дань в 100 вевериц или кун за всё «сто» (Рыбаков 1982: 278).

В древнерусских источниках наиболее подробно, в связи с их антикиевским выступлением, описано внутреннее устройство древлян (ПСРЛ. I: 54—60; ПСРЛ. II: 42—48; ПСРЛ. III: 110—113), у которых мы видим классическую тернарную структуру управления (Фроянов 1980: 126—127; Свердлов 2003: 88—91): 1) княжеская власть; 2) знать/совет знати (старейшины города, лучшие мужи, мужи нарочитые); 3) народное собрание, представлявшее собой фактически вооруженный народ (древляне совещаются со своим князем Малом и тут же выступают в поход на Игоря).

Обращают на себя внимание параллели между летописными рассказами о древлянах и сообщением «Анонимной записки» о славянах днепровского правобережья (вятичах?): летописи говорят о древлянских князьях, видимо подчинённых Малу, во множественном числе («наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю»: ПСРЛ. I: 56; ПСРЛ. II: 44; ПСРЛ. III: 111), а у Ибн Русте правитель славян именуется «главою глав». В обоих случаях, видимо, речь идёт о князьях/главах «малых племён», из совокупности которых состояли и древляне, и вятичи, и другие славинии.

II. Второй этап восточнославянского политогенеза. Формирование объединений из нескольких славиний

Со временем в разных регионах восточнославянского мира разгорается борьба за лидерство между разными славиниями (ср. сообщение летописей о древлянах, «обижавших» полян: ПСРЛ. I: 16—17; ПСРЛ. II: 12; ПСРЛ. III: 105. О славянских «племенных» конфликтах см.: Фроянов 1995: 22—96), в ходе которой одни из них, «примучивая» другие, создают большие «межплеменные» объединения трёхступенчатого уровня («малое племя» → славиния → союз нескольких славиний, возглавляемый одной из них).

Вольняне/червяне. Древнейшая известная нам полития, включавшая в свой состав несколько славиний, имела центр на Волыни. Арабский автор Ал-Мас'уди (ум. ок. 956/57 г.) в своих «Золотых копиях и россыпях самоцветов» (около 947 г.) сообщает о существовавшем на Волыни и в сопредельных

землях возглавляемом князем Маджком **ماجك** славянском этнополитическом союзе В.линана¹.

«И эти <язычники> (славяне. — М.Ж.) разделяются на разные роды: из них род, у которого с глубокой древности была государственность. Был у них царь, которого называли Маджк (Маджл). И этот род называется в. линана. В древности за этим родом следовали остальные роды ас-сакалиба (славян. — М.Ж.) <по смыслу: этот род наиболее знатен из ас-сакалиба, т.к. у них впервые появилась государственность>, так как именно у них <в.линана> был царь, и другие их цари подчинялись ему».

И далее: «И ас-сакалиба много родов и разновидностей. Эта наша книга не подходит для описания всех их разновидностей и различных их разветвлений. Ранее мы упомянули известие о царе, которому подчинялись все их цари в древности, и это Маджк <царь> в.линана. И этот род один корень из корней <т.е. одна из главных династий> ас-сакалиба, почитаемый в их родах. И это идет у них с древности. Затем появились разногласия между их родами, и исчез их порядок <иерархия>. И их роды стали враждебны друг другу. Царь каждого их рода является царем, как мы упомянули, из их царей, по причине, о которой долго рассказывать» (Галкина 2016; см. также: Гаркави 1870: 135—138; Lewicki 1940/1950: 355—360).

Параллель к рассказу ал-Мас'уди о В.линана находим в «Баварском географе», где говорится: «Сериваны — это королевство столь [велико], что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, [свое] начало» (Назаренко 2001: 54—55).

Наиболее убедительным является объяснение названия «сериваны» (Zerivani) от слав. *Съгвјане (Lehr-Spławiński 1961: 265) — червяне, что говорит о том,

¹ Недавно вышла статья А.С. Кибиня (Кибинь 2017: 44—58), предпринявшего попытку обосновать старое предположение Ф. Вестберга, согласно которому под «баснословным общим царем славян и немцев» Маджком следует понимать библейского Мешеха (Вестберг 1903: 60). Данное предположение, на наш взгляд, не выдерживает критики: в сообщении ал-Мас'уди о Маджке и В.линана нет никаких библейских отсылок, отсутствуют намёки на контекст, в котором в Библии упоминается Мешех. Несмотря на все старания, А.С. Кибинь не смог привести ни примеров наименования Мешеха в арабской литературе формой, близкой к **ماجك**/Маджк, ни примеров того, чтобы кто-то из восточных авторов считал Мешеха прародителем славян. Более того, сам ал-Мас'уди прямо считает славян потомками отнюдь не Мешеха, а другого сына Иафета, Мадея: «Ас-сакалиба: Из потомков Мара (Бара) бин Йафета бин Нуха. И к нему восходят все роды ас-сакалиба, к нему они себя возводят — это подтверждают многие специалисты в этой области» (Галкина 2016; см. также: Гаркави 1870: 135). Убежденность А.С. Кибиня в том, что «поиск прототипа в литературных источниках представляется более оправданным, нежели реконструкции аутентичной славянской устной традиции» (Кибинь 2017: 55), велика, но фактических аргументов в её пользу нет.

что это «королевство» (*regnum*) следует помещать в районе летописных Червенских градов, т.е. на Воляни. Рядом с *Zerivani*/червянами в «Баварском географе» названы и собственно воляняне — *Velunzani* (Назаренко 2001: 54—55), что объясняется сложным характером структуры памятника, в котором зачастую вперемешку названы славянские этнополитические объединения разного уровня без какого бы то ни было их разграничения.

Червенские грады упоминаются в летописи в связи с событиями конца X — начала XI в. (ПСРЛ. I: 81, 150; ПСРЛ. II: 69, 137). Позднее в этом регионе существовала Червенская земля (ПСРЛ. II: 746), жители которой звались червянами (ПСРЛ. II: 487). Возникновение соответствующих понятий и названий следует относить к существенно более раннему времени. Город Червень был, очевидно, центром червян, подобно тому как город Волянь был центром волянян.

Смысловая параллель рассказов ал-Мас'уди, с одной стороны, и «Баварского географа» — с другой, является полной: и там и там говорится о существовании у славян в прошлом некоего значительного этнополитического объединения, от которого происходят другие славянские народы. Расположение этих двух «народов-прародителей», хоть и названных немного по-разному в одном регионе, делает тождество полным. Червяне — это, по всей видимости, часть волянян, возможно господствовавшая в течение некоторого времени в их этнополитическом объединении.

Датировать время существования этнополитического союза, возглавляемого волянянами/червянами, о котором говорят ал-Мас'уди и «Баварский географ», исходя только из их данных, сложно. Ал-Мас'уди говорит о нём как о существовавшем «в глубокой древности». Не содержит датирующих признаков известие «Баварского географа» (за исключением верхней даты — даты составления самого источника — 70-е гг. IX в.).

Тут на помощь приходит археология. В VIII—IX вв. из ареала лукирайковецкой культуры выделяется ряд локальных археологических групп, что отражает процесс становления летописных волянян (группа памятников в верховьях Буга, Стыри и Горыни), древлян (группа памятников в бассейнах Тетерева и Упы), дреговичей (группа памятников в среднем течении Припяти в районе Турова), полян (группа памятников в киевском поречье Днепра, на Ирпени и в устье Десны) (Седов 1999: 46—50). Эта археологическая картина, по всей видимости, отразила процесс распада этнополитического союза, возглавляемого волянянами/червянами, описанный нашими источниками.

О причинах образования союза славиний во главе с волынянами мы можем лишь догадываться. В историографии отмечалось, что привести к объединению ряда славянских «племён» в одно целое под главенством волынян могла борьба с Византией или с кочевниками (Ключевский 1987: 124; Фроянов 2001: 726). Не оспаривая важности ни того ни другого, следует отметить, что к образованию подобных союзов вели в первую очередь закономерности внутреннего социально-политического развития славянского общества.

Отождествить князя Маджка с каким-либо лицом, известным по другим источникам, пока не представляется возможным. Время его жизни условно можно датировать второй половиной VIII — началом IX в.

Древляне. После распада возглавляемого Маджком славянского объединения первенство в регионе днепровского левобережья переходит к древлянам, которые начинают «обижать» и подчинять своих соседей.

М.Б. Свердлов, обобщая наблюдения своих предшественников, заключил: «Древляне действительно преуспевали в правление своих независимых от Киева князей. Судя по распространению древлянских археологических памятников, они ограничили расселение полян в IX—X вв. на запад узкой полосой, 25—30 км, «гор» по берегу Днепра. К концу IX в. древляне подчинили, вероятно, дреговичей и волынян. После подчинения власти киевских князей они неоднократно пытались от неё освободиться. Да и в составе Русского государства Древлянская земля (позднее в составе Туровского княжества) имела большое значение в качестве обширного западного княжения в правление Олега Святославича, Святополка Ярополковича и Святослава Владимировича» (Свердлов 2003: 88. См. также: Толочко 2013: 80—86)¹.

Союз северных восточных славян. На севере Восточной Европы процесс интеграции возглавили словене (о северной восточнославянской «конфедерации» см.: Фроянов 1992: 21—74; 2001а: 759—762; 2015: 98—103; Седов 1999а: 111—137; 2000: 240—249; Мельникова 2011: 101—102). О высоком уровне социально-политической организации словен и демонстрации ими своего единства и силы говорят погребальные памятники (которые могли выполнять также и культовые функции) представителей их социальной элиты — сопки VIII—X вв., представлявшие собой огромные курганы высотой от 2—3 до 10 м, для возведения которых были необходимы серьёзные трудовые затраты (о сопках ильменских словен

¹ Аналогичны суждения Д.А. Мачинского: «В последние десятилетия археологические раскопки выявляют довольно высокий уровень социально-политического и культурного развития, достигнутого населением Древлянской земли в конце IX—X вв.» (Мачинский 2009: 519).

*Хорошо сохранившиеся деревянные срубы изготовлены из дубовых бревен и полубревен.
Бабина гора. Олевск*

см.: Седов 1970а; 1982: 58—66; 1999: 158—165. О социокультурном значении сопок см.: Конецкий 1989: 140—150; 1993: 3—26. О культовом значении сопок см.: Свирин 2006: 231—251).

Словене объединили:

- часть кривичей (псковских, и, возможно, полоцких);
- чудь;

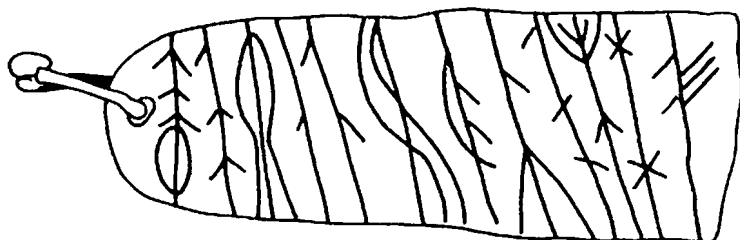
— славянское «племя», расселившееся в Волго-Окском междуречье, имя которого летописи не сохранили и существование которого выводится из сопоставления лингвистических и археологических данных, его археологическим маркером являются браслетообразные сомкнутые височные кольца. В летописях эта славянская группировка, вероятно, фигурирует под именем *мери* (Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 156—159; Седов 1999: 145—158). Возможно, славяне переняли этноним ассимилированных финнов, как считает В.В. Седов, но, на наш взгляд, логичнее полагать, что мерей это славянское «племя», дальше всего продвинувшееся на восток, в земли финнов (мери), стали называть его западные соседи, т.е. это экзоэтноним, а настоящее имя этой славянской группировки нам неизвестно.

Союз северных славиний обладал и серьёзной военной силой. Около середины VIII в. в устье Волхова появляются варяги, выходцы из Балтийского региона, где формируется полиэтничное торговое поселение в Ладоге (Кирпичников 1988: 39), связанное с Балтийско-Волжским путём, но дальше в глубь Восточной Европы около ста лет они не продвигаются, по сути, ни на шаг: до середины IX в. ни на одном поселении, кроме Ладоги, не выявлено надёжных признаков проживания варягов, носителей циркумбалтийской дружинной культуры (находки отдельных вещей не в счёт, так как они свидетельствуют не о проживании выходцев из Балтийского региона, но только о контактах с ними словен, кривичей и т.д.).

Получая от словен, псковских и полоцких кривичей, чуди и мери «корм» для себя и своей дружины, Рюрик так же, как некогда Само, выполнял традиционные для славянских князей общественно полезные функции (защита своей земли, суд, текущее административное управление, охрана безопасности торговых путей, строительство городов и крепостей, сбор дани с подвластных племён и т.д.).

Юго-восток славянского мира. Своеобразные политические процессы шли на юго-востоке славянского мира, где впервые фиксируется источниками этноним русь. Существует целый ряд взаимоисключающих гипотез о его происхождении (иранская/индоарийская: Трубачев 2005: 131—188; славянская: Otrębski 1960: 219—227; Роспонд 1979а: 43—47; Максимович 2006: 14—56; скандинавская: Мельникова, Петрухин 1989: 24—38; Кулешов 2009: 441—459; Николаев 2011: 411—418; ругская: Кузьмин 1970: 28—55; 2003: 268—293 и т.д.), в связи с чем довольно перспективным представляется вывод, сделанный В.А. Бримом о возможности существования соответствующих омонимичных имён как на юго-востоке Европы, так и в Балтийском регионе, которые впоследствии контаминировались (Брим 1923). Данная гипотеза с теми или иными вариациями встретила в разное время поддержку ряда учёных (Е.А. Рыдзевская, Б.Д. Греков, М.Я. Сюзюмов, А.П. Новосельцев) и была принята М.Б. Свердловым (Свердлов 2003: 92—95; 2011: 578—584. Там же см. историографию вопроса) и А.А. Горским (Горский 2004: 43—46). Основательно развил её в своих работах А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 242—313).

Сказанное выше о варягах и словенах решительно не позволяет связывать с варягами русов ранних восточных, византийских и западноевропейских источников, действующих на юго-востоке Европы, которыми правит каган. В то время как варяги ещё не продвинулись никуда дальше Ладоги или в лучшем случае только появились на Новгородском городище и в Верхнем Поволжье,

Бронзовые привески с руническими надписями.

Рюриково городище. По Е.Н. Носову

источники надёжно локализуют русов с каганом во главе в Юго-Восточной Европе (Березовец 1970: 59—74; Рыбаков 1982: 172—234; Седов 1999: 50—82; 1999а: 27—70; 2003: 3—14; Поляк 2001: 87—91; Галкина 2002: 63—138; 2006: 202—270; 2012: 42—155, 256—313; Свердлов 1970: 363—369; 2003: 92—99; Толочко 2013: 38—59; Фроянов 2015: 93—98).

Корни этнонима и/или хоронима *рус/рос* с исходным значением «светлый»/«белый» на юге Восточной Европы, скорее всего, уходят корнями в иранскую/индоарийскую среду, и лишь впоследствии он был усвоен частью восточных славян (Березовец 1970: 59—74; Седов 1982: 111—112; 1999: 63—67; 1999а: 27—54; Галкина 2002: 237—284, 309—328; 353—407; 2012: 294—300; 314—333; Свердлов 2003: 94—95; 2011: 578—582; Трубачев 2005: 131—188).

При этом нет достаточных оснований помещать Русский каганат и на Среднем Днепре в Киеве, как делают многие исследователи (см., напр.: Рыбаков 1982: 284—316; Горский 2004: 54—58; Толочко 2013: 46—59; Фроянов 2015: 97—98), так как для первой половины IX в. здесь нет такого уровня материальной культуры, который позволял бы говорить о существовании столь мощной политической единицы.

Ближе всего к решению проблемы Русского каганата, на наш взгляд, подошёл с одного конца В.В. Седов и Д.Т. Березовец с Е.С. Галкиной — с другого, сомкнувшие тему с двух сторон. В.В. Седов связал Русский каганат со славянской

волынцевской культурой, существовавшей в VIII — начале IX в. на Правобережье Днепра, с захватом небольшого участка Левобережья в районе Киева, территория которой совпадает с ареалом Русской земли «в узком смысле» (Седов 1999: 50—82; 1999а: 27—70; 2003: 3—14). Но в «Анонимной записке» в качестве характерного для русов типа погребения названо захоронение по обряду ингумации в «могиле в виде большого дома» (Новосельцев 1965: 398), в то время как волынцевцы практиковали стандартное для славян трупосожжение, также большинство восточных авторов различают русов и славян как разные этносы.

Учитывая, что описанная в источнике погребальная обрядность русов полностью соответствует катакомбным погребениям салтовской культуры, а сами волынцевцы испытали существенное влияние её носителей, аланов, наиболее перспективной является позиция украинского археолога Д.Т. Березовца и развившей его идеи Е.С. Галкиной, отождествивших Русский каганат с салтовско-маяцкой археологической культурой верховьев Северского Донца, Оскола и Дона, а русов древнейших источников с её носителями — североиранским этносом, близким аланам (Березовец 1970: 59—74; 1999: 321—350; Галкина 2002; 2006: 385—441; 2012: 256—313; Кузьмин 2003: 243—267). По мнению Е.С. Галкиной, в состав Русского каганата входили и славяне-волынцевцы (ареал которых и стал *Русской землёй* в «узком смысле»¹), чем объясняются их мирные и весьма тесные взаимоотношения с «салтовцами», фиксируемые по археологическим данным (Березовец 1965: 47—67; Галкина 2002: 309—328; 2006: 427—434; 2012: 294—300).

Аланская салтовская культура с её белокаменными крепостями, чеканкой собственной монеты («подражаний» дирхемам), развитым земледелием и военным делом (об аланской салтовской культуре см.: Ляпушкин 1958: 85—150; 1961: 187—214; Афанасьев 1987; 1993; Галкина 2006: 385—441; 2012: 256—313) хорошо соответствует той политике русов, которую знают восточные авторы на юго-востоке Европы. Салтовские аланы-русы серьёзно повлияли и в культурном, и, видимо, в политическом отношении на своих славянских соседей (северян, полян, донских славян и вятичей), также входивших в состав каганата.

¹ Ср. вывод В.А. Кучкина о *Русской земле* на юго-востоке славянского мира, появление которой «можно относить к IX в.», как о территориально-политическом государственном образовании, на землях которого «расселились поляне, воляныне, частично древляне и северяне» (Кучкин 2003: 72). Связывать формирование «Русской земли» с варягами как делают некоторые авторы (см., напр.: Петрухин 1995: 98—101; 2014: 121, 268; Пузанов 2107: 267—268), невозможно, поскольку ни в одном другом регионе Восточной Европы, где присутствуют варяги, причём присутствуют существенно раньше, чем в Среднем Поднепровье (Ладога, Городище, Верхнее Поволжье, Гнездово), никакой «руси» или «Русской земли» источникам неизвестно.

Русский каганат был разгромлен около середины IX в. в результате венгерской и хазарской агрессии и потерял свой статус, в результате чего часть славиний днепровского правобережья оказывается на какое-то время в даннической зависимости от Хазарии (Седов 1999: 77; 1999а: 70).

По источникам неизвестно о том, чтобы какая-то из правобережных славиний подчинила себе своих соседей, но и у радимичей, и у вятичей¹ сложились мощные политии, выдержавшие длительную борьбу с экспансией Киева (радимиичи — до конца X — первой половины XI в., вятичи — до второй половины XII в.).

III. Третий этап восточнославянского политогенеза. Формирование в Среднем Поднепровье поляно- варяжской политии и объединение славиний Восточной Европы вокруг Киева

Согласно условной дате ПВЛ, в 6390 (882) г. в Киев из Новгорода приходит войско Вещего Олега, наследника Рюрика. Захватив Киев, князь именно сюда переносит свою ставку (ПСРЛ. I: 23; ПСРЛ. II: 16—17). Отношения между киевской полянской общиной и новой княжеской династией, очевидно, вскоре были урегулированы на взаимовыгодной договорной основе. Когда в летописях применительно к концу X в. впервые появляются развёрнутые сведения о внутритриполитической жизни Киева, мы видим, что все важные решения Владимир обсуждает со старцами градскими — полянской знатью (ПСРЛ. I: 82, 106—108, 124—127; II: 69, 93—94, 109—112; III: 130, 148—149, 166—167). Очевидно, что сложился такой порядок гораздо раньше.

Варяги принесли в Киев передовую военную технику циркумбалтийского региона, а полянская община дала князьям людские контингенты для формирования войск и проведения активной завоевательной политики.

И.Я. Фроянов справедливо констатировал: «В своей политике подчинения восточнославянских племён Рюриковичи опирались в первую очередь на воев... Для покорения и обложения данью древлян, северян, радимичей и прочих князья нуждались в более мощных военных соединениях, нежели дружина» (Фроянов 1980: 190).

Никакая княжеская дружина не смогла бы завоевать и держать в подчинении славинии. Только массовое народное войско Киевщины было способно решить

¹ Также, возможно, и у северян, но об их борьбе с Киевом в письменных источниках данных почти нет.

задачу покорения Восточной Европы. Завоевания киевских князей — это результат действий не только князей и их дружин, а и рядовых полян, объединённых в ополчение. Соответственно, и дани с покорённых славиний шли не только князю и его дружине, но и всей киевской полянской общине. Вспомним сообщения летописей о дани, выплачиваемой Византией не только князю с дружинниками, но и целым русским городам (ПСРЛ. I: 31, 49; ПСРЛ. II: 22, 37), о распределении древлянской дани между Киевом и Вышгородом (ПСРЛ. I: 60; ПСРЛ. II: 48) и т.д., а также слова Константина Багрянородного о том, что в полюдьё «архонты выходят *со всеми росами*» (Константин Багрянородный 1991: 51). Под росами император, очевидно, понимает всю киевскую общину как таковую, выступающую коллективным экзоэксплуататором покорённых восточноевропейских славиний, объединившую как пришедших с севера варягов, так и полян — не случайно последние не упомянуты в списке подвластных росам «племён».

Новая среднеднепровская полития, усвоившая имя «русь»¹, в конце IX — первой половине X в. постепенно объединяет вокруг себя большинство восточноевропейских славиний (древлян, дреговичей, кривичей, радимичей, северян, уличей, словен), так создаётся восточнославянская «конфедерация», или, по терминологии Б.А. Рыбакова и И.Я. Фроянова, «суперсоюз»/«союз союзов»/ «федерация союзов» (Рыбаков 1958: 857; 1982: 284—286; Фроянов 1980: 13—14; 2001: 735; 2015: 147). Славянские земли, попадавшие под власть Киева, сохраняли огромную автономию (своих князей, знать, народные собрания, политическую и военную организацию и т.д.) и нередко стремились восстановить полную независимость, хотя активно участвовали в организуемых киевскими князьями военно-торговых экспедициях (ср. перечни участников походов на Византию в 907 и 944 гг.: ПСРЛ. I: 29, 45; ПСРЛ. II: 21, 34), получая свою долю даней и выхода на международные рынки.

Главной формой зависимости восточнославянских земель от Киева была выплата дани. Здесь та система полюдьё, которую мы уже рассматривали на уровне отдельных славиний, вышла на новый, более высокий уровень: если полюдьё в рамках конкретной славянской этнополитии представляло собой обеспечение князя социумом за выполнение им общественно полезных функций (Фроянов 1996: 448—484), то теперь оно превращается в форму сбора дани киевской об-

¹ Ср. слова ПВЛ о том, что воины Олега «прозвались» русью, только попав в Киев: «[И] бѣша оу него (у Олега — М.Ж.) варязи и словѣни и прочи прозвашася русью» (ПСРЛ. I: 23; ПСРЛ. II: 17); в НПЛ (Начальном своде?): «И бѣша у него (у Игоря. — М.Ж.) варязи мужи Словенѣ и отголтѣ прочии прозвашася Русью» (ПСРЛ. III: 107, 434, 514).

щиной с покорённых славиний, в отношении которых она выступает коллективным завоевателем.

Из источников следует, что дань представляет собой натуральное обеспечение — «корм». Даннические отношения в Восточной Европе первой половины X в. ещё довольно архаичны, сводясь преимущественно к простому натуральному обеспечению победителей побеждёнными.

Характерно, что из другого места сочинения византийского императора мы узнаём, что даже такие важные для русов вещи, как ладьи, отнюдь не являлись частью дани, а покупались русами у представителей славиний: «Славяне же, их (русов. — М.Ж.) пактиоты, а именно: кривитеины (кривичи. — М.Ж.), лендзанины (радимичи. — М.Ж.) и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову (Киев. — М.Ж.). Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам» (Константин Багрянородный 1991: 44—45).

Подробный анализ древнерусского полюдья как важной части политической системы формирующегося государства был произведен Б.А. Рыбаковым (Рыбаков 1982: 316—342. Об аналогах славянского института полюдья в других странах см.: Полюдь 2009), по мнению которого оно представляло собой последовательный круговой объезд названных Константином славиний.

В поддержку приведённой выше гипотезы М.Б. Свердлова можно привести летописное сообщение, согласно которому Игорь передал дань с уличей и древлян своему воеводе Свенельду, в результате чего собственные дружинники стали жаловаться Игорю: «Отроки Свѣньльжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази» (ПСРЛ. I: 54; ПСРЛ. II: 42; ПСРЛ. III: 110). Получается, что Игорь и его дружина не принимали участия в сборе дани Свенельдом с двух названных «племён»; Свенельд собирал дань в одних славиниях, Игорь — в других.

Отношения данничества всегда обращены «вовне». Это отличает основанные на них политические объединения от собственно государства, где отношения эксплуатации обращены «внутри» самого общества.

Итак, политическая организация формирующегося Русского государства предстаёт перед нами в качестве двухуровневой:

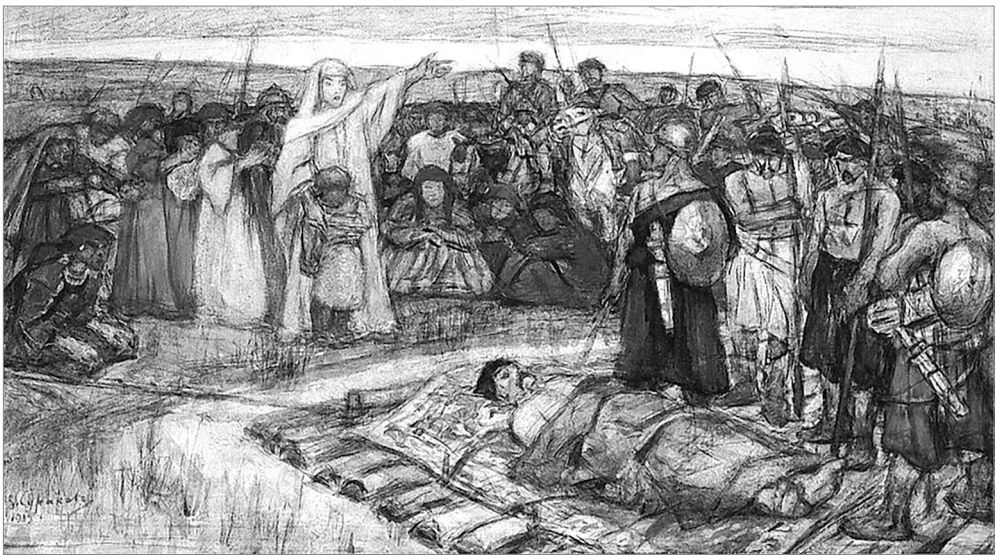
1) уровень отдельных славиний с их социально-политической организацией (князья, знать, народные собрания, войска, города, принцип взаимных обязательств между народом и властью и т.д.);

2) общерусский уровень, на котором киевская община (с её князьями, знатью, народными собраниями, войсками, городами, принципом взаимных обязательств между народом и властью и т.д.) выступает в качестве коллективного завоевателя и правителя.

Такая система с неизбежностью вела к столкновению между двумя названными уровнями. Цели славиний, с одной стороны, и цели Киева — с другой, были противоположны. Первые стремились к восстановлению полной независимости, второй — к усилению своего контроля и в перспективе к началу прямого управления завоеванными областями (ср.: Пузанов 2017: 180—181). Летописи пестрят указаниями на войны Киева со славиниями (ПВЛ 2007: 11, 14, 21, 26—29, 31, 35, 38—39).

Наиболее острые формы приняла борьба киевского и древлянского обществ. Древляне не только не хотели мириться со своим статусом киевских данников, но и сами претендовали на лидирующее положение в Восточной Европе.

Кульминацией противостояния древлян и киевских русов стал в 6453 (945) г. разгром древлянами дружины киевского князя Игоря и его жестокое убийство: *«Игорь иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой да[н] и [и] насильше имъ и мужи его. Возьмавъ дань, поиде въ градъ свои. Идуще же ему въспять, размысливъ рече дружинъ свои: «Идъте съ данью домови, а я возвращюся, похожю и еще». Пустити дружину свою домови, съ маломъ же дружины възъ-*

*Княгиня Ольга встречает тело князя Игоря.
Художник В.И. Суриков (эскиз)*

вратися, желая больша имгъня. Слышавше же древляне яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въводитъ волкъ в овць, то выносить все стадо, аще не оубьютъ его, тако и се. Аще не оубьемъ его, то все ны погубить». [И] послаша к нему глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорьъ. И вышедше изъ града Изъкоръстгъня древлене, оубиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало» (ПСРЛ. I: 54—55; ПСРЛ. II: 43; ПСРЛ. III: 110).

Византийский историк Лев Диакон сообщает об ужасном способе казни, которому подвергли древляне ненавистного им завоевателя Игоря: *«Отправившись в поход на германцев (Γερμανοί — очевидно ошибочная форма из Βερβανοί, как называет древлян Константин Багрянородный. — М.Ж.), он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое»* (Лев Диакон 1988: 57).

После убийства Игоря у древлянского князя Мала были далеко идущие планы, связанные с женитьбой на Ольге, подчинением Киева и переходом власти в Восточной Европе к древлянам («Се князя оубихомъ рускаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свои Маль, и Святослава и створимъ ему якоже хощемъ»: ПСРЛ. I: 55; ПСРЛ. II: 43; ПСРЛ. III: 110), причём по представлениям того времени он был полностью в своём праве: убив своего противника, победитель перенимал его власть, получал его жену и его владения. Вспомним летописные эпизоды о том, как князь Мстислав Тмутараканский, убив в бою касожского князя Редедю, завладел его женой и землями (ПСРЛ. I: 146—147; ПСРЛ. II: 134) или как Владимир, убив Ярополка, получил не только принадлежавший ему киевский стол, но и его жену с сыном (ПСРЛ. I: 78; ПСРЛ. II: 66; ПСРЛ. III: 127).

Ольга в сложившейся ситуации проявила себя волевым решительным политиком (об Ольге, ее происхождении и о том, как она оказалась во главе киевской общины после гибели Игоря см.: Королев 2000: 128—150; 2002: 118—147; Карпов 2009). Отправившись в поход на Древлянскую землю, она разбила древлянские войска и взяла её столицу Искоростень. После победы Ольга «взя градъ и пожже и, старейшины же града изънима¹, и прочая люди овыхъ изби, а другия работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжьку» (ПСРЛ. I: 59—60).

¹ Любопытное разночтение относительно судьбы древлянских старейшин дает Ипатьевская летопись, согласно которой Ольга «старейшины же города ижьже» (ПСРЛ. II: 48), что, по мнению И.Я. Фроянова, может свидетельствовать о ритуальном сожжении (Фроянов 1995: 80).

Древлянская знать в качестве политического субъекта и оплота древлянской независимости была в первую очередь устранена Ольгой с политической сцены. Именно знать была оплотом политической субъектности древлян. Ликвидировав элиту древлянского социума, Ольга, очевидно, разрушила всю систему вертикальных связей древлянского общества, его привычную структуру, которая поддерживала целостность всего их этнополитического союза, что стало толчком к началу утраты древлянами своего самосознания и к их растворению в составе формирующейся древнерусской народности (об убийстве древлянами Игоря, о последовавшем за этим покорении Древлянской земли, а также о смысловых нагрузках летописного рассказа об этих событиях см.: Соловьев 1959: 150, 153—156; Мавродин 1945: 246—250; Рыдзевская 1978: 193—202; Рыбаков 1982: 325—328, 360—363; 1987: 365—378; Демин 1993: 47—49; Петрухин 1995: 143—153; 2014: 277—284; Фроянов 1995: 49—77; 1996: 381—393; 2015: 167—172; Королев 2000: 102—150; 2002: 74—91, 118—141; Свердлов 2003: 86—91, 180—183; ПВЛ 2007: 434—439 (комментарии Д.С. Лихачева); Карпов 2009: 81—112).

Война киевских русов и древлян носила очень жестокий характер. Археология свидетельствует о значительном погроме в Древлянской земле в середине X в., вызвавшем её архаизацию и некоторое запустение. Из известных археологам на конец 2000-х гг. двадцати укрепленных древлянских поселений («градов») только пять демонстрируют непрерывность развития на протяжении всего древнерусского периода, остальные победу Ольги не пережили, причём вплоть до XII в. новые фортификации в регионе не возводились (Звіздецкий 2008: 78—79; 97).

Сила древлян оказалась подорвана, и их претензии на лидерство в Восточной Европе были уничтожены навсегда.

IV. Реформы княгини Ольги. Создание системы погостов

Масштабная война с древлянами стала рубежом в истории взаимоотношений Киева и подчиненных ему славиний, положив начало новому этапу в процессе становления и консолидации Русского государства как политического организма.

Понимая, что двухступенчатая организация формирующегося Русского государства, ведущая к острым конфликтам, зашла в тупик и изжила себя, Ольга

начинает проведение важных политико-административных реформ, направленных на централизацию подвластного Киеву восточнославянского мира. Реформы Ольги разграничивают два периода истории Руси и поворачивают её на новую траекторию развития.

Под 6454 (946)—6455 (947) гг. в ПВЛ и НПЛ содержатся рассказы об устроительных мероприятиях Ольги, которые можно разбить на четыре условных блока¹ (Таблица 6).

Таблица 6

**Устроительная деятельность княгини Ольги,
по данным начального летописания**

Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. I: 60)	Ипатьевская летопись (ПСРЛ. II: 48—49)	Новгородская I летопись (ПСРЛ. III: 113)
(1) Иде Волга по Дервьѣсти земли съ сынѣмъ своимъ и съ дружиною, оуставляюци оуставы и оуроки; [и] суть становища еѣ и ловища.	(1) Иде Олга по Деревьскои земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, оуставляюци оуставы и оуроки; и суть становища ея и ловища ея.	(1) Иде Олга по Деревьѣсти землѣ съ сыномъ своимъ и с дружиною своею, уставляюци уставы и уроки; и суть становища ея и ловища.
(2) Иде Волга Новугороду и оустави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани;	(2) Иде Олга к Новугороду и оустави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброки;	(2) Иде Олга к Новугороду, и устави по Мьстѣ погосты и дань;
(3) [и] ловища ея суть по всеи земли, знаменья, и мѣста, и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дъне;	(3) и ловища ея суть по всеи земли, и знаменья, и мѣста, и погосты, и сани ея стоятъ въ Плеськовѣ и до сего дни;	(3) и ловища ея суть по всеи земли, и знамение, и мѣста по всеи земли, и погосты, а санки ея стоятъ во Пьсковѣ и до сего дни;
(4) и по Днѣпру перевѣсища, и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и доселе; и изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву.	(4) и по Днѣпру перевѣсища, и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и до сего дни; изрядивши, възратися къ сыну своему в Киевѣ.	(4) по Днѣпру перевѣсища и села, и по Деснѣ, есть село ея и доселѣ; и възратися къ сыну своему Киеву.

¹ Их выделит М.Б. Свердлов (Свердлов 2003: 183—184). Мы принимаем это разделение и используем его в дальнейшем анализе.

Все три летописи (Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская I) содержат, с определёнными отличиями, близкий в текстуальном отношении рассказ, состоящий из одних и тех же четырёх смысловых блоков. В ПВЛ имеется лишь одно существенное расширение — пассаж о погостах, даях (плюс оброках по ИЛ) на Луге. Этот непростой для интерпретации летописный текст давно уже находится в центре внимания исследователей¹.

А.А. Шахматов считал, что второй и третий блоки (о деятельности Ольги в районе Новгорода и Пскова) имеют новгородское происхождение, восходя к Новгородскому своду 1050-х гг., и являются вставкой, сделанной в текст киевского Начального свода середины 1090-х гг. В предшествующем киевском летописании (Древнейшем своде времён Ярослава Мудрого) присутствовали только первый и четвёртый блоки, составляющие изначально единый рассказ, не разделённый «новгородской» вставкой (Шахматов 2002: 91, 129—130).

При этом учёный предположил, что рассказ о деятельности Ольги на Новгородчине является искусственным, созданным автором Новгородского свода середины XI в. под влиянием рассказа Древнейшего киевского свода о мероприятиях княгини в Древлянской земле. Связано это было с существованием на Новгородском Севере своей собственной Деревской земли (пятины), наличие которой и позволило будто бы новгородскому летописцу 1050-х гг. приурочить рассказ Древнейшего свода о деятельности Ольги у древлян к Новгородчине. Позднейший киевский летописец, автор Начального свода конца XI в., просто соединил эти два рассказа (Шахматов 2002: 129—130).

В современной историографии мнения о недостоверности летописного рассказа о деятельности Ольги в Новгородской земле придерживается Н.Ф. Котляр. Вслед за А.А. Шахматовым историк отмечает, что «возле Новгорода в древнерусское время существовала своя Деревская земля, деревский погост. В начале XI в. Деревской землей называлась область Новоторжская, возле Торжка, а сам город Торжок звался в древности... Искоростенем» (Котляр 1986: 100).

Не все, однако, так просто. Если и признать, что рассказ о деятельности Ольги в Новгородской земле — вставка, основанная на новгородских источниках XI в., то это отнюдь не отменяет того, что в Новгороде, так же как и в Киеве, могла сохраняться собственная память о деятельности Ольги.

¹ Подробный историографический обзор до середины 90-х гг. см.: Фроянов 1996: 394—406, 412—421. Наличие это обзора делает излишним полное рассмотрение в данной статье историографии всех аспектов проблемы реформаторской деятельности Ольги, поэтому мы останавливаемся лишь на нескольких узловых для нашей темы моментах. Другие историографические обзоры см.: Свердлов 1983: 62—64; 2003: 182—195; Платонова 2012: 329—340.

Возникает и следующий естественный вопрос: а откуда, собственно, на севере Руси взялась Деревская земля, да еще и со своим собственным Искоростенем? Н.Ф. Котляр считает, что она была заселена колонистами с юга, выходцами из Древлянской земли (Котляр 1986: 100), но не конкретизирует это положение. По мнению А.С. Королева, речь тут может идти о древлянах, бежавших из своей земли на север после подавления их восстания Ольгой (Королев 2002: 120).

На наш взгляд, вполне уместно предположить, что, разгромив древлян, именно Ольга целенаправленно переселяет часть их в Новгородскую землю¹. Осуществляет, так сказать, первую известную нам в отечественной истории депортацию непокорных (вспомним длительную историю борьбы Киева с древлянами, сообщениями о которой летопись просто пестрит: ПВЛ 2007: 11, 14, 21, 35) в другую часть страны, чтобы оторвать их от родной земли и навсегда покончить с традиционной для Киева «древлянской проблемой». Масштаб столкновения (борьба между древлянами и киевскими русами за лидерство в Восточной Европе) диктовал и необходимость принятия радикальных мер. Переселение части древлян в Новгородскую землю и могло стать именно такой мерой.

Связь Ольги с Новгородской-Псковской словенско-кривичской землей несомненна (Королев 2000: 128—132; 2002: 120—121 и сл.). Сама она происходила именно оттуда (Королев 2000: 128—132; 2002: 118—120; Карпов 2009: 11—36. См. также: Свердлов 2003: 182—183), и именно там княжил впоследствии ее сын Святослав, как о том сообщает Константин Багрянородный (Константин Багрянородный 1991: 45).

Важно, что в дальнейшем система погостов получит наибольшее развитие именно в Новгородской земле², в то время как в остальных регионах Руси постепенно исчезнет, а летописи особо отмечают создание их там Ольгой. Поэтому подвергать сомнению рассказ о деятельности княгини Ольги в Новгородской земле, на наш взгляд, нет оснований, хотя идея о восхождении его к Новгородской летописи XI в. вполне правомерна.

Присутствие рассказов о реформах Ольги в древнейших летописных сводах Киева и Новгорода указывает на то, что в целом они в качестве исторического заслуживают серьёзного доверия. Во времена составления древнейших ле-

¹ Впоследствии киевское правительство часто практиковало подобные переселения, преследовавшие его организационно-политические цели (Шинаков 2006: 122—146).

² О погостах в Новгородской земле см.: Насонов 2002: 85—105. Проблема дальнейшей эволюции погостной системы остаётся за рамками нашей статьи (о ней см.: Платонова 2012: 328—388). Мы рассматриваем только их появление и начальный этап развития (середина X — начало XI в.).

тописей созданные Ольгой погосты могли ещё существовать. Так, по словам Н.И. Платоновой, «например, на Мсте в XI в. действительно существовали старинные погосты, основание которых связывалось современниками с деятельностью княгини Ольги. Сходным образом обстоит дело и с летописным упоминанием Луги» (Платонова 2012: 136).

Н.М. Карамзин справедливо назвал проведенные Ольгой реформы делом «великой законодательной мудрости» и важным этапом в развитии «внутреннего порядка государства» (Карамзин 1989: 270).

Что касается связи «вотчинно-домениальной» (*села, перевесища, ловища*) и «государственно-административной» (*погосты, становища, уставы, уроки*), составляющей деятельность княгини Ольги, то *села*¹, *перевесища, ловища* и т.д. могли быть не столько неким «доменом Ольги», о котором часто писали в советской историографии, сколько предназначаться для хозяйственно-бытового обеспечения *погостов*. Не случайно летописец помещает все эти понятия в единый смысловой ряд.

Комплекс известий о *селах, знаменьях, ловищах, перевесищах* и т.д. в историографии традиционно принято связывать в первую очередь с созданием (или реформой) Ольгой домениального землевладения киевских князей. Особенно принято было подчеркивать этот момент в советской историографии, стремившейся во что бы то ни стало найти на Руси уже с IX—X вв. крупное феодальное землевладение. Так, Б.А. Рыбаков полагал, что «время княгини Ольги... было временем усложнения феодальных отношений, временем ряда запомнившихся реформ, укреплявших и юридически оформлявших обширный, чересполосный княжеский домен от окрестностей Киева до... Луги и... Мсты» (Рыбаков 1982: 367).

Л.В. Черепнин считал, что летопись рассказывает об «организации хозяйства на землях, принадлежащих князьям-вотчинникам, пользовавшимся трудом феодальнозависимых людей... Вероятно, часть земельной площади была изъята Ольгой у пользовавшихся ей общинников в личную собственность» (Черепнин 1965: 150). Аналогично и мнение О.М. Рапова (Рапов 1977: 27).

Эти положения оспорил И.Я. Фроянов, который полагает, что села Ольги были немногочисленны и заводились преимущественно с промысловыми целя-

¹ Кроме Ольжичей у Ольги были и другие владения. Так, например, есть известие о принадлежности ей Вышгорода (ПСРЛ. I: 60; ПСРЛ. II: 48; ПСРЛ. III: 113), информация и о владении Ольгой селом Будутином (ПСРЛ. IX: 35). Сомневаться в достоверности этих известий, равно как и отрицать связь Ольги с Ольжичами, нет оснований (Свердлов 2003: 194—195).

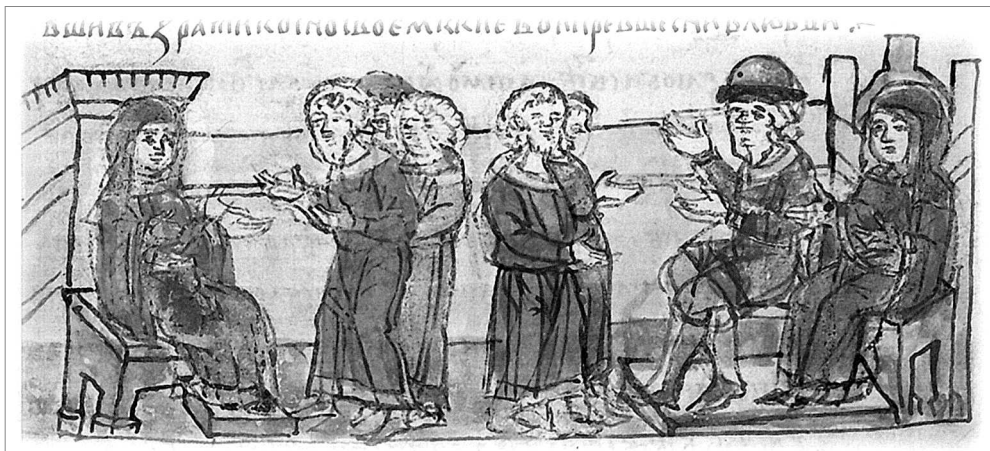
ми (Фроянов 1999: 136—138). Что же касается *ловищ*, *перевесищ* и *становищ* Ольги, то их ученый определяет как места ловли жертвенных животных и птиц (*ловища* и *перевесища*) и их ритуальных жертвоприношений, которые совершала Ольга в специальных местах (*становищах*), чтобы таким сакральным путем обеспечить себе победу над древлянами (Фроянов 1996: 406—412).

Построения И.Я. Фроянова подверг критике М.Б. Свердлов (Свердлов 2003: 190—191 и сл.), который считает, что «известия исторических источников свидетельствуют о существовании в середине X в. комплексного княжеского хозяйства, включавшего села» (Свердлов 2003: 195).

Существование во времена Ольги княжеского хозяйства мы считаем вполне реальным, но не стоит преувеличивать его масштабы и удельный вес в экономике, как это имело место в советской историографии. По отношению к землевладению свободного населения оно составляло крайне незначительную величину, а его основной функцией, скорее всего, было именно хозяйственное обслуживание погостов (ср.: Рыбаков 1982: 363—365 и сл.).

Однако нас в первую очередь интересует другой аспект деятельности Ольги, связанный с установлением *уставов* и *уроков* и созданием *становищ* и *погостов*. Что касается *уставов* и *уроков*, то они представляли собой, очевидно, чётко прописанные нормы взимаемой Киевом дани, что было в то время особенно актуально, ведь именно из-за нарушения установленных размеров дани погиб князь Игорь. О том, что дань и ранее была тарифицирована, свидетельствуют слова древлян Игорю: «Почто идеси опять? Поимал еси всю дань» (ПСРЛ. I: 55; ПСРЛ. II: 43; ПСРЛ. III: 110). Именно нарушение Игорем установленных норм сбора дани и послужило причиной конфликта с древлянами.

Поэтому задача четкого определения размеров дани, взимаемой с подвластного населения, была очень актуальна для киевского правительства. Ольга тарифицирует дань и определяет ее точные размеры (Насонов 2002: 53; Фроянов 1996: 412; 2015: 172—173). Однако реформа Ольги состояла в первую очередь в том, что княгиня *изменяет сам порядок сбора дани*, отказываясь от полюдья — объезда всех подчиненных славиний, и переходит к стационарному сбору дани, так сказать, децентрализует процесс ее сбора, поручая его своей новой администрации на местах (Юшков 1939: 88), создавая для этого особые опорные пункты в подвластных землях — *становища* и *погосты*. Что же скрывается за этими названиями и какие изменения в организации социально-политического устройства Киевской Руси отражало их создание?

*Устройство Ольгой погостов и обложение данью населения по всей земле;
княжение Ольги и Святослава Игоревича в Киеве.*

Радзивилловская летопись

Попробуем проникнуть в смысл произошедших в середине X в. перемен. Осмысление того, как следует определять сущность и функции созданных Ольгой погостов и становищ, вызвало значительные разногласия в историографии. Можно выделить несколько общих подходов, которых так или иначе придерживались учёные, касавшиеся темы возникновения погостов и их функций на раннем этапе существования.

Понимание учёными погостов как центров торговли и административного управления

Лингвистически выделяется несколько хронологически последовательных этапов изменения значения слова «погост» в древнерусском языке: 1) место гощения купцов (постоялый двор) → 2) место пребывания князя и его подчиненных, выезжающих за данью → 3) главное поселение округа → 4) церковь в нем → 5) кладбище при церкви → 6) кладбище (Шанский, Иванов, Шанская 1971: 346; ср.: Преображенский 1959: 85; Фасмер 1987: 295).

Очевидно, что временам Ольги и ее ближайших преемников (середина X — начало XI в.) соответствуют второе, а затем и третье значение. Так считал ряд дореволюционных ученых (Лешков 1858: 225; Сергеевич 1903: 246; Дьяконов 2005: 136; Пресняков 1993: 310), а также советских и современных исследователей.

По мнению С.М. Соловьёва, погосты, изначально бывшие местами княжеских остановок во время полюдья, постепенно превращались в пункты стацио-

нарного административно-территориального управления: «Для большего удобства эти места княжеской стоянки могли быть определены навсегда, могли быть построены небольшие дворы, где могли быть оставлены княжеские приказчики (тиуны), и, таким образом, эти погосты могли получить значение небольших правительственных центров и передать своё имя округам; впоследствии здесь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т.д.» (Соловьев 1959: 157).

В.О. Ключевский считал, что слово «погост» происходит от «гостить» — «торговать», и понимал под погостами поселения, предназначенные для торговли, со временем развившиеся в центры округ (Ключевский 1987: 141).

М.Ф. Владимирский-Буданов особо отмечал сакральное значение погостов как «мест сходбищ для общественного богослужения», что и предопределило развитие в них торговли (Владимирский-Буданов 2005: 102).

Согласно Б.Д. Грекову, Ольга «внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствующим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти киевского князя на местах» (Греков 1953: 301).

Сходным образом рассуждал и В.В. Мавродин, при этом ученый пытался проследить генезис данных пунктов и связать их с местными центрами более ранней поры, которые он понимал близко к В.О. Ключевскому: «Уставляя» землю, Ольга вводила погосты. Погосты из селищ и мест для торговли, «гостьбы», превращаются в административные центры княжеского финансового управления. Понятно, почему именно погосты Ольга делает ячейками своего княжеского управления. Это были места, объединяющие население целого района, где оно торговало и общалось друг с другом. Здесь и следовало основывать княжеские опорные пункты, дабы использовать исторически сложившиеся условия, в результате которых погост являлся объединяющим центром всех тянувших к нему поселений... В погостах постоянно проживали княжеские «мужи», систематически собиравшие дань, «творившие» именем князя, на основе обычного права, «закона русского», суд и расправу и взимавшие судебные пошлины. При такой системе существование самостоятельных племенных князей было немислимым» (Мавродин 1945: 251).

В рассуждениях учёного существенный научный интерес представляют мысли о создании Ольгой своих новых административных пунктов на основе древ-

них местных центров и о постепенной замене администрацией, назначаемой из Киева, местных органов власти.

Близка к этому и точка зрения А.А. Зимина. По мнению историка, первоначально погосты были «какими-то старыми племенными центрами», которые Ольга превратила «не только в сборные пункты дани, но и в центры судебно-административной деятельности» (Зимин 1965: 241).

А.Н. Насонов считал, что «первоначально все погосты имели значение «становищ», как можно заключить из летописного текста под 946—947 гг., откуда распространялась во время объездов деятельность административно-финансовая и судебная на окружные места» (Насонов 2002: 87—88). С их помощью «притянута Киевом территория, населённая древлянами, закреплялась как киевская», на которой «устанавливались более или менее определённые размеры сбора дани». При этом историк считает погосты лишь «постоянными определёнными местами объезда» во время полюдья (Насонов 2002: 53), с чем нельзя согласиться. Прав, на наш взгляд, С.В. Юшков, который указывал на несовместимость объезда, известного как *полюдье с погостами* как стационарными пунктами сбора дани и административно-судебного управления, в которых сидели «постоянные княжеские агенты» (Юшков 1949: 114).

Н.И. Платонова в своей диссертации, специально посвящённой погостам Новгородской земли, привлекая к решению проблемы археологические данные, сделала вывод, что формирование на Руси системы погостов связано с «успехами окняжения земель во второй половине X в. Возникновение сети погостов-центров соответствует этапу развития государственности, на котором грабеж «примученных» племен и архаичное полюдье уступали место регулярному сбору даней по округам. Сбор проводился верхушкой местного населения, активно включившейся в процесс раннеклассовой эксплуатации соплеменников. Подоснова, на которой возникали погосты X—XI вв., могла быть различной. В частности, такую роль принимали на себя и более ранние территориальные центры. Однако путать само явление с его подосновой не следует» (Платонова 1988: 16).

Интересны мысли исследовательницы о связи созданных центральной киевской властью погостов с древними местными центрами, а также о том, что к управлению в них могла привлекаться и местная знать, а не только посланцы из Киева.

В своей более поздней работе Н.И. Платонова, отметив, что археологически действительно фиксируется начиная с середины X в. расцвет поселений, пред-

положительно представлявших собой погосты на реке Луге (в качестве примера приводится Передольский погост: Платонова 2012: 347—348), исследовательница сделала вывод, что «древнейшие погосты X—XI вв. предстают перед нами, в первую очередь, как населённые пункты, центры округи. Нет прямых сведений, что округа таких центров-погостов в указанный период тоже называлась «погостом» (Платонова 2012: 377). Касаясь вопроса о подоснове погостной системы, Н.И. Платонова повторила свой старый вывод, приведённый выше (Платонова 2012: 377—378).

«Чаще всего погосты X—XI вв. возникали как податные и судебные центры определённых волостей, сложившихся гораздо ранее... Судя по письменным источникам, погосты на раннем этапе не представляли собой системы территориального деления, отличной от волостной» (Платонова 2012: 378). На большей части территории Руси система погостов по разным причинам исчезает, сохраняясь и трансформируясь только в Новгородской земле (Платонова 2012: 378—379).

А.Ю. Карпов считает, что целью действий Ольги было «создание таких условий, при которых личное присутствие князя для взимания дани уже не требовалось... Реформа княгини Ольги... освобождала княжескую власть от колоссальной нагрузки ежегодного объезда огромных территорий... Создание сети «погостов»... было по существу первым шагом в деле реального огосударствления всей территории Древней Руси» (Карпов 2009: 120).

Понимание историками погостов как центров феодального властвования и финансово-административных округов

Иной ход рассуждений задал С.В. Юшков, по мнению которого погосты «не были просто финансово-административными центрами: они были центрами феодального властвования, основными очагами феодальной эксплуатации» (Юшков 1936: 137).

Данную идею активно развивал впоследствии Б.А. Рыбаков, который считал, что «киевская княгиня... организует сеть погостов-острогов, придающую устойчивость ее домениальным владениям», а сам погост «представлял собой микроскопический феодальный организм, внедрённый княжеской властью в гущу крестьянских «весей» и «вервей» (Рыбаков 1982: 364—365) и был в то же время административным центром определенного района (Рыбаков 1982: 365—367).

Подобные суждения основаны на преобладающей в советской историографии, но не находящей подтверждения (Фроянов 1999) концепции об утверждении феодальных отношений в сфере землевладения на Руси уже в IX—X вв., хотя кое-какие представляющие интерес и ныне детали в них имеются.

А.К. Неволин считал погосты «отдельными географическими и правительственными округами». В то же время он понимал под погостами и центры таких округов, которые имели сакральную функцию центров общественного богослужения (Неволин 1853: 69—90).

Этот подход был продолжен в советской историографии С.В. Юшковым, который заключил, что погосты — это созданные Ольгой «финансово-административные округа» (Юшков 1939: 87).

Аналогично мнение Б.А. Романова, который считал погост территориальной единицей, созданной князьями в административных и податных целях (Романов 1960: 341—375), и Б.А. Тимошука (Тимошук 1990: 106; 1995: 186—187).

На наш взгляд, данная позиция не противоречит принципиально выделенному нами выше первому взгляду на погосты Ольги в историографии. Район, центром которого был погост, вполне мог носить то же название, что и сам погост (ср.: Тимошук 1995: 186—187). Не случайно, что большинство сторонников этого подхода понимали погост и как некий административный центр, и как весь подвластный ему район. Второе значение, на наш взгляд, явно вторично и в дальнейшем получило на Руси лишь локальное распространение в рамках сложения и эволюции ее административной системы. Основное значение термина «погост» в рассматриваемые нами времена — это, безусловно, «место пребывания князя и его подчиненных, выезжающих за данью», а затем и «главное поселение округа».

Совсем иначе представлял себе генезис погостов Н.Н. Воронин, по мнению которого погост — это вовсе не «результат деятельности «мудрой Ольги», а «сложная система общественных отношений, в которой на еще доклассовую основу наслаивались позднейшие процессы. Одним из основных моментов нужно считать превращение этих погостских общин в податные общины; не обложение данью создавало погосты, а дань, собиравшаяся, в частности, Ольгой, легла на исторически сложившиеся территории общин, усвоив имя погоста-дани; не приезд князя или купца создавал погост, как поселение, а князь и купец собирали дань и торговали в старых центрах архаической сельской общины». Погостом, по мнению ученого, «называлась, с одной стороны, определенная система

поселения, а именно — сельская община, и, с другой стороны, «погостом» же называется определенный вид дани», взимавшийся с отдаленных сельских районов (Воронин 1935: 24—27).

Мнение Н.Н. Воронина убедительно оспорил Б.А. Романов, показавший, что именно «от Ольги... остались какие-то территориальные пункты — погосты. Что они были удобно расположены или установлены для сбора дани не в отдалении от населенных мест, а, скорее всего, в исторически сложившихся центрах

Княгиня Ольга.
Художник В.М. Васнецов

населенных районов, это довольно правдоподобно» (Романов 1960: 342), но Н.Н. Воронину «не удалось привести ни одной черточки в источниках в пользу того, что территориальная община всюду и везде носила на дофеодальном этапе название «погост» (Романов 1960: 415), а так как Н.Н. Воронин не предложил никакого нового объяснения происхождения самого этого термина, «простое отрицание его связи с гостьбой и остановками князей в полюдье не продвигает, а тормозит отнесение этого термина в дофеодальную древность» (Романов 1960: 415). К этому еще можно добавить, что понимание термина *погост* как некоего вида дани ни из каких источников вывести невозможно.

Л.В. Черепнин, также понимая погосты как некие административно-фискальные округа, попытался наметить динамику их развития. На первом этапе, по мнению ученого, погост — это община, социальная организация, которая в Русской Правде фигурирует как «вервь». Здесь, как видим, Л.В. Черепнин сближается с Н.Н. Ворониным. Затем погосты из поселений соседских общин трансформируются в административно-фискальные округа, какие и создавала Ольга в ходе своих реформ (Черепнин 1972: 150—153), что близко к идее Б.А. Романова («промежуточную позицию»

Л.В. Черепнина «в споре Б.А. Романова с Н.Н. Ворониным» отметил ранее И.Я. Фроянов: Фроянов 1996: 216).

В.Я. Петрухин отмечает, что при Ольге происходит «становление общегосударственной системы налогообложения и сети поселений, обеспечивающих сбор податей», создаётся «общегосударственная сеть пунктов, связанных с княжеской властью, — от городов и сёл до охотничьих угодий», и считает подобными пунктами поселения типа Гнездова, Тимирева, Городища и т.д., долженствующие противостоять местным «племенным» центрам, не подвластным Киеву, в которых пребывала дружина (Петрухин 1995: 154—169; 2014: 232—253)¹.

Идеи историка о погостах как киевских опорных пунктах, внедряемых в славинии и противостоящих существующим в них политическим центрам, весьма плодотворны, но согласиться с предложенной их атрибуцией невозможно. Во-первых, большинство указанных В.Я. Петрухином поселений возникает задолго до реформаторской деятельности Ольги. Во-вторых, они отнюдь не однотипны, напротив, формируются в разное время и по разным причинам, имеют совершенно разные экономические и социально-политические функции (Городище — политико-административный центр словен и всей северной «конфедерации», Шестовица — военный лагерь, Гнездово — торговый город с возможным «экстерриториальным» статусом аналогичным статусу ранней Ладоги, о которой говорилось выше² и т.д.). В-третьих, большинство из них угасает в конце X — начале XI в., когда киевское правительство продолжает свои централизаторские мероприятия.

Дискуссия И.Я. Фроянова и М.Б. Свердлова о реформах Ольги, погостах и становищах

Важным событием на современном этапе изучения реформ Ольги стала полемика двух известных специалистов по социальной истории Руси — И.Я. Фроянова и М.Б. Свердлова.

¹ Впервые отождествление погостов с поселениями гнездовского типа было предложено В.Я. Петрухиным в совместной статье с Т.А. Пушкиной (Петрухин, Пушкина 1979: 100—112), но в дальнейшем Т.А. Пушкина изменила свою позицию и ныне рассматривает Гнездово не как погост, а в качестве раннегородского центра (Ениосова, Пушкина 2016: 264), поскольку «рассматривать Гнездово в качестве военного лагеря, а гнездовские курганы в качестве дружинного кладбища невозможно. Этому противоречат не только подсчеты, сделанные на основе гендерных соотношений популяции, оставившей гнездовский некрополь, в которой примерно равным количеством представлены мужчины, женщины, дети, но и общий характер материалов, полученных в результате раскопок поселения» (Ениосова, Пушкина 2016: 262).

² Для Гнездова была характерна оторванность от кривичской округи (Нефёдов 2012: 271, 281—284; Ениосова, Пушкина 2016: 264).

Значительным своеобразием отличается трактовка созданных Ольгой *погостов и становищ*, предложенная И.Я. Фрояновым. В целом историк, справедливо критикуя распространённые в советской историографии идеи о направленности действий Ольги на утверждение феодальных отношений в сфере княжеского землевладения и данничества, решительно отверг проведение княгиней какой-либо «судьбоносной» «административно-финансовой реформы» как таковой (Фроянов 1996: 420—436).

Думается, учёный вслед за большинством советских историков неправомерно смешал два разных вопроса: мероприятия Ольги как комплекс административных, финансовых и т.д. реформ и вопрос о развитии феодальных отношений. Справедливо протестуя против удревления последних, историк в некотором роде с водой выплеснул и ребёнка, отвергнув проведение Ольгой каких-либо реформ вообще. Но ведь комплекс проведённых Ольгой мероприятий можно рассматривать и вне «феодального» контекста советской историографии.

По мнению И.Я. Фроянова, «киевская княгиня вводила не новые порядки и правила, а восстанавливала старые традиции, неосмотрительно нарушенные ее супругом Игорем. Она вернулась к нормированной дани... Земельной собственностью... Ольга не обзаводилась... «общегосударственных» законов... не издавала. Нет оснований, чтобы говорить об изменении порядка сбора дани... в деятельности Ольги отсутствует то, что можно было бы назвать реформой» (Фроянов 1996: 412).

Становища княгини в Древлянской земле учёный определяет как особые сакральные пункты (святилища), отделённые от окружающей территории, в которых осуществлялись ритуальные жертвоприношения полянским богам для обеспечения победы над древлянами, а в *ловищах* добывались для них жертвенные животные. Таким образом, «становища» и «ловища» составляли некое сакральное единство» (Фроянов 1996: 406—412).

Что касается созданных Ольгой погостов, то И.Я. Фроянов считает, что «поначалу погосты — это специально отведенные места, предназначенные для встреч и контактов местных финно-угорских племен с чужеземцами» (Фроянов 1996: 412). Учёный исходит из значения слова «гость», однокоренного «погосту», как «чужеземец» (Фроянов 1996: 421) и, опираясь на этнографические параллели (Фроянов 1996: 422—424), делает вывод, что славяне общались с «чужеземцами», в данном случае угро-финнами, в специальных сакральных пунктах — погостах. Затем «по мере развития данничества и в результате об-

ложения данью северо-западных финно-угров расширяются функции погостов: они становятся еще и пунктами, куда приезжают сборщики дани». Ольга «опираясь на существующие традиции финно-угорских племен, обозначила сакрально защищенные места сбора дани» (Фроянов 1996: 426—427. См. также: Фроянов 1999: 235—236).

Эти построения И.Я. Фроянова, на наш взгляд, не имеют под собой достаточных оснований¹ и были убедительно оспорены М.Б. Свердловым (Свердлов 2003: 191—192). И дело не только в том, что погосты на раннем этапе были распространены не только в Новгородской земле, но и в других регионах Древней Руси (Свердлов 2003: 192; Платонова 2012: 328—388), не только в том, что финно-угорское население на Мсте и Луге было в основном ассимилировано и к середине X в. там уже давно проживали славяне², в то время как о финно-уграх можно для *этого* времени можно говорить *только* на Нижней Луге и Верхней Мсте (Финно-угры 1987: 34—42, 52—64), а главным образом в том, что, принимая объяснение И.Я. Фрояновым характера общения славян с угрофиннами, совершенно невозможно объяснить этнокультурный синтез и ассимиляцию последних первыми (о ней см.: Седов 1999а: 82—100; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 188—198), которая, естественно, предполагала непосредственное общение между ними, вовсе не требовавшее неких «сакральных пунктов»³.

В недавней работе учёный скорректировал свои выводы. Теперь позиция И.Я. Фроянова выглядит, с одной стороны, более взвешенно, но с другой — несколько противоречиво.

С одной стороны, по-прежнему отрицая проведение Ольгой «крупной реформы, осуществлённой якобы чуть ли не по всей стране», и обратив внимание на то, что причиной убийства Игоря стало нарушение им установленных ранее норм сбора дани, учёный считает, что «Ольга восстанавливала порядок, определяющий сбор дани с древлян. Ольга точно определила её норму, вернувшись к прежней

¹ Нельзя исключать, что изначальное значение понятия *погост* могло быть именно таковым, как считает И.Я. Фроянов, однако в таком случае его следует существенно сдвинуть вниз — в праславянскую эпоху, так как слово *гость*, от которого, вероятно, происходит *погост*, является общеславянским (Шанский, Иванов, Шанская 1971: 112).

² А не финно-угры, как утверждает, опираясь на «заведомо устаревшие мнения» (Свердлов 2003: 191) И.Я. Фроянов (см.: Фроянов 1996: 424. Примеч. 578; 1999: 236. Примеч. 1, 2).

³ Археологические материалы фиксируют совместное проживание славян и финно-угров в ряде населенных пунктов, в частности в самом Новгороде (см.: Носов 1990а: 47—57). Славяне и финно-угры севера Восточной Европы неоднократно действовали совместно, видимо, входя в состав единого политического объединения, что мы хорошо знаем из летописи (ПВЛ 2007: 12, 13, 14, 16). Все это свидетельствует о наличии непосредственных контактов между славянами и финнами (см. также: Седов 1999а: 111—137).

практике сбора дани... нарушенной «несытовством» её мужа. Судя по всему, аналогичный порядок был установлен в Новгородской земле и, по-видимому, в других областях, где побывала Ольга»; «перед нами не нововведения, а возвращение к существовавшей ранее фиксированной дани, т.е. возрождение традиции. Назвать это реформой... невозможно» (Фроянов 2015: 172—173).

С другой стороны, И.Я. Фроянов констатирует, что «для укрепления старого порядка положено было начало применению нового средства — системы погостов. Если прежде сбор дани производился способом объезда поселений данников, то теперь определялись места (погосты), куда свозилась нормированная дань для последующей передачи данщикам» (Фроянов 2015: 173)¹.

Здесь позиция И.Я. Фроянова до некоторой степени сближается с мнением его традиционного оппонента М.Б. Свердлова: «Определяющим первоначальным значением погоста было место временной остановки князя и княжого мужа с дружинниками во время сбора дани. Очевидно, во время их пребывания погосты превращались в центры административного управления, княжеского суда, взимания податей» (Свердлов 1983: 64).

Последовательное отрицание И.Я. Фрояновым проведения Ольгой серьёзного комплекса административных реформ мы находим неубедительным, ведь кардинальное изменение порядка сбора дани и создание в покорённых землях сети киевских опорных пунктов-погостов — это и есть серьёзная административно-организационная реформа, ведущая к изменениям во всей жизни восточнославянского общества. Масштабный военный погром в Древлянской земле и ликвидация большинства её укреплённых пунктов никак не позволяют согласиться с тем, что Ольга просто восстанавливала «старину», нет, речь должна идти о серьёзной перестройке всего устройства древлянского общества.

Характерно, что далее И.Я. Фроянов де-факто признаёт это и пишет: «Набрасывая на земли Восточной Европы сеть погостов-крепостиц, являвшихся точками опоры публичной власти, находящейся в Киеве, Ольга пыталась создать предпосылки административного политического объединения этих земель в общее государственно-территориальное образование с центром в Днепровской столице», что вело к эволюции дани (внешнего побора) «в некое подобие налога, что содействовало укреплению публичной власти» (Фроянов 2015: 174).

¹ При этом взгляд учёного на становища и ловища как на сакральные объекты остался неизменным (Фроянов 2015: 173—174).

М.Б. Свердлов, напротив, полагает, что «Ольга осуществила в середине X в. значительную реформу Русского государства. Погосты — места временных остановок князя или княжих мужей с дружинами во время полюдья — она реорганизовала в центры постоянного княжеского административно-судебного управления в сельской местности. Такое «уставление» погостов наряду с уже формирующейся системой городов с волостями во главе с княжескими посадниками имело следствие замену на Руси древнего племенного деления территориальным... Эти изменения... способствовали... дальнейшему развитию социальных и государственных структур, формированию политически единого государства» (Свердлов 2003: 188. См. также: Свердлов 1983: 63—64).

По мнению ученого, «*становище*, по письменным памятникам XI—XII вв. и в данном контексте, — «стоянка, стан». Последующее развитие термина А.Н. Потехина определил как «стан, станция для князей, княжих мужей и тиунов, приезжавших для дани»... Они представляли собой станы, где останавливалась княгиня и княжие мужи с дружинами. Как давно отмечено, они могли совмещаться с *ловищами* — «местами для звериной и рыбной ловли», но их сакральных функций, в отличие от мнения И.Я. Фроянова, ни в исторических источниках, ни в лексическом и историческом анализе не прослеживается. При таком понимании этих терминов *ловища* представляли собой княжеские территории, где останавливающиеся в становищах княжие мужи и дружинники охотились и ловили рыбу, что придавало им статус княжеской земельной собственности в древлянской земле (курсив М.Б. Свердлова. — *М.Ж.*)» (Свердлов 2003: 190—191. Там же см. указания соответствующей лингвистической литературы).

Мы также определяем становища как пункты, предназначенные для стационарного сбора дани с подвластного населения, причем, видимо, они в этом качестве предшествовали погостам. Согласно другой позиции, погост и становище — это просто два разных названия, в сущности одинаковых по своим функциям центров, различающиеся по географическому принципу: становища создавались на юге — в Древлянской земле, а погосты — на севере, в Новгородских пределах (Рыбаков 1982: 364—365. См. также: Свердлов 2003: 191).

Территориальный охват реформ Ольги

Уместно задать вопрос: только ли на Древлянскую и Новгородскую земли распространялись реформы Ольги, или они охватывали всю территорию формирующегося Древнерусского государства? Еще С.М. Соловьев отмечал, что

«хотя летописец упоминает о распоряжении Ольги только в земле Древлянской и в отдельных пределах Новгородской области, однако, как видно, путешествие ее с хозяйственной, распорядительной целью обнимало все тогдашние русские владения; по всей земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты» (Соловьев 1959: 157).

О том, что реформы Ольги охватывали всю подвластную Киеву территорию, писал С.В. Юшков (Юшков 1936: 135; 1939: 87—88 и сл.; 1949: 113—114), о том же говорили Л.В. Черепнин (Черепнин 1965: 149) и А.А. Зимин (Зимин 1965: 240—242). В.Я. Петрухин считает, что при Ольге происходит «установление государственных правовых норм от Среднего Поднепровья до Новгорода» (Петрухин 1995: 151).

Как общедревнерусские рассматривает реформы Ольги и М.Б. Свердлов (Свердлов 1983: 63—64), повторяя ход рассуждений С.М. Соловьёва: условно выделенный третий блок информации о деятельности Ольги говорит о том, что «по всей земле есть её ловища, знаменья, места, погосты», под «всей землей» здесь, по мысли историка, следует понимать территорию всей Руси (Свердлов 2003: 186—187).

По словам И.Я. Фроянова, «судя по всему, аналогичный (установленному в Древлянской земле. — М.Ж.) порядок был установлен в Новгородской земле и, по-видимому, в других областях, где побывала Ольга» (Фроянов 2015: 173).

Выводы

Сложение текста о реформах Ольги рисуется в следующем виде: первоначальный киевский рассказ содержал два блока информации:

1. Об «установлении» Ольгой Древлянской земли после одержанной победы, о четкой тарификации дани (определение её норм — *уставов* и *уроков*, ср. летописное сообщение о сыне Владимира Ярославе, сидящем в Новгороде и посылающем оттуда регулярные *уроки* в Киев: ПСРЛ. I: 130; ПСРЛ. II: 114; ПСРЛ. III: 159) с организацией *становищ* — пунктов для стационарного сбора дани и административно-судебного управления подвластными землями, а также *перевесищ* и *ловищ* для их хозяйственного обеспечения. Созданная Ольгой новая администрация замещала уничтоженные киевской завоевательницей социально-политические структуры древлян.

2. О распространении «древлянского опыта» на другие подвластные Киеву территории — «всю землю».

Мсть Ольги за убийство Игоря:
обильное угощение древлянских воинов вином и расправа с ними.
Радзивилловская летопись

В Новгородской летописи XI в. внимание в первую очередь было обращено на деятельность княгини в Новгородской земле и помещен соответствующий рассказ. В Киевском своде конца XI в. произошло соединение киевской и новгородской версий деятельности Ольги, в результате чего в первоначально целостный киевский текст был вставлен «новгородский» блок информации.

Созданные Ольгой становища и погосты представляли собой:

1) пункты стационарного сбора тарифицированной дани. Их создание знаменовало собой постепенный отказ от полюдья — кругового объезда киевской администрацией подчиненных восточнославянских этнополитических объединений, описанного Константином Багрянородным. Теперь сбор дани осуществлялся из постоянно существующих пунктов — погостов, куда местные жители сами свозили дань. Эта форма взимания дани называлась, очевидно, *повоз* (ср.: «Радимичи... платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне»: ПСРЛ. I: 83—84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131);

2) пункты административного управления, которыми киевское правительство заменяло местные власти отдельных славиний. Причем часто создавались эти пункты рядом или непосредственно на месте существующих центров восточнославянских этнополитических объединений (ср. ситуацию у древлян, где пять «градов» были превращены Ольгой в такие пункты: Звіздецкий 2008: 78—79).

Управление там могли осуществлять не только представители Киева, но и киевские представители местной знати и местного населения.

Мы считаем, что Ольга и последующие киевские князья неуклонно по мере возможности старались распространить систему прямого управления через создаваемые опорные пункты на все подчинённые Киеву славинии, постепенно ликвидируя их собственные социально-политические институты.

Первыми сполна с этой политикой столкнулись древляне, у которых Ольга ликвидировала княжескую династию, знать и большую часть городов. Сохранившиеся в Древлянской земле укреплённые поселения, видимо, были превращены Ольгой в опорные пункты киевской власти (Звіздецкий 2008: 78—79).

Характерно, что Древлянская земля первой из славиний получила князя Рюриковича: Святослав посадил в ней своего сына Олега (ПСРЛ. I: 69; ПСРЛ. II: 57; ПСРЛ. III: 121), из чего И.Я. Фроянов резонно заключил, что «к моменту посажения Олега в Древлянской земле своего князя не было» (Фроянов 1995: 78), династия древлянских князей была уничтожена Ольгой. Вслед за древлянами постепенно утрачивали свою социально-политическую субъектность и остальные славянские этнополитии (дольше всего продержались радимичи и вятичи).

Интересно предание, записанное на Псковщине, родине Ольги, в XIX в. П.И. Якушкиным, где говорится о том, что Ольга «много князей перевела: которого загубит, которого посадит в такое место» (Якушкин 1986: 114). В легенде это «погубление» Ольгой князей облачено в форму неудачного сватовства, однако общее направление деятельности княгини она сохранила верно. Прав В.В. Пузанов, который говорит о том, что «Рюриковичи, в прямом смысле слова, утверждались на костях «племенных князей» (Пузанов 2017: 263)¹.

Создание Ольгой системы становищ и погостов знаменовало собой постепенный переход от описанного Константином Багрянородным объезда-полюдья к стационарному сбору дани по всей территории формирующегося Древнерусско-

¹ Не только славянские «племенные» элиты громились Ольгой в рамках предпринятых ею централизаторских мер. Если договор Руси с Византией 944 г. был заключён от имени киевского князя и прочей «княжиин», представлявшей собой представителей правящего рода (Назаренко 2009), то в договоре 971 г. никаких упоминаний о них нет (на это обратил внимание ещё С.В. Бахрушин: Бахрушин 1937: 93). Летописи XI—XIII вв. решительно не знают никаких представителей боковых ветвей Рюриковичей. Весь разветвлённый в середине X в. род, за исключением «центральной» ветви, как в воду канул. Куда же делись все эти люди? Практически несомненным представляется вывод, что они были уничтожены между 944 и 971 гг., т.е. при Ольге и Святославе. Возможно, спусковым крючком произошедшей «зачистки» был отказ мужчин, родственников Игоря, признавать верховную власть женщины. Что-то подобное происходило почти везде на этапе консолидации «варварских» государств, вспомним хотя бы хрестоматийный пример с королём франков Хлодвигом, методично истреблявшим свою родню (Григорий Турский 1987: 59).

го государства (полюдь при этом сохранялось как локальное явление, известное по источникам до XII в.: Фроянов 1996: 457—464). Когда после победы на реке Пищане в 6492 (984) г. Владимир возложил дань на радимичей, они должны были «везти повоз» (ПСРЛ. I: 83—84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131), т.е. свозить дань в установленные для этого пункты. Так постепенно расширялась территория, на которую распространялись заведённые княгиней Ольгой порядки.

Если Святослав посадил сыновей только в Киеве, Новгороде и Древланской земле, то при Владимире количество таких городов существенно расширяется: «Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Гльба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» (ПСРЛ. I: 121; ПСРЛ. II: 105—106; ПСРЛ. III: 159).

Следовательно, местных князей к тому времени в соответствующих названным городам восточнославянских областях уже не имелось или они были полностью подчинены. И есть все основания полагать, что это было следствием централизаторских реформ княгини Ольги, продолженных её наследниками. Именно деятельность Ольги, направленная на создание единой политико-административной системы Руси, создала ту внутреннюю базу, на которой основывались масштабные внешнеполитические акции её сына Святослава.

V. Реформы Ольги и древнерусское градообразование

Период сосуществования и жестокой борьбы между князьями, знатью и народом славиний, с одной стороны, и Киевом с его представителями-наместниками — с другой, не мог не отразиться на процессах древнерусского градообразования. Выше уже были приведены данные по Древланской земле, обобщённые Б.А. Звиздецким (Звиздецкий 2008: 78—79): в середине X в. в результате действий Ольги большинство древланских укрепённых поселений («градов») прекратило своё существование; непрерывность развития демонстрируют только пять из них, превращённые, очевидно, в опорные пункты киевской власти (в одном из них, Овруче, впоследствии княжил сын Святослава Олег: ПСРЛ. I: 74; ПСРЛ. II: 62; ПСРЛ. III: 124).

Есть основания полагать, что определённое количество древнерусских городов выросло не непосредственно из древних местных центров, а либо из опор-

ных пунктов, создававшихся центральной киевской властью для борьбы с местными верхушками славиний и их центрами, либо в результате «окняжения» (ликвидация местного князя → создание стола Рюриковичей) последних (Куза 1996: 35—36; Горский 2004: 87—94).

Процесс ликвидации общественно-политических структур славиний приводит к их дезинтеграции и ускоряет процесс перестройки общества на территориальных началах, ведущий к формированию городских вечевых общин и городских округ (волостей) на основе единства города и местных сельских территорий. В результате этого процесса сформировался тот общественный организм, который древнерусские источники называют *волостью*, а Л.В. Данилова, И.Я. Фроянов, Ю.Г. Алексеев и ряд других современных историков, на наш взгляд, справедливо определяют как «город-государство» (Фроянов 1980: 216—243; 1992; 1995; 2015: 262—1044; Фроянов, Дворниченко 1988; Алексеев 1980; Данилова 1994). По мнению Ю.Г. Алексеева, «древнерусский город представлял собой в сущности территориальную общину с чертами дофеодальной демократии. К числу таких черт относится прежде всего вечевое устройство города и «тянущей» к нему земли» (Алексеев 1980: 25).

Проведенные княгиней Ольгой административно-организационные реформы оказали судьбоносное влияние на все последующее развитие древнерусского общества. Попадая под все большую власть Киева, старые славянские этнополитические объединения распадаются, и общество переживает грандиозную перестройку. Развивающиеся из становищ/погостов Ольги и её преемников города структурируют собственные волости. Так со страниц летописи постепенно исчезают *поляне, кривичи, словене*, и вместо них появляются *кияне, смоляне, новгородцы* и т.д. Но по мере этой трансформации, происходившей на местах, по мере структурирования городских волостей сепаратистские настроения, придавленные на время Киевом, переходят на новый виток, что в дальнейшем приведет к распаду Киевской Руси на отдельные земли, «города-государства» (Фроянов, Дворниченко 1988).

В качестве примера рассмотрим начало истории Новгорода. Есть основания считать, что этот город был создан Ольгой в качестве опорного пункта на севере Руси¹ и противовеса местным политическим центрам, в частности Городищу.

¹ Основание Новгорода киевскими князьями в качестве своего опорного пункта на севере Руси предполагал Б.А. Рыбаков (Рыбаков 1982: 293, 309), но ученый связывал это с необходимостью защиты Северной Руси от атак со стороны Балтики и считал крепостью-заставой, а создание его датировал IX в. — временем более ранним, чем то, которое ныне установлено археологами (середина X в.).

Постепенно Новгород утверждается в качестве столицы всей Северной Руси, оттесняя на задний план своих соперников. Городище превращается в резиденцию новгородских князей, Ладога — в пригород Новгорода, куда волховская столица назначала посадников (ПСРЛ. III: 20, 204). Другие «протогородские» центры региона также либо постепенно затухают, либо превращаются в «младшие города» Новгородской волости. Что же обеспечило Новгороду такое возвышение и выдвижение его на первый план?

Очевидно, то, что он изначально создавался Ольгой в качестве центра Северной Руси и главной опорной базы Киева в регионе и выдвигался на смену местным политическим центрам¹. Первые признаки зависимости Северной Руси от Киева фиксируются в середине X в. (Фроянов 1992: 126), и их можно связывать с деятельностью княгини. А.А. Амальрик высказывал гипотезу, что поход Ольги на север мог носить военный характер (Амальрик 2018: 91—92).

Ольга, происходившая из новгородско-псковского региона², своей поездкой и устроительными мероприятиями закрепила зависимость Новгородчины от Киева. Собственно, в этом и состоял, по-видимому, основной смысл ее деятельности в Новгородской земле. В этой связи любопытно известие Константина Багрянородного, впервые упоминающего о Новгороде в «Об управлении империей»³: «*Немогард* (Новгород. — М.Ж.), в котором сидел *Сфендослав* (Святослав. — М.Ж.), сын *Ингора* (Игоря. — М.Ж.), архонта (правителя. — М.Ж.)

¹ Также с деятельностью Ольги на Новгородчине можно связывать создание таких опорных киевских центров, как Передольский погост («Городок на Луге») и погост в районе современного села Любытино при впадении реки Белой в Мсту (Карпов 2009: 116—117).

² По всей видимости, она принадлежала к «знатному кривичскому, словенскому, варяжскому или даже финно-угорскому роду, влияние которого распространялось на Новгород и Псков, то есть вообще на русский Северо-Запад» (Королев 2000: 132; 2002: 123). Не исключено, что ее брак с Игорем носил политический характер и был направлен на закрепление союзных отношений между севером и югом Руси. Вероятно, именно эти обстоятельства и привели к тому, что Ольга заметно выделялась среди «других жен Игоря, которые, вероятно, в традициях того времени, у него были» (Королев 2000: 132; 2002: 123) и после его смерти возглавила страну, а наследником власти Игоря стал именно её сын.

³ Версия о том, что под именем «Немогард» здесь следует понимать не Новгород, а какой-то другой город Северной Руси, например Ладогу — «Невогород»/«город на озере Неве» (Кирпичников 1988: 55), лишена оснований. Во-первых, ни в каких древнерусских источниках Ладога не называется «Невогород». Само существование подобного названия является, таким образом, сугубо гипотетическим. Во-вторых, никогда впоследствии князья Рюрикoviчи не имели особого «стола» в Ладоге, которая всегда считалась частью новгородской волости, где, соответственно, правил новгородский князь. В-третьих, по всей видимости, такая иерархия политических центров Северной Руси стала складываться еще в предшествующие времена — уже при Рюрике и Олеге Вещем, «столицей» которых было, по всей видимости, именно Городище (см. второй параграф данной статьи), по отношению к которому Ладога занимала подчиненное положение. Новгород унаследовал столичные функции своего предшественника, в том числе и его «старейшинство» относительно Ладоги.

Руси» (Константин Багрянородный 1991: 45). Как видим, здесь уже закладывается традиция, согласно которой в Новгороде княжит старший сын и наследник киевского князя. Это говорит о том, что Новгород изначально создавался киевским правительством в качестве своего главного центра и опорного пункта на севере Руси¹.

Быстрый рост и возвышение Новгорода были обеспечены тем, что Ольга превратила его в главный пункт сбора дани со всего Севера Руси, откуда затем часть её транспортировалась в Киев (ср. слова Константина Багрянородного о «моноксилах из Немогарда», идущих в Киев: Константин Багрянородный 1991: 45).

В.Л. Янин отмечает, что в результате мероприятий Ольги «податная территория Новгородского государства... была расширена не менее чем вдвое или втрое, что и создало необходимую материальную базу структурного преобразования Новгорода», выразившегося в преобразовании «рыхлого образования» в «городскую структуру» и создании Детинца (Янин 2004: 129; 2008: 28). Именно со второй половины X в. археологам известны в Новгороде специальные деревянные пломбы — «замки», которыми опечатывали мешки с собранной данью (Янин 2001: 31—65), что свидетельствует о том, что уже в это время сбор дани со всего севера Руси оказывался постепенно в руках новгородской общины и ее лидеров, бояр, что и предопределило стремительный подъем Новгорода во второй половине X — начале XI в.

По мере развития и укрепления Новгорода, по мере упадка конкурирующих с ним центров, по мере структурирования Новгородской волости он из опорного пункта киевских князей на севере Руси превращается в главный центр сепаратизма в регионе².

¹ Из того, что Константин Багрянородный ничего не говорит о гибели Игоря, нельзя автоматически заключать, что данный фрагмент отражает ту ситуацию, которая существовала еще при жизни князя, а не после его смерти, о которой император мог просто не упомянуть или не знать. Посадить сына на Новгородский стол вполне могла сама Ольга в ходе своей поездки в Новгородскую землю. Судя по летописной легенде о символическом участии малолетнего Святослава в битве с древлянами, на момент гибели отца он находился в Киеве. Если всё же допустить, что этот пассаж отражает ситуацию, сложившуюся еще при жизни Игоря, это никак не противоречит нашей гипотезе, так как централизаторская политика Киева могла начаться при Игоре. Возможно и то, что уже при нем был создан и новый центр политической власти на севере Руси (или Святослав мог сидеть на Городище?). Деятельность Ольги в таком случае закрепляла и развивала достигнутые её мужем результаты.

² Такой же была судьба и остальных созданных Киевом в землях восточнославянских этнополитических объединений опорных пунктов. По мере их роста и развития, по мере упадка тех центров, в противовес которым они создавались, по мере складывания городских общин и структурирования вокруг них городских волостей все они начинают проявлять сепаратистские тенденции, которые в итоге погубят единство Киевской Руси и приведут к ее распаду на отдельные земли.

Первые признаки структурирования новгородской вечевой общины проявляются в 970—980-х гг. В 970 г. к Святославу *«придоша людье ноугородьстии, просящее князя собь: «Аще не поидете к нам, то нальзем князя собе»* (ПСРЛ. I: 69; ПСРЛ. II: 57; ПСРЛ. III: 121), иначе говоря, найдем себе князя вне рода Рюриковичей. Даже если этот летописный пассаж и носит на себе черты эпического повествования, то в целом он верно передает возросшее значение Новгорода и его общины, стремящейся обрести собственного князя и тем самым ослабить свою зависимость от Киева, а в перспективе и ликвидировать ее вовсе.

Старшие сыновья Святослава уклонились («отпреся») от поездки в далекий северный город, получив соответственно Киев и Древлянскую землю, и туда поехал младший сын Святослава, *робичич*, Владимир. В дальнейшем, опираясь на новгородскую общину, Владимир выиграл борьбу за власть у своего брата Ярополка и захватил Киев, а также завоевал Полоцк, однако, став киевским князем, он «в силу обстоятельств должен был вести политику, отвечающую интересам полянской общины и, следовательно, ущемляющую подчиненные» земли (Фроянов 1992: 137), в частности и Новгородскую. В городе был посажен в качестве правителя-посадника Добрыня — дядя («уй») Владимира (ПСРЛ. I: 79; ПСРЛ. II: 67; ПСРЛ. III: 128)¹, который некогда и посоветовал новгородцам просить своего племянника на княжение в волховскую столицу.

Зависимость Новгорода от Киева при Владимире усилилась², что выразилось сначала в распространении на город предпринятой в Киеве языческой «религиозной реформы» (ПСРЛ. I: 79; ПСРЛ. II: 67; ПСРЛ. III: 128), которая, по всей видимости, рассматривалась киевской общиной в качестве действенного средства унификации религиозной жизни Киевской Руси и, как следствие, укрепления ее политического единства под властью Киева (Фроянов 1992: 137—143; 2003: 72—75), а затем и в насильственном крещении города «огнем и мечом» (Рапов 1998: 238—258; Фроянов 2003: 94—98; Янин 2004: 130—143). Введение христианства по замыслам киевского правительства должно было ещё эффективнее, чем любая реформа язычества, унифицировать религиозную жизнь Древней Руси и тем самым ослабить сепаратистские тенденции в формирующихся

¹ Прямо Добрыня не назван «посадником», но из того, что в период киевского княжения Ярополка город управлялся именно посадниками (ПСРЛ. I: 75; ПСРЛ. II: 63; ПСРЛ. III: 125), можно сделать вывод, что и Добрыня, управлявший городом в период киевского княжения Владимира (по крайней мере на первом его этапе — до того, как Владимир стал сажать в Новгород своих сыновей), был именно посадником.

² Парадокс в том, что Новгород, не раз завоевывавший Киев, все время оказывался в зависимости от последнего.

Деревянная пломба-замок для мешков с деньгами. Новгород. XI в.

городах-государствах, проявившиеся к этому времени уже сполна (Фроянов 1992: 143; 1995: 84 и сл.; 2003: 75 и сл.). Однако сдержать процесс формирования самостоятельных земель и распад Киевской Руси не могло уже ничто.

Когда Владимир сажает своих сыновей по всем основным городам Руси, в Новгороде князем¹ оказывается сначала Вышеслав, а затем и Ярослав (ПСРЛ. I: 121; ПСРЛ. II: 105—106; ПСРЛ. III: 159), с временами которого есть основания связывать начало «вечевого Новгорода как территориально-общинного образования» (Петров 2006: 262), т.е. фактически рождение новгородской вечевой государственности.

Новгород на рубеже X—XI вв. из опорного пункта киевской власти на берегах Волхова превратился в столицу всей Северной Руси, начавшую активную борьбу с Киевом за независимость своей формирующейся волости.

¹ Точнее, посадником — наместником Киева и его князя. Для этого времени князя, сажаемые в Новгород из Киева, фактически и были его посадниками. Нам неизвестно для времени до 80-х гг. XI в. того, чтобы князь управлял Новгородом одновременно с посадником (Янин 2003: 65—78).

Глава IX

НАРОД И ВЛАСТЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ (ОТ «ПЛЕМЕННЫХ» НАРОДНЫХ СОБРАНИЙ ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ)

Сейчас, когда российское общество занято поиском оптимальных форм общественно-политического устройства, как никогда, актуальным становится обращение к истории России в поисках ответов на злободневные вопросы современности. Чтобы понять, кто мы, куда идём и что нам нужно, следует прежде всего взглянуть в собственную историю, понять её особенности и связанную с ними ментальность народа. Прошлое нередко становится полем битвы сторонников разных общественно-политических проектов современности, ищущих историческое обоснование своему видению будущего России. При этом, к сожалению, уровень собственно исторической подготовки политиков и общественных деятелей, увлечённых спорами о «судьбах России», в большинстве случаев невысок, соответственно, оперируют они зачастую лишь разного рода мифологемами. Соответственно, их споры на исторические темы превращаются в «дискуссию мифологем», имеющих весьма опосредованное отношение к историческим реалиям.

Очевидно, что к настоящему моменту авторитарные формы правления показали свою неэффективность в сравнении с демократическими и будущее России народное большинство связывает с подлинной демократизацией её общественной жизни и политической системы. Но в то же время очень живучей является запущенная «либералами» мифологема о России как о стране якобы «тысячелетнего рабства», с которой связано представление о том, что здесь никакой

демократии и вообще ничего хорошего быть не может. Своеобразным зеркалом этого представления является мифологема, популярная у части «патриотов», в соответствии с которой нашей стране необходима «сильная рука», при наличии которой только и может существовать Россия. Хотя те, кто исповедует эти мифологемы, друг друга обычно, мягко говоря, не жалуют, являются они, в сущности, двумя сторонами одной медали, так как из обоих вытекает, что наш народ органически не способен к демократии и самоуправлению. Но что стоит за подобными тезисами? Имеют ли они какие-либо исторические основания? Для того чтобы ответить на эти вопросы, надо обратиться к истории нашего Отечества, и в первую очередь — к историческим истокам Руси-России.

* * *

С момента первого появления славян на страницах письменных источников в VI в. мы видим существование у них институтов общественного самоуправления. Византийский историк Прокопий Кесарийский сообщал о славянах и антах, что они «не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща» (Свод I: 183), и описывал принятие антами, вероятно, на народном собрании, решения о договоре с Византией (Свод I: 183—184). В то же время из византийских источников мы знаем о существовании у славян и антов VI—VII вв. знати и князей. Однако, по всей видимости, княжеская власть в этот период ещё не превратилась в наследственную и князь избирался народным собранием, преимущественно из представителей знатных семей, для управления «племенем» или «племенным» союзом и ведения военных действий против врагов. Но знать не была замкнутой стратой, оторванной от народа, пополнить её ряды легко мог любой храбрый воин или искусный в каком-либо деле человек. Существование свободно пополняемой прослойки знати, представители которой осуществляли оперативное управление на определённых участках, было необходимым элементом функционирования сложного социального организма, каковым было «племя», а тем более — «союз племён», особенно если он имел прочный и долговременный характер (такие устойчивые этнополитические объединения славян византийские источники именуют славиниями: Литаврин 2001: 568—578). Точно так же необходимым было наличие князя, осуществлявшего общее оперативное управление. Но все принципиально важные для обще-

ства дела решались на народном собрании, значимость которого определялась не в последнюю очередь тем, что всё взрослое мужское население представляло собой «вооружённый народ» и в случае необходимости готово было выступить в военный поход (хотя существовали и, так сказать, «силы постоянной боевой готовности» в лице дружины). То есть славянское общество догосударственной эпохи стояло на той стадии общественного развития, которую Л.Г. Морган назвал «военной демократией». Расселение славян, борьба их с Византией и кочевниками способствовали сохранению той системы, при которой любой взрослый мужчина в случае необходимости должен был быть готов идти на войну. Не случайно славяне долго не знали «внутреннего» рабства: длительное время рабами в славянском обществе были пленники-иноземцы, захваченные в войнах, именовавшиеся челядью. «Внутренние» рабы — холопы, — лишившиеся своей свободы за долги, появляются в каком-либо значительном числе в древнерусском обществе только с XI в. (Фроянов 1999: 227—229 и сл.). Характерно, что договоры Руси с Византией X в. знают в русском обществе только челядь, т.е. рабов-пленников.

Таким образом, славянское общество предгосударственного времени предстаёт перед нами обществом если и не полностью, то в значительной степени равных и свободных людей, сообща решавших важные общественные вопросы. Таким его знают не только современные ему иностранные источники, таким его помнят и древнерусские летописи, которым известны крупные славянские этнополитические объединения догосударственной поры: поляне, древляне, кривичи, вятичи и т.д., каждое из которых в свою очередь состояло из ряда более мелких этнополитических единиц, которые в силу своей локальности не попали на страницы летописей. Нам представляется, что наиболее корректно называть летописные группировки восточных славян этнополитическими объединениями или союзами (для краткости — этнополитиями), так как они обладали политическим и в известной мере этническим единством и состояли из более мелких структурных единиц, которые несколько условно можно называть «племенами». Как справедливо, на наш взгляд, полагает А.П. Новосельцев, «древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским «племенам», как франки, саксы, бавары и т.д., которые на деле представляли уже союзы племён, хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени» (Новосельцев 2000: 49).

В летописях сохранились сведения о том, каким образом осуществлялось принятие важных решений на уровне восточнославянских этнополитических

объединений. Конечно, вопрос о том, насколько надёжным источником при характеристике восточнославянского общества являются древнерусские летописи, достаточно сложен, но, во-первых, археология подтвердила в общих чертах этнографическую карту, нарисованную в ПВЛ (Седов 1982; 1999), во-вторых, первые летописцы ещё застали славянские этнополитические союзы на завершающей стадии их существования¹, в-третьих, летописные известия можно проверять данными иностранных источников и сравнительно-историческими материалами, а в-четвёртых, даже если летописцы экстраполировали на предгосударственную эпоху реалии своего времени, то это очень важно для понимания этих реалий.

Рассказывая о нападении хазар на полян, потребовавших дани, летописец говорит о том, что «сѣдумавше поляне и вдаша от дыма меч» (ПСРЛ. I: 17). Легенда о дани, которую поляне выплатили хазарам мечами, имеет много интерпретаций, но для нашей темы важно то, что в представлении летописца соответствующее решение было принято полянами коллективно. Видимо, это мыслилось ему совершенно естественным делом.

Следующим свидетельством, интересующим нас, является знаменитая легенда о призвании варягов, читающаяся в Повести временных лет под 862 г.: «[славянские и соседние с ними «племена», до того платившие дань варягам: словене, кривичи, чудь и меря] Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами в себе володети, и не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. Реша сами в себе: «Поищемъ собе князя, иже бы володель нами и судиль по праву». Идаша за море къ Варягомъ, к Руси» (ПСРЛ. I: 19).

Здесь мы не будем вдаваться в напряжённую дискуссию, идущую вокруг этого летописного рассказа. Для нас важно то, что для летописцев XI—XII вв., зафиксировавших эту легенду, «призвание» князя словенами — предками новгородцев — и их союзниками выглядит как совершенно нормальное и «законное» явление. Причем принятие решения об этом «призвании» летописцы представляют именно в качестве «коллективной воли» словен, кривичей, мери и чуди.

Стоит ли за этими двумя известиями память о древних «племенных» народных собраниях, или же летописцы автоматически перенесли в древность реалии

¹ Мы считаем убедительно доказанной датировку начала древнерусского летописания как постоянного явления концом X в. (Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, А.Г. Кузьмин). При этом отдельные славянские этнополитические союзы как реальность существовали и позднее — вплоть до XI, а то и до XII вв. (вятичи).

*Приношение Руси дани разными народами.
 Радзивилловская летопись*

своего времени в данном контексте непринципиально. Важно то, что, с точки зрения древнерусских книжников, с самой глубокой древности важные решения предков киевлян и новгородцев имели «коллегиальный» характер и, видимо, соответствующий характер имела и их политическая организация, основанная на самоуправлении («почаша сами в себе володети»). Мнение М.Б. Свердлова о том, что в «племенных» народных собраниях славян участвовали «лишь отдельные представители, вероятно племенная знать» (Свердлов 1983: 51), ни на чём не основано. Историк приводит примеры из летописи, где коллективное принятие решений приписывается обществам, заведомо не имевшим народных собраний («почаша греци мира просити»), но это имеет совсем другое объяснение. Ю.В. Андреев заметил, что древние греки представляли свой полис единственной возможной формой человеческого общежития, поэтому Гомер «поселяет» в полисах все известные ему народы вплоть до киммерийцев (Андреев 2003: 69—70 и сл.). По всей видимости, аналогично мыслили и в Древней Руси, представляя свои порядки единственно возможными.

При этом летописец указывает и на существование института княжеской власти в восточнославянском обществе, отмечая, что после смерти легендарных основателей Киева Кия, Щека и Хорива «держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане» (ПСРЛ. I: 10), однако, как мы увидим по рассказу о борьбе Киева с древлянами, вплоть до конца существования восточнославянских этнополитических союзов княжеская власть не оторвалась от народа, принцип взаимных обязательств между ними не был разрушен. Сохранению социального единства внутри древлянского (кривичского, вятического и т.д.) общества способствовало начавшееся покорение Киевом всех восточнославянских земель. Понятно, что оно «не являлись делом рук исключительно князей и дружины. Для покорения соседних племенных княжений и удержания их в даннической зависимости сил одной дружины явно не хватало. Только народное войско... в состоянии было сделать это» (Фроянов 2001: 501—502). Таким образом, покорение восточнославянских этнополитий — это дело вовсе не только киевских князей с их дружинами, а и рядовых полян, объединенных в ополчение. Соответственно, и собранная с покоренных «племен» дань шла не только князю и его дружинникам, но и всей киевской полянской общине (ср. слова Константина Багрянородного о том, что в полудье «архонты выходят *со всеми росами* из Киавы (Киева. — М.Ж.) (курсив мой. — М.Ж.): Константин Багрянородный 1991: 51). Характерно и то, что дань побеждённая Византия должна была платить не только князю и его дружине, но и главным городам Киевщины: Киеву, Чернигову и Переяславлю (ПСРЛ. I: 31. Упоминание в этом месте других городов, скорее всего, является позднейшей вставкой). Таким образом, если внутри киевской общины принцип взаимных обязательств между правителем и народом продолжал соблюдаться, то по отношению к покорённым славянским этнополитическим союзам она выступала в качестве коллективного завоевателя и экзосексплуататора. Земли, попадавшие под власть Киева, сохраняли первоначально значительную автономию: собственных князей, знать и народные собрания. Главной формой их зависимости была в первую очередь выплата дани, состоявшей главным образом из продуктов, вывозившихся затем киевской военно-торговой верхушкой в Византию и страны Востока и Европы. Разумеется, сохранение отдельными славянскими этнополитиями огромной автономии приводило к острым конфликтам, ибо Киев хотел укрепить свою власть, а подчиненные ему восточнославянские этнополитические объединения — вернуть полную независимость.

Самый серьёзный конфликт такого рода произошёл в 945 г., когда князь Игорь попытался собрать дань с древлян сверх установленной нормы, за что был ими жестоко убит. В связи с этим в летописи имеется более подробный рассказ о механизмах принятия древлянами важных решений и об их общественной структуре в целом, чем в известиях о полянах и словенах. Вот как летописец описывает принятие древлянами решения о восстании против произвола Игоря: «Слышавше же древляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ в овце, то выносить все стадо, аще не убьютъ его: тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималь еси всю дань» (ПСРЛ. I: 54—55).

Как видим, здесь идёт речь о том, что древлянский князь обсуждает сложившуюся ситуацию со всем народом, по всей видимости, на народном собрании. Игорь не прислушался к возмущению древлян и тогда «вышедше изъ града Изькоръстена деревлене убиша Игоря и дружину его; бе бо ихъ мало» (ПСРЛ. I: 55).

То есть военная организация древлян соответствовала стадии «вооружённого народа», соответственно неудивительна ключевая роль народного собрания в общественно-политической жизни древлянского общества.

Расправившись с Игорем, древляне решают отправить к его вдове Ольге сватов с предложением выйти замуж за их князя Мала. Видимо, они рассчитывали перенять у полян главенство в восточнославянском мире. Древлянские послы заявили Ольге: «Посла ны Дервьска земля, рькуще сице: «Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Дервьску землю, да поиди за князь нашъ за Маль»; бе бо имя ему Маль, князю дервьску» (ПСРЛ. I: 56).

То есть они выражали волю не только своего князя, но и всех древлян. Таким образом, мы видим, что в древлянском обществе середины X в. сохранялось социальное единство князя и народа, ключевые для жизни древлян вопросы решались на народном собрании, а войско представляло собой ополчение взрослых свободных мужчин. Знать у древлян так же, как и князь, не была оторвана от народа: «Пославши Ольга къ деревлянномъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велице чти приду за вашъ князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Се слышавше древляне, собращася (в Радзивилловской, Академической и Ипатьевской летописях написано «избраша», что, по всей видимости, является правильным. — М.Ж.) лучшие мужи, иже деръжаху Дервьску землю, и послаша по ню» (ПСРЛ. I: 56—57).

Ольга и киевляне жестоко расправились со своими врагами — древлянами, утопив антикиевское восстание в крови. И это стало рубежом в отношениях между Киевом, с одной стороны, и покоренными им восточными славянами — с другой. Ольга осуществляет важную реформу, создавая в землях покоренных славянских этнополитических союзов собственные административные центры и опорные пункты киевской власти: становища и погосты. Соответственно, происходит постепенное замещение киевскими наместниками и их административным аппаратом местных князей и знати, которые либо физически истребляются, либо рвут с местным обществом и входят в состав киевской администрации, а также подавление народных собраний уровня этнополитий. Археологическое отражение эти процессы нашли в так называемом «переносе городов», в ходе которого на рубеже X—XI вв. множество некогда процветающих поселений приходит в упадок, а рядом с ними появляются и вырастают новые центры, растущие, по всей видимости, из созданных киевской властью опорных пунктов.

В результате происходит структурная перестройка восточнославянского общества: старые этнополитии исчезают и на их месте формируются новые общности, построенные по территориальному принципу, которые древнерусские источники называют землями и волостями. Этот процесс нашёл своё отражение в произошедшей смене этнополитонимии: старые «племенные» названия постепенно исчезают и им на смену приходят новые имена, производные от названия главного города той или иной земли: кияне, смоляне, новгородцы и т.д.

Таким образом, произошёл своеобразный исторический парадокс: разрушив этнополитическую структуру восточнославянского мира для укрепления своей власти, Киев запустил процесс становления новых социально-политических организмов, по мере своего оформления бросавших ему вызов и со временем свергнувших его господство. Из созданных им опорных пунктов выросли со временем их главные города, а из его наместников — новая местная знать, возглавившая антикиевскую борьбу.

Но прежде чем продолжить рассказ об этом, коснёмся судьбы вятичей, которым одним удалось сохранить свою самобытность и независимую социально-политическую организацию вплоть до XII в. С ними вёл борьбу Владимир Мономах (ПСРЛ. I: 248), а в 1147 г. в ходе борьбы Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича против Изяслава и Владимира Давыдовичей: «Она (Давыдовичи. — М.Ж.) же слышавша, оже Гюрги прислал к нему (Святославу. — М.Ж.) в помочь, и не сместа по немъ ити, но съзваша вятиче и реша имъ: «Се есть ворогъ

нама и вамъ, а ловите его на польъ вама (в Хлебниковском и Погодинском списках читается «на полон вам». — М.Ж.), и тако възратистася ис Дедославля» (ПСРЛ. II: 338).

Как видим, и в середине XII в. вятическое общество сохраняет определённое социальное единство и коллективный принцип принятия решений, которые вырабатывались, по всей видимости, на народном собрании. Высказывавшееся мнение о том, что Давыдовичи обратились не к народному собранию, а к вятической знати (Зайцев 2016: 93), не находит опоры в тексте летописи.

В историографии не раз поднимался вопрос о соотношении между восточнославянскими «племенными собраниями» и «классическим» древнерусским вече. Причём решения предлагались полярные: по мнению И.Я. Фроянова (Фроянов 2001: 633—634), древнерусское вече представляло собой прямое продолжение догосударственных народных собраний, а согласно П.В. Лукину, это были совершенно разные явления (Лукин 2004: 85—86).

В пользу этого тезиса историк приводит аргументы, которые, на наш взгляд, являются неубедительными. Во-первых, как он указывает, при описании «племенных собраний» ни разу не употреблён собственно термин «вече», из чего исследователь заключает, что «это понятие по отношению к «племенам» не употреблялось сознательно (курсив П.В. Лукина. — М.Ж.)». Мы бы не рискнули на основании всего четырёх известий делать такой радикальный вывод, так как *совершенно одинаковые* явления древнерусской политической жизни XII—XIII вв. могут как называться, так и не называться в источниках «вечем» и нет каких-либо оснований разграничивать их и говорить о том, что в зависимости от наличия/отсутствия в описывающем их источнике термина «вече» данные явления имели разную институциональную основу. Достаточно сказать о том, что при описании *одного и того же события* в одних летописях слово «вече» может употребляться, в то время как в других мы его не находим (подборку соответствующих примеров и их анализ см. в работе Т.Л. Вилкул: Вилкул 2009: 26—31). И в большинстве случаев применительно к народным собраниям «классического» времени летописцы не применяли термин «вече», что и неудивительно: они писали не для современных историков, а для своих современников, которым и так всё было понятно. Такие термины, как «ръша», «сдумавше», «собрашася», летописцы традиционно применяли именно к вечевой деятельности древнерусских горожан, и этими же самыми терминами они описывают восточнославянские «племенные собрания».

Второй аргумент П.В. Лукина состоит в том, что «гипотетические «племенные собрания» никак не связываются летописцами с городами» (Лукин 2004: 86). Но и он очень шаток. Само существование «градов» у восточнославянских «племен», бывших, очевидно, их политико-административными центрами, не раз подчёркивается летописью (ПСРЛ. I: 6, 9, 10, 55, 58). При этом характерна взаимозаменяемость понятий «град» и «род»: если Повесть временных лет в легенде о призвании варягов говорит о том, что из-за бескняжья «вста родъ на родъ», то в Новгородской I летописи сообщается, что «ввсташа градъ на градъ» (ПСРЛ. III: 106). И из того, что в четырёх наших известиях о «племенном вече» специально не отмечена его связь с городами, не следует ровным счётом ничего. При этом если мы внимательно вчитаемся в рассказ о восстании древлян против игорева произвола, то увидим, что сначала они «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ», а затем «вышедше изъ града Изькоръстения», в котором, очевидно, и проходило их «племенное собрание».

Но в то же время в свете сказанного выше о перестройке социально-политической структуры древнерусского общества на рубеже X—XI вв., о «переносе городов», о разгроме «племенных» князей и знати можно полагать, что определённая дискретность между «племенными собраниями» и «классическим вечем» всё же имела место. На какое-то время, по всей видимости, деятельность народных собраний замерла, чтобы затем вспыхнуть с новой силой.

* * *

Рассмотрим имеющиеся данные о коллективных социально-политических акциях жителей древнерусских городов и их общественном самоуправлении домонгольской эпохи. Первые данные о городских вечевых общинах, с которыми вынуждены считаться князья Рюриковичи, относятся к концу X в.

В 968 г., когда Святослав вёл борьбу с Византией и Киев был осаждён печенегими, «собрашеся людье оная страны Днепра (Левобережья. — М.Ж.) в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бе лъзе внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онемь. Вьстужиша людье въ граде и реша: «Не ли ли кого, иже бы могль на ону страну дойти и рече имъ; аще кто не приступитъ с утра, предатися имамъ печенегомь?» И рече единъ отрокъ: «Азь преиду». И реша: «Иди» (ПСРЛ. I: 65—66).

Благодаря помощи с Левобережья удалось отогнать печенегов, после чего «послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищещи

и блюдеши, а своя ся охавивъ, малы бо насъ не взяша печенези, и матеръ твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмутъ. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суца, и детей своих» (ПСРЛ. I: 67).

Здесь впервые перед нами предстаёт достаточно организованное общество «киян», которые обороняют город, совместно принимают важное для города решение и в качестве самостоятельного субъекта политической жизни направляют посольство к Святославу с изъяснением своего недовольства его политикой. Самостоятельной силой предстают и «людьє оная страны Днепра».

В это же время явственно обозначилось и структурирование новгородской городской общины. В 970 г. в Киев к Святославу «придоша людьє Ноугородьстии, просяще князя собе: «Аще не поидете к нам, то налезем собе» (ПСРЛ. I: 69), иначе говоря, найдем себе князя, по всей видимости, вне рода Рюриковичей. Здесь перед нами впервые в источниках предстают «людьє Ноугородьстии» в качестве самостоятельной политической силы. Даже если этот летописный пассаж и носит на себе черты эпического повествования, то в целом он все равно верно передает возросшее значение Новгорода и его общины, процесс структурирования которой к тому времени зашел уже достаточно далеко. Новгородцы стремились обрести собственного князя и тем самым ослабить свою зависимость от Киева, а в перспективе и ликвидировать ее вовсе (ср.: Фроянов 1992: 131). Основанный как опорный пункт киевской власти на севере Руси, по мере своего роста и структурирования собственной волости, Новгород превратился со временем в главный центр сепаратизма в регионе. И опять-таки мы видим «коллегиальный» характер воли новгородцев: ничего о том, что посланцы — это выразители интересов верхушки новгородского общества, в источнике не сказано. Видимо, они выражали волю всей формирующейся новгородской общины. И летописец представляет соответствующее их обращение к Святославу как абсолютно правомерное и «законное».

По мере структурирования городских вечевых общин («городов-государств») они начинают борьбу за свою независимость от Киева, в которой принимали активное участие их князья. Именно потому, что появление собственного княжеского стола было важным атрибутом независимости, на начальном этапе своего становления вечевые общины непременно хотели обзавестись «своим» князем, выражавшим их, а не киевские интересы. Но в дальнейшем, по мере завоевания независимости, пути князей и вечевых городов начали расходиться: князь обычно стремился подмять общину под себя, а община — ослабить

Совет Святослава Игоревича со своей дружиной.

Радзивилловская летопись

власть князя и укрепить своё самоуправление. Так возникла система, которую А.Е. Пресняков охарактеризовал как своеобразный дуализм князя и веча. Эта система содержала в себе одновременно две тенденции: монархическую и демократическую, ни одна из которых не возобладала в масштабах всей Руси к моменту монголо-татарского нашествия. Если в конце X — начале XII в. основным содержанием политической борьбы на Руси была борьба формирующихся городских вечевых общин во главе со своими князьями за независимость от Киева (а позднее «молодых» городов от «старых»), то с середины XII по середину XIII в. — противостояние между княжеской и вечевой властями (хотя, естественно, чёткого разграничения нет, оба процесса «налегали» друг на друга). В то же время, несмотря на неоднозначность своих взаимоотношений, князь и вече были составными частями единого социального организма города-государства. Князь являлся как бы лидером «своей» общины, её высшим чиновником, военачальником и верховным судьёй, он олицетворял и отстаивал её интересы при столкновении с другими общинами. Усиление общины вело и к усилению влияния её князя. При этом все важные дела князь должен был решать с санкции веча. Потеря князем доверия со стороны «вечников» могла привести к тому, что они просто указали бы ему «путь чист» и пригласили другого, готового больше прислушиваться к их мнению. Одна городская община во главе со своим князем могла выступать по отношению к другим городским общинам завоевателем и экзоплуататором.

После смерти Святослава «кияне» и их позиция стали важным фактором в борьбе за власть между его сыновьями. Подкупленный Владимиром воевода

Ярополка Блуд «мысля убити Ярополка; гражаны же не бе лзе убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити й, замысли лествю, веля ему ны излазити на брань изъ града. Льстече же Блудъ Ярополку: «Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка». Побегни за градъ» (ПСРЛ. I: 77).

Ярополк послушал предателя и поплатился за это жизнью.

Отмечается в летописи и роль «людей» в вопросе о принятии Русью христианства. По словам летописца, Владимир обсудил вопрос выбора веры с «боярами и старцами градскими» (ПСРЛ. I: 106—107), которые предложили ему отправить в разные страны посольства для того, чтобы лучше ознакомиться с их религиями, и эти их слова оказались по нраву «князю и всемъ людемъ» (ПСРЛ. I: 107), которые, по представлению летописца, видимо, тоже принимали участие в обсуждении. И это не случайно, ведь унификация религиозной жизни Руси сначала через «реформу» язычества, а затем и через введение «заимствованной» монотеистической религии была одной из важных мер, предпринятых Киевом для укрепления своей власти над восточнославянскими этнополитиями (Фроянов 2003), выгоды от которой, как мы помним, имела вся киевская община. Характерна и отмеченная в летописи роль «старцев градских» в принятии решения. «Старцы градские» — высшие должностные лица восточнославянских этнополитий (из источников не совсем понятно, были ли это представители наследственной родовой знати или просто уважаемые люди, получившие соответствующий статус по решению народного собрания), упоминания о которых исчезают со страниц источников после того, как уходят в прошлое сами эти этнополитии (Мавродин, Фроянов 1974: 29—33). В данном случае речь идёт, очевидно, о полянских «старцах», представлявших на княжеском совете интересы всей полянской общины. Видимо, именно в силу последнего обстоятельства окончательное решение о принятии Русью христианства Владимир, согласно летописи, принимает на совещании лишь с «боляры своя и старца» (ПСРЛ. I: 108). «Старцы» представляли всё полянское общество.

Впервые слово «вече» употреблено в летописи при описании коллективной социально-политической деятельности древнерусских горожан под 997 г. в знаменитой легенде о белгородском киселе. Печенеги осадили Белгород, и тогда «створиша вече в городе и реша: «Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нету. Да луче ли ны померети? Въдадимся печенегомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако советъ створиша» (ПСРЛ. I: 127).

Один «старец» придумал, как обмануть печенегов с помощью колодца, наполненного киселем, после чего на вече было принято другое важное решение: «Горожане же реша, шедше к печенегом: «Поимете к собе таль нашъ, а вы поидете до 10 мужъ в градъ, да видите, что ся дееть в граде нашем» (ПСРЛ. I: 128).

Как видим, не только киевляне и новгородцы продвинулись по пути развития институтов своего общественного самоуправления, но и городская община Белгорода конца X в. предстаёт перед нами вполне организованной социальной единицей, способной коллективно принимать важные для города решения и исполнять их. Упоминаются и её лидеры — уже знакомые нам «старцы» (ПСРЛ. I: 127). Характерно и то, что модель принятия решения печенегами летописец изображает близкой к той, что существовала у белгородцев: они «избраша лучшие мужи» для посольства (ПСРЛ. I: 128). Это вновь возвращает нас к тому, что русские летописцы мыслили «свои» вечевые порядки чем-то самим собой разумеющимся.

* * *

Первыми начали свою борьбу за независимость от Киева новгородцы. К тому времени старые «племенные» князья были ликвидированы уже практически повсюду и Владимир сажает своих сыновей в качестве наместников по всем основным городам Руси. Так, в Новгороде князем оказывается сначала Вышеслав, а после его смерти Ярослав (ПСРЛ. I: 121), при котором недовольство новгородской общины своей зависимостью от Киева впервые отчетливо выплеснулось наружу. В 1014 г. «Ярославу же сущю Новегороде и оурокомъ дающю Киеву две тысяче гривне от года до года, а тысячу Новегороде гридемъ раздаваху. А тако даяху [вси] посадници Новьгородьстии, а Ярославъ сего не даяше [к Киеву] отцю своему. И рече Володимеръ: «Требите путь и мостите мость», — хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего» (ПСРЛ. I: 130).

Очевидно, что за этим поступком Ярослава стояла воля всего новгородского общества: не имея поддержки в Новгороде, Ярослав едва ли мог бы решиться на войну с отцом. При этом важно подчеркнуть, что речь шла именно об отказе Новгорода платить дань, а стало быть, подчиняться Киеву, а не о желании Ярослава перебраться на более «престижный» стол или захватить Киев. И ради достижения независимости от Киева новгородцы были готовы на борьбу, равно как и на значительные затраты — в город был приглашен нанятый варяжский

отряд (ПСРЛ. I: 130). Очевидно, что столь серьезные решения не могли быть приняты лишь верхушкой новгородского общества, а предполагали согласие всей общины.

Однако Владимир вскоре умер, и в Киеве власть захватил Святополк, расправившийся со своими братьями Борисом и Глебом. В Новгороде между тем произошли очень интересные события, в описании которых применительно к этому городу в источниках впервые фигурирует слово «вече», а именно конфликт новгородцев с нанятыми Ярославом для борьбы с Киевом варягами, последующая «разборка» с ними Ярослава, а затем — примирение Ярослава с новгородцами¹: «В Новегороде же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насилие деяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: «Сего мы насилья не можемъ смотрити»; и собрашася в ношь, исекоша Варягы в Поромоне дворе; а князю Ярославу тогда в ту ношь сущу на Ракоме. И се слышавъ, князь Ярославъ разгневался на гражаны, и собра вои славны тысящу (в ПВЛ они названы иначе — нарочитыми мужами (ПСРЛ. I: 140) — *М.Ж.*), и, обольстивъ ихъ, исече, иже бяху Варягы ти исекле; а друзии бежаша изъ града» (ПСРЛ. III: 174).

Вскоре, однако, Ярославу от сестры Предславы пришли известия о смерти отца и расправе Святополка над братьями, после чего он «заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вече на поле (в ПВЛ о том, что вече было собрано именно «на поле», не сказано (ПСРЛ. I: 141). — *М.Ж.*), и рече к ним: «Любимая моя и честная дружина, юже вы исекохъ вчера въ безумии моемъ, не топерво ми ихъ златомъ окупите». И тако рче имъ: «Братъе, отецъ мои Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киеве; хощю на него поити; потягнете по мне». И реша ему новгородци: «А мы, княже, по тебе идемъ». И собра вои 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь» (ПСРЛ. III: 175).

Рассказ этот весьма сложен и содержит ряд смысловых пластов, анализ которых сейчас не входит в наши задачи (см. его наиболее убедительную интерпретацию: Петров 2003: 93—101). Для нас важно то, что в данном летописном повествовании впервые угадывается разделение коллективных социально-политических акций новгородцев на «законные» и «незаконные»: нападение на Ярославовых варягов, вероятно, имело характер спонтанного «бунта» и не по-

¹ Вопрос о соотношении этого рассказа в ПВЛ и НПЛ сложен. По ряду признаков (например, в ПВЛ указана явно фантастическая численность новгородского войска) версия НПЛ является первичной, однако в то же время в версии ПВЛ есть ряд любопытных моментов, которые могут отражать какие-то иные древние источники.

лучало вечевой санкции¹, стало быть, не воспринималось как вполне «законное» деяние. Именно это обстоятельство, вероятно, отчасти способствовало тому, что новгородцы легко простили Ярослава за суровое наказание «бунтовщиков». Не менее любопытно и их стремление любой ценой покончить с зависимостью от Киева, для чего было необходимо преодолеть все внутренние разногласия. При этом серьезного внимания, на наш взгляд, заслуживает гипотеза А.В. Петрова, согласно которой в расправе над варягами приняла участие не вся новгородская община, а лишь ее часть — старая «родовая аристократия», не заинтересованная в полном разрыве с Киевом и тем противостоящая интересам формирующегося новгородского народовластия (Петров 2003: 97—99), а потому и не могущая заручиться поддержкой веча, ведь в пассаже о «мести Ярослава» сказано лишь о его расправе над «воев славных тысячей»/«нарочитыми мужами», которые, видимо, и составляли ядро «бунтовщиков». А.В. Петров, на наш взгляд, прав в том, что «бунтовщики» были связаны с Киевом, но речь тут должна идти не о «родовой аристократии», а скорее о поставленной после «реформы Ольги» в Новгороде киевской администрации.

На следующий же день князь апеллировал ко всей новгородской общине, что ясно из того, что новгородцы выставили в его поддержку трехтысячное войско (дружина заведомо не могла иметь такую численность)² и наняли новый варяжский отряд. Созыв веча князем — это, как мы знаем по ряду позднейших известий, его неотъемлемое право, а созванное князем вече рассматривалось как абсолютно «законное». Такой же статус имели и его решения. В нашем случае вече — после вероятной расправы Ярослава над прокиевской знатью — приняло решение о начале войны с Киевом.

Со своим новгородско-варяжским войском Ярослав победил Святополка и занял Киев, однако тот бежал в Польшу и призвал на помощь войска польского князя — своего тестя — Болеслава Храброго (992—1025), который пошел войной на Ярослава, разгромил его и вновь посадил в Киеве Святополка. После этого Ярослав бежал в Новгород, откуда «хотяше бежати за море. И посадник Коснятинъ сынъ Добрынь с Новгородьци расekoша лодье Ярославле, рекуще: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ». Начаша

¹ Как мы знаем по ряду последующих случаев, расправа с кем-либо по решению веча считалась абсолютно правомерной и «законной».

² Вспомним и насмешки киевлян над новгородскими воинами Ярослава («а вы плотницы сущее; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить»: ПСРЛ. III: 175), которые, по справедливому замечанию П.В. Лукина, «вряд ли могут относиться к дружинникам» (Лукин 2004: 97).

скоть събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен. И приведоша Варягы [и] вдаша имь скоть, и совокупи Ярослав вои многы» (ПСРЛ. I: 143).

Здесь мы опять видим коллективное решение всего новгородского общества, полного решимости любой ценой бороться с Киевом. Очевидно, что без общего (очевидно, вечевого) решения большинства новгородцев предпринять описанные летописью меры было невозможно, тем более что летописец указывает именно на их добровольный характер. Данный летописный рассказ указывает на уже весьма серьезную зрелость общинной организации Новгорода.

В результате в правление на Руси Ярослава Мудрого роль Новгорода существенно усилилась, а его зависимость от Киева ослабла (достаточно сказать, что и впоследствии Ярослав немало времени проводил в этом городе (ПСРЛ. I: 147, 148, 150), он был как бы второй столицей страны и опорой Ярослава).

К концу XI в. новгородцы уже прочно осваивают практику изгнания из города неугодных им князей и приглашения тех, которые больше их устраивали. Так в 1070-х гг. они «Глеба, и выгнаша из града, и бежа за Волокъ, и убиша и Чюдь» (ПСРЛ. III: 470)¹.

Перед нами первый достоверно известный случай изгнания новгородцами своего князя, причем изгнания, имевшего место, по всей видимости, в результате каких-то «чрезвычайных» акций новгородской общины², подобных, возможно, ситуации 1071 г. или последующим событиям 1136 г. При этом отметим, что изгнание новгородцами Глеба в летописи изображено в качестве достаточно заурядного события.

А в 1095 г. «сего же лѣта исходяща, иде Давыдь Святославичь из Новагорода Смолиньску; Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. [И] поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к нам». [И] пошедь Давыдь, воротися Смолиньску, и седе Смолиньске, а Мьстиславъ Новегороде седе» (ПСРЛ. I: 229)³.

Здесь впервые новгородцы мало того что изгоняют одного неугодного им князя, но и приглашают княжить в Новгород другого, не считаясь при этом

¹ Совершенно непонятно, почему В.Л. Янин рассматривает произошедшее позже (в 1095 г.) изгнание из города князя Давыда Игоревича в качестве «беспрецедентного случая» и «первых политических успехов борьбы новгородцев за городские вольности» (Янин 2003: 82).

² Только этим можно объяснить бегство князя в столь «дремучий» край с его последующим там убийством. Ясно, что бежать туда он мог только в условиях серьезной для него опасности со стороны новгородцев, что справедливо отмечал И.Я. Фроянов (Фроянов 1992: 179—180).

³ В НПЛ это известие читается кратко: «Давыдь прииде к Новугороду княжить; и по двую лету выгнаша и» (ПСРЛ. III: 161, 470).

с мнением Киева. И летописец описывает эти их действия как совершенно правомерные.

* * *

На путь политического самоутверждения уверенно встала и киевская община. Так, в 1024 г., когда в ходе войны между Мстиславом Тмутараканским и Ярославом Мудрым первый подступил к Киеву, желая сесть в нём на княжеский стол, «не прияша его кыяне: Онъ же, шедъ, седе на столе Чернигове» (ПСРЛ. I: 147).

По всей видимости, соответствующее решение было принято киевлянами на вече. И даже такой прославленный воитель, как Мстислав, вынужден был с ним смириться, не решившись на противостояние с вечевым городом.

В 1068 г. киевское вече впервые произвело полноценный политический переворот: сместило с княжеского стола старшего сына Ярослава Мудрого Изяслава, оказавшегося неспособным организовать оборону против половцев, и возвело на него плененного Ярославичами Всеслава Брячиславича Полоцкого. Княжеский двор был разграблен, сам Изяслав бежал в Польшу. Согласно Повести временных лет, после разгрома Ярославичей половцами на Альте «Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побегшю, а Святославу Чернигову, и людье киевстии прибегоша Кыеву, и створиша вече на торговищи, и реша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И начаша людие говорити на воеводу на Коснячкя; идоша на гору, съ веча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обретше его, сташа у двора Брячиславля и реша: «Пойдем, высадим дружину свою ис погребя». И разделишася надвое: половина ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сеядящю на сенехъ с дружиною своею, начаша претися со княземъ, стояще доле. Князю же из оконця зрящю и дружине стоящи у князя, рече Туки, братъ Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; поели, ать Всеслава блюдутъ». И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погребя, отворивше погребъ. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; поели ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть й мечемъ». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу Всеславлю. Изяслав же се видевь, со Всеволодомъ побегоста з двора, людье же высекоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша

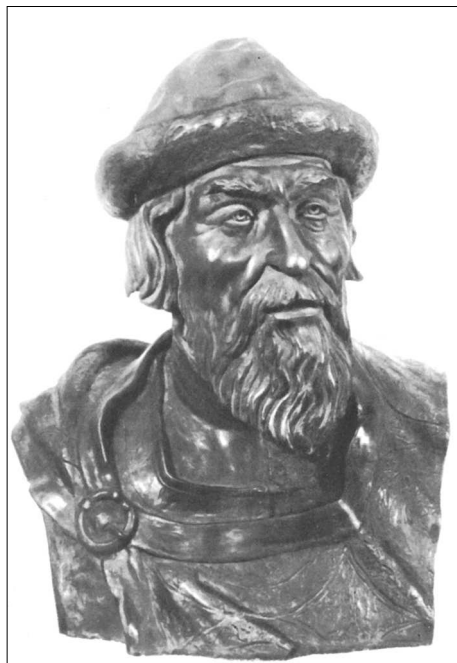
в среде двора кнѣжа. Дворъ жь кнѣжь разграбиша, бещисленное множество злата и сребра, кунами и белью. Изяслав же бежа в Ляхы» (ПСРЛ. I: 170—171).

Из этого рассказа видно, что князь уже давно вошёл в конфликт с киевлянами: какая-то их часть («дружина», вспомним, что именно так обращался Ярослав Мудрый к новгородским вечникам), видимо, настроенная оппозиционно, была заточена князем «в погреб». И в чрезвычайной ситуации этот конфликт обострился. Характерно и то, что князь отказался предоставить людям оружие, видимо, опасаясь, что при определённых условиях оно может быть ими повернуто против него. Но это только обострило ситуацию: отчуждение князя

и киевлян достигло своего апогея и вылилось в полномасштабное восстание, которое, вероятно, началось по решению веча. Уровень развития киевского общества, его способность на организацию масштабных коллективных акций отчётливо здесь видны.

Для того чтобы вернуть Киев под свой контроль, Изяслав в следующем году привёл польское войско. Всеслав бежал в родной Полоцк, и киевляне оказались в растерянности. Чтобы решить, как быть в сложившейся ситуации, они вновь созвали вече, на котором приняли решение обратиться за посредничеством к братьям Изяслава — Святославу и Всеволоду, а если тем не удастся отговорить князя от расправы над ними, то пригрозили, что сожгут свой город и уйдут в Византию: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны Ляцьскую землю, а поидета в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя; зажегше град свой, ступим в Гречьску землю» (ПСРЛ. I: 173).

Святослав ответил киевлянам, что если Изяслав с поляками пойдёт губить их, то он с братом пойдёт их защищать и они не дадут ему погубить город их отца — Ярослава Мудрого, а если Изяслав идёт с миром, то пусть придёт в Киев с малою дружиной (ПСРЛ. I: 173).

Ярослав Мудрый.

Антропологическая реконструкция

Сожжение имущества и изгнание — одна из форм наказания в Древней Руси (Чебаненко 2005: 5—14; Чебаненко 2006: 186—188). И перед лицом возможной расправы со стороны князя Изяслава и приведённых им поляков киевляне выразили намерение наказать как бы сами себя.

Изяслав сделал вид, что согласен на предложение киевлян и Всеволода, тем не менее послал в город вперёд себя сына Мстислава, который сурово расправился с зачинщиками изгнания своего отца и теми, кто освободил из тюрьмы Всеслава: они были частью казнены, частью ослеплены (ПСРЛ. I: 174).

Характерно, что летописец пишет о действиях киевлян, включая «коронацию» ими Всеслава («прославиша ѥ среде двора кнѣжа»), как о чём-то совершенно нормальном и скорее даже симпатизирует им (так, по его словам, те, кто освобождал Всеслава из поруба, наказаны были «без вины»). Не случайно М.Н. Тихомиров даже предположил, что «само повествование о киевском восстании 1068 г. возникло в среде горожан» (Тихомиров 1975: 104). Как бы то ни было, а современники не видели в произошедшем чего-либо неправомерного. Киевляне действовали в соответствии со своим правом изгнания и призвания князя, которое летописец не ставит под сомнение. Только угроза расправы заставила их признать содеянное как бы «незаконным». Так впервые в истории Киева столкнулись княжеское и вечевое право. В этот раз общине не удалось взять верх над князем, так как он опирался на силу внешних интервентов, но она проявила себя готовой к этому и достаточно политически зрелой для достижения поставленной цели, которой ещё добьётся.

Изяслав принимает меры к тому, чтобы поставить вече под свой контроль и тем обезопасить себя от повторения подобных событий. Для этого он «възгна торг на гору» (ПСРЛ. I: 174) — туда, где находился княжеский дворец. Как мы помним, именно «на торговищи» состоялось вече, принявшее решение о начале восстания против Изяслава. Очевидно, что центральный рынок был в Киеве не только местом торговли, но и важным социальным центром: местом общения людей, обмена новостями и их обсуждения, а также, по всей видимости, проведения «оперативных» вечевых собраний, в случае если эти новости вызывали соответствующую необходимость. Видимо, именно такое «оперативное» рыночное собрание и представляло собой киевское вече 1068 г., постановившее свергнуть с княжеского стола Изяслава Ярославича и возвести на него Всеслава Полоцкого.

Несмотря на принятые Изяславом меры, достаточно быстро киевляне вновь заявили о себе как о самостоятельной политической силе. В 1097 г. Святополк наряду с боярами советуется с простыми «людьми» о том, как поступить с Васильком Теревольским (ПСРЛ. I: 259—260). Затем, когда Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи двинулись в поход на Киев, чтобы отомстить Святополку за ослепление Василька, «кияне» не дали ему бежать из города и отправили посольство к его врагам, дабы заключить мир перед лицом половецкой угрозы (ПСРЛ. I: 263—264), т.е. вновь действовали как самодостаточная организованная сила, равный князьям субъект политической жизни.

* * *

Есть в летописях данные о становлении вечевого самоуправления и в других древнерусских городах в XI в. Так, в 1067 г. жители Минска отказались капитулировать перед войсками Ярославичей, сохранив верность своему князю Всеславу, и приняли, очевидно, на вече решение оборонять город до последнего, за что жестоко поплатились: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочъске, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие, — Изяславъ, Святославъ, Всеволодь, — совокупивше вой, идоша на Всеслава, зиме суши велице. И придоша ко Меньску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менескъ, исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты» (ПСРЛ. I: 166).

В аналогичной ситуации оказались в 1097 г. и жители Владимира-Волынского, который был осаждён Васильком и Володарем Ростиславичами, желавшими отомстить волынскому князю Давыду, а также Туряку, Лазарю и Василию — по всей видимости, приближённым Давыда или «должностным лицам» Владимирской земли, которые стояли за ослеплением Василька, подсказав соответствующую идею Давыду. Не имея возможности взять Владимир штурмом и понимая бессмысленность требования о выдаче Давыда, Ростиславичи обратились к владимирцам с требованием выдать трёх названных людей, на что владимирское вече согласилось ради прекращения войны. Обращает на себя внимание то, что при наличии в городе князя, Ростиславичи ведут переговоры не с ним, а напрямую с горожанами, которые выступают, таким образом, в качестве совершенно самостоятельной политической силы, диктующей свою волю князю: «Придоста к Володимерю. И затворися Давыдь в Володимери. И си оступиша град. И послаша к Володимерцем глаголя: «Не ве ли приходом на град вашъ а не на вас,

но на врагы своя: [на] Туряка и на Лазаря и на Василя. Ти бо суть намолвили Давыда и техъ е послушалъ Давыдъ и створиль се зло. Да аще хочете за сих битися, да се мы готови, а любо даите врагы наша». Гражане же се слышавъ, созваша вече. И реша Давыдови людье: «Выдаи мужи сие: не бьемъся за сихъ, а за ты битися можем. Аще ли то отворим врата граду, а сам промышляи [о] собе» (ПСРЛ. I: 267—268).

Впоследствии, когда Святополк Изяславич выбил Давыда из Владимира и посадил в городе своего сына Мстислава, уже Давыд подступил к его стенам, желая восстановить свою власть над городом. Мстислав погиб в бою, и горожане вновь собрали вече, на котором решили просить Святополка о помощи, угрожая в противном случае сдачей города (ПСРЛ. I: 271—272).

В 1078 г. черниговцы в отсутствие своего князя Олега приняли решение сражаться с подошедшими к городу войсками Изяслава и Всеволода Ярославичей (ПСРЛ. I: 201). В 1096 г. смоляне отказались принять у себя на княжение Олега Святославича (ПСРЛ. I: 231), Мономашичи заключают с рязанцами мир как с равноправными политическими партнёрами (ПСРЛ. I: 240). Как видим, процесс утверждения вечевого народовластия охватил всю Русь. И везде, во всех рассмотренных случаях, городская вечевая община действует как единое целое. Вопреки распространённому в советской и современной историографии мнению (см., напр.: Толочко 1972: 142; Свердлов 1983: 48—56; Янин 1996; Вилкул 2009: 226—282), в источниках нет и намёка на то, что участие в вечевых собраниях и коллективных социально-политических акциях — это прерогатива общественной элиты. Можно лишь полагать, что последняя осуществляла какое-то организационное управление вечевыми собраниями, если те проходили, так сказать, в «штатном режиме», но не более. Характерно и то, что для XI в. в источниках практически не нашла отражения классовая борьба и её включение в деятельность веча. Видимо, для этого периода социальное расслоение ещё не достигло значительного размера, единство городской общины, её коллективные интересы ещё преобладали над интересами составлявших её социальных страт.

Некоторые историки указывают на то, что известия о вечевых собраниях и каких-то коллективных социально-политических акциях древнерусских горожан связаны обычно с какими-то чрезвычайными ситуациями (нападение врагов, междукняжеская борьба, восстание), их как бы нет в контексте «нормальной» жизни (Свердлов 1983: 52—53; Лукин 2004: 105—106). Но подавляющее большинство развёрнутых летописных повествований как раз и связано преи-

мущественно с какими-то экстраординарными событиями, а о «повседневной жизни» вообще и о том, как осуществлялось повседневное управление в частности, в них нет практически никаких сведений. В то же время по ряду признаков становится очевидно, что вечевое самоуправление было регулярно функционирующим институтом древнерусского города:

— «чрезвычайные» действия веча описываются летописцами без всякого осуждения, как явление совершенно нормальное, что было бы немыслимо в том случае, если бы количество вечевых собраний соответствовало количеству рассказов о них в летописях;

— летописи пестрят указаниями на разнообразные коллективные действия древнерусских горожан, для которых была необходима высокая степень общественной самоорганизации (сбор средств на общественные нужды, решение принять или не принять князя, что делать в случае внешней опасности и т.д.). Совокупность подобных сведений рисует нам домонгольский русский город высокоорганизованным социальным организмом с развитыми институтами самоуправления и избираемыми им должностными лицами, могущими воплотить в жизнь принятые решения.

По-прежнему ополчение вооружённых вечников оставалось основной военной силой той или иной земли, того или иного князя. С новгородцами Ярослав Мудрый завоевал Киев, киевляне не пустили в город Мстислава Тмутараканского, за своего князя Давыда готовы были биться жители Владимира Волынского, за своего князя Всеслава до последнего сражались минчане. Русская Правда упоминает кражу оружия наряду с кражей коня и одежды, согласно её данным, рядовой общинник обладал конём и оружием (ст. 12, 13). В приписке к Уставу князя Всеволода Мстиславича говорится о том, что если у свободного человека родится сын от рабыни, то ему достаётся скудное наследство («мал живот»): «конь да доспех» (ДКУ 1976: 158), что определённо говорит о степени вооружённости рядового свободного населения Руси. При раскопках древнерусских городов археологи постоянно находят не только орудия труда, но и оружие, бывшее, по всей видимости, атрибутом отнюдь не только знати и дружинников. Понятно, что не все жители древнерусских городов имели боевых коней, в этом случае они выполняли роль пеших воинов. Так, например, Изяслав Мстиславич призывая киевлян к походу против черниговских Ольговичей сказал: «Поидете по мне Чернигову, кто имее конь, ли не имеешь кто, ино в лодье» (ПСРЛ. I: 316).

Летописи пестрят указаниями на участие в войнах с внешними врагами и в межволостных, междукняжеских конфликтах народного ополчения (см., напр.: ПСРЛ. I: 320, 341, 389, 394—395, 397, 400, 444, 497, 506; ПСРЛ. II: 294, 427, 434, 540, 557—558, 608, 625, 641—642, 645, 741—742, 767—768 и т.д.), бывшее основной военной силой домонгольской Руси.

О важной роли простого свободного населения Руси в её политической жизни свидетельствует и следующее летописное известие. В 1096 г. Святополк Изяславич и Владимир Мономах предложили мир Олегу Святославичу Черниговскому: «Святополкъ и Володимеръ посла к Олгови, глаголюща сице: «Поиде Киеву, да порядъ положимъ о Русьстей земли пред епископы и пре игумены, и пред мужи отець нашихъ, и пре людьми градскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганыхъ» (ПСРЛ. I: 229—230).

«Люди градские» названы здесь наряду с духовенством и княжескими «мужами» как свидетели и гаранты междукняжеской договорённости.

* * *

Подведем некоторые итоги. Период конца X—XI в. характеризуется следующими чертами в развитии практики коллективных социально-политических акций древнерусских горожан:

1. Подобные акции становятся регулярными и постепенно начинают охватывать достаточно широкий круг вопросов:

- борьбу за независимость от Киева;
- борьбу против власти неугодных князей;
- призывание в город угодных князей;
- вопросы ведения войны и заключения мира;
- сборы средств на нужды городской общины;
- избрание общинных чиновников;

— вопросы церковного управления и т.д. Видимо, в круг «коллекгиально» решаемых древнерусскими горожанами вопросов входили все ключевые для города и его земли дела. Важно подчеркнуть, что в источниках *ни разу* не сказано о том, что данные акции предпринимали только лишь верхи древнерусского общества. Напротив, в источниках городские вечевые общины этого времени предстают как единое целое, связанное общими интересами.

2. Вырабатываются определенные представления о «законности» подобных акций. Очевидно, их должно было санкционировать вече в соответствии с принятыми в указанный период нормами вечевой законности, которые в источниках, к сожалению, четко не описаны, но по некоторым их намекам мы можем понять, что они существовали (события в Новгороде 1016 г.). В случае если какая-то часть горожан предпринимала действия, на совершение которых была необходима санкция веча, произвольно, то они могли рассматриваться как «незаконные» и караться соответствующим образом.

Таким образом, проведённый анализ источников, содержащих сведения об общественном устройстве славян и Древней Руси с VI по конец XI в., показывает, что свой исторический путь Россия начала не со становления автократической или олигархической власти, а с последовательно развития различных форм народовластия и самоуправления, активного участия простых людей в политической жизни. Свободные общинники Киевской Руси отнюдь не были статистами на представлениях, разыгрываемых князьями и знатью, они были полноправными субъектами общественно-политической жизни, голос которых мог и перевесить голос князя.

* * *

В XI в. всю территорию Руси охватил процесс становления самоуправляющихся социально-политических структур — городских вечевых общин. В XII—XIII вв. их развитие продолжалось. Повсеместно «люди градские» Древней Руси выступают активной и самостоятельной общественно-политической силой, которая успешно борется за приоритет с княжеской властью. Именно борьба городских вечевых общин за свои права с княжеской властью и их столкновения друг с другом (в первую очередь — борьба одних городов за независимость от других) стала важнейшим фактором социально-политического развития домонгольской Руси. В то же время в условиях нарастающей социальной стратификации в рамках древнерусской городской общины в XII—XIII вв. её жизнь начинает осложняться элементами социального противостояния. В такой ситуации именно широкие массы свободного населения Древней Руси начинают борьбу за окончательное торжество принципов гражданской политической общины, близкой к античному полису, в частности за ликвидацию в древнерусском обществе «внутреннего», долгового рабства и за сохранение

Великий князь Святополк Изяславич.

Художник В.В. Верещагин

права всем свободным людям принимать участие в политической жизни, быть её деятельным субъектом.

В правление киевского князя Святополка Изяславича (1093—1113) положение простого народа существенно ухудшилось. С одной стороны, он стремился сосредоточить всю власть в своих руках, не считаясь с вечем, а с другой — покровительствовал ростовщикам, в том числе и еврейским, которые навязывали людям кабальные проценты и порабощали их за долги, будучи и сам не прочь нажиться, например, на спекуляциях солью. Растущая социальная дифференциация древнерусского общества и сопровождающий её рост разных форм зависимости одних людей от других, в первую очередь развитие системы долгового рабства, подрывали единство городской общины. При этом правительство Святополка Изяславича никак не препятствовало соответствующим процессам, возможно, именно потому, что ослабление общины обеспечивало укрепление княжеской власти.

Должники — *закуны* — были почти полностью бесправны. Они должны были или очень долго, а то и вечно платить своему кредитору¹ (преимущественно в городе) или отрабатывать долг с процентами работой в господской вотчине (преимущественно в деревне), что могло длиться долгие годы, так как ставки по кредитам были очень большими. Попытка закупа уйти от своего кредитора даже с целью заработать где-то на стороне деньги и выплатить долг или пожаловаться князю на произвол с его стороны наказывалась превращением закупа и его потомков в полноценных рабов, *холопов*, навсегда. Фактически должник-закуп мало чем отличался от раба-холопа: он не мог быть свидетелем в суде, нёс ответственность за похищенное господское имущество (даже если не была доказана его причастность к краже), мог быть практически как угодно наказан господином и т.д. Почти любой кредит приводил к закабалению свободного человека.

Киев оказался примерно в том же положении, что и Афины накануне реформ Солона или Урук накануне реформ Урукагины: рост имущественного и социального неравенства, обогащение меньшинства и обеднение большинства, рост долгового рабства и порабощение одних людей другими (в отличие от Афин, в Киеве положение было осложнено тем, что среди ростовщиков играл важную роль иноэтничный элемент — евреи, против которых, как увидим, был в значительной мере направлен гнев киевлян, что привело к осложнению социального протеста национальным фактором) грозили городской общине как социальному организму гибелью. Чтобы остановить этот процесс, требовались чрезвычайные меры, направленные на укрепление единства городской общины и сглаживание социальных противоречий внутри её, аналогичные тем, которые были осуществлены двумя помянутыми реформаторами. На Руси роль такого «социального посредника» сыграл Владимир Мономах (Курбатов, Фролов, Фроянов 1986: 334), а инициатором социальных реформ выступили широкие демократические массы свободного населения Киева, вынудившие социальную элиту пойти на серьёзные уступки в интересах всего народа.

После смерти непопулярного Святополка в Киеве произошли следующие события: «Наутрия же, в семы на 10 день, светъ створиша кияне, послаша к Во-

¹ Б.А. Рыбаков поясняет, как работала тогда на Руси выплата долгов: «Предположим, что какой-то крестьянин занял у боярина в тяжёлую годину 6 гривен серебра. По существовавшим тогда высоким нормам годового процента (50 %) он ежегодно должен был вносить боярину 3 гривны процентов (а это равнялось стоимости трёх волов). И если должник не в силах был, кроме процентов, выплатить и самый долг, то он должен был нескончаемое количество лет выплачивать эти ростовщические проценты, попадая в кабалу к своему заимодавцу» (Рыбаков 1982: 450—451).

лодимеру, глаголюще: «пойди, княже, на столь отень и дедень». Се слышавъ Володимеръ плакася велми и не поиде, жая си по брате. Кияни же разграбиша дворъ Путятинъ, тысячьского, идоша на жида и разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру, глаголюще: «Пойди, княже, Киеву; аще ли не пойдеша, то веси, яко много зла уздвигнется, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцьскихъ, но и жида грабите, и паки ти пойдуть на ятровъ твою, и на бояры, и на монастыри, и будеша ответъ имель, княже, оже ти монастыре разграбять». Се же слышавъ Володимеръ, поиде в Киевъ» (ПСРЛ. II: 275—276).

Как видим, город был охвачен мощными социальными волнениями, простой люд не собирался больше мириться со сложившейся ситуацией своего прогрессирующего бесправия. Разрешить накопившиеся противоречия и не допустить эскалации конфликта мог только князь, обладавший большим авторитетом, каковым и был Владимир Мономах. Вероятно, в первый раз инициировала его приглашение на киевский стол вся городская вечевая община, а во второй раз обратились к нему, с разрешения всего народа, преимущественно представители общественных верхов, напуганные размахом народных выступлений¹ и готовые пойти на уступки, чтобы не потерять всё. Это подтверждается «Сказанием о чудесах святых Романа и Давида», где указывалось, что по смерти Святополка «Многоу мятежу и крамоле бывъши в людьхъ и мълве не мале, и тьгда съвькупивъше ся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедъше причьтъм всехъ людии и моляхоу Володимира, да вышедъ оуставить крамолоу соуцюю въ людьхъ. И вышьдъ оутоли мятежъ и гьлкоу въ людьхъ» (УС 1971: 69).

Здесь уже прямо сказано о том, что Владимира киевляне, в особенности верхушка общества, пригласили в качестве «социального посредника» — правителя, который должен был разрешить накопившиеся социальные противоречия и прекратить противостояние «низов» и «верхов» киевского общества. Очевидно, что элита согласилась на проведение реформ под нажимом простого народа и вынуждена была просить на княжение того правителя, которого любил и которому доверял весь народ. Таким образом, фактически Мономах был приглашён на княжение всей общиной, и под давлением основной части общества элита согласилась дать ему право на проведение реформ в общенародных интересах. Причём достался Мономаху киевский престол в обход представлений Рюри-

¹ Очевидно, что охватывали они и сам Киев, и прилегающую к нему сельскую местность: Тихомиров 1975: 138.

ковичей о династическом старшинстве, с которым не посчиталась городская община как политический суверен.

Что же сделал Владимир Мономах для укрепления социально-политического единства киевского социума? В первую очередь он поставил жёсткие границы порабощению свободных людей своими согражданами. Были введены жёсткие ограничения процента по долговым выплатам, превышать который ростовщик не имел права¹. Отныне выплата по кредиту стала делом вполне реальным и больше не обрекала человека на длительную унижительную зависимость. Было существенно облегчено положение сельских закупов, отработавших долг на господском поле: они получили право уходить от своего заимодавца на более выгодный заработок, который позволял им быстрее расплатиться с долгом и жаловаться князю на произвол с его стороны. Больше это не считалось бегством. Защищены были и иные права закупов, а также их человеческое достоинство как свободных людей: «обида», нанесённая закупу, жестокое обращение с ним теперь карались штрафом. Закуп был освобождён и от ответственности за похищенное кем-то господское имущество, если только не было доказано, что именно он его украл, а также получил право свидетельствовать в суде по некоторым делам. Попытка кредитора превратить закупа в раба-холопа и продать его наказывалась большим штрафом (12 гривен). При этом если было доказано, что заимодавец нарушил какие-либо права закупа, то это автоматически означало полное списание долга. Всё это стало огромным завоеванием народа (Рыбаков 1982: 451).

Отныне закабалению одних русских людей другими были положены некоторые пределы. Личная свобода и достоинство человека были надёжно защищены. Это привело к существенному снижению остроты социальных проблем в Киеве, к укреплению социально-политического единства общины, остановило её деструкцию. Киевская городская община укрепила свой гражданский статус: рабство одних киевлян у других хотя и не было ликвидировано полностью, но стало отныне гораздо более редким явлением². Именно «равенство в свобо-

¹ «По новому уставу срок взимания процентов ограничивался тремя годами — за три года должник выплачивал 9 гривен процентов, что в полтора раза превышало сумму первоначального долга. Мономах разрешил на этом и прекращать выплаты, так как в эти 9 гривен входил и долг («исто») — 6 гривен — и 3 гривны «роста». Долг погашался» (Рыбаков 1982: 451).

² Владимир Мономах чётко прописал источники «внутреннего» рабства: самопродажа в холопство, женитьба на холопке без заключения специального договора (ряда), оговаривавшего свободу жениха, поступление на службу в тиуны без заключения ряда. Все иные возможности похолопления свободных людей были пресечены.

де» — важнейшая черта, отличающая суверенную городскую гражданскую общину античного мира. И городская община Руси вплотную приблизилась к ней по этому показателю. Вообще интересно, что по таким признакам, как «равенство в свободе» и участие всех свободных людей (за исключением женщин и молодёжи) в политической жизни, античная полисная община приближается к гражданским политическим нациям Нового времени, представляя собой фактически «протонацию». И такие «протонации» существовали и у нас на Руси, а формирование их стало итогом деятельных усилий широких демократических масс свободного населения Киева, их борьбы за свои социальные, экономические и политические права.

Важно подчеркнуть, что принятые Владимиром Мономахом (1113—1125) законы хотя и были следствием давления со стороны прежде всего киевского «демоса», но распространялись на всю Русь, которую Мономах объединил под своей властью.

* * *

После событий 1113 г. киевская вечевая община прочно берёт в свои руки судьбы княжеского стола¹. В 1125 г., после смерти Владимира Мономаха, киевским князем стал его сын Мстислав (1125—1132). Каким конкретно образом произошло его вокняжение, сообщает Новгородская I летопись, по словам которой «преставися Володимиръ великийи Кыеве, сынъ Всеволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столе отци» (ПСРЛ. III: 21, 205).

То есть Мстислав не просто так занял киевский стол, а его на него «посадиша» киевляне, очевидно, по решению веча. Даже такие сильные и могущественные князья-воители, как Владимир Мономах и Мстислав, вынуждены были считаться с волей *киян*, бывших не только вечниками, но и воинами, без которых невозможно было проведение никакой серьёзной военной кампании (Фроянов 2001: 658—686).

Рельефно жизнь киевской вечевой общины и её взаимоотношения с княжеской властью предстают перед нами в летописных известиях 1146—1147 гг., которые, по справедливым словам М.Н. Покровского, «являются одним из самых ценных образчиков вечевой практики, какие мы только имеем» (Покров-

¹ Первую такую попытку, окончившуюся из-за польской интервенции неудачей, она предприняла ещё в 1068 г.: Фроянов 2001: 853—872.

ский 1966: 147). То же самое утверждал и М.Н. Тихомиров, подчёркивая, что «свидетельства о киевском вече 1147 г. представляют собой нечто совершенно исключительное в наших летописях» (Тихомиров 1956: 224). Это побуждает нас подробно рассмотреть данный сюжет.

В 1146 г., возвращаясь в Киев из военного похода, князь Всеволод Ольгович заболел и остановился под Вышгородом. Чувствуя, что умирает, князь «призва к себе кияне (очевидно, посланцев киевского веча. — М.Ж.) и нача молвити: «Азь есми велми боленъ, а се вы брать мои, Игорь, мнитесь по нь». Они же рекоша: «Княже! Ради, ся имемъ». И пояша Игоря в Киевъ: иде с ними под Угорьское и сзва кияне вси. Они же вси целоваша к нему крестъ рекуче: «Ты намъ князь» и яша ся по нь лъстью. Заутрии же день еха Игорь Вышегороду, и целоваша к нему крестъ вышегородьце. В утрии же день преставися Всеволод, месяца августа в 1 день, и спрятавшя тело его, и положиша у церкви святого мученику» (ПСРЛ. II: 320—321).

То есть киевляне и вышгородцы признали наследником престола Игоря Ольговича, но очень скоро выяснится, что они лукавили и вели свою игру, что отметил летописец, указав на их «лесть». После смерти Всеволода состоялось окончательное утверждение Игоря на киевском столе «по всей воле» киевлян: «Игорь же еха Киеву и созва кияне вси на гору, на Ярославль дворъ, и целоваша к нему крестъ. И паки скопишася вси кияне у Туровы божьнице и послаша по Игоря рекуче: «Княже! поеди к намъ». Игорь же, поемъ брата своего, Святослава, и еха к ним, и ста с дружиною своею, а брата своего Святослава, посла к нимъ у вече. И почаша кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другого тивуна на вышегородьскаго, на Тудора, рекуче: «Ратшаны пагуби Киев, а Тудор — Вышегород; а ныне, княже Святославе, целуй намъ крестъ и с братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». Святослав же рече им: «Аз целую крестъ с братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья ни котораго же, а се вамъ и тиунъ, а по вашей воли». Святославъ же, сседъ с коня, и на том целова крестъ к нимъ у вечи. Кияне же вси, сседше с конь, начаша молвити: «Брать твой князь и ты», и на том целоваша вси кияне крестъ и с детьми, оже под Игорем не лъстити и подъ Святославомъ. И Святославъ пойма лутшей муже, кияне, и еха с ними къ брату своему, Игореву, и рече: «Брате! На томъ азь целоваль к нимъ крестъ, оже ти я имети в правду и любити». Игорь же, сседъ с коня, и целова къ нимъ крестъ на всеи их воли и на братьни, еха на обедъ» (ПСРЛ. I: 321—322).

Игорь и его брат вынуждены были выполнить все условия киевлян, в первую очередь согласиться самим лично, а не через тиунов осуществлять суд. Крестоцелование было делом взаимным: и князь, и народ принимали на себя определённые обязательства, оно отнюдь не имело характера односторонней присяги подданных самовластному государю. Более того, летописец специально подчёркивает приоритет *киян* над князем, который правит не по своему разумению, а по «всей их воле», т.е. не может принять никакого важного решения без санкции веча. Интересно и то, что в этих летописных известиях мы снова, как и в описаниях вечевых акций XI в., не видим социального антагонизма внутри городской общины, выступающей как единое целое со своими едиными интересами. «Лучшие мужи» представляют собой лишь часть людей, собравшихся на вече, и действуют они в единстве со всей вечевой общиной, а не самостоятельно по отношению к ней и уж тем более — не против неё.

Удержаться на престоле, однако, Игорь не смог. Киевляне не любили династию черниговских Ольговичей¹, предпочитая ей Мономашичей — потомков своих любимцев Владимира Мономаха и Мстислава и воспользовались случаем, чтобы передать им власть. Недовольство киевлян правлением Всеволода ясно звучит в их требованиях к Игорю, которые созвучны требованиям 1113 г. — в первую запретить княжеским тиунам «продавать» людей. Видимо, социальный антагонизм к тому времени вновь начал набирать обороты и проблема закабаления свободных людей в разные формы зависимости за долги или какие-то провинности вновь стала актуальной. И опять киевская община выразила решительный протест против этих негативных социальных тенденций, заставив князя покончить с несправедливыми порядками. При этом сейчас община уже не нуждалась в услугах князя-посредника, будучи способна самостоятельно осуществить мероприятия, направленные на поддержание социального мира внутри себя, что свидетельствует о её укреплении. Представители администрации Всеволода, виновные в злоупотреблениях, по решению веча были сурово наказаны — их дворы подверглись разграблению (ПСРЛ. II: 322), бывшему в те времена традиционной формой наказания (*поток и разграбление*), которое вече могло определить человеку, виновному перед городской общиной. Как увидим ниже, вече могло подвергнуть такому наказанию даже князя.

Поначалу Изяслав Мстиславич, будучи союзником Всеволода Ольговича, подтвердил свой отказ от киевского стола в пользу Игоря, но затем, после

¹ Не случайны их весьма жёсткие условия, выставленные Игорю.

его смерти, Изяслав уклонился от ответа и задержал Игореву посла (ПСРЛ. II: 322), очевидно, уже войдя в контакт с киевлянами. Вскоре обнаружилось, что «не угодень бысть киянамъ Игорьъ», после чего они «послашася к Переяславлю к Изяславу, рекуче: «Пойди, княже, къ намъ, хоцемъ тебе». Изяславъ же, се слышавъ, совкупи воя своя, поиде на нь изъ Переяславля... И поиде Изяславъ к Дерновому, и ту... прислашася к нему белогородчичи и василевци такоже рекуче: «Поиди, ты нашъ князь, поеди, Ольговичъ не хоцемъ». Томъ месте приехаша от киянь мужи, нарекуче: «Ты нашъ князь, поеди; а у Ольговичъ не хоцемъ быти акы в задничичи; кде узримъ стягъ твои, ту и мы с тобою готови есмь» (ПСРЛ. I: 322—323).

Невозможно точно сказать, изначально ли киевляне обманывали Игоря, целуя ему крест, или потом изменили своё решение, сговорившись с Изяславом, но ясно, кто был хозяином Киева — народ. Он мог легко сместить со стола одного князя и возвести на него другого по «всей своей воле», даже без всяких видимых (для нас, во всяком случае) причин, просто захотев передать власть более симпатичному для него князю. Это ярчайшее свидетельство подчинённого положения княжеской власти по отношению к власти народной, вечевой.

Возможно, князь начал нарушать свои обязательства перед киевлянами (об этом прямо говорит Московский свод 1479 г.: ПСРЛ. XXV: 37), а возможно, в качестве князя Игорь ещё и не успел их «рассердить», просто воспринимался ими как преемник ненавистного Всеволода, при котором начали вновь набирать силу негативные социальные явления, развитие которых было остановлено Мономахом. В любом случае нет ничего удивительного, что киевляне решили передать власть внуку князя, укрепившего киевскую общину, лишив её наследника того, при ком община начала вновь терять своё социальное единство. И у летописца такая ситуация не вызывает ни малейших вопросов в плане правомочности действий киевлян, единственное, что он осуждает, — это их «льстивое» крестоцелование. В остальном они были полностью в своём праве.

Дружина Игоря была разбита, сам он был пойман людьми Изяслава и заточён в тюрьму (поруб) в Переяславле¹, после чего Изяслав (1146—1154) «с великою славою и честью», при стечении ликующего народа въехал в Киев (ПСРЛ. II: 327). Всё «имение» Игоря и его брата Святослава, а также их приближён-

¹ Затем его постригли в монахи в монастыре Святого Федора, а в 1147 г. он по решению веча был убит киевлянами, опасавшимися интриг с его стороны с целью возвращения стола (ПСРЛ. I: 316—317; ПСРЛ. II: 349).

ных было пущено на поток и разграбление и нещадно разграблено киевлянами и людьми Изяслава (ПСРЛ. I: 328).

Изяслав по всем важным вопросам советовался с киевлянами. Так, в 1147 г., собравшись в поход на Юрия Долгорукого, он «созва бояры своя и дружину всю и кияне, и рече им: «Се есмь съ братиею своею сгадаль, съ Володимеромъ и съ Изяславомъ Давидовичами и съ Всеволодичемъ Святославомъ, хочемъ поити на Юрия, на стрья своего, и на Святослава к Суздалью, зане же прияль ворога моего, Святослава Ольговича. А брат Ростиславъ тамо ся с нами соиметь, ать идетъ ко мне съ смолняны и съ новгородци». Кияне же слышавше рекоша: «Княже! Не ходи с Ростиславомъ на стрья своего, лепле ся с нимъ улади; Ольговичемъ веры не ими, ни съ ними ходи въ путь». Изяславъ же рече имъ: «Целовали ко мне хрестъ, а думу еси съ ними думаль, а всяко сего пути нехочю отложити; а вы доспевайте». Кияне же рекоша: «Княже! Ты ся на насъ не гневаи, не можемъ на Володимире племя руки взнати; оля же Ольгович хотя и с детми». Изяславъ же рече имъ: «А тотъ добръ, кто по мне поидеть». И то рекъ, свкупи множество вои и поиде» (ПСРЛ. I: 344).

Как видим, именно народное войско было основной военной силой Киевской земли, причём оно отнюдь не находилось в полном подчинении князя, а действовало в соответствии со своими общинными интересами и имело собственную военную организацию. И даже такой популярный среди киевлян князь, как Изяслав, не сумел убедить всех киевских вечников-воинов организованно поддержать свою военную акцию (ведь не княжеские же дружинники отказались идти с ним в поход), хотя и на вербовал среди них немало добровольцев, готовых отправиться с ним в поход, но, так сказать, в индивидуальном порядке.

Кияне в своих предостережениях оказались совершенно правы: союзники предали Изяслава, и его положение стало тяжёлым. Тогда он послал гонцов в Киев, призывая киевские войска на помощь: «Изяславъ же, передь собою посла къ брату Киеву, къ Владимиру, и къ Лазареви тысяцкому два мужа, Добрынку и Радила, рекъ: «Брате! еди къ митрополиту, и сзови кыяны вся, ать молвита си мужа лестъ черниговскихъ князии». И еха Володимеръ к митрополиту, поваоя кыяны. И придоша кыяи много множество народа, и седоша у святое Софыи. И рече Володимеръ къ митрополиту: «Се прислаль братъ мои два мужа кыянины, ато молвятъ братье своей». И выступи Добрынка и Радила и рекоста: «Целоваль ты братъ, а митрополиту ся поклоняль и Лазаря целоваль и кыяны все». Рекоша кыяне: «Молвита, с чимъ васъ князь прислаль». Онъ же рекоста:

«Тако молвить князь. Целовала ко мне крестъ Давыдовича и Святославъ Всеволодичь, ему же аз много добра створихъ, а ноне хотели мя убити лестью, но Богъ заступилъ меня и крестъ честныи, его же суть ко мне целовали. А ныне, братья, поидета по мне къ Чернигову, кто имеетъ конь, ли не имеетъ кто, ино в лодье, ти бо суть не мене единого хотели убити, но и васъ искоренити» (ПСРЛ. I: 316).

Рассказ Ипатьевской летописи несколько отличается (ПСРЛ. II: 347—349), в частности, там сказано, что *кияне* собрались на вече «от мало и до велика». Именно это сообщение от Изяслава побудило киевлян немедленно расправиться с Игорем, несмотря даже на то, что брат Изяслава, Владимир, пытался помешать расправе, — столь велика была ненависть киевлян к этому князю и к династии черниговских Ольговичей в целом.

Данные летописные известия имеют важнейшее значение, так как, во-первых, детально описывают порядок проведения веча, который, по крайней мере, если оно собиралось не в чрезвычайных условиях, был вполне определённым. Во-вторых, они наглядно показывают, что, вопреки мнению многих исследователей, вече было не собиравшимся от случая к случаю по разным поводам собранием горожан, которые только в чрезвычайной ситуации могли стать политической силой, не периодическим фактором социально-политической истории¹, а именно политическим институтом. Институтом вполне оформленным, с определённой организацией, порядком проведения и структурой, а равно и с вполне определёнными полномочиями, в которые входило фактически решение любых актуальных проблем. Институтом, имевшим своё определённое место дислокации — двор Святой Софии (Тихомиров 1956: 224), где, очевидно, и проходили все обычные «не чрезвычайные» вечевые собрания («чрезвычайные» веча могли собираться в любом подходящем месте в зависимости от обстоятельств). Сравнение рассказов об этом вече в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях позволило М.Н. Тихомирову сделать заключение о «существовании протокольных записей вечевых решений» (Тихомиров 1956: 224), имевших, вероятно, важное юридическое значение.

В летописных рассказах о киевском вече 1147 г. перед нами предстаёт отнюдь не хаотическое сборище случайных лиц, а вполне организованный народ, обладавший достаточно высокой политической культурой. Не толпа, слушаю-

¹ В новейшей историографии мнение о том, что вече постоянно действующим политическим институтом не было, последовательно отстаивают с разных позиций Ю. Гранберг, П.В. Лукин и Т.Л. Вилкул (Гранберг 2006: 3—163; Лукин 2004: 70—130; 2008: 33—147; Вилкул 2009).

щая крикунов, а организованное собрание с определённым порядком выступающих и процедурой принятия решений. Люди приходят заранее, возможно, даже рассаживаются на специальные скамьи и ждут начала официального вечевого собрания, которым руководят князь, тысяцкий и митрополит. Послы в соответствии с установленными правилами дипломатического этикета приветствуют сначала князя (в период отсутствия Изяслава князем в Киеве был его младший брат Владимир), потом митрополита и тысяцкого, а затем и всех киевлян. Эти обстоятельства позволяют присоединиться к мнению И.Я. Фроянова о «наличии в Киеве XII в. более или менее сложившихся приёмов ведения веча» (Фроянов 2001: 880), что ясно говорит о нём как о законном институте власти.

Подводя итог рассмотрению данных о вечевых собраниях в Киеве 1146—1147 гг., можно заключить, что они наглядно продемонстрировали и закрепили политическую суверенность городской вечевой общины Киева, окончательно превратившуюся в самостоятельного политического игрока, закрепившего свой приоритет над князем, правившим отныне «по всей воле» киевлян и никак иначе. Основой независимости киевской общины была её мощная военная организация, независимая по отношению к князю (в летописях имеются примеры независимых по отношению к князю действий войск той или иной земли: ПСРЛ. III: 23, 24, 25, 27) и придававшая общине военные мускулы, гораздо более мощные в сравнении с небольшой княжеской дружиной. Стержнем её была сотенная система, охватывавшая как город, так и сельскую местность, состоявшая из военных единиц — *сотен*, возглавляемых сотскими, которые в совокупности составляли *тысячу* во главе с тысяцким (Фроянов 2001: 678—683). Эта система позволяла в случае необходимости провести быструю организованную мобилизацию всей «силы киевской» (ПСРЛ. II: 162). Вооружённый народ, решающий все ключевые вопросы своей жизни на народном собрании, — вот как предстают перед нами киевляне середины XII в. Учитывая то, что в результате борьбы широких демократических масс городского и сельского населения, долговое рабство было сведено к минимуму, перед нами социально-политический организм, близкий к полисным общинам античного мира. Основное различие состояло в том, что если в Античности основой экономики был труд рабов-иноземцев, то на Руси основой экономики был труд свободных городских и сельских общинников.

В античном мире к консолидации полисной общины привела необходимость держать в повиновении массы иноземных рабов, с которыми крупнейшие рабовладельцы не смогли бы справиться, если бы не вооружённый народ в лице их

сограждан, каждый из которых при этом тоже владел каким-то числом рабов. На Руси этот фактор тоже имел значение, но не первостепенное, так как рабовиноплеменников было на порядок меньше, чем в античных обществах. Что же консолидировало городские общины Руси?

Во-первых, борьба с внешними врагами, требовавшая мощных военных сил в лице народного войска. Во-вторых, постоянная борьба разных городов друг с другом: «старейшие» города боролись за сохранение власти над пригородами, а пригороды — за независимость. В-третьих, борьба городской общины с княжеской властью, в коей общине было не выстоять, не располагая она серьёзной военной силой и организационно-политическим единством. В-четвёртых, в условиях неразвитости вертикальных управленческих структур, только консолидированная община могла обеспечить реальное проведение в жизнь любых решений и просто банальный общественный порядок. Решение общины было обязательным для всех её членов и неукоснительно воплощалось в жизнь, так как, по справедливому мнению А.В. Майорова, на Руси «общегородские и общеземские интересы всегда стоят выше интересов отдельных группировок, какими бы они ни были» (Майоров 2001: 263). Это, однако, не исключает возможности расколов и столкновений между разными частями общины в зависимости от их позиции по тем или иным вопросам, но если уж некое решение было принято законным вечевым собранием, то оно исполнялось всеми вечниками. Наконец, как и в античной Греции, на Руси важнейшим фактором, не допустившим деструкции городской общины, её разделения на антагонистические социальные группы, была демократическая борьба широких слоёв народа за свои права и свободы, против эгоистических устремлений князя и социальной элиты.

В дальнейшем киевская община ещё не раз покажет свою силу и власть. В 1150 г. в ходе борьбы за Киев между Изяславом Мстиславичем, Юрием Долгоруким и Вячеславом именно позиция киевлян оказалась решающим фактором, обеспечившим победу Изяслава (ПСРЛ. II: 396—398), традиционно поддерживаемого киевской общиной.

Важной демонстрацией единства князя и народа, городской вечевой общины были устраиваемые для всего люда князем пиры, которые неоднократно упоминаются на страницах летописи (см., напр.: ПСРЛ. II: 416, 418—419, 634, 682). Пиры эти имели важную социальную функцию, так как, с одной стороны, показывали щедрость князя, его любовь и уважение к народу, а с другой — были важным местом прямого общения князя с *людьми градскими*.

После смерти Изяслава киевляне посадили на столе его брата Ростислава: «И посадиша в Киеве Ростислава кияне, рекуче ему: «яко же и братъ твои Изяславъ честил Вячеслава, такоже и ты чести. А до твоего живота Киевъ твои» (ПСРЛ. I: 471).

Здесь киевляне открыто заявляют о своём полном праве избирать себе князей. Правящий князь самостоятельно не мог назначить себе наследника, он мог только предложить киевлянам некую кандидатуру, а соглашаться с ней или нет — это было их дело.

В 1169 г., после смерти Ростислава, киевляне призвали на княжеский стол Мстислава Изяславича, который по прибытии в Киев «възма ряд с братьею, и с дружиною, и с кияны» (ПСРЛ. I: 534). Вторично вокняжившись в Киеве в 1172 г., он снова заключает *ряд* — договор с киевской вечевой общиной (ПСРЛ. I: 548). Не заключить с *людьми градскими* договор в представлениях людей того времени для князя было совершенно невысказано. Так, например, когда по смерти своего дяди и соправителя Вячеслава, Ростислав, не заключив *ряд* с киевлянами, собрался в поход на Чернигов, советники сказали ему: «Богъ пояль строя (дядю — М.Ж.) твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людми Киеве не утвердиль, а поеди лепле в Киевъ, же с людми утвердися» (ПСРЛ. I: 474). Таким образом, постепенно княжеская власть эволюционирует отнюдь не в сторону становления монархии, а скорее в сторону превращения князя в выборного чиновника, подотчётного городской общине.

Князь проигрывает городской вечевой общине борьбу за верховную власть. Отдельные князья могли подминать общину под себя, но это только озлобляло *людей градских* и в конечном счете приводило к социальному взрыву, в результате которого княжеская власть только ещё больше ослабевала. Непростая система междукняжеских отношений осложнялась постоянным вмешательством городских общин в вопросы наследования столов, а то и просто изгонявших неугодных князей и приглашавших новых по своему усмотрению. На Руси существовала не только и даже не столько иерархия князей, сколько иерархия городских вечевых общин, городов-государств, состоявших из главного города, пригородов и сельской округи. Правда, практика вечевых изгнаний/призваний князей имела и оборотную сторону: нередко тот или иной князь утверждался в каком-либо городе насильно, опираясь или на другой город, или на внешнюю силу (венгров, поляков, половцев) и насильно же удерживал власть, но, как правило, такая навязанная *людям градским* власть была очень непрочной.

Один из киевских князей второй половины XII в., Изяслав Давыдович, так описывал природу своей власти: «Посадили мя кыяне» (ПСРЛ. I: 478). По договору с киевлянами занимают киевский стол князь в 1160, 1169, 1172 гг. (ПСРЛ. I: 504, 532, 548) они оказывают влияние на ход междукняжеской борьбы 1208 г., впустив в Киев князя Романа с его галицко-волынским войском (ПСРЛ. I: 417), однако в конце XII — начале XIII в. мощь Киева стала ослабевать. Усилились его соседи (Черниговская, Галицко-Волынская, Ростово-Суздальская и т.д. земли), в соперничестве которых стала всё более определённо решаться судьба киевского стола, что просто не оставляло места для политической активности местной вечевой общины, сила которой была подорвана рядом военных неудач. Чем дальше, тем больше киевский стол превращался в разменную монету в соперничестве разных земель Руси и их князей (Фроянов, Дворниченко 1988: 77–83). Окончательно подорвало Киевскую землю и её политическую субъектность монгольское разорение 1240 г.

* * *

Одновременно с Киевом полным ходом шёл процесс становления города-государства в Новгороде. Здесь он на первом этапе был отмечен борьбой за независимость от Киева. Поскольку новгородцы вынуждены были принимать на княжение сыновей киевского князя, что лишало их систематической возможности самостоятельного выбора князей¹, они уже в конце XI в. нашли своеобразную лазейку, создав институт вечевого посадничества (Янин 2003: 78—88; Журавель 2003: 290—301). Посадник избирался новгородским вечем и выступал в качестве главы новгородской общины, независимого по отношению к княжеской власти². Но этого новгородцам было мало, и уже в начале XII в. они начинают активную борьбу за выход из-под контроля Киева и право «по всей своей воле» распоряжаться княжеским столом.

В 1102 г. новгородцы отказались принять сына Святополка Изяславича и призвали на княжение сына Владимира Мономаха Мстислава: «Прииде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с новгородци, бе бо Святополкъ с Володимером рядъ имеле,

¹ Тем не менее уже во второй половине XI в. они при каждом удобном случае изгоняли негодных князей и призывали угодных.

² Киев почувствовал опасность независимого новгородского посадничества и впоследствии периодически пытался навязать новгородцам своих посадников (ПСРЛ. III: 21, 205, 22, 206). Эти попытки не имели успеха, общим правилом стало вечевое избрание посадника.

яко Новугороду бы ти Святополчю и посадити сынъ свои в ньмъ, а Володимеру посадити сынъ свои в Володимери. И приде Мстиславъ Киеву, и седоша в-ызде, и реша мужи Володимери: «Се прислалъ Володимеръ сына своего, да се седять новгородци, да поимше сына твоего, и идутъ Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю». И реша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тебе, и ркли ны тако: не хотимъ Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главе имеетъ сынъ твои, то пошли и. Сего ны даль Всеволодъ, а въскормили есмы собе князь, а ты еси шель от насъ». И Святополкъ же многу прю и мевъ с ними, онем же не хотевшим, поимше Мстислава, придоша Новугороду» (ПСРЛ. I: 275—276).

Вопреки заключённому князьями Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем договору, новгородцы не пожелали быть пассивным объектом в их дипломатических играх и сказали своё веское слово, отказавшись принять сына Святополка и оставив на новгородском столе Мстислава Владимировича, «воскормленного» ими и выражавшего, соответственно, их интересы. Обращает на себя внимание то, что новгородцы действуют здесь как единое целое, видимо, желание сбросить власть Киева объединяло их и было выше противоречий между разными частями новгородского общества. Новгородцы помянули Святополку, что некогда он, прокняжив 10 лет в Новгороде, бросил его, чтобы перебраться в Туров. Очевидно, что новгородцев не устраивало такое положение, при котором князья рассматривали их город лишь как трамплин для занятия какого-то более престижного стола, и стремились заполучить себе постоянного князя, который не мечтал бы никуда перебраться и отстаивал бы интересы Новгорода, прежде всего в деле достижения его независимости. Однако и Мстислав, прокняживший в Новгороде около 30 лет, в 1117 г. был переведён Владимиром Мономахом на юг, в Киевскую землю, получив от отца Белгород. Вероятно, это не вызвало одобрения у новгородцев. Надежды, которые они с ним связывали, не оправдались: став впоследствии киевским князем, Мстислав, как и его отец Владимир Мономах, жёстко отстаивал единство Руси, означавшее подчинение всех её земель, в том числе и Новгородской, Киеву.

В 1125 г. умер Владимир Мономах, Мстислав стал киевским князем, а новгородцы «посадиша на столе» его сына Всеволода (ПСРЛ. III: 21, 205). Учитывая то, что в 1117 г., уезжая на юг, Мстислав сам посадил в Новгороде Всеволода (ПСРЛ. III: 20, 204), а о лишении его между этими датами новгородского княжения ничего не известно, данное событие означало изменение правовых основ княжеской власти в Новгороде и важный шаг в деле создания в этом городе

*Долобский съезд князей — свидание князя Владимира Мономаха с князем Святополком.
Художник А.Д. Кившенко*

самостоятельного княжеского стола, которым распоряжалась бы местная община. Видимо, смерть Мономаха дала новгородцам удобный повод добиться повышения статуса в своих отношениях с Киевом.

Всеволод был последним князем, выполнявшим функции киевского наместника в Новгороде и последним самостоятельным по отношению к вечевой общине новгородским князем. После смерти Мстислава в 1132 г. занявший киевский стол дядя Всеволода Ярополк решил перевести племянника на юг в Переславль, где он не удержался в ходе княжеской усобицы и вынужден был вернуться в Новгород. Появление в городе князя, предавшего новгородцев, вызвало возмущение с их стороны. Новгородцы изгнали было Всеволода, но, поразмыслив, всё-таки вернули его (ПСРЛ. III: 22—23, 207). Вскоре Ярополк направил в Новгород своих эмиссаров для того, чтобы получить от новгородцев «печерскую дань», собираемую ими с финно-угорского населения северо-востока, что вызвало недовольство с их стороны и обострило неприязнь к Киеву (Фроянов 1992: 192). Желая посадить в Суздале своего брата Изяслава, Всево-

лод организовал два похода на этот город, окончившихся неудачей, да к тому же проявил трусость в бою, что усилило недовольство новгородцев своим князем (Фроянов 1992: 192—193).

Итогом стал произведённый новгородцами политический переворот 1136 г., в ходе которого они изгнали Всеволода из города: «Новгородци призваша пльсковиче и ладожаны, и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода, и въсадиша въ епископлъ дворъ, съ женою и съ детьми, и съ тыщею, месяца мая в 28, и стражѣ стрежаху день и ночь с оружием, 30 мужь на день. И седе 2 месяца, и пустиша изъ города июля в 15, а Володимира сына его прияша, а се вины его творяху: 1. не блюдетъ смердъ; 2. чему хотел еси сести Переяславли; 3. ехаль еси с пълку переди всехъ, а на то много на початыи, велевъ ны, рече, к Всеволоду приступити, а паку отступити велить. Не пустиша его, донеле же ин князь приде» (ПСРЛ. III: 24, 209) 1.

Таким образом, новгородцы были недовольны тем, что князь предал их и ушёл княжить в Переяславль, что первым бежал с поля боя, что был непоследователен в отношениях с южными князьями и что не заботился об упрочении власти Новгорода над данниками-смердами и расширении податных территорий. Отмечен в летописи широкий состав осудившего Всеволода веча: в нём принимали участие не только новгородцы без различия их социального положения, но и делегаты от Пскова и Ладоги. Приглашение делегатов из пригородов — важный атрибут вечевых собраний, принимавших решения по ключевым вопросам.

События 1136 г. стали важнейшим этапом на пути утверждения политической суверенности новгородской общины. Если до этого изгнания и приглашения новгородцами князей носили нерегулярный характер, перемежёвываясь с подчинением воле киевских князей, то теперь они становятся прочной системой. При этом, в отличие от большинства других древнерусских земель, в Новгороде не было собственной династии²: если в других городах обычно правили представители определённых династий и в большинстве случаев, даже изгоняя одного князя и призывая другого, горожане всё-таки делали выбор в рамках данной династии, то новгородцы могли призвать на княжение любого князя, хотя бывало и такое, что, опираясь на военную мощь других городов-государств, какие-то князья подчиняли Новгород своей воле.

¹ Никоновская летопись указывает и другие провинности князя, в частности на то, что он, вместо того чтобы заниматься делами управления, проводил время на охоте и в забавах, но достоверность этих сообщений под вопросом (ПСРЛ. IX: 159).

² В ходе бурных усобиц второй половины XII — начала XIII в. её не стало также и в Киеве.

Не имея возможности осветить в этой статье детально бурную политическую историю Новгорода второй половины XII — первой половины XIII в. (о ней см.: Фроянов 1992: 208—280; Янин 2003: 136—212; 2008: 57—144; Петров 2003: 129—209), отмечу лишь, что, как констатируют авторы известного учебника по истории России, «князья недолго задерживались на новгородском столе. За 200 с небольшим лет, с 1095 по 1304 г., на новгородском престоле побывало около 40 человек из трёх княжеских ветвей Рюриковичей — суздальской, смоленской и черниговской (а также волынской. — *М.Ж.*). Некоторые князья занимали престол не по одному разу, и всего смена княжеской власти произошла за это время 58 раз» (Павленко и др. 2000: 75). Столь же частой нередко была и смена посадников. Падение зависимости от Киева открыло дорогу внутренней борьбе в рамках новгородской общины, бывшей сложной федерацией кончанских общин, которая стала одним из основных факторов социально-политической истории этого города (Янин 2003; Петров 2003).

* * *

Из повествования о Киеве уже было вполне ясно, что, вопреки существующему в современной историографии и общественном сознании стереотипу, отнюдь не только в Новгороде шёл в домонгольский период процесс становления города-государства, суверенной вечевой общины. Он охватывал всю Русь, все её земли без какого-либо исключения (Фроянов 1992; 1995; 2001: 624—657, 687—712; Фроянов, Дворниченко 1988; Дворниченко 1993; 2013; Майоров 2001; Петров 2003; Кривошеев 2003; Кривошеев 2015; Пузанов 2017; Долгов 2017: 143—265), хотя, естественно, их социально-политическое развитие не было однородным, везде имелись свои более или менее выраженные особенности. Как справедливо отметил А.В. Журавель, «волостной строй древней Руси XII—XIII вв. стадильно соответствовал раннему, а не классическому античному полису. То есть сопоставлять его надо не с афинским полисом времён Перикла, а с архаической Грецией VII—VI вв. до н.э., для которой характерно огромное разнообразие политических форм — от монархии до демократии» (Журавель 2010: 181—182); «в древнерусских волостях так же, как в архаической Греции, проявляли себя различные политические тенденции — монархические, олигархические и демократические» (Журавель 2010: 183).

М.Н. Покровский в своё время верно констатировал, что «давно уже прошли те времена, когда вечевой строй считался специфической особенностью некоторых городских общин, которые так и были прозваны «вечевыми», — Новгород, Пскова и Вятки¹. Вечевые общины стали представлять собой исключение из общего правила лишь тогда, когда само это правило уже вымирало: это были последние представительницы того уклада, который до XIII в. был общерусским» (Покровский 1966: 146—147)². В силу ряда причин непосредственно продолжить традиции домонгольского социально-политического развития смогли лишь Новгород и Псков (Петров 2003: 210—294). Северо-Восточная Русь в условиях монгольского ига пережила глубокую социально-политическую трансформацию (Журавель 2010: 194—276), а западные и юго-западные земли Руси оказались в составе Великого княжества Литовского, а впоследствии — Речи Посполитой. Монгольское нашествие и последовавшее за ним иго обескровили Русь, разорвали связи между разными её частями, нарушили ход их естественного развития и деформировали его как прямо, так и косвенно.

Не имея возможности рассмотреть здесь подробно огромный массив данных о вечевой деятельности и разнообразных коллективных социально-политических акциях древнерусских горожан предмонгольской эпохи в разных русских землях, приведём некоторые характерные примеры таких действий:

— смоленский князь Ростислав жалует учреждённой в Смоленске епископии³ десятину, «сдумав с людьми своими» (ПРП 1953: 46), т.е., решив этот вопрос на вече (Тихомиров 1975: 193; Фроянов 2001: 639). В 1229 г. договор между Ригой и Смоленском заключается от лица смолян (ПРП 1953: 57), т.е. смоленской вечевой общины⁴, ведавшей не только финансово-экономическими, но и внешнеполитическими вопросами и вообще всеми важными для Смоленской земли

¹ То, что было общим местом в русской исторической науке второй половины XIX — начала XX в. (см., например, работы И.Д. Беляева, В.И. Сергеевича, М.А. Дьяконова, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.О. Ключевского, А.Е. Преснякова, Г.В. Вернадского и многих других учёных), ныне очень медленно и с большим сопротивлением, преодолевая сложившиеся в советское время стереотипы, которых и ныне придерживаются многие историки, возвращается в научный дискурс.

² Ср. слова современного историка А.В. Петрова: «На примере Новгородской республики можно до конца XV в. следить за той *исконной* русской исторической судьбой, которая явилась бы судьбой всей страны, не будь исторического «вызова», брошенного Руси нашествием монголов, и русского «ответа» на него, выраженного в московской централизации (курсив А.В. Петрова. — *М.Ж.*)» (Петров 2003: 14).

³ Создание в городе епископии было важным знаком усиления суверенности и могущества города-государства.

⁴ По верному замечанию М.Н. Тихомирова, «договор был составлен по соглашению князя с вечем» (Тихомиров 1975: 193—194).

делами (Тихомиров 1975: 192—197; Фроянов, Дворниченко 1988: 207—222);

— в 1159 г. полочане разбили княжескую дружину и изгнали из города князя Ростислава, призвав на стол Рогволода (ПСРЛ. II: 495—496). Как и в других городах, княжеским столом в Полоцке распоряжалось вече (Тихомиров 1975: 184—192; Фроянов, Дворниченко 1988: 196—207);

— в 1157 г. вопреки завещанию Юрия Долгорукого, передавшего Ростово-Суздальскую землю младшим своим сыновьям Михалке и Всеволоду, ростовцы и суздальцы посадили «на отни столе» его старшего сына Андрея, который нравился им больше (ПСРЛ. I: 348). После гибели Андрея Боголюбского вновь вечевая община решает, кого пригласить на княжение (ПСРЛ. I: 371—372). В 1176 г. владимирцы, не считаясь с мнением суздальцев и ростовцев, пригласили в город собственного князя (ПСРЛ. I: 377—378), произведя настоящий политический переворот в Северо-Восточной Руси, после которого бывший пригород стал её столицей.

В Северо-Восточной Руси в домонгольское время также были сильны вечевые порядки, княжеская власть даже в этом регионе не утвердилась ещё как монархическая, хотя в сравнении, к примеру, с Новгородом или с Киевом здесь она обладала большей силой. По словам А.Н. Насонова, в Ростово-Суздальской земле существовали «бытовые черты старой вечевой Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех волостей того времени, получавшие в различных волостях лишь различную степень и форму выражения в зависимости от местных индивидуальных условий волостной жизни» (Насонов 1924: 27. О вечевых порядках в домонгольской Северо-Восточной Руси см.: Насонов 1924: 3—27; Лимонов 1987: 117—149; Фроянов, Дворниченко 1988: 223—252; Кривошеев 2015: 4—83).

Таким образом, мы видим, что вечевые порядки утверждаются в домонгольскую эпоху на Руси повсюду. По словам летописца, «новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на вече сходятся» (ПСРЛ. I: 377). Это была эпоха бурной социально-политической жизни, в ходе которой народ был отнюдь не «калужским тестом», из которого социальные верхи крутили любые крендели, а деятельным субъектом истории, её творцом (ср.: Фроянов 2001: 487—488). Именно борьба широких демократических слоёв населения русского города и деревни домонгольской эпохи за свои права и свободы привела к утверждению на Руси основных принципов гражданской городской общины и формированию того социального организма, который несколько условно можно назвать гражданской «протонацией».

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1973 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973. 450 с.

Авдусин 1980 — *Авдусин Д.А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 24—42.

Агеева 1989 — *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Наука, 1989. 256 с.

Азбелев 2007 — *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.

Азбелев 2010 — *Азбелев С.Н.* Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М.: Русская панорама, 2010. С. 598—618.

Аксенов 2005 — *Аксенов В.С.* Интервью. 2005 / Электронный ресурс: <http://xt.ht/phpbb/viewtopic.php?t=61> (дата обращения — 12.11.2018).

ал—Гарнати 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 136 с.

Алексеев 1966 — *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в XI—XIII вв. М.: Наука, 1966. 295 с.

Алексеев 1978 — *Алексеев Л.В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель в IX—XIII вв. // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1978. С. 23—30.

Алексеев 1978 — *Алексеев Л.В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель в IX—XIII вв. // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1977. С. 23—30.

Алексеев 1980 — *Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л.: Наука, 1980. 244 с.

Алексеев 2006 — *Алексеев Л.В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. В двух книгах. Кн. 1. М.: Наука, 2006. 289 с. Кн. 2. М.: Наука, 2006. 165 с.

Алексеева 1973 — *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Наука, 1973. 330 с.

Алешковский 2015 — *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. Из истории создания и редакторской обработки. М.: Весь мир, 2015. 320 с.

Алимов 2018 — *Алимов Д.Е.* «Пражская империя» и лендзяне: размышления о появлении славянской идентичности в Восточной Европе // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2 (24). С. 117—144.

ал-Куфи 1981 — *Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи.* Книга завоеваний (извлечения по истории Азербайджана VII—IX вв.) / Перевод с арабского З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1981. 84 с.

ал-Мас'уди 2002 — *Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Мас'уди.* Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749—947 гг.] / Составление, перевод с арабского, примечания, комментарии и указатели Д.В. Микульского. М.: Наталис, 2002. 803 с.

Аль-Бакри 1903 — Известия Аль-Бакри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 2 (Разыскания А. Куника). СПб., 1903. 287 с.

Амальрик 2018 — *Амальрик А.А.* Норманны и Киевская Русь. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 232 с.

Аммиан Марцеллин 2000 — *Аммиан Марцеллин.* Римская история (*Res Gestae*) / Под общей редакцией В.П. Сальникова; перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с. (Серия «Античная библиотека»).

Андреев 2003 — *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб.: Гуманитарная академия, 2003. 448 с.

Анфертьев 1994 — *Анфертьев А.Н.* Иордан. Перевод фрагментов о славянах и комментарии // *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. С. 98—161.

Артамонов 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 523 с.

Артамонов 2002 — *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 560 с.

Ауліх 1972 — *Ауліх В.В.* Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н.е. в Західній Волині. Київ: Наукова думка, 1972. 124 с.

Афанасьев 1984 — *Афанасьев Г.Е.* Этническая территория бургасов во второй половине VIII — начале X в. // Советская этнография. 1984. № 4. С. 28—41.

Афанасьев 1987 — *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука, 1987. 201 с.

Афанасьев 1993 — *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-бургасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.

Афанасьев 2001 — *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. 2001. № 2. С. 43—55.

Афанасьев 2016 — *Афанасьев Г.Е.* О территории Хазарского каганата и хазарского домена в IX веке // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 41—72.

Афанасьев, Николаенко 1982 — *Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г.* О салтовском типе сыродутного горна // Советская археология. 1982. № 2. С. 168—175.

Бірбрауер 1995 — *Бірбрауер Ф.* Готи в I—VII ст.: Территория розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32—51.

Бабенко 1914 — *Бабенко В.А.* Памятники хазарской культуры на юге России // Труды XV Археологического съезда. Т. I. М., 1914. С. 435—480.

Багалея 1882 — *Багалея Д.И.* История Северной земли до половины XIV в. Киев, 1882. 328 с.

Багалея 1914 — *Багалея Д.И.* Русская история. Т. I. М., 1914. 526 с.

Баран 1961 — *Баран В.Д.* Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961. 126 с.

Баран 1969 — *Баран В.Д.* Археологічні пам'ятки VI—VII ст. на території Західної Волині — заливо джерело до вивчення літописних дубів // Український історичний журнал. 1969. № 4.

Баран 1972 — *Баран В.Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ: Наукова думка, 1972. 244 с.

Баран 1981 — *Баран В.Д.* Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ: Наукова думка, 1981. 264 с.

Баран 1983 — *Баран В.Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев: Наукова думка, 1983. С. 5—48.

Баран 1988 — *Баран В.Д.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев: Наукова думка, 1988. 160 с.

Баран 1997 — *Баран В.Д.* Венеди, склавіни, та анти у світлі археологічних джерел // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I. М.: Фонд археологии, 1997. С. 154—165.

Баран 1997a — *Баран В.Д.* Склавіни та анти у світлі нових археологічних джерел // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Збірник наук. стат. присв. 100-річчю з дня народження В.П. Петрова. Київ—Львів, 1997.

Баран 2008 — *Баран В.Д.* Слов'янське поселення середини I тисячоліття нашої ери біля села Теремці на Дністрі. Київ, 2008. 134 с.

Баран, Гопкало 2005 — *Баран В.Д., Гопкало О.В.* Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. Київ, 2005. 144 с.

Барсов 1873 — *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873. 272 с.

Бартольд 1929 — *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Туркмения. Т. I. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1929. С. 1—69.

Бартольд 1940 — *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. I. С. 15—50.

Бартольд 1963 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 1020 с.

Бахрушин 1937 — *Бахрушин С.В.* «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1937. № 2 (3). С. 88—98.

Беззаконов 2014 — *Беззаконов С.Н.* Салтово-маяцкая культура или Русский каганат? 2014 / Электронный ресурс: <https://rossica—antiqua.livejournal.com/577115.html> (дата обращения — 12.11.2018).

Бейлис 1989 — *Бейлис В.М.* К вопросу о конъектурах и о попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX—XIII вв. о Восточной Европе // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 52—66.

Бейлис 2000 — *Бейлис В.М.* Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-‘Усфури об арабо-хазарских войнах в VII — первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 32—53.

Белецкий 1996 — *Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 92 с.

Белецкий 2012 — *Белецкий С.В.* Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет / Перевод Д.С. Лихачева, О.В. Творогова, комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича, 129 иллюстраций М. Мечева. СПб.: ВИТА НОВА, 2012. С. 431—465.

Беляев 1872 — *Беляев И.Д.* Рассказы из русской истории. Кн. 4. Ч. 1. М., 1872. 460 с.

Беляев 1929 — *Беляев Н.Т.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*. Вып. 3. Прага, 1929. С. 215—270.

Березовец 1965 — *Березовец Д.Т.* Слов’яни й племена салтівської культури // *Археологія*. Т. XIX. К.: Наукова думка, 1965. С. 47—67.

Березовец 1969 — *Березовец Д.Т.* Северяне перед образованием Киевской Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969. 35 с.

Березовец 1970 — *Березовец Д.Т.* Про ім’я носіїв салтівської культури // *Археологія*. Т. XXIV. К.: Наукова думка, 1970. С. 59—74.

Березовец 1972 — *Березовец Д.Т.* Про ім’я носіїв салтівської культури (Хто такі «руси» східних авторів) // Матеріали XIII конференції інституту археології АН УРСР, присвяченої 50-річчю Академії наук Української РСР (Київ, 1968 р.). К., 1972. С. 288—292.

Березовец 1999 — *Березовец Д.Т.* Русы в Поднепровье (доклад на XIV конференции Института археологии АН УССР) // *Полтавский археологічний збірник*. Полтава, 1999. С. 321—350.

Бестужев-Рюмин 2015 — *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история до эпохи Ивана Грозного. М.: Академический проект, 2015. 704 с.

Білінський 2013 — *Білінський О.О.* До щоденника Дмитра Тарасовича Березовця // Сумська старовина. № XL. 2013. С. 170—171.

Богачев 2011 — *Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.: Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 340 с.

Богомольников 2004 — *Богомольников В.В.* Радимичи (по материалам курганов X—XII вв.). Гомель, 2004. 226 с.

Брайчевский 1960 — *Брайчевский М.Ю.* По поводу одного места из Константина Багрянородного // Византийский временник. Т. XVII. М.—Л., 1960. С. 144—154.

Брайчевський 1957 — *Брайчевський М.Ю.* Про етнічну приналежність черняхівської культури // Археологія. Т. 10. Київ, 1957.

Браун 1899 — *Браун Ф.* Разыскания в области готско-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1899. 409 с.

Брим 1923 — *Брим В.А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Т. 1. Пг., 1923.

Бубенок 1992 — *Бубенок О.Б.* Иранские традиции у народов Средней Волги // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 58—61.

Бугославский 2006 — *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2006. 311 с.

Буданова 2001 — *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. 2-е изд. (Византийская библиотека. Исследования). СПб.: Алетейя, 2001. 320 с.

Бутков 1840 — *Бутков П.* Оборона летописи русской несторовой от навета скептиков. СПб., 1840. 540 с.

Васильев 2012 — *Васильев В.Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.

Васильевский 1915 — *Васильевский В.Г.* Труды. Т. III. Пг., 1915. 416 с.

Вернадский 1996 — *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с.

Веселовский 1883 — *Веселовский А.Н.* Заметки по литературе и народной словесности. I. СПб., 1883. 98 с.

Вестберг 1903 — *Вестберг Ф.* Комментарий на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903. 156 с.

Вестберг 1908 — *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Часть XIII. Февраль. С. 364—412.

Вестберг 1910 — *Вестберг Ф.* Записка Готского топарха // Византийский Временник. Т. XV. Вып. 2—3. СПб., 1910. 124 с.

Вилинбахов 1963 — *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-Волжский путь // Советская археология. 1963. № 3. С. 126—135.

Вилкул 2003 — *Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. 2003. Vol. 11. С. 5—35.

Вилкул 2008 — *Вилкул Т.Л.* Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. 2008. XVI. 2. С. 272—280.

Вилкул 2009 — *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI—XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с.

Вилкул 2015 — *Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. 518 с.

Вилкул 2017 — *Вилкул Т.Л.* «Преже сихъ 4 лѣтъ» 1096 г. Бестужева-Рюмина, Шахматова и составителя Повести временных лет // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. № 2. С. 229—247.

Винников, Плетнева 1998 — *Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.

Владимиров 2017 — *Владимиров С.И.* Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII — начале X в. (салтовомаяцкая культура). Дис. ... канд. ист. н. Воронеж, 2017. 310 с.

Владимирский-Буданов 2005 — *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.

Войтович 2001 — *Войтович Л.В.* Черв'яни у працях І. Крип'якевича (До питання про початок державності) // Україна: культурна спадщина, національна

свідомість, державність. Т. 8. Иван Крип'якевич у родинній традиції, науці, суспільстві. Львів, 2001.

Войтович 2006 — *Войтович Л.В.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э. Начальные этапы формирования государственности // *Rossica antiqua: Исследования и материалы.* 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 6—39.

Войтович 2013 — *Войтович Л.В.* Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // *Русин.* 2013. № 1. С. 6—41.

Вольфрам 2003 — *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. Опыт исторической этнографии / Перевод с немецкого П.Б. Миловидов, М.Ю. Некрасов; под редакцией М.Б. Щукина, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалова. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.

Воронин 1935 — *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 76 с.

Воронятов 2005 — *Воронятов С.В.* Волынцевская «культура» и «Русский каганат» // *Альманах молодых археологов.* 2005. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 199—210.

Воронятов 2014 — *Воронятов С.В.* О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана // *Война и военное дело в скифо-сарматском мире.* Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2014. С. 57—72.

Восточные славяне 2002 — *Восточные славяне.* Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 2002. 342 с.

Вязов 2011 — *Вязов Л.А.* Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Казань, 2011. 21 с.

Гавритухин 2009 — *Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры // *Труды Государственного Эрмитажа.* Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 7—25.

Гавритухин, Обломский 1996 — *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.

Гадло 2002 — *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии (История идеи) // *От Тмутароканя до Тамани IX—XIX вв.* Сбор-

ник Русского исторического общества. № 4 (152). М.: Русская панорама, 2002. С. 14—39.

Галкина 2002 — *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2006 — *Галкина Е.С.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М.: Прометей, 2006. 548 с.

Галкина 2006а — *Галкина Е.С.* Территория Хазарского каганата IX — первой половины X в. в письменных источниках // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 132—145.

Галкина 2006б — *Галкина Е.С.* Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. Том 10 (158). Россия и Крым. М.: Русская панорама, 2006. С. 376—390.

Галкина 2010 — *Галкина Е.С.* Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // *Rossica antiqua*. 2010. № 1. С. 54—98.

Галкина 2012 — *Галкина Е.С.* Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.

Галкина 2014 — *Галкина Е.С.* К интерпретации термина *сакалиба* в отчёте Ибн Фадлана // Восток (Oriens). 2014. № 6. С. 24—31.

Галкина 2016 — *Галкина Е.С.* Перевод известий ал-Масуди о Восточной Европе. Перевод пока не опубликован и любезно предоставлен мне автором, за что выражаю ей свою глубокую благодарность.

Гараева 2002 — *Гараева Н.Г.* Сведения арабских и персидских источников о походах к северу от Дербента (22/642—43 и 119/737 гг.) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 440—471.

Гаркави 1870 — *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 315 с.

Гедеонов 2004 — *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. 2-е изд., ком. М.: Русская панорама, 2004. 656 с.

Генинг 1959 — *Генинг В.Ф.* Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФ АН СССР, 1959. С. 157—219.

Генинг 1961 — *Генинг В.Ф.* К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения АН СССР, 1961. С. 329—336.

Геродот 1972 — *Геродот.* История в девяти книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с. (Серия «Памятники исторической мысли»).

Гиляров 1878 — *Гиляров Ф.* Предания русской Начальной летописи. М., 1878. 326 с.

Гимбутас 2010 — *Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна / Перевод с английского Ф.С. Капицы. М.: Центрполиграф, 2010. 216 с.

Гиппиус 2001 — *Гиппиус А.А.* «Рекоша дружина Игоревы...». К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. № 25. С. 147—181.

Гиппиус 2007 — *Гиппиус А.А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 213—220.

Гиппиус 2007а — *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. I // *Славяноведение*. 2007. № 5. С. 20—44.

Гиппиус 2008 — *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // *Славяноведение*. 2008. № 2. С. 3—24.

Гиппиус 2012 — *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX—X веках. Археологическая панорама*. М.—Вологда: Древности Севера, 2012. С. 36—62.

Гиппиус 2015 — *Гиппиус А.А.* Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150—летию со дня рождения учёного. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 251—264.

Голубовский 1881 — *Голубовский П.В.* История Северной земли до половины XIV в. Киев, 1881. 209 с.

Гольмстен 1946 — *Гольмстен В.В.* Буртасы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII. С. 17—25.

Горский 1995 — *Горский А.А.* Кривичи и полочане в IX—X вв. (Вопросы политической истории) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993. М.: Наука, 1995. С. 50—63.

Горский 1997 — *Горский А.А.* Баварский Географ и этнополитическая структура восточного славянства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М.: Наука, 1997. С. 271—287.

Горский 2000 — *Горский А.А.* О «племенной» знати и «племенах» у славян // *Florilegium: к 60-летию Б.Н. Флори.* М.: Языки русской культуры, 2000. С. 61—69.

Горский 2004 — *Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Горский 2008 — *Горский А.А.* Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 55—59.

Горский 2011 — *Горский А.А.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. С. 129—180.

Горский 2012 — *Горский А.А.* Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания русской государственности // Исторический вестник. 2012. Т. 1 [148]. С. 6—23.

Горский 2017 — *Горский А.А.* Владимир Святой и формирование государственной территории Руси // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14—16 октября 2015 г. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Назаренко. М.—Вологда: Древности Севера, 2017. С. 15—23.

Грамота № 831 — Грамота № 831 // Древнерусские берестяные грамоты / Электронный ресурс: <http://gramoty.ru/index.php?no=831&act=full&key=bb> (дата обращения — 18.04.2015).

Гранберг 2006 — *Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы.

2004. Политические институты Древней Руси. М.: Восточная литература, 2006. С. 3—163.

Греков 1944 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1944. 348 с.

Греков 1945 — *Греков Б.Д.* Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1945. 79 с.

Греков 1953 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 567 с.

Григорий Турский 1987 — *Григорий Турский.* История франков / Издание подготовила В.Д. Савукова. М.: Наука, 1987. 472 с.

Григорьев 2005 — *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н.э. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с.

Грот 2009 — *Грот Л.П.* Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 132—154.

Грот 2010 — *Грот Л.П.* Практика призвания правителя со стороны и проблема генезиса института княжеской власти из русской истории // Обычай, символ, власть. М., 2010. С. 324—355.

Грот 2014 — *Грот Л.П.* Кто такие готы и откуда они взялись? 2014 / Электронный ресурс: <http://pereformat.ru/2014/02/goths/> (дата обращения — 18.02.2016).

Грушевський 1991 — *Грушевський М.С.* Істрія України-Руси. Т. I. Київ, 1991.

Губарев 2018 — *Губарев О.Л.* Оксюморон «Русский каганат». 2018 / Электронный ресурс: <https://historicaldis.ru/blog/43731763919/Oksyumoron-%C2%ABRuskiy-kaganat%C2%BB> (дата обращения — 12.11.2018).

Гурьянов, Шинаков 2006 — *Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А.* Ещё раз о ради-мичах на Десне // *Rossica antiqua.* Исследования и материалы. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 74—82.

Данилевский 2010 — *Данилевский И.Н.* «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // *Ruthenica.* Т. IX. Киев, 2010. С. 7—16.

Данилова 1994 — *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.

Дарчиев 2017 — *Дарчиев А.В.* О военном культе аланов // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Аббаева. 2017. № 24 (63). С. 5—17.

Дворниченко 1993 — *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб.: Издательство СПбГУ, 1993. 240 с.

Дворниченко 2006 — *Дворниченко А.Ю.* О восточнославянском политогенезе в VI—X вв. // *Rossica antiqua: Исследования и материалы.* СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 184—195.

Дворниченко 2013 — *Дворниченко А.Ю.* Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв. М.: Весь мир, 2013. 232 с.

Демин 1993 — *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М.: Наследие, 1993. 224 с.

Джаксон, Рождественская 1988 — *Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В.* К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М.: Наука, 1988. С. 223—229.

Дион Кассий 2011 — *Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV—LXXX / Перевод с древнегреческого под редакцией А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка (Серия *Fontes scripti antiqui*). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с.

ДКУ 1976 — Древнерусские княжеские уставы / Издание подготовил Я.Н. Шапов. М.: Наука, 1976. 240 с.

Добровольский 2008 — *Добровольский Д.А.* Вопрос об основании Новгорода в летописании XI — начала XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 25—26.

Долгов 2017 — *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI—XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

Дорн 1875 — *Дорн Б.А.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875. 781 с.

Дубов 1989 — *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. 256 с.

Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990. 284 с.

Дьяконов 1939 — *Дьяконов А.П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 83—90.

Дьяконов 2005 — *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. 384 с.

Дюно, Ариньон 1982 — *Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П.* Понятие граница у Прокония Кесарийского и Константина Багрянородного // Византийский временник. Т. 43 (68). 1982. С. 64—73.

Егорейченко 2006 — *Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

Ениосова, Пушкина 2016 — *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования Древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 258—303.

Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Жития Бориса и Глеба 1916 — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916. 239 с.

Жих 2009 — *Жих М.И.* К проблеме Русского каганата: Древняя Русь и ее степные соседи // Международный исторический журнал «Русин». 2009. № 3 (17). С. 147—157.

Жих 2018 — *Жих М.И.* О соотношении «Новгородской» и «Ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // Вестник «Альянс-Архео». 2018. Вып. 24. С. 3—44.

Жих 2019 — *Жих М.И.* Славянский правитель Само и его «держава» (623—658). Источники, локализация, социально-политическая организация, историческое значение. СПб., 2019. 148 с.

Журавель 2003 — *Журавель А.В.* О возникновении новгородского посадничества // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М.: Русская панорама, 2003. С. 290—301.

Журавель 2004 — *Журавель А.В.* Кто же кого «срезал»? По поводу статьи И.Г. Коноваловой «Второе пришествие варягов» // Независимая газета. Ex libris. 22.07.2004 / Электронный ресурс: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2004—07—22/8_mail.html (дата обращения — 12.11.2018).

Журавель 2010 — *Журавель А.В.* «Аки молния в день дождя». В 2 кн. Кн. 1. Куликовская битва и её след в истории. М.: Русская панорама, 2010. 424 с.

Журавлёв 1996 — *Журавлёв А.Ф.* Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М.: Индрик, 1996. С. 116—144.

Завадская 1978 — *Завадская С.В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. М.: Наука, 1978. С. 101—103.

Завадская 1989 — *Завадская С.В.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М.: Наука, 1989. С. 36—42.

Загорульский 2012 — *Загорульский Э.М.* Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск: БГУ, 2012. 367 с.

Зайцев 2016 — *Зайцев А.К.* Черниговское княжество X—XIII вв.: избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2016. 256 с.

Зайцева, Сарачева 2011 — *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI—XIII веков. М.: Индрик, 2011. 404 с.

Зализняк 2004 — *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

ДРЗИ. IV — Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.

Заходер 1962 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. Горган и Поволжье в IX—X вв. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 281 с.

Заходер 1967 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.

Звіздецкий 2008 — *Звіздецкий Б.А.* Городища IX—XIII вв. на території літописних древлян. Київ, 2008. 176 с.

Здоров 2000 — *Здоров А.А.* Откуда пришли исполины? // Донская археология. 2000. № 3—4. С. 136—141.

Зеленин 1954 — *Зеленин Д.К.* О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. 6. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1954. С. 49—95.

Зимин 1965 — *Зимин А.А.* Феодалная государственность и Русская Правда // Исторические записки. 1965. № 76. С. 230—275.

Зиньковская 2018 — *Зиньковская И.В.* Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже древности и Средневековья. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 464 с.

Золотарев 2005 — *Золотарев П.М.* Находки долбленых лодок на территории Верхнего и Среднего Дона // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2005. С. 81—88.

Зосим 2010 — *Зосим.* Новая история / Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болгова. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010. 344 с.

Ибн Русте 1869 — *Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн-Даста.* Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах / Пер. с арабского, комментарии Д.А. Хвольсона. СПб., 1869. 200 с.

Ибн Фадлан 1939 — *Ковалевский А.П.* Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий / Под редакцией академика И.Ю. Крачковского. М.: Издательство АН СССР, 1939. 193 с.

Ибн Фадлан 1956 — Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. / Статьи, перевод и комментарии А.П. Ковалевского. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 342 с.

Ибн Хордадбех 1986 — *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.

Иванов, Топоров 2000 — *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 413—440.

Иловайский 1882 — *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю. М., 1882. 557 с.

Ильинский 1925—1926 — *Ильинский Г.А.* Кто были *λενξάνινοι* Константина Багрянородного? // *Slavia*. 1925—1926. Т. IV. С. 314—319.

Иордан 1994 — *Иордан*. *Getica*. Фрагменты о славянах / Перевод и комментарии А.Н. Анфертьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. С. 98—161.

Иордан 2013 — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2013. 512 с. (Византийская библиотека. Источники).

Исаевич 1971 — *Исаевич Я.Д.* Територія і населення «Червеньских градов» (X—XIII ст.) // Український історичний збірник. Вип. 1. Київ, 1971.

Исаевич 1972 — *Исаевич Я.Д.* «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI вв.) // Исследования истории славянских и балканских народов. Эпоха Средневековья. М.: Наука, 1972. С. 107—124.

Истрин 1920 — *Истрин В.М.* Книги времени и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг, 1920. 634 с.

Истрин 1923—1924 — *Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1923. Т. 26. С. 45—102; 1924. Т. 27. С. 207—251.

Казаков 1996 — *Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 40—57.

Казаков 1998 — *Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Самара, 1998. С. 88—150.

Казанский, Шаров 2010 — *Казанский М.М., Шаров О.В.* Предисловие // *Germania-Sarmatia II: Сборник, посвящённый памяти М.Б. Шукина*. Калининград, 2010. С. 11—13.

Каинов 2004 — *Каинов С.Ю.* Древнерусский дружинник второй половины X века (Опыт реконструкции) // *Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917 года*. М., 2004. С. 7—12.

Калинин 1955 — *Калинин Н.Ф.* Древнейшее население на территории Татарии // *История Татарской АССР. Т. I*. Казань: Таткнигиздат, 1955. С. 11—45.

Калинин, Халиков 1954 — *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.

Калинина 2003 — *Калинина Т.М.* Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001. Историческая память и формы ее воплощения. М.: Восточная литература, 2003. С. 204—216.

Калинина 2007 — *Калинина Т.М.* Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX—X вв. // *Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. С. 101—172.

Карамзин 1989 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.

Карпенко 2016 — *Карпенко А.А.* Русь северян Вещего Олега. Ростов-на-Дону: Книга, 2016. 272 с.

Карпов 2008 — *Карпов А.В.* Язычество, христианство, двоеверие: Религиозная жизнь Древней Руси в IX—XI веках. СПб.: Алетейя, 2008. 184 с.

Карпов 2009 — *Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009. 376 с.

Карсанов 1989 — *Карсанов А.Н.* Об этнической принадлежности росомонов // *Имя — этнос — история*. М., 1989. С. 25—31.

Карский 1903 — *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. I. Введение к изучению языка и народной словесности. Варшава, 1903. 477 с.

Касиков, Касиков 1990 — *Касиков Х., Касиков А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике датчанине // Скандинавский сборник. Т. 33. Таллин, 1990. С. 98—109.

Кибинь 2014 — *Кибинь А.С.* Дулебы в поставарском историко-политическом контексте (новые направления историографии) // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 157—165.

Кибинь 2017 — *Кибинь А.С.* Маджак, древний герой раннеславянской истории // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 44—58.

Кирпичников 1984 — *Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 278 с.

Кирпичников 1985 — *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога: Итоги археологических исследований // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 3—27.

Кирпичников 1988 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. С. 38—78.

Кирпичников 1997 — *Кирпичников А.Н.* «Сказание о призвании варягов»: Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 7—18.

Кирпичников 1997а — *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 5—25.

Кирпичников, Губчевская 2002 — *Кирпичников А.Н., Губчевская Л.А.* Старая Ладога. СПб., 2002. 56 с.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 189—297.

Кирпичников, Сарабьянов 2010 — *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2010. 208 с.

Клейн 2009 — *Клейн Л.С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.

Клёсов 2015 — *Клёсов А.А.* Читая В.В. Седова. «Происхождение и ранняя история славян» с точки зрения ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2015. № 4. С. 174—228.

Ключевский 1987 — *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть I // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. I. М.: Мысль, 1987. 432 с.

Кляшторный 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М.: Наука, 1964. С. 16—18.

Кляшторный 2001 — *Кляшторный С.Г.* Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 56—60.

Кляшторный 2005 — *Кляшторный С.Г.* Праславяне в Поволжье // *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 68—72.

Кляшторный 2013 — *Кляшторный С.Г.* О славянах Среднего Поволжья и о коллегах-славистах // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара, 2013. С. 67—72.

Кляшторный, Старостин 2002 — *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 210—217.

Ковалевский 1954 — *Ковалевский А.П.* Чуваша и булгара по данным Ахмада ибн-Фадлана. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954. 64 с.

Ковалевский 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмада Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 348 с.

Ковалевский 1957 — *Ковалевский А.П.* Абул-Хасан Али ал-Масуди як вчений // Праці історичного ф-ту Харківського держ. ун-ту. Т. 5. Харків, 1957.

Ковалевский 1973 — *Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973. С. 62—79.

Козак 1978 — *Козак Д.Н.* Пшеворская культура в междуречье Днестра и Западного Буга // Проблемы этногенеза славян. Киев: Наукова думка, 1978. С. 72—91.

Козак 1984 — *Козак Д.Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі. Київ: Наукова думка, 1984. 128 с.

Козак 1985 — *Козак Д.Н.* Поселение пшеворской культуры в с. Подберезцы Львовской области // Советская археология. 1985. № 1. С. 75—89.

Козак 1985а — *Козак Д.Н.* Пшеворская культура и волыно-подольская группа // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев: Наукова думка, 1985. С. 25—34.

Козак 1985б — *Козак Д.Н.* Вельбарская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев: Наукова думка, 1985. С. 68—75.

Козак 1991 — *Козак Д.Н.* Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ, 1991. 172 с.

Козак 1993 — *Козак Д.Н.* Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 53—66.

Козак 2004 — *Козак Д.Н.* Поселення венедів (зубрицька культура) // *Козак Д.Н., Прищепя Б.А., Шкоронад В.В.* Давні землероби Волині. Київ, 2004. С. 68—86.

Козак 2008 — *Козак Д.Н.* Венеди. Київ: Ін-т археології НАНУ, 2008. 470 с.

Козьма Пражский 1962 — *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Вступительная статья, перевод и комментарии Г.Э. Санчука. М.: Издательство АН СССР, 1962. 296 с.

Коковцов 1932 — *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 140 с.

Колода 1999 — *Колода В.В.* Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. Харьков: РЦНИТ, 1999. 244 с.

Колода 2009 — *Колода В.В.* Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы конференции, посвященной столетию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 35—43.

Колода, Горбаненко 2010 — *Колода В.В., Горбаненко С.А.* Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2010. 216 с.

Колода, Горбаненко 2018 — *Колода В.В., Горбаненко С.А.* Сільське господарство населення Хозарського каганату в лісостеповій зоні. Київ: Академперіодика, 2018. 170 с.

Комар 2005 — *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. 2005. № 4. С. 115—137.

Комар 2005а — *Комар А.В.* Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // *Хазары. Евреи и славяне*. Т. 16. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 207—218.

Комар 2010 — *Комар А.В.* «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной) // *Ruthenica*. 2010. Т. 9. С. 185—196.

Конецкий 1989 — *Конецкий В.Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII—X вв. // *Славяне. Этногенез и этническая история*. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 140—150.

Конецкий 1993 — *Конецкий В.Я.* Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — начала II тысячелетия н.э. // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 4 (14). СПб.—Новгород, 1993. С. 3—26.

Коновалова 2001 — *Коновалова И.Г.* Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X—XVI вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1999. Восточная и Северная Европа в Средневековье. М.: Восточная литература, 2001. С. 169—189.

Коновалова 2003 — *Коновалова И.Г.* Второе пришествие варягов // Независимая газета. Ex libris. 16.01.2003 / Электронный ресурс: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003—01—16/7_varyg.html (дата обращения — 12.11.2018).

Коновалова 2013 — *Коновалова И.Г.* Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 160—248.

Константин Багрянородный 1991 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Тексты, перевод, комментарий; под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Конча 2005 — *Конча С.В.* «Дулібський союз» між міфом і дійсністю // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Українознавство. 2005. № 9. С. 23—29.

Коньков 2012 — *Коньков Д.С.* «Гетика» Иордана — готское историческое предание или конъюнктура эпохи: современное состояние изучения проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 70—73.

Корогодина 2017 — *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII веков. В 2-х томах. СПб.: Альянс-Архео, 2017. Т. 1. Исследование. 597 с.; Т. 2. Описание редакций. 646 с.

Королев 2000 — *Королев А.С.* История междукняжеских отношений на Руси в 40—70—е годы X века. М.: Прометей, 2000. 296 с.

Королев 2002 — *Королев А.С.* Загадки первых русских князей. М.: Вече, 2002. 480 с.

Королев 2006 — *Королев А.С.* Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М.: Русская панорама, 2006. С. 88—102.

Королюк 1963 — *Королюк В.Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 24—31.

Королюк 1964 — *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.: Наука, 1964. 384 с.

Котляр 1985 — *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов в Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев: Наукова думка, 1985. 184 с.

Котляр 1986 — *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев: Наукова думка, 1986. 160 с.

Краснов, Смирнов 1969 — *Краснов Ю.А., Смирнов А.П.* Рецензия на книгу: *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры. М., 1967 // Советская археология. 1969. № 2. С. 291—296.

Кривошеев 2003 — *Кривошеев М.В.* Муромо-Рязанская земля: Очерки социально-политической истории XI — начала XIII вв. по материалам повестей. Гатчина: Дон Боско, 2003. 233 с.

Кривошеев 2015 — *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.

Крип'якевич 1999 — *Крип'якевич І.П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999.

Крыганов 1989 — *Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтовомаяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 98—113.

Куза 1975 — *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества. М.: Наука, 1975. С. 144—201.

Куза 1996 — *Куза А.В.* Древнерусские городища X—XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. 256 с.

Куза, Соловьева 1972 — *Куза А.В., Соловьева Г.Ф.* Языческое святилище в земле радимичей // Советская археология. 1972. № 1. С. 146—154.

Кузьмин 1967 — *Кузьмин А.Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967. С. 42—53.

Кузьмин 1969 — *Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. 240 с.

Кузьмин 1970 — *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 28—55.

Кузьмин 1970а — *Кузьмин А.Г.* К вопросу о «полочанах» Начальной летописи // Древние славяне и их соседи. Сборник к 60-летию П.Н. Третьякова. М.: Наука, 1970. С. 125—127.

Кузьмин 1977 — *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Издательство МГУ, 1977. 408 с.

Кузьмин 2003 — *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.

Кузьмин 2005 — *Кузьмин А.Г.* Хазарские страдания // *Кузьмин А.Г.* Мародеры на дорогах истории. М.: Русская панорама, 2005. С. 266—294.

Кузьмин 2008 — *Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XII вв.) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 69—94.

Кулаков 2018 — *Кулаков В.И.* Начало готского пути в Восточную Европу // Записки Института истории материальной культуры РАН. Вып. 18. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 89—98.

Кулешов 2009 — *Кулешов В.С.* К оценке достоверности этимологий слова русь // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 441—459.

Куник 1874 — *Куник А.А.* О записке Готского топарха (По поводу новых открытий о таманской Руси и крымских готах) // Записки Императорской академии наук. Т. XXIV. СПб., 1874. С. 61—160.

Куник, Розен 1878 — *Куник А.А., Розен В.Р.* Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. СПб., 1878.

Курбатов, Фролов, Фроянов 1986 — *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Заключение // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л.: Издательство ЛГУ, 1986. С. 331—335.

Кухаренко 1961 — *Кухаренко Ю.В.* Средневековые памятники Полесья // Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1—57. М.: Издательство АН СССР, 1961. 40 с.

Кухаренко 1980 — *Кухаренко Ю.В.* Могильник Брест—Тришин. М.: Наука, 1980. 128 с.

Кучинко 1972 — *Кучинко М.М.* Материальная культура населения между-речья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв. // Исследования по истории славянских и балканских народов: Киевская Русь и её славянские соседи. М.: Наука, 1972. С. 78—91.

Кучінко 1993 — *Кучінко М.М.* Исторично-культурний розвиток Західного Побужжя в IX—XIV століттях. Луцьк, 1993.

Кучінко 1994 — *Кучінко М.М.* Нариси стародавньої і середньовічної історії Волині. Луцьк, 1994.

Кучінко 1996 — *Кучінко М.М.* Давньоруське городище Вал в Надстир'ї. Луцьк, 1996.

Кучінко 2002 — *Кучінко М.М.* Волинська земля X — середини XIV ст. Луцьк, 2002.

Кучінко, Охріменко 1995 — *Кучінко М.М., Охріменко Г.В.* Археологічні пам'ятки Волині. Луцьк, 1995.

Кучкин 1995 — *Кучкин В.А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993. М.: Наука, 1995. С. 74—100.

Кучкин 2003 — *Кучкин В.А.* Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX—XIII вв. // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71—80.

Кучкин, Муравьёва 2003 — *Кучкин В.А., Муравьёва Л.Л.* Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 3—6.

Лавров 1999 — *Лавров В.В.* Переселение готов в Причерноморье // Вестник древней истории. 1999. № 3. С. 170—183.

Лавров 2000 — *Лавров В.В.* Восточные германцы в Приазовье в III—IV вв. н.э. // Stratum plus. 2000. № 4. С. 331—341.

Ламанский 1859 — *Ламанский В.И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. 611 с.

Ламбин 1874 — *Ламбин Н.П.* О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1874. I. С. 58—95.

Лебедев 1977 — *Лебедев Г.С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 232 с.

Лебедев 1978 — *Лебедев Г.С.* Северо-Запад // *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.: Издательство ЛГУ, 1978. С. 61—100.

Лебедев 2005 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Лев Диакон 1988 — *Лев Диакон.* История / Перевод М.М. Копыленко, комментарии М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 222 с.

Левицкий 1962 — *Левицкий Т.* Малоизвестный западнославянский народ по описанию ал-Масуди // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 29—33.

Левицкий 1964 — *Левицкий Т.* Из научных исследований арабских источников // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М.: Наука, 1964. С. 6—15.

Лешков 1858 — *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. М., 1858. 623 с.

Лимонов 1987 — *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Наука, 1987. 216 с.

Литаврин 2001 — *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне (сборник статей). СПб.: Алетейя, 2001. 608 с.

Лифанов 2010 — *Лифанов Н.А.* Еще раз о «славянах» на Волге и арабском походе на Хазарию // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18—21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010. С. 305—309.

Лихачёв 1947 — *Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1947. 492 с.

Лихачёв 2007 — *Лихачёв Д.С.* Комментарии // Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. (подготовил М.Б. Свердлов). СПб.: Наука, 2007. 670 с.

Ловмянский 1963 — *Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 221—249.

Ловмянский 1978 — *Ловмянский Х.* О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и Средневековье. М.: Наука, 1978. С. 93—100.

Лонгинов 1885 — *Лонгинов А.В.* Червенские города. Варшава, 1885.

Лопатин, Фурасьев 2007 — *Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв. М.: ИА РАН, 2007. 252 с.

Лопатин, Фурасьев 2007а — *Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г.* Северо-запад России и север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). М.: ИА РАН, 2007. С. 276—300.

Лукин 2004 — *Лукин П.В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 4. М.: Индрик, 2004. С. 70—130.

Лукин 2008 — *Лукин П.В.* Вече: социальный состав // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С. 33—147.

Лукин 2010 — *Лукин П.В.* «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. 2010. № 2. С. 12—30.

Львов 1975 — *Львов А.С.* Лексика Повести временных лет. М.: Наука, 1975. 368 с.

Львова 1968 — *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть I. Способы изготовления, ареал, время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1968. С. 64—94.

Львова 1970 — *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть II. Происхождение бус // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 12. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1970. С. 89—111.

Ляпушкин 1941 — *Ляпушкин И.И.* Славяно-русские поселения IX—XIII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // Материалы и исследования по археологии СССР. № 6. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 191—246.

Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I / Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 85—150.

Ляпушкин 1961 — *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами // Материалы и исследования по археологии СССР. № 104. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1961. 385 с.

Ляпушкин 1968 — *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л.: Наука, 1968. 187 с.

Ляска 2014 — *Ляска В.М.* Між Прагою, Києвом та Гнезно. *Zeriuane / zuigeani* «Географа Баварського»: до проблеми етнопотестарних структур Волині у ранньому Середньовіччі // Княжа доба: історія і культура. Вип. 8. Львів, 2014. С. 9—71.

Мавродин 1945 — *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 427 с.

Мавродин 1949 — *Мавродин В.В.* Классовая борьба в Древней Руси // *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. С. 143—192.

Мавродин, Фроянов 1974 — *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л.: Наука, 1974. С. 29—33.

Магомедов 1983 — *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. 225 с.

Магомедов 2001 — *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. 290 с.

Майоров 2001 — *Майоров А.В.* Галицко-Вольнская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.

Майоров 2006 — *Майоров А.В.* Константин Багрянородный о происхождении и ранней истории хорватов: Великая Хорватия и белые хорваты // *Rossica antiqua: Исследования и материалы.* СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 40—73.

Майоров 2006а — *Майоров А.В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. 209 с.

Майоров 2011 — *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XI—XIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 800 с.

Макаров 2012 — *Макаров Н.А.* Исторические свидетельства и археологические реалии // Русь в IX—X вв. Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 449—459.

Макаров, Захаров, Бужилова 2001 — *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

Максимович 2006 — *Максимович К.А.* Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М.: Издательство ПСТГУ, 2006. С. 14—56.

Макушников 1990 — *Макушников О.А.* Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси / Ответственный редактор П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1990. С. 56—62.

Макушников 2002 — *Макушников О.А.* Гомель с древнейших времён до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк. Гомель: Центр научно-технической и деловой информации, 2002. 244 с.

Макушников 2009 — *Макушников О.А.* Гомельское Поднепровье в V — середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 218 с.

Малярчук 2009 — *Малярчук Б.А.* Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2009. Т. 1. № 1. С. 23—27.

Мансикка 2005 — *Мансикка В.Й.* Религия восточных славян. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 368 с.

Мароевич 1997 — *Мароевич Р.* Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 76—88.

Матвеева 1981 — *Матвеева Г.И.* О происхождении имениковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52—73.

Матвеева 1986 — *Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1986. С. 158—171.

Матвеева 1988 — *Матвеева Г.И.* К вопросу об этнической принадлежности племен имениковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сб. тез.). М.: Наука, 1988. С. 11—13.

Матвеева 1997 — *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.

Матвеева 1997а — *Матвеева Г.И.* Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. III. М.: Фонд археологии, 1997. С. 206—217.

Матвеева 2004 — *Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV—VII вв.: именьковская культура. Самара: Самарский университет, 2004. 168 с.

Матузова 1979 — *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX—XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 268 с.

Мачинский 1981 — *Мачинский Д.А.* Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 31—52.

Мачинский 1986 — *Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986. С. 3—29.

Мачинский 2002 — *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб., 2002. С. 5—35.

Мачинский 2009 — *Мачинский Д.А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 460—538.

Мачинский 2011 — *Мачинский Д.А.* Рыцарь познания // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 3—15.

Мачинский, Воронятов 2011 — *Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 246—291.

Мачинский, Воронятов 2018 — *Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Ле-

песовка // *Мачинский Д.А.* Скифия—Россия. Узловые события и сквозные проблемы: В 2 т. / Науч. ред. В.Т. Мусбахова. Т. 1. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 379—431.

Мельников 1984 — *Мельников С.Е.* О чем говорят географические названия: историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л.: Лениздат, 1984. 199 с.

Мельникова 2001 — *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М.: Восточная литература, 2001. 496 с.

Мельникова 2011 — *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 480 с.

Мельникова, Петрухин 1989 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX—X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24—38.

Меркулов 2005 — *Меркулов В.И.* Откуда родом варяжские гости? М.: Белые альвы, 2005. 128 с.

Меркулов 2012 — *Меркулов В.И.* Из окна в Европу увидели Рюрика // Родина. 2012. № 5. С. 64—67.

Меркулов 2015 — *Меркулов В.И.* Руги и готы: истоки кровной вражды // Исторический формат. 2015. № 1. С. 118—123.

Меркулов 2015а — *Меркулов В.И.* Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54—74.

Мерперт 1955 — *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье // Советская археология. Т. XXIII. М., 1955. С. 131—168.

Микляев 1984 — *Микляев А.М.* О топо- и гидронимах с элементом -гост, -гощ на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. С. 25—46.

Мирончиков 1969 — *Мирончиков Л.Т.* Дохристианское жречество Древней Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск, 1969. 28 с.

Михайлина 2007 — *Михайлина Л.П.* Слов'яни VIII—X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ: Інститут археології НАНУ, 2007. 300 с.

Михайлов 2016 — *Михайлов К.А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.

Михайлова 2014 — *Михайлова Е.Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 435 с.

Михайлова 2015 — *Михайлова Е.Р.* Культура псковских длинных курганов: Современное состояние и роль В.В. Седова в её изучении // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 240. М., 2015. С. 20—34.

Мишин 2002 — *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в арабском мире в раннее Средневековье. М.: Крафт плюс, 2002. 368 с.

Мишин 2003 — *Мишин Д.Е.* Рецензия на книгу: *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М., 2002 // Славяноведение. 2003. № 4. С. 93—96.

Мишин 2007 — *Мишин Д.Е.* Почему Ибн-Фадлан называет поволжских болгар славянами? // Арабский Восток. Сборник статей. М., 2007. С. 100—109.

Монгайт 1947 — *Монгайт А.Л.* К вопросу о трех центрах Древней Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XVI. М.—Л., 1947. С. 103—112.

Морошкин 1867 — *Морошкин М.Я.* Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имён в алфавитном порядке. СПб., 1867. 323 с.

Моця 1987 — *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. Киев: Наукова думка, 1987. 168 с.

Муравьёва 1968 — *Муравьёва Л.Л.* Новгородские известия Владимирского летописца // Археографический ежегодник за 1966 год. М.: Наука, 1968. С. 37—40.

Мурашева 2008 — *Мурашева В.В.* Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 175. М., 2008. 48 с.

Мурашева 2012 — *Мурашева В.В.* Скандинавские находки из раскопок Супрутского городища // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902—1968). Санкт-Петербург. 3—5 декабря 2012 г. СПб., 2012. С. 103—106.

Мюллер 2000 — *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М.: Прогресс—Традиция, 2000. 431 с.

Назаренко 1993 — *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1993. 240 с.

Назаренко 2001 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Назаренко 2009 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2007. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 528 с.

Назаренко 2009а — *Назаренко А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X века: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 412—414.

Назаренко 2012 — *Назаренко А.В.* Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX—XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.—Вологда: Древности Севера, 2012. С. 12—35.

Напольских 1996 — *Напольских В.В.* Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. Данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Филология. Этнология. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996. С. 197—206.

Напольских 2006 — *Напольских В.В.* Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3—19.

Насибуллин 1992 — *Насибуллин Р.Ш.* К проблеме этнической принадлежности носителей именьковской археологической культуры // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 76—79.

Насонов 1924 — *Насонов А.Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Вып. 1. Пг., 1924. С. 3—27.

Насонов 1940 — *Насонов А.Н.* Тмутаракань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 79—99.

Насонов 1951 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Издательство АН СССР, 1951. 264 с.

Насонов 1969 — *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 554 с.

Насонов 2002 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование // Насонов А.Н. Избранные труды. СПб.: Наука, 2002. С. 5—211.

Неволин 1853 — *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Записки Русского географического общества. Кн. VIII. 1853. С. 69—90.

Немецкие источники 1993 — Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. / Переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Наука, 1993. 240 с.

Непокупный 1979 — *Непокупный А.П.* Балтійські родичи слов'ян. Київ: Наукова думка, 1979. 184 с.

Нерознак 1983 — *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.

Несин 2010 — *Несин М.А.* К истории происхождения Галича // Международный исторический журнал «Русин». 2010. № 3 (21). С. 58—76.

Нефедкин 2011 — *Нефедкин А.К.* Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 304 с.

Нефёдов 2012 — *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 270—299.

Нидерле 1956 — *Нидерле Л.* Славянские древности / Перевод с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова; предисловие проф. П.Н. Третьякова; ред. А.Л. Монгайт. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 452 с.

Нидерле 2001 — *Нидерле Л.* Славянские древности / Перевод с чешского Т. Ковалевой, М. Хазанова; ред. А.Л. Монгайт. 2-е изд. М.: Алетей, 2001. 592 с.

Николаев 1990 — *Николаев С.Л.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54—63.

Николаев 2011 — *Николаев С.Л.* Семь ответов на варяжский вопрос // Повесть временных лет / Перевод с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 398—430.

Николаев 2011а — *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // *Славяноведение*. 2011. № 6. С. 3—19.

Николаев 2017 — *Николаев С.Л.* К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в Повести временных лет // *Вопросы ономастики*. 2017. Т. 14. № 2. С. 7—54.

Николаенко 1991 — *Николаенко А.Г.* Северо-Западная Хазария или Донская Русь? Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа. Волоконовка, 1991. 132 с.

Никольская 1981 — *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М.: Наука, 1981. 302 с.

Никольская 1987 — *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII—XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в земле вятичей. М.: Наука, 1987. 184 с.

Новаковский 2010 — *Новаковский В.* Проблема присутствия славян на землях в бассейнах Одера и Вислы в римский период и в эпоху Великого переселения народов (на основании письменных источников и археологических находок) // *Germania—Sarmatia II: Сборник, посвящённый памяти М.Б. Щукина*. Калининград, 2010. С. 33—40.

Новосельцев 1965 — *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение*. М.: Наука, 1965. С. 355—419.

Новосельцев 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Новосельцев 1991 — *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // *Вопросы истории*. 1991. № 2—3.

Новосельцев 2000 — *Новосельцев А.П.* Восточные славяне и образование Древнерусского государства // *История России с древнейших времен до конца XVII в.* М.: АСТ, 2000. С. 39—85.

Новосельцев 2000а — *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 367—379.

Носов 1981 — *Носов Е.Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // Советская археология. 1981. № 1. С. 42—56.

Носов 1990 — *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.

Носов 1990а — *Носов Е.Н.* Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI—XV вв. Вып. 2. М., 1990. С. 47—57.

Носов 1999 — *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 151—163.

Носов 2012 — *Носов Е.Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволхове // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. М.—Вологда: Древности Севера, 2012. С. 99—121.

Носов 2017 — *Носов Е.Н.* Рюриково городище — резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода // *Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 18—33.

Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с.

Носов, Плохов, Хвощинская 2017 — *Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

Носов, Янин 2011 — *Носов Е.Н., Янин В.Л.* К 1150-летию юбилею российской государственности: источники и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.—М.—Великий Новгород, 2011. С. 9—11.

НПЛ 2010 — Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб.: Скрипториум, 2010. 444 с.

Обломский, Родникова 2014 — *Обломский А.М., Родникова В.Е.* Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 235. С. 381—404.

Овчинников 2009 — *Овчинников А.В.* Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: А.П. Смирнов. Казань, 2009. 131 с.

Овчинников 2009а — *Овчинников А.В.* Славянское присутствие // Звезда Поволжья. № 19 (470). 21—27 мая 2009 г. С. 4.

Овчинников 2009б — *Овчинников А.В.* Дешёвая историография (ответ И.Л. Измайлову) // Звезда Поволжья. № 26 (477) — 31(482).

Овчинников 2016 — *Овчинников А.В.* Антропологический подход в изучении историографии именьковской культуры: опыт применения // Исторический формат. 2016. № 3. С. 151—169.

Павленко и др. 2000 — *Павленко Н.И., Андреев И.Л., Кобрин В.Б., Федоров В.А.* История России с древнейших времён до 1861 г. М.: Высшая школа, 2000. 559 с.

Палея толковая 2002 — Палея толковая. М.: Согласие, 2002. 648 с.

Память 2004 — Память и похвала князю русскому Владимиру / Подготовка текста, перевод и комментарии Н.И. Милютенко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI—XII вв. СПб.: Наука, 2004. С. 316—327.

Пархоменко 1924 — *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л.: Государственное издательство, 1924. 118 с.

Патерик 2004 — Киево-Печерский Патерик (Подготовка текста Л.А. Ольшевской, перевод Л.А. Дмитриева, комментарии Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 2004. С. 296—489.

Пауль 2016 — *Пауль А.* Балтийские славяне: От Рерика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.

ПВЛ 1993 — Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина; составители, авторы примечаний и указателей А.Г. Кузьмин и В.В. Фомин. Арзамас: Издательство АГПУ, 1993. 384 с.

ПВЛ 2004 — Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI—XII вв. СПб.: Наука, 2004. С. 62—315.

ПВЛ 2007 — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. (подготовил М.Б. Свердлов). СПб.: Наука, 2007. 670 с.

Петров 2003 — *Петров А.В.* От язычества к святой Руси. Новгородские уособицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. 352 с.

Петров 2006 — *Петров А.В.* К обсуждению проблем истории вечевого Новгорода // *Rossica antiqua*. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 260—269.

Петрухин 1995 — *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.

Петрухин 1997 — *Петрухин В.Я.* Славяне. М.: Росмэн, 1997. 112 с.

Петрухин 2001 — *Петрухин В.Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1999. Восточная и Северная Европа. М.: Восточная литература, 2001. С. 127—142.

Петрухин 2014 — *Петрухин В.Я.* Русь в IX—X вв. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.

Петрухин, Пушкина 1970 — *Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К предыстории древнерусского города // *История СССР*. 1979. № 4. С. 100—112.

Петрухин, Раевский 2004 — *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.

Пештич 1961 — *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л.: Издательство ЛГУ, 1961. 276 с.

Пигулевская 2011 — *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография: исследования и переводы. / Составитель Н.А. Мещерская. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 832 с.

Платонова 1988 — *Платонова Н.И.* Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1988.

Платонова 2012 — *Платонова Н.И.* Древнерусские погосты — новая старая проблема // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2010. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 328—388.

Плетнева 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / Материалы и исследования по археологии СССР. № 142. М.: Наука, 1967. 209 с.

Плетнева 1981 — *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Археология СССР. Т. 18. М.: Наука, 1981. С. 62—75.

Плетнева 1986 — *Плетнева С.А.* Хазары. М.: Наука, 1986. 88 с.

Плетнева 1989 — *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.

Плетнева 2000 — *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. 364 с.

Погодин 1846 — *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3. М., 1846. 566 с.

Подосинов 2000 — *Подосинов А.В.* Еще раз о древнейшем названии Волги // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 230—239.

Подосинов 2007 — *Подосинов А.В.* Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. С. 13—100.

Подосинов, Скржинская 2011 — *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.

Пожидаев 1926 — *Пожидаев Б.П.* Горцы Северного Кавказа. М.—Л.: Государственное издательство, 1926. 113 с.

Покровский 1966 — *Покровский М.Н.* Избранные произведения в четырёх книгах. Кн. I. Русская история с древнейших времён (Т. 1—2). М.: Мысль, 1966. 726 с.

Полюдь 2009 — Полюдь: всемирно-историческое явление / Под общей редакцией Ю.М. Кобищанова. М.: РОССПЭН, 2009. 791 с.

Поляк 2001 — *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX—X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. С. 79—107.

Преображенский 1959 — *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. 552 с.

Пресняков 1993 — *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.

Приймак, Примак 1999 — *Приймак В.В., Примак В.М.* Д.Т. Березовець і проблема Русів та Русі (післяслово до публікації) // Полтавський археологічний збірник. 1999. Полтава, 1999. С. 351—354.

Присёлков 1996 — *Присёлков М.Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 326 с.

Присёлков 2002 — *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб.: Наука, 2002. 512 с.

Приходнюк 1995 — *Приходнюк О.М.* Ще раз про пам'ятки волинцевського типу // Слов'яно — руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів, 1995. С. 73—74.

Приходнюк 1998 — *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

Приходько 2011 — *Приходько В.В.* К вопросу об этноязыковой атрибуции именьковской археологической культуры // Симбирский научный вестник. 2011. № 2 (4). С. 42—47.

Прозоров 2002 — *Прозоров Л.Р.* Мятёжи волхвов в Верхнем Поволжье XI в.: индоевропейские параллели // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2002. С. 400.

Прозоров 2003 — *Прозоров Л.Р.* Диалоги с волхвами в «Повести временных лет»: к вопросу о достоверности // Вестник Удмуртского государственного университета. История. 2003.

Прозоров 2007 — *Прозоров Л.Р.* Каганы Древней Руси. 2007 / Электронный ресурс: <https://oldrus.livejournal.com/35210.html> (дата обращения — 12.11.2018).

Прокопий 1994 — *Прокопий Кесарийский.* Фрагменты о славянах / Перевод и комментарии С.А. Иванова, Л.А. Гиндина, В.Л. Цымбурского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. С. 170—251.

Прокопий 1996 — *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Перевод С.П. Кондратьева. М.: Арктос, 1996. 336 с.

ПРП 1953 — Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. / Под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин М.: Госюриздат, 1953.

ПСРЛ. I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

ПСРЛ. III — Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (репринт издания 1950 г., подготовленного А.Н. Насоновым). М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.

ПСРЛ. IV. Ч. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М.: Языки славянской культуры, 2000. 690 с.

ПСРЛ. IV. Ч. 2 — Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 2. Новгородская V летопись. Пг., 1917. 264 с.

ПСРЛ. IX — Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. СПб., 1862. 278 с.

ПСРЛ. VI. Вып. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки славянской культуры, 2000. 312 с.

ПСРЛ. VII — Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.

ПСРЛ. XLI — Полное собрание русских летописей. Т. XLI. Летописец Переяславля-Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археографический центр, 1995. 178 с.

ПСРЛ. XLII — Полное собрание русских летописей. Т. XLII. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.

ПСРЛ. XLIII — Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

ПСРЛ. XV — Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. 261 с.

ПСРЛ. XVIII — Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 320 с.

ПСРЛ. XX — Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.

ПСРЛ. XXIV — Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. Петроград, 1921. 274 с.

ПСРЛ. XXV — Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

ПСРЛ. XXVI — Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1959. 415 с.

ПСРЛ. XXVIII — Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 года. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.—Л.: Издательство АН СССР, 1963. 420 с.

ПСРЛ. XXX — Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 248 с.

ПСРЛ. XXXIII — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогоровская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 254 с.

ПСРЛ. XXXIX — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIX. Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского. М.: Наука, 1994. 208 с.

ПСРЛ. XXXVII — Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

ПСРЛ. XXXVIII — Полное собрание русских летописей. Т. XXXVIII. Радзивилловская летопись. Л.: Наука, 1989. 181 с.

Птолемей 1994 — *Птолемей*. Фрагменты / Перевод и комментарии Ф.В. Шелова-Коведяева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. С. 46—62

Пузанов 2007 — *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2007. 624 с.

Пузанов 2017 — *Пузанов В.В.* От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 744 с.

Пчелов 2010 — *Пчелов Е.В.* Рюрик. М.: Молодая гвардия, 2010. 316 с.

Рабинович 1997 — *Рабинович Р.А.* Волки русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима уличи) // Стратум: Структуры и катастрофы. Кишинев, 1997. С. 178—199.

Радомский 2004 — *Радомский Я.Л.* Этнический состав Причерноморской Руси. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. 321 с.

Рапов 1977 — *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.: Издательство МГУ, 1977. 264 с.

Рапов 1998 — *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие Христианства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русская панорама, 1998. 416 с.

Раппопорт 1975 — *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975. 180 с.

Рассадин 2008 — *Рассадин С.Е.* Первые славяне. Славяногенез. Минск: Белорусский экзархат, 2008. 288 с.

Расторопов 2009 — *Расторопов А.В.* Вопросы этнокультурной истории населения именьковской культуры // Археология евразийских степей. Вып. 10. Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 139—142.

Решетова 2014 — *Решетова И.К.* Население Донецко-Донского междуречья в раннем Средневековье (по материалам погребальных памятников салтовомаяцкой культуры). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014. 263 с.

Рожанский 2015 — *Рожанский И.Л.* Кто такие немцы? Ономастика и ДНК-генеалогия // Исторический формат. 2015. № 3. С. 87—106.

Романов 1960 — *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л.: Наука, 1960. С. 341—375.

Романчук 2013 — *Романчук А.А.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 283—299.

Романчук 2017 — *Романчук А.А.* Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X века) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ // *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 245—255.

Ронин 1995 — *Ронин В.К.* Так называемая Хроника Фредегара // Свод древнейших письменных известий о славянах Т. II. М.: Восточная литература, 1995. С. 364—397.

Роспонд 1972 — *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9—89.

Роспонд 1979 — *Роспонд С.* Miscellanea onomastica Rossica // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М.: Наука, 1979. С. 5—47.

Роспонд 1979а — *Роспонд С.* Несколько замечаний о названии «Русь» // Восточнославянская ономастика: исследования и материалы. М., 1979. С. 43—47.

Русанова 1973 — *Русанова И.П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука, 1973. 102 с.

Русанова 1976 — *Русанова И.П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 216 с.

Русанова 1988 — *Русанова И.П.* Компоненты пшеворской культуры // Труды V МКАС. Тезисы докладов советской делегации. Киев, 18—25 сентября 1985 г. Секция 1. Древние славяне. Т. 4. Киев, 1988. С. 195—199.

Русанова 1990 — *Русанова И.П.* Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 119—150.

Русанова 1993 — *Русанова И.П.* Вельбарская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 183—191.

Русанова 1993а — *Русанова И.П.* Заключение // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. М.: Наука, 1993. С. 192—197.

Русанова, Тимошук 2007 — *Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М.: Ладога-100, 2007. 304 с.

Рыбаков 1932 — *Рыбаков Б.А.* Радзімічы // Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай АН. Т. 3. Мінск, 1932. С. 81—151.

Рыбаков 1952 — *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLIII. М., 1952. С. 3—44.

Рыбаков 1953 — *Рыбаков Б.А.* Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953. С. 23—104.

Рыбаков 1956 — *Рыбаков Б.А.* Остромирова летопись // Вопросы истории. 1956. № 10. С. 46—59.

Рыбаков 1958 — *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Т. 2. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 733—878.

Рыбаков 1963 — *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. 362 с.

Рыбаков 1972 — *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 520 с.

Рыбаков 1974 — *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М.: Наука, 1974. 112 с.

Рыбаков 1982 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.

Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 788 с.

Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. / Составил и подготовил к изданию М.Б. Свердлов; ответственный редактор И.П. Шаскольский. М.: Наука, 1978. 239 с.

Рябинин 2003 — *Рябинин Е.А.* У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб.: БЛИЦ, 2003. 224 с.

Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е.А., Дубашинский А.В.* Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2002. С. 196—203.

Сабурова 1975 — *Сабурова М.А.* О женских головных уборах с жёсткой основой в памятниках домонгольской Руси // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 144. 1975. С. 18—22.

Савицкий 2011 — *Савицкий Н.М.* Жилые постройки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. 250 с.

Самойлов 2006 — *Самойлов К.Г.* К вопросу о локализации русов восточных источников в работе Е.С. Галкиной: материалы к дискуссии. 2006 / Электронный

ресурс: <https://docplayer.ru/40099505-K-voprosu-o-lokalizacii-rusov-vostochnyh-istochnikov-v-rabote-e-s-galkinoy-materialy-k-diskussii.html> (дата обращения — 12.11.2018).

Самоквасов 1908 — *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. М., 1908. 284 с.

Сарапулкин 2003 — *Сарапулкин В.А.* Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Липецк, 2003. 285 с.

Сахаров 1980 — *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 360 с.

Свердлов 1970 — *Свердлов М.Б.* Локализация русов в арабской географической литературе IX—X вв. // Известия Всесоюзного географического общества. 1970. Т. 102. Вып. 4. С. 363—369.

Свердлов 1983 — *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 240 с.

Свердлов 2003 — *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Свердлов 2009 — *Свердлов М.Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский дом, 2009. 344 с.

Свердлов 2011 — *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. 916 с.

Свердлов 2017 — *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX—XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

Свирин 2006 — *Свирин К.М.* Языческие святилища Северо-Запада Древней Руси в VIII — начале XI в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 231—251.

Свистун 2009 — *Свистун Г.Е.* К вопросу о городах в лесостепной зоне Хазарского каганата // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы конференции, посвященной столетию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 44—51.

Свистун 2012 — *Свистун Г.Е.* К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона // *Хазарский альманах*. Т. 10. Київ—Харків, 2012. С. 146—158.

Свод I — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. 474 с.

Свод II — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII—IX вв.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 591 с.

Севастьянов 2013 — *Севастьянов А.Н.* Не те русы (рецензия на книгу: *Галкина Е.С.* Русский каганат. Без хазар и норманнов. М., 2012) // *Вопросы национализма*. 2013. № 4 (16). С. 227—237.

Седов 1960 — *Седов В.В.* Кривичи // *Советская археология*. 1960. № 1. С. 47—62.

Седов 1961 — *Седов В.В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // *Советская археология*. 1961. № 2. С. 103—121.

Седов 1965 — *Седов В.В.* Из истории восточнославянского расселения // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 104. 1965. С. 3—11.

Седов 1970 — *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970. 199 с.

Седов 1970a — *Седов В.В.* Новгородские сопки. М.: Наука, 1970. 80 с.

Седов 1974 — *Седов В.В.* Длинные курганы кривичей // *Свод археологических источников*. Вып. Е1—8. М.: Наука, 1974. 96 с.

Седов 1979 — *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 158 с.

Седов 1981 — *Седов В.В.* Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // *Краткие сообщения Института археологии*. 1981. Вып. 166. С. 5—11.

Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Седов 1990 — *Седов В.В.* Топоним Изборск // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. 1989. Псков, 1990. С. 24—26.

Седов 1994 — *Седов В.В.* Очерки по археологии славян. М.: Фонд археологии, 1994. 128 с.

Седов 1994a — *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 343 с.

Седов 1995 — *Седов В.В.* Славяне в раннем Средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.

Седов 1998 — *Седов В.В.* Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3—15.

Седов 1999 — *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 1999а — *Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.

Седов 1999б — *Седов В.В.* Миграция готов в Причерноморье (Археологические комментарии к труду Иордана «Гетика») // ΓΕΝΝΑΔΙΟΥΣ. Сборник к 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М.: Индрик, 1999. С. 156—169.

Седов 2000 — *Седов В.В.* Конфедерация северно-русских племен в середине IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 240—249.

Седов 2000а — *Седов В.В.* Рецензия на книгу: *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (I-er — VIIe siècle après J.—С.). Paris, 1999 // Российская археология. 2000. № 3. С. 197—202.

Седов 2001 — *Седов В.В.* К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2. С. 5—15.

Седов 2002 — *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Седов 2003 — *Седов В.В.* О русах и русском каганате IX века // Славяноведение. 2003. № 2. С. 3—14.

Седов 2007 — *Седов В.В.* Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.

Селин 2012 — *Селин А.А.* Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1. С. 117—126.

Семькин 1996 — *Семькин Ю.А.* К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э.* Самара, 1996. С. 66—82.

Сергеевич 1903 — *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. 664 с.

Середонин 1916 — *Середонин С.М.* Историческая география. Пг., 1916. 245 с.

Серяков 2016 — *Серяков М.Л.* Рюрик и Волжско-Балтийский торговый путь // Исторический формат. 2016. № 4. С. 169—199.

Сказание 1908 — Сказание о святем благочестии Росийскихъ началодержецъ и семени ихъ святого и прочихъ // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Первая половина. Книга Степенная царского родословия. Часть первая. СПб., 1908. 349 с.

Скржинская 2013 — *Скржинская Е.Ч.* Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб.: Алетей, 2013. С. 9—58. (Византийская библиотека. Источники).

Скржинская 2013а — *Скржинская Е.Ч.* Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб.: Алетей, 2013. С. 175—375. (Византийская библиотека. Источники).

Славяне 1963 — Славяне накануне образования Киевской Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. № 108. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 388 с.

Славяне 1993 — Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1993. 328 с.

Слово о погибели 2005 — Слово о погибели Русской земли (Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 2005. С. 90—91.

Смирнов 1928 — *Смирнов П.П.* Волзький шлях і стародавні Руси (Нариси з руської історії VI—IX вв.). К.: Друкарня Української Академії наук, 1928. 230 с.

Смирнов 1951 — *Смирнов А.П.* Волжские булгары / Труды Государственного исторического музея. Вып. XIX. М.: Издательство Государственного Исторического музея, 1951. 300 с.

Смирнов 1962 — *Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М.: Издательство МГУ, 1962. С. 160—168.

Сміленко, Сухобоков 1990 — *Сміленко А.Т., Сухобоков О.В.* Пам'яті Дмитра Тарасовича Березовця // *Археологія*. 1990. № 4. С. 107—115.

Смокотина 2009 — *Смокотина Д.В.* Поход Марвана 737 г. и проблема локализации Славянской реки восточных авторов // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 1 (5). С. 110—122.

Снорри Стурлусон 1980 — *Снорри Стурлусон*. Круг земной / Перевод с исландского М.И. Стеблина-Каменского. М.: Наука, 1980. 688 с.

Соболевский 1886 — *Соболевский А.И.* Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. Варшава, 1886. 27 с.

Соловьев 1883 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1—5. М., 1883. 879 с.

Соловьев 1896 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга первая. Тома I—V. 2-е изд. СПб., 1896. 1726 с.

Соловьев 1959 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времён. Кн. I. Т. 1—2. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 812 с.

Соловьев 1985 — *Соловьев А.И.* О некоторых характеристиках клинкового оружия // *Проблемы реконструкций в археологии*. Новосибирск, 1985. С. 147—154.

Соловьёва 1956 — *Соловьёва Г.Ф.* Славянские союзы племён по археологическим материалам VIII—XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // *Советская археология*. 1956. Вып. XXV. С. 138—170.

Соловьёва 1968 — *Соловьёва Г.Ф.* К вопросу о приходе радимичей на Русь // *Славяне и Русь*. Сборник к 60-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 352—356.

Соловьёва 1978 — *Соловьёва Г.Ф.* Семилучевые височные кольца // *Древняя Русь и славяне*. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1978. С. 171—178.

Спицын 1899 — *Спицын А.А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1899. VIII. С. 301—340.

Спицын 1908 — *Спицын А.А.* Исконные обитатели Дона и Донца // *Журнал Министерства народного просвещения*. Новая серия. Вып. XIX. СПб., 1908. С. 67—79.

Срезневский 1860 — *Срезневский И.И.* Русское население Степного и Южного Поморья в XI—XIV вв. // Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. VIII. Вып. 4. СПб., 1860. С. 313—320.

Станг 1999 — *Станг Х.* Наименование Руси (герульская версия) // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 119—147.

Старостин 1967 — *Старостин П.Н.* Памятники имениковской культуры // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1—32. М.: Наука, 1967. 72 с.

Старостин 1971 — *Старостин П.Н.* Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 37—54.

Старостин 1986 — *Старостин П.Н.* Имениковские могильники // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 131—136.

Сташенков 1999 — *Сташенков Д.А.* О хронологии древностей хазарской эпохи Самарского Поволжья // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. К 100-летию А.П. Смирнова. Болгар, 1999.

Сташенков 2003 — *Сташенков Д.А.* Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953—1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003. С. 324—345.

Сташенков 2005 — *Сташенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I—IV веках н.э. М., 2005. 150 с.

Сташенков 2006 — *Сташенков Д.А.* Об этнокультурных связях населения имениковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20—30.

Степанов 1964 — *Степанов П.Д.* Памятники угро-мадьярских (венгерских) племён в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1964. С. 136—147.

Степовой 2011 — *Степовой А.В.* Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Ютановский археологический комплекс). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. 22 с.

Страбон 1994 — *Страбон.* География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского; под общей редакцией проф. С.Л. Утченко; ре-

дактор перевода проф. О.О. Крюгер. М.: Ладомир, 1994. 944 с. (Серия «Памятники исторической мысли»).

Строев 1919 — *Строев В.Н.* По вопросу о «старцах градских» русской летописи // Известия Отделения русского языка и литературы. Т. XXIII. Кн. 1. Пг., 1919.

Суляк 2004 — *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Татьяна, 2004. 240 с.

Сухобоков 1975 — *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975. 167 с.

Сухобоков 1992 — *Сухобоков О.В.* Днепровское лесостепное Левобережье в VIII—XIII вв. Киев: Наукова думка, 1992. 216 с.

Сухобоков 1998 — *Сухобоков О.В.* К хронологии славянских памятников Днепровского Левобережья последней четверти I тыс. н.э. // *Історія Русі—України*. Київ, 1998. С. 49—57.

Талис 1973 — *Талис Д.Л.* Топонимы Крыма с корнем «рос» // *Античная древность и Средние века*. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 229—234.

Талис 1974 — *Талис Д.Л.* Росы в Крыму // *Советская археология*. 1974. № 3. С. 87—99.

Татищев 1962—1964 — *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1—4. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1962—1964.

Тацит 1993 — *Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии / Перевод А.С. Бобовича; редактор М.Е. Сергеенко // *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. СПб.: Наука, 1993. С. 337—356. (Серия «Литературные памятники»).

Тацит 1993а — *Корнелий Тацит*. Анналы / Перевод А.С. Бобовича; редактор Я.М. Боровский // *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. СПб.: Наука, 1993. С. 7—312. (Серия «Литературные памятники»).

Творогов 1976 — *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Начальный свод. Текстологический комментарий // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 30. Л.: Наука, 1976. С. 3—26.

Творогов 1979 — *Творогов О.В.* Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 33. Л.: Наука, 1979. С. 3—31.

Творогов 1997 — *Творогов О.В.* Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In *memoriam*: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 203—209.

Тимошук 1990 — *Тимошук Б.А.* Восточнославянская община VI—X вв. М.: Наука, 1990. 192 с.

Тимошук 1990а — *Тимошук Б.А.* Социальная сущность городища Зимно // Раннеславянский мир: материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990. С. 151—157.

Тимошук 1995 — *Тимошук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам. М.: Издательство МГУ, 1995. 261 с.

Титмар 2009 — *Титмар Мерзебургский.* Хроника. В восьми книгах / Перевод с латинского И.В. Дьяконова. 2-е изд., испр. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.

Тихомиров 1956 — *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 477с.

Тихомиров 1962 — *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1962. С. 39—53.

Тихомиров 1968 — *Тихомиров М.Н.* Русская культура X—XVIII вв. М.: Наука, 1968. 448 с.

Тихомиров 1975 — *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 42—232.

Тихомиров 1979 — *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 22—45.

Тихомиров, Муравьёва 1965 — *Тихомиров М.Н., Муравьёва Л.Л.* Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. С. 3—6.

Толмачова 2000 — *Толмачова М.М.* Технологія виготовлення салтівських шабель. 2000 / Электронный ресурс: <https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/SaltovoSabres.html> (дата обращения — 12.11.2018).

Толочко 1972 — *Толочко П.П.* Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха Средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М.: Наука, 1972. С. 125—143.

Толочко 1987 — *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К.: Наукова думка, 1987. 247 с.

Толочко 2003 — *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X—XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003. 296 с.

Толочко 2005 — *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 544 с.

Толочко 2013 — *Толочко П.П.* Ранняя Русь: история и археология. СПб.: БЛИЦ, 2013. 208 с.

Толочко 2015 — *Толочко А.П.* Очерки начальной руси. Киев—СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.

Томпсон 2003 — *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи / Перевод с английского Т.О. Пономаревой; под ред. М.Е. Килуновской. СПб.: Ювента, 2003. 288 с.

Топоров 1983 — *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье. Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983. С. 227—263.

Топоров, Трубачев 1962 — *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962. 270 с.

Тортика 2006 — *Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков: Харьковская государственная академия культуры, 2006. 553 с.

Третьяков 1941 — *Третьяков П.Н.* Северные восточнославянские племена // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 9—55.

Третьяков 1953 — *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: Издательство АН СССР, 1953. 312 с.

Третьяков 1966 — *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука; Л., 1966. 308 с.

Третьяков 1968 — *Третьяков П.Н.* О древнейших русах и их земле // Славяне и Русь. К 60-летию Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 179—187.

Третьяков 1970 — *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности // Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. Л.: Наука, 1970. С. 72—110.

Третьяков 1982 — *Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. Л.: Наука, 1982. 144 с.

Трубачёв 1961 — *Трубачёв О.Н.* О племенном названии уличи // Вопросы славянского языкознания. 1961. Вып. 5. С. 186—190.

Трубачев 1974 — *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48—67.

Трубачев 1993 — *Трубачев О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М.: Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993. 68 с.

Трубачев 1994 — *Трубачев О.Н.* Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 3—15.

Трубачёв 1999 — *Трубачёв О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Трубачев 2000 — *Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 4—27.

Трубачев 2002 — *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2002. 489 с.

Трубачев 2005 — *Трубачев О.Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 286 с.

Трухачев 1981 — *Трухачев Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1980. М.: Наука, 1981. С. 159—174.

Тупиков 2004 — *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имён. М.: Русский путь, 2004. 904 с.

УС 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Издание подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон; под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. 754 с.

Устюжский летописный свод 1950 — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1950. 128 с.

Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В четырёх томах / Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачёва. Т. II. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в четырёх томах / Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачёва. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Фетисов, Щавелев 2012 — *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Русь и радимичи: история взаимоотношений в X—XI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 5 (13). С. 122—129.

Фетисов, Щавелев 2017 — *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2017. 320 с.

Филин 1980 — *Филин Ф.П.* О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 36—50.

Финно-угры 1987 — Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / Ответственный редактор В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 522 с.

Флеров 1981 — *Флеров В.С.* Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1981. 24 с.

Флеров 2010 — *Флеров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.

Флерова 1997 — *Флерова В.Е.* Граффити Хазарии. М.: УРСС, 1997. 176 с.

Флерова 2001 — *Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2001. 160 с.

Фомин 2005 — *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.

Фомин 2007 — *Фомин В.В.* Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3—17.

Фомин 2008 — *Фомин В.В.* Начальная история Руси. М.: Русская панорама, 2008. 296 с.

Фомин 2009 — *Фомин В.В.* Южнобалтийские варяги в Восточной Европе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 107—125.

Франклин, Шепард 2009 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750—1200 / Авторизованный перевод с английского Д.М. Буланина, Н.Л. Лужецкой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 672 с.

Фроянов 1980 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1980. 256 с.

Фроянов 1991 — *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном Сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 3—15.

Фроянов 1992 — *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 280 с.

Фроянов 1995 — *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.—СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.

Фроянов 1996 — *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. 512 с.

Фроянов 1999 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. 372 с.

Фроянов 2001 — *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. 976 с.

Фроянов 2003 — *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. Ижевск: Удмуртский университет, 2003. 276 с.

Фроянов 2015 — *Фроянов И.Я.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.

Фроянов, Дворниченко 1988 — *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 269 с.

Хабургаев 1979 — *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.: Издательство МГУ, 1979. 232 с.

Халиков 1971 — *Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 272—292.

Халиков 1988 — *Халиков А.Х.* К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань: Институт языка, литературы и истории, 1988. С. 119—126.

Херрман 1988 — *Херрман Й.* Ruzzi. Forsderer liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая по-

ловина IX в.) // Древности славян и Руси: к 80-летию акад. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1988. С. 163—169.

Хроника Фредегара 1995 — Так называемая Хроника Фредегара (фрагменты о славянах) / Перевод и комментарии В.К. Ронина // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М.: Восточная литература, 1995. С. 364—397.

Цветков 2012 — *Цветков С.В.* Князь Рюрик и его время. СПб.: БЛИЦ; М.: Русская панорама, 2012. 296 с.

Цукерман 2001 — *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 59—69.

Чебаненко 2005 — *Чебаненко С.Б.* О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: «поток и разграбление» и «убиение за голову» // Университетский историк. Альманах. СПб., 2005. № 3. С. 5—14.

Чебаненко 2006 — *Чебаненко С.Б.* «Поток и разграбление» у восточных славян в IX веке // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2006. № 4. С. 186—188.

Черепнин 1948 — *Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», её редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948. Вып. 25. С. 293—333.

Черепнин 1965 — *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 128—278.

Черепнин 1972 — *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972. С. 126—251.

Чернягин 1941 — *Чернягин Н.Н.* Длинные курганы и сопки // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 93—134.

Шанский, Иванов, Шанская 1971 — *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Шаров 2013 — *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Выпуск I. Краснодар, 2013. С. 118—155.

Шаскольский 1981 — *Шаскольский И.П.* Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. С. 43—54.

Шафарик 1847 — *Шафарик П.И.* Славянские древности. Т. II. Кн. 1 / Перевод О.М. Бодянского. М., 1847. 454 с.

Шахматов 1911 — *Шахматов А.А.* Споли — исконные соседи славян // Живая старина. Т. 20. СПб., 1911. С. 21—26.

Шахматов 1919 — *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. 64 с.

Шахматов 2001 — *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект, 2001. С. 3—508.

Шахматов 2002 — *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Наука, 2002. 488 с.

Шахматов 2003 — *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI—XII вв. СПб.: Наука, 2003. 1022 с.

Шахматов 2011 — *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 2. Обозрение летописей и летописных сводов XI—XVI вв. СПб.: Наука, 2011. 648 с.

Шинаков 1980 — *Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. 1980. № 3. С. 110—127.

Шинаков 2006 — *Шинаков Е.А.* Переселенческая политика киевских князей в контексте государствогенеза // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора И.Я. Фроянова. М.: Парад, 2006. С. 122—146.

Шинаков 2012 — *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 34—93.

Шинаков 2016 — *Шинаков Е.А.* Что есть «славянское племя»? Ответы на вопросы редакции журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1 (19). С. 17—31.

Шишић 1928 — *Шишић Ф.* Летопис попа Дукљянина. Београд, 1928.

Шмидт 2012 — *Шмидт Е.А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвигня (в свете археологических данных). Смоленск, 2012. 168 с.

Шпилев 2009 — *Шпилев А.Г.* О соотношении «страны славян» Ибн Русте с Северской землей второй трети IX в. // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура // Материалы конференции, посвященной столетию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 52—69.

Штыхов 1992 — *Штыхаў Г.В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў ў паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.

Штыхов 2000 — *Штыхов Г.В.* Формирование Полоцких Кривичей // *Is baltu kulturos istorijos*. Vilnius, 2000. С. 209—218.

Щавелев 2013 — *Щавелев А.С.* Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX—X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 112—121.

Щавелев 2014 — *Щавелев А.С.* Ещё раз об идентификации и локализации славянского «племени» *Λενζανῆνοι/Λενζενίνοι/leđjane* // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI вв.: Призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. М., 2014. С. 424—427.

Щавелев 2014а — *Щавелев А.С.* Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга Картины земли. Сборник в честь И.Г. Коноваловой. М.: Индрик, 2014. С. 323—329.

Щавелев 2016 — *Щавелев А.С.* Еще раз о радимичах и пищанцах: анализ письменных текстов и интерпретация археологических данных // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 190—195.

Щавелев, Фетисов 2014 — *Щавелев А.С., Фетисов А.А.* К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века: Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 7—53.

Щавелева 2004 — *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): Текст, перевод, комментарий. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 495 с.

Щапов 1978 — *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М.: Наука, 1978. 290 с.

Щеглова 2009 — *Щеглова О.А.* Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI—VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2009. С. 39—65.

Щукин 1986 — *Щукин М.Б.* Готы и Готоны, Готискандза и Ойум // X Все-союзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1986.

Щукин 1994 — *Щукин М.Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.

Щукин 1997 — *Щукин М.Б.* Рождение славян // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб., 1997. С. 110—147.

Щукин 2005 — *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

ЭССЯ 8 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 252 с.

Юренко 1985 — *Юренко С.П.* Волынцевская культура // Этнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев: Наукова думка, 1985. С. 116—125.

Юренко 2010 — *Юренко С.П.* Життєвий та науковий подвиг (до століття від дня народження Дмитра Тарасовича Березовця) // Путивльський краєзнавчий збірник. Вип. 6. Суми, 2010. С. 31.

Юшков 1936 — *Юшков С.В.* Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI вв. // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 134—138.

Юшков 1939 — *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1939. 254 с.

Юшков 1940 — *Юшков С.В.* К вопросу о происхождении Русского государства // Ученые записки Московского юридического института. 1940. Вып. II. С. 37—59.

Юшков 1949 — *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 544 с.

Яйленко 1986 — *Яйленко В.П.* Этимологическое различие этнонимов балканских и приднепровских славян-северов // Балканы в контексте Средиземноморья. М., 1986. С. 112—114.

- Якушкин 1986 — *Якушкин П.И.* Сочинения. М.: Современник, 1986. 591 с.
- Яманов 2002 — *Яманов В.Е.* Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 127—136.
- Янин 1996 — *Янин В.Л.* Новгород как социальная структура // Феодалы в городе: Запад и Русь. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 1996. С. 46—58.
- Янин 2001 — *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. 151 с.
- Янин 2003 — *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.
- Янин 2004 — *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 416 с.
- Янин 2007 — *Янин В.Л.* О начале Новгорода // У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 205—212.
- Янин 2008 — *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.
- Янин 2009 — *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.
- Aristov 2018 — *Aristov V.* Why were Radimichi and Vyatichi «of Polish origin»? // *Historické rozhľady* / Ed.: Miroslav Daniš, Lukáš Rybár. Bratislava, 2018. S. 18—25.
- Bierbrauer 1994 — *Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1—7. Jahr. // *Frühmittelalterliche Studien*. Bd. 28. Berlin; New York, 1994.
- Bollnow 1936 — *Bollnow H.* Burg und Stadt in Pommern bis zum Beginn der Kolonisationszeit // *Baltische Studien*. T. 38. Stettin, 1936.
- Bujak 1949 — *Bujak F.* Skąd przyszli Radymięze i Wjatycze na Rus? // *Swiatowit*. T. XX. Warszawa, 1949. P. 59—110.
- Bulin 1958 — *Bulin H.* Německy přínos k dějinám polabských slovanů // *Vznik a počátky slovanů*. D. 3. Praha, 1958.
- Charmoy 1832—1833 — *Charmoy M.* Relation de Mas'ouÿdy et d'autre auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Paris, 1832—1833.
- Cynkałowski 1961 — *Cynkałowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia I Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961.

Czegledy 1973 — *Czegledy K.* Gardizi on the history of Central Asia (746—780 A.D.) // *Acta Orientalia Hungarica*. T. XXVII (3). Budapest, 1973.

Die slaven 1985 — *Die slaven in Deutschland*. Ein Handbuch. Hrsg. J. Herrmann. Berlin, 1985.

Dorn 1875 — *Dorn B.* Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. XII-e série. T. XXIII. № 1. St.-Petersbourg, 1875.

Duczko 2000 — *Duczko W.* Obecność skandynawska na Pomorzu i słowiańska w Skandynawii we wczesnym średniowieczu // *Salsa Cholbergensis: Kołobrzeg w średniowieczu* / red. L. Leciejewicz, M. Rębkowski. Kołobrzeg, 2000.

Dulnicz 1999 — *Dulnicz M.* Uwagi o początkach osrodków handlowych na południowym brzegu Bałtyku (VIII—IX w.) // *Centrum i Zaplecze We Wczesnośredniowiecznej Europie Środkowej* / red. S. Moździoch. Wrocław, 1999.

Filiopwiak 1997 — *Filiopwiak W.* Wollin (Wolin) und Kammin (Kamień Pomorski) im frühen Mittelalter // *Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum*. Bd. I: Stand, Aufgaben und Perspektiven / hrsg. von M. Gläser. Lübeck, 1997.

Filiopwiak 2004 — *Filiopwiak W.* Some aspects of the development of Wolin in the 8th—11th centuries in the light of the results of new research // *Polish Lands at the Turn of the First and the Second Millennium* / red. P. Urbańczyk. Warsaw, 2004.

Fokt 2007 — *Fokt K.* Lędzanie — how far from the Empire? // *Byzantium, new peoples, new powers: the Byzantino—Slav contact zone, from the ninth to the fifteenth century* / Ed. M. Kaimakamova, M. Salamon. Kraków, 2007.

Garipzanov 2006 — *Garipzanov I.* The annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // *Ruthenica*. 2006. № 5. S. 7—11.

Głosik 1959—1960 — *Głosik J.* Archeologiczne badania powierzchniowe w r. 1956 nad Bugiem w okolicy Hrubieszowa // *Wiadomości Archeologiczne*. T. 26. Z. 3—4. 1959—1960.

Göckenjan, Zimonyi 2001 — *Göckenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ğayhānī—Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, udūd al-‘Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī) / *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. Bd. 54. Wiesbaden, 2001.

Godłowski 1979 — *Godłowski K.* Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian v V—VI w. n.e. Kraków, 1979.

Godłowski 1981 — *Godłowski K.* Kultura przeworska // Prahistoria ziem Polskich. T. V. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981.

Godłowski 1985 — *Godłowski K.* Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, Gdańsk, Łódź, 1985.

Gołąb 1984 — *Gołąb Z.* Old Bulgarian Sěver (?) and Old Russian Sěverjane // Wiener slavistisches Jahrbuch 30. 1984.

Hachmann 1970 — *Hachmann R.* Die Goten und Scandinavien. Berlin, 1970.

Harkavy 1876 — *Harkavy A.* Travaux de la III-e Session du Congrès international des Orientalistes. T. 2. SPb., 1876.

Harkavy 1881 — *Harkavy A.* Ya. Sur un passage des «Prairies d'Or» de Maçoudi concernant l'histoire ancienne de Slaves. St—Petersbourg, 1881.

Hauptmann 1925 — *Hauptmann L.* Dolazak hrvata // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925.

Herrmann 1968 — *Herrmann J.* Siedlung. Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder — Neisse una Elbe. Berlin, 1968.

Howard—Johnston 2000 — *Howard-Johnston J.* The De administrando imperio: a Re-examination of the Text and a Re—evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par M. Kazanski, A. Necessian et C. Zukerman / Réalités Byzantines. 7. Paris, 2000.

Jamka 1933 — *Jamka R.* Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej // Przegląd archeologiczny. T. V. Z. 1. Poznan, 1933. S. 59—60.

Kazanski 1999 — *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (I-er — VIIe siècle après J.—C.). Paris, 1999.

Kiersnowski 1956 — *Kiersnowski R.* Główne momenty rozwoju środków wymiany na Pomorzu wczesnofeudalnym // Wiadomości Archeologiczne. T. 23. 1956.

Kiersnowski 1959 — *Kiersnowski R.* Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Pomorza. Warszawa, 1959.

Kmieciński 1962 — *Kmieciński J.* Zagadnienie tzw. kultury gocko—gepidzkiej na Pomorzu Wschodnim w okresie wczesnorzymskim. Łódź, 1962.

Kostrzewski 1966 — *Kostrzewski J.* Pradzieje Pomorza. Wrocław, 1966.

Kowalenko 1950 — *Kowalenko W.* Starosłowiańskie grody portowe na Bałtyku // Przegląd Zachodni. R. 6. Z. 5—6. 1950.

Kowalenko 1953 — *Kowalenko W.* Dalsze badania nad starosłowiańskimi portami na Bałtyku w IX—XIV wieku. Poznań, 1953.

Kowalski 1946 — *Kowalski T.* Relacją Ibrahima ibn Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrego. Kraków, 1946.

Kuczyński 1958 — *Kuczyński S.M.* Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII // *Slavia Orientalis*. 2. 1958.

Kuczyński 1962 — *Kuczyński S.* Wschodnia granica państwa polskiego w X wieku przed rokiem 980 // *Początki państwa Polskiego*. T.1. Poznań, 1962.

Labuda 1948 — *Labuda G.* Okres «wspólnoty» słowiańskiej w świetle źródeł I tradycji historycznej // *Slavia Antiqua*. I. Poznań, 1948.

Labuda 1960 — *Labuda G.* Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1960.

Labuda 1988 — *Labuda G.* Studia nad początkami państwa Polskiego. T. 2. Poznań, 1988.

Leciejewicz 1962 — *Leciejewicz L.* Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław, 1962.

Lehr—Splawiński 1959 — *Lehr-Splawiński T.* Lędzice — Lędzanie — Lachowie // *Opuscula Casimiro Tymieniacki septuagenario dedicate*. Poznań, 1959.

Lehr—Splawiński 1961 — *Lehr-Splawiński T.* Najstarsze nazwy plemion polskich w obcych źródłach // *Język Polski*. T. 41. Kraków, 1961.

Lelewel 1852 — *Lelewel L.* La géographie du Moyen Âge. T. 3. Bruxelles, 1852.

Lewicki 1940/1950 — *Lewicki T.* Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich // *Slavia Antiqua*. T. 2. Poznań, 1940/1950.

Lewicki 1948 — *Lewicki T.* Państwo wiślan-chorwatów w opisie al-Mas'udī'ego // *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*. T. 49. 1948.

Lewicki 1951 — *Lewicki T.* Zagadnienie Gotyv na Krymie // *Przegląd Zachodni*. T. VII. № 5/8. Poznań, 1951.

Lewicki 1955 — *Lewicki T.* Obrzędy pogrzebowe pogańskie Słowian // *Archeologia*. T. 5. 1955.

Lewicki 1956 — *Lewicki T.* Jeszcze o wieletach w opisie Słowiańszczyzny arabskiego pisarza X w. Al—Mas’udiego // *Pamiętnik Słowiański: Czasopismo naukowe poświęcone słowianoznawstwu.* Kraków, 1956.

Łowmiański 1953 — *Łowmiański H.* Lędzanie // *Slavia Antiqua.* T. 4. Poznań, 1953.

Łowmiański 1962 — *Łowmiański H.* Poszątki Polski. T. I. Warszawa, 1962.

Łowmiański 1964 — *Łowmiański H.* Poszątki Polski. T. II. Warszawa, 1964.

Marquart 1903 — *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Mikkola 1921 — *Mikkola J.* L’avance des Slaves vers la Baltique // *Revue des études slaves.* 1921. Vol. 1. No. 3/4. S. 198—203.

Miklosich 1860 — *Miklosich F.* Die Bildung der slavischen Personennamen / Denkschriften der Tiener Akademie der Wissenschaften. 1860. Bd. X. 118 p.

Miklosich 1886 — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Miquel 1975 — *Miquel A.* La Géographie humaine du monde musulman jusq’ua milieu du XI—e siècle. Paris, La Haye, 1975.

Niederle 1924 — *Niederle L.* Slovanske starozitnosti. T. IV. Praha, 1924.

Nowakowski 1972 — *Nowakowski A.* Górne Pobuże w wiekach VIII—XI. Zagadnienia kultury. Łódź, 1972.

Olczak, Siuchninski 1966—1968 — *Olczak J., Siuchninski K.* Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnosredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa koszalińskiego. T. 1—2. Poznań, 1966—1968.

Ostrowski 2008 — *Ostrowski D.* Where was Rurik’s first seat according to Povest’ vremennykh let? // *ДРБМ.* 2008. № 3 (33). S. 47—48.

Otrębski 1960 — *Otrębski J.* Rusь // *Lingua Posnaniensis.* 1960. 8. P. 219—227.

Parczewski 1991 — *Parczewski M.* Początki kształtowania się polsko—ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni. Kraków, 1991.

Parczewski 1996 — *Parczewski M.* Początki sąsiedztwa polsko—rusko—słowackiego w świetle danych archeologicznych // *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko—rusko—słowackie w średniowieczu,* pod red. M. Parczewskiego i S. Czopka. Rzeszów, 1996.

Parczewski 2007 — *Parczewski M.* Problem Lędzian a kształtowanie się polsko—ruskiej rubieży etnicznej // U źródeł Europy środkowo—wschodniej: pogranicze polsko—ukraińskie w perspektywie badań archeologicznych / Red. M. Dębiec, M. Wołoszyn. Rzeszów, 2007.

Poppe 1964 — *Poppe A.* Grody Czerwieńskie // Słownikstarożytności słowiańskich. T. 2. Wrocław etc., 1964.

PVL 2003 — *The Pověst' vremennykh lět: An Interlinear Collation and Paradosis* / Ed. by Donald Ostrowski // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. X. Part 1. Cambridge, Massachusetts, 2003.

Rozenkranz 1962 — *Rozenkranz E.* Początki i ustrój miast Pomorza Gdańskiego do schyłku XIV stulecia. Gdańsk, 1962.

Schmidt 1934 — *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Bd. I. München, 1934.

Schuldt 1963 — *Schuldt E.* Die Ausgrabungen im Gebiet der «2 Alten Burg» vom Sukov, Kreis Teterow // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg: Jahrbuch 1963. Meklenburg, 1963.

Skrzypek 1962 — *Skrzypek J.* Studia nad pierwotnym pograniczem polsko—ruskim w rejonie Wołynia i Grodów Czerwieńskich. Warszawa, 1962.

Szczecin i Wolin 1954 — *Szczecin i Wolin we wczesnym średniowieczu.* Wrocław, 1954.

Szymański 1966 — *Szymański W.* Posąg ze Zbrucza i jego otoczenie. Lata badań, lata wątpliwości // Przegląd Archeologiczny. T. 44. Warszawa, 1966.

Togan 1939 — *Validi Togan A.Z.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939. 336 s.

Tymieniecki 1946 — *Tymieniecki K.* Lędzicze (Lechichi), czyli Wielkopojlka w wieku IX // Przegląd zachodni. T. 2. Poznań, 1946.

Tyszkiewicz 1970 — *Tyszkiewicz J.* Radymicze // Słownik starożytności słowiańskich. T. 4. P—R. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. P. 455—457.

Wasilewski 1967 — *Wasilewski T.* Dulebowie-Ledzianie-Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // Przegląd Historyczny. R. 67. № 2. Warszawa, 1967. S. 181—194.

Westberg 1898 — *Westberg F.* Ibrāhīm Ibn Ja'kūb's Reisebericht über die Slawenländer aus dem Jahre 965. Sankt-Petersburg, 1898.

Widajewicz 1946 — *Widajewicz J.* Studia nad relacją o Słowianach Ibrahima ibn Jakuba. Kraków, 1946.

Widajewicz 1951 — *Widajewicz J.* Masudi o Wioletach // *Pamiętnik Słowiański*. T. 2. Kraków; Wrocław, 1951.

Wojciechowski 1939 — *Wojciechowski Z.* Polska nad Wisłą i Odrą w X wieku. Katowice, 1939.

Wołągiewicz 1981 — *Wołągiewicz R.* Kultura wielbarska — problemy interpretacji etnicznej // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 79—102.

Wołągiewicz 1986 — *Wołągiewicz R.* Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur // *Archeologica Baltica*. T. VII. Łódź, 1986.

Wołągiewicz 1987 — *Wołągiewicz R.* Kręgi kamienne u Grzybnicy. Koszalin, 1987.

Zakharow, Arendt 1935 — *Zakharow A., Arendt W.* Studia Levedica // *Archeologia Hungarica*. T. XII. Budapest, 1935.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ НА ВОЛЫНИ.....	8
I. Проблема локализации земли Oium и «племени» (gens) Spali в труде Иордана «О происхождении и деяниях гетов».....	8
II. Скандинавская прародина готов, их переселение на юг Балтики.....	24
III. Миграция готов к Чёрному морю. Овладение землёй Ойум (Oium) и война со спалами (Spali).....	30
IV. Дулебский этнополитический союз и аварское нашествие	43
V. Этнополитический союз волянян. Проблема атрибуции В.линана ал-Мас'уди	51
Глава II. ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ПО ПИСЬМЕННЫМ И АР- ХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ	64
I. Проблема этнической атрибуции носителей именьковской культуры в науке 1950—2000-х гг.....	64
II. Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения	71
III. Славяне Среднего Поволжья в арабских источниках	74
IV. Славяне Среднего Поволжья в хазарских источниках	86
V. Этнонимия славян Среднего Поволжья.....	90
Глава III. КРИВИЧИ	106
I. О соотношении летописных «кривичей» и «полочан».....	106
II. Псковские кривичи	123

Глава IV. РАДИМИЧИ (ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ).....	139
I. Историографические стереотипы о радимичах и реалии социально-политической истории.....	139
II. Локализация радимичей.....	152
III. Происхождение радимичей.....	160
IV. Радимичи «от ляхов» и лендзяне Константина Багрянородного.....	172
Глава V. СЛАВЯНСКАЯ ЗНАТЬ ДОГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭПОХИ, ПО ДАННЫМ НАЧАЛЬНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ.....	189
Глава VI. РУССКИЙ КАГНАТ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ О РУСАХ.....	210
Глава VII. СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В НАЧАЛЬНОМ РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ.....	246
I. «Новгородско-ладожская» альтернатива начального летописания и варианты её решения в историографии.....	246
II. «Новгородско-ладожская» альтернатива: соотношение вариантов в летописных списках и вопрос о чтении протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей.....	259
III. «Новгородско-ладожская» альтернатива и некоторые исторические реалии середины IX в.	276
Глава VIII. ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И РЕФОРМЫ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.....	284
I. Первый этап восточнославянского политогенеза. Формирование этнополитических союзов.....	284
II. Второй этап восточнославянского политогенеза. Формирование объединений из нескольких славиний.....	292
III. Третий этап восточнославянского политогенеза. Формирование в Среднем Поднепровье поляно-варяжской политики и объединение славиний Восточной Европы вокруг Киева.....	300

IV. Реформы княгини Ольги. Создание системы погостов.....	305
Понимание учёными погостов как центров торговли и административного управления	311
Понимание историками погостов как центров феодального властвования и финансово-административных округов	314
Дискуссия И.Я. Фроянова и М.Б. Свердлова о реформах Ольги, погостах и становищах	317
Территориальный охват реформ Ольги	321
Выводы.....	322
V. Реформы Ольги и древнерусское градообразование	325
Глава IX. НАРОД И ВЛАСТЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ (ОТ «ПЛЕМЕННЫХ» НАРОДНЫХ СОБРАНИЙ ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ)	331
ЛИТЕРАТУРА	376

Научно-популярное издание
В поисках утраченного наследия

Жих Максим Иванович

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ НАКАНУНЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Выпускающий редактор *С.Э. Ласточкин*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *И.В. Хренов*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.12.2019. Формат 70 × 100^{1/16}.
Гарнитура «BalticaС». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 28. Тираж 600 экз. Заказ .